

Министерство культуры Калужской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Калужской области
«Калужский объединенный музей-заповедник»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы
XVII Всероссийской научной конференции,
посвященной 205-летию Отечественной войны 1812 года
и 170-летию Калужского губернского музеума

Калуга
2019

Художник
В. М. Т и п и к и н

В 74 **Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья:** материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвященной 205-летию Отечественной войны 1812 года и 170-летию Калужского губернского музея. Калуга, 11–13 апреля 2017 г.—Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2019.—294 с.

ISBN 978-5-907177-03-1

Сборник включает материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвященной 205-летию Отечественной войны 1812 года и 170-летию Калужского губернского музея, проходившей 11–13 апреля 2017 г. в Калужском объединенном музее-заповеднике и посвященной результатам исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России.

Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63А(2)

ISBN 978-5-907177-03-1

© ГБУК КО «Калужский объединенный музей-заповедник», 2019
© Авторы публикаций, 2019
© Издатель Захаров С. И. («СерНа»). Оформление, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Бессонов В. А.</i> Калужский губернский музей. Формирование музейной культуры на Калужской земле	6
<i>Добychина М. А.</i> Предпосылки становления архивной службы в Калужской губернии (конец XIX—первая четверть XX в.).	13
<i>Стрельцов А. Б.</i> Экологические проблемы Калужской области и пути их решения	19

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Чубур А. А.</i> Брянские ихтиоптеригии и завроптеригии у Калужского побережья Фенно Сарматии	23
<i>Екимов Ю. Г.</i> Стратиграфия археологического комплекса Каменка-1 (к вопросу о культурах эпохи бронзы в меридиональном течении Верхней Оки)	27
<i>Болдин И. В.</i> Новые находки булав на территории Калужской области	32
<i>Батова П. Р., Аралов А. В.</i> Osteологическое исследование фауны древнерусских поселений на Куликовом поле	34
<i>Пуцко В. Г.</i> Художественное литье XV–XVII вв. из находок в окрестностях Калуги	37
<i>Стародубцев Г. Ю.</i> Находка иконки Богоматери Оранты на Люшинском поселении.	43
<i>Зацаринный С. В.</i> О почитании в Туле преподобного Тихона Калужского чудотворца в конце XIX—начале XX в. (по находкам культовых предметов в исторической части города)	46
<i>Колоколов А. М.</i> Серия оружейных кремневых микролитов из раскопок Тульского кремля.	51

ИСТОРИЯ

<i>Савосичев А. Ю.</i> Церковная инфраструктура Орловского уезда в конце XVI столетия	56
<i>Штена А. В.</i> Социальное происхождение, образование и возрастные характеристики калужских архиереев в первой половине XIX в.	57
<i>Бессонов В. В., Коваленко Е. О.</i> К истории Одигитриевской что на Песку церкви в Калуге	63
<i>Кошелев В. Е.</i> Орловская духовная консистория в пореформенную эпоху XIX в.	65
<i>Бауэр А. А.</i> Епископ старообрядческой церкви Лукиян (Абрамкин): новые данные о жизни и трудах нашего земляка	66
<i>Кожевникова Н. И.</i> Калужские купцы и мещане — помощь действующей армии в Отечественной войне 1812 года	71
<i>Лошкарева Н. П.</i> Как купцы Меренковы в 1857 г. «подожгли» Боровск?	75
<i>Вещев М. Ю.</i> Фабричное производство в с. Троицкое Тарусского уезда во II половине XIX в.	82
<i>Ковалев А. В.</i> Комитет Л. П. Офросимовой и заготовка в Калужской губернии обуви для солдат в период русско-японской войны 1904–1905 гг.	87
<i>Васильева З. В.</i> Перводумцы Калужской губернии (К 110-летию Первой Государственной думы).	91
<i>Абакулов В. И.</i> Село Заборовская Слободка Перемышльского уезда и его владельцы	97

<i>Красин В. М.</i> Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде: политический эмигрант из Османской империи в Калуге в годы Первой мировой войны	106
<i>Зиновкина Н. В.</i> Калужские страницы биографии В. В. Глаголева (по документам Государственного архива Калужской области)	109
<i>Зимнухова О. Н.</i> Роль В. В. Асонова в жизни и увековечивании памяти К. Э. Циолковского	112
<i>Максимовская Н. А., Архипцева Е. В.</i> К вопросу о сохранении березы, посаженной К. Э. Циолковским в 1934 г.	119
<i>Кондратьев Ю. В.</i> Из истории калужской деревни середины 1920-х гг. (по материалам Медынского уезда)	122
<i>Лебедев А. Г.</i> Из истории создания и начала деятельности органов ЧК Калужской губернии	124
<i>Тремпольцев А. И.</i> Репрессии на Малоярославецкой земле в лицах и документах	127
<i>Щебикова Е. А.</i> История сельских школ Малоярославецкого уезда в исторической ретроспективе	136
<i>Прохоровский А. В.</i> Страницы жизни Касьяна Андреевича Поленкова, архивиста, краеведа, участника Великой Отечественной войны	145
<i>Нефедов Ю. А.</i> Калуга — в последний час	148
<i>Мосягин М. Н.</i> К вопросу о потерях Красной Армии в боях за Зайцеву гору (февраль 1942 — март 1943 г.)	151
КУЛЬТУРА	
<i>Пуцко В. Г.</i> Михаило-Архангельская церковь в Калуге (по следам утраченного)	156
<i>Зверева М. В.</i> Этот удивительный мир Пиранези... К вопросу об атрибуции западноевропейской гравюры	171
<i>Гужова И. В.</i> К истории создания скульптурных групп «Конь с водничим» К. П. Клодта из собрания Калужского музея изобразительных искусств	174
<i>Заложных Ю. С.</i> Творческое наследие художников-передвижников: произведения В. Е. Маковского в собрании Калужского музея изобразительных искусств	178
<i>Корнелюк Э. А.</i> Образ и эпоха. Женский портрет в коллекции Калужского музея изобразительных искусств	186
<i>Роянова Г. И.</i> Политические сюжеты на спичечных этикетках периода 20–50 гг. XX в.	190
<i>Ефименкова М. А.</i> Богоявленская улица — церковный центр Калуги и губернии в XIX в.	194
<i>Маркина И. В.</i> История возникновения сквера на площади, окружавшей Свято-Троицкий кафедральный собор (по материалам ГАКО)	198
<i>Гущина Н. В.</i> Памяти доктора медицины Ивана Ивановича Дубенского	203
<i>Семочкина О. В., Семочкин Н.</i> Неизвестные фотографии А. Л. Чижевского	207
<i>Черников А. П.</i> Русская природа в поэзии К. Романова	216
<i>Заборских А. Г., Коноплева Е. А.</i> История и настоящее семейного художественного промысла глиняной игрушки деревни Хлуднево	225
<i>Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В.</i> Приборы для измерения веса в контексте культуры и ремесла (безмены Калужского края)	231
<i>Зорин А. А.</i> Деревянные наличники Калуги и области	239

<i>Колоболоцкий С. В.</i> Элементы дохристианской обрядности в праздновании Масленицы в Калужском крае	245
<i>Зубкова И. А.</i> Елка в свадебном обряде Калужского края	250
<i>Кориунов А. С.</i> «Брынь-проект» как базис для музея «Брынь»	255
<i>Кундельский В. Л., Иванова Т. А.</i> Из истории развития детского спортивного туризма в Калужской области	258
<i>Зырянов В. В.</i> Малоярославецкое сражение Отечественной войны 1812 года и политика памяти: обзор коммеморативных практик в русской культуре	267

ПРИРОДА

<i>Меленчук В. И., Черников К. В.</i> Некоторые особенности каптажей родников и источников Калужской области и связанные с ними проблемы	268
<i>Попченко М. И.</i> Подмаренник трехтычинковый в Верхнем Поочье.	272
<i>Александров В. В., Галемина И. Е., Рулева О. А.</i> Наземные моллюски в лесных биотопах города Калуги	275
<i>Алексеев С. К., Перов В. В.</i> Список жуков-короедов (Coleoptera: Curculionidae: Scolytinae) Калужской области.	279
<i>Попов Е. А.</i> Сезонная динамика биомассы птиц в воздушном пространстве аэродрома Калуга (Грабцево) в период 2015–2016 гг.	281
<i>Швец О. В., Чеворыкина Е. Ю.</i> Современное состояние фауны гнездящихся птиц г. Тулы	285
<i>Галченков Ю. Д.</i> История «петровской» популяции зубров	288

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

КАЛУЖСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ МУЗЕУМ. ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

В. А. Бессонов,

*кандидат исторических наук, генеральный директор
Калужского объединенного музея-заповедника*

Появление первого музея и его дальнейшая судьба является одним из важных вопросов в истории формирования музейной культуры и функционирования музеев на территории Калужского края. Традиционно считается, что первый музей был открыт 20 апреля 1897 г.¹ при Калужской ученой архивной комиссии в древнейшем здании города — палатах купцов Коробовых, построенных в конце XVII в.² Этот вывод всецело основывается на статье правителя дел Архивной комиссии Ивана Даниловича Четыркина об открытии музея, в которой автор связывает появление музея исключительно с деятельностью членов комиссии, выступающих пионерами музейного дела³.

Музей при Ученой архивной комиссии получил название Калужский губернский исторический музей. После революционных событий в 1922 г. он был переименован в Исторический музей в память 5-й годовщины Октябрьской революции. В 1925 г. при объединении трех калужских музеев появился Калужский государственный областной музей с тремя отделами: историческим, художественным и естественно-историческим. В документах и изданиях он писался как Калужский государственный музей или Калужский областной музей⁴. После упразднения Калужской губернии и образования с 1 октября 1929 г. Калужского округа, а затем с 1 сентября 1930 г. Калужского района музей изменил свое название. К 1931 г. он стал называться Калужским краевым базовым государственным музеем, при этом использовался штамп с названием Калужский государственный краевой музей. В делопроизводственных документах можно встретить варианты названия музея: Калужский базовый краевой госмузей, Калужский краевой базовый госмузей, Калужский краевой госмузей, Калужский госмузей. В конце 1930-х гг. музей получает название Калужский краеведческий музей, которое было зафиксировано на штампе. При этом в переписке 1941 г. встречается вариант названия Калужский районный краеведческий музей⁵. С образованием 5 июля 1944 г. Калужской области музей переименовывается в Калужский областной краеведческий музей⁶. С таким названием он просуществовал до 13 января 2000 г., когда был переименован в Калужский государственный объединенный краеведческий музей. Но уже 18 июня 2004 г. музею вновь вернули название Калужский областной краеведческий музей.

Современный этап развития музея начался в 2013 г., с заседания Правительства Калужской области 24 сентября в усадьбе Полотняный Завод. Именно тогда губернатор Калужской области Анатолий Дмитриевич Артамонов высказался в пользу преобразования классического музея, выполняющего функции хранения и популяризации культурных ценностей, в музей-заповедник, который,

---

¹ Даты до 31 января 1918 г. приводятся по старому стилю.

² См. например: *Лысцева И. В.* Роль Калужской ученой архивной комиссии в развитии общественного краеведения и музейного дела в Калужском крае: 1891–1918 // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тезисы докладов 4-й историко-архитектурной конференции в г. Калуге. Калуга, 1991. С. 68–71.

³ *Четыркин И. Д.* Открытие Калужского губернского исторического музея, состоящего при Ученой архивной комиссии 20 апреля 1897 г. // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1897. № 5. С. 100–110.

⁴ *Извеков В. И., Шереметева М. Е.* Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Государственного музея. Калуга, 1929. С. 3. Штамп музея и варианты написаний смотри, например: ГАКО. Ф. Р-2879. Оп. 3. Д. 18. Л. 47, 54; Д. 29. Л. 16; Д. 36. Л. 19, 54.

⁵ Штамп музея, бланк и варианты написаний смотри, например: ГАКО. Ф. Р-2879. Оп. 3. Д. 27. Л. 10; Д. 74. Л. 2, 4, 11, 16, 24, 31; Д. 95. Л. 80; Д. 97. Л. 34; Д. 98. Л. 47, 53, 63; Д. 105. Л. 16, 17, 36, 90, 95.

⁶ *Роянова Г. И.* Калужский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы X Региональной научной конференции. Калуга, 2003. С. 407.

помимо этих функций, законодательно наделен полномочиями сохранять объекты культурного наследия, исторические территории, сложившийся традиционный уклад жизни, поддерживать промыслы и ремесла, создавать туристскую инфраструктуру и развивать туризм. Этот проект был реализован в 2016 г. 12 февраля в Калужской области появился музей нового современного и перспективного формата — Калужский объединенный музей-заповедник.

Как видно, хорошо прослеживается прямая преемственность от Исторического музея при Калужской ученой архивной комиссии 1897 г. до Калужского объединенного музея-заповедника 2016 г. Но анализ архивных документов, опубликованных материалов и фондовых коллекций показал, что музей при Архивной комиссии не появился на пустом месте и не стоял у истоков музейной культуры. Он сам являлся преемником более раннего музейного образования — Калужского губернского музеума, появившегося в городе еще в 1847 г.

С сожалением приходится констатировать, что в Государственном архиве Калужской области не сохранилась достаточная для всестороннего анализа документация по истории первого музея. Удалось выявить лишь одно дело в фонде Калужского губернского предводителя дворянства (ф. 260) под следующим делопроизводственным заглавием: «54-е дело 1846 г. О Калужском Губернском Музеуме. Нач[ато] 21 декабря 1846 г.»¹.

Инициатором создания музея в Калуге выступил гражданский губернатор Николай Михайлович Смирнов, уделявший значительное внимание развитию культурной жизни губернии². 9 августа 1847 г. он обратился к министру внутренних дел графу Льву Алексеевичу Перовскому с представлением, в котором писал: «В Калужской губернии, как мне известно, у многих лиц находятся разные редкости, найденные в сей губернии, как то: старинные монеты, окаменелости, древняя оружия, кубки и тому подобное, и некоторыя из сих лиц столь мало ценят сии предметы, что готовы их пожертвовать. Сие дало мне мысль, что весьма было бы удобно учредить губернский музеум, без всякого пожертвования со стороны Правительства. Сей музеум, без всякого сомнения, будет первоначально весьма незначительным, но он понемногу наполнится и может даже со временем сделаться замечательным.

Устройство такого губернского музеума будет иметь еще ту пользу, что сохранит многие древние и любопытные предметы, которые ныне уничтожаются от невнимания к ним тех лиц, коим они случайно достались, ибо вероятно сии лица, когда учредится губернский музеум, пожертвуют ему сими предметами.

Я имею честь так же представить, что в Калуге находится один древний дом, двухэтажный каменный, дом, который столь хорошо сохранился в наружных даже украшениях, что весьма легко будет возобновить его в древнем стиле. Сей дом будет куплен и пожертвован одним лицом для музеума, если устройство онаго приведется в исполнение.

Представляя сей проект на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, осмеливаюсь испрашивать разрешения на учреждение в Калуге губернского музеума и на установление правилом, чтобы сей музеум находился под ведением Дворянского депутатского собрания и чтоб начальник Калужской губернии и губернский предводитель дворянства, были всегда попечителями сего заведения»³.

В этом документе Смирнов представил хорошо продуманную и подготовленную к реализации программу создания музея. В первую очередь он указал источники комплектования музейных фондов. Это — жители губернии, в чьих руках находятся старинные вещи и которые готовы их пожертвовать.

Сохранившиеся записки путешественников, в разное время посещавших Калужскую губернию, косвенно подтверждают утверждение губернатора о том, что у многих калужан хранятся «разные редкости». Так, адъютант Санкт-Петербургской академии наук Василий Федорович Зуев, посетивший в ходе научной экспедиции территорию Калужской губернии летом 1781 г., описывая в своих записках пребывание в деревне Чернишня, отмечал: «Мужики, узнав меня, что я собираю каменья

¹ ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1112.

² Калужские губернаторы: биобиблиографические очерки. Калуга, 2001. С. 89–91.

³ ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1112. Л. 6–8.

и другие натуральные вещи, оказались сами минералогами и наносили мне довольно большое число разных камней издавна у себя за диковинку хранимых»¹. Эти окаменелости крестьяне собирали по берегам реки Чернишни. В свою очередь, доктор Оттон фон Гун, проезжавший в сентябре 1805 г. через Калужскую губернию в Малороссию в свите графа А. К. Разумовского, в записках писал: «В проезд мой через Калугу имел я удовольствие познакомиться с аптекарем Рудольфом², сколько честным в общежитии человеком, столько же и искусным в своем деле; от него получил я в подарок несколько слоновых костей, находимых около города»³. Посетивший Калугу спустя двадцать лет известный писатель, этнограф и коллекционер Павел Петрович Свиньин указал, что «минц-кабинеты находятся в Калуге у купцов: Василия Ивановича Трубаева (так в тексте. — В. Б.), Ивана Васильевича Золотарева и бывшего батальонного казначея Николая Лукича Луполова»⁴.

Не менее важным в представлении Смирнова было определение источников содержания музея и места его размещения. Губернатор не предполагал использование на музей государственных средств, а полагался на пожертвования калужан и покровительство дворянства. Не случайно он указывал, что музей должен был состоять в ведении Дворянского собрания. Что касается здания, то показанный в документе «древний дом» — это, несомненно — палаты Коробовых. И здесь Смирнов всецело полагается на пожертвование со стороны частного лица, имя которого не называет, но ясно дает понять, что человек этот готов оказать поддержку проекту, если он получит одобрение Правительства.

По сути, Смирнов в 1847 г. разработал концепцию создания музея, которая сохранила свою актуальность на протяжении последующих лет, до открытия музея при Калужской ученой архивной комиссии в палатах Коробовых. В своем проекте открытия первого в губернии музея Смирнов значительное место отдал Дворянскому собранию. Но не как инициативному участнику, а скорее, исполнителю решений губернатора. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, отправив представление министру внутренних дел 9 августа 1847 г., Смирнов сообщил об этом исправлявшему должность губернского предводителя дворянства Константину Ивановичу Сорохтину «для сведения» лишь 31 октября, когда в Калуге было получено высочайшее соизволение на учреждение в Калуге губернского музеума⁵.

Это соизволение было обнародовано в предписании министра внутренних дел Перовского губернатору от 17 октября 1847 г. Министр сообщал, что с направленным от Смирнова представлением он входил в Комитет министров и «ныне Государь император, по положению сказанного Комитета, высочайше повелеть соизволил разрешить учреждение в г. Калуге губернского музеума на предложенных Вами основаниях». В заключение предписания министр сообщил: «О таковом Высочайшем повелении, объявленном мне выпискою из журналов Комитета гг. министров 30 сентября и 14 сего октября уведомляю Вас для зависящего с Вашей стороны распоряжения»⁶.

С этого момента началось создание первого музея в Калуге. Получив сведения об учреждении губернского музеума, Сорохтин 4 ноября 1847 г. сообщил губернатору, что эту информацию он доведет до сведения дворян, которые приедут в Калугу на съезд для губернских выборов. При этом исправлявший должность предводителя высказал надежду, что «дворянство Калужской губернии,

¹ Зуев В. Ф. Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 20.

² Рудольф Андрей Иванович, аптекарь, оставивший значительный след в истории Калуги. Родом из Гамбурга. Проживал в России с 1768 г. В 1780 г. в Калуге открыл первую гражданскую (вольную) аптеку (Старо-Калужскую), которая существует в городе до сегодняшнего дня. Рудольф, единственный из 99 иностранцев, живших в Калужской губернии, владел собственным каменным домом, где и располагалась аптека (ныне предположительно ул. Московская, 19). Был женат, имел трех сыновей и дочь. В 1812 г. аптека Рудольфа занималась снабжением лекарствами Калужского военно-временного госпиталя (ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 432. Л. 328–329, 388–389; Морозова Г. М. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993. С. 171).

³ Гун О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 г. М., 1806. Ч. 1. С. 12.

⁴ Свиньин П. П. Извлечение из археологического путешествия по России Павла Свиньиного в 1825 г. // Труды и записки Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. М., 1826. Ч. 3. С. 186.

⁵ ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1112. Л. 5–6.

⁶ Там же. Л. 9.

движимое всегда готовностью к общепользующей пользе пожертвует музею разными древними и любопытными редкостями, какие у кого имеются»¹.

В свою очередь, 12 декабря 1847 г. губернатор направил уездным предводителям дворянства информацию об учреждении по высочайшему соизволению при Дворянском собрании Калужского губернского музея и призвал дворян жертвовать для него разные редкости. Аналогичное предложение, адресованное жителям городов, было направлено 31 декабря городничим и калужскому полицмейстеру².

Первым на этот призыв откликнулся мешковский предводитель дворянства Иван Исидорович Толмачев. При отношении от 12 января 1848 г. он препроводил в Дворянское собрание найденные у реки Серены две окаменелости дерева, часть лопаточной кости «значительной величины», рог или клык «какого-то допотопного животного», а также серебряную и десять медных старинных российских монет, серебряную и медную иностранные монеты. В заключение отношения Толмачев писал: «В случае ненадобности из них каких-либо покорнейше прошу возвращать их мне; так как я приносил по усердию своему к снабжению музея — чем могу, а не от излишества, и может быть, со временем присоединю другие интереснейшие пожертвования»³.

Учреждение музея пришлось на период очередных выборов в Дворянское собрание, которые проходили в конце 1847 г. Поэтому к 13 января 1848 г., когда в Дворянское собрание поступило отношение Толмачева и первые музейные предметы, еще не завершилась процедура вступления в должность нового предводителя дворянства Василия Дмитриевича Мещеринова. Должность предводителя в это время исправлял предводитель дворянства Калужского уезда Петр Александрович Квашнин-Самарин. Получив пожертвованные редкости и не зная, что с ними делать, он решил препроводить их инициатору создания губернского музея — губернатору Смирнову. 22 января он направил ему отношение, в котором, ссылаясь на информацию о предстоящем приобретении для музея дома, написал: «Почему означенные вещи, присланные мешковским г[осподином] уездным предводителем дворянства, имею честь препроводить при сем к вашему пре[восходительст]ву; о получении коих покорнейше прошу меня уведомить». Одновременно, 22 января, Квашнин-Самарин сообщил Толмачеву о получении предметов и передаче их губернатору⁴.

Но Смирнов иначе смотрел на процесс создания губернского музея и 3 февраля 1848 г. дал исправлявшему должность предводителя дворянства соответствующие разъяснения. «Имею честь, — писал губернатор, — уведомить вас, милостивый государь, что предполагаемый для музея дом еще не куплен и посему считаю долгом возвратить доставленные ко мне пожертвованные в губернский музей мешковским уездным предводителем дворянства вещи для хранения их в Дворянском депутатском собрании»⁵. Этот документ поступил в собрание 13 февраля, и с этого момента была утверждена система функционирования губернского музея, которая подразумевала, что музейные предметы будут поступать в Дворянское собрание и там храниться. Вопрос экспонирования на этом этапе оставался открытым.

Следующим предметом, поступившим в музей из Калужской городской полиции 6 марта при отношении от 3 марта 1848 г., стала «окаменелость допотопного животного», пожертвованная калужским купцом Семеном Андреевичем Грудаковым. Еще одну окаменелость, найденную на берегу реки Серпейки и пожертвованную городским головой Серпейска, препроводил в Дворянское собрание для хранения 13 марта губернатор. Следующая окаменелость, принадлежавшая калужскому купцу Ефиму Фадеевичу Астрееву, была передана городской полицией 25 апреля. 19 мая в дворянское собрание поступили 5 рублей серебром, пожертвованные «на составление того музея» коллежским асессором Андреем Козминым Малыгиным и направленные малоярославецким городничим в Калугу при отношении от 10 февраля. «В Калужский губернский музей, находящийся под ведением Калужского дворянского депутатского собрания», 21 сентября

¹ ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1112. Л. 10.

² Там же. Л. 11, 15, 18.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 12, 13.

⁵ Там же. Л. 14.

от Калужской городской полиции был препровожден полученный от Калужской духовной консистории «неизвестного свойства камень, найденный в реке Оке с церковными вещами»¹.

Не остался в стороне и Смирнов. Согласно сохранившимся документам, через год после последнего пожертвования, 25 ноября 1849 г., губернатор препроводил губернскому предводителю дворянства Мещеринову купленные за 25 рублей серебром у крестьянина Мещовского уезда помещицы Шишкиной Егора Баутина найденные в земле 942 серебряные монеты «древнего чекана». В заключение своего отношения Смирнов указал «хранить оныя в Калужском губернском музее»². В ответ 30 ноября предводитель дворянства сообщил губернатору о получении серебряных монет «для хранения в Калужском губернском музее»³. Эта фраза подтверждает факт существования при Дворянском собрании того музея, который замыслил в 1847 г. Смирнов и на создание которого было получено высочайшее соизволение.

23 января 1850 г. губернатор препроводил в губернский музей еще один экспонат — «птицу пеликан, или бабу-птицу, замечательную тем для нашего музея, что она, как известно, водится на юге, убита в Козельском уезде в 1849 г.». О получении для музея птицы Мещеринов уведомил Смирнова 25 января 1850 г.⁴

Для финансового обеспечения деятельности музея губернатор 2 мая 1850 г. препроводил предводителю дворянства «билет Приказа общественного призрения, выданный на неизвестного на сумму пятьсот восемьдесят восемь рублей семьдесят одна с половиною копеек серебром, принадлежащий Калужскому губернскому музею». Билет этот был выписан еще 17 февраля 1849 г. 11 мая предводитель дворянства сообщил Смирнову о получении 10 числа билета «на неизвестного», то есть на предъявителя, на сумму 588 рублей 71 1/2 копейки серебром⁵.

Последний из известных, по имеющимся документам, предметов, пожертвованных в музей, был направлен 19 июня 1850 г. на имя калужского губернского предводителя дворянства Мещеринова от городничего города Перемышля барона Семена Федоровича Эльснера. Для хранения в музее он препровождал «часть мамонтового клыка, пришедшего в окаменелость, найденного в реке Оке». На отношении имеется пометка «здано 4 декабря 1850», которая, надо полагать, указывает дату поступления предмета в Музей на хранение⁶.

На основании распоряжения от 14 марта 1851 г. Смирнов оставил должность гражданского губернатора. После этого созданный им музей продолжал свое существование при Дворянском собрании. Но, судя по всему, никто не считал необходимым заниматься его развитием, и музей функционировал в качестве хранилища собранных в 1848–1850 гг. по Калужской губернии редкостей.

7 сентября 1853 г. ушел из жизни губернский предводитель дворянства Мещеринов⁷. Согласно высочайше утвержденному 6 декабря 1831 г. Положению о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным, исправление вакантной должности губернского предводителя «во всяком случае поручается уездному предводителю губернского города», который также занимает эту должность в ходе выборов, «до получения извещения о высочайшем утверждении» избранного кандидата на должность губернского предводителя⁸. В 1853 г. предводителем дворянства Калужского уезда был Иван Васильевич Ергольский⁹, который должен был занять вакантную должность губернского предводителя до проведения в начале 1854 г. выборов и высочайшего утверждения избранного кандидата.

Именно исправлявший должность губернского предводителя дворянства обратился 5 октября 1853 г. к военному губернатору Калуги и гражданскому губернатору Калужской губернии графу

¹ ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1112. Л. 15–19.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 22, 23.

⁵ Там же. Л. 24, 25, 27об.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Добычина М. А., Иванов В. А. Представительная власть Калужского региона. История и современность в лицах: 1785–2015. Калуга, 2013. С. 54.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1832. Т. 6. Отд. 2. № 4989. С. 260, 262.

⁹ Булычов Н. И. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г., и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. XXVI.

Егору Петровичу Толстому с предложением передать Обществу сельского хозяйства, которое планирует устроить минералогический кабинет, «хранящиеся в собрании разные в самом небольшом количестве редкости», а также пожертвованные на музей 5 рублей и билет Приказа общественного призрения на 588 рублей 71 1/2 копейки серебром. Возможность такой передачи объяснялась тем, что начальник губернии и губернский предводитель являются почетными членами Общества сельского хозяйства. Кроме того, говорилось в отношении, если приобретать, как планировал Смирнов, дом для музея, то на его содержание «потребуется значительные издержки, а при учреждении того музея при Калужском сельском обществе никаких уже расходов, по мнению моему, на то не нужно, тем более что самое общество по распоряжению Вашего превосходительства повелено иметь в доме Дворянского собрания»¹.

В ответ на это предложение Толстой 12 ноября 1853 г. сообщил исправлявшему должность губернского предводителя дворянства свое согласие. При этом начальник губернии предложил 5 рублей серебром «обратить на устройство шкафов для помещения означенных редкостей». О принятом решении по передаче губернского музея и использовании 5 рублей на изготовление шкафов 23 ноября исправлявший должность губернского предводителя дворянства довел до сведения Общества сельского хозяйства. При этом в общество препровождались «разных родов редкости, при особой описи с обозначением в оной, от кого и какого качества вещи присланы», а также 5 рублей серебром и билет Приказа общественного призрения. 27 ноября 1853 г. Калужское общество сельского хозяйства уведомило о получении денег, билета, «а равно и значащиеся в приложенной при том отношении Вашем описи, серебряные и медные монеты и разные окаменелости»².

Тем самым Калужский губернский музей перешел в ведение Общества сельского хозяйства и должен был стать основой минералогического кабинета. Несмотря на последовавшие перемены, можно полагать, что принципиальных изменений в музее не последовало. Музейные предметы как были, так и остались в здании Дворянского собрания, где располагалось и Общество сельского хозяйства. Более того, для хранения и, вероятно, экспонирования были сделаны шкафы. А самое главное, музей так и остался в попечении губернского предводителя. Дело в том, что президентом Калужского общества сельского хозяйства с момента его основания в 1849 г. был Семен Яковлевич Унковский, который 20 января 1854 г. был избран, а 6 февраля 1854 г. высочайше утвержден в должности калужского губернского предводителя дворянства³. В должности губернского предводителя Унковский оставался до конца 1856 г. Что касается самого Общества сельского хозяйства, то оно перестало существовать к 1860 г. и было возрождено только к 1890 г. В Государственном архиве Калужской области в фонде Общества сельского хозяйства сохранились лишь документы с 1898 по 1916 г. Следовательно, мы не располагаем достоверной информацией о музейной деятельности Общества сельского хозяйства в первый период его существования.

При этом, надо полагать, музейные предметы продолжали храниться в шкафах в Дворянском собрании как напоминание о собрании губернского музея. Вполне возможно, что до 1860 г. активная деятельность Общества сельского хозяйства способствовала поступлению новых экспонатов, пополнявших коллекцию музея. В последующее время эта деятельность перешла в ведение Калужского губернского статистического комитета. Именно ему в 1870 г. из Казенной палаты было передано 504 рубля 7 1/2 копеек от вклада бывшего Приказа общественного призрения предназначенного для устройства музея. Это были оставшиеся средства от полученного Смирновым в 1849 г. билета. Следовательно, губернский музей продолжал существовать, так как на музейное дело к 1870 г. из этих сумм было израсходовано 84 рубля 64 копейки. В свою очередь, статистический комитет приобрел с 1871 по 1875 г. для музея серебряных монет и разных предметов на сумму в 20 рублей 40 копеек. В 1876 г. калужским губернатором Иваном Егоровичем Шевичем вновь был поднят вопрос о создании музея в одном из зданий. К 1880 г. в статистическом комитете

¹ ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1112. Л. 27–28.

² Там же. Л. 29–32.

³ Памятная книжка Калужской губернии на 1852 г. Калуга, [1852]. С. 109; Добычина М. А., Иванов В. А. Представительная власть Калужского региона. История и современность в лицах: 1785–2015. Калуга, 2013. С. 59–61.

по книге музейных сумм числилось 108 рублей 44 1/2 копейки. В последующее десятилетие эта цифра оставалась неизменной¹.

Следующий этап формирования музея был связан с деятельностью Калужской ученой архивной комиссии, официально открытой калужским губернатором Александром Григорьевичем Булыгиным 28 января 1891 г. На этапе становления член комиссии, губернский предводитель дворянства Николай Семенович Яновский «обязательно предложил на время одну комнату в здании Дворянского собрания для хранения в ней предметов, жертвуемых для музея, и книг для библиотеки»². Тем самым до переезда Архивной комиссии в палаты Коробовых, приобретенные в середине 1880-х гг. Евдокией Владимировной Сухозанет и переданные Дворянскому собранию, она располагалась в здании Дворянского собрания, где продолжали храниться предметы Калужского губернского музея. Тогда, вероятно, все собиравшиеся с 1848 по 1880 г. предметы оказались включены в состав коллекции будущего музея при Калужской архивной комиссии. Более того, проведенный в 1892 г. ремонт палат Коробовых был осуществлен «на остаточные средства губернского статистического комитета»³. Это были деньги, оставшиеся от билета Приказа общественного призрения. Тем самым предназначенные для Калужского губернского музея средства были в конечном итоге потрачены на формирование музейной коллекции и ремонт предназначенных для размещения музея палат Коробовых, как это и планировал еще в 1847 г. Н. М. Смирнов.

Так получилось, что организаторы музея при Калужской ученой архивной комиссии не стремились сохранить и показать преемственность формирования музейной культуры на Калужской земле, в основе которого лежала инициатива, проявленная при создании Калужского губернского музея губернатором Смирновым. Но даже те неполные и отрывочные данные, которыми сегодня располагают исследователи, позволяют констатировать, что эта связь существовала. Прослеживается она и в деятельности разных органов власти и общественных организаций в формировании и сохранении музейного собрания. Ее можно увидеть в переходе принадлежавших музею денег от Дворянского собрания к Обществу сельского хозяйства, губернскому статистическому комитету и, наконец, Калужской ученой архивной комиссии. Обнаруживается она и в преемственности музейных предметов.

К сожалению, учетная документация музея при Архивной комиссии не велась должным образом, поэтому легенды многих предметов, экспонировавшихся в палатах Коробовых, не сохранились. Но некоторые связи с губернским музеем можно обнаружить в протоколах заседания Калужской ученой архивной комиссии. Так, в протоколе от 20 октября 1892 г. говорится, что из дома Дворянского собрания были «пожертвованы для музея древние латы (9 предметов)»⁴. Вероятно, эти латы были переданы в музей после 1853 г. и хранились в Дворянском собрании до поступления в музей при Архивной комиссии. Это был полудоспех «начального человека» гусарского полка Христофора Федоровича Рыльского, изготовленный в 1650-х гг. в Московской Оружейной палате. Данный уникальный образец русского защитного вооружения, появившийся в музейном собрании во второй половине XIX в., продолжает храниться в фондах Калужского объединенного музея-заповедника по сей день⁵. То же самое можно сказать и о печати конца XVIII в. французской артиллерии в Голландии. Она была передана в музей при Архивной комиссии из Общества сельского хозяйства, о чем имеется указание в протоколе от 6 февраля 1892 г.⁶ Этот предмет также

¹ Суворова Е. В. Историко-краеведческая и музейная деятельность Калужского губернского статистического комитета // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 2009. С. 77–78.

² Четыркин И. Д. Отчет о деятельности Калужской ученой архивной комиссии за 1891 г. // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1892. № 2. С. 41–42.

³ Четыркин И. Д. Отчет о деятельности Калужской ученой архивной комиссии за 1892 г. // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1894. № 3. С. 7.

⁴ Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1894. № 3. С. 3.

⁵ Калужский объединенный музей-заповедник, КП 11564; Бессонов В. А. Коллекция оружия и защитного вооружения в фондах Калужского областного краеведческого музея // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга, 2008. С. 21–22.

⁶ Калужский объединенный музей-заповедник, КЛ 3608; Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1892. № 2. С. 26.

имеет происхождение из Дворянского собрания, где продолжало располагаться Общество сельского хозяйства, возрожденное к 1890 г.

Таким образом, обращение к опубликованным материалам, архивным документам и музейным предметам позволяет восстановить историческую преемственность между Калужским губернским музеем, организованным на основе высочайшего соизволения, полученного в октябре 1847 г., и Калужским объединенным музеем-заповедником, созданным в феврале 2016 г. Не случайно 12 декабря, в день, когда губернатор Смирнов направил уездным предводителям дворянства информацию об учреждении Калужского губернского музея, 2017 г. в парадном зале Дворянского собрания (ныне — Калужский областной дворец творчества юных имени Ю. А. Гагарина) в торжественной обстановке прошли мероприятия, посвященные 170-летию Калужского объединенного музея-заповедника. В историческом месте, где началось формирование музейной культуры Калужского края, старейшему музею региона, преемнику Калужского губернского музея, губернатором Калужской области Анатолием Дмитриевичем Артамоновым за активную работу, большой вклад в развитие культуры Калужской области и в связи со 170-летием была вручена юбилейная медаль «70 лет Калужской области».

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

М. А. Добычина,

*кандидат исторических наук,
начальник управления по делам архивов Калужской области*

История и организация архивного дела уходит корнями в древние времена. Но осознанно к документам как к предметам, фиксирующим ценную информацию, а значит, требующим сохранности, подошли только в XVII в., когда отделили архивы от библиотек. В 1720 г. Петр I, озаботившись судьбой архивов страны, 44-ю главу Генерального регламента посвятил устройству архивов, благодаря чему впервые были отделены архивные документы от текущего делопроизводства и для них создавались исторические архивы. Сенату поручалось общее руководство архивами в империи. В годы правления Павла I предписывалось в каждой губернии создавать три архива: при губернском правлении, судебной и казенной палатах, что должно было обеспечивать хотя бы минимальную сохранность документов местных органов государственной власти и управления. Учреждение министерской структуры управления в начале XIX в. привело к увеличению количества ведомственных архивов, а снизившаяся роль Сената лишила архивы руководящего органа. В результате, особенно это стало заметно к середине XIX в., ведомственный неконтролируемый произвол привел к утрате документов учреждений по всей стране.

В 1820 г. «Общее губернское учреждение» регламентировало создание архива при каждом местном учреждении, но недостаток финансов, приспособленных помещений и подготовленных для архивной работы чиновников на практике приводили к тому, что архивы на местах были в заброшенном состоянии, поэтому многие документы погибали.

Кроме того, «бумажный бум», охвативший в XIX в. учреждения и особенно центральные министерства, привел к тому, что архивы оказались переполненными документами различной ценности. В этих условиях правительство приняло ряд решений, оказавшихся губительными для архивов. Архивные фонды стали спешно «переселять» из одного места в другое, следствием этого было рассредоточение единых архивных комплексов, путаница и потери в документах. Самая губительная и практически бесконтрольная «разгрузка архивов» была связана с уничтожением документов. Особенно это было распространено после проведения реформы 1861 г., когда началось варварское уничтожение документов дореформенных учреждений: их сдавали на переработку на фабрики, а чиновники, перевыполнившие план по сдаче, получали вознаграждение, что было

неплохим дополнением к низкому жалованью. Подобная ситуация была характерна как для столичных, так и губернских центров. Архивное устройство в Калужской губернии представляло собой типичное для того времени разрозненное хранение документов по учреждениям, приводившее к их порче и уничтожению.

Невосполнимые потери архивных документов в дореволюционной России привели многих ученых, историков-архивистов к осознанию необходимости реформирования архивной системы. Выдвигаемые проекты были направлены против ведомственного дробления документов, на организацию их централизованного хранения¹. Большие надежды по упорядочению архивного «нестроения» возлагались на созданные в последней четверти XIX в. губернские ученые архивные комиссии (далее — ГУАК). Положение об архивных комиссиях было высочайше утверждено 13 апреля 1884 г. Идея их создания принадлежит выдающемуся историку-архивисту, ученому Н. В. Калачову (1819–1885). Комиссии стали главными проводниками основных положений реформы в области архивного дела на местах. Первостепенной задачей комиссий являлось спасение от гибели документов, предназначенных учреждениями к уничтожению и создание исторических архивов в губернских городах.

Калужская ученая архивная комиссия (КУАК) была официально открыта 28 января 1891 г. «при калужском губернаторе А. Г. Булыгине»². Согласно Положению, в качестве основных направлений были разбор старых дел губернских и уездных учреждений; выявление ценных в историческом отношении документов, их систематизация и хранение в специально созданных архивах.

12 октября 1891 г. член комиссии П. П. Добромыслов (преподаватель богословия Калужской духовной семинарии и географии Калужского епархиального женского училища) был избран архивариусом³. В его обязанности входило постоянное наблюдение за архивом комиссии, ведение описи дел и документов, отбираемых для хранения в архив, а также расположение их в «известном архивном порядке».

На первых порах своей деятельности КУАК, приняв во внимание опыт работы и программы архивных комиссий, которые «в большей или меньшей степени уже освоились с родом деятельности...»⁴, основные усилия направила на сосредоточение и хранение документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении. Помимо отбора документов для губернского исторического архива, члены комиссии составляли описи и указатели архивных материалов, располагая их в удобном для использования порядке. Для более четкой и удобной работы были созданы подкомиссии, одной из которых стала архивная, для чтения описей дел, подлежащих уничтожению и поступающих в комиссию. Сразу после создания комиссия обратилась через газету с просьбой к учреждениям выслать списки и описи дел, подлежащих уничтожению⁵. В результате ежегодно архив стал пополняться документами, доставляемыми от учреждения губернии. К осени 1903 г. в КУАК находилось более 20 тыс. дел, отобранных из губернского правления, земства, казначейств⁶.

Кроме этого, дела и документы поступали в виде пожертвований от членов комиссии и частных лиц. Например, в 1893 г. через члена комиссии В. С. Благово были получены четыре жалованные грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей⁷. В 1898 г. Н. В. Сытиным пожертвованы документы домашнего архива дворян Унковских, а Н. М. Боборыкиным — дневник кругосветного плавания Щербачева (XVIII в.)⁸. В 1899 г. членом комиссии Н. П. Авраамовым было пожертвовано 11 документов XVII–XVIII вв., другими лицами — 13 документов большей частью XVII в.⁹ В 1901 г.

¹ Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы. М., 1994. С. 7–10.

² Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

³ Там же. Д. 1. Л. 89.

⁴ Отчет о деятельности КУАК в 1892 г. // Известия Калужской ученой архивной комиссии (Известия КУАК). Калуга, 1892. Вып. 2. С. 30.

⁵ Там же. С. 30–31.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ Отчет о деятельности комиссии в 1893 г. // Известия КУАК. Калуга, 1895. Вып. 4. С. 3.

⁸ Отчет о деятельности и состоянии КУАК за 1898 год // Известия КУАК. Калуга, 1899. Вып. 1. С. 5.

⁹ Там же.

С. И. Киреевский передал акты и документы семейного архива¹. И. Д. Четыркиным были переданы около тысячи писем калужского купца Якова Золотарева, относящихся к 1805–1806 гг. Им же были пересмотрены хранившиеся в губернском статистическом комитете различные старинные документы. В результате были выявлены челобитные (около 200 свитков XVI в.), две дарственные грамоты: царя Михаила Федоровича 1621 г. и царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии Алексеевны 1687 г., 62 указа царствований: Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и др.²

Другим способом пополнения архива было поступление дел, относящихся к Калужской губернии, из Сенатского архива, откуда лет было получено 1263 дела³ и 23 отдельных документа за период 1798–1836 гг.⁴

Уже в советское время из документов, собранных КУАК, архивистами были созданы коллекции: дел, присланных из Сенатского архива⁵; дел личного происхождения помещиков Калужской губернии; «коллекция столбцов» начала 20-х годов XVII — начала XVIII в.; коллекция рукописей XVII–XX вв.⁶

Анализ отчетов о деятельности комиссии позволяет сделать вывод о том, что в основном члены занимались просмотром описей дел, предназначенных к уничтожению. Определить ценность документов таким способом было трудно, так как заголовок дела мог не раскрывать его содержания. Изучение описей дел давало лишь самое общее представление о характере документов. Учреждения зачастую посылали в комиссию описи дел, предназначенных к уничтожению, а ценные документы оставляли у себя. В связи с этим большая часть ценных дел, которые предполагалось сконцентрировать в историческом архиве, оставалась в учреждениях⁷.

Необходимо отметить, что круг учреждений, направлявших свои описи на рассмотрение КУАК, был весьма ограничен. Среди них: Калужская городская управа, уездные казначейства, земские суды, уездные полицейские управления, городнические правления, казенная палата.

На протяжении всего времени существования КУАК остро стояла проблема финансового обеспечения ее деятельности. Все ходатайства комиссии об оказании помощи «во имя науки» к различным учреждениям Калужской губернии не были удовлетворены. Комиссия имела доход только в 200 руб. от губернского земства, покрывающий наем служителя и отопление дома⁸. Совершенно очевидно, что сохранность документов в архиве могла быть обеспечена только при наличии приспособленного под архивохранилище помещения. Предоставленный КУАК дом купцов Коробовых не мог в полной мере этого сделать. Денег хватило только на побелку стен, поправку печей, исправление пола, приобретение мебели для размещения отбираемых дел и жертвуемых в музей предметов⁹. КУАК, как отмечал один из ее председателей И. Д. Четыркин, существует скорее не материальными средствами, а нравственными силами¹⁰. К 1910 г. количество накопившихся дел и документов было настолько велико, что громада тюков лежала во дворе на полу развалившегося сарая без надлежащей защиты от непогоды¹¹. Впоследствии в виду таких неблагоприятных условий хранения документов комиссии в дальнейшем приходилось отказываться от их приема для хранения. Так, в 1907 г. не представилось возможным принять дела Лихвинского городского управления за первую половину XIX в., дела бывшего Калужско-Смоленско-Витебского

¹ Отчет о деятельности и состоянии КУАК за 1901 год // Известия КУАК. Калуга. Вып. 1902 г. С. 16.

² Там же. С. 31–32.

³ Отчет о деятельности и состоянии КУАК за 1898 год // Известия КУАК. Калуга, 1899. Вып. 1. С. 5.

⁴ Отчет о деятельности и состоянии КУАК за 1899 год // Известия КУАК. Калуга. Вып. 1900 г. С. 9; То же за 1900 год // Известия КУАК. Калуга. Вып. 1901 г. С. 29; То же за 1901 год. // Известия КУАК. Калуга. Вып. 1902 г. С. 16; ГАКО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 32. Л. 23.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 226. Л. 67.

⁶ Государственный архив Калужской области: Путеводитель. Часть первая / сост. Л. К. Белова, Л. Д. Короткова, Н. А. Фролова. Калуга: Издательство «Гриф», 2008. С. 190–192.

⁷ Отчет о деятельности комиссии в 1893 г. // Известия КУАК. Калуга, 1895. № 4. С. 3. То же за 1898 год // Известия КУАК. Калуга, 1899. Вып. 1. С. 5. ГАКО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 32. Л. 22об.

⁸ Отчет о деятельности и состоянии КУАК за 1899 год // Известия КУАК. Калуга. Вып. 1900 г. С. 12.

⁹ Отчет о деятельности КУАК в 1892 г. // Известия КУАК. Калуга, 1894. № 3. С. 7.

¹⁰ Отчет о деятельности и состоянии КУАК за 1901 год // Известия КУАК. Калуга. Вып. 1902 г. С. 16.

¹¹ Протокол заседания КУАК 5 ноября 1910 года // Известия КУАК. Калуга, 1911. Вып. 21. С. 76.

генерал-губернаторства за 1833–1837 гг. и др. Эти и подобные дела и документы были оставлены на местах в тех учреждениях, в переполненных архивах¹.

С 1905 г. КУАК своими силами предприняла попытку изучения состояния архивных документов в губернии. С этой целью было разослано 284 опросных листа во все архивы губернии. Возвращено заполненными 123 (43,2%)². Собранные сведения о состоянии архивного дела показали плачевное состояние архивов губернских и уездных учреждений. Количество хранящихся документов в архивах учреждений было настолько велико, что остро вставал вопрос о частичном уничтожении дел ведомственных архивов (имеющих в том числе и историческое значение) или концентрации дел в историческом губернском архиве. Например, архив Калужского губернского правления находился в здании присутственных мест и занимал три помещения. В нем хранились документы с 1777 по 1874 г., общее число которых достигало трех миллионов. Среди них: документы губернского правления, канцелярии губернатора, губернского присутствия с 1861 г.; тюремного комитета; воинского присутствия; губернского прокурора (1826–1856); строительной и дорожной комиссии (1837–1867), приказа общественного призрения (1777–1868) и др. В архив губернского правления ежегодно поступали дела из городских и уездных учреждений. Архив был тесен, все дела не помещались на полках, некоторые из них лежали на полу³. Архив калужского дворянства находился в подвальном помещении дома Дворянского собрания, архив городской управы — на нижнем этаже каменного двухэтажного дома, архив Калужского губернского жандармского управления — в частном наемном помещении⁴.

На фоне более или менее удовлетворительных условий хранения документов губернских учреждений документы учреждений в большинстве уездов хранились в неблагоприятных условиях. Например, так выглядело помещение архива Жиздринского казначейства: «...крыша железная проржавела и через нее протекает на потолок дождь; водосточные трубы большей частью отсутствуют, а потому вода с крыши идет по углам здания, размывая их, через что угловые кирпичи до аршина вверх высыпались из стен; некоторые двери от гнилости вышли из стен вместе с притолоками и архив охраняется одною общею коридорною дверью, в окнах стекол нет, а потому снег и дождь забивают во внутренность здания, и потому там царит полная сырость, да кроме того самое помещение стоит на болотистом месте. От сырости многие дела пришли в совершенное тление и даже полки, на которых расположены книги не избежали той же участи и угрожают опасностью при справках. Стены здания дали в некоторых местах трещины»⁵. В помещении архива Перемышльского уездного съезда «дела приходят от сырости в совершенную негодность»⁶. Во всех анкетах высказывалось пожелание «чтобы архив расширить до потребного размера для удобного размещения в нем всех хранящихся дел и книг, устроить в архиве более удобные хранилища, как то: полки, шкафы и т. п., иметь при архиве особого архивариуса и помощника ему»⁷.

С 1910 г. деятельность комиссии стала постепенно затухать. Недаром Д. И. Малинин, в заявлении о приеме его в члены КУАК, оговорился: «Прошу принять, если таковая еще существует».

Таким образом, КУАК была единственным местным учреждением, занимавшимся собиранием и сохранением архивных документов. К 1917 г. их количество возросло до нескольких десятков тысяч. Однако в деле формирования исторического архива, в котором бы хранились наиболее ценные документы, КУАК в силу объективных обстоятельств значительных результатов добиться не смогла. Ввиду того что комиссия пыталась создать архив на основе, главным образом, дел, подлежащих уничтожению, преобладал коллекционный принцип систематизации документов. Тем не менее в качественном отношении ею был собран весьма ценный комплекс документов.

¹ ГАКО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 51. Л. 26.

² Там же. Л. 6, 7.

³ Там же. Ф. 47. Оп. 2. Д. 51. Л. 7, 8; Ф. 62. Оп. 3. Д. 2533. Л. 10, 11.

⁴ Там же. Ф. 47. Оп. 2. Д. 51. Л. 8, 9, 11, 14, 15.

⁵ Там же. Д. 50. Л. 107; Там же. Д. 51. Л. 108, 109.

⁶ Там же. Д. 51. Л. 124.

⁷ Там же. Л. 110.

К 1910-м гг. стало очевидно необходимость проведения архивной реформы. В 1911 г. на годичном собрании Русского исторического общества (РИО) под председательством Николая II был поднят вопрос об усилении мер к охране исторических документов от уничтожения. РИО было поручено разработать вопрос о положении архивного дела в России. Таким образом историки попытались сплотить все патриотические силы вокруг благородной борьбы за «наступление лучших времен для архивов». Но этот процесс вновь затормозился. И только в мае 1914 г., на 1-м съезде представителей ГУАК, делегаты от провинции попытались отстаивать право самостоятельного существования комиссий и внесли программу радикальных мер в отношении архивного дела. Но начало Первой мировой войны изменило планы. Накануне революционных событий ученые-историки и архивисты-профессионалы подготовили проект архивной реформы, направленный на борьбу с ведомственным произволом в архивном деле.

В 1918 г. чувство личной ответственности за спасение источниковой базы исторической науки объединило самых разных специалистов — патриотов России как в столичных городах, так и в провинции. Еще в период февральских событий было создано общественное объединение Союз Российских архивных деятелей (РАД), его деятельность заложила многие принципиальные шаги по пути преобразования архивов в России. Именно Союз РАД во главе с историком А. С. Лаппо-Данилевским обратился в январе 1918 г. к советскому правительству с просьбой срочно принять меры по спасению документов. 1 июня 1918 г. увидел свет Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», который объявлял все документы государственной собственностью и объединил их в составе Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ). В качестве руководящего органа было создано Главное архивное управление. Принятие этого документа вселило энтузиазм в научную общественность, верившую, что централизация положит конец ведомственному произволу в уничтожении документов и откроет архивы для науки. На местах интеллигенция с радостью поддержала эту идею. К сожалению, декрет был далек от совершенства: в нем полностью проигнорирован принцип публичности, сама централизация не была доведена до логического конца, а прикрепление Главархива в ведение Наркомпроса обрекло на отсутствие финансирования.

В ноябре 1918 г. в результате слияния Калужской ученой архивной комиссии и созданного ранее Общества охраны местных памятников художественной старины было образовано Калужское общество истории и древностей (КОИД), занимавшееся изучением археологии, истории, природы, этнографии местного края. На заседаниях общество заслушивало доклады краеведов, публиковало их работы, вело собирательскую деятельность. Одну из своих главных задач члены общества видели в наблюдении за ходом реквизиции имущества, документов и библиотек у дворян и помещиков с целью сохранения наиболее ценных предметов в музеях, архивах и библиотеках. В структуре КОИД было выделено несколько секций, в том числе архивная, которую возглавил учитель Алексей Васильевич Борисенков. Главной задачей данной секции была разработка и приведение в порядок архивов КУАК, а также охрана архивов упраздненных учреждений¹. В январе 1919 г. в Калугу приехал инспектор Главархива РСФСР А. И. Сомов. Ему были представлены для ознакомления планы и отчеты о работе архивной секции КОИД. Одобрив деятельность секции, Сомов представил отчет о поездке в Главархив, после чего коллегия Главархива 21 февраля 1919 г. вынесла решение, в котором указывалось, что «...признавая желательным и полезным ваше активное участие в работе по охране и разборке архивных дел, постановила назначить вас уполномоченным Главного управления архивным делом по Калужской губернии. Сообщая об этом, Главное Управление считает нужным добавить, что в интересах дела необходимо, чтобы Ваши действия находились в полном контакте и единении с Отделом народного просвещения»². К письму прилагался проект Положения о губернском архивном фонде, до утверждения которого рекомендовалось привлекать в помощь временных сотрудников. На первоначальные расходы по организации архива, перевозку дел и другие статьи управление перевело 15 тыс. руб., с приложением подробной сметы на все расходы³.

¹ ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–34об.; Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 3. Л. 192, Д. 11. Л. 15.

² Там же. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–1об.

³ Там же.

Большую ясность в работу архивных учреждений на местах внес Декрет (Положение) СНК о губернских архивных фондах от 31 марта 1919 г., определивший основные направления архивной деятельности. По Декрету (Положению), в каждой губернии создавался единый губернский архивный фонд (ЕГАФ) как составная часть ЕГАФ РСФСР, который также делился на отделы.

В короткие сроки представителями местной интеллигенции в губернии был создан архив и налажена его деятельность по сбору и описанию документов.

Заведующим Калужским архбюро А. В. Борисенковым только в первый месяц работы было обследовано 8 архивов. Его первый отчет (за 1919 г.) проливает свет на состояние документов ликвидированных учреждений досоветского периода, среди которых были архивы: дворянского депутатского собрания, исторического музея, духовной семинарии, жандармского управления, страхового, дорожного и статистического отделов губземуправления и др. Как видно из отчета, документы Калужского дворянского депутатского собрания размещались в нижнем светлом, но неотапливаемом этаже дома бывшего дворянского собрания. Они были собраны в папки по годам. Часть их располагалась на деревянных полках, другие — в запирающихся шкафах, остальные были просто свалены на полу. В результате погромов в октябре-ноябре 1917 г. часть документов была уничтожена. В некоторых делах из корешков были вырваны родословные книги дворян Калужской губернии. Существовавшая ранее опись на дела была утрачена¹. В этом здании также находился архив Исторического музея, дела правительственных учреждений, относящихся главным образом к концу XIX в. Дела хранились в папках и были свалены в кучи. Архив Калужской духовной семинарии располагался в помещении, которое занимали инструкторские командные курсы. Документы Калужского жандармского управления были перевезены в 1917 г. в здание бывшего окружного суда, где располагались в шкафах, в порядке приведенном КУАК. В мае 1918 г. по распоряжению комиссара юстиции Медведева они были выброшены на нижний этаж — в холодное, сырое, светлое помещение, и находились там «в хаосе вместе с продуктами служащих и сушившимся бельем».

Поиск пригодного помещения для архива занимал у А. В. Борисенкова много времени и затягивался из-за нехватки свободных площадей в городе. 30 июня 1919 г. после длительной переписки архиву было выделено помещение бывшего ночлежного дома, представлявшее собой одноэтажное строение, вполне исправное и относительно надежное. На тот момент это здание как временное удовлетворило А. В. Борисенкова²; начались работы по приспособлению помещения для хранения архивных документов³. К 1 января 1920 г. здание бывшего ночлежного дома было переполнено документами⁴. Вопрос о предоставлении архиву подходящих помещений продолжал оставаться главным и на протяжении последующих лет. Только в 1925 г. был решен вопрос о выделении архиву помещения бывшего Казанского женского монастыря, в котором архив просуществовал 90 лет.

Положение СНК 1919 г. о губернских архивных фондах не предусматривало создание уездных архивов, поэтому документы должны были быть собраны как предписывалось: в соответствующих помещениях губернских, уездных, волостных и прочих, находящихся вне губернского города архивов⁵. По этой причине помимо работы в губернском городе А. В. Борисенковым вместе с сотрудниками было обследовано 120 архивов уездных городов Перемышля, Тарусы, Мещовска, Медыни, Мосальска, Козельска, Боровска, Воротынска, Серпейска, а с апреля 1919 по ноябрь 1920 г. было перевезено из уездов в Калугу 12 архивов⁶. В 1921 г. сотрудники архива совершили четыре инспекторские поездки в уездные города: Медынь и Малоярославец, а также в села: Дольское Малоярославецкого уезда и Полотняный Завод Медынского уезда (владение Гончаровых). В это время проводилась большая работа по разбору архива Гончаровых, окружного суда, уездных судов, прокурора Калужского окружного суда. Было описано 195 документов губернатора С. Д. Горчакова, 310 — Дирекции народных училищ, 150 формулярных списков, 92 дела нотариального архива и составлены алфавиты к 1500 делам. Всего в Калуге в начале 1920-х гг. насчитывалось 16 хранилищ⁷.

¹ ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6об.

² Там же. Д. 2. Л. 20об.-1.

³ Там же. Д. 3. Л. 70, 100, 102, 106, 108.

⁴ Там же. Л. 177.

⁵ Собрание узаконений. 1919. № 14. Ст. 8. С. 155.

⁶ *Никольский Д.* О деятельности губернского архивного управления // Коммуна. 1920. 9 нояб.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 59. Л. 39.

После издания временного Положения о губархбюро (25 ноября 1922 г.) в архивной жизни губернии произошли заметные изменения. Согласно Положению, все материалы ЕГАФ, находившиеся в пределах губернии, образовывали губернский архивный фонд, который подразделялся на секции, отделения и отделы по роду архивных материалов и в соответствии с секционным делением ЕГАФ. В Положении указывалось, что основной задачей губернских архивных бюро является охрана документов и пополнение «путем принятия на учет материалов, подлежащих включению в означенный фонд»¹.

На 1 января 1924 г. все документы хранились в специально оборудованных актохранилищах (20) или во временных помещениях (52): чердаки, подвалы, кладовые, чуланы, склады и т. п.²

Все архивные фонды, поступавшие в губернские и уездные хранилища в россыпи, приводились во внешний порядок и систематизировались по хронологическому и предметному признакам. На них составлялись учетные карточки³.

Таким образом, к середине 1920-х гг. калужскими архивистами была проведена большая работа по концентрации документов в архивохранилищах. Несмотря на тяжелые условия, сотрудники архива смогли разобрать и систематизировать значительный комплекс разнообразных документов, которые в результате проделанной работы были приняты на учет. Немало усилий прилагали архивисты для поиска подходящих под хранилища помещений как в губернском центре, так и в уездных городах

В 2018 г. исполняется 100 лет с момента учреждения государственной архивной службы и централизации архивов. На протяжении этого времени архивы претерпели множество изменений и испытаний. История архивной службы в Калужской губернии протекала в русле основных событий организации архивного дела страны. Но основы архивного дела Калужской губернии были заложены в деятельности КУАК, КОИД. Их членами, среди которых известные ученые-историки, краеведы-энтузиасты Калужского края: Н. И. Булычев, И. Д. Четыркин, В. И. Асонов, Д. И. Малинин, А. В. Борисенков и многие другие — проделана огромная работа по собиранию, описанию и сохранению документальных памятников прошлого. Их имена навечно вписаны в историю и организацию архивного дела Калужского региона, а за их бескорыстную работу по спасению, описанию и публикацию архивных документов мы должны сказать им огромное спасибо. Только благодаря их самоотверженной деятельности мы имеем на хранении в составе Архивного фонда Калужской области ценные документальные памятники прошлого. Осуждать их за то, что что-то не сохранилось, не имеем права. В сложнейшее время, под идеологическим давлением они сделали все, что было в их силах.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А. Б. Стрельцов

*доктор биологических наук, профессор, заслуженный эколог Российской Федерации,
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского*

1. Отсутствует комплексная, интегральная информация о состоянии окружающей природной среды и ее анализ (есть данные только по отдельным параметрам окружающей среды). Никогда в регионе не делались прогнозы изменения состояния окружающей среды. Территориальный экологический мониторинг как региональная система не работает. Как результат — экологическая неэффективность стратегического планирования развития Калужской области, не учитывающего

¹ СУ. 1922. № 78. С. 973.

² ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–3.

³ Там же.

Пути решения

Создание действующей (эффективной) территориальной системы экологического мониторинга с обязательным прогнозом динамики качества окружающей среды и ее здоровья — комфортности для проживания населения Калужской области. Для чего реорганизовать управление системой, добиться обязательности предоставления участниками системы именно нужной для экологического мониторинга информации и назначить конкретного ответственного за результативность работы ТСЭМ.

Ввести ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ведение биологического мониторинга (велся 10 лет с 1998 г. в Калужской области, но не использовался для принятия управленческих решений) как единственного метода интегральной оценки качества среды, дающего возможность составления прогнозов.

2. Загрязнение атмосферного воздуха в городе Калуге выхлопами автомобильного транспорта. В отдельных местах загрязнение атмосферного воздуха на улицах Калуги превышает ПДК по СО в 5–17 раз. Постоянный контроль за загрязнением атмосферного воздуха в городе ведется только в трех точках (одна из них работает на деньги города). Не менее 90 % загрязнения городской атмосферы приходится на автомобильный транспорт.

3. Постоянные проблемы озеленения в г. Калуге. Хаотичность и «лоскутность» застройки города и аналогичные проблемы озеленения. Отсутствие экологической информации о «зеленом каркасе города Калуги» и неиспользование современных технологий. Неэкологичное озеленение негативно сказывается на качестве атмосферного воздуха в городе.

Как результат воздействия автомобильного транспорта и неэкологичного озеленения — соответствующее распределение детских экопатологий, заболеваний, вызванных или обусловленных состоянием окружающей среды в городе.

Пути решения (2, 3)

Полностью решить проблему загрязнения городской атмосферы можно только уменьшив количество автомобильного транспорта на улицах города. Частично компенсировать загрязнение атмосферы можно уже сейчас при помощи правильного, с экологической точки зрения, планомерно организованного озеленения с использованием современных геоинформационных технологий (ГИС-технологий).

Провести общественную экологическую экспертизу генерального плана города Калуги.

4. Постоянное многолетнее ежегодное загрязнение сточными водами на территории Калужской области. Даже по официальным источникам на протяжении многих лет 80–90 % сточных вод сбрасывается «недостаточно очищенными». Причина — плохая работа или отсутствие очистных сооружений. Например, в технопарке «Ворсино» только электрометаллургический завод имеет собственные очистные сооружения. Все остальные предприятия технопарка таких не имеют.

Пути решения

По программе «Чистая вода» сделать акцент на наладке работы существующих очистных сооружений и реальном (а не на словах!) строительстве новых.

5. Заповедник «Калужские засеки» представлен двумя пространственно разобщенными кластерами. Для его нормальной работы по сохранению биоразнообразия и реакклиматизации зубра нужна охранная зона. Эту проблему безуспешно пытаются решить уже много лет.

Пути решения

От имени Администрации Калужской области обратиться в Министерство природных ресурсов и экологии РФ с просьбой утвердить уже имеющийся проект охранной зоны и добиться ее положительного решения.

6. Экологическое образование, просвещение и экологическая культура населения Калужской области.

В Калужской области не существует программы «Экологическое образование и просвещение населения Калужской области». Одноименная концепция была принята Администрацией Калужской области еще в 1996 г. Разработанная позже программа так и не была принята.

Освещение экологических проблем в средствах массовой информации явно недостаточно из-за отсутствия достоверной и интегральной информации об экологической ситуации в регионе (хотя она удовлетворительна и достаточно стабильна). Но имеющиеся тенденции принижать или совсем не учитывать экологические аспекты деятельности по всем направлениям от медицины и образования до добычи полезных ископаемых и инвестиций в промышленность уже сейчас вызывают беспокойство специалистов. Необходимо, чтобы население Калужской области могло грамотно оценить экологическую ситуацию и повлиять на принятие управленческих решений, связанных с экологией. Это, собственно, и является одной из основных функций гражданского общества, проявляющейся в гражданской инициативе.

Примером реально существующей неэффективности деятельности общественных советов в настоящее время может служить «Общественный совет при Губернаторе Калужской области по вопросам охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности». Его рекомендации, принятые больше года назад (по вопросам озеленения крупных городов, создания системы экологического образования), до сих пор не были реализованы в практике (естественно, «по объективным» причинам).

Пути решения

Привлечение населения для создания и участия в работе общественных экологических организаций, общественных советов при административных структурах. Наделение соответствующих советов реальными полномочиями в решении экологических проблем. Активизация гражданского общества.

На уровне законодательного собрания и органов исполнительной власти Калужской области (министерство образования и науки, министерство природных ресурсов экологии и благоустройства, министерство финансов, министерство внутренней политики) поддержать рекомендации Высшего экологического совета Государственной Думы РФ и инициировать разработку закона Калужской области «Экологическое образование» или доработку регионального закона «Об образовании в Калужской области» и дополнение его специальной главой «Экологическое образование», отклоненной ранее при разработке этого закона.

Министерствам внутренней политики, природных ресурсов, экологии и благоустройства, образования и науки Калужской области с обязательным привлечением представителей гражданского общества, независимых политологов и специалистов-экологов разработать положения региональной экологической политики Калужской области и законодательно утвердить ее.

7. Зеленая экономика

В Калужской области, как и по всей России, отсутствуют административные основы для формирования и развития зеленой экономики как основы будущего развития человечества (в том числе и жителей Калужской области). Существующая экономика региона ориентирована на получение прибыли и привлечение инвестиций любой ценой, что характерно для современного состояния России.

В результате даже существующее мизерное финансирование охраны окружающей природной среды рассматривается как вынужденная мера, а не настоятельная потребность развивающегося общества, вызванная необходимостью сохранения в первую очередь окружающей живой природы.

Пути решения

Пересмотреть планы стратегического развития Калужской области с учетом существующих экологических проблем региона и задач по сохранению комфортной и экологически безопасной окружающей среды и устойчивого развития.

Разработать и законодательно ввести интегральный коэффициент устойчивого развития для оценки результатов деятельности властей разных уровней с ежегодным подведением итогов и проведением экологического рейтинга предприятий и административных единиц Калужской области.

Содействовать вторичной переработке отходов, в первую очередь образующихся на территории региона. Исходить при этом следует из того, что экология сегодня — это экономика.

Провести монетизацию природных (экосистемных) услуг (экосистемные услуги — это выгоды, которые человек получает от экосистем) для начала в рамках развития экологического туризма в регионе. Необходимо оценить природный капитал в целом: стоимость рекреации, удовлетворения эстетических потребностей, роль рек в очистке загрязненных стоков, роль лесов в поглощении углекислого газа, значение биоразнообразия в поддержании благополучной экологической обстановки в регионе.

Необходимо реализовать ландшафтный подход при стратегическом планировании развития региона. Экологическая ситуация в регионе стабильна не из-за наличия заповедника, национального парка и памятников природы, а из-за нормального функционирования экосистем (ландшафтов, по одному из определений), следовательно, мы должны знать, в каком они состоянии и как изменяются. Такой информации в Калужской области нет!!!

Декларация. Системный подход к сохранению и развитию единой территории региона с позиций особенностей национального ландшафта и здоровья среды — необходимое условие высокого качества жизни населения области.

БРЯНСКИЕ ИХТИОПТЕРИГИИ И ЗАВРОПТЕРИГИИ У КАЛУЖСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФЕННО-САРМАТИИ

А. А. Чубур,

кандидат исторических наук, проф. РАН, директор НИЦ,
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

В провинциальных краеведческих музеях за долгие годы сформировались местами весьма интересные палеонтологические коллекции. Но если находки из Подмосковья и Поволжья часто попадают в зону внимания квалифицированных палеонтологов, то верхнее Поочье и Подесенье все еще остаются белым пятном (если не считать работ В. А. Киприанова в Курском Посемье еще в XIX в. [6] и недавней находки части скелета ихтиозавра в Михайловском карьере близ Железнодорожска, пока не описанной и не опубликованной). Меж тем в Брянском краеведческом музее (БОМ, сборы А. К. Гороховой, В. П. Балалаевой, А. А. Чубура) и в ряде коллекций уже накопились фоссилии из карьеров Брянского фосфоритного завода и берегов р. Снежеть.

Ранее были опубликованы результаты анализа окаменевшей древесины из лесов на берегах сеноманского моря [4]. В данной статье вводятся в научный оборот первые сведения о морских рептилиях мелового периода из Брянского региона, обитавших в мелководном море у южного побережья Фенно-Сарматии около 95 млн лет назад. Все находки происходят из фосфоритных горизонтов, залегающих в кварц-глауконитовых песках сеноманского яруса (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Сводная стратиграфическая колонка Полпинского фосфоритного месторождения

Система	Отдел	Ярус	Мощность	Описание
Четвертичная	Плейстоценовый	Верхний Q ₃	2,5 м	Кварц-полевошпатные пески с линзами кварц-глауконитовых песков, содержащих фосфориты
			0,7 м	Сурка (опесчаненый мел) с галькой фосфорита в основании (мощность галечника до 30 см)
Меловая	Верхнемеловой	Сеноманский K _{2sn}	1,9 м	Кварц-глауконитовый песок с реликтами мела и II фосфоритным горизонтом (до 40 см) в основании
			2,0	Кварц-глауконитовый зеленоватый песок с I фосфоритным горизонтом (до 25 см) в основании
	Нижнемеловой	Альбский K _{1al}	6,0 м	Глина серая, серо-зеленая и черная, песчанистая, слюдястая
			4,0 м	Песок кварц-глауконитовый зеленовато-серый, мелко-зернистый с кварцевым гравием и галькой в основании

Первая группа находок относится к надотряду Ихтиоптеригии (*Ichthyopterygia*) и представлена фосфоритизированными и пиритизированными костями поздних ихтиозавров. Преимущественно это осевой скелет. Позвонки амфицельные (характерная двояковогнутость тела), венечные отростки и невральные дуги не сохранились. Размеры указаны по схеме L—длина вентральной поверхности / H—высота сочленовной поверхности / W—ширина сочленовной поверхности (в мм) и дают представление о диапазонах размеров сеноманских ихтиозавров местонахождения.

1. Переднотуловищный позвонок (частная коллекция) 28,3/61,6/66,2 (рис. 1–4).
2. Переднотуловищный позвонок (частная коллекция) 38,8/83,8/86,0 (рис. 1–3).

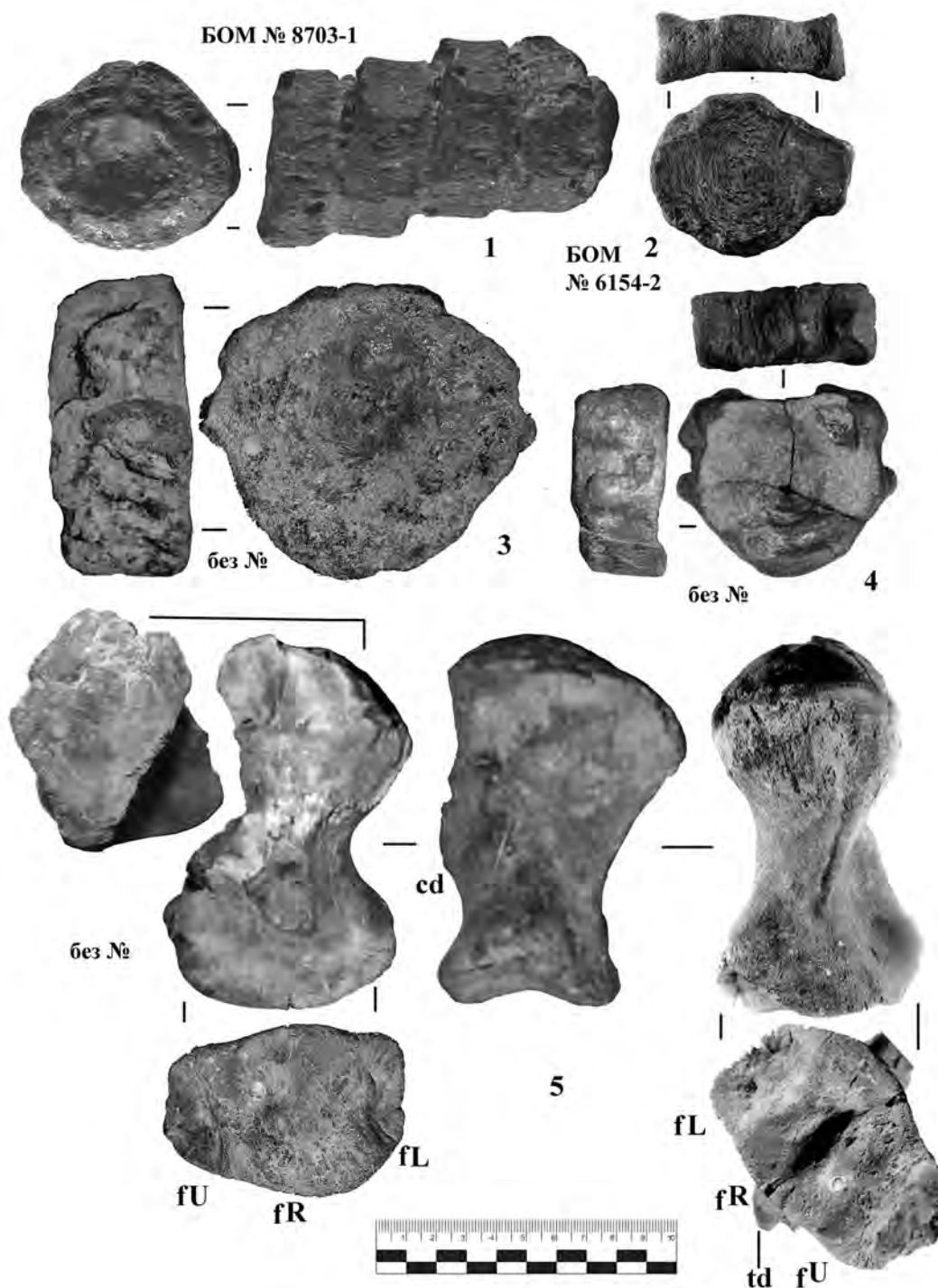

Рис. 1. Сеноманские ихтиозавры из местонахождения Большое Полпино:
1–4 — позвонки, 5 — плечевая кость

3. Заднетуловищный позвонок БОМ № 6154/4–2: 19,0 / 53,5/65,0 (рис. 1–2).

4. Четыре хвостовых позвонка в анатомической связи БОМ № 8703–1 (промеры даны L и W для каждого позвонка через точку с запятой): 26,5; 25,0; 24,5; 24,0/ 62,0/58,5; 58,0; 59,0; 60,0 (рис. 1–1).

5–6. Тела двух туловищных позвонков находятся в труднодоступной витрине «Меловой период» и не могут быть измерены в настоящее время.

Точное определение видовой и даже родовой принадлежности по позвонкам ихтиозавров затруднено. Однако пояс передних конечностей представлен правой плечевой костью (Humerus).

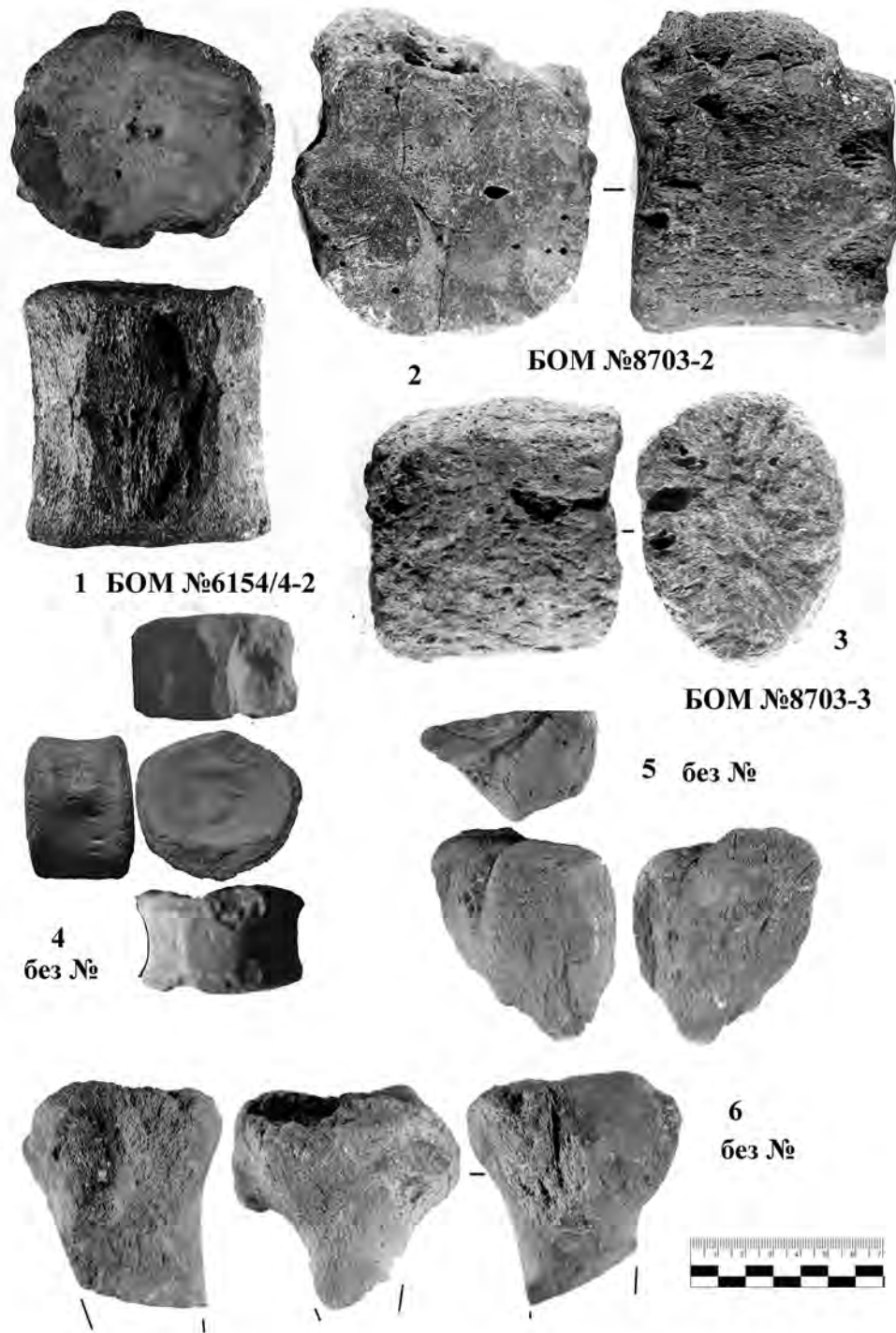

Рис. 2. Сеноманские плезиозавры из местонахождения Большое Полпино:
1–4 — позвонки, 5–6 — фрагменты бедренных костей

Ее длина составляет 106,0 мм. Ширина проксимального эпифиза в форме неправильной трапеции превышала 80 мм, край поврежден. На его суставной поверхности заметны линейные порезы, оставленные зубами поедавших труп акул. Ширина дистального эпифиза — 72,0 мм. Выраженный дорсальный гребень длиной 66 мм тянется к фасетке лучевой кости. На анте-рентральной поверхности виден частично поврежденный дельтапекторальный гребень средней выраженности. Дистальный эпифиз разделен на три фасетки — для локтевой, лучевой костей и для базального элемента дополнительного пальца переднего лапа (*lageniformis*,

гороховидная кость) перед лучевой костью. Размеры фасеток (длина/ширина, мм), соответственно, 28,5/37,3; 24,3/45,5; 23,0/37,2. Длина животного, исходя из пропорций частей скелета, могла достигать 3–3,5 м.

Ближайшая к Брянску находка, описанная В. А. Киприановым [6], — *Platypterygius campylodon* из Курского «остеолита» (сеноманского фосфоритного горизонта). Этот вид широко распространен и известен из альб-сеномана Англии, Франции, Германии и европейской России [8]. В 2016 г. он объединен с первушовизавром в новый таксон *Pervushovisaurus campylodon* [5]. Однако наличие ярко выраженной дополнительной фасетки на дистальном эпифизе плечевой кости нехарактерно для данного вида платиптеригий.

Недавно группой исследователей выделен и описан новый вид платиптеригий из альб-сеномана Воронежской области — *Platypterygius ochevi* [1]. Характерная черта *P. ochevi* — большой размер плечевой поверхности для дополнительного элемента зейгоподия перед фасеткой лучевой кости. По мнению Марии Заммит, таксономический статус этой особенности требует оценки. Мы опираемся на данный признак как на диагностический. Таким образом, плечевую кость и, по крайней мере, часть обнаруженных позвонков мы можем связать с видом *Platypterygius ochevi*.

Вторая группа находок поздне меловых морских рептилий связана с надотрядом завроптеригии (*Sauropterygia*), а точнее — с входящим в него отрядом плезиозавры (*Plesiosauria*). Систематическое положение отдельных костей нелегко установить, ввиду чего в литературе упоминается множество видов с неподтвержденным статусом и видов-дублетов [7]. В этой связи мы ограничились определением до семейства или рода следующих фоссилий:

1. Тело хвостового позвонка молодой особи, вероятно *Elasmosaurus* (БОМ № 8703/3). L — 80,0 мм; H — 88,0 мм; W — 66,5 мм. Повреждение на поверхности, возможно, представляет собой след зуба более крупного хищника (например, плиозавра). Такие повреждения (посмертные или прижизненные) встречаются не так уж редко [3] (рис. 2–3).

2. Шейный позвонок эласмозавра, возможно принадлежащий крупному экземпляру, сходному с *Elasmosaurus orskensis* (БОМ № 6154/4–1), L — 110,0 мм; H — 93,0 мм; W — 108,0 мм. Морфологически близок к позвонку из Орска, опубликованному Н. Н. Боголюбовым [2, табл XIV, 1–3], но размер в нашем случае имеет почти вдвое больше (рис. 2–1).

3. Передне туловищный позвонок крупного короткошеего плезиозавра *Polycotylus sp.* семейства поликотилиды (*Polycotylidae*) БОМ № 8703/2 (находится в экспозиции), L — 87,5 мм; H — 101,0 мм; W — 99,0 мм (рис. 2–2).

4. Шейный позвонок небольшого короткошеего плезиозавра семейства *Polycotylidae* (частная коллекция). L — 28,0 мм; H — 46,5 мм; W — 49,0 мм (рис. 2–4). Общая длина шеи составляла около метра.

5. Проксимальная часть правой бедренной кости (femur) молодой особи *Elasmosaurus sp.* (частная коллекция). Головка отсутствует (поперечник площадки эпифиза ~67 мм), длина и поперечник расположенной под углом 50° к основанию carpitus фасетки трохантера — 36×45 мм. Имеется глубокая борозда на заднем краю площадки трохантера, возможно, оставленная зубом крупной акулы. Диафиз имеет полукруглое сечение (диаметр — ~50 мм, поперечник — 41,0 мм), длина сохранившегося фрагмента — 80 мм (рис. 2–6).

6. Фрагмент проксимальной части бедренной кости (частная коллекция) нуждается в дополнительном исследовании, поскольку, по мнению В. В. Ефимова, кость, судя по развитости суставных поверхностей, могла принадлежать и сухопутному динозавру (рис. 2–5).

Фотография еще одного фрагмента бедренной кости плезиозавра из Полпинского карьера была вывешена в сети Интернет на «Палеофоруме», но изучить эту находку пока не удалось.

Даже по скромным пока материалам Полпинского местонахождения видно, что если мир уже покидающих арену эволюции сеноманских ихтиозавров выглядит довольно монотонным, то плезиозавры еще блистали многообразием форм.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей выпускницу Института ветеринарной медицины и биотехнологии Брянского аграрного университета Марию Хохлову.

Список литературы

1. *Архангельский М. С., Аверьянов А. О., Первушов Е. М., Ратников В. Ю., Зозырев Н. Ю.* Об остатках ихтиозавра из мела Воронежской области // Палеонтологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 65–69.
2. *Боголюбов Н. Н.* Из истории плезиозавров в России // Ученые записки Московского университета, отделение естественно-историческое. — Вып. XXIX. — М.: Типография Московского императорского университета, 1911. — 412 с.
3. *Ефимов В. В.* Прижизненные повреждения костей завроптеригий с территории Среднего Поволжья // 200 лет отечественной палеонтологии. (Москва, 20–22 октября 2009 г.), Российская академия наук, Палеонтологический институт им. А. А. Борисяка РАН / под ред. И. С. Барскова, В. М. Назаровой. — М.: ПИН РАН, 2009. — С. 37.
4. *Чубур А. А., Симоненко В. Е.* Позднемезозойская древесная флора из окрестностей Брянска // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы IX конференции. — Ч. 2. — Калуга: Гриф, 2002. — С. 153–155.
5. *Fischer V.* Taxonomy of *Platypterygius campylodon* and the diversity of the last ichthyosaurs. 2016. URL: [PeerJ 4: e2604; doi:10.7717/peerj.2604](https://doi.org/10.7717/peerj.2604)
6. *Kiprijanoff W.* Studien über die fossilen Reptilien Russlands. I Theil. Gattung Ichthyosaurus König aus dem severischen Sandstein oder Osteolith der Kreide-Gruppe. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VII sér. T. XXVIII. — 1881. — №. 8. — 103 p.
7. *Storrs G. W., Arkhangelsky M. S., Efimov V. M.* Mesozoic marine reptiles of Russia and other former Soviet Republics. In *The Age of Dinosaurs in Russia and Mongolia*; Benton, M.J., Shishkin, M.A., Unwin, D.M., Kurochkin, E. N. Eds; Cambridge University Press: Cambridge, UK. — 2000. — P. 187–210.
8. *Zammit M.* Cretaceous Ichthyosaurs: Dwindling Diversity, or the Empire Strikes Back? *Geosciences*, 2(2). — 2012. — P. 11–24. — URL: [doi:10.3390/geosciences2020011](https://doi.org/10.3390/geosciences2020011)

**СТРАТИГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАМЕНКА-1
(к вопросу о культурах эпохи бронзы в меридиональном течении Верхней Оки)**

Ю. Г. Екимов,

начальник отдела, ГУК Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей»

Район меридионального течения Верхней Оки является одним из наименее исследованных в плане понимания той культурной ситуации, которая складывалась здесь в эпоху бронзы. До недавнего времени представления об этом периоде формировались на основе случайных находок и единичных погребений фатьяновской и среднеднепровской культур (Крайнов, 1963. С. 47–49. Табл. I; Сорокин, Дукельский, 1986; Смирнов, 1987; Екимов, 2005, а; Екимов, 2005, б), а также — материалах разведочных работ, культурно-хронологическая оценка которых, на наш взгляд, далеко не бесспорна (Грудинкин, 2005; Павлишак, 2001. С. 111–113). Вплоть до начала XXI в. целенаправленных исследований памятников бронзового века в этом регионе не проводилось.

В этой связи несомненный интерес представляют результаты изучения поселения Каменка-1 в Белёвском районе Тульской области (рис. 1, А), где в течение нескольких полевых сезонов ведет раскопки экспедиция Объединения «ИКХМ» (Екимов, 2005, 2006, 2010, 2012, 2016)¹.

Памятник занимает южную оконечность обширного мысовидного участка первой надпойменной террасы левого берега р. Вырка (левый приток р. Оки). Материалы эпохи бронзы сосредоточены в его западной части. К настоящему времени двумя раскопами здесь вскрыто около 1500 кв. м площади (рис. 1, Б). Культурный слой, крайне незначительный по мощности (0,2–0,3 м), в результате длительной распашки полностью переотложен и лишен внутренней стратиграфии: *in situ* он сохранился лишь в котлованах сооружений, углубленных в материковое основание.

¹ На памятнике представлены свидетельства широкого хронологического спектра: эпохи бронзы, раннего железного века, роменской культуры (IX–XI вв.), развитого и позднего Средневековья (XIV–XVI вв.). В статье рассматриваются только материалы эпохи бронзы.

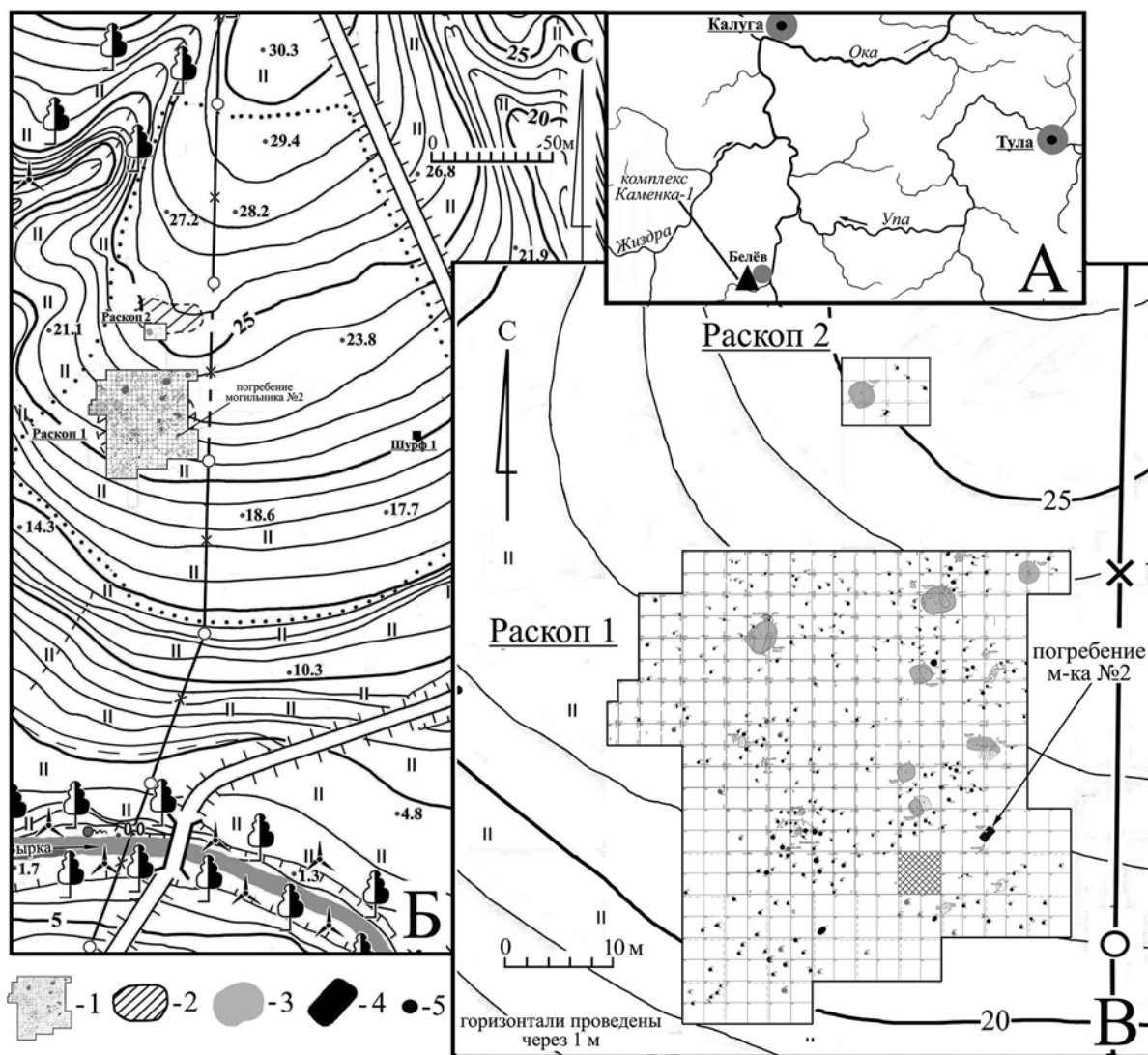

Рис. 1. Археологический комплекс Каменка-1:

A — ситуационный план; *B* — топографический план; *B* — планы раскопов.

I — раскопы; *2* — скопления находок эпохи бронзы; *3* — погребения могильника № 1;

4 — погребение могильника № 2; *5* — столбовые ямы

Начало изучения памятника было связано с его оценкой исключительно как объекта поселенческого. Однако в ходе работ стало ясно, что он носит комплексный характер, включая в рамках эпохи бронзы три автономных, типологически и хронологически различных блока: поселение и два грунтовых могильника (рис. 1, B).

Поселение. Материалы поселения представлены остатками наземных каркасно-столбовых построек жилого и хозяйственного характера в виде скоплений многочисленных столбовых ям, очагов, нескольких хозяйственных ям, а также — своеобразной керамической серией, изделиями из кремня (скребки, скребла, скобели, ножи, перфораторы, резцы и др.) и отходами кремневой индустрии, свидетельствами металлообработки (фрагменты глиняных литейных форм, обломки тиглей, капли и сплески металла, шлаки, каменные кузнечные орудия) и др. (рис. 2, II).

Для понимания культурно-хронологической позиции поселенческого материала наибольшую значимость имеет характер керамической серии. Посуда изготовлена из глины с обильной примесью крупной и средней дресвы. Морфологически доминируют горшковидные сосуды вертикальных пропорций с S-видным профилем или с резко отогнутым наружу венчиком. Отмечено наличие двух видов днищ: округлых и плоских с преобладанием первых.

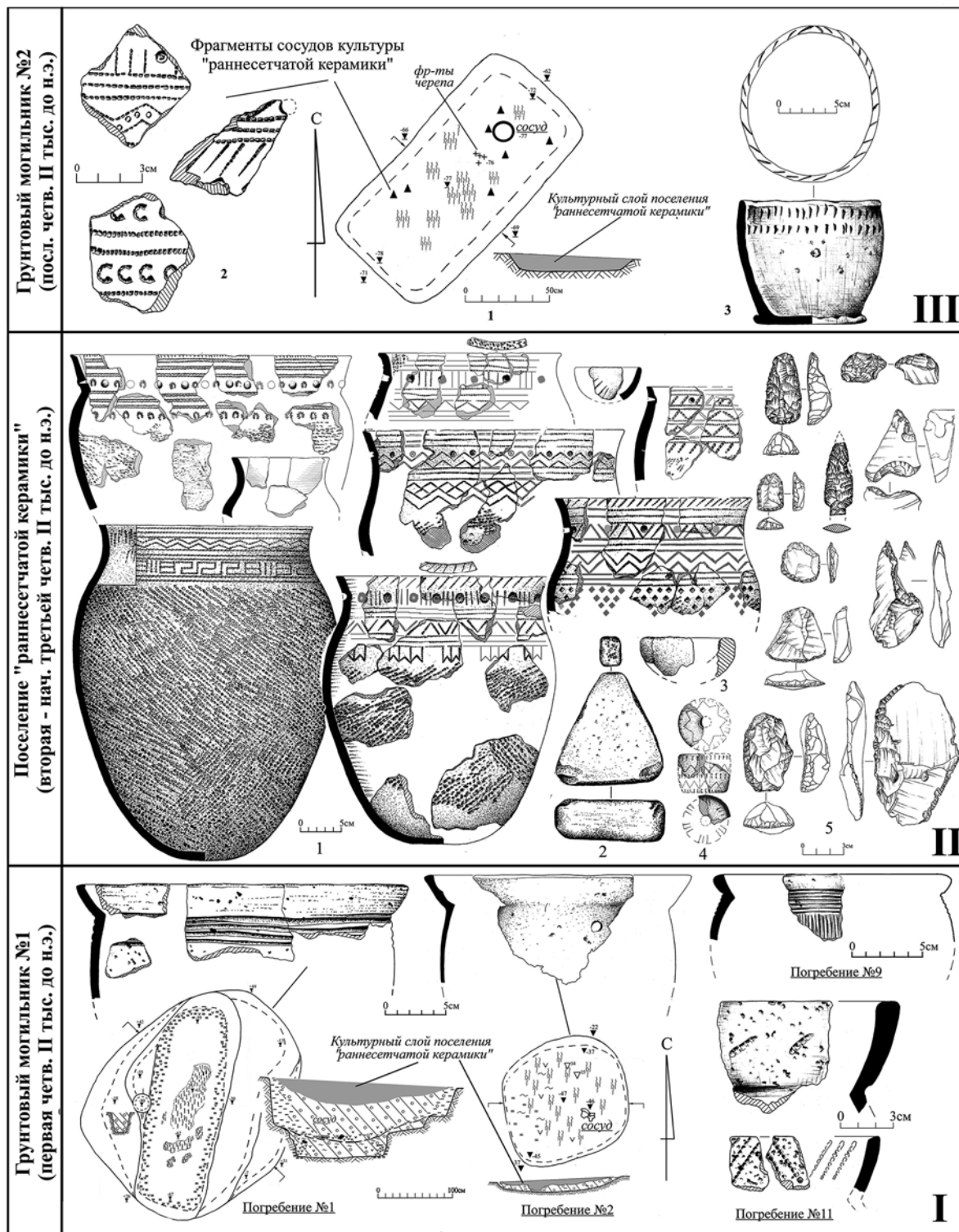

Рис. 2. Этапы формирования археологического комплекса эпохи бронзы Каменка-1:
 I — могильник № 1 абашевской культуры;
 II — поселение раннесетчатой керамики;
 III — могильник № 2 (конец поздней бронзы)

Керамический комплекс характеризует высокая степень общей орнаментированности (до 87%). Орнамент, как правило, покрывает верхнюю часть тулова сосуда. Основными элементами декорирования выступают оттиски зубчатых и веревочных штампов, а также — вдавления различной формы. С их помощью создается многообразие орнаментальных образов и мотивов,

включающих горизонтальные линии, короткие вертикальные или косые линии, зигзаги, группы коротких переменных-наклонных линий, геометрические фигуры из вдавлений разной формы, меандридные и подковообразные фигуры, ряды позитивных жемчужин и пр. Существенную роль играет образ ромба как в виде отдельных мелких вдавлений, так и фигур, образованных оттисками разных штампов. Композиционно орнамент формируется из сочетания разных, порой повторяющихся мотивов, и имеет многозональный характер, покрывая не только внешнюю поверхность сосуда и срез венчика, но часто (до 12–15 %) и внутреннюю сторону шейки.

Характерной и, вероятно, культурно-определяющей чертой поселенческого керамического комплекса является наличие у подавляющей части сосудов (не менее 83–87 %) ниже орнаментальной зоны своеобразной мелкорельефной «рябчатой» (т.н. — ложнотекстильной, псевдосетчатой) фактуры. Выполнена она, за небольшим исключением, оттисками жестких штампов. Эта весьма характерная черта позволяет, по-видимому, включать данный памятник в блок культур раннесетчатой керамики эпохи поздней бронзы лесной полосы Восточной Европы. Учитывая особенности морфологии и орнаментации, каменный поселенческий комплекс правомерно отнести к раннему этапу этой культуры и датировать второй — началом третьей четверти II тыс. до н.э.

Грунтовый могильник № 1. В северо-восточной части раскопа 1 и севернее от него, в площади раскопа 2 на уровне материка было выявлено не менее девяти грунтовых погребений абашевской культуры (рис. 2, I). Могильные ямы имели овальную, подпрямоугольную или подквадратную в плане форму и были ориентированы по линии СВ—ЮЗ или СЗ—ЮВ. По своим параметрам и конструкции они делятся на две группы: 1 — значительные по площади (до 5,0–6,0 кв. м) и глубине (до 0,8–1,0 м) могильные ямы с дополнительными уступами, локальными жертвенными ямами, внутримогильными деревянными сооружениями; 2 — небольшие по размерам (площадь 1,8–2,5 кв. м) и глубине (0,20–0,40 м) могильные ямы без дополнительных конструктивных элементов. Судя по находкам в трех погребениях коронок зубов, умершие были ориентированы головой на север и северо-запад. Практически во всех погребениях зафиксированы следы просевшего деревянного перекрытия, на котором размещался инвентарь, имевший явно votивный характер (части сосудов, кремневые отщепы, грубо вылепленные и сильно обожженные глиняные вальки с желобками). Лишь в одном случае части сосуда были обнаружены непосредственно на дне могильной ямы.

Во всех захоронениях в разных комбинациях прослежены проявления культа огня в виде обжига верха перекрытия, обжига внутримогильной конструкции или основания ямы, углей в заполнении котлованов и т.п. Единственный раз (погребение 1) отмечено наличие зубов животного на перекрытии. Не исключено, что, по крайней мере, часть погребений могла иметь внешнюю столбовую оградку.

Небольшая керамическая серия из погребений могильника № 1 включает части колоколовидных или округлобочных горшков с высокой или низкой, припухлой шейкой, имеющей на внутренней стороне желобчатость в сочетании с ребристым переходом в тулово. В глине обильная примесь дробленой раковины и пластичной органики. Сосуды орнаментированы горизонтальными, расположенными в несколько рядов прочерченными линиями, или их сочетанием с косыми оттисками зубчатого штампа. Сосуд из погребения 2 не орнаментирован.

Особенности погребального обряда и характер инвентаря из захоронений могильника № 1 позволяет отнести его если не к раннему, то, по крайней мере, к началу развитого этапа абашевской культуры (не позднее первой четв. II тыс. до н.э.).

Во всех погребениях абашевского могильника отмечен факт перекрытия верхней части их заполнения (светло-серый или белесый суглинок) просевшим ниже уровня материка темно-серым культурным слоем поселка раннесетчатой керамики с соответствующими материальными остатками. Отмеченная стратиграфия, бесспорно, свидетельствует о предшествовании могильника № 1 формированию на этом месте культурного слоя поселения.

Грунтовый могильник № 2. В 2012 г. в юго-восточной части раскопа 1 на уровне материка было выявлено грунтовое погребение эпохи бронзы (яма № XXXII по общей нумерации) иного облика, нежели ранее встреченные захоронения абашевской культуры (рис. 2, III). Оно совершено в прямоугольной могильной яме размером 1,50×0,75 м и глубиной 0,10 м, ориентированной по линии СВ—ЮЗ. На дне отмечены следы органического тлена, а в северо-восточной части ямы — фрагменты черепа и коронки зубов человека. Между ними и стенкой ямы находился небольшой

сосуд баночной формы высотой 10,7 см с выраженной закраиной у дна. Внешняя поверхность бугристая красновато-желтая, внутренняя — черная со следами вертикального сглаживания. Глина с примесью некалиброванного песка, кровавика и толченого известняка. В верхней части тулова сосуд орнаментирован двумя рядами узких подтреугольных вдавлений, выполненных гладким штампом. Тем же штампом украшен и срез венчика.

Технология изготовления, морфология и орнаментация сосуда позволяет отнести данное погребение к позднему бронзовому веку, скорее — к его завершающей стадии. Достаточно близкие аналогии он обнаруживает среди образцов посуды сосницкой культуры, особенно — ее позднего этапа (Артёменко, 1987. С. 110–111. Рис. 52, 20, 27–29). Наиболее вероятным временем совершения погребения выглядит последняя четверть II тыс. до н.э.

Могильная яма погребения могильника № 2 была полностью засыпана темно-серым культурным слоем поселения раннесетчатой керамики. В ее заполнении на разной глубине, включая основание, обнаружено более 20 фрагментов поселенческой керамики, кремневые отщепы, обломок глиняного изделия, мелкие кальцинированные кости. Не возникает сомнения в том, что погребение было введено в уже сформировавшийся культурный слой и является более поздним по отношению к нему.

Таким образом, в результате проведенных на памятнике исследований удалось получить достаточно объективную картину этапов его освоения на протяжении среднего и позднего бронзового века (рис. 2). Стратиграфические данные свидетельствуют о том, что наиболее ранним здесь является грунтовый могильник абашевской культуры. В дальнейшем на этом месте возникает поселок раннесетчатой керамики. Наиболее поздним представляется погребение грунтового могильника № 2 предположительно сосницкой культуры.

Вероятно, было бы не совсем правомерным экстраполировать данные, полученные для одного памятника, на весь район меридионального течения Верхней Оки. Тем не менее они, дополняя уже существующие представления, безусловно, имеют важное значение для понимания культурно-исторического процесса в этом регионе и выработки дальнейших направлений научного поиска.

Список литературы

1. *Артёменко И. И.* Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. — М., 1987. — С. 106–113.
2. *Грудинкин Б. В.* Поселение ранней бронзы на озере Ленивое // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции. — Калуга, 2005. — С. 34–38.
3. *Екимов Ю. Г.* Каменные сверленные орудия эпохи бронзы на территории Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции. — Калуга, 2005. — С. 29–34.
4. *Екимов Ю. Г.* Каменные орудия фатьяновской культуры в белёвском течении Оки // Белёвские чтения. — Вып. 5. — М., 2005. — С. 191–203.
5. *Екимов Ю. Г.* Отчет об археологическом изучении поселения Каменка (Фатьяново-3) на территории Белёвского района Тульской области в 2005 году // Архив ИА РАН.
6. *Екимов Ю. Г.* Научный отчет об археологических раскопках поселения Каменка (Фатьяново-3) на территории Белёвского района Тульской области в 2006 году. В 2-х томах. // Архив ИА РАН.
7. *Екимов Ю. Г.* Научный отчет о раскопках археологического комплекса Каменка/Фатьяново-3 (много-слойное поселение и могильник) на территории Белёвского района Тульской области в 2010 году (в 2-х томах) // Архив ИА РАН.
8. *Екимов Ю. Г.* Научный отчет о раскопках объекта археологического наследия «Поселение Каменка» на территории Белёвского района Тульской области в 2012 году // Архив ИА РАН.
9. *Екимов Ю. Г.* Научный отчет о раскопках объекта археологического наследия «Поселение Каменка» на территории Белёвского района Тульской области в 2016 году // Архив ИА РАН.
10. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // Археология СССР. САИ. — Вып. В1–19. — М., 1963.
11. *Павлишак А. А.* Древнее поселение Ждамирово в бассейне реки Калужки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX конференции. Ч. I. — Калуга, 2001. — С. 111–121.
12. *Смирнов А. С.* Могильник Стайки II в бассейне Верхней Оки // СА. — 1987. — № 3. — С. 204–207.
13. *Сорокин А. Н., Дукельский В. Ю.* Фатьяновское погребение на стоянке Рессета III // КСИА. — Вып. 185. — 1986. — С. 103–107.

НОВЫЕ НАХОДКИ БУЛАВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

И. В. Болдин,

*кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом
Калужского объединенного музея-заповедника*

В фондах Калужского объединенного музея-заповедника до 2016 г. значилась единственная бронзовая булава, найденная при археологических раскопках Серенского городища (Мещовский район Калужской области) под руководством Т. Н. Никольской. По оформлению булава относится к типу III по А. Н. Кирпичникову. Это бронзовые булавы с четырьмя большими центральными и восемью малыми крайними шипами. Двенадцать шипов этих наверший обычно обведены двух-трехрядными поперечно-рифлеными валиками с горошковидными выпуклостями. В сравнении с четырехшипными булавы двенадцатишипные конструктивно более совершенны, так как вся их поверхность оказалась сплошь усеянной пирамидальными возвышениями. Военный смысл этого усовершенствования не вызывает сомнений. При действии таким оружием (в любом направлении) тяжесть удара обязательно приходится на один, два или три соседних шипа. Описанная конструкция появилась в южнорусских землях, потому что почти половина находок происходит из Киевской земли. Значительная часть материала обнаружена при раскопках городов, погибших во время монгольского погрома; это датирует булавы XII—первой половиной XIII в. Отмечая, что упрощение деталей в булавах нарастает по мере удаления от Киевщины и юго-западной Руси на запад или северо-запад, А. Н. Кирпичников предположил, что южнорусские районы были местами возникновения первоначальных образцов, послуживших для последующих отливок. Таким образом, сравнительный анализ бронзовых булав типа III приводит к убеждению, что они в XII—XIII вв. изготовлялись в первую очередь в Киеве и южнорусских городах, расходились внутри страны и за ее пределами от Волжской Болгарии до Юго-Восточной Прибалтики и Швеции и вызвали, по-видимому, местные подражания. На примере сравнения этих наверший устанавливается также серийность их производства по первоначальному образцу и по копиям с изделий высококвалифицированных мастеров (Кирпичников, 1966).

Коллекция музея в 2016 г. пополнилась еще двумя бронзовыми булавами, аналогичными серенской находке. Первая была найдена на приусадебном участке во время его обработки. Участок расположен в районе церкви д. Фетинино (Перемышльский район Калужской области). Если взять за основу классификации количество шипов, то данная булава, как и находка с Серенского городища, относится к типу III по Кирпичникову (рис. 1).

Рис. 1. Булава бронзовая. Найдена в д. Фетинино (Перемышльский р-н Калужской области) на приусадебном участке, недалеко от церкви

Рис. 2. Булава бронзовая. На безмене

Рис. 3. Булава из фондов
Музея архитектуры, ремесла и быта

Оригинальной находкой является третья бронзовая булава как по способу ее обнаружения, так и по оформлению. Обнаружена эта булава была при построении очередной выставки генеральным директором музея В. А. Бессоновым. Бронзовая булава являлась частью конструкции безмена XIX в. Стержень безмена выполнен из железа. Булава по форме близка булаве типа III (по Кирпичникову), однако в ее морфологии присутствует одно отличие. Если булавы третьего типа имеют двенадцать шипов (четыре большие центральные и восемь малых крайних), то булава, «попавшая» на безмен оснащена четырьмя большими центральными шипами и двенадцатью малыми (рис. 2). Причем при описании этой булавы малые шипы нельзя назвать крайними, так как четыре из них расположены в центральной части между большими шипами.

На стадии подготовки этого сообщения к публикации с еще одной находкой булавы меня познакомил В. А. Ткаченко (приношу благодарность за предоставленную информацию). Эта булава (рис. 3) была выкуплена у находчика и сейчас передана Музеем архитектуры, ремесла и быта в Калуге (основатели В. А. Ткаченко и Л. И. Федорова). Со слов находчика, булава была обнаружена на территории селища, расположенного непосредственно за валом Серенского городища (посада), ниже по течению р. Серены. Данная булава конструктивно отличается от приведенных выше. Это касается крупных пирамидальных шипов. Данный экземпляр имеет не четыре центральных, а шесть шипов, между которыми расположено шесть малых. Также по шесть малых шипов находятся над и под крупными шипами.

Если находка булавы в культурном слое Серенского городища позволяет отнести ее изготовление к древнерусской эпохе, то две другие модно датировать по аналогии этим же временем.

Список литературы

1. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. — 1966.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФАУНЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

П. Р. Батова,

студентка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого;

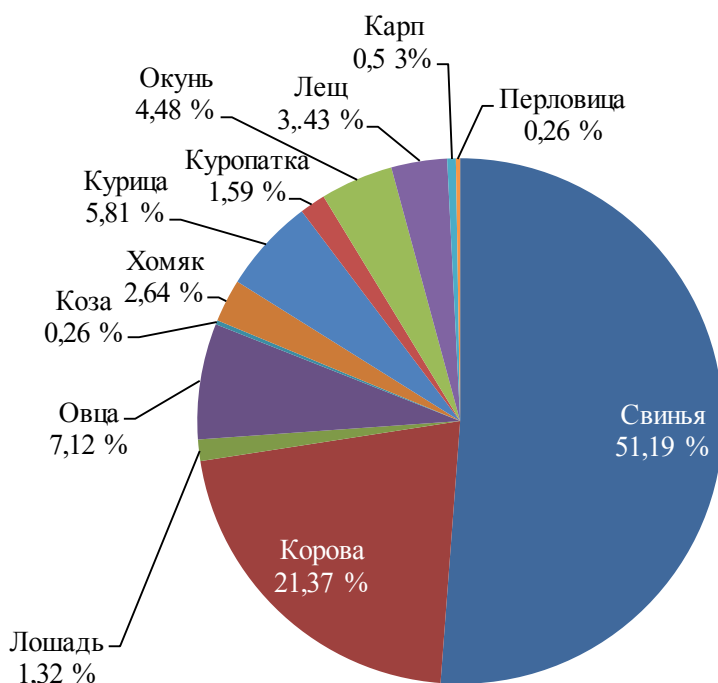
А. В. Аралов,

*доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры биологии и экологии,
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого*

Изучение памятников археологии материальной культуры Центральной России позволяет установить видовое разнообразие фауны данного региона, а также правильно оценить роль земледелия, скотоводства и охоты в хозяйстве населения. С 80-х гг. XX в. и по настоящее время археологами проводится комплексное изучение археологического памятника селища Себино в Тульской области, что позволило получить достаточное количество разнообразного ископаемого материала. В данной статье изложены результаты анализа коллекции остеоматериала, собранного в период с 2013 по 2014 г. на территории памятника Себино-3 (Кимовский район Тульской области). Работа является продолжением исследований, связанных с археологическими находками, найденными на территории Тульской области, а именно работ Г. С. Делян [6] и С. А. Татаринцевой [3, 8].

Памятник Себино-3 (относится к XIII—XIV вв.) был открыт и паспортизирован в 1987 г. разведками Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ под руководством М. И. Гоняного. В 2013–2014 гг. здесь производились раскопки отрядом Тульской археологической экспедиции Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством кандидата исторических наук А. М. Воронцова в 2013 г. [4] и кандидатом исторических наук Т. В. Наумовой в 2014 г. [9], общая площадь раскопок за 2013 и 2014 гг. составляет 116 м² (64 м² и 52 м² соответственно).

Определение и исследование найденных костей проводилось в полевых условиях, а также на кафедре биологии и экологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Установление видовой принадлежности костных останков, промеры костей осуществлялись согласно методикам А. И. Акаевского [1], Е. Е. Антипиной [2], В. И. Громовой [5], Т. Martin [10].

Соотношение останков различных видов животных в раскопе

За время разработки памятника было собрано и обработано 379 экземпляров остеоматериала. В этой статье представлен перечень остеологических материалов, найденных на селище Себино-3 за 2013–2014 гг., и освещены некоторые особенности животноводства и охоты его населения. Необходимо подчеркнуть, что остеологические материалы с поселения являются в основном типичными кухонными останками. На это указывает значительная раздробленность костей и наличие на них порезов, насечек, сделанных во время разделки туш. Исследуемые костные останки принадлежит представителям 4 классов, относящимся к 7 отрядам, 8 семействам, 12 родам и 12 видам (представлены на диаграмме).

Идентификация костей, их фрагментов и зубов показала, что останки принадлежат как взрослым, так

и молодым особям. Однако значительное количество найденного материала—265 экз. (69,92% от общего числа всех находок) принадлежит взрослым животным. Основную часть коллекции составляют кости и их фрагменты, принадлежащие представителям класса Млекопитающие—318 экз. (83,90% от общего числа всех находок). Видовой состав животных, обнаруженных на селище, довольно разнообразен. Преимущественно встречаются находки костей домашних хозяйственных животных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение костных останков домашних хозяйственных животных по видовой принадлежности и по отделам скелета

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.						
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки	Зубы и зубо-чел. сегм.	Ребра и грудина
Свинья (<i>Sus scrofa</i> Linnaeus, 1758)	51,19	194	50	7	36	11	45	45
Корова (<i>Bos taurus</i> Linnaeus, 1758)	21,37	81	46	8	7	1	12	7
Овца (<i>Ovis aries</i> Linnaeus, 1758)	7,12	27	12	0	2	0	13	0
Лошадь (<i>Equus caballus</i> Linnaeus, 1758)	1,32	5	0	0	0	0	5	0
Коза (<i>Capra hircus</i> Linnaeus, 1758)	0,26	1	1	0	0	0	0	0
Курица (<i>Gallus gallus domesticus</i> Linnaeus, 1758)	5,81	22	18	2	0	0	–	2

Очевидно, что хозяйство древнерусского населения носит оседлый характер с доминированием животноводства, а роль охоты выступает здесь лишь в качестве дополнительного источника питания. Значительная часть имеющихся в коллекции костных останков принадлежит домашним животным—330 экз. (87,07% от общего числа всех находок). Из домашних животных основное количество останков принадлежит копытным—308 экз. (81,26% от числа домашних животных). Разводимыми видами являлись свинья, крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот—овца, значительно меньше коза.

Количество остеоматериала диких животных по сравнению с костными останками домашних животных незначительно. Обнаруженные в памятнике материальной культуры кости диких животных представлены скудным кругом видов, исключительно взрослыми особями: обыкновенным хомяком и серой куропаткой (табл. 2). Находки немногочисленны и составляют 4,23% от общего числа.

Т а б л и ц а 2

Распределение костных останков диких, а также не используемых в хозяйстве животных по видовой принадлежности и по отделам скелета

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.				
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки
Хомяк обыкновенный (<i>Cricetus cricetus</i> Linnaeus, 1758)	2,64	10	3	3	3	1
Куропатка серая (<i>Perdix perdix</i> Linnaeus, 1758)	1,59	6	5	1	0	0

За время разработки памятника было собрано и обработано 32 экз. остеоматериала рыб (только взрослые особи), и из них 24—чешуя (табл. 3). Доля костного материала рыб составляет 8,44% от общего числа всех находок. Этот материал является кухонными останками и может служить

для оценки особенностей рыболовства того периода. Надо отметить, что в пищу употребляли в основном крупные экземпляры рыб, останки мелких рыб полностью отсутствуют. Указанные находки свидетельствуют о том, что местное древнерусское население, вероятно, употребляло в пищу большое количество рыбы. Определено присутствие в культурных слоях моллюсков — 1 экз. (0,26% от общего числа всех находок) — перловица речная. Находка может быть случайна и, вероятно, указывает на ограниченное использование моллюсков.

Т а б л и ц а 3

Распределение костных рыб и моллюсков по видовой принадлежности и по отделам скелета

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.					
		Общее	Череп	Позвонки	Ребра	Чешуя	Раковина
Карп (<i>Cyprinus carpio</i> Linnaeus, 1758)	0,53	2	1	1	0	4	–
Лещ (<i>Abramis brama</i> Linnaeus, 1758)	3,43	13	4	0	4	5	–
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i> Linnaeus, 1758)	4,48	17	1	1	0	15	–
Перловица речная (<i>Unio crassus</i> Philipsson, 1788)	0,26	1	–	–	–	–	1

Остеологический материал с полной сохранностью — 44 экз. (11,61% от общего числа всех находок). Значительная часть остеоматериала — 335 экз. (88,39% от общего числа всех находок) — повреждена вследствие внешнего воздействия острыми и тупыми твердыми предметами, а также естественного разрушения. В коллекции присутствуют в обломки всех элементов скелета, вероятно, туши животных подвергались полной разделке. Кости свиньи, коровы, лошади, овцы и курицы больше всего несут на себе многочисленные следы такого расчленения.

Выявлены кости, которые были подвержены стационарному воздействию огня, то есть обугливание. Возможно, кости добавляли в шихту при варке сыродутного железа как флюс, содержащий кальций и углерод, при металлургических процессах прямого восстановления металла из руды [7]. Ни одного полного скелета животного в раскопе не обнаружено. Все это характеризует высокую степень утилизации животных. У большинства образцов имеются следы искусственного воздействия на поверхность костей (срезы и повреждения костей глубокие, некоторые надрезаны острым предметом восходящими движениями под углом). Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что эти останки являются исключительно кухонными отходами, но и служат свидетельством использования их в качестве косторезного материала. Значительные изменения в долях домашних животных из культурных горизонтов отсутствуют, поэтому можно утверждать о стабильности животноводства в указанный период.

Авторы выражают глубокую благодарность заместителю директора по науке Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле», кандидату исторических наук А. Н. Наумову и старшему научному сотруднику отдела фондов Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» кандидату исторических наук Т. В. Наумовой за организацию и оказание всесторонней помощи при проведении данных исследований.

Список литературы

1. Акаевский А. И. Анатомия домашних животных. — М.: Просвещение, 1968. — 608 с.
2. Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 7–33.
3. Аралов А. В., Татаринцева С. А. Фауна средневекового поселения // Наука и образование в жизни современного общества: сб. науч. трудов по материалам Международной науч.-практ. конф. — Т. 13. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юкт», 2015. — С. 36–37.

4. *Воронцов А. М.* Отчет о раскопках на селище Себино-3 Кимовского района Тульской области в 2013 г. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2014. — 32 с.
5. *Громова В. И.* Определитель млекопитающих по костям скелета. Вып. 2. Определитель по крупным костям заплосны: Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. — Т. 16. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — 121 с.
6. *Делян Г. С., Аралов А. В., Наумов А. Н.* Находки остеологического материала поселения Тимофеевка // Университет XXI века: научное измерение. Материалы науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — Вып. 2. — Т. 1. — Тула: Изд-во ТГПУ, 2010. — С. 252–255.
7. *Наумов А. Н.* Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII—третьей четверти XIV вв. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. — 255 с.
8. *Наумов А. Н., Аралов А. В., Татаринцева С. А.* О фауне селища Колесовка-1 на Куликовом поле // Ученые записки орловского государственного университета. — Вып. 4 (67). — Орел, 2015. — С. 457.
9. *Наумова Т. В.* Отчет об археологических раскопках на древнерусских селищах Куликова поля (Кимовский район Тульской области) в 2014 г. Т. 2. Исследования на селище Себино-3. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. — 37 с.
10. *Martin T. J.* General Guide to osteology. — Springfield: Illinois State Museum, 1989. — 15 p.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЛИТЬЕ XV–XVII ВВ. ИЗ НАХОДОК В ОКРЕСТНОСТЯХ КАЛУГИ

В. Г. Пуцко,

*заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник
Калужского музея изобразительных искусств*

Меднолитые складные кресты-энколпионы, предназначенные для помещения внутри их реликвий, равно как и нателные литые кресты, украшенные с обеих сторон рельефными изображениями, обнаруживаемые при археологических раскопках, всегда представляют интерес для исследователей. Наиболее примечательны сравнительно редко встречающиеся случаи их скопления на ограниченной территории. Теоретически, казалось бы, это надо связать с некрополем, но такое положение можно считать показательным для родового, предназначенного для погребения лиц, имевших высокий социальный статус. Однако существовали и иные причины, обуславливавшие скопление большого количества меднолитых изделий, в том числе энколпионов и наперсных крестов, и здесь наиболее показательным надо считать Голицынский клад 2004 г.¹ Примечательны еще известные более скромные «коллекции», дающие представление о том, какие именно разновидности изделий бытовали на территории Подмосковья². В данном случае речь пойдет о совсем недавно выявленной находке, заслуживающей введения в научный оборот.

В составе описываемого комплекса оказалось лишь два креста-энколпиона с утраченными верхними петлями шарниров (рис. 1:1, 3) и частично сохранившая створка третьего (рис. 1:2). Первый из упомянутых энколпионов, круглоконечный с дугообразными элементами средокрестия, с рельефными изображениями Распятия (в медальонах полуфигуры Богоматери, Иоанна Богослова и архангелов с зеркалами и мериллами) и архангела Михаила (в медальонах полуфигуры святых), с крупными рельефными сопроводительными надписями (рис. 1:1). Подчеркнуто прямой торс фигуры распятого Христа с удлиненными руками указывает на связь иконографии с Москвой рубежа XIV–XV вв.³ Несколько «потертый» характер поверхности рельефа позволяет видеть в этом экземпляре более позднее воспроизведение «имитационного» типа, скорее всего второй половины XV в. Как известно, бытование подобных изделий прослеживается на территории Подмосковья вплоть до начала XVII в., хотя большинство находок связано с археологическими комплексами первой половины XVI в. Фрагментарно сохранившаяся створка креста-энколпиона аналогичной формы, но с помещенной в средокрестии фигурой пророка Илии (рис. 1:2) служит образцом московской металлопластики второй половины XV в. Его отличает более развитая иконография при сохранении прежней типологии изделия. Дальнейшее видоизменение

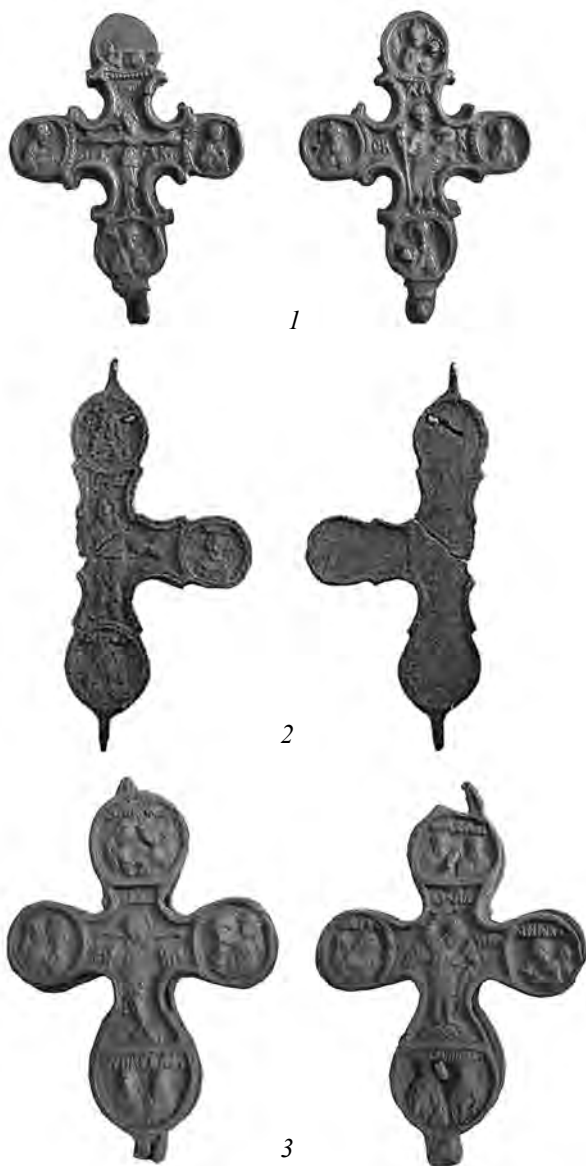

Рис. 1. Кресты-энколпины

Рис. 2. Наперсные кресты

московских крестов-энколпионов, примерно на рубеже XV–XVI вв., коснулось и их формы, получив свое выражение в более строгом абрисе створок и в увеличении медальонов, особенно — массивного нижнего, теперь уже заполненных в каждом случае парным изображением полуфигур (рис. 1:3). В Распятии тело Христа плавно изогнуто, в боковых медальонах бюсты скорбящих Богоматери и жены-мироносицы, Иоанна Богослова и Лонгина Сотника, в верхнем — двое архангелов, в нижнем — святителей⁴. На оборотной стороне чаще всего представлен пророк Илия либо Иоанн Предтеча в окружении избранных святых, но в данном случае плоскость средокрестия заполняет изображение великомученика Никиты-бесогона. Популярность этой композиции в русской металлопластике как раз приходится на время изготовления описываемого креста-энколпиона⁵. Разумеется, иконография отмеченного сюжета отличается вариативностью.

Рубеж XV–XVI вв., по-видимому, в московской металлопластике явился переходным периодом, когда тип креста-энколпиона с его многочисленными разновидностями на краткое время уступает место псевдоэнколпиону (со створками-пластинами, соединенными штифтами), чтобы вскоре оказаться вытесненным наперсным крестом с покрывающими его лицевую и оборотную стороны рельефными изображениями. Иконографическая схема при этом не претерпела существенных

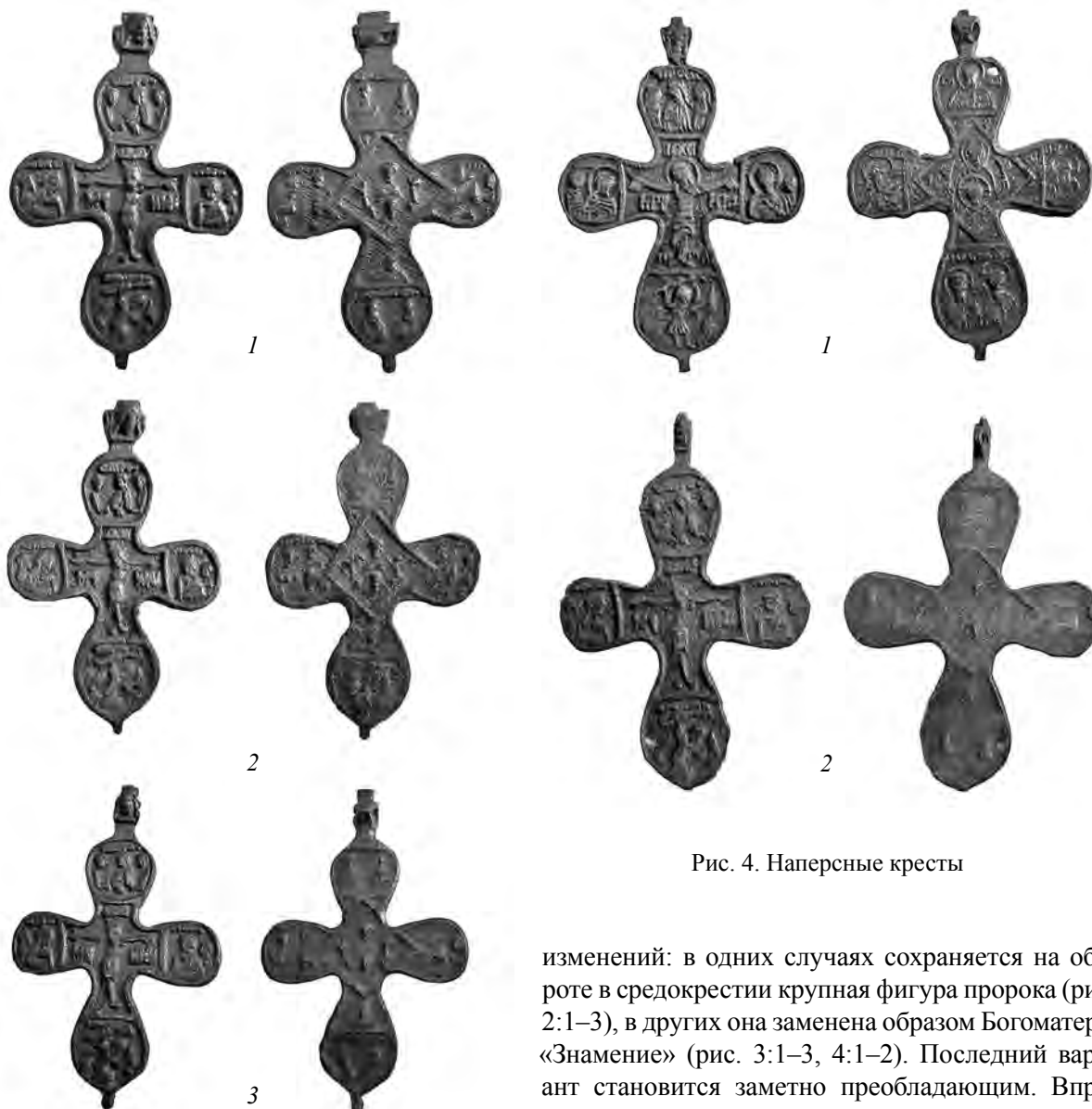

Рис. 3. Наперсные кресты

Рис. 4. Наперсные кресты

изменений: в одних случаях сохраняется на обороте в средокрестии крупная фигура пророка (рис. 2:1–3), в других она заменена образом Богоматери «Знамение» (рис. 3:1–3, 4:1–2). Последний вариант становится заметно преобладающим. Впрочем, при массовом производстве изделий, когда качество переотливок явно снижается, изображения оказываются трудноразличимыми и лишь смутно опознаются по оплывшим рельефным выступам голов (рис. 5:1–2, 6:1–3). Однако это вовсе не значит, что продукция отдельных мастеров совершенно утрачивает свои индивидуальные опознавательные черты: эволюционирует характер абриса, ушки-оглавия заменяются обычными петлями. Тем не менее, думается, эти видоизменения практически невозможно уложить в строгие хронологические отрезки времени, и поэтому логичнее говорить о первой половине XVI в., не исключая совершенно их начало еще на рубеже XV–XVI вв., отмеченном большой активностью московских ремесленников.

Сложность положения исследователя заключается в том, что ему в лучшем случае придется иметь дело с исторически сложившейся «коллекцией», соединившей разновременные образцы⁶. Но могут оказаться в его распоряжении и лишь случайно собранные фрагменты изделий, в том числе довольно мелкие⁷. Конечно, важен статистический показатель, равно как и ареал распространения художественного литья, связываемого с определенным временем. Но если попытаться в этом материале увидеть произведения пластического искусства, придется долго разыскивать качественные экземпляры, по которым можно судить о степени совершенства мастерства. Рассматриваемая находка в этом плане не может особенно порадовать,

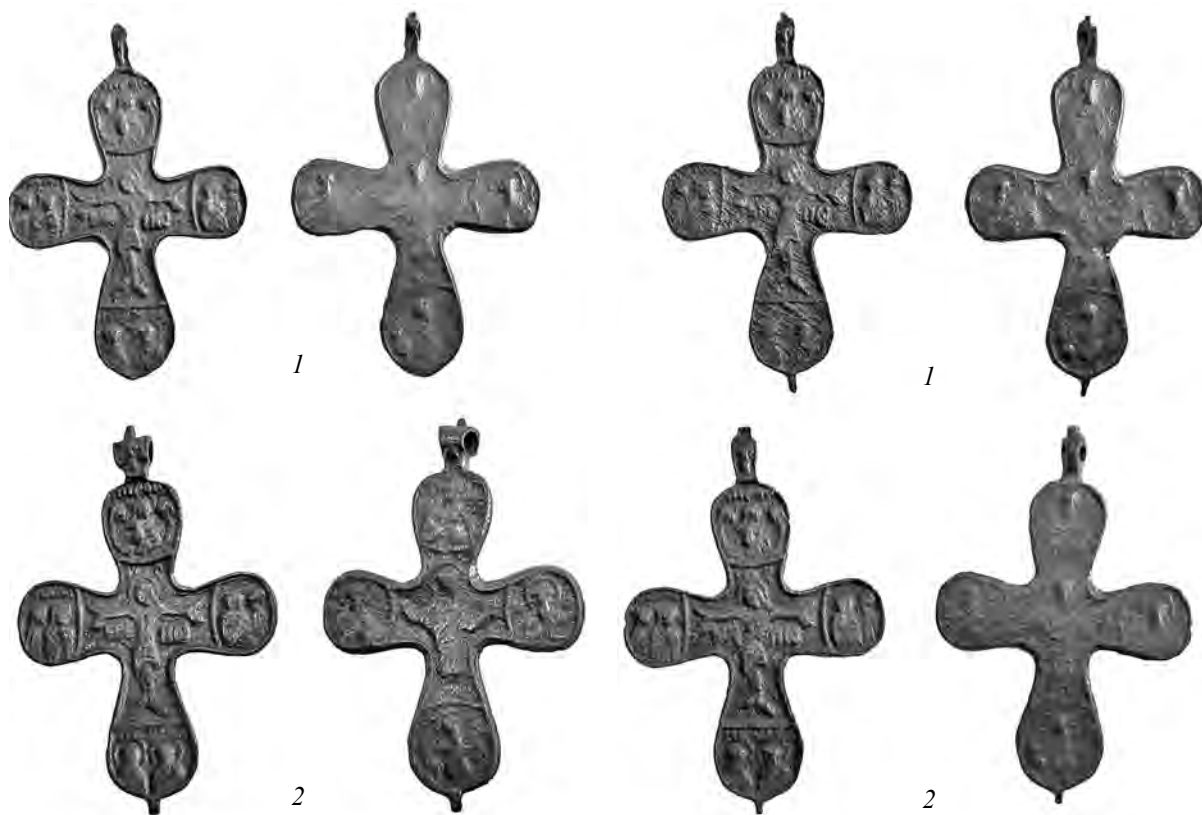

Рис. 5. Наперсные кресты

поскольку в ней преобладает посредственная продукция, за малым исключением.

Определение данной ремесленной продукции как московской тоже не лишено условности и, скорее, может служить указанием на типологические признаки, не исключая при этом причастности к производству небольших провинциальных мастерских Подмосковья. На это, в частности, указывает такая иконографическая деталь, как замена над Распятием полуфигур двух скорбящих архангелов (рис. 2:1–3) изображением Ветхозаветной Троицы (рис. 3:1–3, 4:1–2, 5:1–2, 6:1–3), делающим

весьма вероятным предположение о непосредственной связи с Троице-Сергиевым монастырем, чему не противоречит и состав избранных взяток. Труднее объяснить, не прибегая к общим догадкам, включение в состав сюжетов Никиты-бесогона (рис. 4:1). Случай далеко не уникальный и представленный разнообразными находками, перечень которых довольно большой. Всего 13 наперсных крестов, в целом очень схожих, обнаруженных на небольшом пространстве, относящихся к одному и тому же времени, несомненно, представляют наиболее показательную часть находки, отнесение которой к первой половине XVI в. как будто не внушает сомнений.

Есть в этом комплексе и несколько наперсных и нательных крестов иного типа, но по крайней мере первые из них по своему происхождению вполне укладываются в обозначенные хронологические рамки. Один из этих наперсных крестов четырехконечный с расширениями на концах древа и килевидным окончанием нижней оконечности. На лицевой стороне рельефное изображение Распятия с парящими фигурами двух скорбящих ангелов сверху. К типологическим отличиям изделия можно отнести килевидные окончания и поперечной перекладины, а также гладкое

Рис. 6. Наперсные кресты

Рис. 7. Наперсные кресты

Рис. 8. Кресты-тельники

гранчатое, неподвижное оглавие (рис. 7:1). В отличие от предыдущих примеров, это не серийное изделие, и оно несет отпечаток воспроизведения конкретного образца, возможно, выполненного из драгоценного металла. Такого типа серебряные наперсные кресты-мошевики можно указать в Троице-Сергиевой лавре⁸. Кресты такого типа, большинство из которых относится к XVI в., отличаются удивительным разнообразием в деталях: в частности, изображение скорбящих ангелов встречается на них сравнительно редко⁹. Другой меднолитой наперсный крест подобной формы, но несколько больших размеров, с помещенным в средокрестии, в звездчатом ковчезце изображением Богоматери «Знамение», с Ветхозаветной Троицей вверху и фигурами различных святых, расположенных рядами (рис. 7:2), имеет аналогии¹⁰. Но образцом-моделью явно послужила деревянная резьба второй половины XV в. наперсного креста, подобного происходящему из Троице-Сергиева монастыря¹¹. Изысканные пластические формы, таким образом, восходят к палеологовскому стилю¹².

Остается два нательных креста, одни из которых в фрагментированном виде с утраченным нижним концом (рис. 8:1). Подобные четырехконечные кресты с прямоугольными лопастями, с рельефным изображением восьмиконечного Голгофского креста в центральной части лицевой стороны, с цатой в средокрестии известны со второй половины XV в., если о том судить по находке среди остатков ювелирной мастерской в Твери¹³. Речь идет, однако, лишь об общем типологическом сходстве, но не об идентичности с данной находкой, пропорция и пластика которой с характерными ланцетовидной формы клеймами на лицевой и на оборотной сторонах креста указывают на XVII в. Точно также по типологическим признакам следует отнести ко второй половине XVII в. изготовление иного креста-тельника, с лучами на средокрестии, трактованными в виде волют, с обширными текстами (рис. 8:2). Это один из разнообразных подтипов, характеризующих продукцию московских ремесленников

указанного времени¹⁵. Оба креста-тельника в составе описываемого комплекса меднолитых изделий воспринимаются как чужеродные и случайные, отделенные от него большим хронологическим промежутком времени.

Объяснять причины скопления довольно значительного количества почти одновременных по происхождению и однотипных по характеру изделий трудно, тем более после их извлечения из участка, на котором они были обнаружены. Приходится ограничиться фиксацией типологии, с учетом стилистической характеристики, в которой возможны некоторые уточнения. Однако в любом случае основной состав крестов-энколпионов и наперсных крестов может быть представлен как продукт московского художественного ремесла, по времени четко вписывающийся в хронологический период от конца XV до середины XVI в.

Примечания

- ¹ *Алексеев А. В.* Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья // Троицкие чтения. 2003–2004 гг. Материалы VII–VIII Троицких чтений. — Большие Вяземы, 2004. — С. 32–45.
- ² Подробнее см: *Алексеев А. В.* Церковные древности Звенигородской земли // Очерки церковной археологии. — М.—Звенигород, 2008.
- ³ *Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М.* Тысячелетие креста // Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. — М., 2003. — № 19. — С. 44–45.
- ⁴ Там же. — № 21. — С. 48–51.
- ⁵ *Хухарев В. В.* К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконах из Твери // Тверской археологический сборник. — Вып. I. — Тверь, 1994. — С. 210–215; Он же. К вопросу об изображениях святого великомученика Никиты-бесогона // Песоченский историко-археологический сборник. — Вып. I. — Киров, 1993. — С. 25–29; *Пуцко В. Г.* Раритетная меднолитая иконка великомученика Никиты // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. — Т. 2. — Тверь, 2004. — С. 78–84.
- ⁶ См: *Шполянская Д. В.* Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV—XVI веков Рождествоно I (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. — Вып. 4. — М., 2008. — С. 267–278.
- ⁷ *Пуцко В. Г.* Фрагменты русской металлопластики из тарусских находок // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Материалы научного симпозиума 8–9 апреля 2009 г. — Калуга, 2009. — С. 80–85.
- ⁸ *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. — Загорск, 1960. — С. 276–279, № 127–129.
- ⁹ *Шполянская Д. В.* Наперсные кресты-мошевики XIV—XVI веков и кресты-мошевики с владельческими надписями в собрании Отдела драгоценных металлов Государственного исторического музея // Ставрографический сборник. — Кн. 3. — М., 2005. — № 5–19. — С. 469–476.
- ¹⁰ *Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М.* Тысячелетие креста. — М., 2003. — С. 84–85. Л 6.
- ¹¹ *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собраниях Загорского музея. Каталог. — Загорск, 1960. — С. 60, 61, рис. 15а–б.
- ¹² Подробнее см: *Пуцко В. Г.* Византийский стиль в московской деревянной резьбе XV века // Уваровские чтения—VI. — Муром, 2006. — С. 234–244.
- ¹³ *Олейников О.* Бронзолитейная мастерская на территории Затьмацкого посада Твери // Тверская старина. — Тверь, 1996. — № 14–15. — С. 150, рис. 13.
- ¹⁴ *Винокурова Э. П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. — М., 1999. — С. 328, 332, рис. 1, 5, 6.
- ¹⁵ Там же. С. 333–339, рис. II; *Векслер А. Г., Беркович В. А.* Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. — М., 1999. — С. 201, рис. 15:4.

НАХОДКА ИКОНКИ БОГОМАТЕРИ ОРАНТЫ НА ЛЮШИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Г. Ю. Стародубцев,

кандидат исторических наук,

Курский государственный областной музей археологии, директор

В июле-августе 2000 г. Гочевской древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии были начаты охранные исследования Люшинского городища и поселения (Льговский район Курской области).

Поселение входит в состав археологического комплекса, состоящего из городища и двух поселений (Люшинского и Городенского). Оно расположено на мысу правобережной террасы р. Сейм в 0,4 км к СЗ и в 0,1 км к С от с. Люшинка Льговского района Курской области (рис. 1). Первое упоминание о нем встречается в «Указателе городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии»¹. В 1930–1950-х гг. он периодически обследовался льговскими краеведами Е. В. Баталиным и О. Н. Андреевым. В 1947 г. комплекс был зафиксирован в ходе разведочных работ Днепровской левобережной археологической экспедиции под руководством И. И. Ляпушкина². В 1958 г. городище и поселения посетил В. П. Левенок во время разведки по р. Сейм³. В 1960-е гг. их неоднократно обследовали льговский краевед О. Н. Андреев и курский археолог Ю. А. Липкинг⁴, а в 1980 и 1982 гг. — Курский отряд Института археологии АН СССР под руководством П. Г. Гайдукова⁵ (Кашкин, 2000). По данным проведенных обследований, городище представляет собой многослойный памятник, датирующийся второй половиной I тыс. до н.э., IX–X вв. и XI–XIII вв. н.э.; поселение содержит культурные напластования XI–XIII и XIV–XV вв.⁶ Западная часть Люшинского поселения уничтожена карьером по добыче песка.

В связи с возобновлением карьерных разработок в 2000 г. возникла опасность дальнейшего разрушения поселения. Поэтому в его западной части были предприняты работы охранного характера⁷, в ходе которых был вскрыт участок площадью 40 м². В ходе работ удалось обнаружить частично разрушенную карьером сгоревшую подпрямоугольную постройку (постройка 1), ориентированную углами по сторонам света, с погребом в восточном углу (яма 3); а также синхронные ей две хозяйственные ямы (ямы 1–2). По индивидуальным находкам (шиферное пряслице (№ 4), бронебойный наколочник стрелы в виде кинжалчика

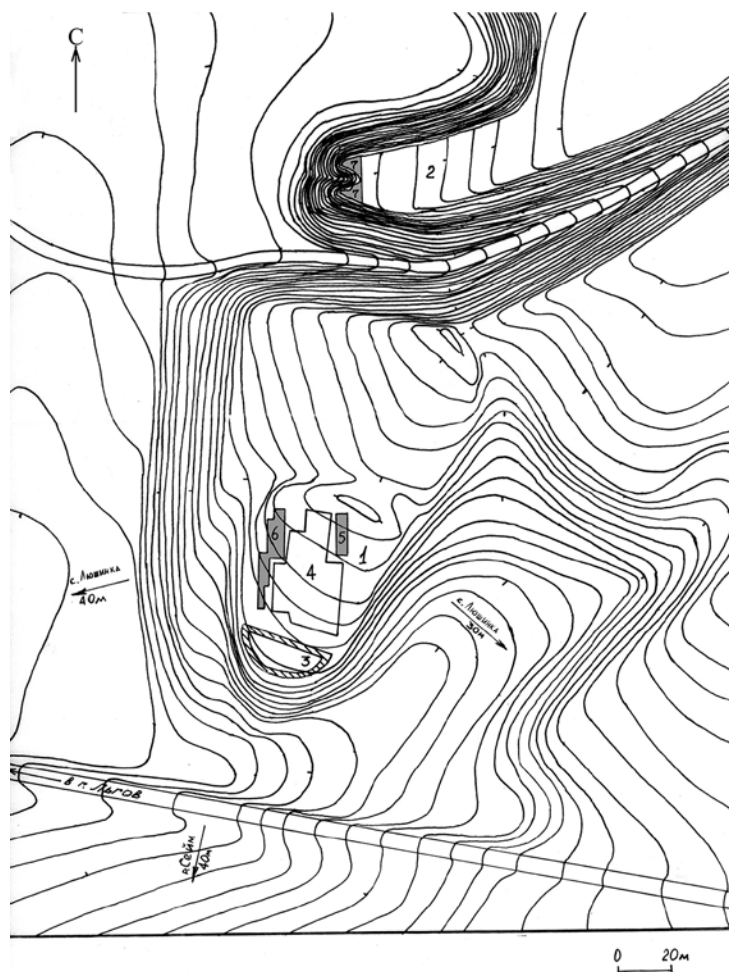

Рис. 1. Люшинский археологический комплекс:
1 — городище; 2 — поселение; 3 — траншеи времен Великой
Отечественной войны; 4 — кладбище; 5 — раскоп I;
6 — раскоп II; 7 — раскоп III

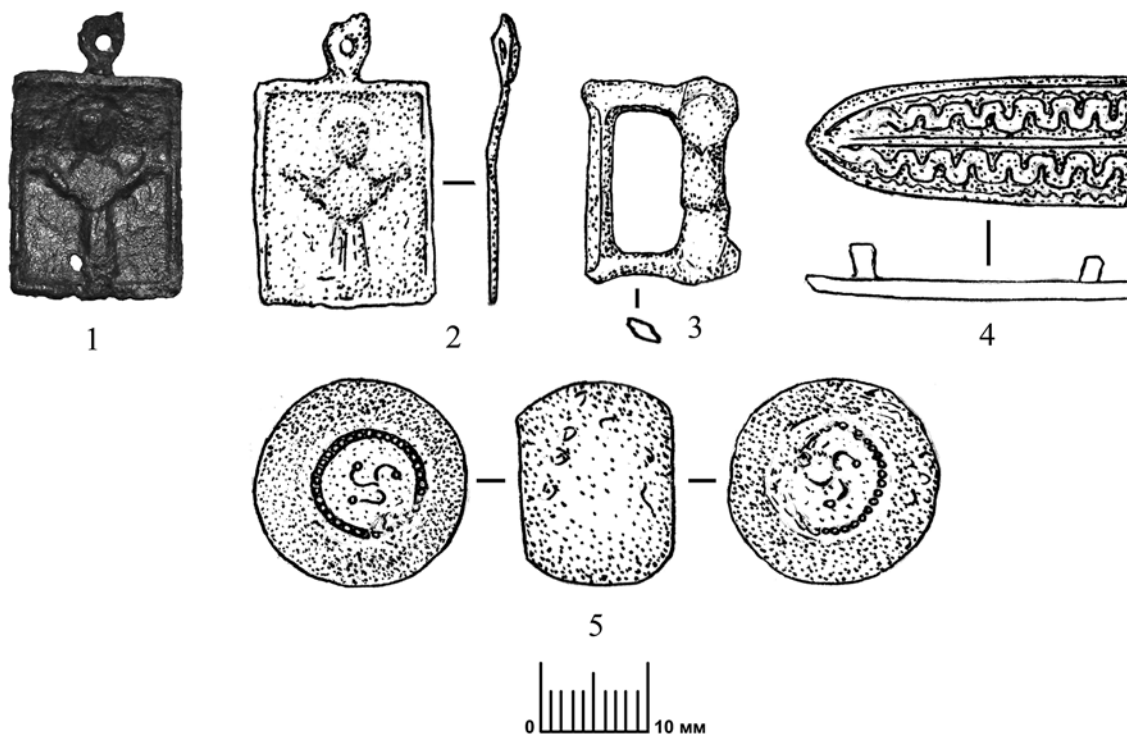

Рис. 2. Люшинское поселение. Подъемный материал:
1, 2 — иконка-привеска; 3 — обломок поясной пряжки; 4 — орнаментированный наконечник поясного ремня; 5 — весовая гирька. Материал: 1–4 — бронза; 5 — железо, бронза

ромбического сечения с перехватом (тип 97, вид 2 по А. Ф. Медведеву) датируется второй половиной XI–XII вв.⁸) (№ 20), фрагмент двустороннего орнаментированного гребня (№ 21), бронзовый пластинчатый браслет (№ 30)) и керамическому материалу они датируются XII в.

При осмотре поселения в осыпи карьера был собран подъемный материал, среди которого были изделия из бронзы (нательная иконка, орнаментированный наконечник поясного ремня, обломок поясной пряжки) (рис. 2, 1–4) и железная весовая гирька в бронзовой оболочке (рис. 2, 5).

В данной статье речь пойдет о нательной иконке. Она изготовлена из бронзы, имеет прямоугольную форму. Ее размеры (без ушка) 21,9×16,2 мм при толщине 0,7–0,8 мм. В верхней части иконка имеет оглавие в виде тонкого овального ушка для подвешивания размером 6,9×4,2 мм с отверстием диаметром 1,1 мм. По периметру лицевой стороны проходит окантовка в виде валика шириной 0,8–1,0 мм. В центральной части находится рельефное ростовое изображение Богоматери Оранты. Богоматерь облачена в длинный, скрывающий ноги хитон и мафорий, голова окружена нимбом. Слева и справа от нимба находятся плохо читаемые рельефные монограммы *MP* и *MA* под титлами. Высота фигурки (без нимба) — 17,3 мм (с нимбом — 18,4 мм), расстояние по горизонтали между концами рук — 12,4 см. (рис. 2, 1–2). Обратная сторона гладкая.

Изображение нами первоначально трактовалось как изображение распятого Христа⁹. Однако, вновь вернувшись к изучению изображения, мы установили, что на иконке — Богоматерь в полный рост, с молитвенно воздетыми руками. Согласно типологии А. К. Станюковича, по своей форме данная иконка-привеска относится к типу 3¹⁰, а по иконографии — к группе II (подгруппа II. А.)¹¹ (рис. 3). Аналогичные иконки-привески происходят из комплекса первой трети XIII в. культурного слоя Владимира, из кургана XII в. у д. Зворыкино Новгородской губернии (3 экз.); из слоя XII — начала XIII в. Ярополча-Залесского; с территории Киевской области Украины; из комплекса XII — первой половины XIII в. в Звенигороде на Збруче и др.¹² Еще один экземпляр хранится в собрании Одесского музея нумизматики¹³. В некоторых случаях в археологической литературе подобные иконки плохой сохранности ошибочно приняты за изображения Николая Чудотворца.

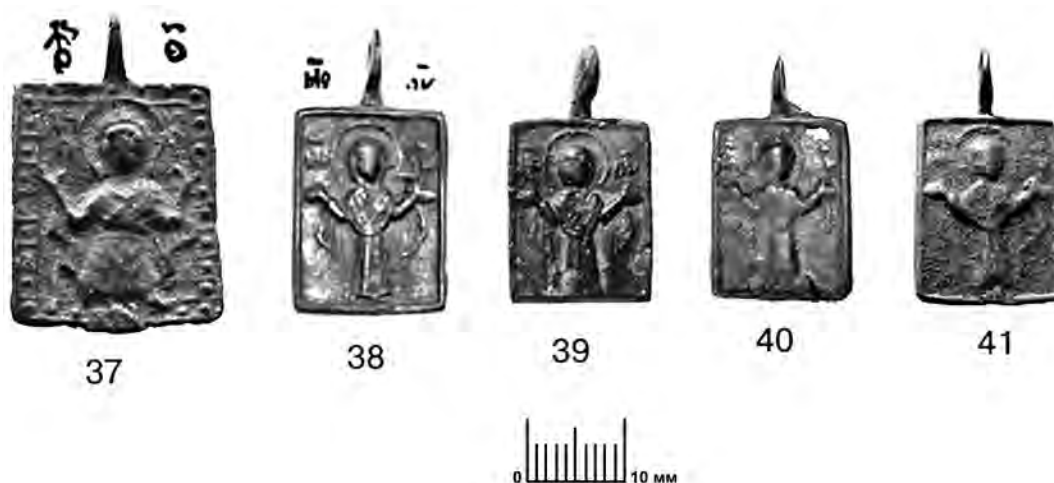

Рис. 3. Прямоугольные иконки-привески с изображением Богоматери Оранты (по А. К. Станюковичу, 2011. С. 94–96, табл. IV, 37–41).

37—Украина, Сумская обл., окрестности г. Глухова; 38—Украина, Киевская обл.;

39—Украина, Волынская обл., Луцкий район; 40—Украина, Житомирская обл.;

41—Украина, Киевская обл., Обуховский район

Это одно из древнейших иконографических типов Богоматери — Богоматерь Оранта (от лат. *orans* — молящийся). Богоматерь Оранта изображается без Младенца, в полный рост, с молитвенно воздетыми руками с раскрытыми ладонями наружу, то есть в традиционном жесте заступнической молитвы. Существуют и другие названия для этого иконографического типа: Богоматерь Влахернитисса — по изображению на алтарной стене Влахернского храма в Константинополе; Богоматерь «Нерушимая стена». Одно из первых русских изображений Богоматери Оранты Влахернитиссы имеется на мозаиках Софийского собора в Киеве, датирующихся 1043–1046 гг.¹⁴

По мнению Ю. Э. Жарнова, прообразами их композиции были изображения Богоматери на актовых печатях русских церковных иерархов конца XII — первой трети XIII в.¹⁵, хотя вполне возможно и прямое заимствование сюжета непосредственно с памятников монументальной или темперной живописи.

По данным А. К. Станюковича, прямоугольные иконки-привески (тип 3) появились, возможно, уже в XI в. Однако основной период их бытования — со второй половины XII в. по первую половину XVI в.¹⁶ Появление нательных иконок группы II скорее всего также относится к XI в. с пиком широкого распространения в XII — XIII вв.¹⁷ Эта датировка в совокупности с индивидуальными находками и керамическим материалом с раскопанной части поселения позволяет датировать найденную иконку-привеску с изображением Богоматери Оранты серединой — второй половиной XII в.

Список сокращений

КГСК — Курский губернский статистический комитет.

НА КГОМА — Научный архив Курского государственного областного музея археологии.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР: Книжная серия ИИМК / ИА АН СССР. М., М.-Л., Л.: 1941–1972.

Примечания

¹ Труды Курского губернского статистического комитета. — Вып. IV. — Курск, 1874. — С. 161–162.

² Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ИИМК АН СССР и ИА УССР в 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 205; Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в в эпоху железа // МИА. — № 104. — М.-Л., 1961. — С. 327–328.

- ³ *Левенок В. П.* Археологические разведки на верхнем Сейме в 1958 г. // НА КГОМА. — Д. I-31/29. — Л. 16.
- ⁴ *Липкин Ю. А.* Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. — № 113. — М.-Л., 1962. — С. 137; *Липкин Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского гос-ударственного педагогического института. — Т. 60. — Курск, 1969. — С. 188.
- ⁵ *Гайдуков П. Г.* Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — Д. 9557; *Гайдуков П. Г.* Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР на территории Курской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. — Ф. Р-1. — Д. 10023.
- ⁶ *Кашкин А. В.* Археологическая карта России. Курская область. — Ч. 2. — М., 2000. — С. 13–15.
- ⁷ *Стародубцев Г. Ю.* Отчет об охранных раскопках Курского государственного областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г. // НА КГОМА. — Д. I-121.
- ⁸ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. VIII–XIV вв. — М., 1966. — С. 85.
- ⁹ *Стародубцев Г. Ю.* Люшинский археологический комплекс: находки предметов раннехристианского пери-ода // Сіверщина в історії України. Матеріали сьомої науково-практичної конференції. — Суми, 2008. — С. 28–30; *Стародубцев Г. Ю.* Находки предметов христианского культа при исследовании Люшинского археологического комплекса // Церковь и общество: история и современность. Материалы IV научно-образовательных Знаменских чтений. — Т. 1. — Курск, 2009. — С. 208–211.
- ¹⁰ *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. — М., 2011. — С. 12, рис. 3,3.
- ¹⁰ *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. — М., 2011. — С. 18, 94–96, табл. IV, 37–41.
- ¹¹ *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере // СА. — № 3. — 1962. — С. 68–70; *Жарнов Ю. Э.* Художественное медное литье из раскопок Владимира-на-Клязьме // РА. — № 1. — 2000. — С. 191, рис. 7; *Нечитайло В. В.* Каталог христианских нагрудных изделий искусства периода Киевской Руси (X—первая половина XIII ст.). — Киев, 2000. — № 603; *Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Языческие святилища древних славян. — М., 1993. — Рис. 57, 2; *Седова М. В.* Ярополч Залесский. — М., 1978. — С. 119, табл. 6, 18; *Чудновец А. А.* Каталог средневековой мелкой пластики. — М., 2006. — С. 129, № 29.
- ¹² *Алексеев В. П., Лобода П. Г.* Одесский музей нумизматики. Каталог собрания. Т. IV. Мелкая пластика Киевской Руси X–XIII вв. — Одесса, 2005. — № 162.
- ¹³ *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. — М., 1973. — С. 260.
- ¹⁴ *Жарнов Ю. Э.* Художественное медное литье из раскопок Владимира-на-Клязьме // РА. — № 1. — 2000. — С. 191.
- ¹⁵ *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. — М., 2011. — С. 43, табл. 2.
- ¹⁶ Там же. — С. 44, табл. 3.

О ПОЧИТАНИИ В ТУЛЕ ПРЕПОДОБНОГО ТИХОНА КАЛУЖСКОГО ЧУДОТВОРЦА В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в. (ПО НАХОДКАМ КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА)

С. В. Зацаринный,

*старший научный сотрудник, ГУК Тульской области
«Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей»*

В конце XIX—начале XX в. Свято-Тихонова пустынь переживает период своего рассвета, что хорошо документировано разного рода письменными источниками этого времени. Сложнее обстоит дело с определением ареала и степени ее влияния на православное население соседних с Калужской губерний. Одним из надежных источников в этом вопросе являются археологизированные культовые предметы (металлические иконки-образки, стеклянные сосуды из-под святого масла (елея), святой воды и т.п.), вывезенные из обители прихожанами, богомольцами и многочисленными паломниками. Массовые находки таких предметов в самой Калуге и на территории губернии частично опубликованы в одном из исследований калужских коллег-музейщиков (*Ткаченко, Федорова, 1999*). Подобные материалы из других регионов, свидетельствующие о почитании преподобного Тихона Калужского Чудотворца православным населением соседних

губерний, специально исследователями пока не рассматривались. В этой связи мы попытаемся лишь частично восполнить этот пробел в отношении Тулы, где такой материал, безусловно, имеется. К сожалению, часть интересующих нас предметов принадлежит к категории так называемых «случайных находок», т.е. не содержит данных об историческом контексте их местонахождения. В весьма редких случаях подобные артефакты конца XIX—начала XX в. выявляются при археологических исследованиях, где они надежно документируются. Два таких предмета — латунная иконка-образок и стеклянный флакон из-под святого масла — были получены в результате охранных археологических исследований в Тульском кремле, проведенных экспедицией ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» под руководством автора в 2013–2014 гг. Примечательно, что других христианских реликвий периода поздней империи, связанных с культом иных православных святых, в ходе археологических работ выявлено не было.

Иконка была найдена в ходе археологических наблюдений при планировке территории к востоку от Благовещенского собора (в настоящее время — здание «Музея оружия») на участке между храмом и угловой Ивановской башней кремля (здесь же были собраны и несколько медных монет периода правления последнего российского императора). Она изготовлена из медного сплава (латуни —?) в технике штамповки, ее вес — 1,19 гр. (рис. 1). Предмет имеет форму медальона вертикально-овальной формы, его оглавие в виде круглого плоского ушка утрачено. Размеры иконки — (2,1)×1,5 см. На обеих ее сторонах оттиснуты низкорельефные изображения. На лицевой стороне изделия с правой стороны изображена мужская фигура в монашеском облачении с нимбом вокруг головы. В левой руке святой держит развернутый свиток. С левой стороны помещено изображение многоярусной колокольни, к которой обращена приподнятая правая рука святого. По периметру иконка оконтурена рельефным валиком, вдоль которого в верхней части поля помещена надпись «ПРЕП. ТИХОНЪ КАЛУЖ. ЧУД.». На оборотной стороне иконки в центре помещен восьмиконечный православный крест на Голгофе, фактура поверхности которого стилизована под дерево. Его средокрестие маркируется косым крестом, символизирующим веревочный способ крепления центральной перекладки. По сторонам от восьмиконечного креста расположены копьё и трость с губкой, которые разведены от его основания к горизонтальным оконечностям. По сторонам от верхней перекладки креста помещена надпись: IC (Иисус) XC (Христос).

Аналогичные иконки-образки кон. XIX — нач. XX в. с изображением преподобного Тихона Калужского чудотворца периодически обнаруживаются в Туле при проведении различных земляных работ или демонтаже «аварийных» зданий XIX в. Однако почти все они малодоступны для изучения, так как либо остаются в качестве «реликвий» у людей, их нашедших, либо, в лучшем случае, попадают в частные собрания, доступ к которым по очевидным причинам весьма ограничен. В этой связи учесть и зафиксировать их варианты и разновидности в иконографии пока не представляется возможным. Нам известно о 7–8 находках латунных образков с изображением преподобного Тихона Калужского. Все они в разное время были случайно найдены горожанами на территории Центрального и Пролетарского (в Чулково) районов г. Тулы. Подобные иконки периодически встречаются и в сельских населенных пунктах Тульской области (Квятковский, 2009. С. 38, 49).

Другой кремлевской находкой из Свято-Тихоновой пустыни является флакон из-под святого масла, который был обнаружен при осуществлении археологического наблюдения во внутреннем

Рис. 1

Рис. 2

дворе здания первой городской электростанции (введена в эксплуатацию в 1901 г.). Он происходит из верхней части заполнения мусорной ямы начала XX в., которая использовалась для накопления бытовых отходов, являвшихся результатом жизнедеятельности персонала электростанции, частью здесь и проживавшего. Флакон изготовлен из прозрачного стекла и имеет четырехгранное тулово и прямоугольное дно (рис. 2). Его высота—6,4 см, ширина сторон—3,1 и 2,0 см. Цилиндрическое горло (диаметр—1,4 см) четко отделено от покатых плечиков, плавно переходящих в торцевые стенки сосуда. Устье флакона по внешней стороне оформлено кольцевым валиком и имеет диаметр 1,8 см. Дно сосуда имеет неглубокий прямоугольный поддон без декора. Изображения и надписи на стенках сосуда рельефные (выпуклые).

На лицевой стороне помещено изображение фигуры преподобного Тихона. На торцевых ребрах флакона вертикально расположены однотипные надписи «СВ. МАСЛО». На оборотной стороне помещена надпись в пять строк: «СВЯТОЕ / МАСЛО / ПРЕПОД / ТИХОНА / КАЛУЖСК». По всей видимости, данный артефакт свидетельствует о посещении Свято-Тихоновской обители кем-то из сотрудников городской электростанции в начале прошлого столетия.

Рис. 3

За пределами кремля интересный комплекс из четырех стеклянных флаконов Тихоновой пустыни нам удалось зафиксировать в Зареченском районе г. Тулы весной 2016 г. Здесь перед сносом одного из частных деревянных домов конца XIX в. (ул. Комсомольская, 39) тульскими краеведами-любителями была исследована засыпка его чердачного перекрытия, где с площади около 6 кв. м. было собрано более 200 стеклянных флаконов и бутылей рубежа XIX–XX вв., среди которых доминировала аптечная посуда (среди других предметов можно отметить иконку-литографию на бумаге в жестяной рамке с изображением

Богоматери, бронзовые киотные кресты и складень, глиняную кацею и пр.). Примечательно, что, во-первых, только четыре флакона из этого комплекса соотносятся с культовой посудой, а во-вторых, все они происходят из Свято-Тихоновой пустыни: три небольших флакона из-под елея (два типа) и крупный флакон из-под святой воды. Приведем описание этих находок.

Флакон 1 изготовлен из прозрачного стекла и имеет четырехгранное тулово и прямоугольное дно (рис. 3). Его высота—6,0 см, ширина сторон—2,8 и 1,8 см. Цилиндрическое горло (диаметр—1,4 см) четко отделено от покатых плечиков, плавно переходящих в торцевые стенки сосуда. Устье флакона по внешней стороне оформлено кольцевым валиком и имеет диаметр—1,8 см. Дно сосуда имеет неглубокий поддон без декора. Изображения и надписи на стенках сосуда рельефные (выпуклые). На лицевой стороне помещено изображение фигуры святого в монашеском облачении с нимбом вокруг головы. В правой руке он держит развернутый свиток, его левая рука приподнята. На уровне головы помещена надпись: «Пр. Тихонъ». Торцевые стороны флакона гладкие. На оборотной стороне помещены изображение восьмиконечного православного креста и надпись в три строки: «СВ. МАСЛО / ПДЪ. / ТИХОНА».

Флаконы 2–3—идентичны. Они изготовлены из прозрачного стекла, имеют четырехгранное тулово и квадратное дно (рис. 4). Высота сосуда—8,4 см, ширина граней—3,0 и 3,0 см. Цилиндрическое горло (диаметр—1,7 см) четко отделено от крутых покатых плечиков. Оно украшено в нижней части тремя декоративными кольцевыми валиками. Устье сосуда по внешней стороне также оформлено кольцевым валиком и имеет диаметр 2,1 см. Дно сосуда украшено геометрическим узором в виде 16-лучевой розетки, вписанной в квадрат. Изображения и надписи на стенках сосуда рельефные (выпуклые). На лицевой стороне помещена фигура святого в монашеском облачении с нимбом вокруг головы. В правой руке он держит развернутый свиток, его левая рука приподнята. На уровне головы расположена надпись «ПР. ТИХОНЪ». На правой торцевой стороне помещено изображение четырехконечного креста с надписью в четыре строки «ВЪРА / ТВОЯ / СПАСЕТЪ / ТЯ», на левой—изображение восьмиконечного православного креста (нижняя перекладина скошена влево) и надписью в четыре строки «МАСЛО / ОТЪ / ПРЕПОД / ТИХОНА». На оборотной стороне помещено изображение раскидистого дуба на переднем плане и архитектурного ансамбля Тихоновой обители—на заднем.

Рис. 4

Рис. 5

Флакон 4 прозрачного стекла с четырехгранным туловом и прямоугольным дном (рис. 5). Высота сосуда—19,1 см, ширина граней—7,6 и 4,2 см. Цилиндрическая горловина имеет диаметр 2,3 см. При переходе в покатые плечики ее основание украшено кольцевым валиком. Устье сосуда по внешней стороне оформлено кольцевым валиком и имеет диаметр 3,0 см. Дно имеет неглубокий прямоугольный поддон, декорированный тремя 8-лепестковыми розетками, центральная из которых является более крупной. Изображения и надписи на стенках сосуда рельефные (выпуклые).

На лицевой стороне вверху помещено изображение треугольника с точкой в центре в обрамлении исходящих от него лучей—символ «Всевидающего Ока Божьего», ниже слева расположена фигура преподобного Тихона в монашеском облачении, справа—изображение деревянной церкви с шатровым куполом в честь иконы Богоматери «Живоносный источник» (возведена в 1887 г. над колодезем, вырытым Тихоном). На противоположной стороне в верхней части размещена однострочная надпись «ВЪРА ТВОЯ ЕПАСЕТЪ ТЯ» (в слове «спасет» вместо первой буквы «слово» стоит близкая по начертанию буква «есть»). Под надписью помещена икона Божьей Матери «Живоносный источник». Ниже расположена сюжетная композиция из пяти человеческих фигур у святого источника: на переднем плане—исцеляющиеся святой водой мужчина и женщина с двумя детьми, на заднем—священнослужитель в монашеском облачении и прямоугольной формы купальня или резервуар для воды (?). По всей видимости, здесь изображены элементы интерьера вышеупомянутой церкви, описанные историком и богословом Л. А. Кавелиным: «медный резервуар с кранами для получения воды богомольцами с большим под кранами тазом» (Кавелин, 1892. С. 258). На левом ребре помещена начальная часть вертикальной надписи «СВ: ВОДА ИЗЪ КЛАДЕЗА», на правом ребре—ее продолжение: «ПР: ТИХОНА КАЛУЖЕ: ЧУД.» (в сокращенном варианте слова «калужс.» вместо последней буквы «слово» стоит близкая по начертанию буква «есть»).

Еще 5 стеклянных флаконов из Свято-Тихоновой обители описанных выше типов в разные годы были найдены в исторической части Заречья и в Чулково (в настоящее время находятся в частных собраниях). Таким образом, по нашим данным, сосуды из Свято-Тихоновской обители встречаются

в Туле столь же часто, что и флаконы из Свято-Троицкой лавры, и составляют в совокупности с последними около 50% находок стеклянной посуды такого рода (примерно 20 из 40 флаконов являются импортом из этих монастырей). Постоянный спрос на святую воду и масло из Свято-Тихоновой пустыни был отмечен Л. А. Кавелиным еще в конце XIX в.: «...очень много подается исцелению: 1) и от воды, которую не в малом количестве берут в дома, употребляя оную при всех требующих помощи случаях, 2) и от масла, также разбираемого в дома...» (*Кавелин, 1892. С. 199*).

Частые находки в Туле культовых предметов, связанных с почитанием преподобного Тихона Калужского в конце XIX—начале XX в., убедительно свидетельствуют о высокой степени его почитания среди православных туляков. Во многом это объясняется географическим фактором, т. е. сравнительно близким расположением к Туле Медынского монастыря. Наряду с этим в росте популярности этого святого у населения губерний, граничащих с Калужской, определенную роль, по-видимому, сыграли торжества, приуроченные к празднованию 400-летия кончины преп. Тихона (1892). Распространению монастырской продукции в соседних губерниях, безусловно, способствовали и однодневные ярмарки, ежегодно устраивавшиеся при Тихоновой пустыни 16 июня в день памяти преподобного Тихона Чудотворца и 15 августа на праздник Успения Пресвятой Богородицы. В эти дни в пустынь съезжалось до 3000 богомольцев (*Кавелин, 1892. С. 320*).

Безусловно, металлические иконки-образки и стеклянные флаконы из-под святого масла и воды являются лишь частью широкого спектра культовых изделий (часто высокохудожественных), изготовлявшихся по заказам Свято-Тихоновской пустыни в мелких кустарных заведениях для многочисленных прихожан и паломников (*Ткаченко, Федорова, 1999. С. 80*). Культовые предметы из цветного металла и стекла могут длительное время находиться в культурном слое и благодаря этому являются надежным источником в вопросе о религиозных предпочтениях населения в различных регионах государства. Рассмотренные в настоящей статье материалы убедительно свидетельствуют о том, что на рубеже XIX–XX вв. преподобный Тихон Калужский Чудотворец пользовался особым почитанием у определенной части православных туляков, свидетельством чему являются археологизированные предметы, связанные с его культом.

Список литературы

1. *Кавелин Л. А.* Историческое и археологическое описание Тихоновой Калужской пустыни, в связи с историческим сказанием о Преподобном Тихоне, Калужском Чудотворце, основателе Тихоновой Пустыни, с приложением свидетельств о благодатных знамениях, явленных им страждущему человечеству. — М., 1892.
2. *Квятковский В.* Нателные иконки-образки XIX века. — М., 2009.
3. *Ткаченко В. А., Федорова Л. И.* Преподобный Тихон Калужский Чудотворец в сакральном искусстве рубежа XIX–XX вв. // Сквозь века...: Материалы 2-й гор. конф. — Калуга, 1999.

СЕРИЯ ОРУЖЕЙНЫХ КРЕМНЕВЫХ МИКРОЛИТОВ ИЗ РАСКОПОК ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

А. М. Колоколов,
научный сотрудник, Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»

В 1988 г. сотрудниками Тульского областного краеведческого музея было продолжено археологическое изучение кремля г. Тулы. Шурф площадью 16 кв. м был заложен между северной стеной кремля и Богоявленским собором (рис. 1). В 1988–1989 гг. при раскопках на территории Кремля было обнаружено 24 кремневых сечения пластин с мелкой ретушью на боковых гранях [15]. Находки были обнаружены вследствие переборки грунта из перекопа, пересекающего площадь шурфа с северо-запада на юго-восток. Материал датирован эпохой бронзы [15; 17]. При повторном изучении данных находок в 2017 г., 19 из них были атрибутированы как оружейные

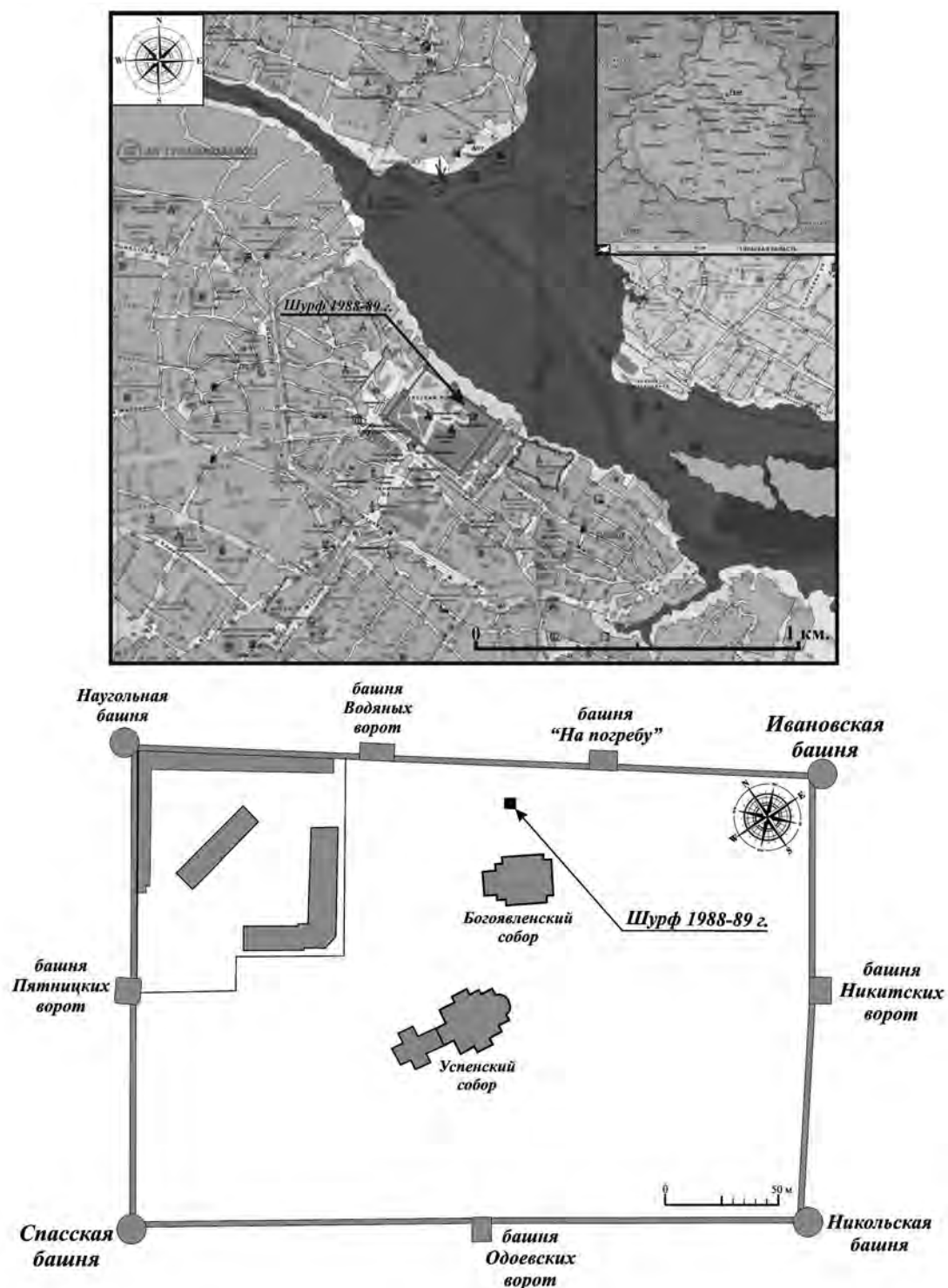

Рис. 1. Исторический центр г. Тулы с нанесенными кварталами дорегулярной застройки

кремневые микролиты (рис. 2). Коллекция хранится в фондах ГУК Историко-краеведческий и художественный музей¹.

Серии ружейных кремней присутствуют в культурных слоях практически всех крепостей XVI—XVIII вв. Восточной Европы [9, С. 236]. В «Переписной книге оружия московских

¹ Фонды ГУК Историко-краеведческий и художественный музей. Коллекция № 10783. Выражаю благодарность А. Н. Наумову и Ю. Г. Екимову за предоставленные материалы.

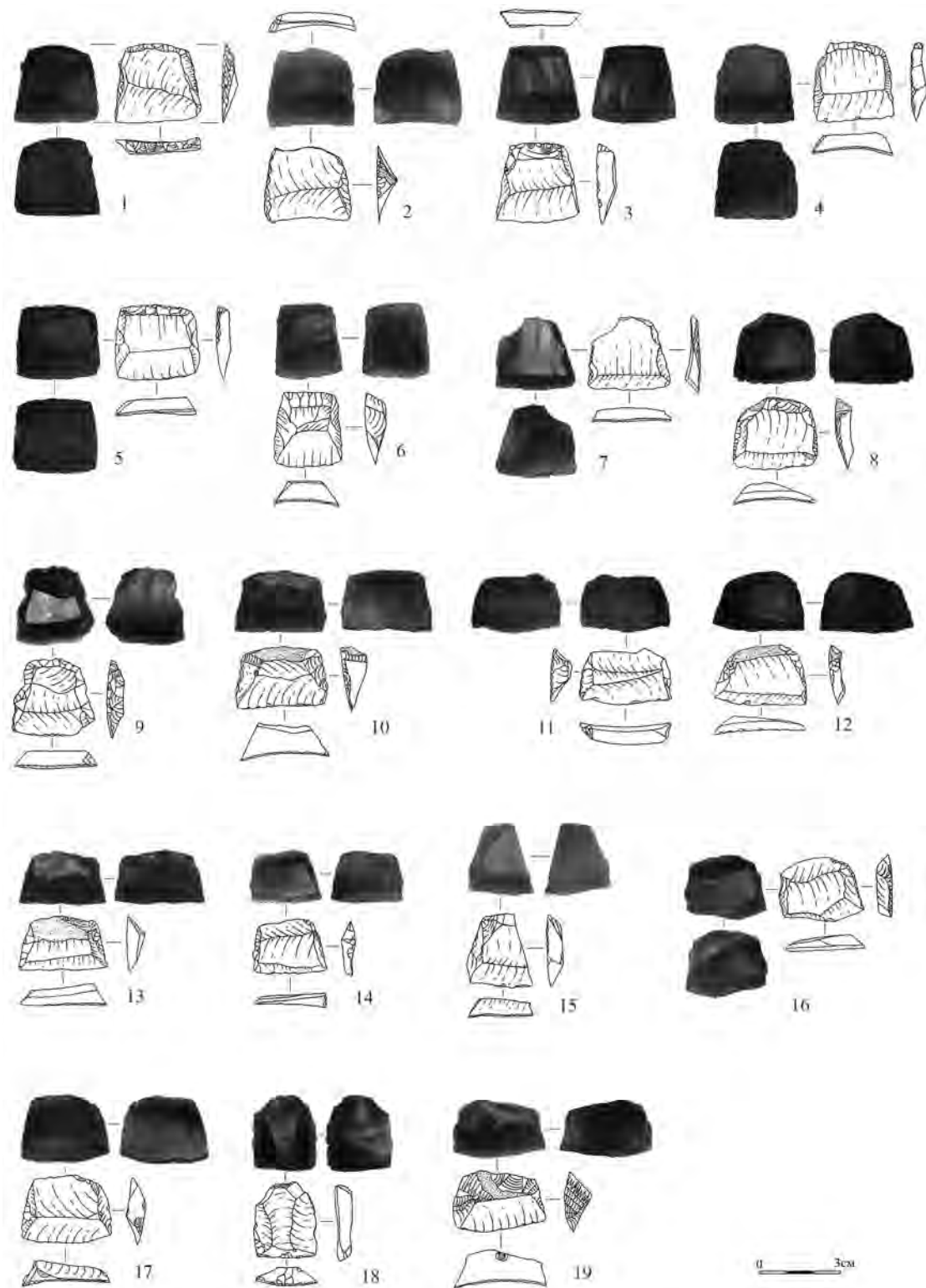

Рис. 2. Серия оружейных кремневых микролитов из шурфа 1988–1989 гг. на территории Тульского кремля

стрелечьих указов» первой трети XVII в. упоминается текущий арсенальный запас в 16 тыс. кремней к замочным ружьям [12, С. 88]. О поставке «пищального доброго кремня пятьсот тысяч...» говорится в указе царя Алексея Михайловича от 1649 г. [8]. В ведомости припасов артиллерийского управления 1720 г. идет речь о заготовке «кремня фузейного по 70 ко. 1 000 русской бойки, немецкой бойки по 1 ру. по 40 ко. 1 000» [12, С. 431].

Большая часть кремневых микролитов принадлежат к одному типу: Тип 1, подтип *a*—геометрические трапециевидные микролиты с плоской прижимной площадкой в вентральной части (рис. 2, № 1, 3–16, 18). Три экземпляра принадлежат к типу 1, Подтип *b*—геометрические микролиты подпрямоугольной формы с поперечным ребром в вентральной части (рис. 2, № 2, 17, 19) [11]. Высокая степень стандартизации говорит в пользу того, что они были изготовлены в одной мастерской и по одному шаблону. Аналогичные по форме экземпляры хранятся в фондах Артиллерийского исторического музея в Санкт-Петербурге [14. С. 197, рис. 11], а также в большом количестве представлены среди материалов исследований «казачьих крепостей» верхнего течения Северского Донца [9]. Аналогичные серии ружейных кремней происходят из русских военных лагерей XVIII в. в Крыму [10].

Все микролиты изготовлены из темно-коричневого кремня высокого качества. Ближайшие месторождения подобного кремня известны на берегах Оки. Размер изделий следующий; 10 изделий имеют длину 2,8–3,2 см, ширину—2,5–3 см; 9 изделий имеют длину 2–2,3 см, ширину—2,7–3,2 м. Толщина изделий варьируется от 4 до 10 мм. Исходя из размера, первая группа может быть условно отнесена к ружейным кремням, вторая—к пистольным [19]. Кремни не носят следов использования: на гранях (в ударной части) отсутствует характерная забитость, возникающая вследствие многократных ударов кремня о металлическое кресало. Кроме того, на их поверхности не выявлено следов порохового нагара, характерного для изделия, использованного для стрельбы [2; 3].

Несмотря на характер залегания в слое перекопа, данный комплекс находок можно предположительно интерпретировать как единовременное скопление. В пользу этого говорят однотипность находок, отсутствие следов использования, а также относительная кучность залегания. Вероятно, до разрушения перекопом, находки находились в упаковке, представляющей собой матерчатый или кожаный мешочек, истлевший впоследствии («кулек с кремнем за печатью» [12. С. 88]).

В Туле скопление кремней аналогичных типов было обнаружено в ходе исследований 1996 г. по улице Революции, 3 [16]. В слоях конца XVII—первой половины XVIII в. было обнаружено 8 кремней трапециевидной формы, относящихся к типу 1, подтипу *a* [11]. Данные кремни изготовлены из черного и темно-коричневого кремня высокого качества и также не носят следов использования. При раскопках в 2014 г. на участке, непосредственно примыкавшем к участку исследований 1996 г., был обнаружен большой торговый квартал [1]. Вероятно, данные находки связаны с торговой деятельностью обитателей данного квартала, которые осуществляли посреднические функции при поставке ружейного кремня в город.

Кроме того, в кремле известны находки ружейного кремня совсем иного характера—из местного валунного кремня, выполненного в другой, более грубой манере. Они, в отличие от кремней привозных, имеют следы активного использования [2; 3; 4; 5]. Почти все они принадлежат к типу 1, подтипу *b*—аморфные микролиты, с плоской площадкой в вентральной части [11]. Скопление подобных кремней обнаружены при раскопках на улице Спортивной, 15, вместе с прочими деталями оружейного замка [18; 7]. Единичные находки подобных кремней встречаются в разных частях исторического центра в слоях и комплексах XVI–XVIII вв. [11]. Есть предположение, что ружейные кремни, изготовленные из местного валунного кремня, носят кустарный характер и являются частью прибора гражданского охотничьего оружия, в отличие от типовых кремней из привозного материала, носящих военный характер.

Выпадение находок оружейных кремневых микролитов в слой можно связать с пожаром 1696 г. в Тульском кремле, который привел к практически полному запустению территории кремля уже к 1726 г. [20; 21, С. 99].

Список литературы

1. *Бурцев И. Г.* Отчет об археологических исследованиях на пересечении ул. Революции и ул.Энгельса Советского района г. Тулы в 2014 году. (В печати.)
2. *Галимова М. Ш., Ситдинов А. Г., Хабаров В. В.* Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование // Поволжская археология. — 2014. — № 3(9). — С. 256–276.
3. *Галимова М. Ш.* Экспериментально-трасологические критерии дифференциации кремневых скребков и оружейных кремней // Методы изучения каменных артефактов. Материалы международной конференции. — СПб., 2015. — С. 209–212.

4. *Екимов Ю. Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. // Поздне-средневековый город: археология и история. — Тула, 2007. — С. 66–131.
5. *Екимов Ю. Е.* Отчет о работах Археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» в 1999 г. на территории Тульского кремля. Архив ИА РАН.
6. *Екимов Ю. Г.* Отчет о работах Археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» в 2000 г. на территории Тульского кремля. Архив ИА РАН.
7. *Екимов Ю. Г.* Предметы вооружения из культурного слоя раскопа на улице Спортивной в исторической части Тулы // Город средневековья и раннего нового времени II(V). Археология, история. Материалы V Всероссийского семинара. — Тула, 2013. — С. 311–323.
8. *Кобяков Ю. А., Ракитин А. С.* Государственный оборонный заказ в XVII веке // Национальная оборона — 2011. — № 12.
9. *Колесник А. В., Голубева И. В.* Ружейные кремневые микролиты-вкладыши в археологических комплексах XVI—XVIII вв. в среднем течении Северского Донца // Древности. — 2010. — С. 235–252.
10. *Колесник А. В., Яковец М. Ю., Климова К. И.* Комплексы ружейных кремней XVIII–XIX вв. из Крыма // Поволжская археология. — 2016. — № 4(18). — С. 309–324.
11. *Колоколов А. М.* Находки ружейных кремней и свинцовых оправ в историческом центре г. Тулы // Город средневековья и раннего нового времени III (VI). Археология, история. Материалы V Всероссийского семинара. (В печати.)
12. *Марголин С. А.* Вооружение стрелцкого войска // Тр. ГАИМ, XX. — М., 1941.
13. Материалы для истории артиллерийского управления в России (1701–1720 г.). — СПб., 1876.
14. *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. — 1965. — № 4. — С. 186–198.
15. *Наумов А. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории кремля г. Тулы в 1988 г. — Тула, 1989. — № 12864.
16. *Наумов А. Н.* Отчет об исследованиях в г. Туле и на Куликовом поле в 1996 г. — Тула, 1997.
17. *Наумова Т. В.* Местонахождения эпохи камня и бронзы на территории Тулы // Тула историческая. Прошлое и настоящее. — Тула, 1996. — С. 12–13.
18. *Наумова Т. В.* Отчет о результатах новейших археологических исследований на территории г. Тулы в 2008 г. (Центральный район, ул. Спортивная, 15). — Тула, 2009.
19. *Суханов И., Хабурзания М.* Кремль как средство воспламенения порохового заряда оружия // Ружье. — 2000. — № 4. — С. 61–63.
20. Тула. Материалы к истории города XVI—XVIII столетий. — М., 1884.
21. Тульские оружейники. Сборник документов. — М.: РОСПЭН, 2003. — С. 99.

ЦЕРКОВНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ОРЛОВСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XVI СТОЛЕТИЯ

А. Ю. Савосичев,

*доктор исторических наук, доцент кафедры религиоведения и теологии
Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева*

В XVI столетии верховья Оки были далекой южной окраиной Русского государства на границе с владениями беспокойных соседей, крымских татар. Территория будущего Орловского уезда располагалась в лесостепной полосе, открытой для вражеских набегов. Здесь проходило несколько старинных степных дорог, шляхов, которые были основными путями передвижения кочевников. Этот фактор не способствовал положительной динамике демографических процессов в Орловском крае. Тем не менее территория по верхнему течению Оки, заселенная еще в глубокой древности, несмотря на монголо-татарское нашествие и последующие вторжения кочевников, не была пустынным краем. Сохранились города Мценск, Новосиль, Брянск. Археологические данные указывают на существование целого ряда сельских поселений XIV–XVI вв¹. Когда возникают в будущем Орловском крае древнейшие христианские храмы? Сколько их было и какова их география? На эти вопросы сложно дать ответы. Письменных источников нет, а археология в этой области имеет весьма ограниченные возможности. Теоретически, церкви должны были строиться, в первую очередь, в городах, а затем в их ближайшей округе.

Орел, как известно, был основан в 1566 г. Это стало предпосылкой к образованию Орловского уезда и формированию в окрестностях города соответствующей храмовой инфраструктуры. Судить о степени ее развитости к концу столетия позволяет писцовая книга Орловского уезда 1594/95 г. Уезд был описан Дементием Яковлевым и подьячим Леонтием Сафоновым². Ныне в распоряжении исследователей есть только приправочный список с их книги письма и меры. Судя по наблюдениям П. П. Смирнова, существенных утрат в тексте нет³, кроме окончания описания Тайчукова стана. Всего в Орловском уезде в конце XVI в. было пять станов: Неполоцкий, Каменский, Корчаковский, Нугорский и Тайчуков.

Согласно данным писцовой книги 1594/95 г., в пяти станах Орловского уезда было 29 церквей⁴. Это минимальная величина, поскольку начало книги с описанием непосредственно города и конец книги утрачены. Почти все храмы располагались на погостах, поселениях, состоявших только из церкви и дворов церковного причта и стоявших на определенном расстоянии от сел и деревень. Исключение составляет только ц. Архангела Михаила в селе Сабурове Корчаковского стана. Почти все церкви (22 из 29, по остальным данным нет) были возведены и оборудованы стараниями местных крестьян и помещиков («строение приходных людей») на земле, специально выделенной для этого из государственного земельного фонда. В пользу последнего тезиса говорит последовательное единообразие в размерах наделов церковной земли. В 27 случаях из 29 (на ц. Егория Стратотерпца в Тайчукове стану полагалось 13 четвертей, а при ц. Архангела Михаила в селе Сабурове Корчаковского стана писцы особой церковной земли не зафиксировали) на храм полагалось 20 четвертей доброй земли в одном поле, или всего 30 десятин. Не похоже, чтобы землеустроительные работы по выделению земли под погосты проводились Яковлевым и Софоновым. В их книге никаких указаний на это

---

¹ Археологическая карта России. Орловская область / сост. Г. К. Патрик. М.: Авто, 1992. С. 22, 23, 26–28 и др.

² Писцовые книги юго-западного порубежья. М., 2013. С. 147; *Смирнов П. П.* Орловский уезд в конце XVI века. Киев, 1910. С. 1.

³ *Смирнов П. П.* Указ. соч. С. 5–12, 41.

⁴ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 853–1073.

нет. Опять же, описание середины 1590-х гг. застает погосты населенными и распаханными. Можно предполагать, что земля под храмы Орловского уезда была выделена при описании 1584/85 г. Дозорная книга Карачевского уезда 1614 г. упоминает книги письма и меры Юрия Пушечникова и Михаила Шишелова «с товарищи» 7093 г. Писцы работали в Караческом и Орловском уездах¹

Из церковного надела распахивалось от 5,3% (3 надела из 27) до 100% (1 надел). Необработанная часть представляла собой целину, «дикое поле», согласно терминологии писцовых описаний. Церковная пашня, по всей видимости, обрабатывалась самим причтом. Только на трех погостах из 28 писцы зафиксировали наличие бобыльских дворов.

Причт церквей был немногочислен. В половине всех приходов (14 из 28, по ц. Архангела Михаила в селе Сабурове данных нет) при храме жили только два человека: священник и пономарь. В трех случаях не было даже пономаря, причт исчерпывался одним священником. В четверти (7 случаев) всех приходов причт состоял из трех человек: к священнику и пономарю прибавлялись проскурница или, что реже, дьячок (1 случай). Приходы, где причт состоял из 4 (священник, дьячек, пономарь и проскурница) или 5 (два священника, дьячок, пономарь и проскурница) человек, были редкостью (по одному случаю).

При большинстве приходов существовали кельи, где жили нищие. Количество таких келий варьировалось от 1 до 4. Чаще всего на погосте были 1–2 кельи.

Таким образом, можно полагать, что церковная инфраструктура в Орловском уезде выстраивалась усилиями, с одной стороны, государства, а с другой стороны, прихожан, местных крестьян и помещиков. Количество храмов и их плотность, судя по всему, зависели от демографических процессов в уезде, относившемся к южной окраине Русского государства со всеми особенностями ее развития.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЛУЖСКИХ АРХИЕРЕЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. В. Штена,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского*

Калужская епархия была образована лишь в конце XVIII в. Известно, что с октября 1799 по 1851 г. калужскую кафедру занимали последовательно юридически десять, а фактически девять человек. Номинально самый короткий срок служения на калужской кафедре отбыл епископ Серапион (Александровский). Получилось так, потому что учрежденная Калужская епархия была фактическим продолжением Дмитровской епархии, архипастырь которой епископ Дмитровский Серапион и был 16 октября 1799 г. назначен епископом Калужским и Боровским². Однако епископ Серапион, будучи известным в церковных кругах того времени (с 1775 по 1799 гг. занимал должности настоятеля московских Крестовоздвиженского, Знаменского и Богоявленского монастырей), был сочтен достойным для замещения более важной кафедры, и через пять дней, так и не прибывши в Калужскую епархию, 21 октября 1799 г. был переведен архиепископом в Казань³. Последним местом служения этого первого калужского архипастыря была Киевская митрополичья кафедра, совмещенная с должностью члена Св. Синода, которую он занимал с 11 декабря 1803 г. 24 января 1824 г. митрополит Серапион был уволен на покой, а 14 сентября 1824 г. он скончался и погребен в Киевском Софийском соборе⁴.

¹ Антонов А. В. Дозорная книга Карачевского уезда 1614 года // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 251.

² Калужские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1897. № 20. С. 579.

³ КЕВ. 1897. № 20. С. 580.

⁴ Там же. С. 581.

По своему социальному происхождению все калужские архипастыри, фактически управлявшие Калужской епархией (9 человек), принадлежали к духовному сословию, причем шесть из них (66,6%) были выходцами из семей священнослужителей, двое (Евламий (Введенский) и Григорий (Постников)) — из семьи диаконов (22,2%) и один (Феофилакт (Русанов)) из семьи причетника (11,1%)¹. Два калужских архипастыря были уроженцами Московской губернии — Григорий (Постников) и Никанор (Клементьевский), семь человек родились в различных губерниях России — Архангелогородской, Владимирской, Орловской, Казанской, Рязанской, Воронежской, Калужской. При этом лишь трое, согласно имеющимся данным, родились в городах (33,33%) — Юрьеве, Воронеже, Медыни (епископ Николай (Соколов)). Епископ Никанор (Клементьевский) был уроженцем Сергиева Посада, где располагается святыня земли Русской — Троице-Сергиева лавра. Остальные представители высшей церковной иерархии являлись выходцами из семей сельских священников, диакона, причетника.

Все без исключения калужские архипастыри получили высшее или среднее, как правило, богословское образование. Так, восемь архиереев (88,9%) окончили духовные семинарии, ближайшие по месту жительства. Двое из этих восьми являлись выпускниками известной Троицкой духовной семинарии, располагавшейся в стенах Троице-Сергиевой лавры. Впоследствии пять человек из девяти реально управлявших Калужской епархией (55,5%) окончили духовные академии, в основном в Петербурге — Санкт-Петербургскую духовную академию (четверо — 44,4%) и один архипастырь — епископ Евламий (Введенский) являлся выпускником Московской духовной академии. Два высших церковных иерарха, занимавших в первой половине XIX в. калужскую кафедру, были выпускниками старейшего учебного заведения России — Московской славяно-греко-латинской академии — епископы Евгений (Болховитинов) и Николай (Соколов). И только двое (22,2%) — епископы Антоний (Соколов), окончивший Казанскую духовную семинарию и Феофилакт (Русанов), окончивший Олонецкую духовную семинарию и Александр-Невскую Санкт-Петербургскую духовную семинарию, формально имели только среднее и не имели высшего богословского образования. При этом точно известно, что двое из калужских архиереев имели ученые степени доктора богословия — Филарет (Амфитеатров) и Григорий (Постников). Первый, правда, получил степень по должности инспектора Санкт-Петербургскую духовную академию и с формулировкой «за безукоризненный образ жизни». А вот епископ Григорий (Постников) написал богословское сочинение о пророках «*Commentatio de prophetis in genege*». По некоторым данным, такая же ученая степень была присуждена и епископу Никанору (Клементьевскому). Выпускником Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия (1814) значился будущий калужский епископ Гавриил (Городков)².

Следует подчеркнуть, что уже епископом Феофилактом (Русановым), руководившим Калужской епархией с 30 октября 1799 по 5 марта 1809 г.³, были заложены традиции высокого авторитета калужских епископов, поддерживавшегося государственной и церковной властью. Именно он станет первым архиереем, фактически управлявшим Калужской епархией в течение почти 8,5 лет (30.10.1799–05.03.1809). Это будет второй по длительности пребывания срок служения на калужской кафедре, первенство же в этом вопросе принадлежит уроженцу г. Медыни Калужской губернии епископу Николаю (Соколову), который управлял Калужской епархией 17 лет (02.10.1834–17.09.1851). Скончался в Калуге и был погребен в кафедральном Троицком соборе. В свою очередь, в течение самого короткого периода реально, а не номинально, как епископ Серапион (Александровский), Калужской епархией управлял известнейший церковный деятель Евгений (Болховитинов, 19.07.1813–07.02.1816) — 2,5 года. В среднем калужские архипастыри занимали свой пост в течение 5,5 лет, однако это если учитывать семнадцатилетний срок пребывания на калужской кафедре епископа Николая (Соколова) и более чем восьмилетний срок служения епископа Феофилакта (Русанова). В то же время четыре калужских архипастыря — Антоний

¹ См. соответствующие графы табл. 1.

² См. соответствующие графы табл. 1.

³ Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования. Калуга, 1900. С. 13.

(Соколов), Григорий (Постников), Гавриил (Городков), Никанор (Клементьевский), служили на калужской кафедре от 3 лет до 3 лет 3 месяцев¹, а епископ Евлампий (Введенский) состоял в должности 4 года. Именно на его правление Калужской епархией пришлось суровые месяцы Отечественной войны 1812 года. Труды по восстановлению разрушенных церквей и монастырей не только в Калужской, но и в соседней Смоленской епархии подорвали здоровье архипастыря, он скончался в Калуге 1813 г. в возрасте 57 лет и был погребен в кафедральном Троицком соборе².

Таким образом, более пяти лет в качестве главы Калужской епархии служили трое: уже упомянутые ранее Николай (Соколов), Феофилакт (Русанов), а также известнейший церковный деятель, богослов Филарет (Амфитеатров, 01.06.1819–12.01.1825), который возглавлял калужскую кафедру чуть более 5,5 лет.

Средний возраст архиерея, вступившего на калужскую кафедру, равнялся 44 годам 8 месяцам, а средний возраст ухода с калужской кафедры — 50 лет и 4 месяца. Правда, эта цифра получается с учетом ухода из жизни самого возрастного епископа Калужского и Боровского Николая (Соколова), принявшего епархию в 54 года и оставившего ее в 71 год. Если не принимать во внимание возрастные характеристики данного архиерея, то средний возраст оставления калужской кафедры архипастырями снизится до 47–48 лет. То есть церковные деятели покидали калужскую кафедру в расцвете сил, имея возможности для реализации своих карьерных амбиций в дальнейшем. Многие из них переводились на более высокие должности. Например, епископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов) станет впоследствии архиепископом Рязанским, а затем и экзархом Грузии³. А Евгений (Болховитинов, епископ Калужский и Боровский в 1813–1816 гг.) служил архиепископом Псковским и скончался митрополитом Киевским. Филарет (Амфитеатров, епископ Калужский и Боровский в 1819–1825) управлял Рязанской, Казанской, Ярославской и Ростовской епархиями, скончался в должности митрополита Киевского и Галицкого. Григорий I (Постников, 1825–1828) и Никанор (Клементьевский, 1831–1834) скончались Санкт-Петербургскими митрополитами. Этот субъективный фактор, по мнению религиоведа Ю. Г. Петраша, имел большое значение для упрочения православия в крае и превращения Калужской епархии в мощный оплот русского православия⁴.

Самым молодым архиереем, принявшим Калужскую епархию в возрасте 34 лет, стал Феофилакт (Русанов), который может считаться и самым молодым архиереем, покинувшим Калужскую епархию в возрасте 43 лет. В 40 лет принял калужскую кафедру епископ Филарет (Амфитеатров), в 41 год — епископ Григорий (Постников). Таким образом, при вступлении в должность главы Калужской епархии пяти архипастырям было не более 45 лет, двум до 50 лет — епископу Евгению (Болховитинов) и епископу Антонию (Соколову) и двум чуть более 50 лет — епископу Евлампии (Введенскому, 53 года) и епископу Николаю (Соколову, 54 года).

И все же вступившие в должность калужского архипастыря архиереи, как правило, имели либо многолетний опыт управления различными православными монастырями, либо уже осуществляли руководство в должности епископа или викарного епископа. В течение ряда лет (с 1795 по 1799) исполнял обязанности архимандрита и настоятеля ряда православных обителей, в том числе Новгородского Антония Римлянина монастыря, Новгород-Иверского монастыря, будущий калужский архипастырь Феофилакт (Русанов)⁵. Также известно, что епископ Гавриил (Городков) до того, как в мае 1828 г. был хиротонисан в епископа Калужского и Боровского, пребывал в должностях архимандрита Успенского монастыря в Орле, настоятеля Макариевского монастыря и настоятеля Нижегородского Печерского монастыря. А святитель Филарет (Амфитеатров, в схиме Феодосий) был назначен на калужскую кафедру в 1819 г. будучи на тот момент ректором Московской духовной академии⁶.

¹ См. соответствующие графы табл. 1.

² Историческая записка... С. 16–17.

³ Там же. С. 15.

⁴ *Петраш Ю. Г.* Религия, свободомыслие и атеизм в Калужском крае. Социально-философские аспекты. Обнинск, 2009. С. 93–94.

⁵ Историческая записка... С. 13–14.

⁶ Там же. С. 18.

В то же время восьмилетний опыт управления самостоятельной Архангелогородской и Холмогорской епархией (с 1801 по 1809) имел перед назначением на калужскую кафедру епископ Евлампий (Введенский)¹. Четырехлетний опыт управления (с 17.01.1804 по 24.01.1808) Старорусским викариатством Новгородской епархии имелся у епископа Евгения (Болховитинова), который затем до назначения на калужскую кафедру 5,5 лет управлял Вологодской епархией². Примечателен тот факт, что в 1808 г. преемником Евгения (Болховитинова) на посту епископа Старорусского, викария Новгородской епархии стал будущий епископ Калужский и Боровский Антоний (Соколов). Он же перед назначением на калужскую кафедру получил еще шестилетний опыт (с 1810 по 1816) управления Воронежской и Черкасской епархией³. В течение почти 3,5 лет (с 1822 по 1826) перед назначением на должность управляющего Калужской епархией прослужил в должности епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии епископ Григорий (Постников)⁴. А сразу после него в 1826 г. в епископа Ревельского был рукоположен другой будущий калужский архипастырь — Никанор (Клементьевский), прослуживший в должности викарного епископа 5 лет⁵. А уроженец г. Медыни Калужской губернии епископ Николай (Соколов) до назначения калужским архиереем в 1834 г., начиная с 1821 г. успел побыть в должности архимандрита Шацкого Чернеевского мужского монастыря во имя свт. Николая Чудотворца Тамбовской епархии, настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря и Козловского Троицкого монастыря Тамбовской епархии. 8 июня 1831 г. он был хиротонисан в епископа Дмитровского, викария Московской епархии⁶.

Из девяти человек, реально руководивших Калужской епархией, двое закончили свой жизненный путь и были погребены в Киеве, двое в Санкт-Петербурге, один в Грузии, один в Воронежской губернии, один — в Рязанской губернии. Последней калужская кафедра в исследуемый период стала для двух иерархов — Евлампия (Введенского), умершего в 1813 г. в возрасте 57 лет и погребенного в Свято-Троицком кафедральном соборе г. Калуги и Николая (Соколова) умершего в 1851 г. в возрасте 71 года и погребенного там же.

Итак, проанализированные нами некоторые факты из жизни и деятельности калужских архипастырей позволяют говорить о достаточно высоком уровне подготовленности иерархов к выполнению своих непосредственных обязанностей по управлению Калужской епархией. Все девять архиереев, фактически управлявших Калужской епархией, получили либо среднее, либо высшее, как правило, духовное образование, в большинстве своем в Санкт-Петербургской духовной академии, либо в Московской духовной академии, трое имели степени доктора, а один — магистра богословия. Кроме того, до поступления на калужскую кафедру архиереи уже получили, как правило, опыт самостоятельного управления другой епархией либо хорошо зарекомендовали себя в должности викарных епископов. Исключение составляет лишь епископы Феофилакт (Русанов), Филарет (Амфитеатров), Гавриил (Городков), для которых калужская кафедра являлось первой самостоятельной кафедрой. Абсолютно все калужские архиереи являлись выходцами из духовного сословия, при этом большинство из них появились на свет в сельской глубинке. Средний возраст поступления на калужскую кафедру — 44 года 8 месяцев, а средний возраст ухода с калужской кафедры равнялся 50 годам. Таким образом, социально-биографические характеристики калужских архиереев в достаточной степени коррелируются с аналогичными показателями российских иерархов первой половины XIX в.

¹ Там же. С. 16; КЕВ. 1897. № 24. С. 743.

² Историческая записка... С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 21.

Т а б л и ц а 1¹

Социально-биографические характеристики калужских архiereев первой половины XIX века

Архиереи	Год рождения	Место рождения	Социальное происхождение	Образование/дата присуждения ученой степени	Даты управления епархией	Срок управления епархией	Возраст при управлении епархией	Дата/место смерти
Серапион (Александровский Стефан Сергеевич)	1747	Александровская слобода Владимирская провинция Московская губерния	Из семьи священника Успенского женского монастыря	Троицкая семинария (при Троице-Сергиевой лавре)	16.10.1799–21.10.1799	5 дней	52 года	Киев Софийский собор 1824
Феофилакт (Русанов Федор Гаврилович)	1765	Онежский округ Архангелогородская губерния	Из семьи священника	Олонецкая духовная семинария Александро-Невская Санкт-Петербургская духовная семинария	30.10.1799–05.03.1809	8 лет 4 месяца	34–43 года	Кахетия (Грузия) Бодбийский Сигнахский монастырь 1821
Евлампий (Введенский Евфимий Иванович)	1756	г. Юрьев Владимирской губернии	Из семьи дворянина Введенского девичьего монастыря (оттуда фамилия)	Владимирская духовная семинария Московская духовная академия	16.04.1809–22.04.1813	4 года	53–57 лет	Калуга Троицкий кафедральный собор 1813
Евгений (Болховитинов Евфимий Алексеевич)	1767	г. Воронеж Воронежская губерния	Из семьи священника	Воронежская ДС Московская славяно-греко-латинская академия ²	19.07.1813–07.02.1816	2 года 6 месяцев	46–48 лет	Киев Софийский собор 1837
Антоний (Соколов Алексей Федорович)	1767	Казанская губерния	Из семьи священника	Казанская духовная семинария	07.02.1816–15.03.1819	3 года	49–52 года	Воронежская епархия Задонский монастырь 1827

¹ Таблица составлена по: Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования. Калуга, 1900; Смирнов Ростислав, прот. История Калужской епархии. Рукопись. Калуга, 1997. С. 41–50а; Архипастыри: Серапион, Павел, Амвросий, Иона. Официальный сайт Татарстанской митрополии. URL: atarstan-mitropolia.ru/eparhia/kazanskie_arhipastugi/arhipast_8/ (дата обращения 21.03.2017); Здравомыслов К. Я. Феофилакт (в мире Федор Гаврилович Русанов) // Русский биографический словарь: В 25 т. / под наблюдением А. А. Половцова. 1896–1918. С. 466–469; Бегунов Ю. К., Горбачева Н. Н. Русанов Федор Гаврилович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 76–78; материалам сайта Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/>.

² В труде Леониды (Кавелина) не совсем корректно указано место учебы — (Московская духовная академия, которая была открыта только в 1814 г. См.: История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи / сост. иером. Леонид (Кавелин). Калуга, 1876. С. 191.

Архиереи	Год рождения	Место рождения	Социальное происхождение	Образование/дата присуждения ученой степени	Даты управления епархией	Срок управления епархией	Возраст при управлении епархией	Дата/место смерти
Филарет (Амфитеатов Федор Георгиевич)	1779	с. Высокое Кромский уезд Орловская губерния	Из семьи священника	Орловское духовное училище Севская духовная семинария Доктор богословия (1814)	01.06.1819– 12.01.1825	5 лет 7 мес.	40–46 лет	Киев Киево-Печерский монастырь 1857
Григорий (Постников ¹ Георгий Петрович)	1784	с. Михайловское Никитский уезд Московская губерния	Из семьи диакона	Перервинская духовная семинария Троицкая (Московская) духовная семинария Санкт-Петербургская духовная академия Магистр богословия (1814) Доктор богословия (1817)	04.01.1825– 03.03.1828	3 года 2 мес.	41–44 года	С.-Петербург Александровская лавра 1860
Гавриил (Городков ² Григорий Иванович)	1785	с. Городковичи Спасский уезд Рязанская губерния	Из семьи помещика	Рязанская духовная семинария Санкт-Петербургская духовная академия Магистр богословия (1814)	28.05.1828– 26.08.1831	3 года 3 мес.	43–46 лет	Рязанский уезд Ольгов монастырь 1862
Никанор (Клементьевский Николай Степанович)	1787	Сергиев Посад, что в Клементьеве Московская губерния	Из семьи священника	Троицкая (Московская) духовная семинария Санкт-Петербургская духовная академия, доктор богословия	09.09.1831– 05.09.1834	3 года	44–47 лет	С.-Петербург Александровская лавра 1856
Николай (Соколов Иоанн Поликарпович)	1780	г. Медынь Медынский уезд Калужская губерния	Из семьи священника	Славяно-греко-латинская академия	02.10.1834– 17.09.1851	17 лет	54–71 год	Калуга Троицкий кафедральный собор 1851

¹ Отец — диакон Петр Федоров, фамилия Постников будет дана Георгию во время учебы в Санкт-Петербургской духовной академии.

² В некоторых источниках, видимо ошибочно, указана дата вступления в должность — 4 января 1826 г., но в таком случае получается, что после отбытия Филарета (Амфитеатрова) калужская кафедра год не замещалась. Но об этом не упоминается в известных нам источниках. См.: Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования. С. 19; История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи. С. 203.

³ Во время учебы в Рязанской духовной семинарии получил фамилию Городковский (по названию родного села). В 1809 г. по благословению Рязанского архиеп. Амвросия (Орлина) в качестве лучшего ученика поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, взял новую фамилию — Победоносцев, а к концу учебы — Городков.

К ИСТОРИИ ОДИГИТРИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ЧТО НА ПЕСКУ ЦЕРКВИ В КАЛУГЕ

В. В. Бессонов, Е. О. Коваленко
студенты КГУ им. К. Э. Циолковского

Сохранение культурного наследия является одной из первостепенных задач любого государства. В связи с этим предпринимается множество мер, начиная с установления федерального законодательства по защите, заканчивая госпрограммами по сохранению памятников культурного наследия. Но ни для кого не секрет, что многие памятники остаются без должного внимания, таким является объект нашего исследования.

Одигитриевская церковь во имя Смоленской иконы Богоматери. Истории этой церкви до настоящего времени не уделялось должного внимания. Таким образом, наше исследование даст толчок к дальнейшему и более детальному изучению истории данного храма.

Для начала обратимся к источникам, которые могли бы поведать нам об этой церкви.

В Калужском объединенном музее-заповеднике хранится лицевой синодик Одигитриевской церкви 1741 г. [1]. Эта дата стоит на обороте второго листа в круглой рамке. Он состоит из двух частей. Первую часть составляют гравюры, которые посвящены общей теме поминовения умерших; вторая часть — рукописная, которая содержит помянники.

В том же музее хранится Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. [2], на котором стоит печать библиотеки Одигитриевского храма, что свидетельствует о наличии оной.

Также в «Топографических известиях» 1771 г. и в «Описи церковных памятников Калужской губернии» графа Н. И. де Рошефора (1882) упоминается церковь Одигитрия, которая была построена на месте каменной в 1750 г., трапезой и колокольней 1834 г.

Одним из важнейших источников, впервые описываемым в данной работе, является Клировая ведомость за 1848 г. [3]. Документ состоит из трех частей. В первой части указывается общая информация о храме. Постройка храма, по данному документу, приходится на 1751 г., пристройка трапезы — на 1834 г. Служителей храма три — священник и два причетника. Также говорится о наличии на земле храма каменных домов священника и дьякона и деревянных домов у причетников. Отмечается содержание церкви приказом общественного призрения города Калуги. Отмечается, что сам храм, как и его внутреннее убранство, находятся в хорошем состоянии. Вторая часть документа представляет из себя список причта данного храма, семейное положение, степень родства, сословие, образование, место службы, должность, награды, владение землей и недвижимостью, нахождение под судом. В третьей же части находятся сведения о приходе храма.

Калужские краеведы, описывая Одигитриевскую церковь, писали следующее.

Д. И. Малинин [4], описывая данную церковь, обозначил дату постройки как 1750–1751 гг. Но возвращаясь к вышеупомянутым документам, можно сделать вывод, что само строительство каменной церкви окончилось в 1750 г., а к 1751 г. она могла быть дополнена украшениями или иным.

Г. М. Морозова «Прогулка по старой Калуге» [5] отмечала лишь наличие данного храма на улице Королева.

Биографией последнего настоятеля Одигитриевского храма Иоанна Иоанновича Сперанского занимались Е. В. Метальникова и Олег Кизяев. Авторы подчеркнули большой вклад, который внес в обустройство храма Иоанн Сперанский, и его особенное отношение к прихожанам и храму в целом.

Таким образом, несмотря на наличие литературы и источников, в настоящее время мы имеем только результаты поверхностного изучения истории Одигитриевской церкви.

Анализ этих результатов позволил нам составить вот такую картину.

Одигитриевская церковь во имя Смоленской иконы Богоматери упоминается в описи 1685 г., где названа деревянная церковь Одигитрия «на песку с 4 колоколами». В 1750–1751 гг. на этом месте была построена каменная холодная церковь с двумя теплыми приделами: Софии Премудрости Божией (с правой стороны) и Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (с левой стороны).

Трапезная и колокольня перестроены в первой трети XIX в. Трапезная, возведенная в 1834 г., имела с обеих сторон небольшие фронтоны. Храм был пятиглавый, имел форму куба (без трапезной). Боковые входы имели портики на четырех дорических колоннах, над портиками по одному полукруглому окну. Над окнами были написаны иконы московского письма. Трапеза имела с обеих сторон небольшие фронтоны. Кругом алтаря находилась колоннада из четырех дорических колонн. Колокольня была трехъярусная, первые два яруса четырехугольные, а третий круглый. Во втором ярусе вместо прорезной арки сделаны ниши, по углам которых поставлено по одной дорической колонне; прорез сделан только в верхней части арки — полукружии. На 1848 г. приход калужской Одигитриевской церкви составил 93 двора — 224 мужчины и 238 женщин.

В 1911 г. был сооружен иконостас в стиле «ампир». Из икон были наиболее примечательны иконы XVII в. — Одигитрия и Тихвинская. Икона «Одигитрия» почиталась как покровительница путешественников. На Тихвинской иконе имелась надпись: «Сей св. образ пречистыя Девы Владычицы Богородицы переписывая с опасным изследованием мерою и подобием со всесвятныя чудотворныя иконы Тихвинския, сущая во св. ея обители на Тихвине, по обещанию многогрешнаго Варсонофия тоя же св. обители архимандрита; поставлен же во граде Калуге во всечастнем Богоматере храме Одигитрии, сущем на песках, лета 7188 году (1680)».

Приход калужской Одигитриевской церкви на 1900 г. составил 175 мужчин и 211 женщин, проживавших в 101-м доме. Прихожане проживали на улицах Смоленская, Золотаревская, Одигитриевская, Лебеданцевская, Неклюдовская, Берендяковская, Малая Садовая, Верхняя Болашевская, Нижняя Болашевская, в Греховом переулке, как было предусмотрено указом Священного Синода от 24 апреля 1890 г. за № 1604.

В 1912 г. был утвержден проект на строительство новой сторожки. В 1913 г. была пожертвована серебряная риза на образ Спаса Нерукотворного. Главным благотворителем являлся Виктор Михайлович Ковригин, который построил на церковной земле двухэтажное здание богадельни и церковно-приходской школы (в настоящее время — здание адвокатуры по адресу: ул. Королева, 26), назначил по своему духовному завещанию и по праву учредителя заведующим школой и богадельней отца Иоанна Сперанского. В небольшом садике внутри ограды с ранней весны до поздней осени благоухали великолепные цветы. У торцевой части здания богадельни стояли скамейки.

После Революции церковь закрыли. Она была частично разрушена и подверглась серьезной перестройке: была разобрана колокольня (верхние два яруса), здание выровнено по высоте, равной четверику, убрана алтарная часть храма. Остались лишь только часть церковной ограды и часовенка.

В 1941 г. немецкие оккупанты, заняв Калугу, устроили в этом месте конюшню. После войны в здании бывшего храма находились различные учреждения. Сейчас здание церкви используется как жилой дом [6].

Таким образом мы можем сделать вывод о наличии в г. Калуге непризнанного и незаслуженно забытого исследователями памятника архитектуры конца XVIII в., имеющего свою уникальную историю. На наш взгляд, есть огромная платформа для будущего исследования и описания Одигитриевского храма, и мы выражаем надежду, что данное исследование побудит исследователей к будущим работам по данной теме.

Список литературы

1. Лицевой синодик Одигитриевской церкви 1741 года. Калужский объединенный музей-заповедник, Кл. 8518.
2. *Де-Рошефор Н. И.* Опись церковных памятников Калужской губернии. — СПб., 1882. — С. 7.
3. Государственный архив Калужской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1064. Л. 43–49.
4. *Малинин Д. И.* Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга, 1992. — С. 108–109.
5. *Морозова Г. М.* Прогулки по старой Калуге. — Калуга, 1993. — С. 140.
6. *Метальникова Е. В.* Последний настоятель Одигитриевского храма г. Калуги // Православный христианин. — 2006. — № 6. — С. 10–15.

ОРЛОВСКАЯ ДУХОВНАЯ КОНСИСТОРИЯ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ XIX ВЕКА

В.Е. Кошелев,

аспирант кафедры истории России

Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

В структуре епархиального управления Русской Православной Церкви синодального периода духовные консистории играли одну из ключевых ролей наряду с епархиальным архиереем. Согласно Уставу духовных консисторий от 27 марта 1841 г., пересмотренному в 1883 г., консистории рассматривались как присутственные места, через которые архиереи управляли своей епархией и вершили в ней духовный суд. По Уставу консистории состояли из 5–7 членов, в зависимости от численности прихожан и духовенства в епархии. Кандидатов в члены Консистории подбирал епархиальный архиерей из числа архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев и иереев, «заслуживающих преимущественное доверие по образованности, опытности, примерному поведению и правдолюбию». В состав консистории по должности входил ректор духовной академии или семинарии. Состав консистории утверждался Синодом¹. Всю бумажную работу в структуре консистории выполняла канцелярия, возглавляемая секретарем. Секретарь назначался и увольнялся обер-прокурором Синода². Подчиненный губернскому архиерею, секретарь был прокурорским «оком» в епархии, инструментом сбора информации о местных церковных делах и столичного контроля над провинциальным духовенством.

По Уставу 1841 г. через консисторию проходили назначения на церковные должности, пострижения в монастыря. Консистория управляла архиерейским домом, монастырями и храмами. За нарушение законов, входивших в ведение ведомства православного исповедания, консистория могла привлечь к ответственности и клирика, и мирянина. Консистория разбирала дела, связанные с жалобами на духовных лиц. Решения принимались коллегиально и утверждались архиереем.

Персональный состав Орловской духовной консистории исследован нами на основании статистических материалов, публиковавшихся в Адрес-календарях Орловской губернии. Эти издания, наряду с Памятными книжками, регулярно выпускались местным статистическим комитетом.

Орловская духовная консистория в 1860-е гг. состояла из 6–7 человек, в 1870–80-е — из 3–4, в 90-е — 4–7; в начале XX в. — из 3–5 человек. Основной чертой следует назвать стабильность ее кадрового состава. В 1860 г. орловская духовная консистория состояла из ректора семинарии архим. Вениамина и протоиереев городских церквей Петра Федоровича Полидорова (кафедральный Петропавловский собор), Николая Ивановича Переверзева (ц. Богоявления), Григория Афанасьевича Жданова (ц. Успения Богородицы), Николая Максимовича Тихомирова (Смоленской Иконы Богоматери) и Матвея Автономовича Позднеев (Сретения Господня)³. В 1870 г. членами орловской духовной консистории были: протоиерей кафедрального Петропавловского собора Авксентий Иванович Слюсарев, настоятель храма Сретения Господня Матвей Автономович Позднеев и ключарь кафедрального собора Василий Андреевич Птицын⁴. В 1880 г. епархией управляли уже известные П. Ф. Полидоров, вернувшийся на должность настоятеля кафедрального собора, М. А. Позднеев и два новых человека — Еразм Иванович Вознесенский, прот. ц. Преображения Господня и прот. Илья Стефанович Попов, настоятель кладбищенского храма Иоанна Крестителя⁵.

При всех локальных «флуктуациях» за 20 лет состав консистории обновился лишь на половину. Четверть века членом консистории состоял М. А. Позднеев. П. Ф. Полидоров был членом

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 16. № 14409; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 3. № 1495.

² Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 19–20.

³ Адрес-календарь Орловской губернии (составлен по сведениям к 1 апреля 1860 г.) (далее АКОГ. 1860). Орел, 1860. С. 47.

⁴ АКОГ. 1870. Орел, 1870. С. 34.

⁵ АКОГ. 1880. Орел, 1880. С. 40.

консистории, по меньшей мере (не за все годы у нас есть данные), 18 лет с 1860 по 1868 и с 1880 по 1888 г. За 10 лет, с 1860 по 1870 г., через консисторию прошло всего 12 человек¹. Ректор Орловской семинарии числился в членах консистории до 1869 г. и более в состав этого учреждения не включался.

25 марта 1869 г. были приняты новые штаты духовных консисторий, согласно которым в состав этого органа епархиального управления входили 4 человека. В то же время архиереям было предоставлено право включать в состав консистории внештатных членов². С сокращением числа членов консистории ее кадровый состав не стал более динамичным. В 1890 г. членами Орловской духовной консистории были П. Ф. Полидоров, Е. И. Вознесенский, И. С. Попов, т. е. те же люди, что и десять лет назад. Новым был только четвертый член консистории священник ц. Покрова Богородицы Василий Яковлевич Васильев³. Полностью состав консистории обновился только к 1898 г., когда ее покинул Е. И. Вознесенский⁴. В 1900 г. в состав консистории входили: Михаил Васильевич Смирнов (настоятель кафедрального собора); Петр Федорович Рождественский (настоятель храма Сретения Господня); Василий Яковлевич Васильев (священник ц. Покрова Богородицы) и Афонский (свящ. Скорбящевской ц., что при богоугодных заведениях)⁵. Примерно за два десятилетия через консисторию прошло 11 человек⁶. За то же время сменилось пять губернских архиереев, при этом смена владыки никак не влияла на состав консистории. В среднем орловский архиерей синодальной эпохи пребывал на своем посту около 6 лет. То есть управление епархией осуществлялось устойчивой группой местного духовенства, работал сложившийся бюрократический механизм, на функционирование которого мало влиял номинальный глава епархии. Рискнем высказать предположение, что реальная власть в епархии принадлежала не столько епископу, для которого эта должность была временным прибежищем, сколько верхушке местного белого духовенства.

ЕПИСКОП СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ЛУКИЯН (АБРАМКИН): НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖИЗНИ И ТРУДАХ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА

А. А. Бауэр,

директор Кировского историко-краеведческого музея

Казалось бы, биография нашего земляка, видного иерарха Русской Православной Старообрядческой Церкви епископа Клинцовско-Ржевского Лукияна (Л. Д. Абрамкина) хорошо известна. Однако долготелее изучение разных периодов жизни владыки на основе документов местных архивов показало, что его официальная биография весьма скудна подлинными фактами, подтвержденными документальными источниками.

Самым ранним по времени создания документом, обнаруженным мною в Кировском муниципальном архиве, стал документ из дела 2 фонда 56, оп. 1 (Кировский райисполком), хранящем в своем составе разнообразные документы 1942 г. (отдельные решения райисполкома, списки и характеристики на председателей некоторых сельсоветов, личные листки председателей и секретарей сельсоветов с их автобиографиями и др.). Также в этом деле имеется список депутатов Соломоновского сельсовета, составленный 4 мая 1942 г. его председателем И. И. Кузнецовым. Так вот, согласно этому документу, Лука Дмитриевич Абрамкин числится депутатом сельсовета, указан год его рождения — 1895-й.

¹ АКОГ. 1860. С. 47; АКОГ. 1864. С. 45; АКОГ. 1868. С. 54; АКОГ. 1869. С. 35.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44. Ч. 3. Штаты и табели к № 46899.

³ АКОГ. 1890. С. 35.

⁴ АКОГ. 1898. С. 46.

⁵ АКОГ. 1900. С. 46, 47.

⁶ АКОГ. 1880. С. 40; АКОГ. 1885. С. 53; АКОГ. 1888. С. 42; АКОГ. 1890. С. 35; АКОГ. 1892. С. 34, 35; АКОГ. 1893. С. 38, 39; АКОГ. 1894. С. 35, 36; АКОГ. 1895. С. 61, 62; АКОГ. 1896. С. 86; АКОГ. 1897. С. 63; АКОГ. 1898. С. 46; АКОГ. 1899. С. 45; АКОГ. 1900. С. 46, 47.

Накануне, 3 мая, состоялась сессия сельсовета, которая утвердила Л. Д. Абрамкина в должности председателя колхоза в п. Пчелка [1]. В этом качестве он подписал сводку о наличии населения в колхозе «Пчелка», направленную 12 сентября 1942 г. в районный отдел статистики [2], на документе имеется его личная подпись, заверенная председателем сельсовета И. И. Кузнецовым. На тот момент в п. Пчелка проживал 141 человек: 59 мужчин, 89 женщин, в т. ч. детей и подростков до 18 лет включительно — 86 человек, взрослых — 55 человек.

С этого документа, где указана другая, нежели в официальной биографии епископа Лукияна (Абрамкина), дата его рождения, и начались поиски реальной даты рождения нашего знаменитого земляка.

Как известно из других источников, в 1942–1945 гг. Л. Д. Абрамкин находился в Советской Армии [3]. Из имеющейся в моем распоряжении справки Кировского райвоенкомата (копия) от 05.08.1990 за № 1124 узнаем точные даты нахождения на военной службе Луки Дмитриевича: с 12 декабря 1942 по 23 июля 1945 г., причем с 7 августа 1943 по 9 мая 1945 г. Абрамкин проходил военную службу в составе действующей армии [4]. Однако удостоверение участника войны Кировский райвоенкомат выдал Л. Д. Абрамкину только 16 августа 1985 г.

Как удалось выяснить из документов ЦАМО, размещенных на сайте «Подвиг народа» в Интернете, весь срок службы Луки Дмитриевича прошел в 615-м минометном полку, где он служил в должности санитар-санчасти полка. В приказе о награждении его медалью «За боевые заслуги» сказано, что он «проявляет особую заботу и чуткость к раненым и больным», при поступлении их в санчасть быстро оказывает помощь в их обработке и перевязке медицинскому персоналу. «3 февраля 1945 г. под обстрелом противника вместе с фельдшером выехал на огневые позиции за ранеными и под огнем противника оказывал медицинскую помощь» [5]. Можно предполагать, что Л. Д. Абрамкин и ранее оказывал помощь раненым на поле боя, да штабисты полка жалели наград для какого-то пожилого санитаря, а здесь, видимо, кто-то из начальства проявил инициативу... и наградашла своего героя!

Согласно документу «Список владельцев скота по Соломоновскому сельсовету за 1945 год» главой индивидуального хозяйства, пока Лука Дмитриевич находился в армии, показана его жена Варвара Аверьяновна Абрамкина [6]. В это время в п. Пчелка состояло 35 хозяйств: 29 семей колхозников, 2 — единоличников, 4 — рабочих и служащих. И на все хозяйства имелось домашнего скота: 21 корова, 4 свиньи, 1 овца, т. е. даже корову имело всего две трети семей.

Следующим источником, несущим в себе разнообразную информацию о Л. Д. Абрамкине и его семье, стали похозяйственные книги Соломоновского, а после его ликвидации в 1954 г. — Гавриловского сельских советов. В похозяйственной книге Соломоновского сельсовета на 1946–1948 гг. подробно расписано все наличное население п. Пчелка в количестве 40 семей (в них состоял 201 человек). Под № 29 записано все семейство Л. Д. Абрамкина: он — глава семьи, год рождения указан — 1895 (*исправлен на 1894*), место работы и должность: кладовщик в колхозе. Жена Варвара Аверьяновна, 1896 г.р. Указаны дети: Никита, 1929 г.р. [7]; Иван — 1937 г.р. (ныне проживает в г. Кемерово); Федор — 1941 г.р. (об этом сыне нам ничего не известно); Афанасий, 1925 г.р., с пометкой: *погиб на фронте 2.11.1943 г.* [8]; Татьяна 1947 г.р. (*ныне проживает в г. Людиново*) [9].

Имеются еще данные: дом Абрамкиных 1940 года постройки, приусадебной земли имеется 35 соток; из скота 1 корова и 1 теленок, 2 улья с пчелами. И самое главное: в ежегодных графах имеется подпись самого Луки Дмитриевича, который указывал для записи реальную дату своего рождения — 1894 год [10].

Самой поздней книгой, которую мы изучили, является похозяйственная книга уже Гавриловского сельсовета на 1971–1973 гг. В ней под № 22 записано семейство Абрамкиных: глава — Лука Дмитриевич, дата рождения указана — *июль 1894 г.*; жена Варвара Аверьяновна, дата рождения — февраль 1896 г. (*позже были обнаружены точные даты ее жизни: 10.02.1896–29.09.1978*); оба пенсионеры. У Луки Дмитриевича указано: *образование начальное*; у Варвары Аверьяновны: *читает и пишет*. Дом уже указан 1930 г. постройки. Земли уменьшилось — 27 соток. Зато прибавилось домашнего скота: 1 корова, 1 поросенок, 10 кроликов, 10 кур. Опять за каждый год имеется собственноручная подпись Л. Д. Абрамкина [11]. В похозяйственной книге на 1973–1975 гг.,

кроме данных предыдущих книг, указано: на 01.01.1975 Л. Д. Абрамкин работает в г. Сухиничи, получает колхозную пенсию по старости, дата рождения — также июль 1894 г. [12].

В ходе проведенной исследовательской работы в разных делах разных фондов Кировского муниципального архива были выявлены отдельные факты, уточняющие или дополняющие официальную биографию Л. Д. Абрамкина. Так, решением Кировского райисполкома от 30.03.1942 г. Л. Д. Абрамкин утвержден уполномоченным по подписке на заем по Соломоновскому сельсовету [13]. Из дел по Соломоновскому сельсовету следует: на август 1948 и февраль 1950 г. Л. Д. Абрамкин указан как председатель колхоза в п. Пчелка, однако по материалам за 1951–1954 гг. он уже работает заведующим фермой в п. Пчелка. На 1-й сессии Соломоновского сельсовета депутат сельсовета Л. Д. Абрамкин избран членом сельскохозяйственной комиссии [14]. Председателем объединенного колхоза им. Жданова (д. Соломоновка и Пчелка) в 1953 г. в документах указан Афанасий Николаевич Анкудинов [15].

Весьма информативным оказался следующий источник — личное пенсионное дело Л. Д. Абрамкина за № 780519, хранящееся в архиве Кировского отделения Пенсионного фонда Российской Федерации. Заведено и оформлялось оно в 1965 г. Из имеющейся в деле справки Соломоновского сельсовета от 12.02.1965 год рождения Л. Д. Абрамкина — 1894 г. (точная дата не указана). Так как документов о трудовом стаже Абрамкина в архиве колхоза (*так в документе*) не сохранилось, то трудовой стаж Луки Дмитриевича установлен по свидетельским показаниям (они имеются в деле) его односельчан: Василия Семеновича Куракина и Петра Гордеевича Васильева. Оба свидетеля показали: Л. Д. Абрамкин работал в колхозе им. Жданова (ранее «Пчелка») с 1936 по 31 декабря 1961 г. [16]. Т. е. трудовой стаж составил 25 лет, или время работы, необходимое для назначения пенсии по старости.

За этот период трудовой деятельности ему была назначена колхозная пенсия в размере 12 рублей с 3 марта 1965 г., трижды затем повышаемая: с 1970 г. — 20 рублей; с 1985 г. — 40 рублей; с 1987 г. — 50 рублей [17].

В документах пенсионного дела имеется немаловажная биографическая деталь, отмеченная обоими свидетелями: с октября 1941 по январь 1942 г. Лука Дмитриевич находился на оккупированной территории, проживая в п. Пчелка (точнее, с 5 октября, когда была временно оккупирована территория Соломоновского и Гавриловского сельсоветов, до 11 января, когда восточная часть Кировского района была полностью освобождена от гитлеровцев). В советское время во всех автобиографических документах (характеристики, автобиографии, листки по учету кадров и др.) требовалось обязательное информирование о факте и сроках проживания гражданина на занятой врагом территории...

Исходя из самого раннего документа, касающегося Л. Д. Абрамкина и сохранившегося в Кировском муниципальном архиве (май 1942 г.), когда он назван председателем колхоза «Пчелка» и депутатом Соломоновского сельсовета, можно предположить, что это положение характеризует его на период начала войны, а возможно, и в более ранний период, как указывают известные опубликованные источники, примерно с 1938 г. Подтвердить это документально нет никакой возможности: все архивные дела за период 30-х гг. и 1940–1941 гг. по Кировскому району не сохранились; есть мемуарная информация, что они утрачены осенью 1941 г. [18].

Также пока невозможно установить точные даты работы Луки Дмитриевича на строительстве железной дороги и на торфоразработках. Смеем предположить, что Абрамкин работал на строительстве железной дороги Сухиничи — Рославль с 1933 до осени 1935 г., когда она была сдана в эксплуатацию. Затем он мог устроиться на новое предприятие, которое также находилось в нескольких километрах от его родной Пчелки и называлось «Торфопредприятие «Бережки»» (существовало оно не менее 30 лет, вплоть до нач. 1960-х гг., между селом Бережки и станцией Фаянсовая). Дальнейшие поиски в ведомственных, прежде всего в железнодорожных архивах, смогут в будущем уточнить эти малоизвестные факты «гражданской» биографии епископа Лукияна.

Хочется еще высказать свои суждения по «гуляющему» в опубликованных источниках (в т. ч. в сети Интернет) факту: якобы Лука Дмитриевич в послевоенный период неоднократно выдвигался своими земляками кандидатом в депутаты Кировского районного Совета депутатов трудящихся, однако из-за противодействия партийных властей Калуги и Кирова ему не удалось

быть избранным. Возможно, этот «факт» своей биографии сочинил лично Абрамкин несколькими десятилетиями позже. Однако практика выборов депутатов всех уровней в советское время, по крайней мере, до 1985 г. — начала горбачевской перестройки, в т. ч. районного и городского уровней была такова, что все кандидаты еще до своего официального выдвижения трудовыми коллективами (все протоколы и списки выдвинутых и избранных депутатов районного совета сохранились в Кировском муниципальном архиве) проходили согласование в партийных органах района (но отнюдь не области) и только после согласования те или иные кандидаты в депутаты могли быть выдвинуты официально. А так как по каждому избирательному округу выдвигалась только одна кандидатура, то она проходила в день выборов избирательную процедуру и считалась избранной. Предполагаю, что авторитет Л. Д. Абрамкина среди своих земляков был настолько высок, что они очень бы хотели видеть его своим представителем в районном Совете, однако сделать это, т. е. выдвинуть его кандидатуру и довести его до внесения в избирательный бюллетень, было практически невозможно.

Ну и еще один источник о дате рождения Л. Д. Абрамкина: в электронной базе данных отдела ЗАГС по Кировскому району указано, что он родился 31 октября 1894 года. Свидетельство о смерти от 30.01.1995 г. выписано было родственникам с медицинской справки, так как паспорт умершего не был предъявлен (причиной смерти указана сердечная и легочная недостаточность) [19]. На самом деле, если говорить о дате рождения в октябре, то 31 октября — это неправильно переведенная дата со старого стиля на новый: для XIX в. при переводе на новый стиль следует прибавлять не 13, а 12 дней; т. е. точная дата рождения Л. Д. Абрамкина по новому стилю 30 октября 1894 г.

Таким образом, сегодня есть все основания говорить о том, что епископ Лукиян (Абрамкин) прожил целый век и умер на сто первом году жизни. А стал он архиереем также в весьма преклонном возрасте — в 95 лет. Но, несмотря на столь значительный возраст, ему удалось более двух лет деятельно руководить значительной епархией Православной Старообрядческой церкви.

Ну а дальше излагаем данные из официальной истории жизни нашего славного земляка, почерпнутые из открытых источников. После установления в 1965 г. Луке Дмитриевичу колхозной пенсии он поступает на должность уставщика в храм преподобного Сергия Радонежского города Сухиничи. В хрущевские времена в Калужской области действовало всего три старообрядческих храма. Настоятель этого храма священноиерей Феодор Клюев выдвигает своего духовного сына, благочестивого мирянина Луку, в кандидаты на степень священства. Вскоре после смерти отца Феодора, 2 июня 1974 г., Л. Д. Абрамкин возводится в иерейский сан преосвященнейшим архиепископом Московским и всея Руси Никодимом и до 1983 г. усердно служит в церкви города Сухиничи. В 1983 г. отец Лука получает благословение архиепископа Никодима на служение, помимо храма в Сухиничах, одновременно в приходе города Ржева Калининской (ныне Тверской) области [20]. В связи с этим назначением произошла необычная история. Лука Дмитриевич, находившийся в то время в Пчелке, пригласил к себе прихожанку Евдокию Иванкову, которая служила при нем «читалкой» (возможно, фактически была келейницей владыки). Ей он вручил текст черновика прошения на имя владыки с просьбой отменить новое назначение и оставить его на своем сухиничском приходе, так как состояние здоровья его крайне неблагоприятно и он может не справиться. Самое интересное в том, что прошение это должно было быть подано якобы от имени его прихожан.

Черновой текст письма, составленного отцом Лукой, сохранился, и мы его приводим с сохранением орфографии подлинника: *«Высокопреосвященнейшему Старообрядческому Архиепископу Московскому Никодиму от верующих старообрядцев деревни Гавриловки Кировского р-на Калужской области прошение:*

Владыко святой, просим вас примите от нас niskий поклон, желаем вам от Бога милости, добраго здоровья, и долголетия. Владыко, мы старообрядцы для исправления духовных треб принадлежим к сухинической церкви. Наша деревня имеет болие 200 домов все старообрядцы. В данное время, наш священник отец Лука, запрещен вами от всяких священнодействий, для нас неизвестно зачто. Но сослов отца Луки, мы видим что вы требуете от него что он невлах исполнить. Служить на два прихода он физически неможе постарости, и по состоянию здоровья. Просим вас владыко простите его и нас. Разрешите ему священнодействовать. Ваше

запрещение ему, это для нас наказание. Просим не закрывайте этот малый духовный очаг нашу церковь, в городе Сухиничи» (Первая публикация, см.: Мосягин М. Н. Гавриловские старообрядцы // Кировский вестник. 2003. 5 марта. Подлинник документа хранится у него же.)

Прошение было составлено (фактически переписано с черновика Абрамкина) гавриловскими прихожанами и с двадцатью подписями отправлено в канцелярию первосвященника, но архиепископ Никодим своего решения не изменил и назначение отменено не было. На освященном соборе 3 июля 1986 г. священноиерей Лука, овдовевший еще в 1978 г., выбирается кандидатом во епископы. Вскоре он принимает иноческое пострижение с именем Лукиян. В 1988 г. отец Лукиян был в Москве на соборе старообрядцев, посвященном тысячелетию христианства на Руси.

12 марта 1989 г. священноинок Лукиян возводится в сан епископа Клинецовско-Ржевского. Епископская хиротония была совершена в Преображенском храме города Клинцы Брянской области преосвященнейшим Алимпием, митрополитом Московским и всея Руси [21].

По причине преклонных лет епископское служение владыки Лукияна оказалось непродолжительным. С Божией помощью преодолевая физические недуги и бремя возраста, он лично посетил все приходы своей епархии, разбросанные по просторам Калужской, Смоленской, Тверской и Брянской областей России и Гомельской области Белоруссии, совершил освящение восстановленного старообрядческого храма в городе Боровске, поставил на должности несколько чтецов и свещеносцев в разных храмах.

С 1991 г., когда произошло резкое ухудшение состояния здоровья епископа Лукияна, он безвыездно проживал в своем доме в деревне Пчелка на покое, но и здесь не отрывался от матери-церкви, принимая всех страждущих и преподавая им святительское благословение. Скончался преосвященный владыка 29 января 1995 года, тело его было погребено 31 января на старообрядческом кладбище города Ржева, на участке архиерейских захоронений.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации МР «г. Киров и Кировский район». Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
2. Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.
3. Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. — М.: Церковь, 1996. — С. 159–160.
4. Архив автора.
5. ОБД «Мемориал».
6. Архивный отдел администрации МР «г. Киров и Кировский район». Ф. 86. Оп. 1. Д. 26. Л. 122.
7. Абрамкин Никита Лукич (18.07.1929–22.04.2002) почти всю жизнь прожил и умер в д. Гавриловка.
8. Абрамкин Афанасий Лукич, сержант 236-го гв. сп 74-й гв. сд, умер от ран 1 ноября 1943 г. Похоронен в Солоньянском районе Днепропетровской обл. Украины, на кладбище д. Днепровзан (ОБД «Мемориал»).
9. Архивный отдел администрации МР «г. Киров и Кировский район». Ф. 65. Оп. 1. Д. Не нумерованное. Л. 29.
10. Там же.
11. Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 181. Л. 22.
12. Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 19 об.-20.
13. Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
14. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; Д. 19. Л. 4, 34.
15. Там же.
16. Архив Кировского отделения Пенсионного фонда России. Дело № 780519.
17. Там же.
18. Зарубецкий М. И. О том, о чем помню // На Западном фронте между Москвой и Смоленском: Кировский район Калужской области в годы Великой Отечественной войны / под ред. А. А. Бауэра. — Калуга, 2005. — С. 309–312.
19. Архив отдела ЗАГС по Кировскому району (электронная база данных на умерших в 1995 г.).
20. Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Указ. соч. — С. 159–160.
21. Там же.

КАЛУЖСКИЕ КУПЦЫ И МЕЩАНЕ — ПОМОЩЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Н. И. Кожевникова,

член Союза краеведов России, Калужское отделение

205-летию Отечественной войны 1812 года посвящается

Отечественная война 1812 года — одно из центральных событий российской и европейской истории XIX в.

История Отечественной войны на Калужской земле — одна из славных страниц истории России. Участники событий вызывают у потомков гордость за прошлое страны.

В письме главнокомандующего М. И. Кутузова калужанам в 1812 г. есть такие слова: «... Вменяю в приятный долг уведомить калужан, что неприятель и враг русского народа обратился в бегство. ... Имеете вы право называться достойными сынами Отечества. ... Знайте, чтобы быть победителем, довольно быть только русским» [1]. Эти слова приведены на памятнике русскому оружию в г. Калуге.

Памяти жителей Калуги времен войны 1812 г. мы посвятили ряд исследовательских работ [2].

При изучении темы «Отечественная война 1812 года на Калужской земле» очень часто упускается из вида вклад обычных граждан в общее дело на благо победы, неизвестными остаются имена непосредственных участников этой войны, проявивших личную отвагу и мужество на полях сражений. Также утрачены имена людей, живших в ту грозную для России эпоху и отдавших свои средства на нужды армии. Считаем это несправедливым, так как победа на фронте куется в тылу.

В сентябре-октябре 1812 г. на Калужской земле проходили крупные сражения. Много было жертв... Раненых привозили в госпитали в Калугу. В Калуге в 1812 г. военные госпитали размещались в одном из корпусов Присутственных мест, в Хлюстинской больнице, в лазарете на бывшей Тульской улице (ныне Салтыкова-Щедрина). Умерших отпевали в Спасо-Преображенской церкви за верхом. С 16.09 по 01.10.1812 скончалось много рядовых гусарского егерского Кременчугского пехотного полка Московского гарнизона, Ермолаевского пехотного полка... В октябре отпевали много рядовых Муромского пехотного полка Павловского гарнизона. Самые распространенные имена умерших — Иваны Ивановы [3].

В метрических книгах калужских церквей, хранящихся в Государственном архиве Калужской области, содержатся имена калужан с приставкой «рядовой инвалидной роты»¹.

Приведу имена некоторых калужан — рядовых русской армии.

ТРОФИМОВ Георгий — рядовой солдат 37-й инвалидной роты, БУЗИНОВ Иван Семенович — унтер-офицер той же роты (упоминается: 1820, церковь Георгия за верхом).

ЛАШКОВ Михаил Максимович (?-?), отставной солдат /1821, Троицкий кафедральный собор/; отставной десятский городской полиции. Жена — Евфимия Петровна Н. (?-?). Проживали на Шугуровской улице (1851). Дети: Мария (1820-?) (муж — Спиридон Васильевич Соколов (1819-?), обер-офицерский сын. Повенчаны 19.05.1819 г. в Одигитриевской церкви). Александр (7.10.1827-?) (восприемники в Одигитриевской церкви: г. Волочка мещанин Александр

¹ Инвалиды — военнослужащие, оказавшиеся неспособными к службе вследствие полученных ран, увечий, болезней или дряхлости. Перед Отечественной войной 1812 г., в 1809 г. при гвардейских полках начали формироваться инвалидные роты из неспособных к службе нижних чинов гвардии. Инвалидные роты и команды получили определенную организацию в 1811 г., когда на основании указа «О устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд» все инвалиды были разделены на три разряда: подвижные (госпитальная прислуга и прочие); служащие и не служащие (не способные к службе). Инвалиды каждого разряда образовывали особые команды, состоявшие в подчинении командиров батальонов Внутренней стражи. Команды служащих и неслужащих инвалидов находились во всех уездных городах. Команды инвалидов первого разряда, или подвижные инвалидные роты преимущественно предназначались для службы при госпиталях [4].

Онуфриевич Цветков и князя Оболенского крестьянская девица Наталья Ивановна, позже она — московская мещанка Н. И. Богданова). Агрипина (22.06.1829–?). Алексей (06.02.1834–?) (восприемники: титулярный советник Ермил Поликарпович Васильев и вдова Мария Ильинична Шерскова).

ИВАНОВ Никифор Иванович (1772–22.11.1858), рядовой подвижной инвалидной полуроты Калужского военного госпиталя (1823, Косьмодемьянская церковь), проживал в приходе Спасопрображенской церкви на Глубоком (1823). Отставной солдат инвалидной команды калужского гарнизона — в приходе Косьмодемьянской церкви (1828). Православный, грамотный, сапожник (1858). Жена — Варвара Александровна (Н.) (1798–после 1858). Дети: Евгения (21.12.1820–после 1888), Анна (24.01.1823–?), Владимир (1824–12.01.1831), Дарья (1827–25.09.1834), Елена (08.12.1828–?), Семен (20.01.1832–1867), Федосья (25.05.1835–?), Иван (13.06.1837–?), Ольга (?–?).

Потомками инвалидного солдата Никифора Ивановича Иванова являются Галина Михайловна Кожевникова (Иванова) (1898–1972), почетный донор СССР (1946), Павел Дмитриевич Кожевников (1923–1942), участник Сталинградской битвы (умер от ран в госпитале), Ярослав Дмитриевич Кожевников (1924–2000), участник прорыва блокады Ленинграда, освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. 9 мая 1945 г. встретил в районе г. Данцига. Награжден орденом Отечественной войны [5].

ИВАНОВ Петр Иванович — служащий инвалидный солдат (1823, Николо-Козинская церковь).

ИВАНОВ Ефим — рядовой инвалидной роты (1823, Христорождественская церковь).

САБИНИН Василий Андреевич — отставной солдат Крондштадтского порта (1825, Знаменская церковь).

Федор Иванович ШЕВСКОВ, Василий Иванович ИВАНОВ, Иван Андреевич ТОКАРЕВ — рядовые Калужской инвалидной команды (1826, Благовещенская церковь).

ШЕЛКОВ Илья — унтер-офицер Рязанского пехотного полка 7-й дивизии, ЗОЛОТАРЕВ Андрей Дмитриевич — прапорщик Лихвинской инвалидной команды, ИВАНОВ Федор Иванович — прапорщик Медынской инвалидной команды, ГЕРАСИМОВ Алексей — фельдфебель Калужской инвалидной команды (1836, Петропавловская церковь).

АНДРЕЕВ Евсей, унтер-офицер, МИШНОВ Ефим Иванович, ТОКАРЕВ Михаил Иванович, ЯКОВЛЕВ Матвей — рядовые Калужской инвалидной команды (1836, Косьмодемьянская церковь).

С началом Отечественной войны 1812 г. население стремилось помочь всем, кто чем может. Калужские купцы сделали наиболее крупные денежные пожертвования на нужды Отечественной войны 1812 г. Кроме денежных пожертвований городские общества собирали пожертвования разными предметами, годными для войск: холстом, сапогами, лаптями, чулками, рукавицами, рубашками, крестьянским сукном, корпией, а когда наступило холодное время — полушубками. Кроме того, были пожертвования лошадьми и рогатым скотом.

В дошедших до нас документах запечатлелась историческая память о событиях 1812 г. на Калужской земле.

Цель данного исследования: показать личный вклад калужских купцов и мещан в помощь фронту на основе выявленного документа 1812 г., ввести в историческую память забытые имена граждан г. Калуги времен 1812 г., упоминаемых в данном документе, и их потомков.

Приведу текст документа 1812 г. «О состоянии в городе запасов холста и проч.»: *«Во исполнение предложения вашего превосходительства 11-го числа сего сентября за № 5764 об отыскании к доставлению к армии холста до двадцати тысяч аршин, ветоши и корпии [6] призваны были в думу сию торгующия здешнии граждане и сколько у кого из них имеется аршин объявили: Гаврила Маслов десять тысяч, но отправлены на барке в Белев; Петр Торубаев десять тысяч на барке в Алексин отправленный; Аврам Григоров шестнадцать тысяч 5000 на барке туда же отправлены; Савелий Сторожихин шестнадцать тысяч; Филипп Масленников четыре тысячи, у сих отправлены в Белев, и из них Петр Торубаев и Аврам Григоров за холстом к Алексину отправлены и доставят в Калугу более двадцати тысяч аршин; прочим же приказано, чтобы старались в скорости холст сюда же доставить; цены против солдатского рубашечного, а частью и они объявили трем сортам: 1-му — 37 коп., 2-му — 30 коп., 3-му — 22 коп. и 23 коп. за аршин. Корпии ни у кого нет, и только представил в Думу сию безденежно купец Дмитрий Кушинников*

два фунта и объявил, что у него здесь в Калуге лучшей ветоши до двадцати или более пудов, что окажется по свесе, и цена ей последняя за каждый пуд шесть рублей; у купца Михайлы Рыбникова ветоши пудов сот до пяти, но вся рваная и мелкая и цена за пуд по 4 рубля на выбор» [7].

Удалось выявить сведения о калужских купцах и мещанах, упоминаемых в документе.

МАСЛОВ Гаврила Герасимович (1762–после 1816), купец, мещанин и цеховой ремесленник, избирался в Калужскую общую городскую думу (1814). Жена — Дарья Н. (1768–?). Дети: Пелагея Рыжова (1796–?) (муж — Федор Иванович Рыжов (?–?), купец (1860). Повенчаны 11.05.1816 в Спасослободской церкви. Поручителями были: брат Иван Иванович Рыжов и купец Филипп Иванович Рыжов (1784–10.06.1830)). Дети: Иван (1824–?). Григорий (1826–1853). Тимофей (1828–?). Егор (1833–1853). Порфирий (1833–?). Анна Квасникова (1803–?) (муж — Павел Никитич Квасников (?–?), купец. Повенчаны 11.05.1824 в Воскресенской церкви. Поручители: Лазарь Никитич Квасников и Федор Григорьевич Губин). Григорий (1802–?). Александра (1809–?). Семен (1810–?). Иван (1814–?), гласный шестигласной Калужской городской думы (1857).

ТОРУБАЕВ Петр Иванович (1773–21.04.1845, отпет в Благовещенской церкви), купец. Торговал с женой и двумя сыновьями пенькой, холстами, медом (1819–1824).

Жена 1 — Наталья Борисовна Кадмина (около 1885–?), дочь купца Бориса Тимофеевича (1763–3.01.1809). Повенчаны 20.10.1804 г. в Николо-Козинской церкви. Жена 2 — Дарья Петровна Н. (1778–1838). Отпета в Благовещенской церкви. Дети: Иван (27.05.1823–?) (восприемники в Казанской церкви: Владимир Яковлевич Билибин, сын купца Якова Ивановича, и вдова Анна Яковлевна Лукошкина).

ТОРУБАЕВ Иван Акимович (1756–17.10.1820, отпет в Никитской церкви), купец. Был отвержен к старообрядчеству.

ТОРУБАЕВ Аким Иванович (?–?), купец. Вел торг с женой и сыном пенькой, холстами, медом (1819). Жена — Елизавета Федоровна Подошвенникова (?–?), дочь Федора Ильича. Повенчаны 13.07.1804 г. в Богоявленской церкви.

ГРИГОРОВ Аврам Иванович (1754–?), 3-й гильдии купец. Торговал с женой, тремя сыновьями и внуком мелочными товарами (1819). Проживал с семьей в Благовещенской слободе (1816). Жена — Екатерина Н. (?–?). Дети: Козьма (1785–?) (жена — Екатерина Н. (1887–?). Дети: Иван (1807–?), Анна (1805–?), Семен (1806–?), Иван (1810–1812), Василий (1813–?), Мария Макарова (1810–?; муж — Дмитрий Петрович Макаров (?–?). Повенчаны 02.05.1828 в Воскресенской церкви).

ГРИГОРОВ Александр Филиппович (1756–до 1819), 2-й гильдии купец. Жена — Аксинья Григорьевна Горина (1760–?), 2-й гильдии купчиха, с двумя сыновьями вела торг парусными полотнами (1819–1824). Дети: Иван (1789–1815), Алексей (1795–?), Николай (1789–?), Александр (1789–1815), Александра (1797–?).

СТОРОЖИХИН Савелий Яковлевич (?–до 1858), солдат, мещанин. Жена — Авдотья Егоровна Н. (1782–1858). Проживали в приходе Казанской церкви. Дети: Анна Солодовникова (Сторожева) (?–?), дочь Савелия Яковлевича (муж — Иван Иванович Солодовников (?–?), повенчаны 04.10.1811 в Благовещенской церкви). Агриппина Кожевникова (Стороженина) (?–?) (муж — Алексей Степанович Кожевников (?–?). Повенчаны 30.10.1816 в Воскресенской церкви).

МАСЛЕННИКОВ Филипп Тимофеевич (1788–?), купец. Родители: Тимофей Семенович (1751–1812), купец, и Авдотья (1760–?). Их дети: Филипп (1788–?), Иван (1791–?) купец (жена — Дарья Ефимовна Дружинина (?–?), дочь купца Ефима Никитича. Повенчаны 20.05.1813 в церкви Георгия за верхом. Дети: Пелагея (1814–?), Степан (1798–?), Татьяна (около 1800–?; муж — Федор Иванович Клягин (?–?), повенчаны 20.01.1816 в Николослободской церкви), Гаврила (1803–?; жена — Наталья Ивановна Татарина, дочь Ивана Павловича, повенчаны 28.09.1826 в церкви Георгия за верхом), Козьма (1805–?; жена — Евдокия Александровна Ташина (?–?), дочь Александра Козьмича, повенчаны 29.10.1829 в церкви Георгия за верхом).

Жена Филиппа Тимофеевича 1 — Екатерина Ивановна Жильцова (?–12.12.1819, от родов). Повенчаны 31.10.1810 в церкви Георгия за верхом. Дети: Анастасия (12.12.1819–?) (восприемники: Иван Иванович Жильцов и Петра Ивановича Блинова жена Прасковья Петровна).

Жена 2—N. (?-?). Дети: Иван (19.03.1826-?) (восприемники: Осип Алексеевич Хлебников и Михаила Васильевича Кадмина жена Анна Герасимовна).

КУШИННИКОВ Дмитрий Иванович (1772—до 1819), купец-изразечник. Избирался старшиной кафельного цеха в Калуге. Проживал в Воробьевской слободе. Жена—Пелагея Прокопьевна (Иванова) (1774—03.06.1849, отпета в Воскресенской церкви), дочь Прокопия Федоровича (1748-?) и Аксиньи Петровны (Хавриной) (1753-?). Дети: Анна Кольцова (1794—18.03.1858, отпета в Воскресенской церкви), Василий (1797—09.11.1848, отпет в Николослободской церкви). Александр (27.08.1799—11.05.1861), владел домом № 51 в 1 ч. 1 кв.; Анастасия (04.12.1804-?), Евдокия Носова (?-?), Александра (25.11.1813-?), Пелагея Фалеева (?-?).

РЫБНИКОВ Михаил Анфиногенович (1769—18.06.1829, отпет в церкви Иоанна Предтечи) (1765—21.05.1847, отпет в Благовещенской церкви), купец. Торговал с женой и тремя сыновьями писчей бумагой. Жена—Фекла Захаровна N. (1771—24.07.1841). Отпета в Архангельской церкви. Дети: Степан (1804-?), купец; жена—Марфа Алексеевна Лебедева (?-?), дочь купца Алексея Васильевича, повенчаны 11.06.1823 г. в Благовещенской церкви). Дети: Александра (17.05.1824-?) (восприемники в Мироносицкой церкви: купец Лаврентий Михайлович Рыбников и М. Анфиногеновича Рыбникова жена Александра Михайловна), Григорий (1805—1812), Лаврентий (1810-?), Петр (1811-?), Наталья Калашникова (Рыбникова) (1803-?; муж—Иосиф Васильевич Калашников (?-?), купец, повенчаны 03.06.1818 в Воскресенской церкви. Поручителем был купец Никита Семенович Кулешов) [8].

Выявленные генеалогические сведения помогут потомкам в поисках своих калужских корней. Проведенное исследование будет способствовать сохранению исторической памяти, воспитывать любовь к малой родине и Отечеству.

Список литературы

1. Территория Кутузовских побед // URL: [visit-kaluga.ru ... kutuzovskih_pobed](http://visit-kaluga.ru...kutuzovskih_pobed)
2. *Кожевникова Н. И.* Благотворительность калужского купечества в Отечественной войне 1812 года // Благотворители и меценаты земли Калужской. — Калуга: Полиграф-Информ, 2007. — С. 66–86; *Кожевникова Н. И.* Отечественная война 1812 года и калужские купцы И. В. Меньшой Торубаев, П. А. Елисеев, А. В. Лебедев и Ф. И. Лычков // Подвигу доблести русской—память и честь!: сборник материалов 1-го Калужского областного общественного литературного военно-патриотического конкурса в честь 200-летия Отечественной войны 1812 года. (Калуга, 25 апреля—31 августа 2007 года) / сост. И. Е. Горолевич, Н. В. Гущина. — Калуга: Полиграф-Информ, 2007. — С. 185–189.; *Кожевникова Н. И.* Калужские купцы в 1812 году. Методические материалы «Отечественная война 1812 года и Калужская губерния // Подвигу доблести русской—память и честь!: сборник материалов 2-го Калужского областного общественного литературного военно-патриотического конкурса в честь 200-летия Отечественной войны 1812 года / сост. И. Е. Горолевич, Н. В. Гущина. — Калуга: Полиграф-Информ, 2008. — С. 247–252; *Кожевникова Н. И.* Жители Калуги в Отечественной войне 1812 года. «В знак избавления России от французов»—новый храм в Калуге. Историческая справка. Степан Федорович Фалеев—общественный деятель времен Отечественной войны 1812 года // *Кожевникова Н. И.* Калуга купеческая. — Калуга: КТС, 2015. — С. 274–297; *Кожевникова Н. И.* Степан Федорович Фалеев—общественный деятель времен Отечественной войны 1812 г. // VIII городская научная краеведческая конференция. 06–07.10.2010 г.—Калуга, 2011. — С. 290–297; *Кожевникова Н. И.* Участник Отечественной войны 1812 года И. И. Гиппенрейтер // *Кожевникова Н. И.* Жители Калуги (конец XVIII—начало XX веков). — Калуга: КТС, 2016. — С. 14–36; *Кожевникова Н. И.* Иосиф Иванович Гиппенрейтер—участник Отечественной войны 1812 года // Калуга в шести веках: материалы IX городской краеведческой конференции. 03–05.10.2012 г.—Калуга: Камин-плюс, 2013. — С. 119–136;
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 27. Метрическая книга церквей г. Калуги 1812 г. С. 115–116.
4. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь.
5. Сведения от Владимира Ярославовича Кожевникова (г. Калуга).
6. *Булычев Н. И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии. Калуга, губернская типо-литография, 1910. Г-ну Калужскому гражданскому Губернатору Калужской градской думы рапорт от 13 сентября 1812 г. № 480. — О состоянии в городе запасов холста и проч. № 17. С. 65.

7. Корпия — растеребленная ветошь, ветошные нитки или нарочно выделанная пушистая ткань, для перевязки ран и язв // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля // URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/257970
8. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34. Журнал городской Думы. «О предмете торга калужских купцов» (1819–1824); ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Ревизские сказки о купцах Калуги 1816 г.; ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 151. Ревизские сказки о мещанах Калуги 1816 г.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1331. Исповедная ведомость церковей г. Калуги 1851 г.; ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 810. Семейные списки г. Калуги за 1858 г.; ГАКО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 79. Ревизские сказки о мещанах 1858 г.; Метрические книги церковей г. Калуги разных лет; ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 8—1800 г. Д. 9—1801 г. Д. 10—1802 г. Д. 13—1803 г. Д. 15.—1804 г. Д. 16—1805 г. Д. 17—1806 г. Д. 19—1808 г. Д. 20—1809 г. Д. 22—1810 г. Д. 27—1812 г. Д. 28—1813 г. Д. 30—1815 г. Д. 31—1816 г. Д. 32—1818 г. Д. 33—1819 г. Д. 35—1820 г. Д. 39—1821 г. Д. 40—1822 г. Д. 41—1823 г. Д. 42—1824 г. Д. 43—1825 г. Д. 44—1826 г. Д. 47—1827 г. Д. 48—1828 г. Д. 50—1829 г. Д. 52—1830 г. Д. 58—1831 г. Д. 61—1832 г. Д. 68—1834 г. Д. 70—1835 г. Д. 73—1836 г. Д. 75—1837 г. Д. 84—1838 г. Д. 88—1839 г. Д. 91—1840 г. Д. 97—1841 г. Д. 100—1842 г. Д. 104—1843 г. Д. 109—1844 г. Д. 113—1845 г. Д. 116—1846 г. Д. 128—1847 г. Д. 135—1848 г. Д. 145—1849 г. Д. 153—1850 г. Д. 163—1851 г. Д. 172—1852 г. Д. 178—1853 г. Д. 185—1854 г. Д. 191—1855 г. Д. 195—1856 г. Д. 199—1857 г. Д. 650—1858 г.; Даты жизни калужан взяты из ревизских сказок, исповедных ведомостей и метрических книг церковей г. Калуги. Даты с указанием: число, месяц, год — из метрических книг разных соответствующих лет. Даты, указывающие только год (без числа и месяца), вычислены по ревизским сказкам.

КАК КУПЦЫ МЕРЕНКОВЫ В 1857 г. «ПОДОЖГЛИ» БОРОВСК?

Н. П. Лошкарева,

главный научный сотрудник, музейно-краеведческий комплекс «Стольный город Боровск»

Расположенный на берегах р. Протвы, старинный город Боровск за свою тысячелетнюю историю пережил не одно неприятельское нашествие и природное стихийное бедствие, которые, конечно же, никак не зависели от жизнедеятельности местного населения. В то же время такое бедствие, как пожар в городе с плотной, в основном деревянной застройкой, наоборот, напрямую зависело от деяний рук человеческих или от банальной халатности все того же человека — местного жителя.

Одним из таких бедствий для Боровска стал майский пожар 1857 г., охвативший почти весь городской центр с Торговой площадью (ныне имени В. И. Ленина. — *Н. Л.*) и перекинувшийся на левый берег р. Протвы. Его последствия долгое время будоражили воспоминания боровчан, а известный боровский краевед из купеческого сословия Н. П. Глухарев (1869–1920) собрал документы об этом пожаре и включил их во 2-й том своего издания «Материалы для истории города Боровска и его уезда. Копии с документов из архива Н. П. Глухарева» [1]. В документах сообщалось о деятельности учрежденного вскоре после пожара городского Комитета для пособия погоревшим жителям и перечислялись пострадавшие от пожара домохозяева с жильцами (по улицам) с указанием имен, отчеств, фамилий, званий, кратким описанием каждого жилого дома, оценкой движимого и недвижимого имущества в денежном выражении, сколько получил пособия и, если нет, то почему. Отдельные сведения из этих документов использовал боровский краевед советской эпохи П. А. Подшивалов (1912–1984) при написании книги «Памятные и исторические места улиц г. Боровска» [2], о Комитете для пособия погоревшим жителям г. Боровска в контексте благотворительной деятельности на территории Калужской губернии упоминал в одной из своих работ кандидат исторических наук А. Г. Лебедев [3].

Автор статьи, собирая в Государственном архиве Калужской области материал по истории боровских храмов, выявила в фонде Боровского городского магистрата (Ф. 299) довольно емкое и живое по содержанию «Дело о производстве следствия о происшедшем пожаре в доме боровского купца Меренкова» [4], крайние даты которого 23 мая — 14 августа 1857 г. В нем шла речь все о том же майском пожаре 1857 г., но оно раскрывало совершенно новые, неожиданные страницы произошедшего в Боровске широкомасштабного бедствия. Правда, сначала пришлось

воспользоваться сведениями, касавшимися ущерба, нанесенного пожаром только трем городским храмам [5]. В настоящее время возникла необходимость обратиться ко всему содержанию данного дела, так как его сведения весомо дополняют опубликованные ранее Н. П. Глухаревым документы о случившемся бедствии, позволяют детально реконструировать произошедшие события и раскрыть, в какой мере члены видной боровской купеческой семьи Меренковых были к нему причастны.

Стоит отметить, что следствие о произошедшем в Боровске пожаре производилось городским магистратом «по горячим следам». Одним из первых о пожаре боровскому городничему Ломачевскому 23 мая официально, по форме, рапортом, доложил квартальный надзиратель Т. П. Докукин. В рапорте сообщалось, что 22 мая в 8 $\frac{1}{4}$ часов утра в Боровске на Успенской улице в доме боровского купца Григория Семеновича Меренкова произошел пожар, который при сильном ветре с восточной стороны перекинуло тут же с улицы на улицу. Сгорело домов до 150 и до 200 лавок с повреждением трех церквей. Во время пожара обгоревших и с другими повреждениями людей не было [6]. В тот же день, 23 мая, городничий Ломачевский и ратман Пашутин в присутствии свидетелей (свидетелями выступали в зависимости от того, что осматривали, представители храма, учреждения (заведения) или улицы составили акты об ущербе по пострадавшим Успенской, Пятницкой, Калужской, Спасской и Разночинской улицам, по Торговой площади, отдельно по Благовещенскому собору, храму Спаса Преображения на площади, храму Спаса Преображения на взгорье и по зданию цейхгауза на левом берегу р. Протвы [7]. 24 мая городничий и ратман взяли показания со всех членов семьи Меренковых, которые в день пожара находились в Боровске или в ближайших к нему окрестностях [8], с боровского мещанина Михаила Михайловича Карнеева [9] и горожан: боровского мещанина Ивана Васильева Молчанова 62-х лет, боровского купца 3-й гильдии Ивана Матвеевича Стеснягина 56 лет, боровского купца Козмы Кирилловича Сокова, мещанина Тихона Егоровича Санина, боровского мещанина Николая Никитовича Беляева 50 лет, боровского купеческого сына Федора Михайловича Калашникова 26 лет, мещанина Фирса Кирилловича Санина 30 лет, мещанина Родиона Мартыновича Стырова 40 лет и др. Поскольку все давшие показания и клятвенные обещания объявили себя грамотными, то под показаниями и клятвенными обещаниями поставили свои подписи [10]. Все давшие показания не знали, от чего произошел пожар и никого в поджоге не обвиняли. Производившим по данному делу следствие оставалось только констатировать, что виновных в поджоге дома Меренковых «не открыто, почему городской магистрат на основании Свода Законов тома XV статьи 1169 и 1211 мнением полагает, случаи произошедшего в Городе Боровске пожара впред до открытия виновных предать на суд Богу...» [11]. По завершении следствия дело передали на утверждение калужскому гражданскому губернатору, который 14 августа 1857 г. за № 7662 выразил свое согласие с решением Боровского городского магистрата [12]. Вместе с вышеуказанными материалами в дело также были подшиты доклады боровских чиновников, напоминающие, скорей, отчеты о том, как они тушили пожар, как спасали казенное и личное имущество, какие подвиги и кто при тушении пожара свершил [13]. Одновременно с этим в деле сохранился именной список боровским домохозяевам, пострадавшим от этого пожара, по улицам. Список представляет собой перечисление фамилий, имен, отчеств домохозяев, жильцов и их звания с указанием ущерба движимого и отдельно недвижимого имущества в денежном выражении [14].

Исходя из материалов произведенного следствия, события, произошедшие в Боровске 22 мая 1857 г., разворачивались следующим образом. Утро для боровчан началось, как обычно: служащие спешили на работу по своим ведомствам, купцы и мелкие торговцы открывали свои лавки, огородники с ранней зари обошли свои посадки, кто-то из горожан спешил выполнить важные дела... Семейство временного 3-й гильдии купца Григория Семеновича Меренкова с утра было уже «на ногах». Дом его одноэтажный с пристройками и надворным строением находился вблизи Торговой площади на ул. Успенской (ныне ул. Ленина. — *Н. Л.*), на левой стороне, не доходя до храма Успения Пресвятой Богородицы (в настоящее время на месте храма стоит здание теперь уже бывшего кинотеатра «Родина», в котором размещается магазин «Магнит». — *Н. Л.*) [15].

В приходе Успенского храма жил еще отец Григория Семеновича Семен Григорьевич Меренков [16]. По-видимому, его дом и достался Григорию Семеновичу по наследству, как старшему

сыну. Григорий Семенович и вся его семья, а по данным на 1853 г., это жена Татьяна Захаровна, сыновья Петр и Федор, дочери Дарья и Марья, жена Петра Елена и их малолетние дети Василий и Анфиса, были старообрядцами, тяготевшими к «Московскорогожскому кладбищу». При этом они исправно, по законам того времени, являлись ежегодно на исповедь и к причастию в Успенский храм [17]. Также известно, что Григорий Семенович и Татьяна Захаровна были крещены и браком венчаны в православной приходской церкви (возможно, в Успенском храме. — *Н.Л.*). В 1854 г. Григорий Семенович получил гильдейское свидетельство как православный и был утвержден бургомистром боровского магистрата. Но на него завели дело из-за тяготения к старообрядчеству и с должности бургомистра уволили. Для исправления и наставления «на истинный путь» с Меренковым проводились «увещательные» беседы архимандритом Пафнутьева монастыря Геннадием, а Калужская духовная консистория в надежде на исправление указом 8 декабря 1856 г. решила не предавать Меренкова суду. Правда, в феврале 1857 г. выяснилось, что Меренков не всегда являлся к службам в монастыре, о чем архимандрит Геннадий пожаловался боровскому городничему [18]. В это самое время Григорий Семенович приобрел для своей семьи трехэтажный дом, ранее принадлежавший купцам Большаковым (в квартале № 44 дом № 468 по подтвержденному в 1842 г. на г. Боровск плану). Дом стоял на той же Успенской улице и в том же квартале, где проживала семья Меренковых. Забегая вперед, скажем, что «владенная данная» на приобретенный дом по императорскому указу была выдана Григорию Семеновичу 6 июня 1857 г., то есть вскоре после пожара [19]. В 1870 г. Григорий Семенович значился купцом 2-й гильдии, владевшим «ренсковыми погребками» и торговавшим, как бы сейчас сказали, спиртными напитками [20].

На момент случившегося пожара семья Меренковых проживала еще в родовом одноэтажном доме. Его хозяину, Григорию Семеновичу, был 51 год, как и все остальные члены семьи, он ежегодно бывал на исповеди и у причастия у своих священников, грамотный. Григорий Семенович при Пафнутьевом монастыре содержал мельницу, на ней фактически и жил. 22 мая он также находился на мельнице. В городском доме постоянно проживали его жена, Татьяна Захаровна 50 лет, безграмотная, сын Петр 29 лет, грамотный, с женой Еленой Петровой 27 лет, безграмотной, и холостой сын Федор. Татьяна Захаровна с утра 22 мая ушла из дома к портному Ипату заказать для мужа сшить бекешку. Петр дома тоже отсутствовал, уехал на фабрику купца Занегина для покупки угара. В доме оставалась одна только невестка Елена. С утра в дом пришел боровский мещанин Михаил Михайлович Карнеев 50 лет, (вероисповедания по «Московскорогожскому кладбищу»), грамотный, который принес часы. Когда он вошел во двор, то увидел, что во вновь выстроенной части двора горит, о чем тут же сообщил невестке Меренковых. Та, «выйдя из передней горницы на двор увидела, что в доме во дворе выстроенном горит, и от испуга сделалась в безпамятстве». Пожар произошел, как позже, придя в себя, решила невестка, во внутренней комнате выстроенного во дворе к огороду особого жилого строения. В тот день она в него не ходила и не видела, чтобы кто-нибудь еще туда ходил. Мещанин М. М. Карнеев, видя, что в доме, кроме невестки Меренковых, больше никого нет, «принял меры к потушению пожара». Но в тот день был очень сильный ветер, и он «порывом унес пламя». О произошедшем пожаре на весь город оповестил набат соборной колокольни. Его звон услышала Татьяна Захаровна. Когда она подошла к дому, тот уже весь был объят пламенем. Рядом толпился народ, к которому она обратилась с просьбой вывести из конюшни лошадей. Петр оказался около дома тоже довольно поздно: сначала, выйдя из дома Занегина, он услышал от народа, что горит город. По пути ему кто-то сказал, что горит и их дом. Подъехав к нему, увидел его в сильном пламени. Тут же послал за своим отцом на мельницу лошадь, а сам пошел ко двору пешком. Возможности спасти имущество не было: все оно погибло в огне [21].

«Для утешения» пожара тотчас явилась боровская пожарная команда и нижние чины инвазивной команды, на помощь им прибыли из-за города заливные трубы с фабрики купца Занегина. Но все их усилия оказались тщетны против разбушевавшейся огненной стихии [22].

Пламя мгновенно охватило центральную часть Боровска: от дома Меренкова по прямой линии оно перекидывалось от дома к дому до духовного правления (46 сажень), от него к зданию, в котором располагались городской магистрат, городская дума, сиротский и словесные

суды (еще 25 сажений), от них понеслось к городской больнице (еще 88 сажений). От дома Меренкова, взяв влево, пламя понеслось также через местные торговые ряды и общественный театр (возможно, в деле описка и правильно должно быть шатер. — *Н. Л.*) до почтовой конторы (на 120 сажений) [23]. Горели ближайшие к площади дома по улицам Успенской, Пятницкой, Калужской, почти вся Спасская и Разночинская улицы, с расположенными на них общественными зданиями, а также духовным правлением и городской больницей. Горели дома Торговой площади, стоявший на ней соборный храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с часовней и два храма во имя Спаса Преображения с часовнями. Причем ветер крутил пламя так, что оно перекидывалось с улицы на улицу по Торговой площади вокруг Гостиного двора, который в конце концов тоже загорелся.

Боровский почтмейстер титулярный советник Иван Боровский находился на службе, когда вдруг услышал первый удар в набат, «и в след за сим же увидел он в блиском расстоянии от почтовой конторы пламя, ... в ту же минуту побежал сам сколь сил его доставало на почтовую станцию за лошадьми и телегами...», которые быстро запряг и примчался на них в почтовую контору. Вместе с почтальоном Василием Оболенским он вытащил казенный сундук с казенною суммою, в нем также хранилась еще не розданная денежная корреспонденция, штемпельные конверты и бланковые расписки. После чего почтмейстер Иван Боровский принялся спасать суммы, сумки, дорожное оружие, архив и прочие казенные принадлежности. Несмотря на пламя, бушевавшее вокруг конторы и захватившее ее, почтмейстер Иван Боровский с помощью помощника губернского секретаря Дмитровского, почтальона Василия Оболенского, его отца и ямщика Матвея Степанова спас казенную сумму, все казенные вещи, принадлежавшие конторе, архив с 1843 по 1858 г., «но к нещастию не успел спасти своего имущества а равно и помощник его» [24].

Спасать собственное свое имущество в Гостином ряду вышли члены городского магистрата, сиротского и словесного судов, а секретарь и канцелярские чиновники занялись приготовлением ко спасению находившихся дел и бумаг. Носить пришлось на «абширное разстояние» к ограде тюремного замка (располагался на Боровском городище. — *Н. Л.*). Успели чиновники вынести в основном текущие дела и только часть архива. Из имущества спасли лишь зеркало (символ законности Российской империи, представлявший собой увенчанную двуглавым орлом треугольную призму, на сторонах которой были наклеены печатные экземпляры петровских указов, выставлялся во всех государственных учреждениях империи со времен Петра I до февраля 1917 г. — *Н. Л.*), портрет государя императора, часы, одно кресло и труды чиновников. Пламенем быстро было объято все: не то что в здание, а и на улицу войти было невозможно.

Спасением своего имущества в Гостином ряду и домах, находившихся вблизи них, были озадачены и члены городской думы. Секретарь же и канцелярские чиновники занялись спасением дел и бумаг из здания, в котором дума размещалась вместе с городским магистратом. Выносили в основном текущие дела, законы, паспортные бланки с вырученными за них деньгами, а потом и часть архива. Носили все на довольно большое расстояние за тюремный замок. Спасли также иконы, зеркало, портрет государя императора. Несмотря на принятые меры, урон был нанесен существенный. Из принадлежавшего обществу имущества сгорели: общественный шатер с 24 лавками-рундуками, два дома, здание, в котором помещались магистрат, дума, сиротский и словесный суды, под ними три лавки, цейхгауз, занятый казенными вещами боровской инвалидной команды, весы, образцовые меры, присутственные столы и канцелярский секретаря, недорогая мебель. Все это стоило, примерно, 20 000 руб. серебром [25].

Бушевавшее пламя пожара достигло двухэтажного каменного здания цейхгауза (начальник боровской инвалидной команды прапорщик Кобылинский называл его артиллерийским складом. — *Н. Л.*), которое стояло за рекой в расстоянии от нее на 2 сажени 2 ½ аршина и перед горой на расстоянии до нее на 1 сажень. Цейхгауз имел длину 6 сажений 2 ½ аршина и ширину 4 сажени ¼ аршина. В здании в верхнем этаже хранились казенные вещи, оставшиеся от запасного Владимирского полка 16-й пехотной дивизии, и лазаретные вещи: фуфайки, рубахи, чулки, подштанники, полушубки, прочее обмундирование, — а также горшки, сковороды чугунные, столы, ручной мойники, ушаты и т. п. Почти все это сгорело вместе со зданием. Около него на земле остались

лежать лишь в небольшом количестве лоскуты обгорелых овчин, обгорелая жестяная ванна, а на верхнем этаже здания у левой стороны лежали обгорелые жестяные солдатские манерки, на правой стороне три чугунных котла, лопнувшие от жара, и кастрюли, в которые после пожара собрали растопившуюся медь. Спасти успели 111 коек и 21 стол, которые перенесли к реке [26].

В результате бушевавшего в городе пожара на Успенской улице с левой стороны от дома Меренкова на пространстве 45 саженей до угла к мясным рядам сгорели 6 домов: один каменный двухэтажный, два двухэтажных с каменными низами и три одноэтажных на каменных фундаментах. На правой стороне, на пространстве до соборного храма 84 сажени, сгорело 13 домов, в том числе духовное правление (здание правления стоило 300 руб. серебром, сгоревшие казенные два шкафа для дел и два письменных стола стоили 25 руб. серебром), отстоявшее от дома Меренкова на 46 саженей, один каменный двухэтажный, три двухэтажных с каменными низами, четыре деревянных на каменных столбах и один одноэтажный на каменном фундаменте, прочие четыре одноэтажных деревянных без фундамента. Кроме того, один деревянный одноэтажный был поврежден от «разломки».

В мясных рядах на пространстве 51 ½ сажени сгорели 5 домов, под которыми располагались лавки, из них один каменный двухэтажный, четыре на каменных столбах и четыре лавки с каменными столбами.

На Пятницкой улице (ныне ул. Володарского. — *Н. Л.*) с левой стороны на пространстве 52 сажени сгорели 6 домов, из которых один каменный двухэтажный, два двухэтажных с каменными низами, два каменных одноэтажных и один деревянный одноэтажный без фундамента. На правой стороне улицы на пространстве 43 сажени сгорели 4 дома, все деревянные, одноэтажные.

На Калужской улице с левой стороны на пространстве 71 сажени сгорело 9 домов: два двухэтажных каменных, семь одноэтажных деревянных, из которых три на каменном фундаменте и четыре без оных. На правой стороне улицы сгорел один каменный двухэтажный дом.

На Спасской улице (ныне ул. Урицкого. — *Н. Л.*) с левой стороны сгорели 2 дома: один двухэтажный с каменным низом, другой одноэтажный деревянный на каменном фундаменте, дом священника. От него вниз по горе к рч. Текиже сгорели 8 домов, все одноэтажные деревянные, из них только два на каменном фундаменте. На правой стороне той же улицы сгорели 14 домов, в том числе дом, который занимала почтовая контора, один каменный двухэтажный, два двухэтажных с каменными низами, четыре на каменных фундаментах, остальные одноэтажные деревянные без фундаментов.

На Разночинской улице (ныне ул. Красноармейская. — *Н. Л.*) с левой стороны сгорели 28 домов, из них один каменный одноэтажный, восемь на каменном фундаменте, в том числе дом, который занимала городская больница, все прочие деревянные одноэтажные без фундаментов. На правой стороне той же улицы до площади сгорели 32 дома, из которых два каменных двухэтажных, два двухэтажных с каменными низами, 11 на каменных фундаментах, прочие без фундаментов деревянные одноэтажные. С улицы Разночинской огонь перекинулся на левый берег р. Протвы, где загорелся цейхгауз и во многих местах лес.

На Торговой площади сгорели один общественный дом, в котором располагались магистрат и дума, один застрахованный во 2-м от огня обществе и 13 домов: один каменный трехэтажный¹, три каменных двухэтажных, один каменный одноэтажный, два двухэтажных с каменными низами, три деревянных на каменных столбах, остальные одноэтажные на каменных фундаментах. В центре площади сгорел Гостиный двор, общественный шатер и мелочные лавки с разными запасами и материями, общественный трактир и питейный дом [27].

На кафедральном соборе во имя Благовещения Пресвятой Богородицы выгорело большинство деревянных конструкций и деталей. Так, в колокольне сгорели в окнах рамы, перила, лестницы, полы, брусья, на которых висели колокола, и пол под колокольными часами. В результате часы (вместе с гириями весили около 70 пудов), большой колокол весом 255 пудов, средний весом

¹Каменный трехэтажный дом принадлежал купеческому брату Федору Алексеевичу Капырину. См.: Материалы для истории города Боровска и его уезда. Копии с документов из архива Н. П. Глухарева. Боровск, 1914. Т. 2. С. 132.

75 пудов и 4 маленьких часовых колокола упали. Колокола разбились, а часы все разломались. Висеть остались на железе, подложенном под деревянный брус, четыре колокола в западном окне. При падении часы и колокола сдавили над папертью своды, которые нужно было перделывать. Вся до основания сгорела на трапезной железная крыша на деревянных стропилах, а также сгорели карнизы колокольные, крытые железом. От огня были повреждены и требовали переделки железная крыша на четверике храма с южной и западной стороны, пять глав с южной стороны, растрескался и в разных местах обвалился карниз из белого камня, вокруг колокольни и по местам приделов, а в других грозил падением. Были повреждены в окнах храма с южной стороны две рамы, а с северной две зимние рамы повреждены и две летние сгорели. Выгорели внутри две комнаты под колокольней с южной стороны, служившие для складирования церковных старых вещей. Помимо храма, с северной стороны от колокольни, сгорели церковные лавки: одна, крытая железом, девять, включая проход, крытые тесом, — и против колокольни на площади сгорела принадлежавшая собору деревянная часовня. Иконы из часовни были спасены, также во избежание опасности от огня пришлось разломать иконостасы храма и приделов и вынести иконы и всю церковную утварь на улицу. Престолы и жертвенники оставались на местах. Правда, огненная стихия интерьеры собора не повредила. (Комиссия в составе городничего и соборного священника Дмитрия Любимова подсчитала, что пожар нанес храму убыток на сумму около 5 000 руб. серебром) [28].

Коснулся пожар и храма во имя Спаса Преображения на площади. Повреждены огнем были глава и «даже листы железные раскрыты, крыша на олтаре и на самом храме, находившаяся на сводах вся сгорела и требует непременно перекрыши». Выгорели три рамы в алтаре, по две рамы вверху, внизу, с южной и северной стороны, одна рама в алтаре придела. Выгорела также вся деревянная постройка на колокольне, но верх с колоколами не был поврежден. Сгорела стоявшая при церкви часовня с иконостасом и пять лавок, две из которых, как и часовня, крыты железом, в некоторых местах была повреждена церковная ограда. Ради спасения икон пришлось разломать иконостасы в храме и приделе. Иконы и всю церковную утварь из храма, придела и часовни вынесли, престол и жертвенник оказались стронуты с места, как и «одежды» на них, в алтаре престол остался цел. (Комиссия в составе городничего, соборного священника Дмитрия Любимова и священника храма Макария Завитаева подсчитала, что пожар нанес храму убыток на сумму около 3 000 руб. серебром) [29].

Огнем был поврежден храм во имя Спаса Преображения на взгорье. Сгорела и упала глава храма с вызолоченным крестом, сгорела крыша на алтаре и на фронтонах, на трапезе в некоторых местах обгорела, а на куполе от удара главок повреждена. На колокольне от огня повредился и раскачался шпиль. Пол под колоколами и первая от него горевшая лестница раскиданы. В колокольне сгорели в нижних входных просветах арки с дверями, а в храме выгорели рамы с северной стороны по две вверху под главою, в середине, внизу и одна вверху с южной стороны. Близ алтаря сгорела часовня, крытая железом (иконы из нее вынесли), около колокольни сгорели деревянная крытая железом сторожка и при ней сарай для дров. И хотя интерьер храма огонь не затронул, иконостасы пришлось разломать, чтобы вынести иконы, поврежденными оказались царские врата и изорваны их завесы. Престолы в храме и приделе св. апостолов Петра и Павла остались целы, а в приделе Покрова Пресвятой Богородицы сдвинуты с места. Вынести удалось и всю церковную утварь. (Комиссия в составе городничего, соборного священника Дмитрия Любимова и священника храма Никифора Павловского подсчитала, что пожар нанес храму убыток на сумму 1 700 руб. серебром) [30].

Общий итог ущерба от бушевавшей огненной стихии был указан следующий: уничтожено 143 частных дома, одно здание духовного правления, четыре общественных здания, до 200 лавок с припасами и товарами, находившийся за рекой цейнгауз и во многих местах лес, три церкви довольно существенно обгорели. В денежном выражении ущерб исчислялся, предположительно, в 360 000 руб. серебром [31]. (Благодаря представленным в деле сведениям произведем подсчет домов по их этажности и составу строительного материала: 1 — трехэтажный каменный, 13 — двухэтажных каменных, 14 — двухэтажных с деревянным верхом и каменным низом, 38 — одноэтажных деревянных на каменном фундаменте, 11 — одноэтажных деревянных на каменных

столбах, 58—одноэтажных деревянных без фундамента, 4—одноэтажных каменных, 5 указаны просто одноэтажными деревянными. Среди них—здания духовного правления и магистрата, но нет одноэтажного дома Меренкова и не указано, из какого материала он был выстроен. Из всех строений: частных домов, храмов, общественных зданий и торговых лавок—только один частный дом был застрахован во 2-м от огня обществе.—*Н. Л.*)

Оправиться от такого бедствия самостоятельно город и погоревшие жители не могли. В помощь им к концу мая 1857 г. был создан временный Комитет для первоначального пособия погоревшим жителям, о деятельности которого и сообщают опубликованные Н. П. Глухаревым документы. Не вдаваясь по этому поводу в подробности (это тема самостоятельного исследования), хочется обратить внимание на просьбу Комиссии, производившей в 1870 г. опись и оценку имущества по городам, посадам и местечкам Калужской губернии для сбора налогов. Члены Комиссии в своем сообщении от 4 декабря 1870 г. отметили пожар 1857 г. как важный фактор, который губернскому земскому собранию следовало учесть при раскладке земского сбора, так как «жители хотя и возобновили некоторые строения, но не иначе, как с помощью залога оных в кредитных учреждениях, коим еще до сего времени оплачивают проценты, тогда как самая строения по столь давнему времени требуют значительного ремонта» [32]. Проще говоря, погорельцам нужны были льготы при уплате налогов. Вот так, начавшийся с домовладения Меренковых непонятно по какой причине пожар нанес небывалый ущерб городу Боровску, последствия которого продолжали сказываться и в 1870-е гг.

Таким образом, выявленное в Государственном архиве Калужской области—неисчерпаемом кладезе исторической информации—уникальное «Дело о производстве следствия о происшедшем пожаре в доме боровского купца Меренкова» позволило раскрыть одну из ярких, хотя и трагических, страниц истории Боровска. Довольно подробные сведения этого «Дела...» важны для изучения родословия боровских семей, состояния их имущества и расположения их владений по городу Боровску, в частности, и реконструкции городской застройки с ее центром и Торговой площадью на середину XIX в. в целом. Материалы «Дела...» позволяют также реконструировать страницы повседневной жизни боровчан, включая даже такую деталь, как грамотность городского населения.

Список литературы

1. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Копии с документов из архива Н. П. Глухарева.— Боровск, 1914.— Т. 2.— С. 116–133.
2. Машинописная рукопись П. А. Подшивалова, датированная 1974 г., так и не была опубликована. Ее копия хранится в архиве МКК «Стольный город Боровск» под № 215.
3. *Лебедев А. Г.* Роль благотворительной деятельности в борьбе с голодом, эпидемиями и стихийными бедствиями на территории Калужской губернии в XVIII—нач. XX вв. // Калуга в шести веках. Материалы 4-й городской краеведческой конференции.— Калуга, 2003.— С. 61.
4. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–59.
5. Они вошли в книгу: *Лошкарева Н. П.* Святые свидетели вечности. Храмы и монастыри города Боровска.— Калуга, 2009.
6. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.
7. Там же. Л. 3–9.
8. Там же. Л. 10–13об.
9. Там же. Л. 15–15об.
10. Там же. Л. 16–19об.
11. Там же. Л. 57об–58.
12. Там же. Л. 59.
13. Там же. Л. 20–26об.
14. Там же. Л. 27–47об.
15. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Копии с документов из архива Н. П. Глухарева.— Т. 2.— Боровск, 1914.— С. 122.
16. ГАКО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 189. Л. 97.
17. ГАКО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 190. Л. 109.

18. *Осипов В. И.* Взаимоотношение боровских старообрядцев с Пафнутьев-Боровским монастырем во 2-й пол. 50-х гг. XIX века // Обнинский краеведческий сборник. — Обнинск, 1996. — С. 79–81.
19. ГАКО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1446. Л. 27–28.
20. ГАКО. Ф. 62. Оп. 10. Д. 2067. Л. 17–27об.
21. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 10–13об, 15–15об.
22. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Копии с документов из архива Н. П. Глухарева. — Т. 2. — Боровск, 1914. — С. 116.
23. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 14.
24. Там же. Л. 20–20об.
25. Там же. Л. 21–21об, 23–24.
26. Там же. Л. 3–3об, 7–7об, 25–26об.
27. Там же. Л. 8–9, 22–22об.
28. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 100. Л. 4–4об.
29. Там же. Л. 5.
30. Там же. Л. 6.
31. Там же. Л. 9.
32. ГАКО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 80оц. Л. 122–122об.

ФАБРИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В С. ТРОИЦКОЕ ТАРУССКОГО УЕЗДА ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

М. Ю. Вещев,

руководитель отдела продаж ООО «Фэнстер Бай».

Эта работа продолжает исследование, посвященное истории фабричного производства в с. Троицкое Тарусского уезда. В материалах XVI Всероссийской научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» есть наша статья, где дается подробный анализ документов, проливающих свет на историю возникновения писчебумажной и суконной фабрик в с. Троицкое. Первоначально в с. Троицкое на месте мельничных амбаров и расположенных рядом служб возникла писчебумажная, а затем в здании господского дома суконная фабрики. Фабрики были основаны в имении графа И. И. Воронцова-Дашкова, но не самим графом. Даты принятия решений об открытии фабрик не говорят нам о реальном возникновении их в эти годы. Документально зафиксирована работа писчебумажной фабрики в 1854 г. (по переписке и наличию штемпеля этого года на выпускаемой бумаге). Письмо о намерении открыть вторую — суконную — фабрику датируется 10 октября 1854 г. Основана была, по нашему мнению, в начале 1855 г., что следует из письма купца М. Новикова в земский суд (апрель 1856 г.), где он говорит, что «фабрика эта больше года в действии». В связи со строительством фабрик началась масштабная реконструкция построек в имении с. Троицкое. Первыми владельцами фабрик были Михаил Васильевич Новиков и его жена Мария¹.

В 1856 г. «в с. Троицкое сгорела писчебумажная фабрика тарусской /зачеркнуто/ почетной гражданки тарусской купчихи Новиковой с принадлежащими к ней машинами, снарядами и тряпками. Убытку на 1132 рубля серебром». Суконная фабрика работала и произвела продукции на 79 180 рублей со сбытом в Москве².

Что произошло с Михаилом Новиковым, нам не известно, но с 1857 г. владельцем писчебумажной и суконной фабрик называется Мария Новикова. В 1857 г. «Суконная фабрика госпожи Новиковой помещается в 2-х каменных и 1-м деревянном строениях. Изготавливают сукна в 800 и 1000 зубов от 30 до 40 рублей, драдедам от 25 до 33 рублей, и разного рода фланели

---

¹ *Вещев М. Ю.* История основания писчебумажной и суконной фабрик в с. Троицкое Тарусского уезда // Вопросы археологии, истории, культуры и природы верхнего Поочья: Материалы XVI конференции. Калуга, 2015. С. 135–139.

² ГАКО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 342. Л. 21–22.

от 18 до 22 рублей за штуку... На 102 станках работали 200 мужчин и 98 женщин. Производили продукции на 85 870 рублей». Изделия продавали в Москве и частично на Нижегородской ярмарке. После пожара на писчебумажной фабрике идет быстрое восстановление. Фабрика имела самоочерпальную машину, выписанную из-за границы в начале 50-х гг. И уже через год после пожара фабрика купчихи Новиковой «была лучшей (после фабрики Говарда. — *М. В.*) по сортам бумаги... с приблизительной выработкою 40 000 стоп. На фабрике было 12 ролей, работало 120 мужчин и 65 женщин, производя продукции на 74 тысячи рублей»¹.

Кроме сведений о фабриках в «Материалах для географии и статистики» дается описание производственного процесса на примере фабрики Говарда: «Для резки тряпья устроена машина режущая за 8 часов 400 пудов тряпья ... Очищенная от пыли резанная тряпка в особых тележках прикатывается к тряпковарным аппаратам из железа, имеющим сферическую форму. В каждую закладывается для отваривания с известью до 75 пудов тряпки. В них, под давлением паров до 3-х атмосфер и тяжести на различные точки самой намокающей и переворачивающейся при вращении аппарата тряпки, грязная вода отжимается и утекает, заменяясь вновь образующейся от охлаждения паров. Таким образом, смотря по степени нечистоты тряпки, она отваривается в течение 5–8 часов и потом заменяются новым количеством. Затем промытая тряпка перемалывается в ролях в виде полумассы, опрессовывается под гидравлическим прессом, для чего круглый ящик, содержащий полумассу, подкатывается (по) железным рельсам под висящий поршень прессы, входящего в ящик с полумассой. По отжатии полумасса для удобнейшего на нее действия хлорового газа разбивается в мелкие кусочки на машине, называемой «дьявол» или самощипка, и поступает в этом состоянии на отбелку в белильных ящиках. В них для предупреждения вредного влияния хлора на здоровье рабочих есть каналы, выводящие из них газ в дымовую трубу от паровых котлов. Перед открыванием ящика канал отворяется и наружный воздух, входя в отверстие открываемого ящика посредством тяги дымовой трубы, увлекается в нее вместе с хлором, и тогда при открытии белильного ящика вредного действия на здоровье быть уже не может. Отбеленная полумасса затем на ролях смешивается в массу, то есть приводится в состояние самого тончайшего раздробления и для приобретения чистоты промывается чистой водой, нарочно качаемой к фабрике по трубам из ключевых колодцев (или артезианских скважин, как в с. Троицкое. — *М. В.*)». Потом массу красят или для производства белой бумаги чистую пускают на самочерку. Далее масса идет на катки и резку².

В «Статистическом обозрении помещичьих имений» Яновского и в описании Тарусского уезда за 1859 г. читаем: «В с. Троицком есть фабрика писчебумажная и суконная почетной гражданки тарусской 3 гильдии купчихи Новиковой»³. Эта же информация дублируется в «Списке населенных пунктов Калужская губерния за 1859 г.» с указанием числа жителей с. Троицкого — 236 мужского и 241 женского пола⁴. В «Обозрении фабричной и заводской промышленности Калужской губернии», составленном Иваном Тарасенковым и вошедшим в «Памятную книжку Калужской губернии 1861 г.», мы встречаем информацию о фабриках в с. Троицкое за 1860 г. «(Суконная фабрика. — *М. В.*) в Тарусском уезде купчихи Новиковой — в имении графини Воронцовой-Дашковой, сработавшая в 1860 г. при 85 станах и 249 рабочих, среднего достоинства сукон для внутреннего употребления на 116 568 рублей ... (а) на писчебумажной фабрике купчихи Новиковой при 12 ролях и 143 рабочих, средних и низких №№ бумаги (произведено. — *М. В.*) 48 000 стоп, на 70 300 рублей»⁵. В поиске сведений о фабриках в с. Троицкое были просмотрены документы в фонде «Калужского губернского мануфактурного комитета». На основании документов этого фонда удалось составить таблицу, характеризующую работу фабрик за период с 1862 по 1871 г.

¹ Материалы для статистики и географии собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния / сост. М. Попрочкий. СПб., 1864. Ч. I. С. 571, 618–619. Примечание с. 41, 46.

² Там же. С. 575.

³ КГВ. 1859. № 51. Яновский «Статистические сведения о помещичьих имениях». ГАКО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 400. Л. 63об–64.

⁴ Список населенных мест по сведениям за 1859 г. Вып. 15. Калужская губерния. СПб., 1863. С. 172.

⁵ Памятная книжка Калужской губернии 1861 г. Калуга, 1861. С. 164, 186.

Суконная фабрика

Год	Кому принадлежит	Число машин	Число рабочих	Выработано на сумму
1862	Новиковой, по мужу Никифоровой	114	302	102 700
1863	Тарусской купчихе Никифоровой	110	281	117 000
1864	Тарусской купчихе Никифоровой	100	281	99 050
1865	Тарусской купчихе Никифоровой	117	307	96 000
1866	Тарусской купчихе Никифоровой	110	302	105 112
1867	Тарусской купчихе Никифоровой	104	272	100 000
1868	Тарусской купчихе Никифоровой	119	289	106 855
1869	Тарусской купчихе Никифоровой	110	277	97 605
1870	Тарусской купчихе Никифоровой	105	270	95 750
1871	Тарусской купчихе Никифоровой, ныне Е. М. Горева	95	260	87 750
Средний показатель за 10 лет (1862–1871)		108,4	284	100 782

За 10 лет, с 1862 по 1871 г., на суконной фабрике в среднем работало 284 человека, использовалось 108 машин и производилась продукция на сумму 100 782 рубля¹. Сведения о суконной фабрике за 1868 г. вошли в «Географически-статистический словарь Российской империи» П. П. Семенова-Тян-Шанского. А вот про действующую тогда же писчебумажную фабрику он не упоминает². Представление о выпускаемой на Троицкой суконной фабрике продукции дает сообщение Калужского мануфактурного комитета Московскому интенданту за 1864 г. Согласно сообщению, стоимость всей продукции — 99 050 рублей, из них драдедам производился на сумму 81 801 руб., разного достоинства сукна на 14 570 рублей и фланели на 2 679 рублей³. Продукция, отправляемая на продажу, пломбировалась. Сохранилась пломба, на которой выбиты слова «Фабрика Тарусская купчиха Никифорова». Диаметр пломбы — 2,5 см, обратная сторона гладкая.

Сведения о писчебумажной фабрике

Год	Кому принадлежит	Число машин	Число рабочих	Выработано на сумму
1862	Новиковой, по мужу Никифоровой	12 ролей	171	73 000
1863	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	152	74 500
1864	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	135	65 000
1865	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	151	65 000
1866	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	164	60 792
1867	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	143	60 000
1868	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	124	77 374
1869	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	144	68 304
1870	Тарусской купчихе Никифоровой	12 ролей	138	65 274
1871	Тарусской купчихе Никифоровой, Е. М. ныне Горевой	12 ролей	117	70 245
Средний показатель за 10 лет (1862–1871)		12 ролей	144	67 949

¹ ГАКО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 81. Л. 1; Д. 83. Л. 4; Д. 93. Л. 1; Д. 99. Л. 2; Д. 100. Л. 1а; Д. 104. Л. 1; Д. 111. Л. 2; Д. 112. Л. 1.

² Географически-статистический словарь Российской империи / сост. П. П. Семенов-Тян-Шанский. СПб., Изд-во В. Безбородко и К., 1885. Т. V. С. 215.

³ ГАКО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

За 10 лет, с 1862 по 1871 г., на писчебумажной фабрике в среднем работало 144 человека, использовалось 12 ролей и производилась продукция на сумму около 80 000 рублей¹. О масштабе производства можно судить по ведомости фабрик за 1869 г. по Калужской губернии. Из 25 писчебумажных фабрик Троицкая фабрика по количеству рабочих (124 человека) и сумме выработанной продукции (77 374 рубля) занимала 3-е место, уступив Троицко-Кондровской фабрике — 550 рабочих выпустило продукции на 670 000 рублей, и фабрике Гончарова в Медынском уезде — 143 рабочих, на сумму 89 348 рублей². Троицкая фабрика в 1862 г. произвела продукции на 73 000 рублей, что больше чем в Астраханской, Витебской, Гродненской, Курской, Подольской и Нижегородской губерниях в 1885 г. вместе взятых.

Анализ материалов Калужского мануфактурного комитета дает возможность говорить о владельцах фабрик. С 1857 г. владельцами фабрики называется Мария Новикова, которая с 1862 г. стала носить фамилию Никифорова. В 1871 г. фабрика переходит по наследству дочери М. В. Новикова — Елене Михайловне Горевой, которой на тот момент было 29 лет. Смена собственника фабрики в 1871 г. зафиксирована в появлении штампа прямоугольной формы с надписью «фабрика Е. Горевой» на производимой бумаге³. Сохранилось полицейское сообщение от 27 февраля 1872 г., в котором давалась характеристика изменений в состоянии дел фабрик в течение 1871 г. На суконной фабрике Горевой «последовало уменьшение в обороте против 1870 г. на 8 000 рублей по причине частых паводков, препятствовавших работе», а на писчебумажной «увеличение на 4 971 рублей вследствие возвышения цен на бумагу»⁴. 1872 г. — последний год, по которому удалось найти сведения о фабриках Е. Горевой: «1 суконная и 1 писчебумажная фабрика в с. Троицком временно 2 гильдии купчихи, жены титулярного советника, Е. М. Горевой, из которых первую в этом году приготовлено разных суконных изделий на сумму 61 550 рублей при 225 рабочих, а последнюю при 101 рабочем изготовлено бумаги до 20 тысяч стоп на сумму 55 425 рублей»⁵. В статье «Тарусское купечество» есть информация, что писчебумажная и суконная фабрики купчихи Елены Михайловны Горевой в с. Троицком уже в 1872 г. использовали машину с паровым двигателем. На фабрике работал 101 человек. Управляющим был П. Д. Сафонов. Количество работающих на писчебумажной фабрике — 101 человек — совпадает с данными, приведенными выше. На этом совпадении заканчивается, и сведения об использовании паровых машин требуют дополнительной проверки. Тем более что с 1873 г. фабрики по неизвестной причине прекратили производство. В «Памятной книжке Калужской губернии за 1885 г.» есть сравнительные данные по фабрикам Тарусского уезда 1873 и 1883 гг., и там фабрики в с. Троицком отсутствуют⁶. Что стало причиной закрытия фабрик, еще предстоит выяснить. Возможно, нерентабельность. В «Материалах для географии и статистики» еще в середине века сказано: «Писчебумажное производство Калужской губернии в настоящее время находится не в совсем завидном положении. Дело в том, что местные писчебумажные фабрики, при большом количестве ввозимых в Россию иностранных бумаг высоких сортов при совершенно одинаковом с заграничными фабриками устройстве и искусстве производства, не могут с ними конкурировать. Причины тому следующие: 1) основные капиталы для устройства местных писчебумажных фабрик употребляются в два раза больше иностранных, как по климатическим условиям, требуя гораздо более фундаментальные строения с отоплением их, так и по ценности машин, на которые ложится от провоза до 50% их стоимости; 2) все вспомогательные материалы — краски, сода, ситки, ремни, дополнительные вещества и прочее, кроме возвышения их цены от провоза, по прерывающейся в России на 7 месяцев навигации, должны выписываться фабрикантами в годовых пропорциях, а потому на бумагу местного производства ложатся все эти лишние

¹ ГАКО. Д. 81. Л. 1об; Д. 83. Л. 4об; Д. 93. Л. 1об; Д. 99. Л. 3; Д. 100. Л. 64об; Д. 100. Л. 103; Д. 104. Л. 1об; Д. 111. Л. 2об; Д. 112. Л. 1об.

² Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–2об.

³ Клетиков С. А. Филигранные и штампы на бумаге русского и иностранного производства в XVII–XIX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. С. 102.

⁴ ГАКО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 100. Л. 216об.

⁵ Памятная книжка Калужской губернии на 1873/74 гг. Калуга, 1874. С. XXXIV.

⁶ Памятная книжка Калужской губернии на 1885 г. Калуга, 1885. С. 192.

проценты и возвышают ее ценность»¹. В Калужской губернии прекратил существование целый ряд фабрик. Например в 1890 г. в Калужской губернии осталась только одна суконная фабрика.

Документы по фабричному производству в с. Троицкое за период с 1873 по 1890 г. не обнаружены. В списках «фабрик и заводов» за 1878–1879, 1880, 1883, 1887–1889 гг. в фонде Калужской губернской земской управы сведений не найдено. Возрождение фабричного производства в с. Троицкое произошло в 1890 г. Удалось найти документ, составленный владельцем «Троицко-Дашковской картонной фабрики» Иваном Шпильманс, в котором 1890 г. назван датой учреждения фабрики «для выделки желтого картона из бученного дерева». Обращаем внимание, что в названии фабрики впервые встретилось словосочетание «Троицко-Дашковская». Фабрика «содержится по торговому документу (и) принадлежит — братьям Ивану и Максимильтяну Викторovichам Шпильманс. Заведующим производством был техник Иван Шпильманс, который получил образование общее в Петербурге, техническое — в Цюрихе и Дрездене. Расположена в каменном здании и работала весь год за исключением времени разлива вод весной. Паровых машин не было, имелся только водяной двигатель — 1 турбина 150 л. с. Из числа механизмов и аппаратов — один паровой котел, паровой системы давлением 60 футов для бученного котла в котором производится варка дерева, центр (по всей видимости фуга. — *М. В.*), сортировочная система, паровой барабан, подъемная машина, гидравлический пресс, четыре винтовых пресса, сушильные и вентиляционные системы, одна ремонтная мастерская. В качестве сырья использовали сырец... пиломатериал на основе еловых 30–40 годов леса, около 300 кубических сажень в год на 4500 рублей. В качестве топлива употребляли уголь и дрова, около 1000 куб. сажень в год на 4500 рублей. Производили желтый картон из бученного дерева в листах 22×19 вершин от 10–100 листов на пуд толщиной. Всего 30000 пудов в год, на 65000 рублей. Сбыт осуществляли в Москву и на юг России. На фабрике работало 40 мужчин. Часть рабочих живут при фабрике артелью и отдельными семьями, а часть рабочих в деревне. Размер заработной платы рабочего за 12-часовой день — 50 коп. в день (поденно). При фабрике была только баня, училища, больницы и сберегательной кассы не было². Эти же данные повторяются в «Указателе фабрик и заводов Европейской России», который был составлен по данным, поступившим в департамент торговли и мануфактур³. Открытая в 1890 г. Троицко-Дашковская картонная фабрика быстро набирает обороты. Число работающих с 40 человек увеличивается сначала до 60 в 1892 г., а затем до 235 в 1894 г. В денежном выражении в 6 раз увеличился объем выпускаемой продукции — с 65 тысяч до 400000 рублей в 1894 г.⁴ Информации о братьях Иване и Максимильтяне Шпильманс немного. Имя Ивана Шпильманса встречается в письме П. Голубицкого к Александру Степановичу Баташову от 28 декабря 1893 г., в котором Иван Шпильманс упоминается как «благотворитель» наряду с Николаем Коншиным⁵. Обращаем внимание, что датировка письма относится с концу 1893 г., а по сведениям за 1892 г., Троицко-Дашковская картонная фабрика принадлежит уже графу Воронцову-Дашкову. Какое отношение имел Иван Шпильманс к фабрике, предстоит выяснить. Фамилия Ивана Шпильманса фигурирует в названии дела (1896), с которым нам не удалось познакомиться: «Прощение поверенного заведующего акционерного общества Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрики тарусского купца Ивана Шпильманс...». Что касается Максимильтяна Шпильманса, нам удалось найти только информацию в «справочной книге о лицах, получивших в 1895 году купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдии в Москве». Там есть запись: «Шпильманс МАКс 35 л, прусский подданный, в купеческом состоянии (купец 2-й гильдии. — *М. В.*) со 2-й половины 1894 г. житель Сушевская часть 1 уч. д. Финляндского. Имеет склад бумаги и канцелярских принадлежностей в Хрустальной линии Средних торговых рядов»⁶.

¹ Материалы для статистики и географии, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния / сост. М. Попрцкий. СПб., 1864. Ч. I. С. 576.

² ГАКО. Ф. 58. Оп. 8. Д. 42. Л. 25–25об.

³ Указатель фабрик и заводов Европейской России / сост. П. А. Орлов, С. Г. Будагон. СПб., 1894. С. 116.

⁴ Памятная книжка Калужской губернии на 1894 г. Калуга, 1894. С. 14, 16, 131; Памятная книжка Калужской губернии на 1896 г. Калуга, 1896. С. 24.

⁵ Жизнь и труды Александра Степановича Баташова. Тула, 1907. С. 169.

⁶ справочная книга о лицах, получивших в 1895 году купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдии в Москве. М., 1895. С. 257.

Как видим, о Троицкой фабрике записи нет. Как владелец книжного магазина он упоминается в 1899 г. Что касается графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916), министра императорского двора (1881–1897), председателя Красного креста, владельца имения в с. Троицкое, то владельцем фабрики, по нашему мнению, он был с 1892, по крайней мере, до 1895 г., когда возникло акционерное общество. 28 апреля 1895 г. Комитет министров под председательством Николая Христиановича Бунге рассматривал вопрос «Об утверждении основного капитала «Общества Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрики». 24 ноября 1895 г. произошло значимое событие в истории Троицкой фабрики. В этот день император Николай II утвердил «Устав акционерного общества Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрики», учредителями которого стали граф Владимир Владимирович Мусин-Пушкин и потомственный дворянин Сергей Николаевич Коншин. Что касается графа И. И. Воронцова-Дашкова, то он не вошел в состав правления. С основания акционерного общества начался период бурного развития фабрики в с. Троицкое.

КОМИТЕТ Л. П. ОФРОСИМОВОЙ И ЗАГОТОВКА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ОБУВИ ДЛЯ СОЛДАТ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

А. В. Ковалев,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского*

Существует обоснованное мнение, что начало русско-японской войны вызвало известный патриотический подъем в Российской империи. Он выразился и в пожертвованиях на Красный Крест, флот, семьи мобилизованных, общие «военные нужды». Также в губерниях могли возникать организации, готовившие вещи для воинов действующей армии. Интересно посмотреть, как появилось такое учреждение, как действовало, что влияло на результаты. Основными источниками исследования являются документы Государственного архива Калужской области (ГАКО. Ф. 32. Д. 1132) и газета «Калужские губернские ведомости» (КГВ) за период войны.

Итак, вскоре после начала войны, в январе 1904 г., был издан рескрипт императрицы-матери Марии Федоровны, содержащий призыв к жертвам в пользу пострадавших солдат. В феврале супруга Николая II императрица Александра Федоровна выступила с обращением, из которого следовало, что в поддержке нуждаются не только раненые, но и все воины действующей армии¹.

10 февраля 1904 г. калужский губернатор А. А. Офросимов объявил в «Калужских губернских ведомостях», что, по его сведениям, население губернии готово оказать помощь армии «деньгами, вещами и трудом». Губернатор сообщил, что для «наиболее быстрого снабжения воинов, как выходящих в поход, так и находящихся уже на Дальнем Востоке» его жена Лидия Павловна Офросимова, в рамках создаваемого Дамского комитета, начиная с 12 февраля организует «совместные работы» по заготовке вещей и «усердно приглашает всех сочувствующих этому делу пожаловать в дом губернатора ежедневно от 1 до 5 часов дня». Там же и тогда же предполагался прием пожертвований. Пожертвования можно было слать и по почте в канцелярию губернатора для передачи в Дамский комитет. Казначеем комитета стал градоначальник С. Н. Блистанов, секретарем комитета — чиновник для особых поручений В. А. Грузевич-Нечай, а заведующим складом — полицмейстер Е. И. Трояновский. Они же занимались и приемом посылок и переводов. Примечательно, что в Дамском комитете тем не менее столь важные должности достались мужчинам².

Местные власти на страницах периодической печати постарались донести до населения сведения о нуждах войск. Указывалось, что «нашим воинам приходится нелегко от жестокой стужи

¹ Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904. Вып. 1. С. 14; Там же. СПб., 1904. Вып. 2. С. 21.

² КГВ. 1904. № 16. 10 февраля. С. 1, 3.

и непогоды, которые приходится испытывать в стране с тяжелым климатом при тяжких условиях боевой обстановки». Власти признали неполную готовность армии: «Той одежды, которой снабжаются солдаты, как оказалось, недостаточно». Не хватало повседневных вещей и здоровым, и попавшим в лазарет, и вышедшим из лазарета. В местной прессе перепечатали из № 10 «Нового времени» письмо вдовы генерала Келлера: «Правительство не в силах дать каждому солдату теплую одежду — это дело общественной помощи»¹.

Тем временем в Калуге появилась еще одна организация помощи солдатам — Кружок военных дам. В него вошли жены военных, квартировавших на калужской земле: В. Д. Аспелунд, Н. С. Защук, М. Я. Криштопенко, А. И. Пораделова, Н. М. Грулева и другие. Обратим внимание на супругу неординарного человека, чья служба была связана с Калугой, М. В. Грулева — в будущем того самого «генерала-еврея», оставившего интересные воспоминания².

В обращении кружка указывалось, что выступившие на войну полки снабжены от казны довольно скудно. Нужны теплая обувь и другие вещи, а также деньги для их приобретения. Ведь скоро на войну пойдут и войска, стоящие в Калуге. Кружок был готов принимать помощь по месту проживания его основательниц: Аспелунд (Старичковский пер., д. Барсовой), Пораделовой (Новорезжская ул., дом Красного Креста), Грулевой (Ртищевская ул., собственный дом), Криштопенко (Тележная ул., дом Любовой). Если же, вопреки ожиданиям, войска из Калуги не выступят, предполагалось передать пожертвования в 17-й и 26-й Восточно-Сибирские полки, уже пополненные 2 ротами из калужского гарнизона³.

Тем временем в 2 часа дня 12 февраля 1904 г. в доме губернатора произошло открытие Дамского комитета. Председателем комитета стала Л. П. Офросимова. В комитет вошли дамы: К. Г. Агурова, В. Д. Аспелунд, В. Г. Блистанова, княгиня М. М. Вяземская, две княжны О. С. и Ю. С. Горчаковы, В. С. Грузевич-Нечай, Е. Ф. Денисьева, Е. Н. Добрынина, П. А. Кашкина, Е. И. Кологривова, Н. А. Лашкарева, М. Ф. Пашковская, П. Г. Сорокина, М. А. Теренина, Н. Э. Толстая, М. Б. Трояновская, М. Н. Шумовская, Е. Т. Якубовская, Е. С. Яновская. Тут же в комитет стали поступать пожертвования, и началась заготовка вещей.

Чуть позже, около 14 февраля, появилась еще одна организация — Дамский комитет при городской управе. По мысли прессы, «умело поставленная согласованная деятельность всех этих симпатичных учреждений, несомненно, должна принести немалую пользу делу». Фактически три организации действовали заодно и, можно, сказать, слились под главенством Л. П. Офросимовой. В последующем в качестве приемщиков пожертвований для солдат указывались только представители комитета Л. П. Офросимовой — С. Н. Блистанов, В. А. Грузевич-Нечай и Е. И. Трояновский⁴.

Мы рассмотрим одно из направлений деятельности Дамского комитета, которым стало заготовление сапог для солдат. В этом деле комитет опирался на помощь администрации калужского губернатора А. А. Офросимова. Патриотический подъем, выразившийся в желании жертвовать, власти попытались ввести в организованное и управляемое русло.

Губернатор разослал уездным исправникам и калужскому полицмейстеру предписание срочно прислать списки «всех выделяющих кожи и всех торгующих сапожным товаром». Списки были представлены, причем у полицмейстера он был особенно обширным и составил несколько десятков пунктов. Самыми заметными в Калуге торговцами сапожным товаром были указаны купцы Николай, Илья и Федор Федоровичи Грибановы, Иван Григорьевич Кувшинников, мещане Николай Иванович Кожевников, Иван Иванович Постников и Алексей Акимович Постников⁵.

Местным чиновникам с 11 по 14 февраля были направлены предписания от имени губернатора «пригласить к пожертвованию» предпринимателей. Сами же приглашения имели форму не повеления, а просьбы, от которой сложно отказаться. В них говорилось, что «начавшаяся

¹ КГВ. С. 4, 5. Там же. № 17. 12 февраля. С. 3.

² Грулев М. В. Записки генерала-еврея. М., 2007.

³ КГВ. 1904. № 17. 12 февраля. С. 3.

⁴ Там же. № 18. 12 февраля. С. 4.

⁵ Дело по привлечению к пожертвованиям лиц, занимающихся выделкой кож и торгующих сапожным товаром для снабжения сапогами военных частей и о сборе пожертвований Дамским комитетом, для организации помощи семьям воинов. ГАКО. Ф. 32. Д. 1132. Л. 2–23, 43, 44, 57, 58, 71, 76.

война с Японией уже вызвала массу патриотических пожертвований со стороны... всех сословий России». Фраза «тем не менее нужда настолько велика» в черновике была вычеркнута, дабы не афишировать лишний раз наши недостатки. Далее говорилось о цели Дамского комитета. Сообщалось, что и Калужский рабочий дом начал сотрудничать с комитетом и с 10 февраля взялся за изготовление сапог. Губернатор в итоге «покорнейше просил» торговцев «принести посильную жертву». Любопытно, что для более убедительного обращения губернатор нередко предписывал предварительно выяснить отчество адресата. Добавлялось также, что «о всех жертвователях я сочту своим долгом своевременно повергнуть на ВЫСОЧАЙШЕЕ воззрение ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА». Чиновники получили для передачи от 1 до 10 таких писем. Затем их создали еще больше: тарусский уездный исправник передал 18 писем¹.

Количество привлеченных лиц, связанных с кожевенным и обувным делом, поначалу было следующим: имеющих заводы — 17 (в том числе в Калуге 7), а торгующих сапожным товаром — 85 (в Калуге 10). Позднее оказалось, что таких лиц больше, и вновь выявленных также приглашали к пожертвованиям². По данным источников, адресаты в сотрудничестве не отказывали.

Были также выпущены подписные листы на изготовление и приобретение сапог. Они ориентировались на всех — не только и не столько на богатых производителей сапог, но и во многом на рядовых жителей. Обычно на каждого уездного исправника выдавалось по 1, 2, а то и 3 подписных листа³. По одному подписному листу Е. И. Трояновского было собрано 705 руб. 15 коп., много приспособлений и материалов для изготовления обуви, а также 105 пар готовых сапог⁴.

Применялись и другие ухищрения. Так, по сообщению исправника Потехина, 30 марта 1904 г. в Тарусе устроили танцевальный вечер с платными входными билетами. Денег с этого мероприятия собрали немного, 2 руб. 27 коп., но и они были переданы на изготовление обуви⁵.

Не удовлетворяясь воодушевлением торговцев и простых жителей, губернатор запросил списки содержащихся в тюрьме сапожников. Затем, уже в письмах чиновникам, 11 февраля губернатор велел «озаботиться расположением содержащихся в тюрьме арестантов к постройке сапог для воинских частей». Материал «может быть употреблен из жертвуемого... торговцами сапожным товаром», а плата арестантам, «если они не выразят желания принести в жертву свой труд», будет выплачена «из добротных жертв сочувствующих настоящему делу»⁶.

То, что получатели предложений не отказывали в сотрудничестве, касается и заключенных. Так, 13 февраля начальник губернской тюрьмы штабс-капитан Соломонов доложил, что арестанты «выразили полное и единогласное желание заняться ручным трудом... бесплатно» (насколько это добровольное желание, в рапорте не указывалось)⁷. 16 февраля жиздринский исправник Обновленский писал, что пожертвования идут неплохо, а «постройку обуви я отдал местным сапожникам и двум содержащимся в тюрьме арестантам, изъявившим желание работать безвозмездно». В первые недели в уезде было изготовлено 50 пар сапог⁸.

Вскоре комитет получил признательность от военных. Дело в том, что 15 февраля А. А. Офросимов сообщил начальнику 3-й пехотной дивизии генералу М. К. Аспелунду о заготовке Дамским комитетом вещей для солдат, подчеркнув роль своей жены и добавив о намерении «снабдить именно части Калужского гарнизона». Начальник дивизии ответил «сердечной благодарностью». Для приема вещей и выдачи за них квитанций был назначен офицер 10-го пехотного Новоингерманландского полка подпоручик Ребрик. Статья о взаимодействии властей с войсками была опубликована в «Калужских губернских ведомостях» в конце февраля⁹.

Усилия по заготовке обуви не прошли без внимания высших лиц. 20 марта 1904 г. княгиня Оболенская, заведовавшая Складом императрицы Александры Федоровны для вещей в пользу

¹ ГАКО. Ф. 32. Д. 1132. Л. 24–26, 32–39, 71, 77.

² Там же. Л. 29–31, 43, 44.

³ Там же. Л. 48–50.

⁴ Там же. Л. 27, 28.

⁵ Там же. Л. 266.

⁶ Там же. Л. 2–23, 43, 44, 57, 58, 71, 76.

⁷ Там же. Л. 46.

⁸ Там же. Л. 78.

⁹ Там же. Л. 80–84.

воинов на Дальнем Востоке, сообщала о получении части пожертвований и передала благодарность императрицы Дамскому комитету и Работному дому в Калуге, в частности, за 25 пар сапог и 193 пары валенок. Этому также была посвящена статья в «Калужских губернских ведомостях»¹.

По подсчетам результатов работы, было изготовлено более 220 пар сапог² и около 280 пар валенок³. Получено в виде пожертвований значительное количество материалов для изготовления сапог (поименованные в источниках как вытяжки, задники, переды, носки, головки, голенища, края, прикладки или приклады, подошвы, стельки, набойки, колодки, лубки, нитки, щетина, целые куски лоскута и кожи по несколько фунтов и даже пудов весом) и инструментов (шила, шпильки, гвозди, молотки, сапожные ножи, рашпили). Этого, пожалуй, хватило бы на изготовление еще доброй сотни пар сапог, а то и больше⁴. Денег пожертвовано более 2 000 руб⁵.

Географический охват пожертвований был широким. Задействованы практически все уезды Калужской губернии и сама Калуга.

Источники, к сожалению, не дают точных сведений относительно социального состава жертвователей. Многие сообщения, включая подписные листы, отмечены лишь цифрами и фамилиями (и то не всегда), без указания социальной принадлежности. Но очевидно, что среди жертвователей много не столько промышленников и торговцев, сколько кустарей-кожевников, а также простых крестьян (были и коллективные жертвователи — целые крестьянские общины). А вот представителей высших слоев общества и их вкладов, не считая промышленников и торговцев, не так много.

Размеры пожертвований весьма относительноны. Их можно сопоставить с масштабами развития кожевенного дела. Согласно историку К. Н. Тарновскому, в губернии на примерно 1½ млн населения было более 1 800 мастеров по коже (правда, данные относятся не к 1904, а к 1918 г.)⁶.

С другой стороны, большая часть пожертвований принадлежит к первым месяцам войны — особенно к февралю и марту (когда они уже немного снижаются). Заготовки обуви предполагалось сделать к лету 1904 г. — до ухода калужских частей в поход. Для столь небольшого времени пожертвования значительны. Причины же последующего снижения объяснимы. Война ухудшила положение людей. Сыграла роль и антивоенная агитация революционеров⁷. И конечно, людям было обидно, при их внимании к военным событиям, получать все новые вести о неудачах⁸. Таяли вера в успех и интерес к отдаленной войне. К 1905 г. о пожертвованиях или безвозмездном изготовлении обуви в рассмотренных источниках речь уже практически не идет.

Возможно, уменьшение пожертвований в имперском масштабе к лету 1904 г. убедило власти строить отношения с населением на деловой основе. Губернатор получил из Министерства внутренних дел циркуляр: по просьбе интендантов министерство запросило, в частности, о возможности заготовить солдатские сапоги «путем хозяйственного их построения на местах за известную плату». Запрашивалось, например, в каком количестве и за какие деньги, при доставке материалов в июне, можно выполнить заказ к 15 августа 1904 г.⁹ Итоговые размеры заказов назвать сложно, однако губерния показала относительную готовность к работе. Так, губернская тюрьма бралась поставить 90–100 пар сапог по 75 коп. за пару. Работный дом собирался сначала выполнить заказ для Склада Александры Федоровны на 4 000 пар легких сапог — ичегов. После выполнения было возможно делать до 300 пар сапог в неделю по 1 руб. за пару, но лишь с 1 октября 1904 г.¹⁰

Итак, мы увидели некоторые свидетельства патриотического подъема в начале русско-японской войны, но и ощутили роль административного воздействия, которое с самого начала

¹ ГАКО. Ф. 32. Д. 1132. Л. 258–261.

² Там же. Л. 27, 28, 78, 104–106, 173–180, 257–261, 264, 265, 292–297, 354–358.

³ Там же. Л. 100–103, 173–180, 214, 215, 261.

⁴ Там же. Л. 27, 28, 78, 145, 146, 156, 157, 170, 214, 215, 264, 265, 277, 278, 354–358.

⁵ Там же. Л. 27, 28, 173–182, 257, 266, 277, 278, 287, 292–297, 320–324, 347–350, 354–358.

⁶ Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М., 1995. С. 26.

⁷ Калужский край. Книга 2-я. Калуга, 1977. С. 173–176, 181; Малинин Д. И. Неизданные рукописи. Калуга, 2010. С. 228, 229.

⁸ Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904. Вып. 1–3; Летопись войны с Японией. 1904. № 1–5.

⁹ ГАКО. Ф. 32. Д. 1132. Л. 301.

¹⁰ Там же. Л. 315, 316.

постаралось контролировать энтузиазм, стимулировать и отчасти имитировать его, пока он не иссяк окончательно. Размеры пожертвований солдатской обуви и денег на ее приобретение были не так уж малы для первых месяцев, но к концу 1904 г., когда энтузиазм угас, пожертвований не осталось. Впрочем, до революционного 1905 г. в губернии оставались возможности производства обуви на договорной основе.

Продолжение изучения может быть связано с сопоставлением полученных сведений с данными о других мероприятиях комитета Л. П. Офросимовой и о прочих пожертвованиях населения в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

ПЕРВОДУМЦЫ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (К 110-летию Первой Государственной Думы)

З. В. Васильева,

зав. отделом истории Музея истории города Обнинска

Накануне выборов в Первую Государственную Думу политическая обстановка в Калужской губернии, как и по всей стране, достигла особого накала. непопулярная война с Японией и поражение России подорвали престиж самодержавной власти. Политизированные земские съезды, следовавшие один за другим, волна крестьянского движения, революционные выступления в армии и флоте расшатывали престол. Страна была охвачена забастовками рабочих и, наконец, Всероссийская политическая стачка. В сложившейся обстановке император Николай II идет на уступки бастующим и издает 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», по которому соглашается созвать представительный законодательный орган с ограниченными правами — Государственную Думу, что дарует многомиллионному населению Российской Империи «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов...», дает возможность легально созывать съезды, создавать политические партии.

После выхода манифеста в Москве появляется более десятка политических партий, в том числе одной из первых в октябре 1905 г. была создана легальная Конституционно-демократическая партия («Партия Народной свободы»). Ее активными членами становятся члены «Союза освобождения», известные земцы — председатель Калужской губернской земской управы В. П. Обнинский, помощник присяжного поверенного г. Калуги Л. Н. Новосильцев, В. М. Кашкаров и другие. Первоочередной задачей они считают создание отдела этой партии в Калуге. Единственные тогда открытые кандидаты Обнинский, Новосильцев, Кашкаров, пользуясь помощью более опытных московских товарищей и официально заявив о своей принадлежности к конституционно-демократической партии, активно стали вербовать новых членов, стараясь привлечь различные классы населения. 1 января 1906 г. они пишут «Обращение» с приглашением всех желающих «примкнуть к конституционно-демократической партии и, в случае согласия, не отказать в распространении этого Обращения. Программа партии подробно изложена в газете «Русские ведомости» № 275 и вкратце заключается в признании необходимости немедленного осуществления обещанных Манифестом 17 Октября основных прав; всеобщего избирательного права; широкого самоуправления¹. В январе 1906 г. создается Калужский отдел партии. Первое собрание проводится в малом зале Дворянского собрания 31 января 1906 г.² На съезде избирается бюро, в состав которого входят, кроме Виктора Петровича Обнинского, земские гласные — Василий Михайлович Кашкаров, Дмитрий Дмитриевич Гончаров, Яков Иванович Лисицин, граф Илья Львович Толстой, Сергей Алексеевич Салов, Федор Иванович Лисицин³. Председателем избран помощник присяжного поверенного, отставной подполковник Леонид Николаевич Новосильцев. Губернатор А. А. Офросимов доносит министру внутренних дел: «Обнинский является не только членом бюро партии, но вместе с Л. Н. Новосильцевым и устройтелем собраний калужского отдела названной партии»⁴.

Заседание Первой Государственной Думы под председательством С. А. Муромцева

Согласно изданному 11 декабря 1905 г. указу «Об изменениях и дополнениях Положения о выборах в Государственную Думу», кадетские деятели включаются в предвыборную кампанию. Необходим свой печатный орган. Целью его издания должна стать борьба за голоса избирателей на выборах. Обнинский и Кашкаров рассылают письма с приглашением «быть сотрудником нового печатного органа для народа... Программа газеты широко прогрессивная. Основа — конституционно-демократическая программа. Состав сотрудников серьезный, 6–7 профессоров, в т. ч. кн. Е. Н. Трубецкой»⁵.

9 февраля 1906 г. в Москве выходит первый номер еженедельной газеты «Калужанин». Властями Калуги газета запрещена к продаже, но открыто распространяется членами бюро. В ней много материалов посвящено подготовке выборов в Думу. В одном из номеров публикуется предвыборная платформа кадетской партии, основные вопросы которой — это решение социальных проблем и земельный вопрос. На многочисленных собраниях кадеты выступают перед будущими избирателями, знакомят их с основами конституционализма. Отвечают на вопросы собравшихся

выборщиков, среди которых число крестьян все возрастает. В «Воспоминаниях» В. П. Обнинский пишет: [вскоре] «популярность наших кандидатур превзошла самые смелые мечты, избрание в выборщики по г. Калуге было обеспечено. То же происходило с к-д-ми почти во всех городах»⁶. Губернатор А. А. Офросимов, убежденный сторонник монархии, делает попытку не пропустить Обнинского в Думу. В нем он видит возмутителя спокойствия. Особыми циркулярами обязывает калужского полицмейстера Е. И. Трояновского доносить обо всех его действиях. Сам пишет доносы министру внутренних дел и даже перед самими выборами пытается изъять Обнинского из числа кандидатов — возбуждая ходатайство о разрешении арестовать его. На Обнинского заводят «особое дело»⁷.

12 февраля 1906 г. Государь подписал указ «о созыве Государственной Думы на 27 апреля месяца 1906 года». Выборы в Думу не были всеобщими, исключались женщины, студенты, молодежь до 25 лет, военнослужащие, рабочие мелких предприятий, ряд национальных меньшинств. Не были они и равными, и должны были проходить не напрямую, а через избрание выборщиков отдельно по четырем

В. П. Обнинский (1867–1916)

куриям—землевладельческой, крестьянской, рабочей и городской. В Калужских губернских ведомостях от 18 и 22 февраля 1906 г. сообщается о «сроках созыва: 1) волостных сходов, 2) собраний рабочих разных предприятий, 3) предварительных съездов крупных и мелких землевладельцев и священников для выбора уполномоченных, 4) съездов городских избирателей, 5) съездов уполномоченных от волостей для избрания выборщиков в губернское избирательное собрание, имеющее быть в Калуге 26 марта»⁸.

В. П. Обнинский писал: «Я имел в первой стадии выборов три шанса. Баллотировавшись в Боровском уезде как крупный землевладелец, в Малоярославецком как мелкий и, наконец, в Калуге по служебному цензу. В уездах, где избиратели находились под давлением земских начальников и губернатора... торжественно провалился в обоих уездах; т. е. на своей родине»⁹.

В Калуге на съезде городских избирателей «15 марта выборщиками от г. Калуги избраны Л. Н. Новосильцев, В. П. Обнинский, бывший городской голова С. Н. Блистанов, граф И. Л. Толстой, сын писателя...»¹⁰. Наступили последние приготовления к выборам. С прибытием из 11 уездов 68 выборщиков прошла со-

вместная с их городскими коллегами баллотировка путем подачи записок с фамилиями кандидатов в члены Государственной думы. Кандидатами от партии «Народной свободы» по Калужской губернии выдвигаются Л. Н. Новосильцев, В. П. Обнинский и кн. Е. Н. Трубецкой.

Выборы в Думу проходили в помещениях Дворянского собрания. В первый день, 26 марта, почти до вечера крестьяне выбирали своего депутата. Им стал крестьянин Мещовского уезда селения Утешева Алексей Иванович Сурнов. С утра 27 марта от правых сил избрали князя С. Д. Урусова, от кадетов—Л. Н. Новосильцева. Князь Урусов вспоминал: «В Калуге, в избирательном собрании, я баллотировался первым по очереди и получил наибольшее количество голосов из числа пяти избранных лиц, главным образом потому, что выборщики от крестьян единодушно голосовали за меня»¹¹. 28 марта после долгих споров простым жребием избран крестьянин Лихвинского уезда, села Глубокое той же волости Константин Власович Лагутин. Дальше шел Обнинский. «Князь Е. Трубецкой... еще накануне снял свою кандидатуру в мою (Обнинского.—З. В.) пользу... Подали записки. Я получил большинство. Стал баллотировать,—прошел двумя голосами. Следующие кандидаты из дворян и купцов были забаллотированы, я держался... Считаю шары, одного не хватает, чтобы перебить мои... Я получил большинство... И вот я член парламента»¹².

От своего давнего знакомого и друга, художника В. Д. Поленова Обнинский получил письмо. «7 апреля 1906 г. Дорогой Виктор Петрович! Не знаю, как выразить Вам радость по поводу избрания Вас в Государственную Думу; Если бы у нас на Руси было побольше таких людей, как Вы... Только бы вас и Ваших товарищей эти злые преступники на первых же порах не уничтожили. Если Вы победите, то начнется эпоха света и добра, и от всей души желаю Вам борьбы и наступление этой эпохи. Ваш Поленов».

В Государственной Думе первого созыва Калужскую губернию представляли пять депутатов, пять облеченных доверием народа наших земляков: Виктор Петрович Обнинский, князь Сергей Дмитриевич Урусов, Леонид Николаевич Новосильцев, Алексей Иванович Сурнов, Константин Власович Лагутин¹³.

Наступил день отъезда в Петербург. На Калужский вокзал пришли провожать Обнинского и Новосильцева служащие Калужской губернской земской управы и типографские рабочие. Они подарили Обнинскому папку-бювар с адресом: «Глубокоуважаемый Виктор Петрович! Позвольте приветствовать Вас и выразить Вам нашу общую искреннюю радость по поводу избрания Вас

К. В. Лагутин (1866–?)

Л. Н. Новосильцев (1872–1934)

членом Государственной думы. Как ближние Ваши сотрудники и сослуживцы мы гордимся, что нашему Председателю выпала высокая честь стать в ряду тех «лучших и доверием народа облеченных» людей, которым суждено выполнить трудную великую историческую миссию государственного строительства...»¹⁴.

27 апреля 1906 г. в Тронном зале Зимнего дворца состоялось торжественное открытие Первой Государственной Думы. Прибыло огромное число приглашенных, журналистов и дипломатических представителей из многих стран. Государь приветствовал народных избранников и обещал «сохранить неизменные установления», дарованные им народу. Затем депутаты Первого русского парламента «в пять часов пополудни» собрались в Таврическом дворце и приступили к работе. «С особым чувством входили мы первый раз в залу заседания Думы... Открытие Думы... Что-то будет? Момент исключительно благоприятен для правительства, если бы оно и вправду хотело пойти навстречу народному желанию, увидеть исполнение «Манифеста 17 октября», — писал в своих воспоминаниях Обнинский¹⁵. Но этому не суждено было сбыться.

На заседании подавляющим большинством голосов был избран председатель Государственной Думы кадет, профессор Московского университета по кафедре римского права Сергей Андреевич Муромцев. Старейшим борцом за мирное освобождение народа И. И. Петрункевичем с думской трибуны было заявлено об амнистии политзаключенным и отмене смертной казни. В поддержку его слов вся Дума поднялась с мест, и слово «амнистия» загремело под сводами потемкинского дворца. Это была попытка внести умиротворяющее начало — первый залог взаимного понимания и согласия между царем и Думой.

На «тронную речь Государя Императора» депутаты 5 мая в ответном адресе внесли предложение об отмене смертной казни и необходимости дарования амнистии политзаключенным, конфискации помещичьих земель; упразднении Государственного совета, отставки правительства. Принять делегацию членов Государственной Думы Николай II отказался. Документ был передан председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, который 13 мая на все предложения Думы ответил отказом. Дума высказалась решением о недоверии правительству и замене его другим. Началось фактически открытое противоборство Думы не только с правительством, но и с царем.

В Думе работали представители разных политических партий. Среди 478 фактически избранных депутатов самой многочисленной фракцией были кадеты — 179. Трудовики имели 97 мандатов, представители национальных окраин — 63, социал-демократы — 18, октябристы — 16 и беспартийные — 105. Большевики Думу бойкотировали. Много надежд возлагалось на деятельность Думы. Конечно же, центральным вопросом, который стал предметом обсуждения, был аграрный — именно он и вызвал кризис в работе Думы. Обнинский работал в аграрной комиссии и по расследованию незаконных действий должностных лиц, а также участвовал в собраниях фракции автономистов и в подготовке контрпредложений по аграрному вопросу. Князь С. Д. Урусов работал в двух больших думских комиссиях: по разработке законов о гражданском равенстве, где исполнял обязанности председателя, и в аграрной. Л. Н. Новосильцев входил в состав комиссий по исследованию незаконных действий должностных лиц и о запросах.

Надеясь повести за собой крестьянство, кадетская фракция («Партия Народной свободы») 8 мая выступила с аграрным «Проектом 42-х», предлагая наделить крестьян землей за счет принудительного отчуждения казенных, церковных, монастырских, удельных, а также частичное отчуждение помещичьих земель за выкуп «по справедливой цене», которые не эксплуатировались

самими владельцами, но с сохранением помещичьих усадеб. На заседании Государственной Думы 19 мая, критикуя кадетский «Проект 42-х», Обнинский считал нужным установить общий принцип: «Вся земля для трудящихся» и переход помещичьих усадеб в руки земских учреждений, которые откроют в них школы, больницы, аудитории, музеи, народные читальни и т.д.

Фракция «Трудовая партия», выражавшая требования крестьянства, 23 мая выступила с «Проектом 104». Предлагалось конфискацию земель у помещиков сверх «трудовой нормы» проводить с выплатой последним установленного вознаграждения. Предусматривалось образование «общенародного земельного фонда», из которого предполагалось уравнительное наделение безземельных и малоземельных крестьян землей «по трудовой норме». Реализацию проекта предлагалось осуществить через выборные местные земельные комитеты. Социал-демократическая партия голосовала за аграрный проект «трудовиков».

6 июня появился еще более радикальный эсеровский «Проект 33-х». Проект требовал немедленного уничтожения частной собственности на землю и перехода ее в общенародное достояние, немедленной национализации всех природных богатств, уравнительного землепользования. Большинством голосов Дума отказалась рассматривать столь радикальный проект.

На заседании 8 июня выступил председатель «Проекта 33-х», член партии демократических реформ князь С. Д. Урусов. В своей речи он выразил свое отношение к реформе. Его речь была яркой и нашла единодушную поддержку у присутствующих. «Господа народные представители, мы принесли сюда со всех концов России не только жалобы, негодования, но и горячую жажду деятельности, истинный, чистый патриотизм. Здесь много лиц, живущих доходами от имений, а много ли вы слышали возражений против принудительного отчуждения земли в интересах трудового землевладельца? ... Какую еще, казалось бы, Думу нужно в то время, когда наступила пора неотложных реформ, как не такую, в которой личные интересы и классовая борьба уступили место идее единого народного и государственного блага?»¹⁶.

Прения по аграрному вопросу продолжались до 8 июня, после чего оба проекта были переданы в аграрную комиссию с поручением составить земельный закон на началах принудительного отчуждения помещичьих земель. Правительство заявило, что не допустит этого. В. П. Обнинский писал своему другу художнику В. Д. Поленову: *25 мая 1906 г. «Спасибо за Вашу постоянную память и одобрение: мы только этим и живем, так как Петербург настроен враждебно к Думе. В общем, положение куска железа между молотом и наковальней, но зато может выйти клинок, которым и будет, наконец, проткнут абсолютизм».*

Депутаты внушали правительству и помещикам, что без отчуждения части их земли не избежать черного передела — восстания. Отношения правительства и Думы становились все более напряженными. 20 июня 1906 г. правительство перешло в нападение против народного представительства и земельных проектов Думы и выступило с сообщением, в котором категорически высказалось за невозможность отчуждения помещичьей земли. По распоряжению председателя Совета министров, это сообщение в виде плакатов было расклеено по всей стране. Цель — опорочить в глазах населения работу Государственной Думы.

На другой день после опубликования «Сообщения Правительства» депутатом В. П. Обнинским на заседании аграрной комиссии было внесено предложение — сделать запрос председателю Совета министров. Комиссия единогласно признала важность запроса и для его составления избрала

А. И. Сурнов (1865–?)

С. Д. Урусов (1862–1937)

князя П. И. Долгорукова, В. Якушкина, А. Аладьина, Д. Протопопова и В. Обнинского¹⁷. На заседании аграрной комиссии 27 июня с поправками запрос был принят единогласно. Подписали его 116 депутатов, подпись Обнинского стояла первой. Для печати готовить проект сообщения было поручено тем же лицам, которые составляли запрос. В одном из последних заседаний Думы докладчиком от аграрной комиссии по тексту обращения к населению опять был В. П. Обнинский. Он сказал: «Не знаю, нам ли придется построить эту машину аграрной реформы и пустить ее в ход или нашим преемникам, но я знаю одно, что первый же поворот ее тяжелых колес раздавит нас, крупных и средних землевладельцев, навсегда... Не пора ли всем этим большим и малым правителям понять, что они сами сеют вокруг себя и по всей стране анархию, что плоды жатвы уже поспевают и что, может быть, недалек тот момент, когда Государственная Дума будет поставлена в невозможность отвести занесенную над ними карающую руку разгневанного русского народа!»¹⁸ Пока депутаты готовили сообщение, правительство готовилось к роспуску Думы. Боясь крестьянских выступлений и гражданского неповиновения,

в Петербург из дальних гарнизонов были введены войска. Депутаты надеялись, что крестьянство поддержит их, но этого не произошло. 6 июля Дума напечатала сообщение, в котором подтвердила свое намерение добиться принудительного отчуждения земель в пользу крестьянства. Поскольку Правительству, т. е. министерству принадлежит исполнительная власть, то оно может обращаться к населению. Дума же совершила ошибку. По закону она не имела права непосредственного обращения к народу. Это аграрное обращение и было официальным поводом для роспуска Думы. 7 и 8 июля состоялись заседания Совета министров, где пришли к выводу: «состав Государственной Думы и принятое им направление угрожает существованию государства».

9 июля 1906 г. был обнародован высочайший указ о роспуске Думы первого созыва. Не подчинившись указу, депутаты во главе с ее председателем профессором С. А. Муромцевым из Петербурга выехали по финской железной дороге в город Выборг. На территории Великого княжества Финляндского 9 и 10 июля они провели два заседания. Было составлено знаменитое выборгское воззвание «Народу от народных представителей», в котором в знак протеста «против роспуска народного представительства» население призывалось к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению): не платить налоги, избегать воинской повинности. Депутатам, подписавшим «Воззвание», было предъявлено обвинение в возбуждении к неповиновению и противодействию закону и распространении «Воззвания» среди народа «во множестве экземпляров». Под воззванием стояли подписи и калужских депутатов В. П. Обнинского и князя С. Д. Урусова.

29 июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной Думы было начато уголовное преследование: обвинение опиралось на печатный экземпляр воззвания с напечатанными под ним фамилиями депутатов¹⁹. «Сто шестьдесят семь членов первой Государственной Думы во главе с ее председателем С. А. Муромцевым... предстали перед судом Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты по обвинению в составлении и распространении выборгского воззвания. Суд проходил с 12 по 18 декабря 1907 г. Еще никогда в стенах Первого уголовного отделения окружного суда не слушалось такого громкого и такого важного процесса, с таким количеством обвиняемых»²⁰. Из зала суда В. П. Обнинский писал: «12. XII. 1907. Тесный душный зал; тусклое освещение и блеск имен подсудимых. ...Красные, как кровь, покрывала казенных столов... Глупое выступление Кедрина, сравнившего залу суда с ночлежным домом...

Блестящие речи: мудрая, уравновешенная И. Петрункевича, красивая лекция Кокошкина, тонкая ирония Набокова. Сильные впечатления во всех сферах... Слухи множатся, но обвинение неизбежно... Судьи удаляются для составления приговора»²¹.

Осужденных Обнинского и Урусова приговорили к трем месяцам тюремного одиночного заключения с отбыванием наказания с 1 июня по 1 сентября 1908 г. в московской тюрьме, известной под названием «Малые Каменщики». Все подписавшие воззвание были лишены работы, избирательных прав, права заниматься политической деятельностью. В. Кузьмин-Караваев в газете «Слово» № 359–363 за 1908 г. писал: «Членами Первой Государственной Думы руководила неподкупная любовь к родине, они были искренни, они верили в близость обновления, они хотели добра и правды — в этом им не откажут самые ярые враги».

Примечания

1. ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 1056. Л. 11–12. «Обращение».
2. ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 1056. Л. 13. Рапорт калужского полицмейстера Е. И. Трояновского.
3. ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 1056. Л. 19.
4. ГАКО. Ф. 58. Оп. 3. Д. 74. Л. 21, 21об.
5. РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 33.
6. *Обнинский В. П.* Девяносто дней в одиночном заключении. Тюремные заметки. М., 1917. С. 81.
7. ГАКО. Ф. 58. Оп. 3. Д. 74. Л. 21, 21об.
8. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Ед. хр. 448. От 22 февраля.
9. *Обнинский В. П.* Указ. соч. С. 82.
10. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 448. Л. 20.
11. *Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной деятельности. М., 2009. С. 611.
12. *Обнинский В. П.* Указ. соч. С. 86, 87.
13. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Ед. хр. 448. Л. 23, 23об. Члены Первой Государственной Думы. С портретами. М., 1906. С. 28, 29.
14. Музей современной истории г. Москвы. Фонды. 23119/2.
15. *Обнинский В. П.* Указ. соч. С. 98.
16. *Урусов С. Д.* Указ. соч. С. 670–671.
17. *Обнинский В. П.* Новый строй. М., 1909. С. 181.
18. *Шаховской Дм.* Виктор Петрович Обнинский. К 10-летию 1-й Государственной Думы. Петроград, 1916. С. 214, 215.
19. ГАРФ. Ф. 102. Оп. Д-7. 1906. Д. 8686. Л. 164–165об. Копия оригинального текста «Народу от народных представителей».
20. Дело о выборгском воззвании // Газета «Новое время». 1907. 12 дек.
21. РГАЛИ. Ф. 128. Оп. 1. Ед. хр. 96. Письма из зала суда. 1907.

СЕЛО ЗАБОРОВСКАЯ СЛОБОДКА ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ

В. И. Абакулов,

*хранитель фондов отдела фондов
Калужского объединенного музея-заповедника*

Село Заборовская Слободка имеет богатую историю, насчитывающую несколько столетий. Оно расположено в 15 км к юго-западу от Калуги и в 4 км к востоку от древнего города Воротынского, ныне имеющего статус села, и до 1929 г. входило в состав Перемышльского уезда. Первоначально село называлось просто Слободка и своим расположением тяготело к городу Воротынску (тем более что оба эти населенные пункта даже расположены на одном, правом, берегу реки Выссы). Ныне этот населенный пункт имеет статус деревни, называется Заборовка и входит в состав сельского поселения «Село Калужская опытная сельскохозяйственная станция» Перемышльского района.

К сожалению, документами, подтверждающими существование села до XVII столетия, мы не располагаем. Известно, что Благовещенская церковь здесь была уже во второй половине XVII в. Священник этого храма Андрей, как следует из документов Крутицкой епархии, в 1674, 1677 и 1678 гг. платил по 8–10 полонянничных денег¹. (Полонянничные деньги—это подворная, а не посошная подать, назначенная на выкуп пленных у татар и турок. Эту подать собирал заведовавший выкупом полоняников Посольский приказ.)

Прихожане Благовещенской церкви села Слободки местные помещики *Ларион и Василий Лопухины, Клим и Никифор Зубаревы, Дмитрий Меньшой* в 1686 г. писали обращение митрополиту Сарскому и Подонскому Варсонофию. Они сообщали, что священник указанной церкви Андрей постригся в монашество. Просили посвятить во священника к приходской церкви сына священника Андрея дьячка Василия. Преосвященный выполнил просьбу помещиков и рукоположил во священника к Благовещенской церкви указанного дьячка².

Возможно упоминавшиеся выше владельцы села Слободки Ларион и Василий Лопухины—это бояре Илларион-Федор (ум. в 1713 г.) и его брат Василий (ум. в 1698 г.) Федоровичи, дети думного дворянина Авраама Никитича Лопухина.

Подьячий духовного правления Лютикова монастыря Анисим Гречанинов 14 октября 1741 г. оправил при доношении в домовую канцелярию Его Преосвященства 28 руб. 50 коп., собранные священниками церковей Перемышльского и Воротынского уездов для содержания Славяно-греко-латинской академии. При этом им был составлен реестр тех, кто оставался часть денег на эти нужды должен. Среди них значится священник села Слободки Антон (должен 85 коп.). Указ Преосвященного из канцелярии Крутицкой епархии за № 374 от 15 октября того же года требовал собрать и прислать в его канцелярию недоплаченные на школу деньги не позднее 1 ноября того же года³.

28 ноября 1741 г. архиепископ Сарский и Подонский Леонид слушал прошение *Федора Авраамовича Лопухина*, которым тот просил определить пономарем к Благовещенской церкви в селе Слободке Перемышльского уезда, входившем в его вотчину, на место уволенного «за болезнью и дряхлостью» пономаря указанного храма Стефана Тимофеева его родного брата церковника Никифора Тимофеева. В разборных ведомостях, хранившихся в канцелярии Крутицкой епархии, было отмечено, что пономарь Стефан Тимофеев был «глух и дряхл». Преосвященнейший удовлетворил просьбу помещика, и указом № 169 от 28 ноября 1741 г. Никифор Тимофеев определялся пономарем в село Слободку⁴.

Ф. А. Лопухин (1697–1757), был родным племянником царицы Евдокии Федоровны, первой жены Петра I, сыном казненного брата царицы Авраама Федоровича. С молодых лет служил при царском дворе. В 1740-е гг. во время коронации императрицы Елизаветы Петровны был обер-церемониймейстером. Дослужился до чина тайного советника.

Диакон Благовещенской церкви села Слободки Иван Антонов 28 апреля 1743 г. подал челобитную епископу Сарскому и Подонскому Платону. Он сообщал, что при упомянутой церкви священником был его отец Антон Викулин, дьячком Родион Григорьев и пономарем Никифор Тимофеев. Сам он был посвящен во диакона в 1742 г.

Иван Антонов жаловался Его Преосвященству, что половиной церковного дохода, пахотной и усадебной земли с покосами владел священник, второй половиной—дьячок и пономарь. При этом у Ивана Антонова не было в пользовании никакого участка земли, так как «онье дьячок и пономарем не дают (пользоваться.—В. А.)» церковной землей, «отчего он пришел во всякую скудость и разорение». Диакон сообщал, что церковные налоги от своего не существующего в реальности «диаконого жеребья» он платит исправно и просил это положение исправить и надельить его полагающейся ему землей.

В канцелярии Крутицкой епархии слушали полученное прошение 5 мая 1743 г. и приказали объявленному челобитчику диакону Ивану Антонову «как в церковном доходе, так и в пашенной земле с покосы владеть против попа с церковники половину, а другую пополам двум церковникам без всякого спору и к друг другу обид». Указ с таким решением за № 163 от 7 мая 1743 г. для исполнения был выслан из канцелярии в Перемышльский уезд к архимандриту Троицкого монастыря Ионе⁵.

Село Слободка и в 1751 г. продолжала находиться в вотчине действительного статского советника и кавалера ордена Св. Анны Федора Авраамовича Лопухина⁶.

Из ведомости о содержащихся в Калужской провинциальной канцелярии колодниках 16 июля 1756 г. мы узнаем, что в заключении в это время находились дворовые люди из села Слободки тайного советника Ф. А. Лопухина Максим Иванов, Афанасий Дмитриев и Макар Моисеев. Они обвинялись в убийстве «шталмейстера» Андрея Петровича Левгина, приказчика Лопухина, и «разграблении его пожитков»⁷. В той же канцелярии еще в 1754 г. держались под караулом в деле об убийстве и ограблении «иноземца» А. П. Левгина, прибывшего на конный завод Лопухина в Воротынский уезд «для рассмотрения», четыре человека из вотчины Ф. А. Лопухина села Столпова того же уезда крестьянин Карней Ермилович Полонский и три конюха указанного «конного двора» (завода) — Афанасий Дмитриевич Беспалов, Аким Иванович Гурцов и Макар Макеевич Багачев⁸.

После смерти тайного советника Ф. А. Лопухина в 1757 г. его жена *Вера Борисовна* (1716–1789) унаследовала имения супруга, в том числе и село Слободку с деревнями Перемышльско-го уезда. Погребен Федор Авраамович был в родовой усыпальнице Лопухиных в Спасо-Андрониковом монастыре. Вера Борисовна была дочерью генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева и его жены Анны Петровны, урожденной Салтыковой (по первому мужу Нарышкиной).

Супруги Лопухины ревностно относились к православию. Возможно, именно Федор Авраамович в 1721 г. в селе Слободке Перемышльского уезда возвел новую деревянную Благовещенскую церковь⁹.

Периодически крепостные крестьяне Лопухиных убегали с мест своего постоянного проживания. В апреле 1766 г. выборной крестьянин села Слободки вотчины вдовы «генеральши» Веры Борисовны Лопухиной Афанасий Артемов сообщал в Перемышльскую воеводскую канцелярию о побеге в 1764–1765 гг. крепостных крестьян из деревни Новоселок Семена Федорова, Тихона и Петра Филипповых¹⁰. 16 марта 1767 г. из села Слободки бежал «незнаемо куда», оставив свою жену, крестьянин Лукьян Григорьев, о чем в воеводскую канцелярию сообщал выборной крестьянин того села Осип Иванов¹¹.

Еще об одном происшествии в принадлежавшей В. Б. Лопухиной деревне Новоселках доносил в воеводскую канцелярию староста села Слободки Петр Аксенов. Он сообщал, что 30 августа 1766 г. крестьянка указанной деревни Аграфена Лазарева ходила в дом к крестьянину той же деревни, принадлежавшего помещику Александру Борисовичу Бутурлину, Василию Михайлову для правки ножа для стрижки овец. Выйдя за ворота дома Михайлова, крестьянка остановилась и разговорилась с его теткой крестьянкой Авдотьей Андреевой. В этот момент неизвестно по какой причине хозяин дома Василий Михайлов вышел к воротам с заряженным ружьем и прострелил Аграфене Лазаревой левую руку¹².

В следующем 1767 г. выборной крестьянин села Слободки Осип Иванов сообщал в Перемышльскую воеводскую канцелярию, что в мае этого года крестьянин означенного села Михей Климов, занимаясь извозом, подрядился отвезти приказчика мещовского помещика Николая Михайловича Каховского из Москвы до села Щелканова Мещовского уезда за 5 руб. Недалеко от Калуги Каховский нагнал повозку и просил отвезти его приказчика до села Жуковки Серпейского уезда, пообещав доплатить еще 1 руб. и дать 4 четверика овса и два пуда сена. Михей Климов доставил приказчика до села Жуковки. Н. М. Каховский выдал ему за работу 5 руб. 60 коп., полчетверика овса и один пуд сена. Климов стал просить выдать ему остальное из обещанного, но в ответ помещик приказал своим дворовым людям выгнать слободского крестьянина прочь со двора, что те и сделали, применив кнуты¹³.

Селом Слободкой Лопухины владели не единолично. В XVIII в. часть села принадлежала дворянам *Меньшим*, которые упоминаются как местные помещики еще в 1686 г. 23 января 1772 г. прапорщик *Варлаам Варлаамович Меньшой* написал рядную запись в том, что он «сговорил» свою дочь Авдотью замуж за дворянина Данилу Васильевича Забусова. В приданое за ней Меньшой давал 20 сажень усадебной земли в селе Слободке, пахотной 6 четвертей в поле, а в двух по тому ж, а также дворовых людей из упомянутого села Петра Климова и Екатерину Гаврилову¹⁴.

Дочь Федора Авраамовича и Веры Борисовны Лопухиных *Елизавета* (родившаяся в 1743 г.) 3 февраля 1776 г. вышла замуж за *Ивана Александровича Заборовского* и, видимо, в наследство получила и село Слободку с деревнями Перемышльского уезда¹⁵.

И. А. Заборовский (1735–1817) был участником Семилетней войны 1756–1763 гг., где отличился в сражении при Гросс-Егерсдорфе, за что был произведен в премьер-майоры. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. командовал гусарским полком в армии П. И. Панина. Был произведен в полковники за отличие под Бендерами (1770). Заборовский принял участие в войне с конфедератами. Позднее состоял бригадиром в армии генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева. В 1774 г. был послан на Балканы в корпус М. Ф. Каменского и отличился в сражении при Козлуджи, за что был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и произведен в генерал-майоры. В 1777 г. оставил строевую службу и до 1782 г. был ярославским наместником. В 1782 г. произведен в генерал-поручики и назначен тульским наместником. 24 ноября 1782 г. награжден орденом Св. Анны. В 1787 г. награжден орденом Александра Невского.

В 1788 г. Иван Александрович был послан во Флоренцию вербовать волонтеров для участия в войне против Турции. Среди желающих поступить в ряды волонтеров был и молодой артиллерийский лейтенант Бонапарт. Согласно полученной инструкции, Заборовский должен был принимать иностранцев на русскую службу с понижением на один чин. На это Бонапарт согласиться не захотел, и Заборовский ему отказал. При Павле I Заборовский был назначен сенатором с чином действительного тайного советника¹⁶.

В. Б. Лопухина скончалась в апреле 1789 г. и была погребена в родовой усыпальнице Лопухиных в Знаменской церкви Спасо-Андроникова монастыря¹⁷.

В «Описаниях и алфавитах к Калужскому атласу» 1782 г. среди владельцев села Слободки Перемышльского уезда значатся Елизавета Федоровна Заборовская, Варлаам Варлаамович и Максим Яковлевич Меньшие, Антип Герасимович Астафьев, Федор Ефимович Попов, Федор и Козьма Моисеевичи Котовы. В Слободке в это время было 54 двора, в которых проживали 243 мужчины и 250 женщин. Земли было 1115 дес. 1349 саж. Село располагалось на правом берегу реки Выссы и на левой стороне безымянного оврага. В Слободке находились две деревянные церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, деревянный же господский дом с садом. На реке Выссе было два пруда и две мучные мельницы, каждая о двух поставах. Крестьяне находились на оброке. Священно- и церковнослужителям села Слободки принадлежала пахотная земля в двух участках: в первом — 20 дес. 1156 саж., во втором — 10 дес. 247 саж. Также во владении причта было 3 дес. 588 саж. сенокосов, располагавшихся на правом берегу реки Выссы.¹⁸

Кроме этого Е. Ф. Заборовская владела в том же Перемышльском уезде совместно с другими помещиками частью земли села Верхние Подгоричи, частью сельца Торопова, села Андреевского, жеребьем сельца Головнина, деревней Новоселки, сельцом Лучкиным, деревней Льговкой, пустошами Ляховской и Синявское поле. В единоличном ее владении здесь же были село Столпово, деревня Рядова, вотчинная десятинная Столбовая и Климовская земли, пустоши Слободка, Подберезова и сенокосы Долгие Липняги на левом берегу реки Оки¹⁹.

Во время Отечественной войны 1812 г. от села Слободки с деревнями, владения разных помещиков, во внутренне ополчение было поставлено: от Елизаветы Федоровны Заборовской 6 конных и 58 пеших воинов, от поручика Матвея Яковлевича Меньшого — 1 пеший воин. Всего по Перемышльскому уезду в ополчение было поставлено 78 конных и 801 пеший воин. Такие сведения приводит в своей работе о Калужском дворянском ополчении Н. И. Булычев²⁰.

Документы Государственного архива Калужской области дополняют эти сведения. Согласно «Списку Перемышльского уезда о бывших на службе и возвратившихся в дома воинах» 1816 г., жена действительного тайного советника Елизавета Федоровна Заборовская от 1344 душ крестьян села Слободки с деревнями поставила в ополчение 64 воина. В деле приводится список, состоящий из 57 человек (к сожалению, в нем не отмечено, кто вернулся с войны, а кто — нет). В ополчение попали: Василий Гаврилов, Наум Петров, Ермол Федоров, Иван Филимонов, Василий Минаев, Петр Дементьев, Гардей Иванов, Венедикт Петров, Терентий Иванов, Лукьян Федотов, Андрей Евтеев, Григорий Иванов, Федор Сафонов, Филипп Федотов, Григорий Исаев, Семен Петров, Степан Васильев, Карп Тихонов, Меркул Федоров, Поликарп Никитин, Карп

Петров, Трефил Аристархов, Лаврентий Петров, Макар Константинов, Ларион Никитин, Федор Ермолов, Иван Яковлев, Григорий Евсигнеев, Козьма Игнатов, Епифан Иванов, Степан Вуколов, Кондратий Григорьев, Михаил Семенов, Василий Лукьянов, Елисей Парфенов, Аникон Петров, Яков Епифанов, Ефим Иванов, Фадей Ильин, Мартин Никитин, Клим Иванов, Фрол Семенов, Тимофей Иванов, Дмитрий Романов, Карней Астафьев, Парфен Ерофеев, Прокофий Савельев, Иван Иванов, Евсигней Архипов, Прокофий Савельев, Федор Пантелеев, Яков Ермилов, Семен Прокофьев, Марка Семенов, Исай Фадеев, Яков Алексеев и Василий Михайлов²¹.

Также в ополчение от села Слободки поставил от 11 принадлежавших ему здесь крестьян одного воина и М. Я. Меньшой — Антона Гаврилова. Тот остался жив и вернулся после войны в родное село²².

Помимо непосредственного участия в боевых действиях, крестьяне села Слободки и соседних деревень в 1812 г. поставляли продовольствие для русской армии, сражающейся с захватчиками. В 1816 г. помещица Е. Ф. Заборовская пожертвовала следуемые ей за эти поставки деньги в пользу государства²³.

Иван Александрович Заборовский скончался 17 сентября 1817 г., его супруга Елизавета Федоровна — 23 марта 1820 г. Оба они были погребены в Знаменской церкви Спасо-Андроникова монастыря²⁴.

Среди владельцев части села Слободки в 1824 г. значатся малолетние *Владимир, Лаврентий и Николай Котовы*. Им здесь принадлежало 2 души крепостных крестьян²⁵.

Причт Благовещенской церкви села Слободки в том же 1824 г. состоял из священника Федора Савельева 34 лет, дьячка Иакова Потапова 55 лет и пономаря Василия Никифорова 34 лет. Также в селе проживали священник Николай Иванов 60 лет и пономарь Семен Михайлов 55 лет²⁶. В 1836 г. в составе причта того же храма мы видим священника Савву Сергеева 34 лет, дьячка Василия Никифорова 45 лет и пономаря Льва Лаврентьева 19 лет²⁷. Отметим, что в клировых ведомостях 1824 и 1836 гг. село называется уже как Слободка Заборовская (к старому названию добавилась фамилия помещиков). Такое название сохранилось и позднее. Иногда в церковных документах 1860–1880-х гг. село называлось также Рахманова Слободка (опять же по фамилии местных помещиков).

Храм в Заборовской Слободке в 1834 г. был обновлен тщанием помещика *Павла Михайловича Рахманова*²⁸. На 1852 г. в селе находилось 2 двора дворовых людей помещицы, жены гвардии капитана, *Варвары Николаевны Рахмановой*, в которых проживали 20 мужчин и 17 женщин. Также помещице принадлежало здесь же 44 двора крестьян, в которых проживали 247 мужчин и 249 женщин. В том же селе Заборовская Слободка дворянке *Прасковье Матвеевне Меньшой* принадлежал 1 крестьянский двор, в нем 3 мужчины и 2 женщины. В приход Благовещенской церкви входили также сельцо Лучкино, сельцо Быково и деревня Новоселки²⁹.

Судебный пристав Калужского окружного суда Соколов через «Калужские губернские ведомости» сделал объявление, что 15 января 1870 г. в 10 ч. утра в селе Заборовская Слободка выставилось на продажу имущество бывшего арендатора имения помещицы Рахмановой ревельского гражданина Александра Густавовича Брауншвейга, оцененное в 1 004 руб. 95 коп. Имущество заключалось в сене, хлебе, лесных материалах, зимних и летних экипажах, конской упряжи, земледельческих орудиях, в пчелах, домашнем скоте, стенных часах, пожарной трубе и разных мелких вещах³⁰.

В ночь на 11 ноября 1873 г. в Благовещенской церкви Заборовской Слободки было совершено святотатство. Неизвестные лица украли из храма разные церковные вещи, билеты и деньги всего на сумму 1 271 руб³¹.

В 1870-х гг. Заборовской Слободкой владел статский советник *Лев Осипович Дюгамель* (1806–1882). Он в 1851–1853 гг. был инспектором классов Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса. В январе 1873 г. ему была объявлена благодарность калужского епархиального начальства за пожертвование в церковь села Столпова Перемышльского уезда 300 руб³².

Л. О. Дюгамель был сыном лифляндского губернатора сенатора Осипа Осиповича Дюгамеля, братом западно-сибирского генерал-губернатора, сенатора, генерала от инфантерии, члена Государственного совета Александра Осиповича, генерал-майора Сергея Осиповича, адмирала Михаила Осиповича³³.

Благовещенская церковь в с. Заборовке. Фото автора, апрель 2012 г.

Согласно клировой ведомости Благовещенской церкви в Заборовской Слободке за 1891 г., священником здесь был Иоанн Иоаннович Остроумов, 41 года, псаломщиком Семен Федорович Кольцов, 31 года. В селе проживал на иждивении своего зятя, псаломщика Кольцова, заштатный псаломщик Иван Петрович Стеллиферовский, 73 лет. В селе было 74 двора, в которых проживало 237 мужчин и 274 женщины. К Благовещенской церкви была приписана церковь в селе Столпове. Также в приходе еще были деревня Рядовка и сельцо Слевидово³⁴.

Вдова Л. О. Дюгамель *Мария Павловна* в 1898 г. владела 1416 $\frac{1}{4}$ дес. земли при селе Заборовская Слободка с деревнями³⁵. В Москве ей принадлежал построенный в конце XIX в. доходный дом с элементами стиля модерн (сохранился до настоящего времени, Мерзляковский переулок, 18). Дюгамель много лет дружила с отцом Иоанном Кронштадтским (Сергеевым). Часто помогала ему материально, когда он был юношей. И он сохранил эту дружбу на всю жизнь. Когда Иоанн Кронштадтский приезжал в Москву, он всегда останавливался у нее в доме отдохнуть после богослужений и посещений страждущих. Скончалась Мария Павловна 10 сентября 1907 г.

С 1899 г. село Заборовская Слободка принадлежало княгине *Ольге Александровне Ширинской-Шихматовой* (урожд. баронессе Корф), которая перенесла усадьбу на левый берег реки Выссы (сейчас село Калужская опытная сельскохозяйственная станция). Ее муж князь *Дмитрий Александрович Ширинский-Шихматов* (1868–1908), выпускник Пажеского корпуса, был полковником гвардейской конно-артиллерийской бригады, адъютантом великого князя Николая Николаевича Младшего.

Священник Заборовской Слободки Михаил Безсонов 18 мая 1904 г. был перемещен к церкви села Столпова Перемышльского уезда³⁶. На его место был перемещен священник села Архангельского Можайского уезда Московской епархии Иоанн Херсонский 15 июля 1904 г.³⁷ Он не прослужил на новом месте и года. 25 мая 1905 г. священник Иоанн Херсонский погиб при крушении

поезда близ станции Балабаново. Он был сыном диакона села Гостешева Тарусского уезда. В село Архангельское он был приглашен владельцем этого имения князем Ширинским-Шихматовым, где проходил должность учителя в образцовом училище. Затем стал священником и прослужил до перевода 28 лет. Тело погибшего батюшки было торжественно перенесено со станции Балабаново в село Прогнань Боровского уезда, где 28 мая было совершено отпевание. Затем тело священника было перевезено в село Архангельское, где и погребено в церковной ограде среди насаженных покойным яблонь³⁸.

На место погибшего священником к Благовещенской церкви Заборовской Слободки 30 июля 1905 г. был определен окончивший курс Калужской духовной семинарии Дмитрий Соколов³⁹.

В 1906–1912 гг. князя Ширинские-Шихматовы переносят имение на левый берег реки Выссы в сосновый бор. Здесь по плану архитектора, приглашенного из Санкт-Петербурга, в 1910 г. строится новый главный корпус усадьбы «Дача», большой скотный двор, маслобойня, сыроварня, дом для obsługi и двухэтажный зерновой склад, используемый до сих пор, подвал для хранения продуктов и другие хозяйственные постройки, трехэтажная мельница на реке Выссе, закладывается фруктовый сад на 10 га. Князья приобрели современную сельскохозяйственную технику, породистых лошадей и крупный рогатый скот, расширили земельные угодья до 2402 десятин.

Усадебный дом был выстроен из лиственницы, стоял на кирпичном фундаменте с высоким цоколем, имел высокие балконы и большую террасу с колоннами. Дом был окружен лесом со спуском к пруду и речке.

В 1908 г. в Заборовской Слободке на средства князя Ширинского-Шихматова была построена новая каменная холодная церковь, но освящена она была лишь в 1914 г. также во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, как и существовавший старый деревянный храм⁴⁰. Храм был возведен по проекту архитектора М. Т. Преображенского в стилизованных формах древнего новгородско-псковского зодчества. Завершенный световым барабаном с поребриком и массивной луковичной главой, двусветный крестообразный храм с полукруглой апсидой и прямоугольными объемами притвора и боковых помещений под дугообразными кровлями дополнен четырьмя пониженными полукруглыми и прямоугольными пристройками в углах украсил высокий правый берег реки Выссы.

По клировой ведомости за 1913 г. в Заборовской Слободке действующей была и старая деревянная церковь. Священником при ней был Александр Павлович Покровский, 25 лет, исправляющий должность псаломщика Василий Васильевич Светлов, 28 лет. Должность церковного старосты исполнял с июня 1910 г. крестьянин означенного села Григорий Тарасович Щелоков, 50 лет. Он был старостой при этом храме и ранее, с 1 января 1898 по 1 июля 1902 г. В селе была земская школа, учрежденная в 1890 г. В 1913 г. в ней обучалось 25 мальчиков и 12 девочек. В приходе состояло лишь само село Заборовская Слободка, в котором насчитывалось 85 дворов, в них проживали 240 мужчин и 279 женщин⁴¹.

Революционные события 1917 г. изменили старый уклад жизни России. В бывшем имении князей Ширинских-Шихматовых был организован совхоз. В январе 1920 г. губернское земельное управление приняло меры к организации опытного поля в пределах Калужской губернии на базе совхоза «Заборовская слобода». С 1922 г. сельскохозяйственное опытное поле (в разные годы именовавшееся Заборовским, Воротынским, Калужским) приступило к научной работе, которая включала как проведение собственных опытов, так и обобщение передового опыта лучших единоличных и государственных хозяйств.

Благовещенская церковь была закрыта в советское время. Она подверглась частичному разрушению и разорению. Не восстановлена она и в настоящее время.

Обследуя в 2012 г. старые части кладбищ бывшего Перемышльского уезда, Василий и Татьяна Абакуловы осмотрели и кладбище возле Заборовки. Оно расположено примерно в 200 м к югу от Благовещенской церкви. Окопано и обсажено березами. Здесь сохранилось всего четыре старинных известняковых надгробия, которые, к сожалению, не имеют эпитафий. Один из этих надгробных памятников — это известняковая плита, выполненная в форме трапеции. Лицевая поверхность плиты имеет следующую композицию: бордюр, разделительная полоса

Плита XVI в. на кладбище с. Заборовка. Фото автора, апрель 2012 г.

с «плечиками», два клейма, внутренняя рамка в виде графьи. Плита характерна по исполнению для первой половины XVI в., когда верхнее клеймо состоит из 2–3 (в нашем случае из 1) рядов мелких треугольников («волчий зуб»), направленных вершинами к центру и составляющих полукруг. В его центре вырезаны 6 крупных треугольников-клиньев, сходящихся вершинами к центру и составляющих солярный знак. Верхнее клеймо примыкает к внутренней рамке, обрамлено графьей.

Срединное клеймо повторяет рисунок верхнего клейма, единственное отличие — 9 крупных треугольников-клиньев, сходящихся вершинами к центру и составляющих солярный знак. Мелкие треугольники расположены в один ряд, вершинами к центру, и образуют круг. От срединного клейма вверх к боковым бордюрам веерообразно расположены «плечики» (полукруглые тяги к бордюру). Они выполнены из полосы мелких треугольников, расположенных в два ряда, и вершинами направленными друг к другу. К изножию плиты от срединного клейма отходит линия, соединяющая его с бордюром. Она также выполнена из двух рядов мелких треугольников, направленных вершинами друг к другу.

Бордюр выполнен из мелких треугольников. В изножии плиты и до начала «плечиков» он состоит из двух рядов мелких треугольников, вершинами направленных друг к другу, выше плечиков и в изголовье плиты бордюр состоит из трех рядов таких же мелких треугольников. Клейма, «плечики» и линия, идущая к изножию плиты, обрамлены графьей. Вся композиция выполнена трехгранно-выемчатым стилем. Надписей плита не имеет. Сохранность ее удовлетворительная, имеет лишь небольшие сколы и утрачен небольшой фрагмент правого нижнего угла. Размеры плиты: 25×32×61 см, толщина — 8 см. Эта редкая находка позволяет предполагать, что храм здесь существовал уже в первой половине XVI в. Это удревняет историю Заборовской Слободки по сравнению с письменными источниками еще на столетие.

На основании проанализированных документов Государственного архива Калужской области мы видим, что село Заборовская Слободка имеет богатую историю. На протяжении нескольких столетий селом владели дворяне Лопухины, Меньшие, Заборовские, Поповы, Астафьевы, Котовы, Рахмановы, Дюгамель, князя Ширинские-Шихматовы. Некоторые заборовские помещики оставили заметный след в истории России. Выявление новых, не введенных в научный оборот архивных документов позволит дополнить историю этого населенного пункта новыми фактами.

Примечания

- ¹ *Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 2 (Росписи полоняничных денег 1675–1682 гг.) // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1896 год. Кн. 3. М., 1896. С. 13, 16, 17.
- ² *Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Выпуск 3 // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1902 год. Кн. 4. М., 1902. С. 82–83.
- ³ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 726. Оп. 3. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ⁴ ГАКО. Ф. 726. Оп. 3. Д. 29. Л. 1–1 об.
- ⁵ ГАКО. Ф. 726. Оп. 3. Д. 79. Л. 1–1 об.
- ⁶ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 59. Л. 331.
- ⁷ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 129. Л. 21.
- ⁸ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 93. Л. 317.
- ⁹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 256. Л. 11.
- ¹⁰ ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 51. Л. 24.
- ¹¹ ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.
- ¹² ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 55. Л. 11.
- ¹³ ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 43. Л. 28–28 об.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 346. Л. 12 об.
- ¹⁵ Великий князь Николай Михайлович // Московский некрополь. Т. 1. СПб., 1907. С. 453.
- ¹⁶ *Половцев А. А.* Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 7. С. 133–134.
- ¹⁷ Великий князь Николай Михайлович // Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1908. С. 184.
- ¹⁸ Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782. Ч. 2. С. 32–33, 53.
- ¹⁹ Там же. С. 17, 18, 20, 31, 33, 34, 50–51, 52, 53, 54, 55.
- ²⁰ *Булычев Н. И.* Архивные сведения касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. (Калужское дворянское ополчение). Калуга, 1910. С. 53, 54.
- ²¹ ГАКО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 25. Л. 66 об.-69.
- ²² Там же. Л. 76 об.-77.
- ²³ ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 369. Л. 91.
- ²⁴ Великий князь Николай Михайлович // Московский некрополь. Т. 1. СПб., 1907. С. 453.
- ²⁵ ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 720. Л. 144 об.
- ²⁶ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 133. Л. 9 об.
- ²⁷ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 179. Л. 9 об.
- ²⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 256. Л. 11.
- ²⁹ Там же. Л. 14.
- ³⁰ Калужские губернские ведомости (КГВ). 1870. № 2. 10 янв. Часть офиц. С. 16.
- ³¹ КГВ. 1873 № 101. 22 дек. Часть неофиц. С. 537.
- ³² Калужские епархиальные ведомости (КЕВ). 1878. № 2. 31 янв. Часть офиц. С. 28.
- ³³ *Половцев А. А.* Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6. С. 740–741.
- ³⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1825. Л. 206–207.
- ³⁵ КГВ. 1898. № 35. 28 марта. Часть офиц. С. 2.
- ³⁶ КЕВ. 1904. № 11. 15 июня. Часть офиц. С. 211.
- ³⁷ КЕВ. 1904. № 15. 15 августа. Часть офиц. С. 289.
- ³⁸ КЕВ. 1905. № 14. 31 июля. Часть неофиц. С. 457–458.
- ³⁹ КЕВ. 1905. № 15. 15 августа. Часть офиц. С. 338.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. Л. 194.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2040. Л. 203–206.

МУСТАФА НИЗАМЕТДИН БИН ДЕРВИШ КИБАРЗАДЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭМИГРАНТ ИЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЛУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. М. Красин,

*кандидат исторических наук, зав. отделом научно-исследовательской
и методической работы ГКУ КО «Государственный архив Калужской области»*

Вступление Османской империи в Первую мировую войну создало для России новые политические риски, часть из которых была связана с традиционно сильным турецким влиянием среди мусульман Кавказа и Поволжья. В целях уменьшения существующих рисков в ближайшем тылу русских войск на Кавказе, из региона в этот период массово удалялись турецкие подданные.

В документах они именовались военнопленными, хотя более точно их статус отражает термин «интернированные». Уже 27 октября 1914 г. (по ст. ст.) партия турецких подданных в составе 67 человек была отправлена в Калугу из Батуми. 10 ноября 1914 г. еще 140 турецких подданных отправили в Калугу из Туапсе. Такие группы направлялись в Калужскую губернию и позже¹.

В ноябре 1914 г. была распределена по уездам Калужской губернии крупная партия турецких подданных из 780 человек, еще 250 человек было оставлено в Калуге².

13 сентября 1915 г. калужский губернатор, ссылаясь на телеграмму товарища министра внутренних дел князя Волконского, поручил выслать в г. Уральск всех турецких подданных, проживавших в Калужской губернии. Сохранился список фамилий 741 турецкого подданного, высланного из Калуги в г. Уральск 16 сентября 1915 г.³

Тем не менее некоторое число интернированных турецких подданных оставались в Калужской губернии и после сентября 1915 г. Так, 32 человека, по данным на 31 марта 1916 г., работали в булочной Заверина в качестве пекарей и характеризовались приставом 1 части Калуги как «политически благонадежные»⁴.

Среди тех, кто был отправлен из Калуги в Уральск, был и Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде. Этот человек оказался незаурядной личностью и выделялся из числа других интернированных уже тем, что умел собственноручно подписываться по-русски ровным красивым почерком. Не исключено, что сами обращения к разным должностным лицам он писал самостоятельно (во всяком случае — обращения 1917 г.)⁵.

Наличие окончания «Кибарзаде» в имени может говорить о знатном происхождении этого политического деятеля, хотя в полной мере ничего и не доказывает.

В своем прошении на имя уральского областного комиссара от 25 сентября 1917 г. он подробно описывает обстоятельства своей высылки. По словам Мустафы Кибарзаде, он был «секретарем полицейского департамента внутреннего министерства в городе Константинополе» (вероятно, Министерства внутренних дел. — *К. В.*) и состоял в «Либеральной партии». В январе 1913 г. младотурками (партия «Единение и Прогресс») был убит военный министр генерал Назим-паша, кабинет министров был занят их сторонниками, а представители «Либеральной партии», в том числе и Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде отстранены от власти⁶.

После насильственной смерти Назим-паши великим визирем становится генерал Махмуд Шевкет-паша, участник младотурецкой революции 1908 г. Однако 29 мая 1913 г. (по ст. ст.) в своем автомобиле на пути в резиденцию правительства он также был убит, что позволило младотуркам запретить все политические партии и арестовать некоторых активистов, фактически установив военную диктатуру⁷.

В числе подвергшихся преследованию в Турции оказался и Мустафа Кибарзаде: «...поэтому было собраны из Либеральной партии около 650 человек и были высланные, безо всякого суда и допроса на остров Синоп. 1913 года сентября месяца, я и мои 2-е товарищей Махмуд Нимет Син Тауфек Бей, и бывший комиссар города Константинополя Музафоритдин Бей, убежали с острова Синопа, внутри России прибыли в город Батум, в этом же месяце явились к батумскому бывшему полицмейстеру господину Пученьяци, объяснили наше обстоятельство в побеге, о чем доложено о нас господину батумскому военному губернатору, приказом губернатора

мы должны временно находиться в гор. Батум впредь до выяснения наших личностей, наводя о нас справки русскому консулу, находившемуся на острове Синоп, справки подтвердились о нас русским консулом с острова Синопа, что мы находимся в качестве политических эмигрантов, по этому вопросу нам было разрешено проживать внутри России безо всяких призраний. Мои указанные товарищи выбыли в [Европу] с разрешения властей, и в этом числе я получил удостоверение от бывшего полицмейстера гор. Батума для права проживания внутри России, я выбыл в уездный гор. Артвин Батумской области, где я был рожден»⁸.

Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде в качестве интернированного находился в Калуге чуть больше полугода.

В январе 1915 г. Мустафа Кибарзаде давал показания как косвенный свидетель по делу об убийстве Сеида Аслан Махмет Оглы⁹. Многие турецкие военнопленные и интернированные были размещены в Калуге в казармах и даже в вагонах¹⁰. «Военнопленный турецкий подданный житель г. Константинополя» Мустафа Кибарзаде жил в доме Потанина на Садовой улице (3-я часть города по полицейскому делению), в том же доме проживали Сали Осман Оглы, Мустафа Мулла Мехмет Оглы и убитый Сеид Аслан Махмет Оглы. Сам Мустафа Кибарзаде позволял себе посещать турецкую кофейную, Сеида Аслан Махмет Оглы он характеризовал как человека, у которого «были порядочные деньги, так как он безотказно помогал деньгами бедным турецким подданным». Остальные турецкие жители этой квартиры также, по всей видимости, располагали денежными средствами. Во всяком случае, когда за несколько дней до убийства к ним явились два турецких военнопленных просить деньги для оплаты квартиры, необходимую сумму турецкие жители дома Потанина собрали совместно. Впрочем, облагодетельствованные оказались людьми неблагодарными и вскоре задушили и ограбили Сеида Аслан Махмет Оглы, пришедшего к ним в гости. В протоколе от 13 января 1915 г. указано, что Мустафа Кибарзаде общался по этому делу с начальником Калужского сыскного отделения через переводчика, как и остальные турки, однако единственный собственноручно расписался в протоколе по-русски¹¹.

По всей видимости, Мустафа Кибарзаде был человеком достаточно смелым и пользовался доверием земляков. Во всяком случае именно ему решился сообщить о преступлении Сали Осман Оглы, бывший непосредственным свидетелем убийства. Несмотря на то что свидетелю угрожали смертью замешанные в деле шестеро турок, в случае если он расскажет о случившемся, сам Сали Осман Оглы и Мустафа Кибарзаде дали подробные показания.

После Февральской революции 1917 г. находившийся на тот момент в Уральске М. Кибарзаде пытался доказать, что как политический эмигрант не относится к числу военнообязанных турецких подданных. Документы, подтверждающие его статус, по информации М. Кибарзаде, находились «в 3-м участке в гор. Калуге и в канцелярии бывшего полицмейстера», однако в Калуге или в Уральске они были утеряны. Мустафа Кибарзаде писал калужскому губернскому комиссару 25 сентября 1917 г.: «В данное время я, находясь в Уральской областной тюрьме в качестве заложника военнообязанного турецкоподданного разъяснений Временного Правительства что политические эмигранты не входя в состав к военнообязанным и не должны быть как реприсивные»¹².

В архивном деле имеется официальное подтверждение автобиографических сведений, указанных Мустафой Кибарзаде: «Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибар Заде, с товарищами своими действительно прибыли из Турции в Батум 1913 г. которым было разрешено проживать в России, проситель Мустафа Кибар Заде с разрешения бывшего военного губернатора Батумской области, был водворен в город Артвин, который по объявлении войны с Турцией в 1914 году, тамошней администрацией как военнообязанный был водворен во внутренняя губернии России. Были ли у него отобраны какая либо документы, у меня сведений не имеется. Октября 25 дня 1917 г. № 3773. Начальник милиции капитан [подпись]»¹³.

Органы власти Временного правительства не успели решить проблему Мустафы Кибарзаде, и она досталась «по наследству» новой советской власти. Переписка продолжалась по меньшей мере до января 1918 года, итог дела и дальнейшая биография этого политического эмигранта неизвестны.

Судьба Мустафы Кибарзаде напоминает судьбу одного из основателей Коммунистической партии Турции Мустафы Субхи, в начале Первой мировой войны также оказавшегося в Калуге.

Более того, с высокой долей вероятности можно предполагать, что в 1913–1918 гг. они могли быть знакомы.

Личность Мустафы Субхи ранее неоднократно привлекала внимание исследователей — К. М. Ярхо¹⁴, Е. И. Патлажан¹⁵, Ю. Розалиева, А. В. Тихонова¹⁶ и др.

После убийства великого визиря Махмуда Шевкет-паши Мустафа Субхи был, как и Мустафа Кибарзаде, отправлен в синопскую крепость. Как и М. Кибарзаде, Мустафа Субхи бежит отсюда с группой товарищей в марте 1914 г. Первоначально М. Субхи оказывается в Крыму, затем переезжает в Батуми, откуда после вступления Османской империи в Первую мировую войну он был выслан как военнообязанный турецкий подданный¹⁷.

Мустафа Субхи Бей Мевлеви (Мавлеви) Заде, задержанный в Крепостном районе Михайловской крепости прибыл в Калугу в качестве интернированного 2 ноября 1914 г.¹⁸

М. Субхи был поселен в простом постоялом дворе «Орловское подворье» на Старом Торге, получая 20 копеек в день в качестве пособия. По сведениям К. Ярхо, к весне 1915 г. ему удалось переселиться на частную квартиру в дом Горбунова на Благовещенской улице и снять там за 15 руб. комнату с мебелью и отоплением. Занимался репетиторством, давая уроки французского языка¹⁹.

М. Субхи, как и М. Кибарзаде, вместе с основной массой турецких военнопленных был выслан из Калуги на Урал осенью 1915 г.

Работая на уральских заводах, он установил связь с большевиками-подпольщиками. В начале 1918 г. М. Субхи приезжает в Москву, где налаживает издание первой большевистской газеты на турецком языке «Ени дюнья» («Новый мир»). Осенью 1918 г. М. Субхи возглавляет Чрезвычайную комиссию по восстановлению мусульманских революционных организаций Поволжья, Приуралья и Сибири, пострадавших во время белогвардейской оккупации. Также он руководит Казанской научной коллегией, объединившей представителей татарской и башкирской интеллигенции. Была проведена первая общероссийская конференция тюркологов, на которой обсуждался вопрос о реформе графики татарского языка. В марте 1919 г. М. Субхи принимает участие в I конгрессе Коммунистического Интернационала. Затем Субхи направляется в Крым, в Одессу, в Ташкент, участвуя в борьбе с белогвардейцами. 10 сентября 1920 г. в Баку открылся I съезд турецких коммунистических организаций, на котором была создана Коммунистическая партия Турции, председателем которой был избран Мустафа Субхи. Вернувшись в Турцию, он планировал продолжить политическую деятельность, однако в ночь с 28 на 29 января 1921 г. М. Субхи был убит вместе с 14 товарищами²⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что должностные лица различного уровня в Российской империи, зная о нахождении на своей территории хорошо образованных политических эмигрантов с территории воюющего с Россией государства (таких как М. Субхи и М. Кибарзаде), более того — получая от них прошения, в которых подчеркивался их статус и отношение к официальному правительству Османской империи, не придавали этому никакого политического значения.

Во всяком случае в документах не сохранилось никаких упоминаний о попытках использовать М. Субхи или М. Кибарзаде для пропаганды среди турецких военнопленных, турецких военнослужащих на фронтах, населения Османской империи; нет упоминаний и о попытках подготовить их для политической деятельности в Турции после войны для создания лояльных России политических группировок. Разумеется, принимая во внимание идеологические воззрения М. Кибарзаде и в особенности М. Субхи, они могли и не пойти на прямое сотрудничество с царским правительством, хотя формы такого сотрудничества могли быть самыми разными. Кроме того, следует учитывать, что решительное сближение М. Субхи с РСДРП(б) произошло, по всей видимости, уже на Урале, в калужский период его жизни могли быть варианты для диалога.

Судя по документам, турецкие политические эмигранты М. Кибарзаде и М. Субхи были для должностных лиц Российской империи лишь неизбежным обременением, как и сотни простых военнопленных и интернированных турецких подданных. Тем более контрастно выглядит сотрудничество молодой советской власти с М. Субхи, в том числе при работе в регионах с тюркоязычным населением.

Биография Мустафы Субхи в историографии представлена достаточно полно, сегодня есть лишь определенная потребность в некоем обобщающем научном труде с полным набором ссылок

на источники. Это позволит перепроверить имеющиеся сведения и оценить деятельность этого политика уже без идеологического давления, в некоторой степени имевшего место в 1960–1980-е гг.

Что касается Мустафы Кибарзаде, то его жизненный путь изучен недостаточно подробно, хотя, с точки зрения наличия архивных источников, перспективы для этого существуют.

В целом, изучение жизни турецких политических эмигрантов в Российской империи накануне и в период Первой мировой войны может представлять существенный интерес для востоковедов, специалистов по истории России, военных историков и политологов.

Примечания

- ¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 783. Калужский городской полицмейстер. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1, 3, 4, 26, 64.
- ² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 435. Л. 1.
- ³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1090. Л. 171, 183–199.
- ⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 37–38.
- ⁵ ГАКО. Р-109. Калужская городская милиция. Оп. 2. Д. 8. Л. 6, 60б.
- ⁶ ГАКО. Р-109. Оп. 2. Д. 8. Л. 7.
- ⁷ *Киреев Н. Г.* История Турции XX век. М., 2007. С. 84.
- ⁸ ГАКО. Р-109. Оп. 2. Д. 8. Л. 70б.
- ⁹ ГАКО. Ф. 1161 (Калужское сыскное отделение). Оп. 1. Д. 110. Л. 4–6.
- ¹⁰ Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX века / отв. ред. В. В. Курков. Калуга, 2009. С. 172.
- ¹¹ ГАКО. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 110. Л. 4–6.
- ¹² ГАКО. Р-109. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.
- ¹³ ГАКО. Р-109. Оп. 2. Д. 8. Л. 9.
- ¹⁴ *Ярхо К. М.* Мустафа Субхи в Калуге // Третья (юбилейная) конференция Калужской области. Калуга–Обнинск, 1971. С. 62–65.
- ¹⁵ *Патлажан Е. И.* Из биографии Мустафы Субхи // Азия и Африка сегодня. 1970. № 11. С. 53.
- ¹⁶ Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во вт. пол. XIX — нач. XX в. / отв. ред. В. В. Курков. Калуга, 2009. С. 152–168.
- ¹⁷ Калужская энциклопедия / под ред. В. Я. Филимонова. Калуга. 2000. С. 557.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1091. Л. 17.
- ¹⁹ *Ярхо К. М.* Мустафа Субхи в Калуге // Третья (юбилейная) конференция Калужской области. Калуга–Обнинск, 1971. С. 63–64.
- ²⁰ *Розалиев Ю.* Мустафа Субхи — революционер, интернационалист // Азия и Африка сегодня. 1983. № 4. С. 22–23.

КАЛУЖСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ В. В. ГЛАГОЛЕВА (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н. В. Зиновкина,

*зам. директора ГКУ Калужской области
«Государственный архив Калужской области»*

В 2016 г. в Калуге увидела свет книга В. А. Скрипкина «Генералы — уроженцы земли Калужской». Задача книги, по словам ее автора, показать нам уроженцев земли Калужской, ставших генералами, напомнить о них¹. Мы не будем подробно разбирать достоинства книги, потому что сама идея ее заслуживает всяческого уважения. К сожалению, реализация идеи получилась не совсем удачной. Возможно, в книгу вкралась только одна ошибка, тем не менее ее необходимо исправить.

¹ *Скрипкин В. А.* Генералы — уроженцы земли Калужской. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2016. С. 10.

В биографии Героя Советского Союза В. В. Глаголева, уроженца г. Калуги, выдающегося полководца, именем которого названы улицы не только в Калуге, но и в других городах, до сего дня имеются досадные ошибки. Даже на надгробном памятнике на Новодевичьем кладбище в Москве указана неверная дата рождения, хотя по отметке отдела ЗАГС г. Калуги справка о рождении полководца была выдана 27 июля 1949 г.¹ (умер Глаголев, напомним, в 1947 г.).

Биография каждого отдельного человека складывается прежде всего из документированных фактов. Когда официальные документы утрачены, тогда возможно использование других источников. В случае с Глаголевым с сохранностью документов все в порядке. Мы сейчас говорим о тех документах, которые могут рассказать о детстве и отрочестве полководца. Хранятся они в Государственном архиве Калужской области и доступны для изучения. Парадокс заключается в том, что документы эти не востребованы. Это не было бы критичным, если бы факты калужской биографии полководца не были искажены во всех изданиях, так или иначе посвященных генералу.

Повторяя издание «Калужане—Герои Советского Союза, Герои России»², «Калужскую энциклопедию»³, автор книги о генералах-калужанах пишет о В. В. Глаголеве: «Будущий Герой Советского Союза и прославленный полководец Великой Отечественной войны Василий Васильевич Глаголев родился 19 февраля 1898 года в семье калужского врача-дантиста. Он рано лишился отца. Матери его, Клавдии Александровне, пришлось приложить немало сил и умения, чтобы вырастить детей и дать им образование. Василия, окончившего в 1910 году начальное училище, пришлось устраивать для дальнейшего прохождения учебы в казенное реальное училище. Когда через 7 лет училище было окончено, в июле 1917 года власти Временного правительства призвали Василия Глаголева в армию»⁴.

В этот отрывок уложился весь калужский период биографии Глаголева, и любое утверждение здесь нуждается в уточнении. Причем в 1998 г. эти уточнения были уже сделаны: В. А. Бессонов в статье «Тайна рождения генерала», опубликованной в газете «Знамя», уточнил и дату рождения Глаголева, и время его обучения в реальном училище, и историю вступления в действующую армию⁵. Поскольку статья эта, по-видимому, затерялась среди краеведческих публикаций, считаем своим долгом напомнить о сообщаемых в ней сведениях и привести некоторые ранее не известные факты.

В метрической книге Васильевской церкви г. Калуги за 1900 г. имеется запись о рождении будущего полководца. Он родился 21 февраля 1900 г. в семье «состоящего на государственной службе по Министерству внутренних дел фельдшера Василия Егоровича Глаголева и законной жены его Клавдии Александровны». Восприемниками при крещении были потомственный гражданин Василий Андреевич Лебедев и дочь губернского секретаря девица Анна Александровна Никольская⁶.

В архивном фонде Калужского городского сиротского суда имеется дело об учреждении опеки над имением и малолетними детьми умершего коллежского регистратора Василия Егоровича Глаголева⁷. В деле содержатся любопытные документы о семье В. В. Глаголева. Прежде всего это копия формулярного списка о службе отца на 1911 г.⁸ Из формулярного списка узнаем, что Василий Егорович происходил из духовного звания, родился 6 марта 1864 г., обучался в Калужской земской фельдшерской школе; врачебным отделением Калужского губернского правления утвержден в звании фельдшера с выдачей свидетельства 27 июля 1883 г. «Калужским уездным по воинской повинности присутствием по приемному формулярному списку ... принят на службу 16 ноября 1885 г. Начало службы считается с 1 января 1886 г. Уволен в запас 1 января 1889 г. сроком по 1 января 1904 г.» В январе 1898 г. принят на службу фельдшером при Управлении Сызрано-Вяземской железной дороги. 20 марта 1900 г. Конференция Императорской Военно-медицинской

¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 4. Д. 304. Л. 619об.

² Поленков К. А., Романова Т. В., Хромиенков Н. А. Калужане—Герои Советского Союза, Герои России. Калуга: Золотая аллея, 2000. С. 89.

³ Калужская энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Калуга: Издательство Н. Ф. Бочкаревой, 2005. С. 95.

⁴ Скрипкин В. А. Указ. соч. С. 75.

⁵ Бессонов В. Тайна рождения генерала // Знамя. 1998. 26 мая. № 96. С. 7.

⁶ ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 304. Л. 619об.—620.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205.

⁸ Там же. Л. 2—4об.

академии после произведенных испытаний выдала Глаголеву свидетельство на звание дантиста. В 1906 г. за выслугу лет В. Е. Глаголев был произведен в коллежские регистраторы. В. Е. Глаголев находился в отставке по прошению с 1 июля 1906 по 14 октября 1910 г. «В воздаяние особых трудов и заслуг, оказанных при Калужской общине сестер милосердия Красного Креста Всемилолюбивейше пожалован в 15 день мая 1908 года кавалером ордена Св. Станислава III степени». В 1910 г. В. Е. Глаголев вернулся на фельдшерскую службу в Управление Сызрано-Вяземской железной дороги, а 21 марта 1912 г., как свидетельствует выписка из метрической книги Воскресенской церкви г. Калуги за 1912 г., умер от хронического воспаления легких.

После смерти мужа Клавдия Александровна обратилась в Калужский сиротский суд с прошением назначить ее опекуницей над движимым имением мужа, его капиталом в размере 200 руб., хранящимся в пенсионной кассе Управления Сызрано-Вяземской железной дороги, и малолетними детьми Петром, Василием и Юлией¹. Прошение было удовлетворено. Надо сказать, что у В. В. Глаголева было трое старших братьев: Павел, родившийся 11 мая 1893 г., Александр — 14 января 1895 г., Петр — 13 апреля 1897 г. — и младшая сестра Юлия, родившаяся 20 декабря 1901 г.² Про Александра на сегодняшний день ничего не известно. Павел в 1912 г. обучался в 8 классе Калужской Николаевской гимназии и просил сиротский суд назначить мать его попечительницей, дальнейшие следы его теряются. Петр обучался в Калужском казенном реальном училище, умер 2 августа 1913 г.³ Юлия обучалась сначала в приходском училище, затем в Калужской казенной женской гимназии⁴.

В 1912 г. Василий держал приемные испытания в Калужское казенное реальное училище. В Списке державших приемные испытания в реальное училище в 1912 г. указано, что обучался он в частной школе. Экзамены были сданы успешно (закон божий — 4; русский язык — 4; арифметика — 5), и Василий был зачислен в первый класс училища⁵.

Документы архивного фонда Калужского казенного реального училища позволяют проследить, как учился В. Глаголев и по какой причине он покинул училище.

В младших классах обучение Глаголева проходило успешно (не удалось обнаружить балловую ведомость за 3 класс): учился он хорошо, в первом классе по успехам был 4-м (из 39 учеников)⁶, во втором — 9-м (из 45 учеников)⁷, поведением отличался примерным, уроки пропускал только по уважительной причине. В четвертом классе отметки становятся хуже, по итогам 1915/16 учебного года Глаголев 32-й в классе из 35 учеников, пропускает много уроков по уважительной причине (170 за год), имея при этом пятерку по поведению⁸.

Следует еще отметить, что у Глаголева был материальный стимул хорошо учиться: во все время обучения он либо был освобожден от платы за обучение, либо ему выдавалось пособие в 10 рублей из специальных средств училища⁹. Кроме того, Московская экспедиция Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии с 1 января 1914 г. назначила К. А. Глаголевой на воспитание сына Василия пособие в размере 90 рублей в год¹⁰.

В протоколе заседания педагогического совета Калужского реального училища от 12 мая 1916 г. имеется запись о переводе Глаголева Василия, ученика 4-го параллельного класса, в 5 класс¹¹.

Но уже 12 декабря 1916 г. педагогический совет училища слушает «прошение Глаголевой о выдаче ее сыну, ученику 5 кл., Глаголеву Василию, свидетельства за 4 класса и аттестата на право вступить вольноопределяющимся 2-го разряда». Постановление педагогического совета гласило:

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 11.

² Там же. Л. 3, 7, 9, 13.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 15об., 21, 41.

⁵ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1101. Л. 13об. — 14, 52об.

⁶ Там же. Д. 1108. Л. 55об. — 56.

⁷ Там же. Д. 1224. Л. 99об. — 100.

⁸ Там же. Д. 1448. Л. 205об. — 206.

⁹ Там же. Д. 1175. Л. 18, 80об.; Д. 1273. Л. 17об., 77об.; Д. 1410. Л. 9об., 79; Д. 1599. Л. 27об.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 17–17об.

¹¹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1599. Л. 53об.

«ученика 5 кл. Глаголева Василия считать выбывшим из училища по прошению матери и выдать ему свидетельство за 4 кл. и аттестат на вольноопределяющегося 2-го разряда»¹.

Таким образом, мы имеем документальные подтверждения, что В.В. Глаголев родился 21 февраля (по старому стилю) 1900 г., обучался сначала в частной школе (какой, установить не удалось), затем в Калужском казенном реальном училище, которое не окончил, потому что выбыл из него в декабре 1916 г. для поступления вольноопределяющимся в действующую армию. При этом в отчете об опеке, представленном К. А. Глаголевой в сиротский суд 18 февраля 1917 г., сообщается: «...дети мои Василий и Юлия живы и здоровы и в данное время находятся при мне. Василий поступает добровольцем в действующую армию»².

К настоящему времени по документам Государственного архива Калужской области установить, когда именно В.В. Глаголев отбыл в действующую армию, не удалось. Тем не менее некоторый свет на факты биографии будущего генерал-полковника нам пролить удалось.

РОЛЬ В.В. АССОНОВА В ЖИЗНИ И УВЕКОВЕЧИВАНИИ ПАМЯТИ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

О. Н. Зимнухова,

старший научный сотрудник,

ФГБУК «Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского»

В литературе неоднократно упоминалось о знакомстве Константина Эдуардовича Циолковского с Василием Ивановичем Ассоновым и его сыновьями Александром и Владимиром. Это знакомство оставило заметный след в жизни основоположника космонавтики [1–4].

«...Братья Ассоновы были редкими людьми: высокой культуры, большой души и ума,— пишет Ю.И. Миленушкин, внук В.И. Ассонова.— Оба были страстными и сильными шахматистами и превосходно фотографировали, что в те годы было редкостью. Целый ряд фотографий Циолковского (если не большинство) принадлежат им, особенно Владимиру Васильевичу. ... Владимир Васильевич Ассонов — ученый-геолог и видный организатор культуры в Калуге в первые годы советской власти. Много содействовал изданию работ К.Э. Циолковского, заботился о его благополучии в трудные годы разрухи. ... Владимир Васильевич умер в Москве в возрасте 86 лет. Он оставил неоконченные воспоминания о Циолковском» [5].

Неопубликованные мемуары В.В. Ассонова, его переписка с К.Э. Циолковским, частными лицами, официальными организациями и другие документы, хранящиеся в фондах Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского (ГМИК), Архиве Российской академии наук (РАН), Государственном архиве Калужской области (ГКУ «ГАКО») и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), явились предметом исследования данной работы.

Мемуары В.В. Ассонова представляют собой черновые наброски записей от впечатлений детских лет до воспоминаний человека зрелого возраста, а также его переписку с К.Э. Циолковским в 1919 г. Благодаря тонкой наблюдательности и острому взгляду на события Владимир Васильевич за простыми, будничными рассказами и мелкими, на первый взгляд, подробностями помогает по-новому увидеть значимые события в жизни Циолковского и дополнить его портрет новыми штрихами.

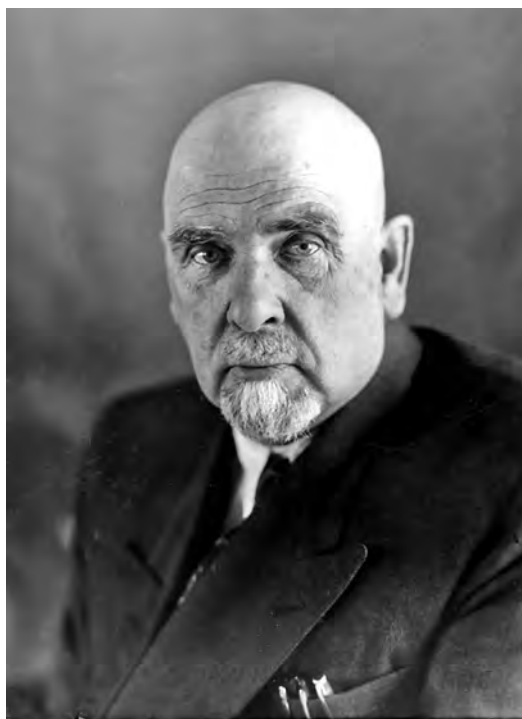
Трогательны его детские воспоминания об «астрономических вечерах», устраиваемых «осенью в августе» на террасе дома Ассоновых, о прогулках с Циолковским на лодках «вверх по Оке к селу Спасскому» к полуразрушенной барже, на которой Циолковский обучал молодежь ходить по ее борту, держа весло, как балансир, о сигарообразных моделях для воздуходувки, «складывающихся и нескладывающихся», искусно сделанных «из толстого бристольского картона и из тонкой проволоки», о походах ученого на рынок за покупками для семьи и себя лично [«Да, вот

¹ ГАКО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1599. Л. 109об.—110.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 34.

еще купил жене на юбку. Любе — на кофточку. Знаете, надо... И себе на рубашку... Мне ведь все равно, какой цвет, я на это не обращаю внимания...»] и просто маленькие заметки о пребывании в гостях [«К. Э. — хотите чаю?! — Да не стоит, пожалуй, горло простудишь ... Да что вы, К. Э., говорю, выпейте чаю с вареньем, теперь тепло. — Ну да, пожалуй, один стакан выпью... И через несколько секунд прибавил: а для Вас-то самих хватит?») [6, л. 7, 33].

Владимир Васильевич часто бывал у Циолковских, и он не мог не заметить, что события 1918 г. обострили отношения в семье Константина Эдуардовича. Вот что он пишет: «Революция принесла в скромный домик-особняк на Коровинской (ул. Брута) улице новые веяния, заставила К. Э. по-новому посмотреть на окружающую общественно-политическую обстановку. Революционная струя пришла от молодежи. Его дочь Аня стала комсомолкой. Вышла замуж за большевика Ефима Киселева. К. Э. долго и тяжело переживал это событие, которое во многом не соответствовало его взглядам. Горячие длительные дебаты, жестокие споры политического характера захватили семью Циолковского, и сам К. Э. нередко был ярым спорщиком с Киселевым.

Владимир Васильевич Ассонов
(1884–1971)

Эти нерешенные вопросы политики и быта утомляли К. Э., отрывали его от творческих мыслей и работы и иногда на длительные сроки выбивали его из «колеи» [6, л. 12].

В той части воспоминаний, которые «относятся к первому послереволюционному десятилетию (1918–1926), может быть, к самому интересному периоду его жизни — к началу его всенародного и официального признания как ученого исследователя-изобретателя и мыслителя», мы узнаем, что «освоение нового революционного государственного строя проходило трудно», о недоверчивом отношении Циолковского к происходящему, о его опасениях «за судьбу и результаты своих изобретений, исследований...» Узнаем и о том, что «процесс акклиматизации» к новому порядку внес лишь 1921 год — «год назначения ему пенсии и академического пайка». Владимир Васильевич пишет: «К. Э. был доволен. В его представлении это настолько большие суммы, что периодическое их получение казалось ему почти невозможным. «Знаете, говорил он, ведь этих 300 000 мне на всю жизнь хватит...» [6, л. 11, 3–4; 20] (Роль В. В. Ассонova в деле назначения пенсии К. Э. Циолковскому освещена в докладе А. В. Костина «К. Э. Циолковский и В. В. Ассонов», прочитанного на XIII Научных чтениях К. Э. Циолковского, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского) [3].

Будучи прекрасным фотографом, оставившим, по мнению исследователей, наиболее ценные фотопортреты Циолковского, Владимир Васильевич и в словесных описаниях внешнего облика ученого улавливает те существенные изменения, которые вносит время в определенный период его жизни. Вот примеры этого. Запись 1919 года: «Серо-желтое лицо со впалыми щеками, с несколько болезненным оттенком. Голод и недоедание наложили свои отпечатки на общий усталый вид. Часто болеет — то простуда, то просто нездоровье, желудочные неполадки. Внутренний мир ущерблен семейным горем. Сквозь всю тяжесть жизни проходит непоколебимая воля к труду, к продумыванию и осуществлению своих идей — строгий режим в жизненном распорядке». В 1928 г. описывает его так: «Черно-серые с проседью волосы, широкий высокий лоб, крупный нос, большая растрепанная борода, внимательные серо-голубоватые глаза, цвет лица в основном желтый, кожа рук (уже старческих рук!) желтая, сухая, с морщинами. Руки еще сильные и крепкие. В теле чувствуется грузность, одутловатость, не полнота. Вот в общих чертах облик К. Э. Циолковского» [6, л. 2].

К. Э. Циолковский с моделями оболочки дирижабля собственной конструкции, изготовленными по проекту № 3. 1925 г., не позднее 10 марта, г. Калуга. Фотограф В. В. Ассонов

В. В. Ассонов отмечает, что Константин Эдуардович предпочитал свободный стиль одежды, не стесняющий движений, и галстук был не самым почитаемым им аксессуаром: «Черный сюртук с шелковым галстуком К. Э. надевал в редких, исключительных случаях: он как-то не вязался с вкусами К. Э., предпочитавшего всегда легкую простую одежду «ресефесерку» — свободную блузу с открытым воротником, с карманами — широко распространенный костюм первого десятилетия революции. Я уже точно не помню, по какому случаю К. Э. облачился в сюртук, и мне представился случай сделать с К. Э. парадный фотоснимок» [6, л. 2].

Помимо удачных фотопортретов ученого, В. В. Ассонов сделал серию снимков, документирующих историю создания в Калуге модели оболочки дирижабля № 3 системы К. Э. Циолковского, которая строилась при поддержке Калужского губсовнархоза, а также изготовил для ученого фотокопии чертежей оболочки дирижабля. О том участии, которое принимал В. В. Ассонов в жизни Циолковского, наверное, мы знаем далеко не все, но, судя по фактам из воспоминаний, можно сделать вывод, что было оно безотлагательным, бескорыстным и действенным: «...Между семьями К. Э. Циолковского и В. И. Асонова, — пишет Владимир Васильевич, — была дружба и взаимное уважение». Еще при жизни отца, Василия Ивановича Асонова, сложилась теплая, дружеская традиция своеобразной опеки К. Э. от каких-либо житейских невзгод: возможная помощь по каким-нибудь домашним делам и, конечно, в основном, по части его изобретений и по охране его здоровья» [6, л. 12]. Он отмечает, что и калужан, которые оказывали Циолковскому помощь в его научных работах и в распространении его исследований в дореволюционные годы, было не так уж мало. В его воспоминаниях мы читаем: «...К. Э. к 1918–19 году имел уже довольно постоянный круг лиц, для которых жизнь и работы К. Э. были далеко не безразличны» [6, л. 11]. Большую поддержку, в частности, он получил от Калужского общества изучения природы местного края, созданного в 1910 г. в Калуге и на первом же собрании избравшего его своим почетным членом. Это Общество первым в России признало выдающееся значение научных трудов К. Э. Циолковского. «Извещение К. Э. об избрании его почетным членом Общества, — сообщает

Владимир Васильевич, — было поручено мне. К. Э. принял это извещение очень тепло и ответил на него письмом в Общество 28 декабря 1910 г. Позволю себе привести небольшую выдержку из этого письма. После обращения к Федору Мефодьевичу он писал: «Через Вас еще раз имею честь благодарить Общество за избрание меня, недостойного, в почетные члены. Я очень занят своими работами, заменить меня некому, свободного времени у меня только — праздники, да и в те приходится проверять тетрадки, жить осталось тоже немного; поэтому я откажусь пока от узкоспециальных докладов, которые между тем отвлекут меня от моего дела. Буду лучше помнить его высокую поддержку и при случае постараюсь быть ему полезным». . . и затем подпись» [6, л. 8–9]. Константин Эдуардович, — продолжает Владимир Васильевич, — был в поле зрения руководителей этого краеведческого научного Общества и всегда пользовался большим вниманием и заботой о нем. Руководители Общества и три-четыре семьи, по существу, являлись тем моральным окружением, благодаря которому К. Э. не чувствовал одиночества, мог делиться своими небольшими радостями и огорчениями. В Калужском обществе изучения природы и местного края, в реальном училище у его директора и председателя Общества Федора Мефодьевича Шахмагонова, у меня или через меня доставал интересующие его книги или какие-нибудь материалы и инструменты» [6, л. 12–13].

«Во время империалистической войны, — вспоминает Асонов, — я был на фронте, и к моему возвращению в Калугу в 1918 году общественное окружение К. Э. несколько изменилось за отходом старых друзей К. Э. Создавалась новая обстановка. Время стало трудным и в продовольственном отношении, и в получении каких-либо материалов для опытов и строительства моделей воздушных кораблей» [6, л. 13]. В письме, направленном Асоновым ученому секретарю Комиссии Академии наук СССР по разработке научного наследия К. Э. Циолковского Б. Н. Воробьеву, мы читаем: «В Калуге я занимал достаточно ответственное положение, а по научной линии был связан с Москвой — с ВСНХ, с рядом главков (Главуголь, Главруда, Главнаука), а также с Наркомпросом. Кроме дружественных связей с рядом руководящих работников в области промышленности и науки, я лично знал и наркома А. В. Луначарского. Последний знал моего отца и, следовательно, немного знал и меня. Возобновление взаимоотношений с Константином Эдуардовичем повело к большой дружественной связи, и я сделался для К. Э. «комендантом» по охране здоровья, оказания бытовой помощи и научной деятельности К. Э.» [7].

В 1918–1919 гг. Константин Эдуардович преподавал физику в школе. «Он частенько болел, вернее, испытывал недомогание. В 1919 г. Калужское общество изучения природы возобновило издание своих «Известий». Конечно, я, как член Совета общества и редактор «Известий», — пишет В. В. Асонов, — не мог не просить К. Э. включиться в число авторов». «К. Э. наметил к изданию свою работу «Кинетическая теория света». Обычно Общество «гонорара» не платило, так как вообще в Обществе денег не было, вместо них был только энтузиазм. Но гонорар сорганизовали. К. Э. писал мне (К. Э. Циолковский часто пользовался почтовыми услугами, так как жил сравнительно далеко от В. В. Асонова. — О. З.) 19 февраля 1919 года: «Многоуважаемый Владимир Васильевич! Сто рублей получил. Это лишнее. . . Поклон Вашей матушке и благодарность от меня моим доброжелателям»¹ [6, л. 15].

Переписка 1919 г. между Циолковским и Асоновым позволяет проследить процесс подготовки к изданию трудов ученого. Владимир Васильевич указывает на то, что «к печати своих работ К. Э. относился очень строго. 27 мая он пишет мне: «Рукопись о свете проверена и к Вашим услугам. Если найдете возможным печатать, сообщите, пришлю с Ваней. У меня бронхит, и я сижу дома. Буду рад Вас видеть. Ваш К. Циолковский. Теперь застанете во всякое время» [6, л. 16]. По затрагиваемым в переписке темам, степени откровенности, тону и стилю общения видно, насколько искренними и сердечными были отношения этих людей. Она же позволяет ощутить дух времени первой пятилетки — периода голода и холода, когда предметов первой необходимости нельзя было купить ни за какие деньги. Конечно, в это время помощь Асонова была для Циолковского неоценима. Он доставал для ученого бумагу, простую и копировальную,

¹Это была незначительная «корзиночная» продовольственная помощь, обычно передаваемая через Варвару Евграфовну.

необходимые книги, керосин, продукты, инструменты, но особую радость испытывал Константин Эдуардович от получения из типографии своих напечатанных трудов. «В декабре, — пишет Владимир Васильевич, — «Известия» вышли в свет. К. Э. была направлена его рукопись и оттиски «Кинетической теории света». 12 декабря К. Э. писал мне: «Глубокоуважаемый Владимир Васильевич! Рукописи и оттиски получил. Спасибо! Удивляюсь Вашей энергии. Недаром Вы сын Василия Ивановича!» [6, л. 19].

Благодаря В. В. Ассонову, вышли в свет брошюры «Воздушный транспорт», «Гондола воздушного корабля», «Богатства Вселенной», статья «Кинетическая теория света». В 1920 г. Калужское общество изучения природы и местного края выпустило повесть «Вне Земли» отдельной книгой тиражом 300 экземпляров. У нее оказалась широкая читательская аудитория. Книга стала известной и за рубежами нашей страны — в Берлине, в Вене.

В период 1920–21 гг., когда Владимир Васильевич возглавлял Калужское общество изучения природы и местного края, он принял деятельное участие в деле Киевгубсовнархоза. В воспоминаниях им подробно описываются события того времени: «Циолковский по своей великой доверчивости к людям «уполномочил» неизвестного ему поклонника его идей Федорова, проживающего в Киеве, содействовать распространению проекта строительства дирижаблей конструкции Циолковского» [6, л. 24]. Как следствие, планировался переезд Циолковского в Киев. «Мне, человеку очень близкому к Константину Эдуардовичу в это время, — пишет Владимир Васильевич, — ничего не было известно, что Циолковский собирается в это «смутное» время покинуть Калугу, в которой он прожил около 30 лет... Поэтому «В переписку совнархозов пришлось вступить и мне, пишущему эти строки. От имени Калужского общества изучения природы и местного края (ныне покойного) как его руководитель я запросил разъяснения по существу «дела» у Научно-технического совета Киевского губсовнархоза» [6, л. 24]. В результате переписки, продолжавшейся с октября 1920 по январь 1921 г., обстоятельства дела Владимиром Васильевичем были выяснены, и недоразумение, связанное с Федоровым, устранено. По мнению А. В. Костина, «... именно эти переговоры с Киевом заставили руководителей Калужского совнархоза подумать о том, чем можно помочь своему знаменитому земляку, и... большая заслуга в этом принадлежала Владимиру Васильевичу Ассонову» [3].

В 1920-е гг. Ассонов переехал в Москву и долгое время переписывался с Циолковским. О глубочайшем уважении и бесконечной преданности ученому свидетельствует текст поздравительной телеграммы В. В. Ассонова в день семидесятипятилетия Константина Эдуардовича: «Калуга Циолковскому. Дорогой Константин Эдуардович! В день Вашего юбилея шлю Вам самый сердечный привет. Вспоминая тяжелый путь борьбы за Ваши идеи и непоколебимость Вашего духа, радуюсь юбилейному дню Вашего общего признания. Шлю пожелания здоровья плодотворной работы многие годы [на] пользу человечества. Почтительный привет Вашей супруге, любви и заботе которой человечество обязано сохранением Ваших сил. Теплый привет — поздравление Вашей дочери Любви Константиновне. Владимир Ассонов» [6, л. 35].

После смерти ученого В. В. Ассонов рецензировал книги, посвященные жизни и деятельности К. Э. Циолковского, вел большую переписку с учреждениями и организациями страны и частными лицами. Большой заслугой В. В. Ассонова является его участие в борьбе за чистоту образа К. Э. Циолковского в киноискусстве. Из письма ученому секретарю Комиссии Академии наук СССР Борису Никитичу Воробьеву: «Вам, конечно, известны все искажения жизни К. Э. Ц. так называемыми писателями и кинематографистами — Дар, Львов, Рябчиков, Соловьев, Монастырев и др. и даже учеными мужами, как, напр., Победоносцев, профессор, благословивший кинокартину «Человек с планеты Земля»» [7].

Необходимо сказать, что создание именно этой первой историко-биографической киноленты о калужском периоде жизни «патриарха звездоплавания» сопровождалось большими трудностями [8]. Ознакомившись со сценарием, Б. Н. Воробьев категорически отказался консультировать процесс съемок, объясняя это в письме А. А. Благодярову следующим образом: «Авторы тт. Ежов и Соловьев не решились даже назвать имени Циолковского, подали его под вымышленной фамилией Старцев. Он изображен на фоне дореволюционного калужского быта со включением в него извращений, трюков (для придания «интересности») и нелепых вымыслов» [9].

Одним из первых, кто немедленно отреагировал на недоработки сценария, был В. В. Асонов. Им были написаны письма:

- Секретарю ЦК КПСС и председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву:

«В последние 2–3 года и несколько раньше, вплоть до наших дней, имя, честь и достоинство нашего гениального ученого-самоучки Константина Эдуардовича Циолковского являются предметом бессовестной эксплуатации лиц, считающих себя писателями и работниками киноискусства». Он выдвигает предложение: «...при Постоянной Междуведомственной Комиссии по межпланетным сообщениям Академии Наук или в секции астронавтики Центрального аэроклуба СССР образовать группу по просмотру литературных и киносценарных произведений, с правом изъятия и запрета опубликованных мест, искажающих жизнь и творчество ученого» [10]. Копия письма была направлена президенту Академии наук А. Н. Несмеянову.

- Министру культуры СССР Н. А. Михайлову: «По-видимому, система утверждения к производству сценариев т. н. «Художественным Советом» порочна в основном и допускает безответственное творчество съемщиков-сценаристов...» [11].
- Директору киностудии им. М. Горького Г. И. Бритикову: «Я более чем кто-либо другой приветствовал бы хороший, умный фильм о человеке, с которым много лет был связан дружескими отношениями, и не только я, но семья наша и мой отец, понимающий и всемерно поддерживающий Циолковского. Надо понять сущность творчества Циолковского и величие его идей, его духовный облик» [12].

Письма, подхваченные волной возмущенной общественности с критикой в адрес фильма, сделали свое дело: сценарий был существенно переработан, в результате чего в январе 1959 г. на экраны страны вышел фильм «Человек с планеты Земля».

В 1959 г. на Всесоюзном кинофестивале в Киеве актеру Ю. Э. Кольцову за роль Циолковского была присуждена вторая премия, а в 1960 г. в Праге на конгрессе Международного союза технических кинематографических ассоциаций фильм «Человек с планеты Земля» был удостоен премии за качество трюковых съемок.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. В. В. Асонов принимал активное участие в обсуждении вопроса о создании музея истории космонавтики в Калуге.

В апреле 1959 г. в газете «Литература и жизнь» было опубликовано письмо в редакцию «Создать музей освоения космоса», подписанное академиком И. П. Бардиным, в то время вице-президентом Академии наук СССР, академиком А. А. Благоднавым, Л. Н. Седовым, А. Н. Туполевым и другими учеными. В письме говорилось о необходимости создания музея истории реактивной техники и космонавтики имени К. Э. Циолковского.

В ответ на обращение крупнейших советских ученых 13 мая 1960 г. Совет министров РСФСР вынес решение о строительстве Государственного музея К. Э. Циолковского. Насколько это было непростым делом, мы можем судить из письма В. В. Асонова министру культуры СССР от 23 августа 1960 г.: «Правительство Российской Федерации ассигновало Калужскому Облисполкому 14,7 мил. руб. на благоустройство города Калуги, в том числе и на строительство Музея имени К. Э. Циолковского. Под строительство музея предполагается отвести часть парка им. К. Э. Циолковского (бывш. т. н. загородного сада), парка, в котором находится могила ученого. Здание Музея предполагается создать применительно к типовому проекту средней школы в 3 этажа. Мне кажется, место и тип здания выбраны весьма неудачно, так как парк сравнительно невелик и частично уничтожить его нельзя — ведь это мемориальный парк, с которым в жизни К. Э. Циолковского были связаны светлые, хорошие дни. Основное, на что я хочу обратить внимание ЦК КПСС и министра культуры СССР, — это выбор типа проекта здания средней школы».

Владимир Васильевич вносит предложение: «...Музей имени К. Э. Циолковского должен быть построен не коробкой школьного здания, как считает Калужский городской совет, а иметь вид Дворца-Музея, созвучного по своей архитектуре нашей эпохе... Старый Загородный сад, ныне им. Циолковского, где могила великого ученого, — это мемориальный парк, парк уединения и мечты великого человека, и его надо сохранять в целостности, засадить места потравы». Владимир Васильевич выдвигает ряд конструктивных предложений по созданию музея и в качестве основополагающего предлагает: «Ввиду большой значимости научно-технического музея

К. Э. Циолковского в г. Калуге как памятника гениальному творцу ракетной техники и освоению Космоса, его общественного и мирового значения полагал бы присвоить Музею наименование — «Государственный музей астронавтики им. К. Э. Циолковского в г. Калуге» и следует сделать его филиалом Академии наук СССР со всеми вытекающими из этого последствиями» [13, л. 1–3].

Госстрой РСФСР, Союз архитекторов СССР и Калужский облисполком объявили открытый конкурс на проект нового здания музея. Проекты активно обсуждались калужской общественностью. М. Е. Филиппов в письме В. В. Асонову от 4 марта 1961 г. сообщает «об общественном собрании», проходившем «28 февраля в 6 ч. во Дворце пионеров», на котором рассматривались «30 отобранных и направленных в Калугу проектов здания музея». В переполненном зале сталкивались разные мнения, «но ни один проект, — пишет он, — сполна удовлетворяющим не был... Большинство отнеслось отрицательно к использованию для музея с его помещениями... парка с могилой Циолковского на его окраинной исторической и любимой Гоголем и Циолковским площадке, засаженной сотнями 25-летних лип...» Было принято решение продлить конкурс» [14, л. 4–5]. Точно такие же экземпляры писем получили Б. Н. Воробьев, В. Н. Чухров и С. В. Земблинов.

Действительным членом Всесоюзного Географического общества Н. М. Масловым и преподавателем ВПШ при ЦК КПСС, членом бюро Всесоюзной секции астронавтики В. Н. Чухровым для газеты «Известия» была написана статья «Таким ли должен быть музей имени К. Э. Циолковского?» [15, л. 15–17].

В результате проделанной работы удалось отстоять нетронутую территорию парка.

В письме начальника Главного управления культпросветучреждений М. Соловьева об этом сообщается: «Место для размещения этого здания выбрано удачно: на пустыре, рядом с парком К. Э. Циолковского. При этом не затрагивается ни малейшей части этого парка, состоящего под государственной охраной» [16, л. 10].

Из более чем 230 представленных на конкурс проектов победил проект, авторами которого были архитекторы Б. Г. Бархин, Е. И. Киреев, Н. Г. Орлова, В. А. Строгий и К. Д. Фомин. За него авторский коллектив был удостоен Государственной премии РСФСР в области архитектуры за 1969 г.

В связи с бурными темпами развития космонавтики в ходе строительства и создания экспозиции выяснилось, что по своему содержанию и наполнению экспозиция выходит за рамки наименования «Государственный музей К. Э. Циолковского». Поэтому по предложению Академии наук СССР Совет Министров РСФСР присвоил новое наименование: «Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского», чем и определил окончательный профиль музея [17].

Все вышеизложенное позволяет существенно расширить наше представление о взаимоотношениях В. В. Асонова и К. Э. Циолковского и по достоинству оценить роль этого человека в жизни и в увековечивании памяти основоположника теоретической космонавтики.

Список литературы

1. *Калашиникова Л. В.* Семья Асоновых в Калуге // Труды XXXI Чтений К. Э. Циолковского. Секция «Исследование научного творчества К. Э. Циолковского и история авиации и космонавтики». М., 1999. С. 111–113.
2. *Энгельгардт Л. Т.* Циолковский и передовые люди Калужского края // Труды XIII–XIV Чтений К. Э. Циолковского. Секция «Исследование научного творчества К. Э. Циолковского и история авиации и космонавтики». М., 1982. С. 135–144.
3. *Костин А. В.* К. Э. Циолковский и В. В. Асонов (некоторые новые материалы) // Там же. С. 77–84.
4. *Тимошенкова Е. А.* Связь К. Э. Циолковского с Нижегородским кружком любителей физики и астрономии и Калужским обществом изучения природы и местного края // Труды XV–XVII Чтений К. Э. Циолковского. Секция «Исследование научного творчества К. Э. Циолковского и история авиации и космонавтики», М., 1983. С. 129–138.
5. ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 101. Л. 82–83 (*Миленушкин Ю. И.* Автобиография. 14 февраля 1971 г.).
6. АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Д. 77-б. Л. 1–35 (*Асонов В. В.* Из мемуаров о К. Э. Циолковском).

7. АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Д. 103 д. Л.1–7. Л.1–2 (Ассонов В. В. Письмо Б. Н. Воробьеву о роли профессора Анощенко в жизни К. Э. Циолковского от 2 октября 1959 г.).
8. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Ед. хр. 417. Л.1–97. Л. 5 (Ежов В., Соловьев В. Заявка на литературный сценарий «Человек с планеты «Земля». 2-й вариант. 21.03.1956).
9. ГМИК. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 138. Л. 1–47 (Воробьев Б. Н. Письмо А. А. Благоднарову от 16.02.1957).
10. ГМИК. Ф.6. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 1–84. Л. 15 (Ассонов В. В. Письмо Н. С. Хрущеву от 29.04.1958).
11. Там же. Л. 53 (Ассонов В. В. Письмо Н. А. Михайлову от 06.07.1958).
12. Там же. Л. 65. (Ассонов В. В. Письмо Г. И. Бритикову от 24.07.1958).
13. АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Ед. хр. 103 в. Л.1–3 (Ассонов В. В. Письмо министру культуры СССР от 23 августа 1960 г., 4 марта 1961 г.).
14. Там же. Л.4–5 (Филиппов М. Е. Письмо В. В. Ассонову от 4 марта 1961 г.).
15. Там же. Л.15–17 (Чухров В. Н., Маслов Н. М. Статья).
16. Там же. Л. 10 (Соловьев М., начальник Главного управления культпросветучреждений. Письмо В. В. Ассонову. Б/д.).
17. История музея // Из личного архива ученого секретаря ГМИК Н. Г. Беловой.

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ БЕРЕЗЫ, ПОСАЖЕННОЙ К. Э. ЦИОЛКОВСКИМ В 1934 г.

Н. А. Максимовская,

*член Рабочей группы по сохранению исторической памяти
при Губернаторе Калужской области, член союза журналистов РФ,
краевед, исследователь жизни и творчества К. Э. Циолковского*

Е. В. Архипцева,

*заведующая научно-методическим отделом ГМИК им. К. Э. Циолковского,
исследователь жизни и творчества К. Э. Циолковского*

Цель настоящего выступления — привлечь внимание представителей городской власти, краеведов и общественности к вопросу о необходимости сохранения дерева, посаженного основоположником теоретической космонавтики К. Э. Циолковским. Этим деревом является береза, находящаяся в настоящее время на территории Калужской городской больницы № 5 (далее береза Циолковского). Береза стоит возле дороги для въезда машин скорой помощи со стороны улицы Циолковского, неподалеку от ворот. Дерево имеет огрубевший ствол темного цвета с глубокими неровными бороздами в коре и развесистую крону, часть которой составляют белоствольные образования в виде молодых берез. По заключению специалиста, инженера лесного хозяйства Людмилы Паутовой, данная береза относится к виду *Береза пушистая*, или *опушенная* (лат. *Bétula pubéscens*). Санитарное состояние дерева оценено ею как удовлетворительное. Высота дерева — порядка 25 метров, диаметр нижней части ствола — 60–70 см.

По документам и свидетельствам, которыми мы располагаем на настоящий момент, данная береза была посажена самим Циолковским осенью 1934 г. во дворе дома № 53 по улице Циолковского, где жил со своей семьей один из друзей Константина Эдуардовича Владимир Петрович Глазунов (1897–1949). После сноса дома это место отошло к территории Калужской городской больницы № 5. Дом Глазуновых был снесен, согласно устным воспоминаниям жителей этого района города, в 1970-е гг.

О причастности Циолковского к данной березе свидетельствуют прежде всего воспоминания Анны Алексеевны Глазуновой, жены Владимира Петровича Глазунова, хранящиеся в фондах Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского (Ф. 1. Оп. 4. Д. 40. Л. 1–5). Воспоминания не публиковались, они представляют собой авторизованную машинописную рукопись на пяти листах, которая включает информацию о В. П. Глазунове, встречах ученого с ним, а также некоторые сведения о самом Циолковском и членах его семьи. Из воспоминаний А. А. Глазуновой следует, что Владимир Петрович был человеком интеллигентным и образованным, окончил Военную академию, знал толк в математике, что «Циолковский очень уважал

Владимира Петровича за его знания математики» и что время они проводили за долгими беседами, иногда касающимися математических расчетов ученого. Автор этих воспоминаний также отмечает, что они ходили вместе на каток и совершали прогулки в бор, в которых принимала участие Анна Алексеевна. Глазуновы относились к Константину Эдуардовичу с большим уважением. В воспоминаниях содержится информация о том, что «в 1932 г. Владимир Петрович ездил в Москву, хлопотал там квартиру Циолковскому» (ранее неизвестный факт), что Глазуновы навещали Константина Эдуардовича в больнице в последние дни его жизни. Циолковский был значительно старше супругов Глазуновых, однако разница в возрасте не мешала их общению.

Под воспоминаниями стоит дата «8.09.1988 г.». В ходе изучения данного вопроса было установлено, что воспоминания являются авторизованной писарской записью: запись рассказа А. А. Глазуновой и его (судя по характерным для стиля разговорной речи шероховатостям) дословное воспроизведение в виде машинописи были сделаны бывшим сотрудником Мемориального Дома-музея К. Э. Циолковского Л. Т. Энгельгардт (в настоящее время — заведующая отделом «Дом-музей А. Л. Чижевского» ГМИК им. К. Э. Циолковского). Писарская запись была предоставлена на ознакомление Анне Алексеевне Глазуновой, и на каждом листе этого документа она оставила свою подпись.

Мы не можем здесь не отметить следующий важный момент. Поскольку, как известно, любые воспоминания носят субъективный характер, то есть могут содержать сведения, по той или иной причине не соответствующие действительности, немаловажным фактором является степень достоверности тех или иных мемуаров. В связи с этим правомерной была просьба к автору писарской записи Л. Т. Энгельгардт охарактеризовать Глазунову на момент их встречи. По словам Л. Т. Энгельгардт, Глазуновой было тогда около 80-ти лет, производила она впечатление человека порядочного, грамотного и полностью адекватного в поведении и рассуждениях. Об этой женщине, которая, вероятно, многие годы оберегала березу Циолковского, известно немного. В ее воспоминаниях отмечается, что она работала в секретной воинской части, что у нее была брошюра с работой Циолковского («Любовь к самому себе, или Истинное себялюбие») и что она подарила ее в 1961 г. Юрию Гагарину во время его первого приезда в Калугу (этот факт подтверждается публикацией в газете «Правда», о которой подробнее будет сказано ниже).

Воспоминания Глазуновой относятся к периоду последних лет жизни Циолковского, поскольку с Владимиром Петровичем Глазуновым, который знал жившего по соседству ученого с 1917 г., Анна Алексеевна вступила в брак в 1932 г. — следовательно, тогда она и познакомилась с Константином Эдуардовичем Циолковским.

Наконец, конкретно о фрагменте из воспоминаний Глазуновой, в котором говорится о березе Циолковского. В нем всего несколько строк, однако весьма важных: «Однажды, в один из сентябрьских воскресных дней 1934 года, я с мужем и Циолковским поехали на велосипедах кататься в бор... В бору мы выкопали березку и две елочки, их Циолковский сам посадил у нашего дома, говоря: «На память посажу на моей улице!» И когда он приходил к нам, то обязательно проверял, как они растут. Елочки в войну были сожжены на дрова, а березка осталась...».

Напрашивается ряд вопросов, в частности: было ли известно о березе Циолковского другим лицам; кто еще может подтвердить эту информацию; какие есть публикации на эту тему? Хотя береза Циолковского в течение десятилетий находилась под завесой молчания, попробуем ответить на эти вопросы, основываясь на имеющейся информации.

Прежде всего о статье Н. Денисова «Цветы космонавта — К. Э. Циолковскому», которая была опубликована в г. «Правда» от 14.06.1961 г. В конце этой публикации, связанной, как сказано выше, с приездом в Калугу первого космонавта Земли Юрия Гагарина (13 июня 1961 г.), написано следующее: «Десятки тысяч улыбок и горячих рукопожатий подарила Калуга Юрию Гагарину, вручила ему немало памятных сувениров. Особенно дорог один из них — книга К. Э. Циолковского, изданная более тридцати лет назад. Ее передала космонавту А. А. Глазунова, жившая на улице имени К. Э. Циолковского, в домике, над которым шумит листвою береза, посаженная основоположником современной ракетной техники». Из этого следует, что о березе Циолковского было известно по крайней мере за 27 лет до составления рукописи воспоминаний Глазуновой. Передача же Гагарину брошюры Циолковского, в свое время подаренной ученым ее мужу

в то время не могла быть осуществлена без ведома соответствующих инстанций. По воспоминаниям Анны Алексеевны, перед визитом первого космонавта в Калугу с ней вели переговоры в обкоме партии относительно опубликованных работ ученого. Скорее всего, там знали и про березу, которую посадил Циолковский возле дома Глазуновых. Наконец, «Правда» как главный центральный орган советской печати была повсеместно читаемой газетой и, вне всякого сомнения, информация об упомянутой в статье березе Циолковского стала известна широкому кругу читателей, в том числе из Калуги.

Знал о березе, посаженной Циолковским, и его внук, страстный популяризатор жизни и деятельности ученого Алексей Костин, много лет возглавлявший Мемориальный дом-музей К. Э. Циолковского. Костин не раз рассказывал об этой березе своим сотрудникам и показывал ее. Это подтверждают ветераны музея Ольга Пологонкина, Людмила Энгельгардт, Наталья Белова и другие. Естественно, не могла быть не в курсе дела и дочь Алексея Вениаминовича, принявшая от него эстафету руководителя Мемориального дома-музея К. Э. Циолковского, Елена Тимошенкова, нисколько не сомневающаяся в правдивости этой информации. Приводим текст ее письменного заключения по данному вопросу, подтверждающий достоверность воспоминаний Алексея Костина (копия документа передана в числе других материалов руководству Рабочей группы по сохранению исторической памяти при Губернаторе Калужской области):

«Осенью 1934 года К. Э. Циолковский во дворе дома Глазуновых (ул. Циолковского, 53) посадил березу, привезенную из леса. После сноса дома в 1970-е годы эта территория отошла к больнице № 5. Береза сохранилась и до настоящего времени. Она находится неподалеку от ворот для въезда машин «скорой помощи». В 1988 году А. А. Глазунова передала в ГМИК им. К. Э. Циолковского воспоминания об ученом с информацией о том, когда, где и кем была посажена береза. Мой отец А. В. Костин, заведующий Домом-музеем К. Э. Циолковского, рассказывал о посаженной ученым березе, к которой его, в возрасте 6–7 лет, подводил дед, Константин Эдуардович, и показывал ее. 07.04.2017». Подпись: Е. А. Тимошенкова.

Данный документ дает основания считать воспоминания А. В. Костина и А. А. Глазуновой правдивыми, а факт причастности К. Э. Циолковского к березе, находящейся в настоящее время на территории Калужской городской больницы № 5, неоспоримым.

По научным меркам, береза Циолковского уже старая, ей более 80 лет. Время жизни берез имеет свои пределы в зависимости от вида и среды произрастания. Специалисты утверждают, что березы данного вида живут до 100–120 лет, но в отдельных случаях и дольше. Это означает, что береза Циолковского может прожить еще 30–40 лет. Сегодня пришло время принятия серьезных мер по защите дерева от случайной вырубке и других возможных стихийных вмешательств, поскольку никаких указателей или знаков рядом с ней нет. Уникальную березу, которая чудом сохранилась, несмотря на то что никаких мер по ее охране ни со стороны городских властей, ни музея истории космонавтики, ни краеведов не предпринималось, необходимо сберечь, а месту, где она растет, придать статус «памятного места».

15 марта 2017 г. этот вопрос был поднят на заседании Рабочей группы по сохранению исторической памяти при Губернаторе Калужской области. В ходе дискуссии был сделан вывод о том, что береза, посаженная Циолковским, является историко-природным объектом. Также было отмечено, что то место, где стоит береза, должно получить статус «памятного места»; что здесь требуется установка ограждения и указателя, свидетельствующего о том, что данная береза посажена лично Циолковским осенью 1934 г. и что она охраняется государством; что уход за березой, которая стоит в настоящее время на территории Калужской городской больницы № 5, необходимо поручить коллективу этого учреждения. Была высказана идея о возможности включения этого памятного места в новый экскурсионный маршрут, который разрабатывается ГМИК им. К. Э. Циолковского. Интересным было предложение и на перспективу, а именно: когда век березы Циолковского завершится, можно будет посадить на этом месте новую молодую березу и таким образом сохранить здесь память о великом ученом.

Обращение Рабочей группы по сохранению исторической памяти при Губернаторе Калужской области по вопросу сохранения березы, посаженной Циолковским, было направлено в Городскую управу г. Калуги. Обнадеживающим фактором в деле осуществления принятых решений

по сохранению березы Циолковского является то, что данная общественная организация отличается высокой результативностью в реализации поднятых проблем.

В начале апреля этого года волна интереса к березе Циолковского нашла отклик в СМИ: прошла информация на страницах калужских газет и в Интернете, был показан видеосюжет на канале ГТРК «Калуга».

Вопрос о принятии необходимых мер по сохранению березы, посаженной К. Э. Циолковским в 1934 г., поднят в год празднования 160-летия со дня рождения основоположника теоретической космонавтики. Не вызывает сомнения, что в ближайшее время общими усилиями калужан он будет решен положительно.

Список литературы

1. *Глазунова А. А.* Воспоминания. 8.09.1988 // Фонды ГМИК. Ф.1. Оп. 4. Д. 40. Л. 1–5. Авторизованная машинопись.
2. *Денисов Н.* Цветы космонавта—К. Э. Циолковскому // Правда. 1961. 14 июня.
3. *Тимошенкова Е. А.* Заключение по воспоминаниям Костина А. В. К вопросу о сохранении березы, посаженной К. Э. Циолковским в 1934 году. 07.04.2017 // Личный архив Н. А. Максимовской. Л. 1. Авторизованная машинопись.
4. *Архипцева Е.* Живые реликвии // Знамя. 1999. 14 сент.
5. *Максимовская Н.* Новая весна березы Циолковского // Весть, КГВ. 2017. 7 апр.

ИЗ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ДЕРЕВНИ СЕРЕДИНЫ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕДЫНСКОГО УЕЗДА)

Ю. В. Кондратьев,

аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского

Исследования аграрной истории периода нэпа продолжают оставаться актуальными и в наше время¹. Это касается и Калужского края². Целью данной статьи является рассмотрение некоторых аспектов истории калужской деревни середины 1920-х гг. на примере и по материалам Медынского уезда Калужской губернии. Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО), в частности, фонд Медынского уездного комитета РКП(б). В данной работе будут рассмотрены следующие аспекты заявленной темы: деятельность советских и партийных органов, ее связь с волостной реформой середины 1920-х гг., деятельность органов власти в области кооперации.

Деятельность партийных и советских органов, если рассматривать ее как обращенную на самое себя, включала прежде всего организационную и самообразовательную стороны.

Что касается первой, то в отчете о работе Медынского уездного комитета (укома) РКП(б) за 1924–1925 гг. отмечалось: главное внимание в работе Организационного отдела (орготдела) укома было уделено укреплению низовых сельских ячеек и производственных ячеек партии. Эта работа состояла в основном в письменных указаниях волостным комитетам (волкомам) и изучении материалов из ячеек, поступавших в уком³. «За отчетный период имелось 11 платных секретарей ячеек из общего числа 17. Это помогло в работе низовых ячеек, так как платный секретарь мог больше уделять внимания работе, чем не платный»⁴. Для обследования волкомов было совершено 9 выездов инструктора укома. Таким образом, были обследованы: Износковский

¹ *Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И.* История крестьянства Западного региона России. 1917–1941 / под ред. В. Я. Филимонова. Калуга, 2002.

² Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б. Белова и др.; под ред. проф. В. Я. Филимонова. Калуга, 2014.

³ ГАДНИКО. Ф. П-13. Оп. 2. Д. 51. Л. 96.

⁴ Там же.

волком — 3 раза, Мятлевский — 2 раза, Кременский, Шанско-Заводский и Медынский — по 1 разу. При обследованиях выявлялись недочеты в работе главным образом низовых ячеек и технической работе канцелярий. Одна из производственных ячеек находилась на маслобойном заводе. В связи с тяжелым положением завода для поднятия производительности труда и укрепления дисциплины на завод были направлены рабочие-коммунисты. Директору завода было предложено «принять все меры к сокращению расходов, в особенности на канцелярском аппарате»¹ и даны директивы приложить все силы к тому, «лишь бы удержать завод и выйти из той задолжности, какую имеет завод к 1-му октября 1924 г. — около 100 тыс. руб.»².

Самообразовательная сторона деятельности партийных и советских органов состояла прежде всего в организации обучения кадров для пополнения своих рядов. Она включала в себя ряд форм организации обучения. Во-первых, это была школа-передвижка, «охватывающая партийцев, членов РЛКСМ и беспартийный актив деревни»³. Такие школы делали за учебный год 3–4 выпуска обученных групп. Во-вторых, стационарная школа по программе передвижки. Такие школы организовывались в местах крупных ячеек РКП(б) и РЛКСМ и выпускали в год до двух групп. В-третьих, организовывались курсы и съезды «для одиночек-коммунистов деревни, сроком занятий один месяц»⁴. Наконец, при невозможности всего вышеперечисленного, коммунисты-одиночки занимались самообразованием сами «на основе ранее данных указаний»⁵. Интересно отметить, что в 1924 г. в стране проводилась кампания по приему в компартию тысячи сельских учителей. Об этом свидетельствует одно из секретных писем Калужского губкома РКП(б) в Медынский уком, датированное 26 июля 1924 г. В нем указывалось, что «XIII съезд РКП подтвердил взятый партией курс на приближение основной массы сельского учительства к советскому строительству»⁶. В связи с этим укому предлагалось принять в партию двух учителей из Медынского уезда (на Калужскую губернию было «разверстано» к принятию 15 учителей) при строгом соблюдении всех предосторожностей и требований устава партии. «К приему отнестись серьезно и деловито, чтобы не засорить партию»⁷.

Волостная реформа, проводившаяся в 1923–1925 гг., также не могла не повлиять на состояние калужской деревни и органов ее управления. Так, на общем собрании членов РКП(б) Медынской волости в мае 1924 г. был заслушан доклад волисполкома (ВИКа) о работе ВИКа и волостной земельной комиссии при нем со дня укрупнения сельсоветов. Докладчик, т. Босулаев, отметил, что ВИК держит связь с населением через председателей сельсоветов, которые еженедельно бывают в ВИКе и «получают всевозможные справки и информацию по всем имеющимся вопросам»⁸. Ведение канцелярии волисполкома находится в затруднительном положении «ввиду материального положения самого ВИКа»⁹. Содокладчик, т. Королев, сказал, что в последнее время установились регулярные заседания земельной комиссии, которые проводятся еженедельно по четвергам. Собрание постановило признать работу волисполкома удовлетворительной, «несмотря на все трудности в связи с укрупнением ВИКа также и скудных средств»¹⁰.

В августе 1924 г., в связи с приближающейся кампанией по перевыборам в Советы, Калужский губернский комитет (губком) РКП(б) направил секретное письмо в Медынский уком, посвященное этой кампании. В нем отмечалось, что сельсоветы и волисполкомы, вследствие реформы их укрупнения, стали сильными административными единицами, поэтому возрастает давление со стороны кулацкого элемента, желающего попасть в Советы. «Кулаческий элемент, видя авторитетность укрупненного сельсовета и ВИКа и кроме того установившуюся правильную оплату труда работников, будет еще больше стремиться попасть в Советы и заранее будет стараться

¹ ГАДНИКО. Ф. П-13. Оп. 2. Д. 51. Л. 97.

² Там же.

³ Там же. Д. 73. Л. 444.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 175. Л. 122.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

всеми силами угодить и заслужить доверие со стороны еще неопытной некоторой части населения и таким образом будет стремиться обеспечить себе место в Советах»¹. Чтобы предотвратить такое развитие событий и не допустить «ни одного подобного типа в Советы», губком рекомендовал направить для работы в этом направлении наиболее «сильных в своем знании товарищей», пользующихся большим авторитетом среди бедноты и среднего крестьянства. Все свои действия было предписано согласовывать с губкомом².

Важным направлением деятельности партийных и советских органов была кооперативная работа. В циркуляре Калужского губкома РКП(б) от 24 января 1924 г., сохранившемся в фонде Медынского укома, отмечалось, что партийные и советские работники были уже поставлены в известность о переходе потребительской кооперации от обязательного к добровольному членству. В связи с этим возникали вызовы и для партии. «Губком указывает на опасность потери коммунистического влияния в потребительской кооперации. В настоящий момент, когда практическая работа по реорганизации началась, необходимо парткомам принять все зависящие меры к тому, чтобы сохранить коммунистическое влияние в потребительской кооперации»³.

Исследователи отмечают, что потребительская кооперация вписалась в государственно-распределительную систему, которая стала вновь укрепляться на рубеже 1920–1930-х гг. и сумела приспособиться к условиям так называемой административно-командной системы. «Процесс ускоренного огосударствления, начавшийся на рубеже 1920–30-х гг., не был болезненным и разрушительным лишь для потребительской кооперации»⁴.

Таким образом, по материалам Медынского уезда Калужской губернии можно проследить тенденции процессов, происходивших в середине 1920-х гг. в губернии и стране в целом. Раскрыть содержание этих процессов можно через изучение некоторых важных аспектов жизни калужской деревни, предпринятое в данной статье. В деятельности партийных и советских органов были выявлены их организационная и самообразовательная стороны, показана связь волостной реформы с укреплением системы власти и внутривластной борьбой. Кооперация, пережившая оживление в годы нэпа, в период его сворачивания была поставлена в жесткие государственно-распределительные рамки, и только потребительскому ее виду было суждено вписаться в эту систему.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И НАЧАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЧК КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. Г. Лебедев

кандидат исторических наук,

доцент ИСО Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского

20 декабря исполняется 100 лет Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с подрывными действиями внешней и внутренней контрреволюции, деятельность которых направлялась и поддерживалась иностранными разведками, выполнявшими задание своих правительств по расчленению и дальнейшему порабощению России. Причем этим занимались как кайзеровская Германия, так и страны Антанты. В их арсенале были организации мятежей, заговоров, террора, диверсии. С помощью этих средств они пытались в очередной раз осуществить свою многовековую мечту о лишении России государственной самостоятельности.

Для противодействия этим планам 20 декабря 1917 г. и была образована ВЧК. В силу ряда обстоятельств создание подразделения ВЧК на местах, в том числе в Калуге, затягивалось. Однако стремительное развитие событий заставляло местные власти срочно создавать таковые. В Калуге одним из таких поводов послужил мощный взрыв на Бобруйском артиллерийском складе 14 мая

¹ ГАДНИКО. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 175. Л. 136.

² Там же.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 232.

1918 г., в результате которого у значительной части домов города были выбиты стекла. Оценивая эту диверсию, отвечавший за оборону Республики царский генерал Бонч-Бруевич в докладе Совнаркому прямо указал, что диверсия была осуществлена разведкой немцев в преддверии планировавшегося ими наступления на Москву.

Одним из первоочередных объектов устремлений врагов являлись железные дороги, поэтому уже в июне 1918 г. ВЧК вышла в Совнарком с предложением передачи охраны железных дорог Республики в ее руки. В Калуге, где находилось управление Сызрано-Вяземской железной дороги, транспортный подотдел при губчека был создан 1 октября 1918 г. [1].

В связи с этим, а также с усилением иностранной интервенции и ростом числа диверсий на железных дорогах Совет Оборона потребовал с 1 апреля 1919 г. активизации охраны и защиты железных дорог. В Калуге в соответствии с этим требованием 11 мая 1919 г. была создана самостоятельная Транспортная чрезвычайная комиссия при управлении Сызрано-Вяземской железной дороги, которая наряду с другими крупными чрезвычайными комиссиями на транспорте получила название районной (сокращенно РТЧК). По воспоминаниям одного из ветеранов, «сотрудники для нее в количестве 3-х человек прибыли в Калугу с мешком канцелярских принадлежностей и 4-мя фунтами хлеба».

С целью скорейшего налаживания работы РТЧК калужане обратились за помощью к руководству Смоленской, Тульской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Пензенской и Симбирской губерний, по территории которых проходила железная дорога, с просьбой выделить надежных товарищей на работу в РТЧК, что и было исполнено. Последовавшие события подтвердили своевременность этих мер.

Наступление армии Деникина и рейд по тылам Красной армии конницы Мамонтова сделали эту дорогу прифронтовой, и чекистам с оружием в руках пришлось отбивать стремление отдельных казачьих разъездов перерезать дорогу. Успешно была отбита попытка мамонтовцев захватить мост через Оку у города Алексин в Тульской губернии на границе с Калужской губернией, в Жиздринском уезде которой они уже появлялись. Единственными «успехами» казаков явились лишь ограбления нескольких пассажирских поездов. Отряд РТЧК принимал участие в ликвидации прорыва конницы Мамонтова в Ельце. После чего чекисты под прикрытием небольшого отряда приняли участие в восстановлении железнодорожных путей на протяжении 320 верст, проводя одновременно разведку прилегавшей местности и очищая ее от белогвардейцев.

На завершающем этапе Гражданской войны и с началом мирного строительства Сызрано-Вяземская железная дорога сохранила свое важное стратегическое значение. В 1920 г. она интенсивно использовалась для перевозки войск и военных грузов из глубинных районов страны на западный фронт. Во время голода в Поволжье по ней шла доставка помощи голодающим.

Охрана дороги осложнялась тем, что она проходила в районе действий банд Антонова. Чекисты РТЧК принимали непосредственное участие в боях с этими бандами.

С началом голода в Поволжье по Сызрано-Вяземской железной дороге поступали грузы, в первую очередь продовольственные, для голодающих. На железной дороге в этот период резко возросло количество их хищений. Руководство губернии в связи с этим предприняло ряд мер для ликвидации такого положения. Были созданы специальные комиссии из представителей администрации губернии и губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, деятельность которых позволила избавиться от ненадежных элементов в железнодорожной охране. Из 382 человек был уволен 51 охранник. Сопровождение и охрану продовольственных маршрутов поручили батальону войск ВЧК при РТЧК Сызрано-Вяземской железной дороги. Была усилена оперативно-розыскная деятельность, что позволило вскрыть несколько групп, занимавшихся уже продолжительное время хищениями на железной дороге. На станции Калуга, к примеру, действовала большая и хорошо законспирированная группа расхитителей грузов, в том числе и продовольственных. В нее входили не только железнодорожники, но и представители учреждений грузоотправителей и грузополучателей. Вагоны умышленно загонялись на неохраняемые пути, где их содержание становилось легкой добычей расхитителей. Отмечались случаи, когда на дороге бесследно исчезали целые составы с продовольствием, при этом составлялись ложные акты об утере грузов [4]. Кроме Калуги, аналогичные группы были вскрыты на станциях Моршанск

и Пенза. В Пензе был обнаружен большой запас продуктов и других вещей у помощника начальника 8-го участка пути. На станции Калуга была раскрыта преступная группа подростков от 16 лет и старше, занимавшаяся продолжительное время разграблением железнодорожных вагонов. Масштабы деятельности группы были значительны. Так, только в один из дней ими были сорваны пломбы с 20 вагонов, то есть содержимое вагонов было попросту расхищено [2].

Благодаря предпринятым мерам сразу резко сократилось количество хищений с 183 в январе 1921 г. до 46 в феврале, при этом уменьшилось количество похищенного, соответственно, с 3 289 пудов до 723 пудов 18 фунтов. Было обнаружено похищенного в январе 247 пудов 11 фунтов и 65 пудов 9 фунтов в феврале. В целом, число хищений сократилось на 74,87%, а количество похищенного — на 77,75% [5].

Кроме борьбы с криминалом, чекисты приняли участие в широко развернувшейся тогда кампании по оказанию помощи голодающим Поволжья. Так, по сообщению газеты «Коммуна» № 171 от 08.08.1921, сотрудники губернской ЧК единогласно постановили: «Отчислить голодающим Поволжья, в том числе и беспризорникам 50% месячной зарплаты и мануфактуру по разверстке: платков вязаных — 42 шт., ситцевых — 63 шт., полотняных — 8 шт., шапок — 7 шт., 4 пары перчаток и 8 пар дамских башмаков [3]. В номере «Коммуны» № 192 от 01.09.1921 сообщалось, что транспортное подразделение ДТЧК выделило для этих же целей 147 тысяч 120 рублей, а ОДТЧК станции Калуга, соответственно, 3 793 руб. [3]. В номере газеты «Коммуна» № 214 от 27.09.1921 сообщалось о добровольном пожертвовании батальона ВЧК, дислоцированного в Калуге 79 пудов и 8 фунтов и 589 тысяч 890 рублей. В следующем номере этой газеты сообщалось о постановлении собрания личного состава этого батальона об отчислении в пользу голодающих двухдневного пайка хлеба и месячного оклада жалования, а также об устройстве платных вечеров и спектаклей, средства от которых также перечислялись голодающим. 10 ноября того же года газета «Коммуна» (№ 250) сообщала об ежемесячном отчислении голодающим двухдневного пайка хлеба губернской ЧК.

На одном из собраний чекисты-транспортники постановили сдать в фонд помощи голодающим все личные золотые и серебряные вещи. Пожертвования чекистов направлялись в первую очередь на оказание помощи беспризорным детям. Следует отметить, что сами чекисты в это время получали полфунта хлеба и миску щавельного бульона. Одновременно не ослабевала работа по борьбе с хищениями и спекуляцией продовольствием. Всего только на начальном этапе борьбы с голодом в Поволжье РТЧК Сызрано-Вяземской железной дороги изъяла у спекулянтов продовольственных товаров, а также золота и серебра на 3 млн рублей.

Несмотря на загруженность по работе, чекисты-транспортники умудрялись принимать участие в субботниках. Лишь в периоды наибольшего напряжения в работе, таких как борьба с прорывом конницы Мамонтова летом 1919 г., они вместо непосредственного участия в субботниках решили отдавать свою зарплату за эти дни на нужды Красной армии [6]. В тяжелую для работы транспорта зимнюю пору чекисты принимали непосредственное участие в борьбе со снежными заносами, а также заготовке дров для паровозов. Для обеспечения ритмичного движения поездов составлялись ежедневные сводки для информирования железнодорожной администрации на местах и в центре. В сводках наряду с вопросами борьбы с бандитизмом, спекуляцией, хищениями, должностными преступлениями отражались нарушения графика движения поездов и их причины.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО) Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 428. Л. 4.
3. Газета «Коммуна» № 171 от 08.08.1921.
4. «Коммуна» № 192 от 01.09.1921.
5. «Коммуна» № 214 от 27.09.1921.
6. «Коммуна» № 215 от 28.09.1921.
7. «Коммуна» № 250 от 10.11.1921.

РЕПРЕССИИ НА МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ В ЛИЦАХ И ДОКУМЕНТАХ

А. И. Тремольцев,

научный сотрудник Музея истории и краеведения г. Малоярославца

Большевики, утвердившиеся у власти после революции и Гражданской войны, с конца 20-х и до начала 1953 г. против своих оппонентов (казачества, иных политических партий и объединений...) стали применять репрессии. С начала коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации страны, с 1931 по 1938 г., они стали приобретать массовый характер. «Вредителей» и «врагов народа» можно было найти всегда — на селе к ним причислили кулаков и середняков. Для эффективности «работы» в ноябре 1934 г. при наркомате внутренних дел было организовано Особое совещание. Оно наделялось правом в административном порядке и присутствия обвиняемого, без участия свидетелей, прокурора и адвоката отправлять «врагов народа» в ссылку или в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет. Постановлением Правительства от 7 апреля 1935 г. предписывалось «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, в убийстве или попытке к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания», включая смертную казнь.

Особое значение имел приказ НКВД № 00447 1937 г.: отныне все «антисоветские элементы» разбивались на категории: первая — подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая — заключению на срок от 8 до 10 лет. Кроме того, заключению в лагеря или высылке могли подвергаться семьи «врагов народа». Для решения судьбы арестованных создавались внесудебные органы — «тройки».

В данной работе не рассматривается вопрос репрессий в отношении тех, кто не был реабилитирован при повторном рассмотрении дел, а только тех, кто пострадал за свои политические или религиозные убеждения, по социальным, национальным или иным признакам.

На территории Калужской области было реабилитировано до настоящего времени около 40 тысяч человек [1]. Сколько людей, объявленных врагами и изменниками, лишились свободы, а то и самой жизни, точно неизвестно до сих пор. Не миновала эта печальная участь и многих малоярославчан.

Судьбы людские

Скорейшему преодолению последствий беззаконий, политических преступлений на почве злоупотребления властью, восстановления демократии и законности должен был способствовать Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов».

В Музей истории и краеведения обращаются за информационной помощью. Многих малоярославчан волнует судьба родственников. Таким образом, вопрос по репрессиям привлёк внимание его сотрудников. Запросы общества подвели к необходимости иметь по возможности подробную информационную базу. При ее создании неоценимую помощь оказал вышедший из печати трехтомник Ю. И. Калиниченко, В. Ю. Лисянского и Н. П. Моницкой «Из бездн небытия. Книга памяти репрессированных калужан» [1]. По этим данным был составлен именной список репрессированных малоярославчан. При работе выяснилось, что пострадали и впоследствии были реабилитированы 956 наших земляков, в 1-м томе указаны — 210, во 2-м — 333 и в 3-м — 413. Списком могут воспользоваться все желающие. С появлением дополнительных сведений данные будут дополняться.

Таким образом, стали известны не только имена пострадавших, но и предъявляемые им обвинения, в основном это была ст. 58 УК РСФСР (в редакции 1922 г. она действовала до 1953 г.), в которой обозначены 18 уточнений. Широко применяемым оказался (с 1937 г.) пункт 1а — «Измена Родине», наказание — расстрел или 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). В любом случае следовала и конфискация имущества. Вторым по применению оказался п. 10 «За антисоветскую агитацию и пропаганду». Выяснилось, что если с 1931 по 1937 г. «враги

народа», осужденные по ст. 58 УК РСФСР, попадали в исправительно-трудовые лагеря на сроки от 3 до 5 лет, то с наступлением 1937 г. приговоры поражают своей жестокостью, в основном применялись расстрелы или 10 лет ИТЛ. Так, в 1937 г. было рассмотрено 263 дела, из них вынесено 105 приговоров к ВМН (высшая мера наказания — расстрел), и только 12 — по 8 лет ИТЛ. В 1938 г. — 140 дел, из которых — 64 ВМН.

Репрессиям подвергались и женщины. Приведу некоторые данные:

- одиночница Александрова Пелагея Семеновна из д. Рылово, в 1932 г. — приговорена на три года высылки в Казахстан;
- Баш Надежда Поликарповна, д. Сетунь Детчинского района, в 1937 г. — 10 лет ИТЛ;
- Брокер Нина Николаевна, Малоярославец, в 1937 г. — 10 лет ИТЛ;
- счетовод малоярославецкой артели «Буденовец» Гаранина Нина Николаевна в 1937 г. — 8 лет ИТЛ;
- Гоева Матрена Гавриловна, д. Спас-Суходрев, церковный сторож, в 1931 г., на момент оглашения приговора, 61 год — 5 лет ИТЛ;
- Горбунова-Отто-Вилли Елена Матвеевна, работница метеостанции, в 1938 г. — 10 лет ИТЛ;
- Громова Ксения Яковлевна, счетовод депо ст. Малоярославец в 1938 г. осуждена на 10 лет ИТЛ;
- рабочая железнодорожной станции Роль Нина Филимоновна осуждена 8 июня 1938 г. на 10 лет ИТЛ.

Все они — беспартийные.

Однозначного мнения по репрессиям в обществе нет, возможно, и не будет. Одна правда у тех, которых репрессии миновали, иная — у пострадавших, третья правда у тех, кто репрессировал. Материалы исследований сотрудников музея публикуются в местных СМИ. Был подготовлен и выпущен сборник краеведческих материалов «Через века» [2]. Один из разделов касается репрессированных священнослужителей.

В деревне Семкино Малоярославецкого района 3 июля 1937 г. сотрудники НКВД арестовали старообрядческого протоиерея Зиновия Игнатьевича Нижникова. Приговор — ВМН.

Священноисповедник протоиерей Роман Иванович Медведь после первого ареста отбывал ссылку. Повторно за ним, уже тяжело больным, сотрудники НКВД пришли 8 сентября 1937 г. Тогда арест не состоялся, через несколько часов он скончался.

Выпускника Вологодской духовной семинарии Зосиму Васильевича Трубачева впервые арестовали в 1928 г. и приговорили к трем годам ссылки. Затем проживал в Малоярославце. В 1937 г. был обвинен в «проведении антисоветской агитации». «Тройкой» при УНКВД СССР по Московской области 19 февраля 1938 г. приговорен к ВМН. 26 февраля 1938 г. приговор привели в исполнении на Бутовском полигоне.

Николай Александрович Бруни

Священник Михаил Владимирович Шик после приговора 1925 г. отбыл два года ссылки. В феврале 1937 г. он вновь подвергся аресту, а в сентябре расстрелян. Президиумом Московского городского суда 21 мая 1956 г. реабилитирован.

В Малоярославце пересекались жизненные пути многих «опальных» личностей. Географически находясь за пределами ста километров от столицы, Малоярославец стал зоной, куда ссылали репрессированных или где проживали их родные и близкие [3]. Это были незаурядные личности, оставившие яркий след в истории города.

Большой известностью пользовалась в городе семья Николая Александровича Бруни, личности неординарной: музыканта, поэта, скульптора, летчика и священника. В 1934 г. в Москве Бруни по ложному доносу был арестован и в 1938 г. расстрелян. В мае 1935 г. его жена и шестеро детей были высланы в Малоярославец.

Михаил Владимирович Шик

С 1939 до конца 1940-х гг. проживала и трудилась в железнодорожной поликлинике медсестрой Софья Всеволодовна Волкова, внучка известного в России мецената Саввы Мамонтова.

В начале 1941 г. в город приехала Галина Николаевна Мекк, дочь расстрелянного в 1929 г. бывшего председателя правления Московско-Казанской железной дороги Николая Карловича фон Мекка. Его жена Анна Львовна Мекк (в девичестве Давыдова) была внучкой известного декабриста В. Л. Давыдова.

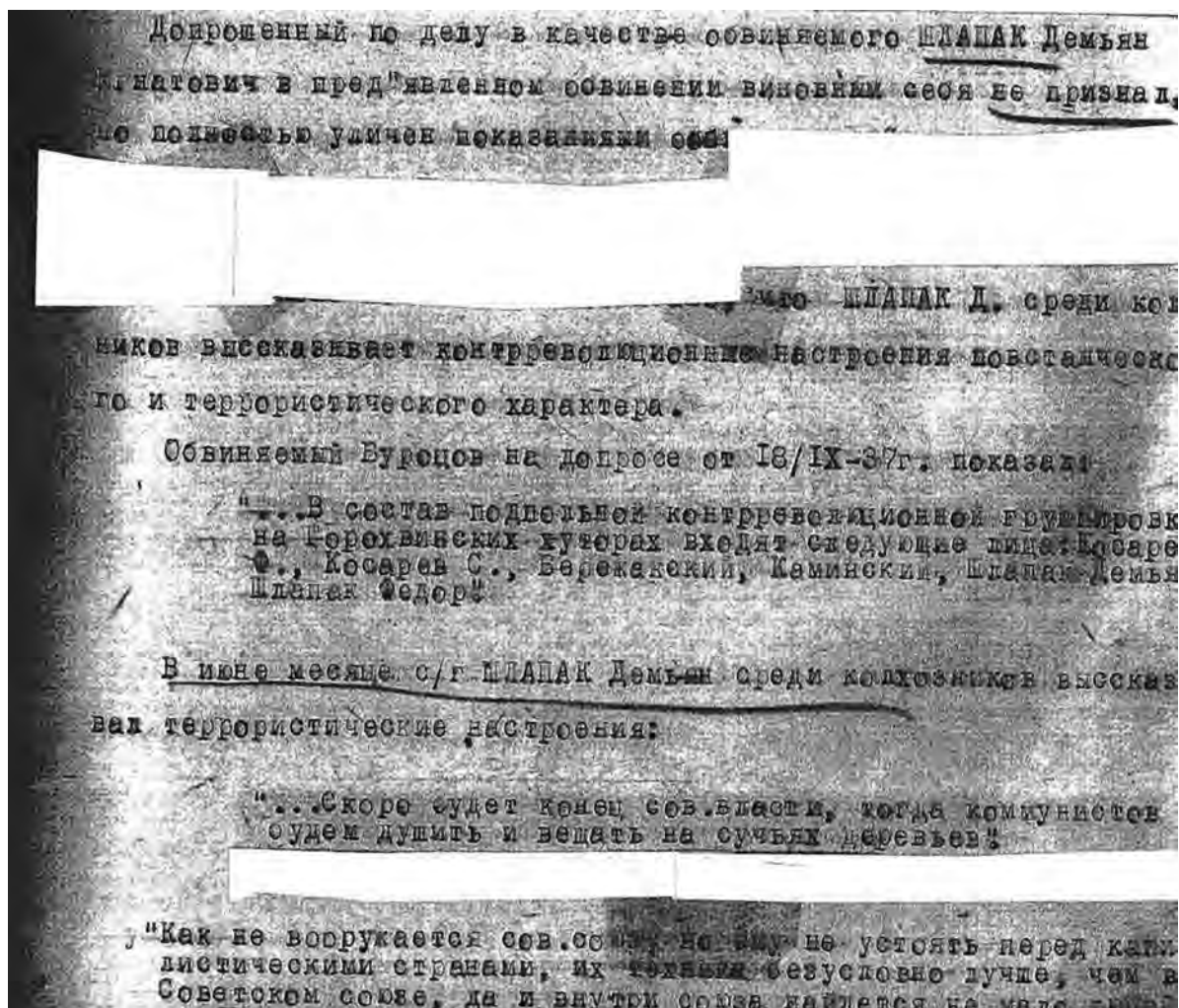
С осени 1937 г. отбывала ссылку Анна Васильевна Тимирева-Книпер, жена контр-адмирала С. Н. Тимирева, гражданская жена адмирала А. В. Колчака. Вновь ее арестовали 25 марта 1938 г., а в апреле 1939 г. осудили на 8 лет лагерей.

О священнике Михаиле Шике мы уже упоминали. В Малоярославце с 1931 по 1942 г. проживала его семья. Супруга, Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик, — историк и детская писательница. Ее прадед, князь Ф. П. Шаховской, был декабристом, отец — Д. И. Шаховской — прогрессивным общественным и государственным деятелем.

Несколько слов о судьбах простых людей — селян, тех, трудами которых возделывалась земля, воспитывались дети и кормилась страна. Они поверили в советскую власть — одним из лозунгов большевиков был близкий им: «Землю — крестьянам».

С началом индустриализации страны был взят курс на проведение коллективизации сельского хозяйства, задачей которого в официальных документах провозглашалось «осуществление социалистических преобразований в деревне». В конце декабря 1929 г. И. Сталин объявил о конце НЭПа и переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». В деревне происходили два взаимосвязанных насильственных процесса: создание колхозов и раскулачивание. Тогда власти не дали точного определения — кого считать кулаком. В кулаки можно было зачислить и середняка, имевшего двух коров, или пару лошадей, или просто хороший дом, крепкое хозяйство. Зачастую к ним причисляли и неугодных по каким-либо причинам бедняков. Для оправдания был придуман и ярлык — «подкулачник».

Рассмотрим события 1937-го и 1938-го гг. на Гороховских хуторах Детчинского района Тульской области (ныне Калужской). О них стало известно из архивных документов, копии которых передала музею Елена Васильевна Медведкова-Бережанская. В течение нескольких лет она собирала материалы о родственниках и односельчанах, переселившихся из Волынской

Обвинения Д. И. Шлапака

губернии Российской империи в 1911 г. при реформах Столыпина. Хутора начинались с шалашей, землянок и времянок. Только обжились — революции, новая власть, коллективизация и репрессии...

Как происходили репрессии? Ответы предстояло найти в копиях архивных документов того времени. Ознакомимся с некоторыми из них. В письме Управления ФСБ России по Калужской области [4] сообщается, цитирую: «Предоставляем копии из архивного дела на Шлапака Демьяна Игнатьевича, Шлапака Федора Игнатьевича и Каминского Семена Тимофеевича. Сообщаем, что по постановлению Президиума Калужского областного суда от 5 июня 1958 г. постановление тройки УНКВД Тульской области от 25 ноября 1937 г. ... отменено, дело прекращено».

Демьян Шлапак: работал председателем артели «Прогресс» в с. Детчино, б/п, осужден по ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР «тройкой» УНКВД СССР Тульской обл. 25 ноября 1937 г. на 10 лет ИТЛ [5].

В «Анкете арестованного» от 16 октября 1937 г. читаем [4]: «Технорук по выделке кирпича и нерудным разработкам; член профсоюза с 1922 по 1936, имеет — дом деревянный 5 ½ × 10 ½ м, двор 8 × 12 м, 1 корова, 2 нетели, 6 голов овец, 2 поросенка, усадьба земли, сеялка и косилка, 1 лошадь, в колхозе не состоит. В царской и белой армии не служил, в партиях не состоял, украинец, гражданин СССР, образование — низшее, под судом и следствием не находился.

- состояние здоровья: катар желудка, порок сердца 2-й стадии, туберкулез.
- состав семьи: жена — Шлапак О. П., не работает, дочь 12 лет и сын 10 лет, учащиеся.
- арестован Детчинским р/о УНКВД ТО 11.10.37 г.

В деле имеется «Протокол допроса» на бланках НКВД по Московской области. Обращает на себя несоответствие бланков территориальной принадлежности. По документам Шлапак арестован «Детчинским р/о УНКВД Т(ульской) О(бласти) 11.10.37 г.». До ареста проживал «...Детчинского р-на Тульской области». Арестованный содержался в Туле. И «тройка», как явствует из протокола (от 25 ноября 1937 г.) — «при Управлении НКВД СССР по Тульской области». Соответственно, и бланк допроса, по логике, должен был быть — тульским, а не московским.

Заключение по следствию (стиль, орфография и пунктуация по копии оригинала): Шлапак Д. И., ... сын кулака ... Обвиняется в том, что среди населения ведет активную контрреволюционную работу, является участником контрреволюционной троцкистско-бухаринской повстанческой организации, распространяет гнусную клевету о политике партии и сов. власти, одобряет контрреволюционную деятельность известных контрреволюционеров-террористов, высказывает террористические и пораженческие настроения.

Допрошенный по делу в качестве обвиняемого ШЛАПАК Д. И. ... виновным себя не признал, но полностью уличен показаниями (далее текст, который при копировании с оригинала закрыт) ... что среди колхозников высказывает контрреволюционные настроения повстанческого и террористического характера.

Выписка из протокола заседания тройки при Управлении НКВД СССР по Тульской области от 25 ноября 1937 г.:

СЛУШАЛИ: дело по обвинению ШЛАПАК Демьяна Игнатьевича...

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что являлся участником контрреволюционной повстанческой группы, проводил антисоветскую пораженческую агитацию, высказывал террористические настроения по адресу Вождя народов и коммунистов, гнусно клеветал на Сов. власть.

ПОСТАНОВИЛИ: ШЛАПАК Д. И. заключить в исправтрудлагерь на ДЕСЯТЬ лет, считая срок с 9 октября 1937 года.

Из документов дела получается, что подсудимый арестован «11.10.37 г.», а «тройка» указывает в приговоре «считая срок с 9 октября 1937 года».

Шлапак Федор: колхозник, б/п, осужден по ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР тройкой УНКВД СССР Тульской обл. 25 ноября 1937 г. на 10 лет ИТЛ [5].

Если в фамилии изменяется буква «а» на «о», то можно предполагать, что допрашивается уже другой человек — Шлопак. Каждый лист допроса подписан подследственным собственноручно — Ф. Шлапак (буква «а» выписана четко). Почему следователь этой «подсказки» не замечает? И в документах продолжает фигурировать фамилия Шлопак.

Знакомясь с протоколами допроса, обратили внимание на следующее. Если после ареста допрашиваемый не соглашается с обвинениями следователя: «Вы арестованы за антисоветскую

39

НКВД

Анкета арестованного

В О П Р О С Ы:	О Т В Е Т Ы:
Имя	Шлопак
Отчество	Федоров Игнатьевич
Место рождения	Родился 120 Мая 1905 Воткинская, в имении Возду Восточный Деревня Пос. село Шлопак
Текущее место жительства (адрес)	Ул. Советская Детчинская Рно
Профессия и должность или род занятия	в Колхозе Работал
Политическая и профсоюзная принадлежность, партия	Нет
Имущественное положение в момент ареста: Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные предметы с-х. орудия, количество обработанной земли, количество скота, лошадей и т.д.; сумма налога с-х. в рублях, колхозники, указать имущество, подлежащее вступлению в колхоз, время вступления (чек)	Дом Козла Свиня 0000 руб
Служба до 1929 года	Купил землю в са. Колхоз Коров
Служба до 1917 года	25 лет в са. Колхоз 4 Коров
Изначальное положение в момент ареста	Работал
Служба в царской армии и чин	Нет
Служба в белой армии и чин	Нет
Служба в Красной армии: вид, срок службы, воинская категория	Служил в торговле в 1937 г.

Анкета арестованного Ф. И. Шлопака

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ПО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1937 г. 5 декабря мес. 26 дня. Федоров Николай Владимирович 1910
(долж., индив. органа, фамилия)
УНИВЕР Т.О. допросил в качестве Обвиняемого

1. Фамилия Бережанский
2. Имя и отчество Федор Федорович
3. Дата рождения 1893 года 14 января
4. Место рождения Восеминский уезд Владимирской губ. Зубово
5. Место жительства Уездная Зубовская волость Владимирской губ. Зубово
Р.И.С. Тульское отделение
6. Нац. и гражд. (подданство) Россиян уезд 66619

---

7. Паспорт Не имеет
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место выдачи)

---

8. Род занятий Колхозник
(место, служб. и должность)

---

9. Социальное происхождение из крестьян
(род занятий родителей и их имущественное положение)

---

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

- а) до революции Крестьянин сын Кулака в колхозе
Члены колхоза: Максим Иванович, Василий Иванович, Иван Иванович
Земельный участок 100 кв. м.
- б) после революции Тот же

11. Состав семьи Жена Беретанская Евдокия Григорьевна
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
3 детей: сын Мария Григорьевна (Пелагея) сын Михаил Григорьевич
13 лет сын Николай Григорьевич 11 лет сын Владимир Григорьевич
14 лет сын Иван Григорьевич 7 лет сын Василий Григорьевич
Беретанский

Протокол допроса Ф. П. Бережанского

рова Смахтинского сельсовета.

Ф. И. Шлапак виновным себя признал: «...Я действительно являюсь участником... Сталин проводит неправильную политику, его нужно убить».

Так кого же арестовало НКВД и кого осудила «тройка» — Шлопака или Шлапака? Цитирую выписку из протокола: «Постановлением тройки от 25 ноября 1937 г.: ШЛОПАК Ф. И. заключить в исправтрудлагерь на ДЕСЯТЬ лет.

Странно, что члены тройки, решая судьбу человека и приговорив его к 10 годам ИТЛ, не усмотрела столь явных ошибок. Можно предположить, что это свидетельство низкого образовательного и профессионального уровня не только рядовых сотрудников, но и их руководителей. А было ли уважение к гражданину РФ у членов тройки или они всех арестованных воспринимали не как личности, у которых есть имена и фамилии, а как «назначенных» заключенных?

Коснемся судьбы Семена Тимофеевича Каминского, упоминаемого в письме ФСБ [4]: счетовод (Дольский молокозавод), б/п, осужден по ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР «тройкой» УНКВД Тульской обл. 25 ноября 1937 года к ВМН. Был расстрелян 5 декабря 1937 г. [5].

Из материалов дела следует, что он три месяца был артельщиком в Волынской полку у Петлюры. В обязанности входила закупка фуража и продовольствия. Цитирую выдержки из его показаний: «Летом 1919 года, когда Петлюра был разбит, я перешел на сторону Красных войск, а после приехал в Калужскую губернию. По приезду я был взят в Красную армию. И как бывший

деятельность. Следствие предлагает вам давать подробные указания...», то через некоторое время ситуация изменяется (стиль, орфография и пунктуация по копии оригинала): «Членом подпольной организаций... пред колхоза Буровзов Николай Михайлович, Дыхта Федор Андреевич быв. кулак Косарев Федор Иванович ранее примыкал к эсеровской организации. В сентябре месяце 1936 году на ... я говорил «Сов Власть разорила Колхозников задовила их всякими налогами, ходять они и разутыми и роздетыми Сталин неправильно политику повел для Крестьян, и я бы при первой возможности затрелил бы сам Сталина. Жит при сов Власть стало очень плохо и трудно Крестьян довели до крайнего состояния до нищеты и страну до разрухи». Большевики дерут последнюю шкуру с крестьян, Крестьяне работают день и ночь на лодырей на Коммунистов Скоро придут немцы и наведут порядок в стране. Они покажут Большевикам как издеваться на крестьянами». Больше по данному делу добавить не могу. Протокол мною прочитан к сему и подписываюсь».

По заключению следствия: Шлапак Ф. И. ... сын бывшего кулака-хуторянина, состоял в колхозе им. Ки-

почтовик был направлен в город Москву в Телеграфно-телефонный дивизион». . . И далее: «Виновным в предъявленном мне обвинении я полностью признаю». В протоколе допроса появляются фамилии восьми односельчан, это: Федор Карев—председатель ревкомиссии, Федор Дахта—председатель колхоза, Марк Карецкий—член правления колхоза, Федор Курилов—кладовщик, Иван Мотовилов—рядовой колхозник, Карл Болод—счетовод колхоза и Корней Картюк. И далее, что его «вербовка» проходила за выпивкой у председателя колхоза «Победа» Дахта Ф. А.

По обвинительному заключению С. Т. Каминского и других (17 человек) отмечается: «В Детчинском районе вскрыта контрреволюционная троцкистско-бухаринская организация. . .».

Решение «тройки» от 25 ноября 1937 года было коротким: «КАМИНСКОГО Семена Тимофеевича—РАССТРЕЛЯТЬ».

Среди прочих документов в нашем распоряжении оказались «Справки о реабилитации» Калужской прокуратуры с приложенными документами:

- гр. Бережанский Филипп Павлович, член колхоза, осужден 15 января 1938 года постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР за контрреволюционную агитацию (без квалификации) к расстрелу. Реабилитирован определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 04 ноября 1957 года [6];
- гр. Бережанский Иван Павлович, член колхоза, осужден 15 января 1938 года постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР за антисоветскую агитацию (без квалификации) к расстрелу. Реабилитирован определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 14 января 1965 года [7];
- гр. Бережанский Федор Павлович, член колхоза, осужден 15 января 1938 года постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР за антисоветскую агитацию (без квалификации) к расстрелу. Реабилитирован определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 19 января 1965 года [8].

При изучении документов по их делам, протоколов допросов серьезных и обоснованных аргументов их контрреволюционной деятельности, заслуживающей расстрела, обнаружить не удалось. Справки о реабилитации тому подтверждение. А людей уже не вернуть. . .

Заключение

Большой террор 1937–1938 гг., как свидетельствуют документальные свидетельства, был не единственным этапом массовых репрессий. Аресты и заключения в лагеря проводились постоянно. Из протоколов допросов можно предполагать, что после арестов проводилось моральное и физическое воздействие на арестованных. На допросах у арестованных выбивалось «чистосердечное» признание об участии в «антисоветской деятельности». Людей обвиняли в преступлениях, которых они не совершали. А «признания» приносили адреса для новых арестов.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ФСБ России)

УПРАВЛЕНИЕ
ПО КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

от 25 июня 2016 года № 76/М-236
г. Калуга, 248001

Медведковой Е.В.
ул. Центральная, 8а,
г. Малоярославец,
Калужская область, 249093

Уважаемая Елена Васильевна!

На Ваше обращение повторно предоставляю копии документов из архивного дела на Шлапака Демьяна Игнатьевича, 1898 г.р., Шлапака Федора Игнатьевича, 1905 г.р., и Каминского Семена Тимофеевича, 1889 г.р., № П-8822, с которыми Вы были ознакомлены 19 января 2016 г. в приемной Управления.

Одновременно сообщаем, что по постановлению Президиума Калужского областного суда от 5 июня 1958 г. постановление тройки УНКВД Тульской области от 25 ноября 1937 г. в отношении Шлапака Д.И., Шлапака Ф.И. и Каминского С.Т. отменено, дело прекращено.

Приложение: копии архивных документов на 51 листе.

Заместитель начальника Управления

Д.М. Терехов

Письмо Е. В. Медведковой из управления ФСБ России
по Калужской области

Расследовались дела очень быстро. Для примера, цитируем «выписку из акта»: «Решение НКВД СССР и Прокурора Союза ССР от 15 января 1938 года (протокол № 789) о расстреле Бережанского И. П. приведено в исполнение 26 января 1938 года. /СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ подпись (без расшифровки) и печать/. От ареста (24.12.37 г.) до расстрела прошел месяц и два дня. Был человек, и нет его.

В рамках этого исследования тема репрессий полностью не раскрыта. Мало приведено выдержек из документов, а они, особенно протоколы допросов в диалоге «подследственный — следователь», о многом могут поведать...

Жертвы политических репрессий в СССР и члены их семей, согласно Указу Президента СССР М. Горбачева от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50 годов» имеют право на реабилитацию, восстановление доброго имени и доброй памяти. Возвращение имен невинно пострадавших продолжается. Подобное больше не должно повториться.

Список литературы

1. Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан / сост. Ю. И. Калинин, В. Ю. Лисянский, Н. П. Мониковская; Управление ФСК РФ по Калужской области. Т. 1. Калуга, 1993.
2. Через века: сборник краеведческих статей / авт.-сост. Г. Е. Асташкова. Вып. 1. Малоярославец, 2007.
3. Малоярославец. История и современность. Калуга: Фридгельм, 2013.
4. Письмо ФСБ РФ, Управление по Калужской области исх. № 76/М-236 от 01 июня 2016 г.
1. Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан / сост. Ю. И. Калинин, В. Ю. Лисянский, Н. П. Мониковская; Управление ФСК РФ по Калужской области. Т. 3. Калуга, 1993.
2. Прокуратура Калужской области № 12–143–2016 от 10.06.2016 г. «Справка о реабилитации» Бережанский Филипп Павлович (с приложением на 9 листах).
3. Прокуратура Калужской области № 12–143–2016 от 10.06.2016 г. «Справка о реабилитации» Бережанский Иван Павлович (с приложением на 10 листах).
4. Прокуратура Калужской области № 12–143–2016 от 10.06.2016 г. «Справка о реабилитации» Бережанский Федор Павлович (с приложением на 13 листах).

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Е. А. Щебикова,

*заслуженный работник культуры Калужской области,
директор Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года*

Появление и развитие сельских школ в XIX в. стало характерной чертой становления Российской государственности в условиях модернизации страны. Это был период активного развития промышленности, внедрения новых технических и агрономических методов в сельском хозяйстве, роста городов. Все это усиливало потребность не только в специалистах, но и просто в грамотных людях, которые могли бы соответствовать требованиям времени.

На основе привлечения документов, сохранившихся в региональных архивах и библиотеках, в статье рассматриваются проблемы организации обучения крестьянских детей с 1840 по 1900 г. в Малоярославецком уезде. Эта тема является малоизученной и, как нам кажется, представляет интерес для исследования истории просвещения Калужского региона.

В создании российской системы образования на протяжении столетий ведущая роль принадлежала государству, и, конечно, последнее слово оставалось за императором. История школьного образования в России включает в себя несколько этапов, каждый из которых имеет свои характерные особенности.

В царствование Николая I был принят новый «Устав гимназий и училищ» (1828), в соответствии с которым организовывались приходские училища для «первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между людьми из самых нижних состояний». В 1836 г. Священный

Синод издал специальный указ, где духовенству разъяснились правила «о первоначальном обучении поселянских детей». Государственным советом 24 декабря 1830 г. было утверждено «Положение о волостных училищах казенных поселян», по которому для крестьянских детей открывались школы, разрабатывалась программа обучения, определялись обязанности и права учителей. Мальчиков должны были обучать грамоте и основам делопроизводства.

В 1838 г. новому Министерству государственных имуществ (министерство, заведовавшее государственными землями и иным государственным имуществом в Российской империи) было предписано организовывать в «казенных» селениях приходские училища для мальчиков и разрешено отдавать их на обучение священникам. Работа по созданию школ в сельской местности началась сразу же после принятия Положения департаментом Министерства государственных имуществ. Деятельность по созданию школ на селе столкнулась с большими проблемами: негативным отношением крестьян к обучению своих детей, отсутствием пригодных зданий для школ, нехваткой учительских кадров, трудностями с учебниками и школьными принадлежностями. В Малоярославецком уезде в данный период приходских школ не было открыто.

Опыт Департамента государственных имуществ по организации обучения крестьянских мальчиков в 1830-х гг. лег в основу будущих реформ, а созданные учебные заведения впоследствии стали базой для создания сети общественных, государственных, церковно-приходских школ в сельской местности по всей Российской империи. В 1842 г. вышло высочайшее повеление об устройстве училищ для государственных крестьян под наблюдением местных управлений государственного имущества и за счет общественного сбора. Каждое селение должно было содержать свое училище.

Первое начальное училище ведомства государственных имуществ в Малоярославецком уезде открылось в селе Недельном в 1843 г.¹ В нем работал один учитель, и посещали его только мальчики.

В следующем, 1844-м, году открылось училище в деревне Новая Слободка, в 1851 — в селе Хрустали, в 1854 — в деревне Васильчиновка, а в 1857 — в селе Башмаковка. В этих селениях жили государственные крестьяне, и все сельские школы принадлежали Министерству государственных имуществ. В отношении государственных крестьян данное министерство должно было заботиться об улучшении их благосостояния, об их нравственном и интеллектуальном развитии, в особенности о распространении среди них сведений, полезных в быту. Училища посещали крестьянские мальчики, их обучение сводилось к получению навыков элементарной грамотности (чтение, письмо) и азам канцелярского дела. Большое внимание уделялось выработке у учащихся хорошего почерка и овладению ими устным счетом, но в целом уровень обучения в училищах был крайне низким.

Статистические сведения по численности учащихся в 1857 г. были таковы (к этому времени среди учеников появились и девочки): в Недельном обучалось 56 мальчиков и 43 девочки; в Башмаковке — 29 мальчиков и 16 девочек; в Хрусталях — 30 мальчиков и 6 девочек; в Новой Слободке — 57 мальчиков и 31 девочка, в Васильчиновке — 40 мальчиков и 6 девочек. В 1858 г., соответственно: в Недельном — 66 мальчиков и 50 девочек; в Башмаковке — 29 мальчиков и 16 девочек; в Хрусталях — 38 мальчиков и 10 девочек; в Новой Слободке — 69 мальчиков и 37 девочек; в Васильчиновке — 40 мальчиков и 6 девочек².

В селах Министерства государственных имуществ школы открывались и там, где обязанности учителей исполняли церковнослужители. Архивные документы свидетельствуют о том, что все учителя в училищах Малоярославецкого уезда были священниками: по два учителя работали в Недельном и Слободке, в остальных — по одному учителю. Данный труд не считался престижным, поскольку учителя имели низкий социальный статус и скудное материальное обеспечение. Контроль над деятельностью училищ осуществлялся как со стороны Министерства государственных имуществ, так и по линии Министерства народного просвещения. Отчетные данные, как правило, приукрашивались, численность учеников преувеличивалась, а сведения

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния / сост. М. Попроцкий. СПб., 1861. С. 40.

² Там же. С. 56.

о плохом состоянии школ скрывались. Кроме того, задуманная реформа образования в государственной деревне столкнулась с обычными для того времени препятствиями: отсутствием финансирования, низкой квалификацией педагогического состава и неготовностью крестьян к преобразованиям.

В середине XIX в. окончательно утвердилась идея о введении обязательного начального образования среди населения Российской империи. Единственная проблема, которая этому препятствовала, — крепостное право, с отменой которого в 1861 г. начался новый этап образовательных реформ. Этот сложный вопрос рассматривался в Особом комитете, состоявшем из представителей министерств: народного просвещения, государственных имуществ, уделов, внутренних дел, Синода, и в Ученом комитете Министерства народного просвещения. С 1860 по 1864 г. был разработан ряд проектов преобразований общеобразовательных школ, проходили обсуждения в специальных комиссиях, комитетах и на заседаниях Государственного совета. Итогом этой большой работы стало принятое 14 июля 1864 г. министерством «Положение о начальных училищах»¹. По этому «Положению» цель начальных народных училищ определялась так: «Утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» (§ 1). К начальным народным училищам были отнесены городские и сельские элементарные школы всех ведомств, содержащиеся за счет казны, обществ и частных лиц (§ 2). В начальных школах преподавались Закон Божий, чтение «по книгам гражданской и церковной печати», письмо, четыре арифметических действия и, где возможно, церковное пение. Все преподавание должно было вестись на русском языке. Продолжительность обучения не указывалась. Фактически она составляла: в лучших (земских, городских) школах — три года, а во многих других (особенно церковно-приходских) — два года. В «Положении» не был указан и возраст учащихся. В селах, где не имелось возможности открыть отдельно начальные училища для мальчиков и девочек, допускалось совместное обучение. Оно могло быть платным или бесплатным, по усмотрению тех ведомств, обществ и лиц, за счет которых училища содержались. Но, как правило, оно было бесплатным. По «Положению» 1864 г. учителями начальных классов имели право состоять церковники (священники, дьяконы и дьячки) или же светские лица. От духовных лиц не требовалось никаких документов, подтверждающих их подготовленность к преподаванию, добрую нравственность и политическую благонадежность, тогда как светские лица могли быть учителями начальных народных училищ в лишь том случае, если они «получали на звание учителя или учительницы особое разрешение уездного училищного совета по представлении удостоверения в доброй нравственности и благонадежности от лиц, совету известных» (§ 16). Положение 1864 г. было прогрессивным документом, поскольку впервые в России создавались школы, способствовавшие распространению грамотности среди сельского населения.

Начальные школы в пореформенной России были разных типов — государственные, земские, церковно-приходские, воскресные и т. д. Постепенно народное просвещение перестало быть явлением случайным, а сделалось постоянным, прочным институтом государственно-общественной жизни России и стало свидетельством поворота крестьян к грамоте.

Отношение сельского населения к просвещению было сложным, но постепенно ситуация стала меняться. Так, священник села Сляднева А. Е. Муринов во время встреч с прихожанами постоянно рассказывал о необходимости обучения грамоте. А в храмовый праздник Святителя и Чудотворца Николая решил «торжественно с церковной кафедры показать всем и обстоятельно пользу грамотности». Простыми словами он раскрыл, каким образом грамотность помогает «спасению души», «благополучно в настоящей жизни: как худо поступают родители, которые имеют возможность обучать детей грамоте, но по нерадению и какому-то непонятному упорству, не отдают их учиться и тем лишают их прямого счастья». Слово священника оказалось действенным, и на третий же день праздника к нему пришли три крестьянина с просьбой взять их мальчиков для обучения².

¹ Положение 14 июля 1864 г. // Сборник постановлений... Т. 3. № 560.

² Калужские губернские ведомости. 1862. № 12.

Обучать детей стал пономарь Андрей Глаголевский, в его доме была свободная комната. Во время отсутствия Глаголевского его заменяли жена и дочь, которые умели читать и писать. К январю 1862 г. в школе уже обучались 10 мальчиков и 2 девочки. За обучение бралось 5–7 рублей, а сироты обучались бесплатно. Священник следил за ходом обучения, он посещал школу два-три раза в неделю. Обстановка в школе была доброжелательная, детей старались не наказывать, а «лаской приваживали». Были и успехи: два мальчика, которые учились второй год, уже могли читать. Как отмечалось, они «чистым и четким почерком пишут по одной линейке». Будучи самыми умелыми и старшими, эти мальчики наблюдали за порядком. Сами дети говорили, что учатся «по своей охоте» и теперь всем рассказывают, что учиться — это хорошо. Другим детям тоже хотелось идти в школу, а один шестилетний мальчик «отдыху не дает своей матери: «Веди, говорит, мамка учиться, да и полно».

Самой важной реформой, стоящей у истоков сельской школы, была Земская реформа 1864 г. («Положение о земских учреждениях»), которая передала в ведение уездных земств учебные заведения. Земство как форма местного самоуправления решало проблемы организации, финансирования, обеспечения материально-технической базы и подготовки учителей, но основные полномочия народного просвещения по образовательной деятельности Министерство просвещения оставило за собой.

Что касается ситуации в Малоярославецком уезде, то к 1870 г. земство не учредило здесь ни одной новой школы, а на поддержку существующих выделило только 1232 рублей. Более того, еще в 1868 г. училище в деревне Васильчиновке, располагавшейся рядом с Новослободкой, соединили с Новослободским училищем. В это же время Детчинское волостное правление хотело устроить в селе Детчино училище при церкви, так как там было много детей, но на свое ходатайство перед Калужской губернской управой оно получило отказ из-за отсутствия финансов. Губернская управа обязала Малоярославецкую уездную власть найти возможность оказать помощь, однако школа так и не была открыта.

Первые земские чиновники считали образование народа делом самого населения, и на народное просвещение ассигнования были незначительными. Но даже если эти средства выделялись, процесс открытия школ всегда сопровождался определенными трудностями и не отличался активностью. Из-за дальности расстояний не все дети могли учиться, и бывало так, что крестьяне по своей инициативе организовывали школы в своих селах и деревнях и содержали их за свой счет. Так, в 1867 г. в Угодском Заводе было открыто частное народное училище на 25 учеников, которых учил выпускник Калужской духовной семинарии Дмитрий Тихомиров.

По сведениям, поступившим в Калужскую губернскую земскую управу 19 сентября 1869 г. из Малоярославецкой уездной управы, подтверждалось, что в уезде имелось семь училищ, из них пять мужских и два женских: в Недельном и Новослободке — по два для мальчиков и девочек, в Башмаковке, Хрусталах и Угодском Заводе — по одному¹. Училища в селениях казенных крестьян содержались за счет земства, в Угодском Заводе — за счет крестьян волости, а всего в уезде обучалось 300 мальчиков и 153 девочки.

Преподаватели назначались уездным училищным советом и ведомством государственных имуществ. Учителя работали по Программе двухгодичного курса для сельских училищ. Закон Божий преподавали по книге-руководству протоиерея церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге Д. П. Соколова «Начальное наставление в православной христианской вере». В соответствии с этой программой дети в первый год обучения со слов учителя заучивали молитвы, во второй год осуществлялось последовательное обучение по книге-руководству².

Грамоте обучали по «Руководству к обучению грамоте» Н. А. Корфа и по «Родному слову» К. Д. Ушинского. В течение первых месяцев занятий ученики изучали буквы по звуковому способу, изложенному в букваре Корфа, и «продельвали упражнения в черчении и первоначального письма». Далее и до конца второго года — по книге для учащихся К. Д. Ушинского. Арифметику на первом году обучения изучали по «Арифметике» К. А. Рубисова, на втором году — происходило

¹ ГАКО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 47. Л. 23, 23об.

² Там же. Л. 51.

последовательное изучение четырех действий с числами целыми и дробными, составными и несоставными, а также основательное изучение выкладок на счетах. На уроке пения заучивали отдельные молитвы, народные и школьные песни, пригодные для детского возраста.

В 1870–1874 гг. народное образование в сельской местности Малоярославецкого уезда было представлено восьмью училищами¹. В селе Недельном это было мужское училище, в котором обучалось 100 мальчиков от 7 до 12 лет, причем половина детей приходила из близлежащих деревень. Наставнику Ивану Ивановичу Воскресенскому, окончившему обучение в Калужской духовной семинарии, помогал дьякон церкви Покрова Пресвятой Богородицы Алексей Добрицкий, а в 1874 г. наставнику помогал также окончивший духовную семинарию Л. И. Малинин. Училище располагалось в казенном общественном доме, за свою работу учитель и его помощник получали от земства в 200 рублей и 75 рублей в год соответственно. В женском училище села Недельного обучались 54 девочки от 7 до 11 лет, из них приходило из деревень 5 девочек. Обучала их Анастасия Григорьевна Разумовская, «преподавательница из духовного звания» со стажем работы восемь лет и с жалованием в 100 рублей. Училище находилось в наемном крестьянском доме и получало на содержание 100 рублей. Учителя жили в квартирах при училищах.

В Башмаковском училище училось 48 мальчиков и 9 девочек 7–8 лет, из соседних деревень приходило 15 детей. Учитель Иван Бунаков окончил Калужскую духовную семинарию, его стаж работы составлял 3,5 года, зарплата — 100 рублей. Училище размещалось в наемном неудобном доме. В Хрусталеvском училище в 1870 г. обучалось 11 мальчиков и 3 девочки, в 1874 г. — 40 мальчиков (30 детей приходили из деревень) и 6 девочек, возраст детей — от 7 до 14 лет. Учителем работал Василий Тимофеевич Покровский, его стаж работы — 2 года, он также окончил курс наук в духовной семинарии, зарплата — 100 рублей. Училище находилось в казенном общественном доме. Земство оплачивало наем зданий — двух училищных домов по 45 рублей, отопление и освещение Неделинского мужского и Хрусталеvского — по 30 рублей, на учебные пособия для каждого училища выделялось — по 5 рублей.

В Новой Слободке располагалось мужское училище, где в 1870 г. обучалось 70 мальчиков, (учитель Афанасий Скворцов), в 1874 г. там обучалось 88 мальчиков от 6 до 12 лет (из деревень приходили 62 мальчика). Учителем также работал А. Д. Сергиевский, окончивший курс духовной семинарии, его жалование составляло 150 рублей. Училище располагалось в казенном общественном «удобно устроенном» доме. В женском Новослободском училище обучалось 56 девочек от 6 до 11 лет (40 из них приходило из деревень). Наставница, вдова священника Авдотья Сергеевна Страхова, стаж работы — около 15 лет, получала жалование в 150 рублей. Училище находилось в наемном неудобном доме. Новослободские училища получали от земства на отопление и освещение по 30 рублей, на учебные пособия — по 5 рублей, двум сторожам — по 35 рублей в год.

В Угодско-Заводском училище в 1870 г. учились 51 мальчик и 9 девочек в возрасте от 7 до 10 лет, в 1874 г. — 85 мальчиков и 36 девочек, из деревень приходило 47 мальчиков и 16 девочек. Наставником работал Василий Всесвятский, стаж которого был около двух лет, жалование составляло 204 рубля². В Неделинской волости находилось еще и Вознесенское училище, которое содержалось священником Ватолиным (по этому училищу имеется только одно упоминание в «Калужских губернских ведомостях». 1870. № 33). Помимо этого, в селе Трубино Федоровской волости, в которой не было училища, детей учили в своих домах пономарь Андрей Григорьев церкви Воскресения Господня (25 мальчиков) и дьячок Михаил Егоров (17 мальчиков), а также дьячок Богословской церкви села Федоровского Николай Степанов (6 мальчиков). Церковнослужители обучали детей азам чтения и письма. Родители сами платили за обучение от 5 до 6 рублей в год.

В окрестностях Малоярославца также работала воскресная школа при Чуриковской фабрике купцов Рябушинских, которая просуществовала с 1869 до 1874 г., пока фабрика не сгорела. В этой воскресной школе проходили бесплатные занятия для 82 мальчиков от 9 до 16 лет из семей фабричных рабочих. Занятия проводились в тесном помещении в одном из зданий фабрики. Детей обучали законоучитель священник малоярославецкой церкви Успения Пресвятой Богородицы

¹ ГАКО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 73. Л. 9, 9об., 10, 12, 16, 16об.

² Там же.

И. Рождественский и штатный смотритель малоярославецкого уездного училища А. И. Соколов. Воскресная школа содержалась за счет средств купцов Рябушинских. Самая большая школа существовала в селе Недельном, где обучалось 100 мальчиков, а наименьшей была Вознесенская школа — 11 мальчиков.

Во всех училищах предусматривалось обучение основам грамоты: письму, чтению, арифметике и Закону Божьему. Вся ответственность за успех обучения возлагалась на учителей. Методы обучения в то время были формальными и мало приспособленными к жизни, подготовка учащихся была очень слабой — они умели только кое-как читать и писать. Помимо основных предметов в Неделинском и Новослободском женских училищах девочек обучали шитью и вязанию кружев и салфеток, в Неделинском мужском училище старших учеников обучали садоводству, а в Хрусталевском — цветоводству и огородничеству.

Среди успехов в народном просвещении статистика тех лет отмечала хотя и медленное, но увеличение численности учащихся. Один из пунктов статистического наблюдения формулировал вопрос об «аккуратности» посещения уроков. Порой в училищах числилось много учеников, но занятия посещали далеко не все. Организацию обучения затрудняла удаленность школ, иногда на десятки верст от местожительства учащихся. Так, в Башмаковской школе было 57 учеников, а «аккуратно» приходили всего 13, в Хрусталевской — из 46 только 15, в Новослободском мужском училище — из 88 стабильно посещали занятия 35 мальчиков. Только ученики школы Рябушинских «почти все аккуратно посещают».

Статистические и этнографические исследования сел и деревень обычно обращали внимание на грамотность жителей и желание крестьян обучать детей грамоте. Например, в 1874 г. в селе Недельном отмечалось: «Дворов 1 568, пользующихся землей — 4 438 душ, из них работающих 2 650 чел., женщин 4 280 душ. Грамотными в селе обоего пола 628 чел.». В Новой Слободке «платежных душ 4 259, женского пола 3 896, дворов — 1 565, грамотных по одному в каждом доме». А в Угодском Заводе «грамотных в селе более 500 чел. обоего пола».

Материальное положение сельских школ оставляло желать лучшего. Школьные помещения, располагавшиеся, как правило, в наемных крестьянских избах, если даже и в общественных казенных, были тесными и непригодными для учебного процесса, остро ощущалась нехватка учебных пособий.

По новому «Положению о начальных народных училищах», утвержденному Александром II 31 мая 1874 г., были реформированы училищные советы: их деятельность отныне ограничивалась хозяйственными и административными вопросами. Руководство же всей учебной частью передавалось в руки директоров и инспекторов народных училищ, которые также выполняли функцию правительственного надзора за земской школой и учительством. С 1874 г. все начальные школы в селах стали называться земскими народными училищами. В 1875 г. появилась «Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ», регулирующая деятельность этих учебных заведений. Срок обучения в одноклассных училищах составлял три года, в течение которых изучался Закон Божий, славянская грамота, чистописание, арифметика. В двухклассных училищах обучение составляло 5 лет, учеников знакомили с историей, географией, естествознанием, черчением. Учитывая сельский характер школ, учебный план мог быть дополнен уроками по ремеслу и рукоделию, садоводству и огородничеству.

Из земской школы ученик выносил массу полезных навыков — умение пользоваться торговыми счетами, связно излагать устно и на бумаге свои мысли, воспринимать основы православной веры. Нужно отметить, что земские школы оказались жизнеспособными, благодаря внедрению новых принципов первоначального обучения, приходу новых учителей и поддержке школ крестьянами. Училища функционировали не только в условиях долевого финансирования Министерства народного просвещения, но и за счет средств других учредителей: земств, попечителей, сельских общин, дворян и купцов, крестьян-благотворителей. Одной из форм общественного участия в сфере образования было попечительство и благотворительность, которые в России имеют богатую историю. Не стал исключением и Малоярославецкий уезд в исследуемый период.

Купцы, уроженцы Малоярославецкого уезда, принимали активное участие в деле образования и просвещения населения своего края. Так, 3 октября 1879 г. в селе Смахтино Детчинской

волости было открыто народное училище по инициативе нашего земляка московского купца Аркадия Владимировича Ботнева¹. Ботнев вместе с братом торговал в Москве бумажными товарами, имея свой «Торговый дом братьев Ботневых и К^о». В родном селе благотворитель снабдил училище «в изобилии учебными пособиями, классная мебель изготовлена по лучшим образцам». В это училище поступило учиться 15 мальчиков и 5 девочек. Законоучителем был назначен Смирнов, священник местной церкви, учительницей — девица Извекова. Жена местного купца обучала девочек рукоделию. На церемонии открытия училища присутствовали: инспектор народных училищ Д. А. Глазов, члены училищного совета — К. Н. Лукьянчиков, А. И. Богданович, благотворитель училища А. В. Ботнев. Священником был отслужен молебен, а Богданович обратился к детям с торжественным словом.

Создание благотворительного заведения или оказание другого благого дела шли рука об руку с осознанием серьезности и ответственности за предпринимаемые действия. Купец А. В. Ботнев обязывался давать на нужды училища по 50 рублей в год, а в первый год за его счет, помимо учебных пособий и принадлежностей, оплачивалось отопление.

В 1879 г. в уезде функционировало 12 сельских школ, за последние 5 лет было открыто две школы: в 1878 г. в Спас-Лакшене (Спас-Загорье) Марьинской волости и в селе Дольском Башмаковской волости. Но по сравнению с другими уездами Калужской губернии в Малоярославецком уезде их было меньше всего. Так, в Жиздринском уезде насчитывалось 75 школ, в Козельском — 37, в Боровском и Медынском — по 20. Все школы были расположены в юго-восточной части нашего уезда, а западная часть, значительная по пространству и населению, характеризовалась полнейшим отсутствием финансовых средств у сельских обществ и земства и «нежеланием населения к просвещению».

Формы и виды помощи народным училищам были разнообразными и не ограничивались только перечислением денежных средств, поскольку основной проблемой являлось отсутствие пригодных для обучения детей зданий. И к 1880 г. только в Хрусталева школе, благодаря заботливости члена Малоярославецкого училищного совета В. Д. Кутырина, училищное здание было приведено в отличное состояние и стало относиться к лучшим помещениям уезда. Четыре школы располагались в собственных домах, три — в наемных, две — при волостных управлениях, две — в домах священников, одна — в церковной строжке. Удобными для учебы были: Новослободское мужское, Хрусталева, Трубинское, Неделинское мужское, Башмаковское и Савиновское училища.

В сельских начальных училищах, в том числе и в Малоярославецком уезде, роль учителей обычно выполняли священники. Они охотно соглашались работать в казенных школах, где их труд хорошо вознаграждался. Для большей части церковнослужителей, особенно для выпускников духовных семинарий, которые не получили прихода, это было лучшее место. Учитель получал годовое жалование и готовую квартиру с отоплением и освещением. Важнейшей чертой системы сельского образования являлась его воспитательная направленность. Именно на воспитание учеников этих школ в духе высокой нравственности и были направлены усилия учителей.

Сначала в Неделинском мужском училище преподавал Д. И. Сергиевский, затем — воспитанник Тифлисской духовной семинарии В. И. Ильин, который около 15 лет проработал учителем и слыл «строгим, ревностным наставником». Этот учитель основал фруктовый сад при училище, чем «драгоценный памятник по себе он оставил». На место Ильина после его смерти был переведен из Новослободского училища И. И. Воскресенский, которому за долговременную и усердную службу, за любовь к делу народного образования выдали Аттестат Министерства государственных имуществ и «серебряную медаль на александровской ленте»². Еще один учитель, В. Н. Троицкий, обучил около 300 учеников, из них 66 получили льготу по воинской повинности. Местные жители в знак благодарности назначили ему дополнительное жалование.

Как уже отмечалось, формы попечительской помощи были разнообразными и исходили из нужд курируемого училища, например, обеспечение школьных библиотек книгами

¹ Калужские губернские ведомости. 1879. № 86; Справочная книга о лицах, получивших на 1879 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии в Москве. М.: Типография придворного поставщика И. Чуксина, 1879. С. 86.

² Калужские губернские ведомости. 1881. № 130.

и пособиями. Всего в малоярославецких сельских школах в библиотеках находилось 4 623 тома различных изданий. Самая лучшая библиотека имела в Неделинском мужском училище, которая с 1865 г. пополнялась на средства крестьянина этого села П. Я. Сараева¹. На учебные пособия отпускалось, как правило, по 5 рублей в год, в классах были атласы, глобусы и географические карты, но в целом пособиями школы были не вполне обеспечены.

Активное участие сельских сообществ и высокая степень участия крестьян в благотворительной деятельности на ниве просвещения привели к тому, что школьная сеть уезда к концу XIX в. увеличилась. Так, благодаря невелинскому волостному старшине, крестьянину В. В. Васильеву в 1881 г. в д. Новой была открыта школа. Видя искреннее желание новосельских крестьян иметь у себя школу, он принял участие в их благородном намерении. Прежде всего нужно было найти помещение под училище. В деревне пустовал дом крестьянина, который занимался торговлей в Курске. Его дом был весьма удобен для размещения училища. Крестьяне из деревень Новой, Булгаково, Болотня купили это здание. Затем составили «приговор» о желании открыть здесь училище, приняв на себя расходы по ремонту, отоплению, освещению и содержанию училищной прислуги, избрав при этом «г. Васильева попечителем училища». Этот документ 25 февраля 1881 г. был отправлен председателю Малоярославецкого училищного совета, в нем от крестьян была выражена просьба об определении учителя и назначении ему жалования из сумм земства. Совет доложил в дирекцию народных училищ Калужской губернии, оттуда пришел ответ волостному старшине, что училище в деревне Новой может быть открыто, если только крестьяне согласятся платить учителю жалование до 1882 года. Крестьяне согласились, и в сентябре 1881 г. училище было открыто. Учителем был назначен Жуков, получивший образование в Медынском уездном училище и выдержавший экзамен на звание народного учителя. По отзыву попечителя школы и крестьян Жуков занимался своим делом ревностно, обучение шло успешно. Учитель получал жалование от крестьян 10 рублей и от земства с 1882 г. — тоже 10 рублей. Училось 42 мальчика и 12 девочек. Благодаря заботливости попечителя крестьянина В. В. Васильева Новинское училище ни в чем не имело недостатка, оно было укомплектовано книгами, учебными пособиями и мебелью².

Крестьяне деревни Кузнецовка Авчининской волости, желая чем-либо ознаменовать день «Священного коронования их Императорских Величеств Государя Императора Александра Третьего и Государыни Императрицы Марии Федоровны», по предложению местного волостного старшины Н. В. Самбурава постановили построить новое здание для училища, которое работало с 1881 г., и назвать его «Кузнецовским училищем императора Александра III», а также составили поздравительный адрес для государя. 24 июня 1883 г. старшина Самбуров преподнес адрес его величеству в Зимнем дворце вместе «с изящной в серебряной ризе иконой», за что крестьяне удостоились получить через Самбурова словесную благодарность Александра III.

Старшина Самбуров дал 120 рублей на новое школьное здание. Оно было построено на каменном фундаменте, покрыто железом, имело новейшие приспособления, в классах стояла новая мебель, при доме устроили удобную квартиру для учителя³. 26 сентября 1883 г. прошло освящение нового здания народного училища. На освящении училища присутствовали председатель Малоярославецкого уездного училищного совета Н. А. Веселовский, члены совета А. И. Богданович, В. Д. Кутырин, В. Я. Горянский, попечитель Н. В. Самбуров, законоучитель о. Щеглов и другие учителя уезда.

Торжество проходило при «громчайшем стечении народа», в присутствии 75-ти учащихся (мальчиков и девочек). Крестьяне были рады открытию для их детей новой школы, и даже показались слезы в глазах многих женщин и мужчин, когда дьякон произнес «о ниспослании на них (на детей) духа разума, духа премудрости». По окончании молебна с водоосвящением было провозглашено многолетие государю императору, всему царствующему дому, присутствовавшим «деятелям образования» и учащимся. Затем были сказаны речи законоучителем училищ

¹ Калужские губернские ведомости. 1881. № 130.

² Калужские губернские ведомости. 1882. № 1.

³ Калужские губернские ведомости. 1883. № 79.

Богдановичем, после чего попечитель радушно пригласил всех на обед, на котором последовали тосты за здоровье всех членов императорского царственного дома, членов совета, попечителя и всех «ревнителей образования».

За 1883 г. в уезде открылись еще два смешанных училища: в селах Поречье Неделинской волости и Сетунь Детчинской волости. Училища были открыты и содержались за счет земства, которое отпускало по 150 рублей в год, а отопление и наем обслуживающего персонала обеспечивался за счет средств местных крестьянских обществ. Крестьянин Е. Т. Мухин из деревни Андреевской (Адлеровки) Марьинской волости вложил в качестве попечителя 600 рублей в устройство школы, которая открылась в 1886–1887 гг. Здание было деревянное, но на каменном фундаменте, с наружной стороны оно было покрашено масляной краской, классная комната была оборудована необходимой мебелью и иконостасом, при училище были также кухня и квартира для учителя.

Основными документами, которыми руководствовались учителя в деятельности обучения сельских школьников, были «Правила о церковно-приходских школах» (1884) и «Правила о школах грамоты» (1891). Этими документами определялись особенности учебных заведений: порядок формирования, специфика обучения и управления. Предметами обучения в сельских школах оставались «Закон Божий, церковное пение с голоса, чтение церковнославянское и русское, письмо и начальное счисление».

Отметим характерные особенности педагогической деятельности сельских школ того времени. Учебный год начинался с октября — ноября, заканчивался в конце апреля. Дело в том, что в крестьянских семьях дети школьного возраста — это рабочая сила и их отпускали в школу только с окончанием осенних полевых работ, а забирали весной с началом пахоты. С 1901 г. во всех школах было установлено празднование памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Окончание учебного года и проведение экзаменов приурочивалось к этому дню — 11 мая. На «годовые испытания при отбывании воинской повинности» помимо официального состава экзаменационной комиссии — священника, заведующего школой, законоучителей и учителей других школ — «без права голоса» приходили почетные прихожане и родители. Чтобы получить льготу по повинности дети должны были получить по каждому предмету не менее трех баллов.

В связи с этим следует отметить, что в России в 1874 г. был отменен рекрутский набор и устанавливалась всеобщая воинская повинность. Причем чем выше был уровень образования, тем меньше был срок действительной службы. Для молодых людей, не имевших начального образования, он был равен шести годам, тогда как для людей, окончивших начальную школу, — четырем годам.

Помимо летних каникул существовали рождественские каникулы с 24 декабря по 7 января, неучебной была и первая неделя Великого Поста. Порядок учебного дня устанавливался следующим образом: перед началом дневных занятий в 8 (8.30) часов утра в присутствии учителя и всех учеников читались утренние молитвы; в классе, во все время занятий перед иконой обычно горела лампада, масло для которой приносили ученики. Уроки начинались в 9 часов и с короткими перерывами продолжались до 12 часов, после чего ученики отпускались на 1–2 часа на обед. Затем следовали послеобеденные занятия. При условии полного использования положенных по программе учебных часов необходимо было каждый будний день заниматься еще по 5–6 часов, а в субботу — по 4 часа.

Как правило, занятия проводились одним учителем одновременно с тремя отделениями (классами). Это означало, что пока учитель объяснял материал одному отделению, два других должны были заниматься самостоятельной работой, что снижало качество обучения. Главными предметами в школах, согласно отведенным часам, были Закон Божий и русский язык — по 7 часов в неделю. Преподаванию других предметов в разных школах отводилось неодинаковое по объему время. Например, арифметике — 4–6 часов, чистописанию 2–4 часа. По русскому языку изучали орфографию, этимологию, пунктуацию, дети писали несложные сочинения описательного и повествовательного характера, заучивали наизусть стихи и басни, по арифметике решали несложные задачи на четыре действия, вычисляли простейшие дроби, учились считать на торговых счетах.

Регулярное посещение школы в зимние морозы и в осеннюю распутицу сдерживалось отсутствием у детей теплой одежды. Сюда также примыкала проблема удаленности школы от дома.

Все это негативно отражалось на усвоении школьниками учебного материала. Существовали сложности и с посещением школ девочками. Из-за домашней работы и присмотра за младшими детьми родители зачастую не отпускали девочек в школу. Без помощи детей по дому могли обойтись только зажиточные крестьяне, видевшие необходимость в образовании своих детей.

Средства на содержание школ были ограничены, все школы нуждались в учебниках, чернилах, бумаге, перьях. Добротные отдельные здания школ были редкостью, дети учились в основном в холодных тесных помещениях с земляным полом. Наблюдатели, которые посещали такие школы, заявляли, что они с трудом могли в течение всего лишь часа находиться в подобных условиях. И если в школах продолжали учиться по три года, то это свидетельствовало «только о желании детей учиться и о великом терпении учителя-священника». Плохие гигиенические условия школ и неудовлетворительное санитарное состояние сел и деревень вызывали эпидемические заболевания детей корью, скарлатиной, дифтеритом, тифом и другими болезнями, что приостанавливало занятия и приводило к снижению успеваемости в училищах.

Представители других ведомств чаще всего не обращали внимания на методики преподавания, поэтому в отчетах Министерства государственных имуществ и Духовного ведомства сообщались только самые общие итоги успеваемости учащихся и описание хозяйственной части школ. Исключением в этом плане в Калужской губернии был епископ Калужский и Боровский Владимир. В 1887 г. «главным двигателем ... школ Калужской епархии и ревнителем народного образования в духе Святой веры и церкви был архипастырь преосвященнейший Владимир, епископ Калужский и Боровский». Обозревая епархию, он повсюду внушал духовенству быть достойным своего звания — обучать и воспитывать детей в духе веры и церкви. В школах он собирал детей, лично знакомился с их успехами, тут же давал священникам указания и делал свои замечания.

1895 г. ознаменовался открытием в Угодско-Заводской волости сразу трех школ. Одним из инициаторов устройства школ был участковый земский начальник М. И. Нефедьев. Сознавая недостаточность училищ в волости и заботясь об их увеличении, он наметил несколько пунктов для открытия новых школ. Но при ограниченности у земства средств план не мог осуществиться, если бы М. И. Нефедьев не нашел поддержки у щедрого благотворителя, московского потомственного почетного гражданина Тимофея Ивановича Назарова, крестьянина, уроженца волости, который многим в своей жизни был обязан грамоте¹.

Т. И. Назаров пожертвовал 5 300 рублей на строительство школ и еще 1 000 рублей на учебники, пособия и классные принадлежности. В трех деревнях — Белоусово, Трясь и Михайловка — были построены по одному плану «красивые, выкрашенные снаружи, на каменных фундаментах, крытые железом, с просторными, светлыми, высокими помещениями для классов, с теплым коридорами для раздевания детей, с удобными квартирами для учительниц». Эти здания могли служить образцами лучших школьных помещений, что было отмечено директором народных училищ Калужской губернии Д. С. Унковским. Назаров подарил каждому училищу по ценной иконе «Спасителя» и портрету «царствующего государя императора», еще дал 5 000 рублей «на внутреннее устройство и украшение помещений», и сверх того застраховал школы на одиннадцать лет вперед, считая с сентября 1895 г.

К началу учебного года школы были построены, и 10 сентября 1895 г. настал «выдающийся день для обывателей» этих деревень, когда были освящены здания и открыты в них народные училища. Исключительная торжественность открытия, на которую все обращали внимание, была обусловлена обстоятельствами возникновения школ и личностью жертвователя. Торжество началось в 11 часов утра со школы в Белоусово. На нем присутствовали: протоиерей собора Иконы Казанской Божией Матери Н. Г. Чиннов, благочинный Н. З. Ремизов, инспектор народных училищ П. И. Никольский, председатель земской управы А. И. Богданович, директор народных училищ Калужской губернии Д. С. Унковский, уездный исправник С. В. Ешевский, члены училищного совета, от земства — князь Л. В. Оболенский, от Министерства народного

¹ *Стадников А. В.* Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX — начало XX в.) // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М.: Изд-во Московского университета, 1999. Т. И. Назаров — купец 1-й гильдии, домовладелец, владелец ткацко-бумажной фабрики в Москве, торговец бумажным товаром в своих лавках и амбарах в Москве и Нижнем Новгороде, а также на украинских ярмарках.

просвещения— Н. К. Батуев, малоярославецкий городской староста Д. В. Емельянов, малоярославецкий уездный предводитель дворянства А. И. Храповицкий, земский начальник Д. Н. Челищев, земский врач Н. М. Петров, становой пристав, а также местный волостной старшина, сельские старосты и выборные от каждого сельского общества. Завершали список присутствующих «оживленные лица» тридцати детей «учащихся обоего пола и масса народа»¹.

Торжество началось «с молебствия с водосвятием», совершенного Н. Г. Чинновым при пении хора певчих, затем последовали торжественные речи председателя земской управы и инспектора народных училищ, который объявил учебное заведение открытым. Присутствующие отметили это событие громким «Ура!», а детей угостили сладостями. Затем все отправились в деревни Трясь и Михайловку, где также состоялся подобный торжественный акт. При открытии школы в Михайловке была получена телеграмма от Т. И. Назарова, в которой он поздравлял всех с открытием школ, выразив сожаление, что из-за болезни не может присутствовать. Прочтение телеграммы вызвало «долгие крики слов благодарности» в адрес благотворителя. После освящения и открытия школ А. И. Богданович, как главный распорядитель по устройству торжества, предложил от имени Т. И. Назарова «по русскому обычаю хлеб-соль, которой они откушали в Угодском Заводе». Во время праздничного обеда звучали тосты за государя, преосвященного епископа Калужского и Боровского Александра, за губернатора князя Н. Д. Голицына, за предводителя дворянства, директора училища и, конечно же, «за строителя и жертвователя Назарова». Перерывы в речах сопровождались криками «Ура!» и пением певчих.

Значимой чертой благотворительности в сфере образования и народного просвещения было участие дворян. Сын Льва Николаевича Толстого Илья Львович и его жена Софья Николаевна в 1900 г. в своем имении Дубровка открыли начальное училище. Первоначально оно располагалось в непригодном помещении, и Илья Львович добился разрешения у директора народных училищ перевести школу в усадьбу. С 1901 г. оно разместилось в восточном флигеле, примыкающем к главному дому. Но училище просуществовало там до 1904 г., когда оно было закрыто из-за того, что власти узнали о ведущихся в усадьбе противозаконных беседах с простым народом. В этот период остро становится вопрос о постройке нового здания для училища. В конце 1905 г. Илья Львович как попечитель докладывал Малоярославецкому уездному земскому собранию, как идет работа над проектом здания, также о том, что земством были выделены деньги, и предложил на время постройки здания опять перевести училище в помещения усадьбы. В итоге новое одноэтажное, деревянное здание для училища было построено только в 1913 г.²

В 1900 г. в училище работали законоучитель и учительница, к 1917 г. здесь было 103 ребенка и две учительницы. Крестьянских детей обучали грамоте, Закону Божьему и рукоделию. Софья Николаевна сама занималась школьными делами, выписывала книги и журналы для школы в Дубровке. Сейчас невозможно сказать, какая система образования была в Дубровской школе, но, как нам кажется, Илья и Софья Толстые придерживались взглядов Льва Николаевича Толстого. Он считал, что образование— это воспитание нравственной личности, задача обучения и воспитания заключается в формировании творческого мышления и нравственного самосознания учащихся. По воспоминаниям Ильи Львовича, «...деревенские ребята приходили к нам, и их было очень много. Когда они приходили, в передней пахло полушубками, и учили их всех вместе и папа, и Сережа, и Таня, и дядя Костя. Во время уроков бывало очень весело и оживленно... Папа особенно ценил в своих учениках образность и самобытность их языка. Он никогда не требовал буквального повторения книжных выражений и особенно поощрял все “свое”». В 1900–1901 гг. Лев Николаевич дважды бывал в имении сына, и, возможно, они вели беседы по методике обучения крестьянских детей.

Еще 13 июня 1884 г. были опубликованы правила о церковно-приходских школах. Это первый документ, определивший положение школ и политику государства по отношению к ним. В тех селах, где не было ни земских, ни министерских школ, открывались церковно-приходские. Они были еще одним типом низших начальных учебных заведений в сельской местности. Подобные

¹ Калужские губернские ведомости. 1895. № 105.

² ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 581. Л. 691об, 695.

школы требовали больших материальных затрат, большего количества учительского персонала (обычно 5–7, не считая законоучителей), к тому же были нацелены и на подготовку учителей для школ грамоты. В Малоярославецком уезде количество двухклассных церковно-приходских школ было незначительным. К 1914 г., например, была всего одна, в селе Запажье Авчининской волости. Законоучители: священники И. Страхов и А. Морозов; учительницы: Анна Александровна Виноградская, Вера Борисовна Домарева и Анна Петровна Кружкова.

В результате развития начального образования за 30 послереформенных лет значительная часть школ оказалась одноклассными училищами с курсом обучения в один-три года и в них обучалась основная масса сельского населения.

Индустриализация, проводившаяся в России на рубеже XIX–XX вв., сделала актуальным вопрос о всеобщем образовании. В частности, среди предполагаемых реформ, проводимых под руководством П. А. Столыпина, значилось введение в стране всеобщего бесплатного начального образования. Однако Первая мировая война, революционные события 1917 г. и Гражданская война перечеркнули эти планы и проблема преодоления неграмотности осталась нерешенной.

Подводя итог исследованию истории и педагогических традиций сельских школ Малоярославецкого уезда в исторической ретроспективе с середины XIX до начала XX в., можно выделить следующие ключевые моменты. Именно в это время были разработаны и реализованы различные системы государственного народного образования и уникальные модели сельских школ по их видам: одноклассные и двухклассные, церковно-приходские и крестьянские школы грамоты; по ведомственной принадлежности — земские, Св. Синода, Министерства народного просвещения, Министерства государственных имуществ. Деятельность сельских школ определялась «Инструкцией для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения» (1875). Что касается организации процесса обучения, то использовались коллективные формы и методы обучения учащихся, а по содержанию — формировались навыки элементарной грамотности в рамках учебных предметов: Катехизиса, Закона Божьего, русского языка с чистописанием, славянской грамотности, арифметики, истории, географии, церковного пения, ремесел. Воспитательная школьная система имела элементы как религиозной, так и светской системы. В некоторых селах создание и содержание школ брали на себя прогрессивно настроенные крестьяне, купцы, помещики. Политика правительства в просвещении крестьянства заключалась в том, чтобы дать ему лишь элементарные знания и ограничить доступ в среднюю школу.

Отметим, что к 1917 г. на территории нашего уезда насчитывалось 22 школы (в том числе и те, которые в настоящее время административно входят в состав Жуковского района). Из их числа лучшим считалось мужское Неделинское училище. Изучение истории и педагогических традиций позволяет составить представление о становлении и развитии сельской народной школы середины XIX — начала XX в. в Малоярославецком уезде.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ КАСЬЯНА АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕНКОВА, АРХИВИСТА, КРАЕВЕДА, УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. В. Прохоровский,

директор Государственного архива документов новейшей истории Калужской области

Среди архивистов и краеведов Калужской области Касьян Андреевич Поленков известен прежде всего основной темой своих работ — Великая Отечественная война 1941–1945 годов, прошедшая через судьбы людей и оставившая глубокий след в их жизни. Многие исследования и публикации К. А. Поленкова — о тех, кто воевал на разных направлениях, кто внес свой вклад в Великую Победу.

Касьян Андреевич Поленков родился 14 марта 1915 г. в д. Дементеевка Дорогобужского района Смоленской области.

Личный листок по учёту руководящих кадров

Формы № 2

1. Фамилия **Поленков**
 имя **Касьян** отчество **Андреевич**

2. Пол **М.** 3. Год и м-ц рождения **1915, III** 4. Место рождения:
 а) по существующему в то время адм. делению **Смоленская г.д. Селиванский у., Маршевичинская вол., д. Деметьевское.**
 б) по существующему в настоящее время адм. делению **Смоленская обл., Дорогобужский р-н, Ушковский ч.д., д. Деметьево.**

5. Национальность **русские** 6. Соц. происхождение:
 а) бывшее сословие (звание) родителей **отцы — крестьяне, матери — крестьяне.**
 б) основное занятие родителей до Октябрьской революции **крестьяне.**

7. Основная профессия (занятие) **преподаватель школы, учитель.**

8. Стаж работы по этой профессии **1 мес.** 8. Соц. положение **служащий** 9. Партийность **член К.П.**

10. Какой организацией принят в КПСС **Полкотоделом 8 Завардейской армией.**

11. Партийный билет **1944 № 0187000** или ж/карточка

12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с **1932** по **1943** 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) **не состоял**

14. Состоял ли ранее в КПСС **нет** с какого и по какое время _____ и причины исключения или выбытия _____

15. Участвовал ли в антипартийных группировках (каких, когда) и когда ли выбыл из проведения линии партии **не участвовал**

16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года **Дорогобужский комитет культуры.**

17. Образование **высшее**

Исследования в учебных заведениях (вузы, техникумы, школы, курсы, институты и др.) и местонахождение	Название факультета или отделения	Даты окончания (год)	Средний балл	Степень или квалификация	Иные сведения (напр., участие в научных работах)
Смоленский педагогический институт	Физ. матем. и литер. ф-т	IX, VI	д.а.	преподаватель русского языка и литературы	
Калужский вечерний университет марксизма-ленинизма		1947, 1949	д.а.		

18. Учебная степень, учёное звание, труды и изобретения: **нет** (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).

19. Имел ли научные труды и изобретения: **нет**

20. Был ли за границей (включая службу в Советской Армии) **да**

Место, где и как	В какой стране (русской территории)		Цель пребывания за границей
	с какого по какое время	в какой стране	
а-1944	в-1946	Украина, Болгария, Венгрия, Югославия, Австрия	Участие в Великой Отечественной войне и служба в рядах Советской Армии по окончанию войны

* Если человек не числится в книге КПСС, в отношении которого не известно, был ли диспартийным — к этому работнику не применяется форма.

Личный листок по учёту руководящих кадров
К. А. Поленкова

лейтенант Поленков, командир огневого взвода 184-го истребительного противотанкового артиллерийского полка РКК воевал на Северо-Западном, Юго-Западном, Третьем Украинском фронтах. Касьян Андреевич Поленков прошел путь со своим полком от Северного Донца до г. Граца (Австрия)¹.

В мае 1946 г. в звании старший лейтенант был уволен в запас, приехал в Калугу. За участие в боях против врага был награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда».

С 10 августа 1946 года по январь 1948 года — заведующий кабинетом основ марксизма-ленинизма Калужского учительского института.

С января 1948 по май 1949 г. — преподаватель русского языка на курсах переподготовки руководящих партийных и советских работников при обкоме ВКП(б)².

В июне 1949 г. утвержден научным сотрудником партийного архива Калужского обкома ВКП(б). В 1951 г. сменил И. Г. Филиппова на посту заведующего партархивом и работал в этой должности до 1985 г.³

За годы работы в партийном архиве под руководством и при участии К. А. Поленкова велась большая научно-исследовательская, собирательская работа, при непосредственном участии К. А. Поленкова подготовлены и изданы 34 книги и брошюры, в том числе два издания

В 1931 г., окончив 7 классов, поступил в Дорогобужский сельскохозяйственный техникум, но через год семья переехала в Смоленск, и в 1932 г. Поленков поступил в Смоленский железнодорожный техникум.

В 1936 году после окончания техникума был направлен на работу техником-строителем на стройку железной дороги Уральск — Илецк.

В 1937 г. вернулся в Смоленск и работал техником жилищного сектора горкомхоза. В этом же году поступил в Смоленский педагогический институт на факультет языка и литературы, который окончил в июне 1941 г.

26 июня 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны был зачислен в сформированный в Смоленске истребительный батальон. Через три дня был тяжело ранен, лечился в госпиталях г. Вязьмы и г. Щелково Московской области. После излечения эвакуировался в Татарстан, где работал ответственным секретарем районной газеты в с. Пестрецы Татарской АССР.

В марте 1942 г. направлен во 2-е Ростовское артиллерийское училище.

В декабре 1942 г., окончив училище, назначен командиром огневого взвода 12-го стрелкового полка 4-й воздушно-десантной гвардейской стрелковой дивизии. В бою был тяжело ранен. Снова лечение в госпитале. После госпиталя

«Очерков истории Калужской организации КПСС» (в 1967 и в 1978 гг.); книги о военных событиях на территории Калужской области, «Когда бушуют грозы» (в 1969 г.), «В годы суровых испытаний» (в 1984 г.). Книга «Калужане—герои Советского Союза» в соавторстве с Н. А. Хромиенковым была написана в 1963 г. — это результат большой собирательской работы К. А. Поленкова и коллектива партийного архива. Второе, дополненное, издание книги вышло в 2000 г. Сотрудниками архива подготовлены публикации периодической печати, выпущены плакаты, прочитано множество лекций перед студентами и школьниками по краеведению⁴.

К. А. Поленков был награжден Почетными грамотами Верховного Совета СССР, института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

14 июня 1978 г. К. А. Поленкову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР»⁵.

Касьян Андреевич Поленков помогал молодым сотрудникам архива, с большим вниманием и уважением относился к документам и воспитывал эти качества у архивистов.

Уже находясь на заслуженном отдыхе, он практически каждый день приходил в архив, занимался с документами, выпустил книгу «Камарада Атанасов» в соавторстве с В. Н. Калашниковым. Книга посвящена боевому пути Героя Советского Союза, участника войны в Испании Афанасия Васильевича Лапшова.

Мы, архивисты, до сих пор считаем К. А. Поленкова своим учителем, наставником, пользуемся его методическими разработками, а книги, написанные К. А. Поленковым, являются основной литературой по краеведению для учащихся и учителей и других пользователей, интересующихся историей родного края.

Жизнь и деятельность Касьяна Андреевича Поленкова — пример служения и преданности своему делу.

Умер К. А. Поленков 20 сентября 2001 года.

Похоронен на Пятницком кладбище города Калуги.

Касьян Андреевич Поленков

Примечания

¹ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-7658. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5; Д. 3. Л. 5, 7.

² Там же. Ф. П-55. Оп. 120. Д. 2742. Л. 3.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. П-7658. Оп. 1 Д. 44. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 48. Л. 9, 10.

КАЛУГА — В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Ю. А. Нефедов,

*заведующий научно-исследовательским сектором военной истории
Калужского объединенного музея-заповедника,
руководитель КВИР «БАТАЛЬОН», член координационного совета
по ЦФО ООД «Клубы исторической реконструкции России»*

Сводка СОВИНФОРМБЮРО 30.12.1941 г.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

ВОЙСКА ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗАНЯЛИ ГОРОД КАЛУГУ. ПОРАЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ГУДЕРИАНА.

После разгрома под Тулой 2-й бронетанковой армии генерал-полковника Гудериана войска Западного фронта продолжали решительное наступление, преследуя и громя ее остатки. Германское командование, пытаясь задержать и остановить наше наступление, спешно перегруппировывало свои войска, подтягивая из глубины резервы. В результате последовавших упорных боев на рубежах рек Нара, Протва и Ока укрепленные позиции 4-й германской армии (генерал-фельдмаршал фон Клюге) были прорваны во многих местах, и оборонявшим их войскам нанесено решительное поражение. В ходе боев войсками Западного фронта были разбиты 20, 12, 13, 43, 53 и 57 германские армейские корпуса в составе 292, 258, 183, 15, 98, 34, 268, 260, 62, 17, 137, 131, 31, 296 и 167 пехотных и 19-й танковой дивизий и 2-я бригада «СС», переброшенная на самолетах из Кракова. Противник под ударами наших войск продолжает отступление в западном направлении, оставляя в боях и по пути отхода своих раненых, артиллерию, оружие и военное имущество. После освобождения от противника городов Наро-Фоминск, Угодский завод, Алексин, Таруса, Щекино, Одоев, Черепеть, Перемышль, Лихвин, Козельск и сотен поселков, сел и деревень — нашими войсками 30 декабря с боем взят г. КАЛУГА. В городе Калуга захвачены большие трофеи, которые подсчитываются.

За словами сводки скрывается очень интересная информация, которая позволяет взглянуть на освобождение города Калуги с интересного ракурса.

В сводке указано, что разбиты многие дивизии и захвачены большие трофеи. Конечно, немецкие дивизии в боях под Калугой не были разбиты, они понесли большие потери и отступили в сторону Юхнова, так как сил для удержания города не оставалось, несмотря на приказ Гитлера — любой ценой удерживать город.

Калуга являлась районным центром и относилась к Тульской области, с хорошей инфраструктурой. Шоссейные и железные дороги помогали немцам вести войну в тяжелых условиях зимнего климата России. В Калуге находились склады многих дивизий, которые не квартировались или держали оборону в городе, а просто размещали свои тыловые коммуникации. Также в город для оборонительных боев направлялась различная техника, боеприпасы, продовольствие, униформа, снаряжение и многое другое, включая живую силу. Помимо всего прочего отступающие дивизии задерживались в Калуге и участвовали в обороне.

Приказ Гитлера № 442182/41 от 16.12.1941, или приказ на «фанатичную оборону», конечно, должен был настроить противника на стойкость, но помимо всего солдатам не хотелось покидать теплые квартиры в Калуге. Попытаемся разобраться в качественном составе противника на пути наступления подвижной группы из 50-й армии генерала Болдина.

Командует обороной города командующий 43-м армейским корпусом генерал Готхард Хейнрици (Gotthard Heinrici), или «наш ядовитый гном» (нем. Unser Giftzwerg) — такое прозвище он получил от коллег и подчиненных благодаря репутации одного из лучших оборонительных тактиков Вермахта.

Помимо всех формирований, что перечислены в числе частей оборонявших город — 131-я и 137-я пехотная дивизия совместно с 4-м полком СС, в городе было много других частей, которые в спешном порядке направлялись в Калугу для ее удержания. Формирования меньше дивизий, но по суммарному количеству личного состава могут с ними конкурировать.

Например, на фото освобожденной Калуги, попадаете интересный бронемобиль, который не использовался в Вермахте массово. Это бронемобиль Panzerspahwagen L202(h), поступили на вооружение полицейских батальонов, о его принадлежности к полицейским частям красноречиво

Трофейный бронемобиль Panzerspahwagen L202(h)

говорит эмблема полиции на корпусе бронемашин. В число «защитников» Калуги, указанных в сводке, они не попали. Тем не менее 32-й полицейский батальон и полицейский полк «Центр» принимали активное участие в оборонительных боях. Вот и поминальная карточка одного из военнослужащих данных формирований с четкой записью даты и места смерти.

На одной из фотографий освобожденной Калуги видны могильные кресты со стальными шлемами. Обычная картина той поры, но на шлемах интересная эмблема. Она не типична для часто встречающихся эмблем на стальных шлемах. Эта декаль принадлежит частям РАД

(Reichsarbeitsdienst, RAD). Так как Имперская служба трудовой повинности не являлась полноценным воинским формированием, скорее всего ее не учитывали как боевую единицу. На восточном фронте служащие РАД выполняли задачи по строительству и охране тыловых коммуникаций. В книге «Дивизии Вермахта на Восточном фронте: 137 Пехотная дивизия» есть упоминание о том, что в бой бросили обозников, пекарей и рабочих. Если с тыловыми должностями солдат — пекарь, конюх и т. д., все понятно, то кто такие рабочие, понять сложно. Вероятно, проблема перевода военных терминов, так как самое низшее звание в РАД это — *Arbeitsmann*, что любой переведет как рабочий.

Нет в сводке СОВИНФОРМБЮРО и 31-й пехотной дивизии Вермахта, однако, ее части 23 декабря прибыли в Калугу из-под Тулы. Линия обороны дивизии проходила непосредственно по южной окраине города — по северному берегу Оки, а также включала в себя несколько плацдармов на южном берегу реки.

На октябрь месяц 1941 года в составе 43-го АК было две дивизии — 131-я и 52-я. В сводке не указана последняя, но из состава 43-го АК она не исключалась. 137-я пехотная дивизия прибыла специально для обороны города, также, как и 4-й полк СС, и полицейские части. Из-под Тулы в Калугу пришла 31-я пехотная дивизия. Нельзя оставлять без внимания и тот факт, что под Калугой немцы обустроили аэродром, а это еще дополнительные силы. Вот и получается, что из обычно указываемых в наших документах небольших частей под Калугой части 50-й армии столкнулись не с горсткой недобитых под Москвой дивизий, а с крупными армейскими соединениями. Солдаты этих соединений действовали в обороне, выполняя приказы командиров, верные воинскому долгу и присяге, исполняя приказ Гитлера — требующего до последней капли крови держаться на позициях и, естественно, они не желали встретить Рождество и Новый год в заснеженных полях в жуткий мороз. Соппротивление было отчаянным...

Но части 50-й армии сломали немецкую машину, и в трудных, тяжелых боях под Калугой отбросили врага от города. Трофеи, захваченные нашими частями, невозможно было сразу подсчитать, так как они были огромными. Железнодорожные пути были забиты составами с техникой

и вооружением. Символом освобождения города над зданием городского Совета запылало на ветру красное знамя. Его водрузили бойцы майора Гордиенко. Красное знамя поднялось и над зданием вокзала Калуга-1 — последней точкой сопротивления гитлеровцев в городе. Знамя водрузил сержант Андреев из полка майора Тихонова.

Благодаря нашим солдатам, их героизму, их стремлению растоптать ненавистного врага несмотря на мороз и превозмогая усталость от долгих маршей и затяжных боев, калужане смогли встретить новый — 1942-й — год в освобожденном от оккупантов городе.

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ КРАСНОЙ АРМИИ В БОЯХ ЗА ЗАЙЦЕВУ ГОРУ (ФЕВРАЛЬ 1942 — МАРТ 1943 гг.)

М. Н. Мосягин,

краевед, преподаватель ГБПОУ КО «Кировский индустриально-педагогический колледж»

Сражение, или битва, за Зайцеву Гору — такое собирательное наименование получили ожесточенные бои 50-й армии Западного фронта за контроль над Варшавским шоссе с февраля 1942 по март 1943 г., фокус которых пришелся на территорию нескольких высот и деревень в Барятинском районе Калужской области. Противник в районе Зайцевой Горы имел развитую сеть опорных пунктов, насыщенных различного вида вооружением и многочисленные инженерные сооружения. С господствующих высот противник контролировал местность на десятки километров. В боях за Зайцеву Гору полегли многие тысячи бойцов и командиров Красной армии. Основные потери войска 50-й армии понесли в жутких боях в марте-апреле 1942 г.

В вопросе по количеству потерь наших солдат в сражении за Зайцеву Гору единства нет и вряд ли будет. Называются разные цифры — от 60 до 120 тысяч. А почему бы в таком случае не назвать цифру 150 или 200 тысяч? И что вообще большинство обывателей понимает под словом «потери»? Давайте разберемся. В военно-оперативном смысле потери рассматриваются с позиции их влияния на боеспособность войск. «Донесения из войск о потерях» использовались вышестоящими штабами для оценки результатов боевых действий войск, определения численности необходимого для восстановления их боеспособности пополнения. Поэтому под «потерями» в военно-оперативном смысле понимаются не только случаи смерти военнослужащих, но и всякое их выбытие из строя, хотя бы на время, т. е. в потери включаются, помимо убитых и умерших, все попавшие в плен, пропавшие без вести, а также раненые и больные, поступившие в лечебные учреждения» [4, с. 7]. Существует два вида боевых потерь: безвозвратные (убиты и умершие на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести и попавшие в плен) и санитарные (раненые, контуженные, заболевшие, обожженные и обмороженные). Большинство исследователей фигурирует общими цифрами потерь, не объясняя читателю, сколько в этих цифрах числятся убитыми, а сколько ранеными. Обыватель же, как правило, автоматически считает, что раз это потери — значит, все убитые. Называя уже набившую оскомину цифру потерь под Зайцевой Горой — 100 тысяч советских воинов, их также автоматически считают погибшими. А сколько же тогда было раненных в этом сражении? Специалисты генштаба давно подсчитали, что в годы войны в среднем на одного погибшего бойца приходилось трое раненых, т. е. коэффициент 1:3. Получается, что в сражении за Зайцеву Гору должно быть еще и раненых не менее 300 тыс. Итого общие боевые потери должны составлять порядка 400 тысяч убитыми и ранеными. Но вот что интересно. В работе специалистов Генерального штаба РФ «Великая Отечественная без грифа секретности (книга потерь)» приводятся данные, что за весь 1942 г. общие потери Западного фронта протяженностью в несколько сотен километров и куда входила 50-я армия за весь 1942 г. составляют 1 088 765 человек (из них безвозвратные — 314 635 человек) [2, с. 194]. А ведь в состав Западного фронта входила не только 50-я армия и боевые действия велись не только в районе Зайцевой Горы. Вся численность войск Западного фронта на начало интересующего нас периода составляла 713 100 человек [2, с. 104]. А количественный состав 50-й армии к началу операции на 25 марта 1942 г. никак не превышал 60 тысяч бойцов и командиров в девяти стрелковых дивизиях и трех танковых бригадах. Так откуда же 100 тысяч погибших под Зайцевой Горой?!

В рамках своего исследования на основании работы с документами в ЦАМО и собственного опыта поисковой работы позволим себе назвать более скромную цифру потерь — около 70 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести за период с февраля 1942 г. по март 1943 г. Откуда берется эта цифра? Давайте разбираться.

Первой с 8 на 9 февраля 1942 г. на подступах к Зайцевой Горе вступила в бой за д. Лошихино 385-я сд. Впоследствии бойцы дивизии будут втянуты в тяжелейшие бои за населенные пункты, приспособленные немцами к круговой обороне: Сининка, Яковлевская, Прасоловка, Лошихино, Гореловский, Малиновский. В результате боев с 9 по 22 февраля 1942 г. 385-я сд понесла огромные потери — 3 943 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести [6, с. 67]. Продвижения в глубь линии фронта практически не было. Лишь на некоторых участках фронта удалось продвинуться на 100–300 метров [3, с. 56]. В первой половине марта дивизия опять несет ощутимые потери — около 2 500 человек. Причем, если количество убитых (безвозвратные потери) составляет 828 человек [7], то количество раненых в доступных нам документах не оказалось, поэтому, исходя из практики работы с документами о потерях, мы позволили вывести цифру приблизительно 1 700 человек.

Во второй половине марта—апреле 1942 г. разгорелись самые массовые, тяжелые и кровопролитные бои за выход к Варшавскому шоссе, которые обычно и ассоциируются у исследователей и просто любознательных граждан со сражением на Зайцевой Горе. Только с нашей стороны в этом сражении участвовало более десятка стрелковых дивизий, несколько танковых бригад и ряд других подразделений. Выходу наших войск на шоссе придавалось огромное значение. Такое же значение придавали ему и немцы. Бои в это время достигли своего пика, как по количеству участвующих, так и по количеству потерь. Именно за эти полтора месяца советские войска и понесли огромные потери, так и не добившись, к сожалению, поставленных целей. Цифру *общих* (выделено автором) потерь можно определить в 55–60 тысяч погибших, раненых и пропавших без вести. Как мы пришли к этой цифре? Сейчас объясним. Непосредственно в сражении за Зайцеву Гору в это время на данном участке фронта участвовало десять стрелковых дивизий: 58-я, 69-я, 116-я, 146-я, 173-я, 239-я, 290-я, 298-я, 336-я, 385-я сд и три танковые бригады: 11-я, 108-я и 112-я тбр. Можно добавить сюда еще 344-ю и 413-ю стрелковые дивизии, которые участвовали в штурме в марте 1943 г. Ряд дивизий вступили в сражение уже, будучи сильно измотанными и понесли большие потери, участвуя в контрнаступлении под Москвой, — это 173-я, 239-я, 290-я и 336-я стрелковые дивизии. Их численный состав к интересующему нас моменту составлял в среднем около 6 тысяч человек в каждой. Напротив, другие дивизии, такие как: 58-я, 69-я, 116-я, 146-я, 298-я и 385-я сд были абсолютно свежими и полностью укомплектованными, для большинства из них сражение под Зайцевой Горой было боевым крещением. Эти дивизии насчитывали в своем составе по 10–12 тысяч человек. В документах архива обозначено, что части, действовавшие на данном направлении, потеряли от 50 до 70 % личного состава. И так в каждой из десяти стрелковых дивизий и трех танковых бригад, не считая отдельных подразделений, которые сражались на данном участке фронта. Здесь не нужно быть математиком, чтобы подсчитать, сколько мы потеряли за это время солдат 50-й армии на 15-километровом участке фронта. Итак, считаем: 4 дивизии по 6 тысяч человек + 6 дивизий по 11 тысяч. Получаем общую сумму в 90 тысяч человек. Возьмем опять-таки усредненный показатель потерь по архивным данным в 60 % и получим цифру потерь в 54 тысячи наших бойцов. Самые тяжелые, страшные потери в этих весенних боях понесли следующие советские дивизии:

385 сд — 9 793 человека,
239 сд — 10 023 человека,
336 сд — 5 075 человек,
146 сд — 7 308 человек,
290 сд — 1 856 человек,
Итого — 34 055 человек.

Добавим сюда потери других дивизий, танковых бригад и отдельных подразделений и получим заявленную нами цифру общих потерь за период конца марта — апреля 1942 г. Из них безвозвратные потери — 15–17 тысяч бойцов и командиров Красной армии.

Кстати, о маршевых батальонах, пополнение из которых штабные писари якобы не успевали в накале сражения оформлять списочным составом, и поэтому они не вошли в список потерь. За этот миф цепляется ряд исследователей, которые пытаются подогнать цифру советских потерь под 100 000 человек. Профессор М. Ю. Мягков, опираясь на документы Центрального архива Министерства обороны, приводит следующие данные по личному составу соединений 50-й армии на 25 марта 1942 г., т. е. накануне самых активных и страшных боев за Зайцеву Гору [1, с. 8–9]:

Номер соединения	Количество л/с, чел.
116 сд	10 390
173 сд	4 408
239 сд	4 573
290 сд	9 999
325 сд	5 912
336 сд	4 362
344 сд	3 383
385 сд	6 974
413 сд	3 735

Если сравнить эти данные с количеством потерь, понесенных дивизиями, указанными ранее, то можно заметить, что ряд дивизий за время наступления в апрельских боях дважды обновили свой списочный состав. Значит, пополнение было, и оно все-таки учитывалось и оформлялось. Отдельные же случаи, как это цинично не прозвучит, не могут оказать заметного влияния на и без того страшную статистику потерь.

Свою цифру потерь мы официально заявили еще в 2008 г. в своей работе «Зайцева Гора: хроника трагедии» [5, с. 92]. А в 2015 г. доктор исторических наук, профессор Академии военных наук РФ, научный директор Российского военно-исторического общества Михаил Юрьевич Мягков в своем методическом пособии «Боевые действия в районе населенного пункта Зайцева Гора Калужской области в 1942–1943 гг.», которое он издал для Международного военно-исторического лагеря «Западный фронт» называет такую же цифру потерь 50-й армии с 26 марта по 28 апреля 1942 г.: «Убито, ранено и пропало без вести около 60 тыс. человек» [1, с. 6]. Данным М. Ю. Мягкова трудно не доверять, так как будучи человеком науки, он отталкивается не на условные расчеты, а ссылается на архивные данные, которые нам были недоступны. Так, он приводит данные из «Описания оборонительных и наступательных операций 50-й армии за 15.10.41–17.09.43», согласно которым потери в районе Фомино 1 — Каменка с 20.03–30.04.1942 составили — 43 981 человек [1, с. 6]. По немецким данным, в апрельских боях 1942 г. потери советских войск в данном районе составили: общие — до 38 тыс. чел., из них убитыми — 14,5 тыс. человек [1, с. 10]. Что тоже не сильно противоречит цифре потерь, заявленной нами. К тому же, прошу заметить, что это немецкие цифры наших потерь за апрельские бои 1942 г. А врагу нет особой необходимости преуменьшать потери противника.

С конца апреля 1942 г. 50-я армия генерала И. В. Болдина получила приказ перейти к обороне, привести свои соединения в порядок, пополниться людьми и готовиться к новым наступательным операциям. В реальности фронт в районе Зайцевой Горы стабилизировался почти на три месяца. Будут еще вспышки боевой активности в октябре 1942 и марте 1943 г., но жесточенности, массовости и накала боев конца марта — апреля 1942 г. больше не повторится.

В период с мая по октябрь 1942 г. широкомасштабных боевых действий не велось, но проводились отдельные операции противоборствующих сторон. Общие потери советских войск за этот период можно оценить как не более 3 500 тысяч человек. Так, в боях 12–14 июля 50-я армия понесла следующие потери:

Убито — 809 человек.

Ранено — 1 893 человека.

Пропало без вести — 68 человек [1, с. 15].

10 сентября 1942 г. произошел крупный разведывательный бой на краю Шатина болота у д. Чичково. Советские потери 270-го сп и частей усиления составили: убитыми — 42 чел.; ранеными 95.

При штурме ключа немецкой обороны — высоты 269,8 после знаменитого подкопа в октябре 1942 года общие потери наших войск составили не более 400 человек. Правда, высоту взять опять не удалось.

Взять Зайцеву Гору советским войскам удалось только в марте 1943 г. За период с 11 по 20 марта 1943 г. советские войска по данным ОБД «Мемориал» понесли следующие безвозвратные потери [3, с. 181]:

58-я сд — 533 человека,

413-я сд — 410 человек,

114-й омсб — 40 человек,

148-я ошр — 54 человека,

Итого — 1 037 человек.

Цифру общих потерь можно предположить пока лишь условно — около 3 000 человек.

Подведем итог. Потери Красной Армии за февраль — первую половину марта 1942 г. мы оцениваем по данным источников в 6 443 человека. Потери в самых страшных боях конца марта — апреля 1942 г. — 55 тысяч. Май — ноябрь 1942 г. — 3 900 человек. Бои февраля-марта 1943 года и освобождение данной территории — 3 000 человек. Итого получаем — 68 343 человека. Это общие потери за весь период! Где же 100 000 погибших, о которых заявляют из раза в раз, из года в год??? Безвозвратные потери (погибшие) наших войск за все время сражения можно оценить в 15–20 тысяч человек. Да, эти расчеты несколько грубы и условны, но позволяют заявить более или менее реальную цифру советских потерь в противостоянии под Зайцевой Горой. Даже если мы возьмем за основу эту цифру потерь, то все равно становится просто страшно, сколько людей погибло, пропало без вести и было ранено на небольшом участке фронта в боях, которые в сводках Совинформбюро именовались не иначе как бои местного значения.

Теперь рассмотрим проблему потерь немного с другой стороны. Большинство погибших в районе Зайцевой Горы было захоронено в окрестных деревнях и селах. Многих просто присыпали в окопах и воронках из санитарных соображений, так как для организованного захоронения не всегда хватало времени и сил. А кто-то не удостоился и такой чести и до сих пор числится пропавшим без вести. На данный момент (2018 г.) офицеры и солдаты, погибшие под Зайцевой Горой, покоятся в основном в трех захоронениях на территории Бярятинского района Калужской области: мемориальный комплекс «Зайцева Гора» (7 000 человек); мемориальный комплекс «Воинам, погибшим в годы ВОВ («Подкоп»)» в д. Цветовка (4 073 человека) и братская могила советских воинов в д. Чумазово (4 534 человека). Именно в эти захоронения переносился прах воинов из первичных захоронений, известных местным жителям и военкоматам в 50-х, 60-х и 70-х гг. Сюда же в настоящее время осуществляют захоронения и поисковые отряды во время Вахт Памяти. К чему этот разговор? А давайте пересчитаем количество захороненных на данный момент и получим цифру — 15 607 человек. И опять возникает вопрос: где еще 84 тысячи погибших советских воинов? Остались незахороненными? Да, такие есть, и поисковым отрядам хватит работы еще на несколько десятков лет. Но их не 84 000. Такие массовые захоронения не могли не остаться в памяти местных жителей даже спустя несколько поколений, и о них давно бы стало известно поисковикам. А воспоминаний таких нет: ни у ветеранов — участников боев, ни у местных жителей. Десятки, сотни советских солдат и офицеров еще лежат в непогребенными в районе Зайцевой Горы, и каждый год поисковики поднимают когда десятки, а когда и сотни бойцов, но не тысячи. О чем это говорит? А говорит это о том, что опять все сходится с заявленной нами цифрой безвозвратных потерь советских солдат в 15–20 тысяч человек.

И все же откуда взялась эта устойчивая легенда о 100 тысячах погибших в районе Зайцевой Горы? Скорее всего, инициаторами этой легенды нечаянно стали ветераны 146-й сд. Для солдат

и офицеров этой полнокровной дивизии Зайцева Гора стала страшным кровавым крещением, которое они с ужасом вспоминали на протяжении всей войны и очень долгое время после нее. Когда в 1972 г. был открыт музей на Зайцевой Горе, первыми его посетителями стали ветераны 146-й сд, которые и открыли своей записью книгу отзывов. На протяжении 70–90-х гг. они были самыми организованными и дружными гостями музея. Вот именно их шоковая от потерь боль воспоминаний и стала основой печального мифа. Зная, что в штурме на протяжении месяца участвовало десять стрелковых дивизий, они перенесли свои потери и на них, считая, что и там было также, т. е. 10 дивизий по 10 000 человек и вот оно: $10 \times 10\,000 = 100\,000$. Ветераны других дивизий им как правило не противоречили, так как и в их дивизиях были большие потери. Вот только дивизии их были далеко неполного состава. А дальше сознание трансформировало эти потери в безвозвратные. Примеров этому масса в воспоминаниях ветеранов 146-й сд, с которыми приходилось сталкиваться в процессе работы:

Десять дивизий
Травой-повиликой
К свету, к людям пробились давно
На этом
Жертвенно-великом
Братском поле под Фомино.

А. А. Лесин, в 1942 году — рядовой роты связи 146-й сд [5, с. 165].

«Трупов было очень много. Примерно по одному на каждые 4 кв. м, ориентировочный подсчет показал: по фронту линия боев протянулась на 2 000 метров, трупы лежали, в основном в сто-метровой полосе около окопов. Таким образом, площадь, на которой лежали трупы составляла: $2\,000 \times 100 = 200\,000$ кв. м. Следовательно, ориентировочно, в районе Фомино было уничтожено: $200\,000 / 4 = 50\,000$ человек. Примерно 12 000 человек в районе Фомино потеряла наша 146-я сд» (И. М. Романов, в 1942 году — лейтенант, артиллерист 146-й сд) [5, с. 163].

Но ведь потери 146-й сд были не 12 000 человек убитыми, а 7 308 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Вот так иногда и рождаются устойчивые мифы.

Список литературы

1. Боевые действия в районе населенного пункта Зайцева Гора Калужской области / под ред. д. и. н. М. Ю. Мягкова. Зайцева Гора Калужской области, 2015. 20 с.
2. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Вече, 2009. 384 с.
3. *Ильюшечкин А. А.* Варшавское шоссе — любой ценой / А. А. Ильюшечкин, М. Н. Мосягин. М.: Центрполиграф, 2014. 253 с.
4. *Литвиненко В. В.* Цена войны / В. В. Литвиненко. М.: Вече, 2013. 288 с.
5. *Мосягин М. Н.* Зайцева Гора: хроника трагедии (февраль 1942 — март 1943 гг.) / М. Н. Мосягин, А. А. Ильюшечкин. Магадан: Дикий север, 2008. 168 с.
6. *Юновидов А. С.* Одинокая война. Неизвестный подвиг 385-й стрелковой дивизии / А. С. Юновидов. М.: Весь Мир, 2013. 360 с.

МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КАЛУГЕ (ПО СЛЕДАМ УТРАЧЕННОГО)

В. Г. Пуцко,

заслуженный работник культуры РФ,

старший научный сотрудник Калужского музея изобразительных искусств

Снесенная в 1930-е гг. церковь, существовавшая в центральной части Калуги, рядом с усадьбой, занимаемой ныне Калужским музеем изобразительных искусств, невольно выпала из истории города. Упоминания о ней в литературе редкие и отрывочные. Это прежде всего справка, помещенная в историческом путеводителе 1912 г., в котором читаем: «На первом пересечении Никитской на углу, в ряд с домами, в каменной ограде воздвигнута Архангельская церковь. По описям 1626 и 1685 гг. она значилась деревянной, с приделом во имя ц[аря] Константина в старом остроге. Существующая каменная пятиглавая церковь с трапезой и приделом во имя Иоанна Воина построена в 1687 г., как значится по надписи, сохранившейся в стене. После пожара 1757 г. она была возобновлена в 1760 г. Колокольня выстроена в 1813 г. Я. И. Билибиным. Настоящий храм со всех четырех сторон украшен портиками на высоких парных колоннах с урезанными капителями, с восточной и западной стороны колонны в половину размера, так как упираются в алтарную и трапезную кровли. Во фронтонах по священному изображению: на алтарной апсиде изображен арх[ангел] Михаил, по бокам его стоят две колонны, а над ним во фронтике тоже св[ященная] картина. Колокольня в 3 яруса, 8-миугольная, второй и третий ярусы имеют фронтоны, опирающиеся на пару колонн, по одной с каждой стороны. Над третьим ярусом круглые оконца голосники. Из церковных древностей выделяются: 1) евангелие Московской печати 1644 г. и 2) два колокола — один, сделанный на средства прихожан, 7125 года (1617), а другой 1771 г.»¹. Более краткие сведения о храме приведены в недавно изданной книге, с воспроизведением двух снимков, дающих наглядное представление о несохранившемся сооружении, примечательном в застройке города².

Сохранился отчет от 21 января 1922 г. об осмотре Архангельской церкви группой исследователей калужской старины в составе В. В. Асонова, М. Е. Шереметевой и В. И. Извекова, с характеристикой постройки³. При описании колокольни отмечено, что ее «нижний восьмерик рустован» и что «к колокольне примыкает низкая теплая церковь (придел), а к ней присоединена высокая холодная церковь», у которой «купол круглый, на нем возвышается красивая компактная группа главок на глухих низких шейках; главки шаровидные, посеребренные, с бронзовыми ракововидными украшениями; кресты на высоких шпилях». Существенно указание на то, что «Алтарь одночастный, с двумя парами колонн, поддерживающих уступчатую аттику, которая украшена иконописью. Между колоннами на стене алтаря написан образ Михаила Архангела. Внутри церковь вся сплошь расписана в 1895 г. частью иконописью, частью растительным расцвеченным орнаментом по золотому фону (формы орнамента взяты из старинных рукописных церковных книг). Пол вполне гармонирует со стенами: он темно-красный плинчатый. В теплой церкви своды покоятся на одном массивном четырехугольном столбе». Иконостас в холодной церкви и его скульптурные царские двери с деревянными резными фигурами отнесены к началу XIX в. Пять полихромных деревянных фигур и резная фигура Николы обнаружены на чердаке и изъяты в губернский музей для передачи в исторический музей. Из предметов, находящихся в то время в церкви, отмечены икона Иоанна Воина, конца XVIII в., в барочном окладе, и «образ Николая Чудотворца. На его окладе надпись гласящая, что Петр I подарил эту икону Староингерманландскому полку и что в 1846 г. она была поновлена. Поновлением икона сильно попорчена».

Не исключено существование материалов, позволяющих в какой-то мере осветить приходскую жизнь этого калужского храма в течение XIX и начала XX в. Нашей задачей в данном случае является поиск источников, которые относятся к самому сооружению и его внутреннему убранству.

Михаило-Архангельская церковь в Калуге. Вид с юго-востока. Фото 1920-х гг.

Типологические и конструктивные особенности церкви свидетельствуют о том, что они принадлежат постройке 1687 г., датированной надписью. Речь идет об объеме четверика с примыкающей пониженной алтарной частью, несколько модифицированной, и трапезной с приделом, своды которого опираются на массивный четырехугольный столп; приземистая полукруглая алтарная апсида придела и пластическое оформление фасадов, а также завершение основного объема вероятно появились в 1760 г., в процессе восстановления после пожара 1757 г. По свидетельству описи 1800 г., «колокольня каменного здания» существовала и до возведения новой, датированной 1813 г. и, возможно, сохранившей нижний ярус прежней, пластическая обработка которого более характерна для третьей четверти XVIII в. В композиционном построении колокольни стройность пропорций нарушается тяжеловесностью ярусов, особенно нижних.

Об интерьере церкви, собственно об ее внутреннем убранстве, дает представление уже упомянутая опись 1800 г., хранящаяся

Михаило-Архангельская церковь в Калуге. Вид с северо-запада. Фото 1920-х гг.

в Государственном архиве Калужской области⁴. По этой описи, «иконостас в настоящей о трех ярусах столярной позлащенной. Царские врата в нем резные, и над оными вратами резное изображение Господа Саваофа». Следовательно, датировка иконостаса началом XIX в. оказывается ошибочной. Сохранившийся фотоснимок, выполненный уже при уничтожении интерьера, о чем свидетельствует отсутствие икон нижних ярусов, позволяет говорить об изготовлении царских врат и иконостаса вероятнее всего в 1760-х гг., одновременно с восстановительными работами, вызванными пожаром. На створах царских врат в нижней их части были представлены стоящие вокруг престола с Евангелием и потиром евангелисты и коленопреклоненные два святителя, выше — Благовещение, а плоскость сени украшала полуфигура облачного Господа Саваофа, окруженного ангелами, с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом. Горельефная полихромная резьба в стиле позднего барокко. Царские врата с крупными резными фигурами и даже с многофигурными композициями появляются в период господства стиля рококо, причем лица, руки и ноги расписаны под натуру, а одежды вызолочены⁵. В редких случаях царские врата окружены даже статуями, как в трехъярусном барочном с рокайльными мотивами иконостасе второй половины XVIII в. в Никольском соборе Зарайска⁶.

Сложную, экспрессивную сюжетную резьбу царских врат и их сени мастер иконостаса Михаило-Архангельской церкви сочетал с изящным орнаментальным декором в виде гирлянд под иконами местного ряда, строгой прямоугольной формы, и небольшими парными фигурами ангелов, несущих овалы медальоны либо квадратные картуши с «вырезанными углами» с заключенными в них иконами двенадцатых праздников. Третий ярус лишь частично представлен на снимке, с иконами в простых обрамлениях. По данным описи, «сверх иконостаса распятие Господне резное с предстоящими. И страсти его в клеймах написаны». Возникновение и развитие Страстного яруса русского иконостаса, как известно, имеет сложную историю, начало которой

относится к 1666–1667 гг.⁷ Во второй половине XVIII в. его чаще заменяли несколько медальонов со страстными сюжетами, как в калужской церкви Николы «что на Козиньке», где представлены Снятие со креста и Положение во гроб.

Иконографическая структура иконостаса Михаило-Архангельской церкви в целом традиционная, причем местный ряд, по тогдашнему обычаю, рассматривали как единый вместе с расположенными над ним праздничными иконами (здесь их было четырнадцать). Справа от царских врат находился образ Спасителя, рядом с ним — Собор Архангела Михаила; на южной двери изображен апостол Филипп; далее — иконы Богоматери «Животворящий Источник» и, в резном киоте на правом клиросе, священномученика Харлампия, а над ним изображение мученика Уара. Слева от царских врат изображения Вознесения Господня и Благовещения; на северной двери представлен первомученик архидиакон Стефан; затем были помещены иконы Иоанна Предтечи и, уже на левом клиросе, Богоматери Печерской с чудесами. В расположении сюжетов икон местного ряда традиция представлена в сочетании с отступлениями от нее. Впрочем нельзя исключать обусловленность

Иконостас Михаило-Архангельской церкви в Калуге. Нижняя часть. Фото 1920-х гг.

Царские врата иконостаса Михаило-Архангельской церкви в Калуге. Фото 1920-х гг.

последних конкретными обстоятельствами. Деисусный ярус образовывали иконы Спасителя и апостолов. Выше находился образ Богородицы, по сторонам которого были иконы пророков и праотцев, чаще образовывавшие отдельные ряды. Неизвестно что послужило причиной тому: отсутствие пространства или экономия средств.

Солея и, следовательно, алтарь по отношению к полу храма подняты на три ступени. В алтаре за престолом был помещен образ Спасителя с предстоящими; справа от него украшенная серебряным окладом икона Богородицы «Блаженное чрево», на обороте которой изображен архангел Михаил; слева — обложенная серебром икона Богородицы Одигитрии, с изображением на обороте Николая Чудотворца. Это были выносные, процессионные иконы, носимые в крестном ходе. Над горним местом образ Отечества, на стенах иконы Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи. На жертвеннике отмечено резное Распятие с предстоящими. Кроме того в алтаре находились две хоругви, писанные на полотне, и выполненная в такой же технике плащаница. Заказать выполнение хоругвей и плащаницы в мастерских золотного шитья, вероятно, приход не имел денег.

За правым клиросом стоял образ Воскресения Христова в киоте красного дерева, украшенный серебряной позолоченной ризой, а за левым — образ Казанской Богородицы с накладными позолоченными венцом и ризой, с убрусом и прорезной ризой, низанными мелким жемчугом. Среди церкви висела медная посеребренная и местами позолоченная люстра, весом 9 пудов 18 фунтов. Таким было оформление холодной церкви.

Менее четко описан иконостас в приделе Иоанна Воина, «столярной с резьбой позлащенной», в котором «царские врата резные и над оными изображение Господа Саваофа резное». Вероятно, по иконографии они были проще, чем находившиеся в главном иконостасе, но выполнены одновременно с ними. Справа от царских врат были расположены иконы Отечества с предстоящими (вверху в клейме Сретение Господне), великомученицы Екатерины (вверху в клейме образ Адриана и Наталии), с помещенной внизу композицией страдания Екатерины, Богородицы Знамение

(вверху в клейме Воскрешение Лазаря); на клиросе иконы Спаса Нерукотворного в окружении праздников, с Распятием вверху, и Преображения Господня. Не совсем понятно выражение «за оным крылосом в том же иконостасе», после которого перечислены иконы Рождества Христова (вверху в клейме Успение Богоматери и Воздвижение креста Господня), Макария Желтоводского и Богоматери Владимирской, «во впадинах над южной дверью» изображения священномученика Григория Армянского и Сергия Радонежского, а по сторонам — патриарха Афанасия и Анны Пророчицы; над северной дверью — князей Владимира и Александра Невского. Слева от царских врат иконы Богоматери Тихвинской (вверху в клейме Благовещение); северную дверь украшало изображение Чуда архангела Михаила (вверху в клейме Страдание Феодора Стратилата). Левее был помещен престольный образ Иоанна Воина (вверху в клейме Вознесение Господне), рядом — икона Богоматери Иерусалимской (вверху в клейме князя Борис и Глеб). В верхнем ярусе иконостаса иконы Спасителя и Господа Саваофа. А «в верху онаго иконостаса востание от гроба и страсти резные». Эта слишком общая фраза не позволяет понять как сюжетный состав, так и расположение многофигурных скульптурных композиций, крайне редких в церковной практике. Судя по описанию, проведенному с нарушением логической последовательности, алтарь придела как будто был устроен в северной части трапезы. Но это противоречит расположению алтарной апсиды, примыкающей к южной стене четверика.

В рассматриваемой описи 1800 г. помимо иконостасных перечислено много иных украшавших храм икон. Часть их находилась над входом в холодную церковь, на двери которой были изображены мученики Пантелеймон и Уар, внизу — Иоанн Дамаскин, вверху в клейме — Обрезание Господне; справа — образ епископа Иакова, слева — пресвитера Василия (вверху в клейме Афанасий Цареградский, Игнатий Богоносец и Андрей Стратилат). В простенке была икона Богоматери Одигитрии (вверху Богоявление и Вход во Иерусалим), образ Василия Блаженного (вверху — великомученица Екатерина и семь архангелов), а также три минейных иконы. Далее следует длинный перечень икон «сверх же иконостаса в приделе», свидетельствующий о почитании широкого круга образов Богоматери и различных святых. В алтаре придела отмечены на горнем месте образ Богоматери Федоровской, над ним — Троицы, по стенам — «Не рыдай Мене, Мати», Николы Чудотворца.

В каждом отдельном случае тщательно зафиксированы элементы драгоценного убора: венцы с цапами («подбородками»), накладные серебряные ризы, низанные жемчугом убрусы. Вот как, например, описан находившийся в иконостасе придела: «Образ Иерусалимския Богородицы, на ней венец сребренной позлащенной, убрус низанной из мелкаго жемчугу, привесу сердце сребренное позлащенное».

В церковной библиотеке находилось много богослужебных и иных книг, в числе которых даже значится «Трубы словес» черниговского архиепископа Лазаря Барановича, вышедшая из киево-печерской типографии в 1674 г. После перечня нотных книг помечено: «еще различных неполных партесных пений книжицы древняго напеву; в осмушку около тритцати в кожаном переплете, все ветхие».

В инвентаре описано 24 священнических фелони из золотой и серебряной парчи, из штофа, люстриновые, плисовые. Особо выделена фелонь с вышитым на оплечьи Успением Богоматери с живописными лицами. Кроме того оказалось 15 стихарей, 4 подризника, 5 поясов, 9 епитрахилей, 10 орарей, 10 воздухов, 13 поручей, 14 пелен, одежды на престол и жертвенник.

Особого внимания заслуживают предметы церковной утвари, среди которых три напрестольных Евангелия, два из которых в серебряных окладах, в одном случае с черневыми медальонами. Одно Евангелие, с серебряными средником и угольниками, старопечатное. Два напрестольных креста резные кипарисные, в серебряных оправках. Ковчеги оловянные, дароносица серебряная. Первый литургический прибор серебряный, позолоченный, с финифтяными образками; второй — тоже серебряный, с позолотой. Серебряным оказался еще ковш для теплоты, с блюдцем, а остальные предметы в основном медные. Лишь два кадила серебряные.

На колокольне было 7 колоколов, самый большой из которых весил 145 пудов. Еще замечено: «на той же колокольне в палатке часы железные немецкие, но не ходят». Речь идет о сооружении, предшествующем колокольне 1813 г.

По описи 1800 г. Михаило-Архангельская церковь оказывается весьма благоустроенной, снабженной всем необходимым, но без излишней роскоши. На характере внутреннего убранства сказались эстетические вкусы второй половины XVIII в., проявившиеся прежде всего в типологии иконостасов и во включении в их декор полихромной деревянной скульптуры. К сожалению, судить об иконописи невозможно, поскольку известно лишь о представленных в ней сюжетах и о списках прославленных икон.

В случае выявления более поздних инвентарей окажется известным, что именно из отмеченного в 1800 г. сохранилось, а что было утрачено, заменено новым, пусть не всегда лучшим. Этот естественный процесс порой приводил к исчезновению священной древности, остатки которой окончательно утрачены вместе с храмом. В итоге утеряна одна из важных страниц духовной культуры, о которой сегодня дают лишь некоторое представление пожелтевшие страницы церковных инвентарей времени образования Калужской епархии.

* * *

Опись церкви в приложении воспроизведена с сохранением особенностей орфографии подлинника, изобилующего отступлениями от норм правописания, дающего многочисленные примеры вариативности и фиксирующего фонетические особенности произношения, свойственные составителю. В терминологии встречается ряд особенностей, унаследованных от более ранних образцов делопроизводства. Сказался и уровень образованности писца, далеко не всегда придерживающегося грамматических правил.

Вместе с тем можно повторить, это ценный исторический источник, показывающий, насколько далеко отстоит современное внутреннее убранство калужских храмов от отличавшего существовавшие на рубеже XVIII–XIX вв.

Примечания

- ¹ *Малинин Д.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С. 75–76.
- ² Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке. Владимир, 2002. С. 58. Ил. на с. 59.
- ³ Архив Калужского объединенного музея-заповедника. Ф. Р-2878. Оп. 3. Д. 1-в. Л. 48.
- ⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 9. Л. 28–43об.; *Пуцко В. Г.* Калужские иконостасы XVIII века (по данным церковных описей 1800 г.) // Калужский областной художественный музей. Сборник научных трудов (к 90-летию музея). Калуга, 2008. С. 217–219.
- ⁵ *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. М.; Л., 1934. С. 209–212. Рис. 113–115; *Попова Т. Л.* Коллекция деревянной скульптуры и декоративной резьбы в собрании Переславского музея. М., 2009. Кат. 45, 67, 70; *Сахарова О. М.* Рязанская деревянная скульптура и резные иконостасы XVI–XIX веков / Каталог выставки. Рязань, 2014. Кат. 28; *Мельник А. Г.* Храмовые иконостасы конца XVII–XIX века Ростова Великого. СПб., 2012. Ил. 35, 46.
- ⁶ Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М., 1975. С. 170.
- ⁷ *Димитрий (Сперовский), архиеп.* Старинные русские иконостасы. Происхождение и разбор иконографического содержания // Высокий русский иконостас. М., 2004. С. 34–35, 106–110.

Приложение

Опись церкви Архангельской, состоящей в Граде Калуге

Опись церкви Святаго Архангела Михаила, состоящей во Граде Калуге при большой Московской улице, учиненная в 1800-м году. По указу из Калужской духовной консистории благочинным Кафедрального Троицкого Собора протоиереем Иоанном Феодоровым Рыбниковым, сколько во оной церкви Икон окладных и без оклада имеется во иконостасах и по прочим местам, какия книги имянно в библиотеке: какова ризница, И протчия вся утварь церковная, о чем значится ниже сего:

Означенная Архангельская церковь, с приделом великомученика Иоанна воина, и колокольню каменного здания, покрыта вся листовым железом. Настоящая церковь кроме алтаря украшена стенным писанием греческого искусства, а придельная по местам в позолоченных клеймах. Иконостас в настоящей о трех ярусах столярной позлащенной.

Царские врата в нем резные, и над оными вратами резное изображение Господа Саваофа.

По правую сторону царских врат Образ Спасителей, на нем венец с подбородком и на двух ангелах венчики серебряные и позлащенные (л. 28).

Образ Собора Архангела Михаила, на нем риза и четыре венца серебряные и позлащенные, и два подбордка жемчужных.

Южная дверь. На ней изображен апостол Филипп. Един от семи диаконов без окладу.

Образ Живоносного Источника. На нем двенадцать венцов серебряных и позлащенных.

На правом крылосе образ священномученика Харлампия в резном позлащенном киоте: да сверху образ над ним мученика Уара без окладу.

За правым крылосом образ Воскресения Христова в киоте красного дерева, на нем риза серебряная и позлащенная.

По левую сторону царских врат Образ Вознесения Господня. На нем тридцать четыре венца да около Спасителя Оплечья серебряные позлащенные.

Образ Благовещения Богородицы, на нем пять венцов серебряные и позлащенные (л. 28 об.).

Северная дверь. На ней изображен первомученик архидиакон Стефан без окладу.

Образ крестителя Иоанна, на нем накладная риза кроме полей и один венец серебряные.

На левом крылосе

Образ Печерския Богоматере с чудесами Ея, на нем пять венцов и подбородок один серебряные и позлащенные без киота.

За левым крылосом

Образ Казанския Богоматере, на нем венец и риза накладная серебряная позлащенная, убрус и риза прорезная низаны из мелкого жемчугу в киотце столярной крашеном.

Над местными в иконостасе образами Четырнадцать икон двенадцатых праздников, на них сорок шесть венцов серебряных.

Во втором ярусе иконостас(а) в середине Образ Спасителя с предстоящими и по обеим онаго сторонам образа апостолов, и на них дватцать один венец медные позлащенные (л. 29).

В третьем ярусе

Образ Богоматери с предстоящими и по обеим сторонам образы праотцев и пророки. На оных дватцать два венца медные и позлащенные. Сверх иконостаса распятие Господне резное с предстоящими. И страсти Его в клеймах написанные.

В олтаре

За престолом Образ Спасителя с предстоящими. На нем пять венцов серебряные позлащенные; по правую сторону онаго образа Блаженное Богоматери чрево, на нем венец, поля и риза накладная серебряная позлащенная, убрус низанной из мелкого жемчугу. На обороте онаго образа изображение архангела Михаила, на нем венец серебряной позлащенной.

По левую сторону образ Одигитрия Богородицы, на нем венец и с подбородком, и поля серебряные. И убрус низанной из мелкого жемчугу: На обороте онаго образа изображение Николая чудотворца без окладу. В верху над горним местом Образ Отечества без окладу. На стенах три образа. Спасителя, богородицы и Иоанна Предтечи без окладов.

На жертвеннике распятие Господне резное с предстоящими. Две хоругви писанные на полотне (л. 29 об.).

Святой антиминос в настоящей на желтом атласе.

Литон жаркой тафты.

Занавес зеленой тафты.

Плащаница писанная на полотне.

Одр под оною обит красною шелковою материею с подольником зеленым.

Крылосы позлащенные на филронгах написанные.

Люстра среди Церкви медная посеребренная и местами позлащенная весом в 9 пудов 18 фунтов.

В приделе великомученика Иоанна Воина

Иконостас столярной с резьбою позлащенной.

Царские врата в нем резные и над оными изображение Господа Саваофа резное.

По правую сторону врат

Образ Отечества с предстоящими, на нем одиннадцать венцов серебряные позлащенные: над ним в клейме Образ Стретения Господня.

Образ великомученицы Екатерины вновь написанной без окладу, над ним в клейме Образ Адриана и Наталии, а внизу в клейме страдание в муч. Екатерины без окладу.

Образ Знамения Богородицы, на нем венец и подбородок серебряные, убрус низан из мелкого жемчугу с камнями простыми, вверху над ним образ Лазорева воскресенья без окладу (л. 30). На правом крылосе образ Спаса нерукотворенного, на полях онаго двадцатных праздники: над ним вверху образ Распятия и Преображения Господня без окладу.

[Декабря 13го дня на Спасителя положен венец серебряной позлащенной]. За оным крыласом в том же иконостасе образ Рожества Христова с предстоящими, на нем риза серебряная прорезная и на предстоящих святителях восемь венцов серебряные. Над ним в клейме образ Успения Богородицы и Воздвижение креста Господня [без окладов].

За оным в окне два образа. 1-й Макария Желтовоцкаго, 2-й Владимирския Богородицы без окладу.

В другом простенке в иконостасе

Образ Одигитрия Богородицы, на нем венец серебряной позлащенной, над ним вверху образ Богоявления Господня и Вход во Иерусалим [без окладу].

Образ Василия блаженного, на нем венец серебряной и позлащенной, вверху над ним два образа. 1-й образ великомученицы Екатерины без окладу. 2-й образ седми архангелов, на нем пять венчиков серебряных. За оными в окне три образа месячных без окладов, над оными в клейме образ Живоначальныя Троицы [без окладу].

По левую сторону царских врат

Образ Тихвинския Богородицы, на нем венец и подбородок с камнями простыми серебряные и позлащенные, убрус низан из мелкого жемчугу (л. 30 об.), над ним в клейме образ Благовещения Богородицы.

Северная дверь, на ней изображение Чуда архангела Михаила, над оною в клейме образ [страдание Феодора Стратилата].

Образ Иоанна Воина, на нем венец и риза накладная позлащенные, над ним в клейме образ Вознесение Господне без окладу.

Образ Иерусалимския Богородицы, на ней венец серебряной позлащенной, убрус низанной из мелкого жемчугу, привесу сердце серебряное позлащенное.

Над ним в клейме образ [Российских князей Бориса и Глеба].

В верхнем ярусе онаго иконостаса

Два образа Спасителя и Господа Саваофа, на 1м венец серебряной позлащенной, на 2м два венца серебряных, со апостольскими и пророческими по обоим сторонам образами, кои все без окладов.

Во въ падинах над южной дверью

Образ Священномученника Григория арменскаго и преподобнаго Сергия Радонежскаго чудотворца без окладу. На стороне против оных в клейме.

Образ Патриарха Афанасия и Анны пророчицы.

Над северною дверью образ князей Владимира и Александра Невского без окладу.

вверху онаго иконостаса востания от гроба и стражи резные (л. 31).

в трапезе оная церкви над входом в настоящую церковь образ Спасителя с предстоящими. На нем венец серебряной: по сторонам онаго два образа без окладу.

Проходная дверь в настоящую церковь, на ней написаны мученики Пантелеймон и Уар, а внизу Иоанн Дамаскин без окладу, в клейме над оною дверью образ Обрезания Господня без окладу.

По правую страну входа

Образ Епископа Иакова, на нем два венца серебряных.

Над ним в клейме образ [еще не написан].

По левую сторону

Образ Пресвитера Василия, на нем венец серебряной, также и на Спасителе венчик серебряной.

Над ним в клейме образ патриарха царградскаго Афанасия, Священномученика Игнатия богоносца и великомученика Андрея Стратилата [без окладу].

Сверх же иконостаса в приделе

Образ Рождества Иоанна Крестителя без окладу.

Образ Рождества Богородицы, на нем сем венцев и риза на Богоматери Сребренная, над оным образом вверху образ Владимирския Богородицы с предстоящими без окладу.

Образ Богородицы всех скорбящих радость, на нем венец с подбородком и протчих семь венчиков серебряные и позлащенные, убрус низанной из мелкаго жемчугу.

Сверху над оным образ Карсунския Богородицы на нем венец сребренной (л. 31 об.).

Сверх же иконостаса в определе

Образ Симеона Богоприимца и Анны пророчицы без окладу.

Образ исповедников Гурия, Самона и Авива И священномученика Власия.

На нем шесть венцев сребренных и позлащенных и один подбородок сребреной.

Над ним в клейме образ Введения Богородицы без окладу.

За оным образом в окне 3 образа. 1-й преподобнаго Макария Желтоводскаго,

На нем венец сребреной позлащенной, в нем камень сердолик, на нем же вверху образ Живоначальная Троицы, около Его облака и венцы серебряные позлащенные. 2-й образ боголюбския Богородицы, на нем риза с двумя венчиками сребренными. 3-й Владимирския Богородицы, на нем венец и подбородок серебряные, убрус низанной из мелкаго жемчугу ветхое также и поля серебряные ветхие частью ободрались.

По той же стороне трапезы в 1м простенке. Образа в иконостасе.

1-й образ чудотворца Николая, на нем три венца с подбородками сребренные.

2-й образ Константина и Елены на нем четыре венца сребренные и позлащенные. Нам ними в клеймах два образа Рождества Христова и Богородицы (л. 32).

В окне два образа. 1й Тифинския Богородицы, на нем венец и подбородок сребренные и позлащенные.

2-й великомученика Георгия без окладу, на нем один венчик на Спасителе сребренной позлащенный.

Во втором простенке в иконостасе девять месячных образов без окладу.

В оном же приделе около столпа, имеются в иконостасе три иконы, за левым крылосом по правую сторону. Образ Ахтырския Богородицы, на нем два венца сребренные.

По левую сторону образ Иверския Богородицы, на нем венец сребренной.

Позади столпа в том же иконостасе

Образ Успения Богородицы, на нем дватцать четыре венца и две ризы сребренные и позлащенные.

При оном же столпе имеются две иконы в особых киотах. 1-й образ великомученика Иоанна воина в позлащенном резном киоте, на нем риза, венец и подбородок серебряные позлащенные. 2-й образ Николая Чудотворца, в резном местами позлащенном киоте, на нем венец сребренной позлащенной, И еще два венчика на изображениях Спасителя и Богоматери сребренные, в олтаре онаго придела на горнем месте Образ Феодоровския Богородицы, на нем венец сребреной (л. 32 об.).

Над горним местом образ Живоначальная Троицы, а по сторонам на стенах два образа. 1-й именуемый Не рыдай мене мати. 2-й Никола чудотворец [без окладов].

[завес зеленой тафты].

Над выходом из трапезы. Образ, семи ангелов без окладу.

В паперти под колокольню образ Разпятия Господня, на нем два венца сребренные позлащенные писанной на стене. Образ Знамени Богородицы без окладу. И два полуовальныя образа различных святых без окладу. Над входом в паперть Образ Собор архангела Михаила без окладу, под железною крышкою.

Пол в приделе чугунный.

Антиминс на белом атласе, илитон под ним розовой тафты.

Сверх оных еще имеются пять безместных ветхих образов различных святых. Икона великомученицы Екатерины, на ней венец сребреной позлащенной.

Книги

Библия

Камень веры.

Толковое Евангелие на воскресные и праздничные дни.

Благовестник тож полное толкование Евангелия (л. 33).

Тритомник Евангельской

Беседы Святаго Иоанна Златоустаго.

1-я часть. На бытие, 2-я на Евангелиста Иоанна Богослова, 3-я на деяния и на Апокалипсис Святаго Андрея архиепископа и 4-я О священстве Его ж Златоуста.

Слова Святаго Григория Назианзина три части в единой книге.

Книга жития Михаила Ярославича Тверского.
 Ежедневные проповеди.
 Недельные и праздничные проповеди.
 О должностях христианина Тихона епископа воронежского.
 О должности пресвитера.
 Книга трубы Лазаря Барановича.
 Книжица о обращении Ксенофонта из раскола.
 Книжица Священной истории вопросо-ответная.
 Евангелие большое печатное на александрийской бумаге необделанное.
 Устав Церковный.
 Октоих две книги.
 Триодь Постная в двух книгах.
 Проповеди на Четырдесятницу Преосвященного Платона.
 Требник Петра Могилы в трех книгах (л. 33 об.).
 Четких миней Год в 4-х книгах.
 Прологов год в 4-х томах ветхия.
 Прологов полгода еще в одной книге. Миней праздничная. Миней Общая.
 Псалтирь Следованная.
 Псалтирь четвертная.
 Служебных миней месячных в подесть одиннадцать.
 в осмушку их же четыре.
 Две Цветные Триоди, из них одна очень ветха.
 Служебник Московской печати.
 Два служебника Киевской печати ветхие.
 двенатцать книжиц на разные праздники.
 правильник молебный.
 Две книжицы. 1-я Служба Иоанну воину. 2-я Захарии и Елисавете.
 Инструкция благочинническая.
 Две книжицы На возшествие и на коронацию.
 Две тетради поминовенныя по царех.
 Два Ирмолога.
 Два Часослова, из них один ветх.
 Канонник молебный Киевской печати ветхой.
 Московския святцы ветхие (л. 34).
 Акафист архангелу Михаилу писанной полууставом.
 Апостол
 Требник большой.
 Требник Малой.
 Книжица молебных пеней.

Нотные книги

Октоих печатной
 Обиходов 2 тома печатные
 Ирмологии письменные ветхие
 Праздники
 Двенатцать партесных книг праздников в 4ТЬ
 Восемь книг Стихир архангелу Михаилу в 4ТЬ
 Обедня с некоторыми концертами, в тетрадах четвероголосная.
 Ирмосы 1го Канона рождеству Христову, четырех голосныя.
 Ирмосы Крест начертав четвероголосныя же в осмушку.
 Еще различных написанных партесных пеней книжицы древняго напеву.
 в осмушку около тритцати в кожаном переплете все ветхие.
 Стихиры богородице Карсунской в осмушку письменныя (л. 34 об.).

Ризы

1. Ризы шитые серебром и золотом с шелковыми цветами, на оплечьях вышито Успение богоматери с живописными лицами, около подола обложены широким золотым бугачатым прозументом, подбиты малиновою полуобьярью. На них пять пуговиц сребренных.

2. Ризы золотой парчи, около оплечья и подольника обложены золотым с серебряными цветами гасом, въ округ подола золотым голуном, подбиты китайкою.
3. Ризы золотой парчи насыпной по желтой с серебром земле с оплечьями золотой же парчи, около оплечьев и подольника обложены широким серебряным с золотом травками гасом, округ подола односторонним позументом подбиты крашениною.
4. Ризы насыпной серебряной парчи с золотыми и шелковыми травками, на них звезда золотой парчи, около оплечьев и подольника обложены золотым гасом, по подолу односторонним золотым позументом. Подбиты китайкою.
5. Ризы Золотой парчи, около оплечьев и подольника обложены Золотым гасом, подбиты желтою китайкою.
6. Ризы Золотой парчи с оплечьями и подольником серебряной парчи, подбита китайкою (л. 35).
7. Ризы золотой парчи, около оплечьев и подольника обложены серебряным гасом (во)круг подола серебряным позументом. Подбиты зеленою китайкою.
8. Ризы золотой полосатой парчи по красной земле с оплечьями золотой насыпной по желтой земле. Около оплечьев и подольника обложена зубчатым односторонним серебряным гасом, подложены зеленою китайкою.
9. Серебряной парчи по голубой земле, около оплечьев И воротника обложены серебряным позументом, а около подольника серебряною сеткою. Подбиты крашениною.
10. Ризы Серебряной парчи по голубой земле, около оплечьев и подольника обложены серебряным гасом. Подложены китайкою.
11. Ризы Серебряной парчи с нашитыми блесками по кафейной земле с оплечьями золотой парчи по желтому бархату, около оплечьев и подольника обложены золотым позументом. Подбиты китайкою.
12. Ризы Серебряной парчи по лиловой земле, оплечья на них Золотом шиты с живописными лицами. Около подольника обложены золотым позументом. Подложены китайкою.
13. Ризы Серебряной парчи по желтой земли с оплечьями по золотой парчи, около подольника обложены односторонним гасом. Подложены китайкою (л. 35 об.).
14. Ризы малиноваго бархату, около оплечьев, воротника и подольника обшиты односторонним позументом, на китайчатой подкладке.
15. Ризы золотой парчи по белой земле, с оплечьями трафчетаго глазету, около оных И наподольника обложены золотым позументом. Подложены алою китайкою.
16. Ризы золотой парчи по каришневой земли с оплечьями золотой парчи И подольников древней парчи по брусничной земли. Подбиты крашениною. Ветхие.
17. Ризы парчи золотой по кафейной земли с оплечьями золотой парчи. Около оплечьев обложены серебряным прозументом. Подольник кафейнаго штофу. Подбиты крашениною. Ветхие.
18. Ризы парчевые по кафейной земли, с оплечьями парчевыми по красной земли. Около подольника обложены односторонним золотым позументом. Подбиты китайкою.
19. Ризы штофа Малиноваго, оплечья на них парчевые, около подольника обложены односторонним серебряным позументом. Подбиты крашениною. Ветхие.
20. Ризы Люстриновые Зеленые с оплечьями по желтой земле. Около оных обложены золотым прозументом, подольник на них полосатой тафты. Подложены китайкою (л. 36).
21. Ризы люстриновые Малиновые, с оплечьями пукетовыми, подольник на них клетчатой тафты. Подбиты крашениною. Ветхие.
22. Пукетовые желтые, крест на них золотаго позумента. Подбиты крашениной. Ветхие.
23. Ризы люстриновые зеленые с оплечьями кафейнаго пукета с подольником красной камки. Подложены крашениною. Ветхие.
24. Ризы плису чернаго. Около оплечьев и подольника обложены серебряным зубчатым позументом. Подложены ветхою крашениною.

Стихари

- 1-й Стихарь золотой парчи, около оплечьев и подольника обложены серебряным гасом, по краям подола и рукавов односторонним прозументом. Подбит зеленою китайкою.
- 2-й Стихарь Глазетовой Серебряной с шелковыми трафками с оплечьями серебряной парчи по алому бархату, около их обложены широким зубчатым прозументом, а около рукавов и подольника И по подолу обложены золотою сеткою. Подбиты синею китайкою.
- 3-й Стихарь Серебряной парчи по кафейной земли с нашитыми блесками около оплечьев, рукавов и подольника обложен золотым с серебряными цветами гасом, по подолу золотым голуном. Подбит китайкою (л. 36 об.).
- 4-й Стихарь золотой насыпной по желтой земли парчи с золотыми оплечьями обложен около подола и рукавов односторонним позументом. Подбит крашениною.

5-й Стихарь серебряной парчи, на нем оплечье золотой парчи. Около оплечьев И подольника обложен золотым гасом, по подолу и около рукавов односторонним позументом. Подбит крашениною.

6-й Стихарь золотой парчи, около оплечья обложен золотым гасом подбит крашениною.

7-й Стихарь Малиновой с золотыми травами, оплечья на нем и подольник серебряной парчи. Подбит зеленою китайкою.

8-й Стихарь полосатой материи по белой земли, оплечья и подольник на нем золотой насыпной парчи по желтой земли, около оплечья, подольника и рукавов обложен золотою сеткою. Подбит крашениною.

9-й Стихарь серебряной парчи по голубой земле, около оплечьев и рукавов обложены серебряным позументом, около подольника серебряною сеткою, подбит крашениною.

10-й Стихарь грезетовой голубой, около оплечьев, подольника и рукавов обложен серебряною сеткою, подбит голубою китайкою (л. 37).

11-й Стихарь малиноваго трафчетаго штофа, с оплечьями серебряной парчи с нашитыми блесками, обложен золотым позументом, подбит китайкою.

12-й Стихарь Малиноваго Бархату, около рукавов, оплечьев И подольника обложен золотым прозументом, подбит китайкою.

13-й Стихарь белой парчи с оплечьями золотого глазета, кои уже ветхи, обложен около оплечьев, рукавов и подольника золотым позументом, подбит крашениною.

14-й Стихарь Краснаго Штофу с кафейными оплечьями, обложен серебряным позументом около подольника и рукавов, подбит Китайкою.

15-й Стихарь плису чернаго, около рукавов, оплечьев и подольника обложен односторонним серебряным позументом, подбит крашениною.

Подризники

1-й Подризник полосатой по белой земле с оплечьями зеленого гарнитуру, около подольника обложен золотою сеткою, подбит крашениною.

2-й Подризник трафчетаго Атласа по кафейной Земли, на нем оплечья, подольник и нарукавники голубые перевеневья, около подольника обложен односторонним позументом, подбит крашениною (л. 37 об.).

3-й подризник Голубой грезетовой, подольник на нем камчатной, и около онаго обложен серебряною сеткою, подложен китайкою, ветхие.

4-й подризник камчатной красной с гарнитуровыми рукавами, подбит крашениною, ветх.

Поясы

1. Пояс полосатой по красной земле, крест на нем односторонняго золотого позументу, подбит китайкою.

2. Пояс глазету полосатаго, подложен китайкою, ветх.

3. Пояс парчевой по брусничной земле, ветх, подложен китайкою.

4. Пояс красной парчи, подложен крашениною, ветх.

5. Пояс новой золотого с черными полосами глазету, на нем крест из ленты, коими и по краям обложен, подбит китайкою.

Епитрахили

1. Епитрахиль шитая серебром и золотом, на конце обложена серебряною бахромою, подложена голубою тафтою.

2. Епитрахиль Золотой парчи по серебряной земле с шелковыми травами, на ней кресты серебрянаго позументу, по краям обложена серебряным гасом, на подоле бахромою, подбита тафтою (л. 38).

3. Епитрахиль золотой парчи, кресты на ней и по краям обложена золотым гасом, на конце серебряною бахромою, подбита тафтою.

4. Епитрахиль Золотой парчи с травами шелковыми, по краям кроме горини обложена серебряным позументом, такового и кресты, на ней на конце бахромою, подложена китайкою.

5. Епитрахиль серебряной парчи по голубой земле с шелковыми цветами, на ней кресты серебрянаго позументу, по краям обложена серебряною сеткою, подложена крашениною.

6. Епитрахиль золотой парчи, на ней пять пуговиц серебряные, И семь золототых крестиков, на подоле Иордан на ней серебряной по голубой земле, парчи ветхой.

7. Епитрахиль Серебряной парчи по голубой земли, на ней кресты и по краям обложена серебряным зубчатым гасом, подбита китайкою, ветха.

8. Епитрахиль красной парчи, на ней кресты золотого позументика, подбита крашениною, ветха.

9. Епитрахиль Голубой парчи, на ней кресты я кругом обложена золотым позументом, подбита китайкою, ветха.

Орари

1. Орарь золотого широкого позументу, на нем кресты и по краям обложен серебряным Галуном, по концам опушен бахромою, подбит гарнитуром (л. 38 об.).
2. Орарь золотой парчи, по краям обложен золотым позументиком, из коего и кресты на нем, по концам обложен бахромою, подбит тафтою.
3. Орарь золотого глазету, на нем кресты И обложен по краям галуном серебряным, по концам опушен бахромою, подбит полуобъярью.
4. Орарь серебряной парчи по голубой земли, на нем кресты и по краям обложен серебряным галуном, подбит китайкою.
5. Орарь по синей земли с золотыми травами, на нем кресты золотого позументика, подложен тафтою.
6. Орарь золотой по малиновой земли парчи, на нем кресты и по краям обложен золотым голуном, подбит китайкою.
7. Орарь плису красного, обложен лентами, из коих кресты, подбит тафтою.
8. Орарь полосатой красной материи, кресты на нем золотого позументика, подбит гарнитурою.
9. Орарь Красной парчи, на нем кресты золотого позумента, подбит крашениною, ветхой.
10. Орарь плису черного. На нем кресты серебряного позументу, подбит крашениною (л. 39).

Воздуха

1. Воздухи шитые Серебром и Золотом, на них поля золотого глазету, по краям опушены серебряною бахромою, а середина обложена серебряною сеткою; на двух самых покровах вместо крестов вышиты херувимы с живописными лицами, подбиты голубою тафтою.
2. Воздухи золотой парчи, два покрова опушены серебряною бахромою, середина серебряным галуном, из коего кресты на нем, на большом же поля серебряного глазету, по краям опушен золотою бахромою, крест на нем Гасина, подбиты все тафтою.
3. Воздухи золотой парчи, поля на них серебряной парчи, по краям обложены золотою сеткою, кресты на них из гасина, подбиты китайкою.
4. Воздухи насыпной парчи, поля на них полосатого глазета, другом обложены золотою сеткою, среди на же прозрачными полированными хрустальями, кресты на них из гасина, подложены тафтою.
5. Воздухи золотой парчи, поля на них серебряного глазету, кругом опушены золотою бахромою. Середина же обложена гасиком, какового и кресты на них, подбиты тафтою.
6. Воздухи серебряной парчи по голубой земле, на 1м поля розаваго рестрину, крест серебряного гасу, подбит выбойкою, а на двух покровцах поля гарнитуровые, кресты позументика золотого, подбиты тафтою (л. 39 об.).
7. Воздухи кафейной парчи, на двух поля голубаго штофу И подложены китайкою, а третий подбит камкою, поля на нем зеленаго штофу, кресты, на всех прозументу серебрянаго.
8. Воздухи парчевые по голубой земли, поля на них желтой камки, кресты прозументу серебрянаго, подбиты крашениною, ветхие.
9. Воздухи зеленаго Штофа, поля на них гарнитура малиноваго, кресты золотого галуна, подложены выбойкою.
10. Воздухи золотой парчи, поля на них малиновой парчи, кресты на них серебрянаго галуна, подбиты китайкою, а на большем нижний край опушен золотою бахромою.

Поручи

1. Поручи золотой парчи, обложены серебряным позументиком, крестики ускаго гасика, подложены китайкою.
2. Поручи золотой Насыпной парчи, обложены узким позументиком и крестики, подложены тафтою.
3. Поручи серебряной парчи по алому бархату, обложены Золотою сеткою, подбиты полуобъярью.
4. Поручи золотой насыпной парчи, обложены серебряным галуном и из коих крестики, подложены китайкою.
5. Поручи золотой парчи, обложены серебряною тесмою, подбиты тафтою (л. 40).
6. Поручи золотой насыпной парчи по серебряной земли, обложены серебряным галуном, подбиты крашениною.
7. Поручи серебряной парчи по голубой земли с шелковыми трафами, кресты на них серебрянаго позументу, каковым обложены и верхние края, подбиты тафтою.
8. Поручи серебряной парчи, обложены серебряным позументиком, какового и кресты на них, подбиты китайкою, ветхие.

9. Поручи розовые гарнитуровые, обложены белым атласом, подбиты крашениной, ветхие.
10. Поручи голубые атласные, верхние края обложены золотым старым позументом, какового и кресты на них, подложены тафтою.
11. Поручи парчи Малиновой, подложены китайкою, ветхие.
12. Поручи грезетовые зеленые, на верхних краях обложены тафтою полосатою, кресты на них позументика золотого, подбиты китайкою.
13. Поручи Красной парчи, обложены тафтою, каковой и кресты на них, подбиты крашениною.

Пелены

1. Пелена Аналойная красной парчи, поля на ней зеленого штофа, крест золотого односторонняго гасу, подбита выбойкою (л. 40 об).
2. Пелена аналойная тафтяная розовая слинялая, поля на ней зеленой тафты. Крест позументу серебрянаго, подбита крашениною.
3. Пелена аналойная волнистой тафты, поля на ней булафчетой тафты и крест узкого серебрянаго позументика, подбита крашениною.
4. Пелена надгробная черного грезету обложена бумажною тесмою, каковой и крест, подложена крашениною.
5. Пелена напрестольная в настоящей церкви желтаго пукету, поля на ней зеленого штофу, крест золотого односторонняго гаса, подбита выбойкою.
6. Пелена Напрестольная в приделе, пукета кафейнаго, поля на ней голубаго атласа. Крест золотого односторонняго позументу, подбита крашениною, ветха.
[Новая к освящению сделана золотой парчи, поля на ней травчетаго французскаго штофу, крест серебрянаго гасу, подбита выбойкою].
7. Пелена на жертвеннике малая тафты желтой, крест на ней узинкаго гасика, подложена полуситцом.
8. Пелена красно-желтая тафтяная на крест в паперти. На ней крест позументу золотого, подбита выбойкою.
9. Пелена голубой тафты, поля по боках зеленой тафты, крест розовой ленточки, подбита выбойкою (л. 41).
10. Пелена полосатой тафты, крест на ней мишурной, подбита набойкою.
11. Пелена светло зеленой тафты, крест на ней красной ленты, подложена выбойкою.
12. Пелена пукетовая, крест на ней прозументу золотого, подложена выбойкою.
13. Пелена тафтяная, на ней крест золотого позумента, подложена выбойкою, ветхая.
14. Пелена камчатая, крест на ней мишурной, подбита крашениною, ветхая.
15. Завесы На царских вратах зеленой тафты.

Одежды

1. Напрестольная в настоящей розоваго бархага, крест на ней прозументу односторонняго Серебрянаго.
2. Одежда На жертвеннике голубаго штофа, крест на ней золотого позумента.
3. Одежда Напрестольная в приделе красной полосатой материи, верхушка на ней краснаго плису, крест серебрянаго гасика.
4. Одежда в приделе голубая с золотыми травами, верхушка на ней [голубаго штофа, крест на ней золотого гасу, сделана к освящению церкви].
5. Одежда на жертвеннике штофа трафчетаго по каришневой земле, крест на ней позументу золотого, сделана к освящению церкви (л. 41 об.).
6. Одежда или пелена на жертвеннике красной полосатой материи, верхушка камчатная Синяя, крест золотого позументу.
7. Одежда на столике для освящения воды Объери Кафейной, крест желтой ленточки.
8. На плащанице покров дымчатой полосатой, опушен бахромою шелковою.
9. Одежда на другом столике набойчатая.

Утварь церковная

1. Евангелие Напрестольное На полуалександрийской бумаге печатное. Обложено Чеканным Серебром и Позлащено. На нем средник и Четыре Евангелиста финифтяные и шеснатцать штук черневые, Застешки и четыре ношки на нижней доске серебрянные же и позлащенные.
2. Евангелие На престольное, на нем верхняя дска, средник и Евангелисты серебряные все И позлащенные, также две застешки. И на нижней деке пять штук серебряные.
3. Евангелие Напрестольное Старопечатное, на нем средник, Евангелисты и застешки серебряные позлащенные. И на нижней доске пять штук серебряные же (л. 42).

4. Евангелие малое. На нем верхняя дска вся серебряная. Застежки и на нижней дске пять штук медные посеребрены.

5. Крест кипарисный обложен серебром и позлащен с мощами.

6. Крест второй кипарисный обложен весь серебром.

7. Кафчег Оловянной и в нем малой кофчежец для хранения Запасных даров серебряной и внутри позлащен.

8. Еще в приделе кофчег оловянной же.

9. Дароносица серебряная с Чашицею и лжицею внутри позлащенными в виде четвероконечного креста.

10. Сосуды серебряные позлащенные. На потире Срачица Серебряная резная непозлащенная. И восемь штук финифтинные Осыпные простыми камушками. Также и на звезде Господа Саваофа изображение финифтяное же.

11. И вторые сосуды серебряные потир и лжица позлащенные. Также дискос и два блюдца серебряные позлащенные. Копие стальное черенок черного дерева.

12. Копие стальное оправлено серебром.

13. Сосуды для благословения хлебов медные посеребрены.

14. Блюдо антидорное медное посеребрено.

15. Ковш для теплоты Серебряной, внутри позлащен и блюдце под ним серебряное же.

16. Ковш малой оловянной (л. 42 об.).

17. Укропник медной.

18. Кувшин оловянной.

19. Два кропила.

20. Сковородка теплотная медная.

21. Кандея большая медная.

22. Еще кандея средняя медная.

23. Четыре подсвечника для водосвятия медные посеребрены.

24. Кадило серебряное большое.

25. Кадило Серебряное среднее.

26. Два кадила медные чеканные.

27. Два подсвечника медные чеканные посеребрены.

28. Еще два подсвечника выносные медные.

29. Подсвечник дяконский медной.

30. Подсвечник пред образом Воскресения Христова медной посеребренной.

31. Два аналая живописных на полотне, из коих один ветх.

32. Люстра Среди Церкви Хрустальная, в приделе; переписана из настоящей, поникадил больших медных чеканных пред местными образами в настоящей шесть посеребренных, из коих одно не посеребренное. В приделе простых медных больших семь поникадил, в приделе посеребренных 10.

Средних и малых чеканных посеребренных поникадил в настоящей 10 и одно не посеребренное.

1800 года в настоящую церковь привезена люстра новая медная посеребренная и местами позлащенная в 5 пудов и 18 фунтов (л. 43). простых медных, средних и малых медных посеребренных малых пять. Итого во всей церкви поникадил сорок семь и три, малых пятнадцать. Купель жестяная.

Три жаровни чугунные.

Два брачных венца медные.

Часы на колокольне железные ветхие.

Колоколов на колокольне Седьмь.

В 1-м весу — 145 пуд

Во 2-м — 41 пуд

В 3-м — 20 пуд

В 4-м — 9 пуд

В 5-м — 6 пуд

В 6-м — 120 фунт.

В 7-м — 1 пуд.

На той же Колокольне в Палатке часы железные немецкие, но не ходят. Подпись по листам: К сей церковной описи Города Калуги церкви Святого Архангела Михаила что в старом острогу Иерей Яков Михайлов руку приложил; диакон Стефан Антонов руку приложил; пономарь Никита Васильев руку приложил.

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР ПИРАНЕЗИ... К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАВЮРЫ

М. В. Зверева,

*кандидат культурологии, зав. отделом
Калужского музея изобразительных искусств*

Коллекция офортов Джованни-Баттиста Пиранези (1720–1778), хранящаяся в Калужском музее изобразительных искусств, ранее входила в коллекционерский альбом, поступивший в 1919 г. в составе частного художественного собрания князей Горчаковых. Альбом был сброшюрован в 2 тома и включал 134 листа, то есть практически всю серию *Vedute di Roma* («Виды Рима»). К сожалению, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. большая часть офортов была утрачена¹, и в настоящее время коллекция насчитывает 39 листов. В инвентарной книге графики в качестве названий приведены имеющиеся на листах гравированные надписи на итальянском языке. К сожалению, в записях встречается немало ошибок, кроме того, в инвентаре не указаны материал и техника произведения, нет датировки и описаний (ил. 1). Для включения произведений в научный оборот и их экспонирования необходимо было определить сюжеты композиций, выявить время их создания, перевести названия сюжетов композиций на русский язык.

Серия «Виды Рима» стала самым главным делом жизни Пиранези. Работу над римским циклом художник начал около 1746 г., и она продолжалась до конца его жизни. Всего в эту сюиту вошло 135 гравюр мастера. Композиции публиковались по мере их создания, но полностью вся серия была издана в 1778 г.

Мастерские Пиранези располагались очень удачно: первая находилась на виа дель Корсо, рядом с Французской академией, там же был книжный магазин издателей произведений Пиранези Бушара и Гравье; вторая — на виа Систина. Это были районы, популярные среди путешественников, которые приобретали у Пиранези отдельные листы или серии гравюр в напоминание о посещении Рима. Произведения Пиранези были столь популярны, что среди почитателей его таланта можно было встретить не только ценителей искусства и художественных агентов, но и римских понтификов: так, папа Климент XIII являлся его покровителем, а папа Пий VI посетил музей Пиранези в 1782 г. и отобрал ряд гравюр для пополнения собраний Ватикана. Английский архитектор Роберт Адам писал о нем: «...Изумительные и гениальные фантазии, которые ему удалось воплотить в различных образах храмов, терм, дворцов, никогда не виденных, являются самым необычным источником вдохновения и творчества, который только можно себе представить для какого-либо любителя архитектуры». Действительно, Пиранези обладал исключительной силой воображения. По словам Ж.-Г. Леграна, однажды в беседе с одним из своих учеников Пиранези сказал: «Если бы мне заказали план нового мироздания, у меня хватило бы безумия взяться за него»².

После смерти Дж.-Б. Пиранези его сыновья Франческо и Пьетро еще в Риме осуществили несколько переизданий гравюр римского цикла. В 1798 г., после вступления войск Наполеона в Италию, семья Пиранези переехала в Париж, где Франческо и Пьетро организовали печатную мастерскую и занялись повторным изданием композиций сюиты. Парижский период публикации произведений Пиранези обычно принято разделять на три этапа:

- 1) этап первых парижских изданий (с 1800 г. и до смерти Франческо Пиранези в январе 1810 г.);
- 2) этап промежуточных парижских изданий (с 1810 г. до продажи наследниками Пиранези всех медных досок издателю Фирмен Дидо в 1829 г.);
- 3) этап последних парижских изданий, предпринятых фирмой Дидо, вплоть до возвращения досок в Рим в 1839 г., когда по приказу папы Георга XVI все издания Пиранези были выкуплены и переданы в Калькографию Камерале (с 1870 по 1945 г. переименована в Королевскую, а с 1946 г. — в Национальную).

¹ См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Том 15. Калужский художественный музей. Москва, 2006. С. 69–83.

² *Legrand J. G. Notice historique sur la vie et sur les ouvrages de J. B. Piranesi, Architecte, Peintre et graveur. Paris, 1779.*

№ инв.	название	измерения	№ табл.
349	Видеобанни Видеобанни (1730-1779) el' Orselli	345 x 25 43 x 258,3	3552
350	Видеобанни Veduta della Piazza del Campi dioglio	443 x 63 43 x 47,5	3553
351	Видеобанни Veduta del Campidoglio di Gian co	405 x 68,5 383 x 67,7	3554
352	Видеобанни Veduta di Campo Vaccino	405 x 68,5 383 x 67,7	3555
353	Видеобанни Veduta di Campo Vaccino	405 x 68,5 383 x 67,7	3556
354	Видеобанни Veduta del Sito ov'era l'antico Fero Romano	405 x 68,5 383 x 67,7	3557
355	Видеобанни Veduta del Tempio di Antonino e Faustina in Campo Vaccino	405 x 68,5 383 x 67,7	3558
356	Видеобанни Veduta del Tempio di Giove Tornante	405 x 68,5 383 x 67,7	3559
357	Видеобанни Veduta degli Avanti del Taber- no della Casa Nuova di Nerone detta Volgarmente il Tempio del Cae' Toros	405 x 68,5 383 x 67,7	3560

Инвентарная книга графики Калужского музея изобразительных искусств. Фрагмент

В процессе многочисленных переизданий серии «Виды Рима» появилось большое количество состояний оттисков гравюр, с разными вариантами названий, наличием адресов издателей или их отсутствием, ценой, по которой при жизни Пиранези продавали листы, номерами таблиц и т. д. Число состояний ранних римских композиций колеблется от пяти до восьми.

Что касается бумаги, то самые ранние оттиски печатались на бумаге верже, которая была менее плотной, чем бумага, применявшаяся позднее, а для парижских изданий использовалась бумага овернской фабрики Т. Дюпюи. После того как доски в 1839 г. оказались в римской Калькографии Камерале, издание офортов Пиранези продолжилось. Оттиски этих публикаций хранят сухой штемпель с названием калькографии: с 1839 по 1869 г. — Калькография Камерале, с 1870 по 1945 г. — Королевская Калькография, с 1946 г. — Национальная Калькография.

В 1810–1829 гг. на досках появились гравированные порядковые номера таблиц: 1–68 — для 1-го тома и 1–69 для 2-го тома сюиты. Публикации 1830–1839 гг., осуществленные Фирмен-Дидо, получили дополнительные трехзначные арабские номера таблиц 682–821.

Таким образом, в процессе изучения коллекции было необходимо решить целый ряд вопросов:

1. Подтвердить или опровергнуть авторство произведений.
2. Выявить время создания произведений.
3. Определить состояние оттисков.
4. Определить тип бумаги, на котором были отпечатаны оттиски.
5. Определить сюжет той или иной композиции.
6. Перевести надписи на гравюрах.

Основным источником установления точной датировки является тематический гравированный каталог работ Дж.-Б. Пиранези, выпущенный его сыном Франческо в 1792 г. в Риме¹. Каталог был издан на французском языке, как это было принято в то время, и включал краткий перечень произведений мастера с указанием времени создания композиций. Необходимо заметить, однако, что в этом каталоге имеются опечатки, а даты некоторых композиций являются спорными и требуют дополнительного исследования.

Самые ранние жизнеописания Пиранези принадлежат итальянцам Дж. Л. Бианкони («Elogio storico del Cavalier Giambattista Piranesi, celebre antiquario ed incisore di Roma», 1779) и П. Бьяджи («Su U' incisione e sul Piranesi», 1820), а также французу Ж.-Г. Леррану («Notice historique sur la vie et sur les ouvrages de J. B. Piranesi, Architecte, Peintre et graveur», 1779). В труде Леррана

¹ Oeuvre de Chevaliers Jean Baptiste et François Piranesi qu'on vend seprément dans la Calcographie des Auteurs, Rue Felice, près de la Trinite de Monts. Rome, 1792.

Пиранези, Джованни-Баттиста (1720 – 1778). Вид местности, где ранее располагался античный Римский форум. 1756. Лист из серии «Виды Рима». Бумага верже, офорт. Инв. Г-354

биографические данные были впервые приведены наиболее полно со многими подробностями из частной жизни Пиранези.

Несомненную ценность для музейных специалистов, занимающихся гравюрой, представляет каталог-резюме 1918 г. французского историка искусства Анри Фосийона¹, в котором автор рассматривает творчество Пиранези соответственно отдельным периодам его развития, обстоятельно описывает наиболее крупные графические серии мастера.

Самым полезным для определения состояния оттисков офортов и типов бумаги оказался каталог английского исследователя Артура Хайнда (1922)², классификация которого построена на сопоставлении оттисков, хранящихся в Британском музее и в некоторых частных художественных собраниях. Фундаментальный труд Хайнда включает анализ произведений Пиранези, дополненный описанием бумаги, используемой при печати гравюр, а также иллюстрациями самих произведений и воспроизведением встречающихся на листах водяных знаков. Хайнд был одним из первых, кто подвергнул сомнению датировки, приводимые другими авторами, и занялся научной атрибуцией произведений Пиранези.

Нельзя обойти вниманием и исследование Дж. Уилтон-Элая «The Mind and Art of Giovanni Battista Piranesi» (1978), его же каталог, изданный в 1994 г.³, а также каталоги произведений Пиранези, составленные Карло Петруччи (1953)⁴ и Луиджи Фикаччи (2000)⁵.

Таким образом, нами были выяснены даты создания композиций, определены состояния досок и типы бумаги, на которых печатались оттиски. Установлено, что все гравюры, входящие

¹ Focillon H. Giovanni Battista Piranesi. Essai de catalogue raisonné de son oeuvre. Paris, 1918.

² Hind A. M. Giovanni Battista Piranesi. A Critical Study with a List of his Published Works and Detailed Catalogues of the Prisons and the Views of Rome. London, 1922.

³ Wilton-Ely J. Giovanni Battista Piranesi. The Complete Etchings. San Francisco, 1994.

⁴ Petrucci C. A. Catalogo generale delle stampe tratte dai rami incise posseduti dalla Calcografia Nazionale. Roma, 1953.

⁵ Ficacci L. Istituto Nazionale per la Grafica, Roma. Giovanni Battista Piranesi. The Complete Etchings. Taschen. Kohn, London, Madrid, New York, Paris, Tokio, 2000.

Пиранези, Джованни-Баттиста (1720–1778). Вид храма Фортуны Вирилис. 1758.
Лист из серии «Виды Рима». Бумага верже, офорт. Инв. Г-360

в состав музейного собрания, были изданы в Риме до 1798 г. Коллекция включает несколько листов, представляющих особую ценность, поскольку они относятся к ранним, редко встречающимся состояниям без последующих переработок, с первоначальным названием композиций, которые позднее Пиранези заменил другими. Оттиски печатались с клише, не имевших еще адресов издателей. Это офорты с видами Римского форума (инв. Г-354) (ил. 2) и храма Фортуны Вирилис на Бычьем рынке (инв. Г-360) (ил. 3). Упомянутые листы дают представление о первоначальном замысле мастера.

В результате проведения исследования удалось разрешить ряд вопросов, связанных с атрибуцией и введением произведений в научный оборот: подтвердить авторство, выявить время и место создания работ, уточнить иконографию.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СКУЛЬПТУРНЫХ ГРУПП «КОНЬ С ВОДНИЧИМ» К. П. КЛОДТА ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

И. В. Гужова,

старший научный сотрудник, Калужский музей изобразительных искусств

В собрании Калужского музея изобразительных искусств находятся две скульптурные композиции: «Конь с водничим», исполненные по лепным этюдам К. П. Клодта к первой и к четвертой группам «Укротителей коней» для Аничкова моста в Санкт-Петербурге. Эти скульптурные группы представляют не только одно из прославленных произведений К. П. Клодта, но и искусство русских мастеров и развитие интерьерной скульптуры во второй половине XIX в. Происхождение моделей неизвестно, они имеют старые инвентарные номера: № 20/7 и 21/7, где в числителе указан порядковый номер, а в знаменателе — номер по книге

поступления, которая не сохранилась. Видимо, все эти работы происходят из одной коллекции, были вывезены сотрудниками губмузея из одного места. Согласно отчету Калужского губернского комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины за январь — марта 1922 г. бронзовые модели коней Клодта за этот период были переданы из губмузея в художественный музей, но источник поступления их в документах губмузея не указан¹. Скульптурные группы сразу же стали экспонироваться в галерее, располагавшейся в то время в доме Н. И. Васильева. Они указаны в описи экспонатов первого зала, где находился «Русский отдел», и видны на карандашных набросках к плану размещения коллекции музея, которым В. Н. Левандовский проиллюстрировал составленный им каталог музея: «1–2. Клодт П. К. Модель конных фигур с Аничкова моста в Петрограде. Бронза»². С момента установки на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге скульптурных групп «Укротители коней» К. П. Клодта они получили признание у современников, а затем и европейскую известность. Первая группа из ансамбля «Укротители коней» была выполнена в натуральную величину и отлита из бронзы П. К. Клодтом в 1838 г., следующая — в 1841 г., а весь скульптурный ансамбль для Аничкова моста был завершен в 1850 г. Дважды в 1842 и в 1846 гг. император Николая I отправлял в качестве дипломатического подарка повторные копии скульптурных групп в Берлин и Неаполь, где они стоят и поныне. Поэтому уменьшенные модели «Коней Клодта» выпускали многие русские бронзолитейные предприятия.

Обе скульптурные группы «Конь с водничим» из собрания КМИИ отлиты на одном из самых известных русских бронзолитейных предприятий — фабрике, затем заводе Карла-Фридриха Верфеля. Это было одно из лучших и наиболее известных бронзолитейных и камнерезных предприятий России во второй половине XIX в.

В становлении и развитии русской школы художественной бронзы XIX в. приняли участие иностранные мастера. Лучшие бронзолитейные предприятия в России были созданы иностранными мастерами в Санкт-Петербурге, одним из них был Карл К. Верфель (? — 1857?), бронзовщик, выходец из Пруссии, который в 1842 г. основал в Санкт-Петербурге бронзолитейное и камнерезное предприятие. В России его именовали Федором Верфелем, под этим именем он упоминается в документах. В 1849 г. он участвовал в Санкт-Петербургской выставке изделий промышленности Российской империи, представив часы из золоченой бронзы и малахита и канделябр³. Здесь в 1847 г. у него родился сын Карл-Фридрих, в дальнейшем именуемый Карлом Федоровичем Верфелем (1847 — после 1918). Он получил образование в Санкт-Петербургской 3-й гимназии, затем учился в Императорской Академии

К. П. Клодт. Конь с водничим. Первая группа. Модель 1833–1838 гг. Литье фабрики художественной бронзы К. Ф. Верфеля 1882–1893 гг. Бронза, литье, патинирование. 41×22×34. КМИИ. С-36

¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 6. Л.3–4.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМа). Ф. 54. Оп. 1. Д. 739. Л. 33, 41.

³ Гончарова Л. Н. Русская художественная бронза XIX века. М., 2001. С. 98.

К. П. Клодт. Конь с водничим. Четвертая группа. Модель 1846–1850 гг. Литье завода художественной бронзы К. Ф. Верфеля 1893–1910 гг. Бронза, литье, патинирование. 41×22×34. КМИИ. С-35

художеств на камнерезном отделении, которое окончил в 1868 г. Затем он учился в Германии¹. В 1857 г. К. К. Верфель умер, а предприятие возглавил его компаньон Иоганн Христианович Гессерих (1823–?), который занимался бронзолитейными работами. Он с 1856 г. был купцом II гильдии². В 1873 г. молодой К.-Ф. Верфель становится владельцем фабрики. В 1875 г. он получил свидетельство купца II гильдии, и билет на право производства и торговли изделиями из камня и малахита. Его предприятие находилось в Санкт-Петербурге на Караванной улице³. Здесь же с ним работал И. Х. Гессерих. С 1876 по 1882 г. К.-Ф. Верфель и И. Х. Гессерих были совладельцами бронзолитейной фабрики «Гессерих и Верфель». После отъезда И. Х. Гессериха в Германию в 1882 г. К. Ф. Верфель стал единоличным владельцем предприятия. В 1893 г. в связи с расширением и усовершенствованием производства фабрика стала именоваться заводом бронзолитейным и каменных изделий, находилась там же на Караванной улице. В этом же доме находится и магазин, в котором продавались выпускаемые его заводом изделия⁴.

С самого основания предприятие К. Ф. Верфеля работало в двух направлениях — бронзолитейном и камнерезном. Сам К. Ф. Верфель, как и его отец К. К. Верфель, занимался обработкой цветных камней и изготовлением художественных предметов, отделанных цветными камнями. Качество литья работ и изделия с камнями, выпускавшиеся на заводе К. Ф. Верфеля, ценились очень высоко. К. Ф. Верфель удостоивался множества высших наград на всероссийских и международных выставках, получал прямые заказы от королевских особ на изготовление изделий из цветных камней. В 1882 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве фирма К. Ф. Верфеля получает золотую медаль «за прекрасную работу из твердых камней и их применение к предметам, служащим для украшения комнат». В 1895 г. К. Ф. Верфель получил звание поставщика императорского двора, что в то время являлось признанием заслуг⁵.

Изготовлению камерной или кабинетной скульптурной пластики на заводе уделяли большое значение. К. В. Верфель сотрудничал с такими известными скульпторами, как А. Л. Обер, А. В. Позен, Н. И. Либериц, А. Е. Грачев, и другими. Здесь свои заказы на отливку камерной

¹ Скурлов В., Смородинова Г. Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 2001. С. 48, 84.

² Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществ и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия. СПб., 1871. С. 148.

³ Справочная книга о лицах, получивших в течение 1874 г. и января 1875 г. купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1875 году. СПб., 1875. С. 654.

⁴ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1896 по 1 февраля 1897 гг. свидетельства и билеты 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб., 1897 г. С. 212, 213.

⁵ Скурлов В., Смородинова Г. Указ. соч. М., 2001. С. 85.

скульптуры размещала такая фирма, как К. Фаберже, а в 1914 г. фабрика К. Ф. Верфеля перешла в собственность этой фирмы¹.

Во второй половине XIX в. кабинетная бронза стала пользоваться особой популярностью не только у дворянства, но и у богатой буржуазии. Ассортимент изделий русской кабинетной бронзы, развивался в русле традиций русского реализма, включал анималистические сцены, типаж из русской истории и фольклора, этнографические картины из жизни народов Российской империи, а также уменьшенные копии, или редукции, с прославленных монументальных скульптур. Одними из самых востребованных работ этой серии были модели «Коней Клодта»².

Первая группа «Конь с водничим» из собрания КМИИ³ имеет клеймо литейщика на правой стороне постамента: «завод К. Ф. Верфель. С. П. Б.». Модель четвертой группы «Конь с водничим»⁴ имеет клеймо производителя на левой стороне постамента: «фабрика К. Ф. Верфель. Ст. Петербург», на лицевой стороне постамента надпись «Собственность Императорской Академии художеств», на обороте постамента надпись: «раб. барона Клодта». Судя по клеймам, скульптурные группы «Конь с возничим» отлиты в бронзе на фабрике К.-Ф. Верфеля в Санкт-Петербурге в разные годы. Первая модель с клеймом «фабрика К. В. Верфеля» могла быть отлита или в 1873 до 1875 г., так как с 1876 по 1882 г. К.-Ф. Верфель работал вместе с компаньоном И. Гессерихом и на клейме указывалось имя второго владельца, или с 1882 г. до 1893 г., когда он стал снова работать самостоятельно. Скорее всего, эта модель выполнена в 1882–1893 гг.

Вторая модель отлита в 1893–1910 гг., когда в связи с расширением производства предприятие стало заводом, что получило отражение на клейме: «завод К. Ф. Верфель». Обе модели, хотя выполнены в разные годы, но имеют одинаковые размеры, технику исполнения, стоят на одинаковых деревянных подставках, специально для них сделанных (мемориальных), поэтому являются оригинальными образцами каталожной, то есть выполненной по каталогу-прейскуранту предприятия кабинетной скульптуры малых форм, которая имела серийное производство.

Скульптурные группы «Конь с возничим» отлиты в бронзе с подготовительных лепных этюдов П. К. Клодта, которые хранились в Императорской Академии художеств. К.-Ф. Верфелю, как бывшему выпускнику, были предоставлены подготовительные лепные этюды, по которым он отливал модели. В 1860 г. был закрыт «Литейный дом» при Императорской Академии художеств, старейшая литейная мастерская, поэтому с заказами на отливку Академия обращалась к частным предприятиям.

Первая скульптурная группа «Конь с водничим» отлита по лепному подготовительному этюду П. К. Клодта к первой группе «Укротители коней», над которой скульптор работал в 1833–1838 гг. По сравнению с окончательной композицией калужская модель отличается только положением руки возничего: рука возничего, держащая конец узы, закрывает бедро. Эта скульптурная группа представляет, видимо, один из самых поздних вариантов скульптуры.

Четвертая группа «Конь с водничим» отлита по лепному подготовительному этюду П. К. Клодта к четвертой группе «Укротители коней», над которой он работал в 1846–1850 гг. Она имеет больше отличий от окончательного варианта: несколько иное положение передних ног лошади, большой поворот друг к другу возничего и лошади, детали в трактовке гривы лошади. Это один из ранних вариантов композиции. Лепные этюды П. К. Клодта к скульптурам хранились в Академии художеств, и неизвестно дошли ли они до нашего времени. Увековеченные в бронзе, эти подготовительные модели представляют большой интерес, так как показывают работу автора над образом, поиск скульптором наиболее пластически выразительного положения как фигуры лошади, так и водничего, строгой уравновешенности объемов, плавности силуэтов, характерных для пластики классицизма.

¹ Скурлов В., Смородинова Г. Указ. соч. С. 85.

² Гончарова Л. Н. Русская художественная бронза XIX века. М., 2001. С. 76.

³ КМИИ. С-36. Бронза, литье, патинирование, 41×22×24.

⁴ КМИИ. С-35. Бронза, литье, патинирование. 41×22×24.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКОВ-ПЕРЕДВИЖНИКОВ: ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. Е. МАКОВСКОГО В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ¹

Ю. С. Заложных,

зав. отделом Калужского музея изобразительных искусств

В настоящее время Калужский музей изобразительных искусств хранит в своих фондах более двухсот двадцати произведений художников-передвижников. Одним из таких «идейных передвижников», чьи работы есть в фондах музея, является известный художник-жанрист В. Е. Маковский. По мнению художественного критика и близкого соратника Товарищества передвижных художественных выставок В. Стасова, он был «одним из лучших и капитальнейших русских художников»². Бесспорно, В. Маковский — это художник, поднявший способность русского искусства XIX в. в передаче человеческих типов и характеров на высокий профессиональный уровень.

Владимир Егорович Маковский (1846–1920) — живописец, педагог, академик, член ТПХВ с самого его основания, один из немногих последовательных мастеров бытового жанра в русской живописи XIX в.

В. Маковский родился в г. Москве в семье известного собирателя гравюр, художника, члена-учредителя Московского художественного общества Е. И. Маковского. В 1866 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) и был удостоен большой серебряной медали и звания классного художника. В 1873 г. за свою картину «Любители соловьев» был признан академиком. С 1882 г. зачислен в свою «альма-матер» старшем преподавателем. В 1892 г. получил звание профессора Академии художеств. С 1893 г. художник стал ее действительным членом, а через год переехал в г. Санкт-Петербург, где вступил в должность руководителя жанровой мастерской. В течение своей двадцатилетней преподавательской деятельности, В. Маковский показал себя как умелый педагог и способствовал развитию многих молодых талантов: А. Архипова, С. Малютина, А. Корины, В. Бакшеева и др.

Творческая активность В. Маковского огромна — он создал свыше четырехсот картин, множество рисунков, литографий и офортов. Много времени мастер отдавал путешествиям — работал на Украине, в Тифлисе, Крыму, на Кавказе, в Финляндии, откуда привозил большое количество этюдов и художественных заметок. Необходимо упомянуть и о монументальной живописи В. Маковского: он участвовал в росписи храма Христа Спасителя в г. Москве, создавал эскизы росписей для храма на станции Борки под Харьковом на месте крушения царского поезда.

«Жизнь в искусстве», прожитая художником, неразрывно связана с русской жанровой живописью. В. Маковский вступил на это поприще уже после таких крупных имен, как В. Перов и П. Федотов, но при этом смог благодаря своей тонкой наблюдательности, композиционной находчивости, трудолюбию и, конечно же, таланту занять свое место среди этих лучших русских жанристов. Так, идейный лидер передвижников И. Н. Крамской в своей переписке и статьях называл В. Маковского «нашей гордостью», считал, «что в Европе такого художника нет...»³ и что «Владимир — единственный в своем роде...»⁴.

Тематика его творчества связана с изображением бытовых сцен из городской и сельской жизни, представляющих жизнь простых людей низшего и среднего сословий. Лучшие работы В. Маковского полны правдивости и остроумия, лаконичны по содержанию и выразительны в передаче чувств, нравов и характеров людей. Художник всегда очень емко показывает не только

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество художников-передвижников в собрании Калужского музея изобразительных искусств: обзор коллекции» № 16–14–40002.

² Стасов В. В. Двадцать пять лет русского искусства. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1883_25_let_russkogo_iskusstva.shtml. (дата обращения: 15.07.2017).

³ Крамской И. Н. Письмо И. Н. Крамского А. С. Суворину от 12 февраля 1885 г. / Крамской И. Н. Письма, статьи. В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1966. С. 174.

⁴ Крамской И. Н. Судьбы русского искусства / Крамской И. Н. Письма, статьи. В 2-х т. Т. 2. М.: Искусство, 1966. С. 338.

задуманный им сюжет, но и умеет создать атмосферу эпохи, запечатлеть окружающую среду и социальный срез.

Необходимо отметить, что вся творческая жизнь В. Маковского была теснейшим образом связана с Товариществом передвижных художественных выставок. Художник с самого учреждения ТПХВ и до самой своей смерти был его деятельным членом (с 1974 г. был избран членом правления Товарищества). Он практически ежегодно участвовал в выставках Товарищества (принял участия в 48 выставках ТПХВ; за исключением 24-й и 36-й¹), на которые всегда предоставлял большое количество работ. Бесспорно, В. Маковский был искренним и верным хранителем художественных и идейных традиций передвижничества. «Старшие передвижники» видели в нем прямого наследника и продолжателя дела Перова и Федотова, умеющего благодаря своей острой наблюдательности и живому, искреннему взгляду на окружающую действительность создавать емкие произведения о «маленьких людях» с их незначительными делами и проблемами, но которые по силе своего воздействия на душу зрителя можно смело ставить в один ряд с лучшими картинами русской жанровой живописи всех исторических периодов.

Собрание КМИИ на сегодняшний день включает в себя восемь произведений В. Маковского: шесть из них — это живописные произведения разных временных периодов и два графических. Еще один живописный этюд художника — «Голова старика» — был утрачен во время Великой Отечественной войны².

Несмотря на то что В. Маковский воспринимается прежде всего как жанровый художник, в собрании калужского музея хранится, собственно, не так много его жанровых работ: это небольшое живописное произведение «Художник-нянька», близкий к жанру этюд «Украинка», графический этюд к картине «Политики» и лист с карандашными набросками группы людей. В коллекцию произведения музея входят также три живописных портрета кисти В. Маковского и один пейзаж.

«*Портрет Герасимова*», 1865 г.³ — это ранняя работа мастера, созданная им еще в период учебы в училище. На портрете изображен сидящий в кресле юноша, одетый в темно-синюю блузу с выглядывающим из-под нее белым воротничком, застегнутую на три золотистые пуговицы. Фигура модели слегка развернута вправо, а голова чуть наклонена к правому плечу. Художник пристально осматривает юношу и подробно передает зрителю особенности его внешности: это густые каштановые волосы, расчесанные на косой пробор, широкие нос и скулы, пухлые, слегка поджатые губы, внимательные, зоркие глаза. Также внимания художника удостоивается и кресло, на котором сидит юноша. Мы можем точно разглядеть его малинового цвета обивку и деревянное резное завершение. Общий фон работы серовато-коричневый с нотками оливкового цвета. Предположительно, на портрете изображен родственник жены художника — Анны Петровны Маковской (в девичестве Герасимовой)⁴, с которой В. Маковский сочетался браком в 1969 г.

Известна история бытования картины до ее поступления в музей: она входила в коллекцию врача Н. И. Васильева, которая, в свою очередь, легла в основу калужского музейного собрания. В 1918 г. экспонировалась в зале русского искусства, в 1965–1966 гг. была реставрирована⁵. Данный портрет, отмеченный чувством скованности и затемненным колоритом, бесспорно, является ученическим по характеру своего исполнения, но позволяет составить представление о ранних годах мастера.

«*Этюд женской головы (Итальянка)*», 1889 г.⁶, подписанный и датированный, — это уже раскованный по технике и блестящий по мастерству портрет молодой красивой женщины, выполненный в изысканной жемчужно-серой цветовой гамме. Погрудное изображение в профиль с повернутой в три четверти головой модели не позволяет зрителю в полной мере рассмотреть лицо женщины, но этого и не требуется. Внимание автора сосредоточено на взгляде девушки, художник также

¹ См.: Бурова Г., Гапонова О., Румянцева В. Товарищество передвижных художественных выставок. Перечень произведений и библиография Т. 1. М.: Искусство, 1952–1959. С. 235–244.

² См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Том 15. Калужский областной художественный музей / сост. И. В. Гужова. М.: Издательство «КДУ», 2006. — С. 34

³ Инв. Ж-005. Холст, масло. 67×54 см (овал).

⁴ А. П. Маковская (Герасимова) — пианистка, ученица А. Рубинштейна.

⁵ Гужова И. В. Художественное собрание Никанора Ивановича Васильева. Каталог коллекции. Калуга: Издательство «Фридрихс». 2002. С. 28

⁶ Инв. Ж-91. Холст, масло. 46×35 см.

Портрет Герасимова. 1865 г. Холст, масло.
67×54 см (овал). Инв. Ж-005

Этюд женской головы (Итальянка). 1889 г.
Холст, масло. 46×35 см. Инв. Ж-91

подробно передает красоту черных волос и ее сложно украшенный головной убор. Этюдность портрету придает некоторая незаконченность деталей одежды и окружения дамы. При этом красота портретной характеристики сгармонизирована легкой грустью уходящего в сторону взгляда модели, что позволяет художнику уберечься от «салонности» и лоска. Безусловно, данный портрет можно смело назвать одним из шедевров калужской коллекции художников-передвижников, в котором, благодаря мастерству В. Маковского, удалось соединить высокий художественный уровень исполнения и тонкое проникновение во внутренний мир модели. Работа создана в период преподавания художника в МУЖВЗ, когда он создает целую портретную галерею видных деятелей русской культуры того времени (И. М. Прянишникова, А. И. Стрелковского, Д. А. Ровинского и др.). Стилистически близким к калужской «Итальянке» и по использованным художественным средствам и по времени создания является «Портрет итальянской девочки» (1885, х. м.) В. Маковского.

В ходе исследовательской работы сотрудниками музея было выявлено ошибочное отнесение данной работы к коллекции Н. И. Васильева (что было указано в каталогах музея за 1929 и 1959 гг.). На сегодняшний день источник поступления не известен, а временем поступления считается: 1910–1920-е гг.¹ Во время своего бытования в музее работа была в 1945 г. реставрирована и сейчас выставлена в основной экспозиции.

Овальный «Портрет старика», 1916 г.² — это поздняя работа художника, выполненная в скупом, практически монохромном колорите (сдержанные оливково-желтоватые цвета фона и коричневатые тона сюртука модели). Здесь художник все свое внимание и мастерство сосредотачивает на лице и прежде всего глазах портретируемого, создавая образ полный психологизма. Перед нами пожилой человек с грустными, полными тревожных дум глазами, устало глядящий на зрителя. Подробно и очень точно переданы все детали внешности мужчины (так крайне скрупулезно

¹ Калужский областной художественный музей. Русская живопись XVIII–XX веков / автор текста и сост. каталога В. Обухов. М.: Белый город, 2005. С. 63.

² Инв. Ж-589. Холст, масло. 66×50 (овал).

Портрет старика. 1916 г. Холст, масло.
66×50 (овал). Инв. Ж-589

Художник-нянька. 1882 г. Дерево, масло.
22×15. Инв. Ж-299

написаны самые мелкие морщины, волоски бороды и особенности прически) в противовес формальной подаче одежды и окружения старика. По своему художественному решению этот портрет очень типичен для творчества В. Маковского 1880–1890-х гг. Портрет И. Е. Цветкова (1913), гоголевский тип (1911) и другие работы, выполненные в стилистике ухода от красочности изображения к переносу внимания на душевное (чаще всего грустное) состояние портретируемого, с общим лейтмотивом некоторой усталости от жизни. Кто же стал исторической моделью для работы, еще только предстоит узнать в будущем в ходе дальнейших научных изысканий.

Анализируя калужские портреты В. Маковского, можно сказать, что наличие в собрании музея разных по уровню исполнения, по использованным художественным средствам и по времени создания работ дает возможность составить более полное представление об эволюции художественного почерка мастера в течение жизни.

Ведя разговор о жанровых произведениях В. Маковского, прежде всего необходимо отметить его картину «Художник-нянька», 1882 г.¹ Эта небольшая по размерам, подписанная и датированная работа поступила в музейные фонды в 1947 г. по приказу Комитета по делам искусств. «Художник-нянька» создана в год, ставший одной из важных вех в судьбе В. Маковского. Именно тогда он был официально зачислен старшим преподавателем в МУЖВЗ, по сути получив от общества первое признание своих художественных способностей. Период 1880-х гг.—наиболее плодотворный в творчестве художника, время, когда он создает свои известнейшие картины: «Крах банка» (1881), «Оправданная» (1882), «Свидание» (1883) и др.

«Сюжет непритязателен, однако построен мастерски»²—талант В. Маковского как живописца сразу чувствуется в этой работе, где он на крохотном формате смог достаточно общо, в эскизной манере, но при этом виртуозно показать зрителю интересную житейскую сцену. Художник

¹ Инв. Ж-299. Дерево, масло. 22×15.

² Калужский областной художественный музей. Русская живопись XVIII–XX веков / автор текста и сост. каталога В. Обухов. М.: Белый город, 2005. С. 41.

Украинка. 1880-е (?). Холст, картон, масло.
27×17,5 см. Инв. Ж-216

изображает полутемную комнату, где за столом сидит седовласый растрепанный мужчина с ребенком на коленях. Одной рукой мужчина держит блюдо с чаем, а другой придерживает ребенка, который пытается вырваться и плачет. Обстановка комнаты сразу говорит зрителю, что здесь живет художник: на переднем плане мы видим кисти и палитру, в глубине комнаты стоят недописанные иконы. Трудность жизненной ситуации главного персонажа подчеркивается В. Маковским фигурой больной женщины, бездвижно лежащей за ширмой. Несмотря на легкий юмор, сквозящий в названии работы, мы ощущаем и сочувствие художника к своим персонажам. Авторская позиция усиливается колоритом картины: коричнево-охристый общий тон дополняется серо-голубым и бордово-красным цветом. Необходимо отметить, что В. Маковский часто писал картины, посвященные личности художника. Можно вспомнить «Мастерскую художника» (1865), «В мастерской художника» (1908), «Художник и подмастерье» (1895) и др. А старый художник с картины «Иконописец» (1891) прямо просится для сопоставления с «Художником-нянькой», будто это один и тот же персонаж со сложной судьбой, всю жизнь посвятивший любимому делу.

Интересной особенностью является то, что позже, в 1894 г. В. Маковский напишет другую свою картину с похожим названием: «Офицерская нянька»¹ (представленную на 22-й передвижной выставке), которая композиционно полностью повторяет калужскую сцену — мужчина, пьющий за столом чай, держит плачущего ребенка. Но при этом кардинально изменился ее смысл: здесь уже представлен молодой невозмутимый военный, сидящий возле дамской уборной, среди раскиданных сумок и вещей. Все происходящее окрашено не злой, но острой иронией авторского отношения и меткостью жизненно-правдивой характеристики.

На стыке портрета и жанровой сцены находится небольшая работа «Украинка»², написанная художником предположительно в 1880-е гг., время, когда он «с увлечением работал над темами из украинской народной жизни. /.../ В 80-х годах Маковский часто летом жил на Украине и писал красочные и сочные этюды украинцев»³. Именно таким живописным этюдом является работа из Калужского музея. Не затрагивая социальных и политических проблем, мастер представляет перед зрителем на фоне ясного голубого неба сидящую на песчаном возвышении женщину средних лет в повседневной крестьянской одежде, занятую привычным для нее делом — чисткой горшка. Автор, очарованный самобытностью увиденной природы, с этнографической точностью, искренним интересом и вдохновением передает нам всю увлеченность темой украинской народной жизни и новизну своих впечатлений от нее. К этому же циклу, выполненные в близкой манере, относятся: «Сцена в полтавской губернии» (1881), «Украинка» (1882), «Девушка-украинка» (1880-е) и др. Увлечение малороссийской народной жизнью у художника было так велико, что «на 13-й передвижной выставке в 1885 году Маковский представил преимущественно украинские бытовые сцены»⁴ (порядка 20 работ), появлялись они на выставках ТПХВ и в дальнейшем.

¹ Инв. Ж-1353. Офицерская нянька. 1894. Масло, дерево, 35×26 см, ГРМ.

² Инв. Ж-216. Холст, картон, масло. 27×17,5 см.

³ Журавлева Е. В. Маковский Владимир Егорович. М.: Искусство. 1972. С. 85.

⁴ Бурман С. М. Произведения русской живописи 2 п. XIX в. в собрании Калужского художественного музея // Сборник Калужского художественного музея. Вып. 1. Калуга: КОХМ. 1993. С. 193.

Графический акварельный этюд «*Политики*»¹, был передан в дар музею в 1972 г. В. И. Тимофеевым. Работа подписная, но на момент поступления не датированная. Калужская акварель — это этюд к известной картине В. Маковского с одноименным названием, хранящейся в Национальной галерее Армении (г. Ереван)². Датировка первоисточника помогла нам определить и дату создания калужских «*Политиков*» — это 1884 г. Визуальное сравнение работ также не оставляет сомнений в их родственности и взаимосвязи. Калужская работа представляет собой однофигурную жанровую сценку, где изображен сидящий за столом мужчина, курящий сигарету. Одетый в сюртук, в модных лаковых туфлях, с цилиндром на голове и тростью в руке, он представлен художником в позе полной собственного достоинства и значимости. Возле его ног лежит собака. Окружающая персонажа обстановка дополнена посудой на столе и размытым пятном то ли афиши, то ли вывески на заднем плане. Колорит сдержанный — монохромный. В живописной картине «*Политики*» композиция уже двухфигурная: к полностью повторенному этюду добавлена фигура еще одного мужчины, сидящего на табурете

Политики. 1884. Картон, карандаш, чер. акварель.
36×26,5 см. Инв. Г-1766

напротив главного персонажа с газетой в руках и о чем-то оживленно с ним беседующего (вероятнее всего, о содержании статьи). Для усиления впечатления второй персонаж, одетый в шинель, с фуражкой на голове, всем внешним видом, позой, манерой держаться и говорить противопоставлен мужчине с тростью. Мы видим людей разного социального статуса, которых объединяет любовь к политике и спор по поводу нее. В работе чувствуется и традиционная для художника любовь к бытовым деталям, а также умение через них развить заданное действие и показать психологию героев. Так наполняется подробностями обстановка и вокруг политиков: справа видна дверь, на стене надпись: «Кафе» и несколько объявлений. Чувствуется и ироничное авторское отношение к персонажам с одновременным размышлением о современной художнику жизни. Колористическое решение пересекается с калужским этюдом — серо-коричневый общий тон картины со светлыми пятнами белых предметов.

Говоря о жанровых работах В. Маковского, необходимо также упомянуть подписной графический лист с набросками группы людей³, хранящийся в фондах музея. На небольшом листке бумаге на переднем плане изображен мужчина, что-то пишущий сидя за столом, слева от него — стоящая женщина с ребенком на руках и справа набросок головы мужчины в кепке. Несмотря на явно эскизный характер изображения, художник достаточно много внимания уделяет проработке деталей внешнего облика персонажей и некоторым элементам одежды. Объемность изображения достигается через светотеневую моделировку формы, которая сочетается с его незаконченностью, как бы растворяющуюся в плоскости листа. Линия как основное средство художественной выразительности — активная, отрывистая, несколько хаотичная, местами переходящая в отдельные штрихи. При этом она более спокойная при проработке деталей лица и головы с тенденцией к усилению резкости и угловатости в остальных местах изображения. Поиск работ художника,

¹ Инв. Г-1766. 1884. Картон, карандаш, чер. акварель. 36×26,5 см.

² В. Е. Маковский. Политики. 1884. Холст, масло. 33×26 см.

³ Инв. Г-2834. Бумага на картоне, карандаш. 22×22 см.

Лист с набросками группы людей. Бумага на картоне, карандаш. 22×22 см. Инв. Г-2834

для которых калужская графика могла быть набросками, и визуальное ее сопоставление привели к выдвижению ряда предположений. Так, женщина с ребенком может быть наброском женщины в платке с ребенком на руках, стоящая возле ширмы — с работы В. Маковского «Приезд кукольника на дачи» (1908) (где совпадают поза женщины, наклон головы, способ держания ребенка), также фигура женщины с ребенком на руках встречается на работе художника «Деспот семьи (В мастерской художника)» (1880-е) (здесь похожими являются: прическа и одежда женщины, ее облик, поза ребенка и свисающая свободным краем пеленка, в которую он завернут, но уже изменена поза матери и направление ее взгляда). Визуальное сопоставление наброска головы мужчины в кепке позволяет обнаружить ее сходство с фигурой мужчины с одной из его известнейших работ — «Ночлежный дом» (1889). Это персонаж переднего плана, завернутый в плед, с открытым ртом и несколько безумным взглядом. Верны ли высказанные предположения — это уже задача дальнейших научных поисков.

Пейзажный жанр не был визитной карточкой В. Маковского, хотя в его наследии такие работы встречаются. Так и в Калужском музее хранится один пейзаж художника — это «Дача»¹ (1882). Перед зрителем предстает изображение парковой аллеи в летний солнечный день, уходящей от переднего плана по кругу в глубь холста. Справа от дорожки художник изобразил три могучих дуба, на стволы которых падает солнечный свет. Слева — стройный ряд березок и осин. В глубине парка виднеются небольшие деревянные строения. Колорит работы мажорный, построен на сочетании теплых медово-коричневых оттенков деревьев с изумрудно-зелеными цветом травы. Живопись корпусная, положенная плотными мазками с более прозрачно выполненными тенями. В данной работе хорошо прочитывается знакомство мастера с особенностями пленэрной

¹ Инв. Ж-272. Холст, масло. 41×53 см.

Дача. 1882. Холст, масло. 41×53 см. Инв. Ж-272

живописи и умелая демонстрация своих наработок в ней. Стилистически и тематически близким произведением, созданным в этот же год, является работа В. Маковского «Лес за домами» (1882). То же изображение пронизанных солнечным светом деревьев на переднем плане с виднеющимися за ними деревянными постройками. Название работы позволяет сделать выводы, что, скорее всего, художник изобразил окрестность возле своей дачи «Струги белые» близ озера Щирское по Финляндской железной дороге¹ (сегодня Псковская область).

Резюмируя выше сказанное, безусловно, можно говорить о художественной и исторической значимости как отдельных калужских работ В. Маковского, так и о музейной коллекции в целом. Живописные произведения художника позволяют нам познакомиться с разными направлениями его творчества разных временных периодов и разного уровня исполнения. Наличие графического наследия в виде сохранившихся набросков дает возможность увидеть изнутри, как шел процесс создания (сочинения) картины и как в итоге видоизменялся ее первоначальный замысел.

Таким образом, коллекция работ художника-передвижника В. Маковского из фондов КМИИ является важной составной частью русского искусства II половины XIX — начала XX в., показывая ее автора как блестящего художника-бытописателя, знатока русского народного быта и жизненных устоев городских обывателей. Юмористическая окраска работ и свойственная художнику авторская ирония позволяют произведениям В. Маковского избегать как излишней сентиментальности, так и едкой сатиры, сохраняя содержательный баланс и глубокий психологизм. Все это делает мастера поистине национальным русским художником, достойным того места в русском искусстве, которое ему по праву было отведено уже современниками.

¹ Журавлева Е. В. Маковский Владимир Егорович. М.: Искусство. 1972. С. 138–139.

ОБРАЗ И ЭПОХА. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Э. А. Корнелюк,

ведущий методист Калужского музея изобразительных искусств

В коллекции Калужского музея изобразительных искусств женский портрет составляет весомую ее часть. Это портреты разных эпох и разных художественных школ, разных авторов, выполненные в разных художественных техниках. В коллекции образов и известные женщины своего времени, и те, чьи имена неизвестны, и собирательные образы. Концепция, вокруг которой можно было бы объединить великолепных дам разных эпох, — «Образ и эпоха». Для каждой эпохи характерны свои морально-этические правила и нормы, для каждой эпохи характерны свои ценностные ориентиры — все то, вокруг чего женщина строит свою жизнь и свои взаимоотношения. Чтобы картина была наиболее полной, были подобраны портреты представительниц разных социальных групп, разных социальных групп.

Первая часть галереи образов относится ко II пол. XVIII — нач. XIX века. Ее составляют семь портретов: представительницы правящего дома (портреты Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны), дворянского сословия (портреты Анны Гавриловны Кашкиной и Варвары Афанасьевны Бибиковой) и купеческого (портрет Елизаветы Васильевны Мешковой, урожд. Билибиной). Среди представительниц русского дворянства и представительница дворян армянской диаспоры (портрет Марфы Иоакимовны Абамелек, урожд. Лазаревой). Все портреты характеризует высокий уровень мастерства художников. Среди авторов этих портретов и русские, и иностранные художники. Это Д. Доу, А. Рослин, К. Барду, Ж. Вуаль — художники, принадлежавшие к направлению «россика» в русском искусстве. Имена русских художников остались, к сожалению, неизвестными, хотя работы выполнены на довольно высоком уровне и портреты отходят от традиций камерного и салонного, приобретают черты психологического. Техника исполнения тоже различна. Но кроме эстетического наслаждения, психологизм этих портретов вызывает интерес к судьбам этих женщин. Изучение биографических сведений о дамах, представленных на полотнах, позволило сделать вывод о морально-этических ценностях женщин этого периода. Конечно, это обобщение и попытка выделить наиболее типичное для определенного исторического периода.

Для всех представительниц этой части нашей галереи образов присуща приоритетность семейных интересов (быт, муж, дети). Это и поддержание своего социального статуса, и соблюдение правил сословного этикета, почитание родителей и старших родственников. И Мария Федоровна, и Елизавета Алексеевна — уважительные, послушные невестки. Замужества, как правило, ранние, семьи многодетные. Все время посвящено мужу и детям, поддержанию в порядке дома. Все семейные конфликты старались скрыть, а если это было невозможно (как в императорских семьях), старались соблюдать свои обязанности, скрывая душевные обиды. Такова была Елизавета Алексеевна, которой пришлось оказаться в роли «соломенной вдовы» на протяжении 15 лет, Мария Федоровна, превратившаяся в опальную супругу в конце жизни и царствования Павла I. Но деятельные и страстные женские натуры пытались выйти за рамки хранительниц домашнего очага. Характер, способности давали возможность более масштабной самореализации. Мария Федоровна (портрет Ж. Вуаля) занималась благотворительностью на государственном уровне. Некоторые основанные ею учреждения были первыми в России — училище для глухонемых и слепых детей в Павловске; бесплатная больница для неимущих в Москве (названная Мариинскою), «Институт сердобольных вдов» — предшественник общества Красного креста. Этот список можно продолжить, он довольно внушителен. Помимо благотворительности, предметом особой заботы императрицы было женское образование. Всего же в специальное «Ведомство учреждений императрицы Марии» вначале входили 14 женских учебных заведений и 25 медицинских и благотворительных учреждений. Сама Мария Федоровна (портрет А. Рослина) обладала художественными способностями. Рисовальщица и ваятельница, она оставила целый ряд изящных миниатюр и тонких камей. Занималась глиптикой, резьбой по кости, лепила из воска, писала маслом. Брала уроки у известного медальера

Аллиери Фредерико. Портрет балерины
Вирджинии Цукки

Илья Ефимович Репин. Этюд женской головы
(Н. П. Нордман-Северовой)

К. А. Леберехта. Исполнила портреты своих детей, Павла I, Екатерины II. В 1820 г. Берлинская академия художеств поднесла ей диплом на звание члена Академии. Елизавета Алексеевна, так и не ставшая после коронации «первой дамой» Российской империи, продолжала усердно учиться. Она тоже активно занималась благотворительностью, взяв под свое покровительство сиротский приют и несколько школ в Петербурге. Особое внимание она уделяла Царскосельскому лицей. Одна из масонских лож была названа в ее честь. «Елизаветинские масоны» носили звезду с вензелем императрицы, ложа славилась щедрой благотворительностью.

Марфа Иоакимовна Абамелек (урожд. Лазарева, пастельный портрет К. Барду) все свои силы вложила в воспитание и образование детей. При этом стараясь привить детям любовь к родному армянскому языку и культуре. Имя ее семнадцатилетней дочери, княжны Анны Абамелек, стало известно читающей публике в 1831 г., когда были опубликованы переведенные ею на французский язык стихотворение Пушкина и поэма Козлова «Чернец», издание поэмы стало событием для всех Лазаревых.

Дочь купчихи Елизаветы Васильевны Мешковой (урожд. Билибиной, портрет В. Тропинина) Варвара, будучи взрослой, станет членом женского благотворительного общества, будет зачислена в дворянское сословие.

Великолепные женщины конца XVIII—начала XIX в., блиставшие на балах, восхищавшие поэтов, служивших опорой для своих близких. Как трогательны они и в то же время как не защищены от светских условностей и интриг.

Галерея образов II половины XIX в. включает в себя четыре портрета—Н. Ярошенко «Курсистка» (А. Диттерихс), «Дама с кошкой» (Е. П. Ярошенко), Ф. Аллиери «Портрет балерины Вирджинии Цукки», И. Е. Репин «Женский портрет» (Н. Б. Нордман). Это уже совсем иные характеры, иное мировоззрение. Связано это и с изменениями в обществе, витавшими повсюду революционными идеями, идеями братства и равенства. Идеи эти нашли свое воплощение в жизни — и государственной (отмена крепостного права), и художественной (появление товарищества

Зинаида Евгеньевна Серебрякова.
Портрет С. М. Лукомской-Драгомировой

Елизавета Алексеевна Чернявская.
Автопортрет

художников-передвижников). Естественно, что меняются взгляды женщины на жизнь, саму себя и свою роль в обществе. Женщине недостаточна роль матери и хозяйки дома, ей хочется быть полезной в обществе, ощутить себя частью происходивших вокруг общественных движений. Брак не воспринимается как нечто статичное и данное на всю жизнь, да и в браке женщина видит себя иначе — с возможностью сохранить свои увлечения, любимые занятия и свое личное пространство. Даже отношение к своему внешнему виду и гардеробу тоже трансформируется. Простые ткани и скромность отделки скорее проявляют присутствие вкуса, чем безразличие к моде; белоснежные крахмальные воротнички и манжеты придают элегантность и строгость. Так выглядят на картине Н. Ярошенко и А. К. Диттерихс, и Е. П. Ярошенко. Но на долю Анны Диттерихс выпало тяжелое испытание — болезнь, приковавшая ее к инвалидному креслу. Вечно болезненная, хрупкая физически, она всегда горела внутренним огнем любви и сочувствия к людям. Несмотря на болезнь, она смогла реализовать себя как детская писательница, как мама двух детей.

Удивительна судьба героини работы Н. А. Ярошенко «Дама с кошкой». Восемнадцатилетней девушкой по воле матери вышла замуж за человека втрое старше ее. Несчастье в браке компенсировала страсть к учению. В Петербурге Елизавета поступает на высшие женские курсы, изучает юриспруденцию. Потом были хлопоты и трудности в связи с разводом (в ту пору считалось предосудительным) и, наконец, второй брак. Владелица Павлищева Бора много путешествовала по Европе и в своих письмах из-за границы обнаружила незаурядное литературное дарование. Более того, Елизавета Ярошенко была одной из первых женщин-юристов в России, но применения своим знаниям здесь так и не нашла. На обеих картинах — новый тип женщины — человека прогрессивного, деятельного, жаждущего не пассивной словесной свободы, а подлинной борьбы во имя справедливости.

Передовая часть человечества проповедует свои убеждения и диктует свои вкусы. Поколенный портрет молодой женщины с лицом en face, черными распущенными волосами, в цыганском костюме — с белым корсажем, голубой юбкой и желтым шарфом кажется совсем не вписывается в нашу галерею образов. Портрет написан малоизвестным итальянским художником Фредерико

Аллиери, работавшим в России во второй половине XIX в. Работа написана в технике пастели, входила в коллекцию Н. И. Васильева. На нем изображена известная в свое время итальянская балерина Вирджиния Цукки. Любовью всей ее жизни стал его величество балет. Балерина владела необыкновенной техникой танца. Станиславский, увидев Цукки на сцене, охарактеризовал ее как балерину, имеющую драматический взгляд на балет. Вирджиния не вписывалась в образ жрицы искусств, вела себя на публике естественно и непринужденно, не всегда следовала принятым нормам этикета. Но ее талант и целеустремленность поражают до сих пор. Последний раз она вышла на сцену в 63 года.

Для этой части нашей галереи не случайно был выбран и портрет И. Е. Репина Натальи Борисовны Нордман (Северова — писательский псевдоним). Она получила прекрасное домашнее образование, знала несколько языков, занималась музыкой, лепкой, рисованием. Она была моложе И. Е. Репина на 19 лет. Чтобы стать невенчанной женой Репина, Наталья порвала со своей семьей. Некоторые ее взгляды даже сейчас кажутся слишком революционными и смелыми. Она ратовала за раскрепощение прислуги, соблюдение ее прав, установление восьмичасового рабочего дня. Она приглашала за стол горничных и конюхов, нимало не смущаясь своих образованных гостей. Литературные способности молодой жены поощрялись самим Репиным, он видел в ней талант. Это восхищение знаменитого художника неординарной личностью собственной жены осталось во многих портретах Натальи Борисовны. Смелость, решительность, кипучая энергия, высокие морально-нравственные идеалы — черты, присущие нашим героиням этой части портретной галереи.

Рубеж веков в истории всегда сопряжен с какими-то важными событиями, ломкой старых традиций и устоев, поиском нового. Не исключением стал и рубеж XIX–XX вв. Как складывались судьбы женщин, воспитанных в царской России и оказавшихся в России советской? Для этой части портретной галереи были выбраны портреты П. Д. Корина «В. Д. Богданова», З. Серебряковой «Портрет Лукомской», Е. А. Чернявской «Автопортрет».

Вера Дмитриевна Богданова, урожденная Мамонова, происходит по материнской линии из семьи графов Синегуб. Знакомство П. Д. Корина с Верой Дмитриевной Богдановой было основано на книжном собирательстве. Портрет очень долго не удавался художнику, особенно улыбка, да и поза, хотя писал он в дружеском расположении, Вера Дмитриевна изображена в своей библиотеке. За ее спиной — редкие прижизненные издания русских поэтов и писателей. В руке она держит томик Пушкина «Евгений Онегин», который вышел накануне кончины поэта. Вера Дмитриевна — жена известного советского писателя Николая Владимировича Богданова, автора нашумевшей в двадцатых годах комсомольской повести «Первая девушка», вышедшей в 1928 г. Она была известным библиофилом и добилась в собирательстве редких книг больших успехов, у нее были и знания и вкус. Она была хороша собой и обладала целым рядом достоинств, слыла советской «светской» дамой.

Среди работ З. Серебряковой обращает на себя внимание портрет величественной седовласой дамы в черном вдовьем одеянии — Софьи Михайловны Лукомской. Он выполнен в Париже в 1947 г. Вся биографию С. М. Лукомской можно описать словами: «Дочь генерала, жена генерала». Вместе с мужем она выехала из России на шхуне «Ольга» в Константинополь после подавления Корниловского мятежа, как оказалось, навсегда. Некоторое время проживала во Франции, после смерти мужа выехала с дочерью в США. В эмиграции очень пригодились уроки рукоделия, данные в детстве матерью. Доходы семье приносила мастерская по вязке свитеров. Как бы ни было трудно, но дочери своей смогли дать хорошее образование.

Е. А. Чернявская начала свой профессиональный художественный путь будучи ученицей знаменитого отечественного мастера живописи и блистательного реставратора П. Д. Корина, с которым она познакомилась по рекомендации М. В. Нестерова, обучаясь в студии при Музее изобразительных искусств. И, возможно, ее жизненный путь сложился бы вполне по-советски, если бы не обстоятельства. Тяжелая болезнь заставила Елизавету Александровну выехать за границу, вернуться назад она не смогла, окончила художественную Академию в Вене, а ее попытка вернуться на Родину после войны окончилась 10-ю годами лагерей. Пройдя все жизненные испытания, смогла сохранить свое человеческое достоинство, профессиональные навыки, вернуться к полноценной жизни в обществе. Вероятно, именно поэтому творчество Е. А. Чернявской представляет

собой достаточно цельное явление, обусловленное и обстоятельствами жизни, и чертами личности, и особенностями школы.

Великолепные дамы XVIII–XX вв., такие разные, с такими разными судьбами, запечатлены на полотнах художников, чтобы нести нам с этих полотен частичку себя, своего внутреннего мира. И в каком бы веке ни жила наша героиня и как бы ни менялись нравы, всегда важной для женщины оставалась любовь. Именно любовь движет нашими поступками, заставляет нас совершенствоваться, преодолевать все трудности и невзгоды, делает нас сильными. Счастливые и несчастные, великолепные, слегка снисходительны к нам — потомкам, эти милые дамы дают нам урок и глубокое понимание жизни, заставляют задуматься над извечным философским вопросом: «Что есть счастье?».

Список литературы

1. Архив С.-Петербургской Императорской академии художеств. — Петров: «Сборник материалов для истории СПб. Имп. академии художеств за сто лет ее существования». — А. Сомов: «Картинная галерея Императорской академии художеств. Каталог оригинальных произведений русской живописи».
2. *Бурман С. М.* Русская живопись 19 века. (Методическая разработка обзорной экскурсии).
3. *Глезер Л. А.* Записки букиниста. М.: Книга, 1989.
4. *Горина Т. Н.* Русское искусство 2-й половины XIX века. М. Изд-во Академии Художеств СССР, 1962.
5. История русского искусства / под ред. М. Г. Неклюдовой. М.: Изобразительное искусство, 1980. Т. 2. Кн. 1.
6. История русского искусства / под ред. М. М. Раковой и И. В. Рязанцева. М.: Изобразительное искусство, 1978.
7. Калужский областной художественный музей / автор текста и составитель каталога В. Обухов. М.: Белый город, 2005.
8. *Кириллина Е. В.* Репин в «Пенатах». Л.: Лениздат, 1977.
9. *Личенко С. И.* «Россика» в экспозиции отдела русского искусства (Методическая разработка обзорной экскурсии).
10. *Минченков Я. Д.* Воспоминания о передвижниках. М.: Искусство, 1940.
11. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В. М. Полевой. М.: Советская энциклопедия, 1986.
12. Портретная живопись передвижников. М.: Искусство, 1972.
13. *Пионтовская Ю. Е.* Билибины. История рода, воспоминания, письма, стихи. Калуга, 2008.
14. *Чернявская Е. А.* Рассказы о моей жизни. М.: Вифсаида, 2015.

Интернет-ресурсы

<https://shkolazhizni.ru/biographies/articles/63066>
geo-storm.ru»Вечные вопросы»История и память»...prima-virdzhinija-tsukki
feb-web.ru»Абамелек

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ НА СПИЧЕЧНЫХ ЭТИКЕТКАХ ПЕРИОДА 20–50 ГОДОВ XX ВЕКА

Г. И. Роянова,

директор Музейно-краеведческого центра «Палаты Коробовых»

Калужский объединенный музей-заповедник с 1990 г. является обладателем уникальной коллекции «филумении». Спичечные коробки с удивительными мини-плакатами — этикетками производства российских и зарубежных фабрик, большинство из которых созданы в XX столетии, наглядно отражают определенные периоды в развитии плакатных традиций. Прежде всего это были лубочные картинки, которые для неграмотного населения служили не только украшением избы, но и являлись первой политической азбукой. Николай Федорович Денисовский в одном из альбомов, посвященных плакатному искусству, писал, что «лубочные изображения “Как

мыши кота хоронили”, “Наполеон в бане”, “Казацкая шутка” и ряд других — прекрасный пример тому. Народ искал слово правды... Художники стремились к образному воплощению мыслей и чаяний родного народа» [1]. История политического плаката появилась в период Первой мировой войны. Германия, Англия в начале XX столетия уже имели своих признанных мастеров в плакатном искусстве. Прогрессивные тенденции появились в это время и в русском плакате. Многие сатирические плакаты были посвящены событиям Первой мировой войны. Спичечная этикетка, как малый образ плакатного искусства, производилась большими тиражами и расходилась среди миллионного населения страны. Она часто помогала разобраться в политической обстановке. В начале XX в. появились этикетки «Российско-китайский договор о Манчжурии» (1902), «Русско-японская война» (1904), «Первая мировая война» (1914). Некоторые из этикеток повторяли плакатные варианты.

Спичечная этикетка после революционных событий 1917 г. не сразу заняла свое особое место как мини-плакат, наглядно изображавший политическую жизнь страны, достижения в труде. Указаний о разработке новых сюжетов этикеток не поступало, и коробки заклеивались этикетками, оставшимися от досоветского периода или бросовыми отходами бумаги. В 1918 г. на этикетках фабрики «Факел» впервые появился лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и советская эмблема «Серп и молот». В том же году на фабрике «Сибирь» был отпечатан в мини варианте плакат известного художника, мастера графики, одного из основоположников советского политического плаката Дмитрия Стахневича Мора «Ты записался добровольцем?». Значение данного сюжета плаката, а позже этикетки состояло в том, что он прямо и в доступной форме выражал требование времени. «В нем есть все: простота, сжатость, выразительность каждого элемента композиции, органическая связь изображения с текстом» [2].

28 февраля 1919 г. было подписано Постановление Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ) о национализации спичечных фабрик.

Владимир Григорьевич Бармаков в своей работе «Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в СССР в 1919 по 1945 г.» приводит динамику количества предприятий по производству спичек.

Год	Количество
1917	89
1918	82
1926	29
1928	25
1930	26
1933	23

В числе 23 спичечных фабрик была и спичечная фабрика «Гигант» им. Ворошилова, вступившая в строй в г. Калуге в 1931 г. Колебание в количестве фабрик зависело от сложных политических ситуаций в стране. Их количество уменьшилось во время Великой Отечественной войны от 8 (1941) и возросло до 24 (1965).

Связь политической агитации и художественного оформления этикеток нашло отражение в документах государственных учреждений Советской России. В 1920 г. в Декларации художественно-производственного Совета Наркомпроса говорилось: «Строительство новой социалистической жизни не может обойтись без коренного преобразования внешних форм повседневного быта... необходимо всячески развивать производство художественных предметов быта и широко распространять их в обиходе граждан» [3]. Это касалось и спичечного производства в общем, спичечной этикетки и ее художественного исполнения.

В 1928 г. было утверждено «Положение об издательстве Ассоциации Художников Революционной России». Устанавливались, кроме политической цензуры, художественные цензоры. В Положении АХРР было отмечено: «Пересмотр обращающихся на рынке этикеток, изъятие из печати антихудожественных несвоевременных этикеток и замена малограмотных рисунков рисунками

более художественными и более современными — таковы задачи этой цензуры. Этикетка, кроме рекламной своей сущности и кроме своего художественно-воспитательного значения, имеет огромное агитационно-политическое и пропагандистское значение» [4].

Вполне реальная связь между художественным образом и политической пропагандой проявилась в спичечных этикетках в 20–30 гг. прошлого века.

Не достигнув высокого художественного образа, этикетка стала примером печатного графического искусства, которое невозможно было отделить от общественно-политических событий.

На спичечной фабрике «Ревпуть» в 1923 г. был выпущен спичечный коробок с изображением самолета, на крыльях которого была надпись: «Ультиматум». Художественное оформление этикетки было направлено на поддержку Советского правительства по поводу Ультиматума Керзона, министра иностранных дел Великобритании. В дипломатических исследованиях «ноту» Керзона называют «авантюрой». Она заключалась в требованиях отзыва советских полпредов с занимаемых должностей и принесении извинений за якобы имевшие место акты антибританской пропаганды. Кроме того, Керзон требовал денежного возмещения за репрессированных советскими властями в 1920 г. английских шпионов Девисона и Сиен Гардинга. Массовые демонстрации во многих странах прошли под лозунгом «Руки прочь от Советской России» и заставили правительства других стран воздержаться от поддержки ультиматума Британского правительства [5]. Ответом Керзону стал созданный Д. С. Моором плакат, изображавший разъяренную пасть Керзона с огромными клыками, а рядом спокойная фигура русского пролетария. Этикетка была создана в духе сатирического плаката эпохи Первой мировой войны. Вместо пропеллера был изображен «большой кулак». В ответ на «ноту» Керзона была создана эскадрилья самолетов «Ультиматум», что нашло отражение в спичечной этикетке.

Тема самолетостроения, использование изображений и текстов в политической, агитационной пропаганде проявилась в 1927 и 1934 гг. в этикетках. Одна — по поводу вновь политического демарша со стороны английского правительства во главе с премьер-министром Джозефом Чемберленом. Кроме того, гомельская фабрика «Везувий» (Белорусский спичечный трест) выпустила спичечный коробок с призывом «Крепите Вооруженную силу Советской республики, Стройте красный воздушный флот, сильнейшее оружие будущих войск».

В 30-х гг. на советских спичечных этикетках можно было встретить изображение самолета АНТ-20, на крыльях которого читалась надпись «Максим Горький». История этикетки связана с историей самого самолета и юбилеем литературной деятельности М. Горького. В 1932 г. поэт и журналист М. Кольцов обратился к советской общественности с предложением сделать подарок «Буревестнику революции». Было собрано 6 млн рублей на строительство самолета. 3 апреля 1934 г. готовый самолет был вывезен на аэродром. Известно, что первым испытателем самолета был летчик М. М. Громов. На этом самолете во время визита в СССР совершил полет Антуан

де Сент-Экзюпери. Этикетка, которая была напечатана в 1933 г., была в обращении в 1935–1937 гг. Позже подписи на крыльях самолета уже не было. Можно предположить, что это связано с трагедией самолета. В 1935 г. во время демонстрации полета самолета И-5 произошло его столкновение в воздухе с АНТ-20. Погибло 46 человек. Сегодня антикварная этикетка вновь нашла свое место на аукционном рынке. Стоимость блока из четырех этикеток составила 600 рублей.

В годы Великой Отечественной войны антифашистская пропаганда стала главной точкой приложения сил всех художников и в том числе мастеров рекламного плаката. Время сохранило образцы спичечных коробков и этикеток, которые можно отнести к жанру политического и агитационного

плаката. Период войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, потребовавший огромного напряжения сил всей страны, в истории промышленной графики характеризуется «сравнительно малыми успехами». И все же этикетки с художественным, но более с текстовым наполнением сыграли свою значительную агитационную роль в деле консолидации сил советского народа для борьбы с фашизмом. Примером могут стать этикетки, размещенные на коробках фабрик «Гигант» им. Ворошилова г. Калуги, фабрики «Маяк» г. Рыбинска: спичечный коробок с изображением

на этикетке мужчины с красным знаменем и текстом: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами! 1941–1942 гг.»; фабрики «Гамарджвеба» Грузинской ССР: спичечный коробок с изображением горящей спички и текстом на этикетке «Смерть немецким оккупантам!»; спичечный коробок с изображением трактора и текстом «Женщины колхозницы, изучайте трактор! Заменяйте трактористов, ушедших на фронт!» был выпущен в Кировской области Слободской фабрикой «Белка». Тема борьбы русского и советского народа за независимость нашла отражение в выставке, созданной Калужским объединенным музеем-заповедником «И помнит мир спасенный».

После напряженной восстановительной работы, многие спичечные фабрики в конце 40-х и начале 50-х гг. XX столетия использовали графические варианты художественного оформления этикеток с одноцветными или двухцветными красками.

Среди спичечных мини-плакатов политического направления были спичечные коробки с изображением двух государственных флагов: Советского Союза и Китая, выпущенные фабрикой «Ревпуть» ст. Злынка Брянской области в 1956 г. Данное изображение отображало дружественные взаимоотношения двух стран в период 50-х гг. Еще в 1945 г. после проведения Потсдамской конференции состоялось подписание договора о дружбе и сотрудничестве СССР и Китая. Главной задачей договора было стремление к предотвращению возрождения японской агрессии. В 1954 г. советская делегация во главе с Н. С. Хрущевым посетила Китай. Видимо, в это время и был подготовлен эскиз для этикетки, на которой изображены флаги СССР и Китая. Флаг Китая данного образца был утвержден 1 октября 1949 г. на Народном политическом консультативном совете. Он разработан экономистом и актером Китая Цзэн Ляньсуном.

В. М. Ляхов, исследователь в области рекламы и промышленной графики, считает, что вплоть до середины 50-х гг. не было профессиональных коллективов, занимающихся промышленной рекламой. «Середина 50-х годов стала рубежом, который означает в прикладной графике, как и в других областях искусства, переход на новые творческие позиции, значительно более широкие и верные, чем те, на которых стояли многие художники в первые послевоенные десятилетия» [6]. На многих спичечных этикетках с середины 50-х гг. стала присутствовать яркая цветовая гамма, обобщенность силуэта, символика. Политическая пропаганда на спичечных этикетках продолжала быть массовой, принятой миллионами зрителей, так как спички оставались одной из главных потребностей населения. Этикетка на спичечном коробке была не только объектом иллюстрации, но и отражала интеллект художника, его творческий замысел и художественный вкус.

Параллельно с фабрикой «Гигант», которая действовала в Калуге, в 1950 г. в Калужской области в поселке Балабаново началось строительство нового спичечного комбината. В 1952 г. было смонтировано оборудование первой очереди. Появился цех литографии, задачей которого являлось обеспечение всей спичечной промышленности СССР спичечными этикетками. Через два года (1954) экспериментальная фабрика в Балабаново выпустила первые ящики спичек, через год был выпущен первый сувенирный набор и кабинетные спички. В 1958 г. в Москве в продаже появились коллекционные наборы спичечных этикеток, выпущенные на данном предприятии в цехе литографии.

Политическая обстановка в СССР в середине 50-х гг. требовала новых подходов к проблеме разоружения и к борьбе за мирное сосуществование. В 1955 г. на плакатах и на спичечных коробках появляются изображения и надписи: «Мир победит войну», «Мы за мир», «Нет войне!». Народ, переживший тяготы в годы Великой Отечественной войны, с художественных плакатов требовал запрещения ядерного оружия.

Яркой вехой в промышленной полиграфии стала подготовка к проведению Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходил в 1957 г. Непременным компонентом всех рекламных изделий, в том числе спичечных сувенирных наборов, стало изображение символа единства молодежи — цветок пятилистник со словами «За мир и дружбу». Творческое участие в создании сувенирных спичечных наборов приняли художники, работавшие по заказам Балабановской фабрики.

Именно на это время приходится расцвет филумении в СССР. Экспериментальная фабрика выпускала специальные наборы для филуменистов: по 100 рядовых этикеток в наборе и комплекты этикеток сувенирных на-

боров. Спички Балабановской экспериментальной фабрики были востребованы Турцией, Болгарией, Чехией, Словакией, Монголией, Сирией, Афганистаном, Финляндией.

Таким образом, спичечная этикетка несла на себе черты общей плакатной иллюстрации. Ее основные черты состояли в необходимости вовремя донести до сознания народа идейность и преданность делу рабочего класса и крестьянства. Подача фактов должна была быть четкой, ясной, краткой, а форма подачи эмоциональной.

Список литературы

1. Денисовский Н. Ф. Альбом Окна ТАСС 1941–1945. М., 1970. С. 12.
2. Шейман М. Л. Искусство революционных эпох. М., 1969. С. 29.
3. Советское искусство за 15 лет. М.-Л., 1939. С. 65.
4. Кузьмо О. За новую этикетку // Искусство в массы. 1930. № 2.
5. Акты советской дипломатии. М., 1928.
6. Советский рекламный плакат и рекламная графика 1933–1973. М., 1977. С. 15.

БОГОЯВЛЕНСКАЯ УЛИЦА — ЦЕРКОВНЫЙ ЦЕНТР КАЛУГИ И ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

М. А. Ефименкова,

завотделом, ГКУК КО «Калужская областная детская библиотека»

Одна из лучших краеведческих книг по истории Калуги характеризует изучаемую нами улицу так: «Церковным центром города и губернии в конце XIX века стала Богоявленская улица»¹. Если посмотреть на карту Калуги 1912 года, то становится понятным справедливость такого определения². Действительно, небольшая территория, которая включает и собственно Богоявленскую улицу, и прилегающую к ней местность, изобилует храмами: Ильинский храм (утрачен), Казанский

¹ Единственная и неповторимая: Калуга в старой открытке. Владимир, 2006. С. 243.

² Калуга в 1912 году: план города. Калуга, 1992.

монастырь (восстанавливается), Богоявленский храм (восстанавливается), домовые храмы святой Екатерины и иконы Калужской Божией Матери (утрачены), Спасо-Жировский храм (утрачен).

К истории Богоявленского храма, давшего название улице, неоднократно обращались краеведы Калуги, однако до сих пор разрозненная информация не сведена воедино. Попробуем рассмотреть историю храма по следующей схеме:

1. Историческая справка о храме.
2. Современные опубликованные работы о Богоявленском храме.
3. Изученность некрополя.

В путеводителе Д. И. Малинина о Богоявленской церкви говорится: «Она, по-видимому, существовала уже в начале XVII в., так как в описи Бегичева и Пчелина 1617 г. упоминается Богоявленская сотня»¹. Как утверждает Дмитрий Иванович, каменная церковь построена прихожанами в 1735 г. с двумя приделами во имя Афанасия Александрийского и Богородицы «Всех скорбящих радости». Некоторые источники годом постройки церкви называют 1746 г.² Новая колокольня вместо обветшавшей построена в 1832 г.; тогда же поновлена и трапеза, а в 1849 г. расширена. В конце XIX в., когда трапезную и колокольню соединили в единое сооружение, храм принял современный вид.

К чтимым иконам храма относились: древний образ святителя Афанасия, икона великомученицы Варвары, Владимирская икона Божией Матери, икона Успения Пресвятой Богородицы, храмовая икона Богоявления, икона святителя Николая Чудотворца.

В 1934 г. храм был закрыт. Известно, что в годы Советской власти были разрушены металлические конструкции, стягивающие здание изнутри, — так называемые «тяжи»³. Это было сделано для того, чтобы разрушить храм, но наши предки словно предугадали эту возможность и в свое время соорудили второй пояс стальных тяжей, воспрепятствовавших разрушению трапезной.

При въезде последнего арендатора в помещение бывшего храма (Государственный архив Калужской области) реставраторами кооператива «Риск» были побелены потолки, в результате чего исчезла прекрасная живопись с изображением библейских сюжетов⁴.

Некоторые калужские исследователи в своих работах касались истории Богоявленского храма например, профессор М. И. Смольянинова обстоятельно изложила житие священника Иоанна Глаголева, который с 1913 г. был настоятелем храма. Годы служения батюшки пришлись на самое трагическое время в истории церкви⁵. О протоиерее Иоанне Глаголеве пишет и известный калужский краевед Елена Метальникова⁶. Подробно описали деятельность Богоявленского братства для оказания помощи прихожанам Н. А. Васильева и А. В. Штепа⁷.

Богоявленское приходское братство торжественно было открыто 24 октября 1873 г. Большая заслуга в его учреждении принадлежала помещице Варваре Александровне Храповицкой и особенно ее дочери Пелагее Ивановне. П. И. Храповицкая, достигнув 18 лет, много беседуя с настоятелем церкви Богоявления священником А. Г. Волхонским о нуждах прихожан, как отмечено в «Калужских епархиальных ведомостях», обошла с ним всех бедных своего прихода, и, когда воочию убедилась в нищете и безысходном положении их, решила устроить Богоявленское братство, по примеру Георгиевского за верхом, увидев в его деятельности, сколько добра можно оказать неимущей братии.

Главной целью братства была помощь «истинно нуждающимся прихожанам хлебом и деньгами». Братство состояло из попечителей и рядовых членов. Так, в 1877 году насчитывалось

¹ Малинин Д. И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 2004. С. 137–138.

² Земля Калужская — земля святая. Калуга, 2014. С. 87.

³ Комиссаров В. Православные храмы. Калуги, 2000. С. 87.

⁴ Баташев Н. Загадочный храм // Знамя. 1992. 6 окт. С. 2.

⁵ Смольянинова М. И. Священник И. Г. Глаголев и его семья // Сергиевские чтения. Калуга, 2016. С. 213–225.

⁶ Метальникова Е. В. Жизнь, отданная Богу: служение священника Богоявленского храма г. Калуги протоиерея Иоанна Глаголева // Православный христианин: спецвыпуск «900-летие преставления прпмч. Кукши». 2014. С. 31–36.

⁷ Васильева Н. А., Штепа А. В. Обзор благотворительной деятельности градокалужских приходских братств во 2-й половине XIX — начале XX в. // Калуга в 6-ти веках. 2003. С. 82–94.

6 попечителей и 35 членов. В разные годы членами-попечителями братства были А. Волхонский, Е. И. и А. И. Кологривовы. Известно, что в 1901 г. в состав Богоявленского братства входили протоиерей Иоанн Кронштадтский (о. И. И. Сергиев), который пожертвовал на нужды прихожан 100 рублей, Н. С. Яновский, Е. З. Лузикова, К. П. Фалеев, Д. Д. Кушневский, А. А. Овсянников, О. В. Зайцева, С. Н. Земблинова, Р. И. Земблинов, А. Н. Волкова, А. И. Попова, О. А. Дьяконова и др.

К сожалению, на сегодняшний день никто из знатоков истории Калуги не озадачился проблемой изучения некрополя Богоявленского храма. Доступны лишь некоторые факты о некогда известном в городе кладбище, ныне утраченном¹. Генриетта Михайловна Морозова упоминала о том, что Авраам Евдокимович Торубаев построил церковь Богоявления в 1735 г.² В «Прогулках» она говорит о завещании А. Е. Торубаева похоронить себя «близ гробов родителей наших»³. В упомянутой выше статье М. И. Смольяниновой приводится такой факт: «Единственная дочь Ивана Егоровича Глаголева Анастасия Ивановна (1891 г.р.), окончившая Московский женский мединститут и работавшая в Калуге врачом, как говорили мне мои тетки, в январе 1918 г. вместе с группой интеллигенции вышла на демонстрацию с лозунгом: «Руки прочь от Учредительного Собрания!». Настенька разделяла взгляды отца и готова была как-то защитить их. А перед большевиками в 1918 г. остро стоял вопрос, как удержать власть. По словам Троцкого, в 1918 г. властью двигала «стратегия отчаяния». Мирная демонстрация в защиту Учредительного Собрания была расценена как эсеровский мятеж. По свидетельству очевидцев, Анастасия Глаголева шла в первом ряду демонстрантов. В нее выстрелил матрос Зубатов, пуля попала в сердце. Отец схоронил Настеньку в ограде церкви Богоявления»⁴. Этот факт упоминает и Валерий Продунов, который называет демонстрацию «Калужским кровавым воскресеньем», датирует ее 10-м декабря 1917 г.⁵ А Е. В. Метальникова нашла в метрической книге Богоявленского храма за 1917 год запись о том, что «10–13 декабря. Врач земского госпиталя, дочь местного священника, Анастасия Ивановна Глаголева (25 лет) убита, погребена в ограде Богоявленской церкви»⁶. Возможно, в некрополе Богоявленской церкви похоронен и И. Н. Храповицкий, семья которого много благотворила для храма, о чем свидетельствует в своем исследовании Г. В. Анохина⁷. Отдельные сведения о погребенных калужанах на Богоявленском кладбище можно найти в книгах Н. И. Кожевниковой⁸.

Упомянутое выше семейство Храповицких в 60-х гг. XIX в. купило у Торубаевых дом на Богоявленской улице⁹. В XVIII в. особняк принадлежал Торубаевым — Евдокиму Ульяновичу и его сыну Аврааму Евдокимовичу¹⁰. Год приобретения бывшей торубаевской усадьбы Калужской епархией в краеведческой литературе называется по-разному. Документально же известно, что в 1882 г. по проекту Б. А. Савицкого и Л. В. Гриневского было выстроено здание, называемое Дом певчих с домовою церковью в честь Калужской иконы Божией Матери при Архиерейском доме на Богоявленской улице (ныне ул. Кутузова, 24). Здание состояло из храма, двух помещений к западу и колокольни. Специальная пристройка-переход соединяла алтарь храма с Архиерейским домом. В 1885 г. храм был расписан. В 1893–1894 гг. губернский инженер В. К. Савельев, архитектор Л. В. Гриневский и епархиальный архитектор Н. В. Сытин спроектировали и возвели здание, объединившее храм, переход в Архиерейский дом и расширенную

¹ Днепровский А. С. Утраченные кладбища г. Калуги // Калужский некрополь: сборник статей. Калуга, 2009. С. 151.

² Морозова Г. Славная фамилия // Провинция-Информ. 1991. № 43. 22 окт. С. 6–7.

³ Морозова Г. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993. С. 196.

⁴ Смольянинова М. И. См. указ. статью. С. 218.

⁵ Продунов В. Застывшие мгновения калужской истории // Калужская неделя. 2013. 8 мая. С. 30.

⁶ Метальникова Е. В. См. указ. статью. С. 36.

⁷ Анохина Г. В. Родов связующая нить. Мария Сергеевна Кар и ее родственные связи // Сергиевские чтения. Калуга, 2014. С. 58.

⁸ Кожевникова Н. И. «Калуга купеческая» (2013); «Калужские купцы и мещане» (2015); «Жители Калуги» (2016).

⁹ Анохина Г. В. Некрополь Свято-Лаврентьева монастыря. Варвара Александровна Храповицкая // Лаврентьев монастырь: история и современность. Калуга, 2015. С. 173–181.

¹⁰ Морозова Г. Указ соч. С. 196.

Певческую школу¹. Зная годы правления калужских архиереев, можно составить список владык, которые жили в этом особняке:

- Епископ Владимир (Никольский)—с 14 мая 1881 по 21 мая 1888 г.
- Епископ Анастасий (Добрадин)—с 21 мая 1888 по 3 июня 1890 г.
- Епископ Виталий (Иосифов)—с 3 июня 1890 по 14 сентября 1892 г.
- Епископ Анатолий (Станкевич)—с 29 сентября 1892 по 29 января 1894 г.
- Епископ Александр (Светляков)—с 29 января 1894 по 8 октября 1895 г.
- Епископ Макарий (Троицкий)—с 22 октября 1895 по 11 июля 1901 г.
- Епископ Вениамин (Муратовский)—с 11 июля 1901 по 31 декабря 1910 г.
- Епископ Александр (Головин)—с 31 декабря 1910 по 25 июня 1912 г.
- Епископ Тихон (Никаноров)—с 25 июня 1912 по 13 мая 1913 г.
- Епископ Георгий (Ярошевский)—с 13 мая 1913 по 6 июля 1916 г.
- Епископ Феофан (Туляков)—с 6 июля 1916 по 29 сентября 1927 г.²

Интересно понаблюдать, как развивалась духовная жизнь центра губернии и Калужского края в целом, в данный исторический отрезок времени при означенных выше правящих архиереях.

При епископе Владимире (Никольском), в конце XIX в., особое внимание уделялось духовно-просветительской работе: было открыто 130 церковно-приходских школ, учрежден епархиальный училищный совет, при архиерейском доме открыта образцовая церковно-приходская школа, построены новые общежития для Калужской семинарии и Мещовского духовного училища, в Калужском духовном училище создана больница, а также было положено начало двух благотворительно-просветительских братств: Георгиевского за верхом и Боровского.

В начале XX в. появились новые формы духовно-просветительской работы: церковно-пастырские собрания с чтением лекций и проповедей на духовно-нравственные темы; Рождественские елки с чтением проповедей; беседы с калужанами, которые уходили в столицы на заработки и там могли попасть в секты³.

В этот же период времени происходит образование Калужского церковного историко-археологического общества, которое организовало историческую библиотеку в Калужской семинарии, устроило древлехранилище, в котором были собраны старинные антиминсы, утварь и иконы. Не случайно Д. И. Малинин, информируя об Архиерейском доме, пишет: «В архиерейской ризнице имеются антиминсы дониконовского времени»⁴. По инициативе КЦИАО была проведена перепись достопримечательностей по всем приходам Калужской епархии. Общество издало 6 томов, в 10 книгах, своего периодического органа «Калужская старина»⁵.

О домовом храме Калужской иконы Божией Матери при архиерейском доме почти ничего не известно. Чуть больше информации сохранилось о соседнем домовом храме великомученицы Екатерины при Епархиальном женском училище. Епархиальное женское училище было открыто 10 ноября 1879 г. на средства епархиального духовенства. Училище располагалось в четырехэтажном кирпичном здании напротив Богоявленской церкви. Сейчас в этом здании на улице Кутузова, 22 находится лицей № 9. Сначала было открыто только три класса, в которые поступило 133 ученицы. Девочки десяти и одиннадцати лет в основном из семей духовенства, поступали в первый класс этого закрытого учебного заведения. Учеба продолжалась в течение семи лет⁶. Сироты жили на полном пансионе. В училище преподавались такие предметы, как Закон Божий, русский и славянский языки, словесность, математика, история, география, физика, пение. Последний класс был педагогическим, в котором преподавались педагогика и психология. Выпускницы

¹ По данным краеведа С. Коробцова: ГАКО. Специальный технический архив государственного органа Калужской области по охране объектов культурного наследия. Ф. Р.875. Оп. 6. Ед. хр. 83; 550.

² *Продувнов В.* Это моя Калуга. Калуга, 2000. С. 351. Епископы Калужской епархии.

³ *Земля Калужская—земля святая.* Калуга, 2014. С. 20.

⁴ *Малинин Д. И.* Указ. соч. С. 139.

⁵ Историко-краеведческие организации Калужского края (1891–1937 гг.): библиографический указатель. Калуга, 1982. С. 10.

⁶ *Таболова М.* Три православные подруги—известные женщины нашего города // Православный христианин. 2014. № 5. С. 22–25.

училища устраивались в основном работать учительницами церковно-приходских школ. После замужества они покидали работу, становясь опорой мужу-священнику. С 1906 г. в училище уже было 7 классов. В 1911 г. здесь обучалось уже 562 ученицы. В комплекс училищных зданий входили также здание больницы и общежитие на 350 человек. В 1883 г. городской голова, калужский купец И. К. Цибулин выразил желание устроить для воспитанниц Епархиального училища за свой счет домовую церковь с условием, чтобы храм был посвящен памяти великомученицы Екатерины, имя которой носила его рано умершая дочь. Для этой цели был выделен училищный зал с прилегающей к нему комнатой для устройства алтаря. В том же году в Москве был заказан иконостас и было начато обустройство храма, который был готов к началу декабря 1885 года. 8 декабря состоялось его освящение. В храме воспитанницами совершались утреннее и вечернее молитвенные правила. Перед каждым уроком дежурный читал молитву. Во время церковных праздников ученицы украшали свою церковь. Домовый храм не сохранился¹.

Деятельный век привел Русскую Православную Церковь в целом и Калужскую епархию в частности, в противоречивое и неоднозначное состояние². С одной стороны, внешнее положение Православия в Калужской губернии было весьма впечатляющим. Православного населения числилось 1 215 976 человек, что составляло подавляющее большинство жителей. В епархии действовало 743 храма, в том числе 609 соборных и приходских, 26 монастырских, 42 домовых и 52 приписных храма, действовало 8 мужских и 5 женских монастырей, 2 женские монашеские общины. Православных верующих духовно окормляли 76 протоиереев, 647 священников, им сослужили 226 диаконов. Сеть православных учебных заведений состояла из 626 школ, в которых работало около 30 тысяч человек, действовала Калужская духовная семинария, 38 духовных училищ, епархиальное женское училище. Православная литература хранилась в 1 епархиальной, 30 окружных и 345 церковных библиотеках. Социальную и благотворительную деятельность осуществляли 9 богаделен, 32 братства, 406 церковно-приходских попечительств, 18 обществ трезвости. Миссионерская деятельность осуществлялась епархиальными благочинными миссионерами, 5-ю миссионерскими братствами и миссионерским комитетом, координирующим всю деятельность в губернии.

Однако, с другой стороны, и церковь и общество находились в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Калугу ожидала катастрофа, разразившаяся в 1917 г., и разрушенные храмы Богоявленской и Ильинской улиц явились страшным тому подтверждением.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СКВЕРА НА ПЛОЩАДИ, ОКРУЖАВШЕЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО)

И. В. Маркина,

*главный библиограф отдела краеведения и ОРФ Центральной городской библиотеки
им. Н. В. Гоголя МБУ «Централизованная библиотечная система г. Калуги»*

Какой калужанин не любит в выходной день прогуляться по Городскому парку культуры и отдыха, полюбоваться липами его центральной аллеи; постоять под лиственницами, окружающими величественное здание Свято-Троицкого кафедрального собора... А ведь еще в середине XIX в. на месте этих хвойных деревьев был пустырь. Не совсем так, конечно, ведь его именовали «Соборной площадью». Но даже в 1880-е гг. из всех ее зеленых посадок можно было встретить только обычную траву, которая шла на выкос. Однако к концу XIX в. здесь все-таки появился сквер, и «приложил руку» к этому благовому делу не кто иной, как сам Калужский Губернатор Александр Григорьевич Булыгин.

¹ Земля Калужская Указ. соч. С. 148.

² О. Андрей (Безбородов). Годы испытаний: история Православной Церкви на Калужской земле с 1917 по 2000 год. Калуга, 2001. С. 4–5.

Ну, а с чего же все началось? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к фондам Государственного архива Калужской области. В деле под названием «Переписка с Боровским и Калужским Епископом об устройстве в г. Калуге на соборной площади сквера. 27 августа 1891 года—29 июня 1893 года» [1] есть сведения о том, как шла работа по его созданию.

Итак, из Министерства внутренних дел калужского губернатора по канцелярии от 27 августа 1891 г. за № 2273 на имя Его Преосвященства Виталия, епископа Калужского и Боровского, от калужского губернатора А. Г. Булыгина поступило отношение следующего содержания (цитируется со всеми исправлениями, но с использованием букв современного русского кириллического алфавита):

«Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь

Окружающая соборный храм в г. Калуге площадь находится в таком запущенном виде, который не отвечает ее назначению и потому я с своей стороны признал бы необходимым, как находящаяся в центре города обратить под сквер, что придавало бы не только более изящный вид как самой площади (над этим словом стоит значок “х”, которому соответствует выполненная на полях документа приписка: “но несомненно и собор выиграл бы находясь в центре правильно распланированного и хорошо содержимого цветника”) так и расположенному на оной храму; и кроме того принесло бы немалую пользу и в гигиеническом отношении. Хотя с этой площадью, как принадлежащей духовному ведомству и (над зачеркнутым текстом надписан следующий: “соборному причту последним (?)”) снимается трава, но едва ли таковая представляет духовенству значительные выгоды, и потому я надеюсь (надписано: “полагаю”) что с этой стороны пре (надписано: “это обстоятельство”) не должно бы служить пре [2] пятствием к выполнению вышеуказанных предложений моих не встретится. При этом считаю долгом (надписано: “не лишним”) присовокупить что, конечно, духовное ведомство не будет привлечено к каким либо расходам по разбитию на означенной площади сквера и дальнейшему поддержанию его в соответствующем виде. Сообщая об этом Вашему Преосвященству, имею честь покорнейше просить уведомить меня, не встречается ли с Вашей стороны Епархиального Начальства каких либо препятствий к обращению означенной площади под сквер на указанных основаниях.

<...>

(подпись): А. Булыгин

Верно: В. Соловьев» [3].

Уже через несколько дней (на документе указана дата «9 сентября 1891 года» и «на конверте № 7786») из Ведомства Православного Исповедания от епископа Калужского и Боровского Виталия на имя его превосходительства господина калужского губернатора, действительного статского советника и кавалера Александра Григорьевича Булыгина поступил ответ:

«На отношение Вашего Превосходительства, от 27го минувшего августа за № 2273 имею честь уведомить Вас, что со стороны Епархиального Начальства не встречается препятствий к осуществлению благого предположения Вашего об устройстве сквера на площади, принадлежащей Кафедральному собору, с совершенным освобождением собора от всяких расходов как по устройству так и дальнейшему поддержанию сквера в соответствующем виде [4], к сему нужным считаю присовокупить, что собор, уступая свою площадь под устройство надлежаще огороженного сквера, удерживает за собою право на всегдашнюю принадлежность ему этой площади, как такого пространства земли, которое полагается при церквях в силу 432 статьи строительного устава и 2го параграфа Синодальной инструкции благочинным православных церквей.

Министр внутренних дел А. Г. Булыгин (портрет). 1905 год. Фотография ателье Буллы

Свято-Троицкий кафедральный собор
(с открытия конца XIX — начала XX в.)

Призывая на Вас благословение Божие, с истинным почтением и совершенною преданностию, имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя покорнейшим слугою Виталий, Епископ Калужский и Боровский» [5].

Следующее свое послание (от 28 июня 1893 г.) губернатор адресовал уже Его Превосвященству Анатолию, епископу Калужскому и Боровскому, который сменил на этом посту почившего Виталия. А. Г. Булыгину необходимо было покинуть Калугу (согласно «Памятной книжке и адрес-календарю Калужской губернии на 1907 год», 3 июня 1893 г. А. Г. Булыгин сложил свои полномочия в качестве калужского губернатора [6]), однако начатый его стараниями сквер к этому времени не был еще завершен. Это обстоятельство не могло не беспокоить Александра Григорьевича, и он обратился к архипастырю со следующим прошением:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь

Отношением от 9 сентября 1891 года за № 7786 в бозе почивший предшественник Вашего Преосвященства изъявил согласие на устройство сквера вокруг Кафедрального собора при условии, чтобы создание его не относилось на средства собора. В минувшем году было приступлено к устройству такового сквера и предложено было мною окончить его осенью текущего года или [7] весной будущего.

Уезжая ныне из г. Калуги и не имея возможности таким образом продолжать личное (возможно, заведывание) этим делом, я поручил Г. Калужскому Полицеймейстеру Е. И. Трояновскому закончить устройство сквера на переданные мною ему для сего денежные средства, а затем, по окончании всех работ, передать его в заведывание Городского Управления.

Сообщая о сем Вашему Преосвященству, имею честь покорнейше просить Вас не отказать в Вашем благосклонном содействии по устранению в данном деле всякого рода недоразумений, в случае возникновения таковых в будущем.

<...>

(подпись): Булыгин» [8].

На следующий день (29 июня 1893 г.) Александр Григорьевич отправил прошение на имя Ивана Козьмича Ципулина. Следует отметить, что последний в это время занимал пост городского головы г. Калуги, который был закреплен за ним в течение долгих 16 лет (с 25 апреля 1885 по 1901 г.)—единичный случай за всю историю города [9]!

Итак, текст послания:

«Милостивый Государь, Иван Козьмич

С согласия Епархиального Начальства и Городского Управления в текущем году мною было приступлено к устройству на личные мои средства вокруг Кафедрального собора сквера. Предложено было вокруг всего сквера сделать железную решетку, при въездах в сквер поставить фонари, по всему скверу расставить чугунные скамейки, вокруг сквера насадить липовую аллею,

Фотография сквера, разбитого вокруг Свято-Троицкого кафедрального собора
(с открытки конца XIX — начала XX вв.)

внутри устроить дорожки и посадить хвойные деревья и кустар [10] ники. Все устройство сквера должно было быть в главном окончено будущей осенью, а окончательно — весной будущего года.

Уезжая ныне из г. Калуги, я не имею возможности исполнить это под личным моим наблюдением и потому я просил Калужского Полицеймейстера Е. И. Трояновского принять в свое заведывание окончание всех работ по моим ближайшим указаниям.

Сообщая о сем Вам, Милостивый Государь, имею честь покорнейше просить Вас не отказать в Вашем содействии к беспрепятственному окончанию Г. Трояновским всех предпринятых работ. Вместе с тем благоволите своевременно доложить Городской Думе, когда сквер будет окончен, о принятии его в ведение Городского Управления и ассигновании необходимых средств на его содержание. Смею думать, что расход этот не будет обременителен для городских средств, так как город уже содержит городской бульвар и потому имеет все необходимое для сего, а [11] <...> со временем означенный сквер, смею надеяться, будет служить украшением города.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности (подпись): Булыгин» [12].

К сожалению, вышерассмотренное дело не дает ответа на вопрос: «Чем же завершилось устройство сквера вокруг кафедрального собора?» Однако, заглянув в книгу Александра Ивановича Пульхерова «Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде» (нас интересует глава «Городские сады и уличные посадки») 1910 года издания, можно представить, как к этому времени выглядел новый сквер:

«<...> Когда выдешь из городского сада, то чрез дорогу расположен другой сад, вокруг собора, немного удлиненным четырехугольником, площадью в 1 1/2 дес., обсаженный акацией и липами и огороженный железной решеткой. Сад этот приведен в порядок на средства бывшего губернатора А. Г. Булыгина, который вложил в это дело до 4 тысяч рублей. Посадки и устройство решетки с красивыми фонарными столбами производились под наблюдением полицеймейстера Е. И. Трояновского. Здесь очень эффектна, в особенности весной, небольшая аллея из лиственницы, от присутственных мест до собора. Насаждений внутри сада мало и он держится под зеленым ковром травянистых растений. Сад этот посещается публикой мимоходом, может быть от близости более уютного городского сада, а также недостатка лавочек для сиденья. Этот сад в свое время был хорошо оборудован диванами на чугунных ножках, но, к сожалению, вследствие плохого досмотра, их не стало» [13].

Очень интересно и описание этого сквера, приведенное в главе «Зеленые насаждения» книги Юрия Александровича Вусовича «Медико-топографическое описание города Калуги» 1929 года издания: «<...> В 1925 г. к гор. саду присоединен разбитый в 1888 году так наз. прежде Владимирский сквер (разбит вокруг собора по случаю приезда в Калугу вел. кн. Владимира Михайловича). Сквер прежде отделялся от городского сада проездом <...> Бывший Владимирский сквер

Городской парк культуры и отдыха. 22 августа 2015 г. Фото И. В. Маркиной

прежде держался главным образом под зеленым ковром травянистых растений, следует отметить там прекрасную аллею из липовниц. В 1927 г. сделано на площади сквера много посадок (главным образом каштана)» [14].

Как приятно, отправляясь в очередной раз на прогулку в парк, вспоминать, что стараниями этих достойных людей был разбит зеленый сквер, который и сегодня служит украшением города.

Список литературы

1. Переписка с Боровским и Калужским епископом об устройстве в г. Калуге на соборной площади сквера. 27 августа 1891 года—29 июня 1893 года // ГАКО. Ф-32. Оп. 1. Т. 4. Д. 1976.
2. Там же. Л. 1.
3. Там же. Л. 1 (об.)
4. Там же. Л. 2.
5. Там же. Л. 2(об.)
6. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1907 год / издание губернского статистического комитета под редакцией члена-секретаря И. П. Балабанова. Калуга: типо-литогр. губ. правл., 1907. С. 22.
7. Переписка с Боровским и Калужским епископом об устройстве в г. Калуге на соборной площади сквера. 27 августа 1891 года—29 июня 1893 года // ГАКО. Ф-32. Оп. 1. Т. 4. Д. 1976. Л. 3.
8. Там же. Л. 3 (об.)
9. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1907 год / издание губернского статистического комитета под редакцией члена-секретаря И. П. Балабанова. Калуга: типо-литогр. губ. правл., 1907. С. 24.
10. Переписка с Боровским и Калужским епископом об устройстве в г. Калуге на соборной площади сквера. 27 августа 1891 года—29 июня 1893 года // ГАКО. Ф-32. Оп. 1. Т. 4. Д. 1976. Л. 5.

11. Там же. Л. 6.
12. Там же. Л. 6 (об.).
13. Пульхеров Александр Иванович. Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде: С геогр. очерком, картой уезда и заметками по сел. хоз.: Материал разраб. А. И. Пульхеровым / Калуж. отд. Рос. о-ва садоводства. Калуга: тип. Губ. зем. управы, 1910. С. 29 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Офиц. сайт] 1999–2017 URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003771884#?page=43> (дата обращения: 19.02.2017).
14. Зеленые насаждения // Вусович Ю. Медико-топографическое описание города Калуги / Ю. Вусович. Калуга: Издание Окргздравотдела, 1929. С. 12–13.

ПАМЯТИ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДУБЕНСКОГО

Н. В. Гущина,

зав. музеем Калужского колледжа народного хозяйства и природообустройства

В 2017 г. исполняется 100 лет со дня смерти доктора медицины и общественного деятеля Ивана Ивановича Дубенского. В начале XX в. его имя было известно каждому жителю Калуги, теперь же — лишь узкому кругу лиц любителей старины. Время, к сожалению, не сохранило до наших дней место его вечного упокоения, поэтому отдадим дань памяти этому человеку, вспомнив его дела на благо Отечества.

Иван Иванович Дубенский родился 18 августа 1854 г.¹ в семье сельского священника с. Вяжы Новосильского уезда Тульской губернии.

Первоначальное и среднее образование он получил в духовном училище при Духовском монастыре Новосильского уезда и в Тульской духовной семинарии, из 4 класса которой он поступил на естественное отделение Санкт-Петербургского университета, откуда со 2 курса перешел в Санкт-Петербургскую Императорскую медико-хирургическую академию, окончив ее со званием лекаря 2 мая 1878 г.

Ивана Ивановича определили во временный врачебный запас армии при Клиническом военном госпитале. Затем назначили в 3-й батальон Керченского крепостного полка, 12 июля 1878 г. — для исполнения обязанностей младшего ординатора в Керчь-Еникальский военный госпиталь. 16 ноября 1875 г. он переведен на должность младшего врача 68-го резервного пехотного кадрового батальона. 11 марта 1879 г. вышел в отставку.

После этого, почти до конца 1883 г., И. И. Дубенский работал земским врачом в Новосильском уезде Тульской губернии и в Юхновском уезде Смоленской губернии, оставив здесь о себе добрую память.

1 ноября 1883 г. стал сверхштатным младшим медицинским чиновником при Медицинском департаменте. Для научного усовершенствования командирован на 6 месяцев в клинику Военно-медицинской академии (с содержанием в 500 рублей годового оклада). 5 мая 1884 г. лекарь Иван Иванович Дубенский, «выдержавший установленное испытание и защитившего представленное им рассуждение под заглавием «Материалы к этиологии произвольных разрывов матки во время беременности и родов» Конференцией Императорской военно-медицинской академии был удостоен степени доктора медицины».

В настоящее время его диплом хранится в Государственном архиве Калужской области. На оборотной стороне документа написано: *«Принимая с глубокой признательностью, даруемые мне наукой права Врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю.*

Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло

¹ Здесь и далее даты по старому стилю.

оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми своими силами ея процветанию, сообщая ученому свету все, что открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей тайных средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам врачам и не оскорблять их личности, однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить прямо и без лицепрятия.

В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных, когда же сам буду призван на совещание — буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

1 апреля 1885 г. Дубенский определен сверхштатным младшим медицинским чиновником при Медицинском департаменте и снова командирован для научного усовершенствования на два месяца в Военно-медицинскую академию. 11 мая 1885 г. конференцией Императорской Военно-медицинской академии признан акушером и уездным врачом.

Почти год, с 1 июня 1885 по 12 мая 1886 г. он находился в отставке.

12 мая 1886 г. Ивана Ивановича назначили помощником инспектора врачебного отделения Калужского губернского правления. Так началась его непрерывная 30-летняя деятельность в Калуге.

17 ноября 1886 г. он, оставаясь помощником врачебного инспектора, утверждается врачом Калужского женского епархиального училища, а 11 июня 1890 г. — врачом Калужской мужской гимназии.

Указом Правительствующего Сената от 12 июля 1889 г. за выслугу лет утвержден в чине коллежского асессора со старшинством с 1 июля 1885 г.¹

Специалист по общим, гинекологическим и акушерским заболеваниям, заведующий отделениями для неизлечимых больных мужчин и женской богадельни Дубенский несколько лет руководил фельдшерской школой при губернской земской больнице.

Прекрасный специалист в области терапии и гинекологии, он был активным участником Общества калужских врачей. В 1886 г. он стал членом Общества, спустя несколько лет — вице-президентом.

В 1880-е — начале 1890-х гг. он помощник губернского врачебного инспектора Владимира Егоровича Кричевского, врач епархиального женского училища, председатель Калужского общества вспомоществования нуждающимся девицам, воспитывающимся в Калужском женском епархиальном училище.

В 1891 г. в районе Пятницкого кладбища в г. Калуге за счет благотворителей была построена столовая для бедных, при которой членами Общества калужских врачей был организован бесплатный прием больных, что было особенно важно с учетом бушевавшей в губернии эпидемии холеры. Иван Иванович Дубенский вместе со своими коллегами изъявил желание ежедневно посещать амбулаторию, бесплатно по очереди оказывать медицинскую помощь и консультировать больных. Приемный покой, где работал фельдшер, был оснащен всем необходимым оборудованием и лекарствами, которые раздавались бесплатно, несмотря на постоянно увеличивавшийся поток больных. За первые 3 месяца приняли 557 больных. Эта благотворительная акция калужан была отмечена императором, который собственноручно написал на докладе министра внутренних дел, посвященном благотворительности: «Очень рад»².

22 ноября 1892 г. И. И. Дубенский переходит на службу в местное губернское земство старшим врачом Калужской губернской земской больницы, где служил почти до последних своих дней (отставка принята в конце февраля 1917 г.)³.

Он также был врачом в губернской мужской гимназии и епархиальном женском училище, гласным Городской думы.

Из воспоминаний С. Д. Урусова: «Психиатрии, т. е. лечения душевнобольных, в Хлюстинской больнице, можно сказать, не было вовсе. Нам удалось поднять врачебный уход за больными не путем непосредственного воздействия управы на врачебный персонал, но благодаря тому,

¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 22. Д. 2609.

² Калуга в 6 веках: Материалы 5-й городской краеведческой конференции / сост. В. А. Дьяченко. — Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С. 102–103.

³ Селиванов М. Некролог И. И. Дубенского // Голос Калуги. 1917. № 154. 21 июля.

что нам посчастливилось получить прекрасного старшего врача в лице доктора медицины И. И. Дубенского. Он сумел укрепить врачебную дисциплину, сохранив в то же время со всеми врачами наилучшие отношения.

...Медицинская часть была в подчинении у старшего врача, назначаемого управой и жившего в отдельном домике при больнице. Остальные врачи приезжали из города и обязанности свои не всегда выполняли аккуратно, сберегая свое время для городской практики. Впрочем, и вознаграждение от земства они получали небольшое...

С его участием был составлен план переустройства или, вернее, новой организации призрения и лечения душевнобольных в новых зданиях, устроенных по павильонной системе. К устройству операционной комнаты и снабжению ее инструментами приступили немедленно. По инициативе И. И. Дубенского был впоследствии приглашен в Хлюстино талантливый хирург Василий Алексеевич Красинцев, занявший лет через 10 должность старшего врача Московской Голицынской больницы, а затем в больнице имени Склифосовского. За время службы И. И. Дубенского Хлюстино из больницы отсталой превратилось в благоустроенное заведение.

Наша семья также много обязана этому прекрасному человеку и врачу. Он своим исключительно внимательным уходом спас в 1915 году жизнь моего сына, заболевшего в Калуге тяжелой формой тифа»¹.

27 ноября 1894 года по инициативе Дубенского в помещении трехклассного училища напротив Одигитриевской церкви в г. Калуге была открыта воскресная школа для взрослых². Он же учредил воскресную школу для взрослых в районе Подзавалья.

Согласно сведениям из Памятных книг и адрес-календарей Калужской губернии за 1900–1917 гг., И. И. Дубенский был большим общественным деятелем. Он состоял председателем правления Попечительства о бедных и бесприютных детях г. Калуги; председателем Врачебного Общества взаимной помощи; действительным членом калужского губернского статического комитета; членом Калужского управления Российского общества Красного Креста, попечителем V-го мужского приходского училища на Рождественской улице, членом правления Попечительского общества о Работном доме, попечителем детского приюта братьев Малютиных, членом калужского окружного правления Императорского Российского общества спасения на водах, Калужского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, Общества вспомоществования недостаточным ученицам гимназии Шалаевой, Калужского губернского отдела Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых, Общества помощи бедным при Хлюстинской больнице³.

Его активная помощь нуждающимся нашла отражение и в делах губернского жандармского управления, где сохранилось донесение следующего содержания: «... Дубенский и его жена находятся под наблюдением полиции... жертвуют деньги на нужды революции... устраивают судьбы революционеров... пользуются влиянием и авторитетом, водят знакомство с Радилковыми»⁴.

Его супруга Мария Александровна Дубенская, урожденная Цурикова (1854–1924), также была членом нескольких общественных и благотворительных организаций г. Калуги. В 1901 г. у них родилась дочь Варвара⁵.

Иван Иванович входил в состав консилиума врачей, следивших за здоровьем писателя Льва Николаевича Толстого, неоднократно бывал у него в гостях в имении Ясная Поляна Тульской губернии.

На 1916 г. — коллежский асессор, преподаватель Калужского реального училища в Воскресенском переулке (где в это время учителем был известный калужский краевед Дмитрий Иванович Малинин), председатель Калужского отделения Общества вспомогательной медицинской кассы.

¹ Урусов С. Д. Мудрец из Хлюстинской больницы (воспоминания) // Калужские губернские ведомости. 2002. № 20 (182).

² Калужские Губернские Ведомости. 1894. № 130.

³ Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии за 1900–1917 гг.

⁴ Сведения предоставлены краеведом Н. В. Салаховой.

⁵ Сведения предоставлены краеведом Н. И. Кожевниковой.

Иван Иванович Дубенский скончался 13 июня 1917 г. Отпет священником Петром Смирновым в Александро-Невской церкви при Хлюстинской больнице. Похоронен 15 июня 1917 г. на местном Хлюстинском кладбище. Могила на сегодняшний день утеряна¹.

«13 июня 1917 года в 2 часа дня умер от гнойного пиелонефрита Иван Иванович Дубенский... В лице почившего сошел в могилу популярнейший калужанин и самый популярный врач. Ивана Ивановича Дубенского знала местная аристократия, но столь хорошо он был известен средним кругам, а еще более городской бедноте вплоть до самых жалких обитателей калужского «дна». Источником этой широкой популярности Ивана Ивановича была, с одной стороны, его солидная подготовка и врачебная опытность, а с другой — громадный запас у него природной потенциальной энергии, обнаруживавшийся главным образом на благо ближних.

Доктор медицины, дипломированный акушер, старший врач большой губернской больницы, имеющий довольно обширную частную практику в городе и губернии, Иван Иванович был деятельным городским гласным (до последнего пятилетия) и на редкость заботливым попечителем городского детского приюта, заведующим раздачей леса и пособий на постройку и ремонт жилищ бедным калужанам, создателем почти из ничего двух детских яслей в Калуге, обладающих в настоящее время своими собственными домами, деятельным членом всевозможных благотворительных обществ в Калуге и прочее, прочее. Поистине нужно только удивляться, как у него хватало на все это времени и сил...

...Местное население, в лице своих представителей губернских гласных и управы, всегда очень высоко ценило больничную деятельность Ивана Ивановича, и это особенно ярко выразилось в отношении их к покойному во время его продолжительной болезни и в постановлении последнего губернского собрания (назначение 1800 рублей пенсии, помимо выдачи из пенсионной кассы, постановка портрета в больнице и предоставление ему пожизненной квартиры с отоплением и освещением)...»².

«Отличительной чертой покойного была доброта и вообще мягкость натуры. Отсюда чувство сострадания к обездоленным, особенно к детям, которым он отдавал свою душу, много труда и средств. С его именем связаны Рождественские и Коровинские ясли-приют. Гуманность Ивана Ивановича проходила красной нитью во всей его жизни.

Гармонически сливаясь с профессией врача-человеколюбца, она выдвигала Ивана Ивановича в ряды тех благородных работников, которые творят свое большое общественное дело тихо, бесшумно и которыми, слава Богу, земля русская не оскудевает.

Формуляр И. И. Дубенского краток. Краток потому, что большая часть его службы прошла в губернском земстве (с 1892 г.). Продолжительный земский стаж выработал в покойном типичнейшего врача-земца, т. е. человека, который знает нужды народные, который служил народу, прикидывая во всем мерку и точку зрения общественных интересов.

Он угас, но светлая память надолго сохранит потомству имя И. И. Дубенского, с которым связано много хороших дел и хороших воспоминаний. Мир праху твоему, врач-народник, врач-бессеребренник, врач-чадолюбец! (Воля покойного венков не возлагать)»³.

¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 554.

² Селиванов М. Некролог И. И. Дубенского // Калужский санитарный обзор. 1917. № 5–6. Май-июнь. С. 213–214.

³ Селиванов М. Некролог И. И. Дубенского // Голос Калуги. 1917. № 149. 15 июля.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФОТОГРАФИИ А. Л. ЧИЖЕВСКОГО

О. В. Семочкина,

*кандидат педагогических наук, зав. кабинетом-музеем А. Л. Чижевского
в КГУ им. К. Э. Циолковского,*

Н. Семочкин,

учащийся 7 класса МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13» г. Калуги

В 2017 году исполнилось 120 лет со дня рождения ученого (основоположник гелиобиологии и историометрии, аэроионификации, электрогемодинамики), изобретателя (электроокраска), художника, поэта, философа (русский космизм) Александра Леонидовича Чижевского (1897–1964)—нашего земляка, чей дом-музей находится на улице Московской, 62. Но если о его научной деятельности сохранились документы во многих архивах страны (большинство из которых находятся в Москве), то про его детство известно очень мало: только воспоминания самого ученого и две его детских фотографии (одна сделана в годовалом возрасте, другая—с тетей и бабушкой). Недавно нами были обнаружены еще несколько детских и взрослых фотографий А. Л. Чижевского и его родственников.

О детстве ученого Александра Леонидовича Чижевского (до переезда семьи Чижевских в Калугу) известно очень мало: источником могут служить только его собственные воспоминания, только частично опубликованные [1; 2; 10].

Известно, что А. Л. Чижевский родился 26 января (7 февраля) 1897 г. в семье военного-артиллера Леонида Васильевича Чижевского (1861–1929), изобретателя командирского угломера для стрельбы с закрытых позиций и прибора для разрушения проволочных заграждений. Мать ученого Надежда Александровна Чижевская (ур. Невиандт) (1875–1898), была сестрой члена IV Государственной думы от Полтавской губернии К. А. Невиандта, племянницей генерал-майора, военного инженера, участника Крымской войны, заведующего Зимним дворцом А. П. Дельсалея, двоюродной сестрой русского генерала, героя Первой мировой войны П. А. Дельсалея. Она умерла, когда мальчику был 1 год и 1 месяц. Будущего ученого воспитывали тетя—родная сестра отца Ольга Васильевна Чижевская-Лесли (1863–1927) и бабушка—мать отца Елизавета Семеновна Чижевская (ур. Облачинская) (1828–1910), двоюродная племянница П. С. Нахимова.

Шура (как его называли родные) получил разностороннее домашнее образование (изучал иностранные языки, историю, учился музыке). В 7 лет брал уроки живописи в Парижской академии художеств у ученика знаменитого импрессиониста Э. Дега-Гюстава Нодье. Обучение начал в 1907 г. в Бельской мужской гимназии (ныне г. Бяла-Подляска, Польша), но в связи с назначением отца в крепость Зегрж (ныне г. Зегже, Польша) перешел на домашнее обучение [1, с. 8; 3, л. 3–3 об.]. В приложении мы даем историю Бельской гимназии, которую удалось составить по статьям из Интернета.

О том, как выглядел ученый в детстве, дают представление только две фотографии, упомянутые выше и представленные в его доме-музее [4, с. 7].

В прошлом году нам удалось получить от Александра Аркадьевича Арефьева, правнука дяди ученого Аркадия Васильевича Чижевского (1859–1914), и из архива «Государственного фонда телевизионных и радиопрограмм» фильм «Под взглядом вечности...» [5], где представлены несколько неизвестных ранее фотографий ученого и его родственников.

Начнем по порядку.

Фотография Шуры в годовалом возрасте [4, с. 7] хорошо известна и представлена не только в основной экспозиции его дома-музея, но и хорошо знакома пользователям Интернета, так как представлена на многих сайтах, посвященных ученому.

Теперь обратимся к фильму «Под взглядом вечности...» [5], где представлены фотографии ученого и его родных.

Видеоряд начинается с известных фотографий годовалого ученого, его отца и матери, нарисованного им герба рода Чижевских, родственников (Р. Н. Чижевского, А. П. Дельсалея).

На следующей фотографии изображен Шура с тетей Ольгой Васильевной. Где и когда она была сделана, в фильме не указывается. Судя по тому что Ольга Васильевна была небольшого

Шура в возрасте 5–6 лет с тетей Ольгой Васильевной Чижевской-Лесли

роста, а мальчик был ростом только до половины плеча тети, можно предположить, что ему было лет 5–6. Обращает внимание цвет волос Шуры — справа свисает длинная светлая прядь, то есть его волосы еще на тот момент были светло-русыми. Одет мальчик был по моде рубежа XIX–XX веков — в матросский костюм. Статьи из Интернета помогли «раскрасить» этот костюм: по большей части матроски шили из синей и белой фланели, подражая морским формам своей родной страны или дружественных держав [6, 7]. На Ольге Васильевне светлое легкое расстегнутое пальто, она без головного убора. Судя по тому что на деревьях густая листва, можно предположить, что карточка сделана либо в холодную летнюю погоду, либо в начале осени. Вот как вспоминает о своей тете ученый: *«Как бы сложилась моя дальнейшая судьба, мое воспитание, мой духовный рост, сказать трудно, если бы не одно событие, обусловившее весь дальнейший ход моей жизни. Событие это заключалось в переезде на постоянное жительство к моему отцу его родной сестры, Ольги Васильевны Чижевской-Лесли, моей тетушки и крестной матери... Она стала второй, настоящей, действительной матерью, и этим священным именем я и называл ее всю жизнь, называю и теперь, после ее смерти. Память ее для меня священна.*

Тетушка моя Ольга Васильевна в 1884 году на 21-м году жизни вышла замуж за помещика Бельского уезда Смоленской губернии Ивана Александровича Лесли, вдовца и владельца имения, расположенного неподалеку от Засоля. Жизнь ее протекала в любви и довольствии... 15 лет без малого длилась безоблачная брачная жизнь, тетушка родила 2-х детей, Лизу и Колю, которые, впрочем, рано умерли один вскоре после другого от дифтерии в 8–9-летнем возрасте. Потеря детей глубоко потрясла нервную и утонченную натуру моей тетушки и заставила ее еще глубже привязаться к мужу и его сынишке Саше.

У тетушки произошел разрыв с мужем, и она решила уехать от него, сперва — за границу, затем переселиться к брату, моему отцу. Это было в 1899 году. Начиная с этого года, она жила

Леонид Васильевич Чижевский
и Ольга Васильевна Чижевская-Лесли

Ольга Васильевна
Чижевская-Лесли

до самой своей смерти с нами, воспитала меня, вложила в меня свою душу, все свое чудеснейшее сердце редчайшей доброты человека и умерла на моих руках. Она стала второй, настоящей, действительной матерью, и этим священным именем я и называл ее всю жизнь, называю и теперь, после ее смерти. Память ее для меня священна.

Ввиду моего слабого здоровья мы с бабушкой Елизаветой Семеновной и тетушкой Ольгой Васильевной ежегодно уезжали за границу — во Францию и Италию — на 2–3 месяца, связи с Родиной оставались незывлемыми. Таким образом, будучи еще 7-летним мальчиком я занимался живописью у художника Нодье, ученика знаменитого Дега» [1, с. 7–8; 9, тетр. 2].

На следующих двух фотографиях изображена Ольга Васильевна в более старшем возрасте, более тепло одетая в темное пальто и шляпу.

На первом снимке она изображена с братом, Леонидом Васильевичем, но где — неизвестно. На одном из последующих кадров виден клочок фотографии (вернее, подпись к ней), по форме, видимо, эта фотография, на клочке написано «... Чижевский и ... 1905 г.». На другом снимке Ольга Васильевна изображена одна. Судя по лицу и одежде Ольги Васильевны снимки сделаны практически одновременно, то есть примерно в 1905 г., и судя по отсутствию листвы на деревьях — в холодное время года. Первый снимок (Леонид Васильевич и Ольга Васильевна) представлен в доме-музее А. Л. Чижевского как во вводном зале (приезд Чижевских в Калугу), так и в комнате Ольги Васильевны [4, с. 5, 20], а второй (где Ольга Васильевна одна) был ранее неизвестен.

Следующие три фотографии получены нами от Александра Аркадьевича Арефьева — правнука Аркадия Васильевича, старшего брата Леонида Васильевича и Ольги Васильевны, погибшего в начале Первой мировой войны.

На первой фотографии Шура изображен с тетей и бабушкой Елизаветой Семеновной (матерью Леонида Васильевича и Ольги Васильевны). На второй фотографии Елизавета Семеновна изображена одна. Эти фотографии хорошо известны, так как выставлены не только в доме-музее ученого [4, с. 7], но и выложены в Интернете. Только в Интернете они без указания даты и времени съемки, а в доме-музее указаны неверно (Бяла-Подляска, Польша, 1907 г.). Фотографии, полученная от Александра Аркадьевича, указывает на точное место съемки — Серпухов (то есть сделана до 1906 г.), где до 1906 г. в семье Аркадия Васильевича жили Шура, Ольга Васильевна и Елизавета Семеновна.

10-летний Александр Чижевский с бабушкой Е. С. Чижевской-Облачинской и тетей О. В. Лесли-Чижевской. Дар Александра Аркадьевича Арефьева

Елизавета Семеновна Чижевская (ур. Облачинская) (1828–1910)—мать Л. В. и О. В. Чижевских, бабушка ученого

На третьей фотографии, полученной от А. А. Арефьева, изображена Елизавета Семеновна, занимающаяся вышивкой шерстью. Где и когда сделана эта фотография—неизвестно. Обратимся к воспоминаниям ученого: «Бабушка моя получила домашнее, но блестящее по тому времени образование... Бабушка Елизавета Семеновна жила ... в своих имениях Ломы и Засолье на небольшие доходы от эксплуатации земли и леса. Жила чрезвычайно скромно, гостей принимала редко, много работала в пяльцах, вышивая шерстью, шелком и бисером картины и ковры, писала акварелью узоры и пейзажи и принимала у себя в каникулярное время двоих своих сыновей и дочь. Бабушка хорошо владела французским, английским и немецким языками, читала по-итальянски и по-шведски... Прекрасно знала историю, особенно историю средневековья. С детства она была приучена к труду» [1, с. 8; 8, л. 32].

В ноябре 1906 г. Леонида Васильевича перевели по службе в г. Белу Седлецкой губернии (ныне Бяла-Подляска, Люблинское воеводство, Польша). 1 декабря 1906 г. Чижевские переехали к Леониду Васильевичу. Вот как об этом вспоминал ученый:

«Дядя Аркадий проводил нас до самого Брестского (тогда Смоленского) вокзала и посадил на поезд... Вечером по московским улицам переезжала вся наша семья: бабушка, мама, я, бонна, горничные. Поезд шел около двух суток. Не доезжая до Белы, а именно в Брест-Литовске, нас должен был встретить папа... В 3 часа ночи на 4 декабря мы подъехали к перрону Бельского вокзала. На вокзальной площади нас ждали двое саней, разместившись на которых мы двинулись на загородную виллу, которая носила название «Фольварк Славацинек». Вилла была расположена в километре от города близ прекрасного Варшавского шоссе, замечательное мест для прогулок...

Он был принципиальный враг городов, любил чистый воздух, деревенскую жизнь и считал, что человек должен жить среди природы и проводить большую часть жизни на воздухе.

Хотя Бела была маленьким городком, но все же в ней имелось немало хороших каменных домов. И все же отец предпочел снять за городом небольшое поместье, расположенное среди полей и окруженное обширным фруктовым садом и огородом. Я с живым интересом следил за двигающимися мимо нас панорамами новых мест, где мне предстояло жить. Отец давал объяснения.

— А вот это Бельская гимназия, где тебе, может быть, придется учиться.

В это время мы проезжали мимо большого 3-этажного белого дома, расположенного на углу двух улиц. Через несколько минут миновали густой парк и, наконец, выехали на шоссе. Просторные сани с хорошей полостью, запряженные парой коней, быстро скользили по ровной дороге. Отец указал на темное пятно вдали и сказал, что это наше новое местожительство. Не прошло и 5–7-и мин, как лошади повернули влево, переехали мостик через шоссеиную канаву и подъехали к дому. Выскочив из саней, я быстро вбежал в дом и, поздоровавшись с денщиком отца, обошел все комнаты, рассматривая все по порядку. Дом уже был почти целиком меблирован, во всех 6-и комнатах горели лампы, кое-где были разостланы ковры и развешены картины.

На другой день был получен багаж, раскрыты все сундуки и чемоданы. Мы начали устраиваться...

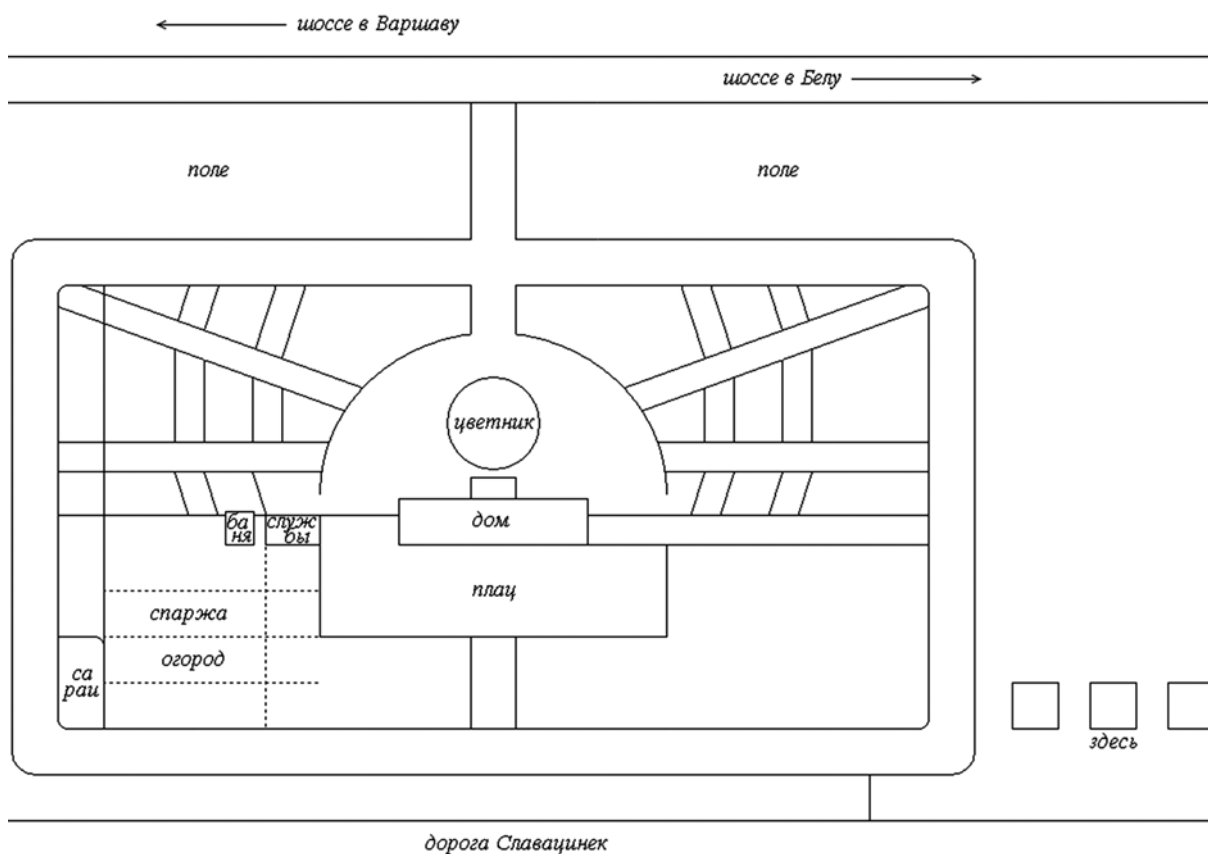
В день приезда я несколько раз выходил в сад.

Когда я после прогулки вернулся домой, все было неузнаваемо. Привезенным вещам были отысканы места, по стенам красовались вышитые ковры, панно и картины работы бабушки, и все остальное стояло на местах. Расстановка всех вещей происходила под наблюдением мамы, бабушка в своей комнате была занята приведением в рабочее состояние своих орудий производства — больших и малых пялец на дубовых подставках с особыми металлическими зубчатыми колесиками для равномерного натягивания канвы. Груды яркой шерсти всех цветов и оттенков лежали на разостланных простынях. Отец еще не возвращался со службы, и я прошел к нему в кабинет, где уже была зажжена лампа» [1, с. 8–9; 8, л. 122].

Благодаря хорошей памяти ученый через много лет смог воспроизвести планы дома и двора, которые хранятся в архиве РАН. Рассмотрим их.

Любопытно, что усадьба, где жили Чижевские под Белой, сохранилась и практически не изменилась. Именно поэтому с помощью карт из Интернета нам удалось установить, что вилла (фольварк) находится в селе Славацинек-Стары (Бяла-Подляская гмина, Бяльский повят, Люблинское воеводство, Польша), совсем рядом с городом Бяла-Подляска (быв. Бела), на карте мы обозначили примерные границы бывшей виллы.

Сначала рассмотрим фотографии Александра, сделанные в саду дома. Если на плане [8, л. 129об] А. Л. Чижевский схематично изобразил весь двор, то фотографии помогли нам «заглянуть» внутрь него. На них Шура изображен в гимназической форме. На первой фотографии он стоит в профиль на фоне деревьев и забора. Вторая фотография не менее интересна: на ней Шура в саду за столом занимается опытами. Судя по тому что уже относительно тепло (Шура относительно легко одет), но листья на деревьях нет, и в Польше более мягкий климат, чем в России, фотографии сделаны в середине осени или весны. Судя по всему, мальчику на них не более 12 лет. Ранее была известна только фотография, сделанная через несколько лет (когда семья переселилась в Калугу в 1913 г.), где Александр в своей физико-химической лаборатории. Вторая фотография показывает, что Шура начал заниматься опытами намного раньше, и приборы были у него еще в Беле, но оформленной лаборатории у мальчика еще не было. Обратимся к воспоминаниям

План двора дома Чижевских в с. Славацинец-Стары (по рисунку А. Л. Чижевского)

Современный план двора дома Чижевских в с. Славацинец-Стары

Шура в возрасте 11–12 лет во дворе дома в д. Славацинек-Стары

А. Л. Чижевского о тех годах: «В детстве я собирал марки, затем занимался нумизматикой и, наконец, перешел к собиранию книг и научных фактов... Я “зарабатывал” деньги, у бабушки и мамы за хорошо выученные уроки и стихи и приобретал книги, химические реактивы и всякого рода механические игрушки, чтобы переделывать их на свои “изобретения”...» [10, с. 85; 1, с. 9]. Воспоминания ученого помогли нам «раскрасить» эти фотографии: «1 августа 1907 года я в первый раз пошел на уроки в гимназию... Накануне первого дня занятий я уже был облачен в гимназическую форму, принятую в Беле: черные длинные брюки и черная суконная рубашка со светлыми пуговицами, серое пальто с синими петлицами и белым кантом вокруг них, синюю форменную фуражку с белым кантом и серебряным гербом, состоящим из лавровых веток с двумя буквами

План дома Чижевских в с. Славацинек-Стары (по рисунку А. Л. Чижевского)

“Б. Г.” посередине. Туго накрахмаленный воротничок немного вылезал из-под стоячего воротника форменной рубашки. В парадных случаях полагался длинный однобортный мундир с пуговицами посередине, сшитый в талию, с широким серебряным галуном на высоком воротнике» [1, с. 11].

Теперь рассмотрим дом, где жили Чижевские. В книге воспоминаний ученый нарисовал его план [8, л. 125об]. Вернемся к предыдущей фотографии из фильма, которая показывает его внутреннюю обстановку.

Подпись указывает всех снявшихся на ней: «Слева направо: полковник Аркадий Васильевич Чижевский, Александр Иванович Лесли, Шура Чижевский, Ольга Васильевна Лесли-Чижевская, Елизавета Семеновна Чижевская. 1910. г. Бела (Бяла-Подляска)». Взрослые, сидя за столом, заняты игрой в карты, на заднем плане Шура читает книгу, стоя у печки. Эта фотография ценна тем, что на ней изображена бабушка ученого Елизавета Семеновна в последние дни своей жизни. Вот как вспоминал ученый о своей бабушке: «Мать моего отца, моя бабушка Елизавета Семеновна, с которой бок о бок я прожил первые 12 лет моей жизни (1897–1910), которая была моим первым учителем и воспитателем. Бабушка моя, скончавшаяся, можно сказать, на моих руках в 1910 году в г. Бела Седлецкой губернии (ныне Бяла-Подляска), где стояла артиллерийская часть моего отца, имела прекрасный, незлобивый, отзывчивый характер, унаследованный от Нахимовых, — она была двоюродной племянницей знаменитого адмирала П. С. Нахимова» [8, л. 123]. То есть из воспоминаний получается, что бабушка умерла, когда будущему ученому еще не исполнилось 13-и лет, то есть в самом начале 1910 г.

Привлекает внимание и еще один персонаж этой фотографии — Александр Иванович Лесли — пасынок Ольги Васильевны, сын ее бывшего мужа Ивана Александровича Лесли от первого брака. Вот как вспоминает о нем Александр Леонидович: «У Ивана Александровича был малолетний сын Саша — впоследствии большой друг нашей семьи, преданнейший всем сердцем нам человек. Александр Иванович, который впоследствии окончил юридический факультет Московского университета, часто гостевал у нас и стал моим старшим другом. Он умер в Москве во время II Мировой войны» [9, тетрадь 2]. Как выглядел Александр Иванович, до этого было неизвестно, и фотография дала ответ на этот вопрос.

Вот как описывает обстановку дома после переезда сюда семьи ученый:

«На моем письменном столе появились любимые вещи — роговая чернильница, подставка для ручек и карандашей, портреты бабушки и дедушки, томики Лермонтова и Пушкина, детские

Семья Чижевских-Лесли в доме в с. Славацинец-Стары

антологии стихов Гете, Гейне, Байрона, Гюго и стопки красных с золотым обрезом книжек «Bibliothèque rose». На самой верхней полке этажерки был помещен большой глобус. Пониже лежали учебники — Ветхий и Новый завет, 4 грамматики — русская, французская, немецкая и английская, хрестоматия на 4-х языках, арифметика Евтушевского, русская история Остроградского, популярная астрономия Фламариона, популярная физика и ряд других книг, среди которых «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Робинзон Крузо», повести Диккенса, полное собрание сочинений Жюль Верна, Дюма-отца, Фенимора Купера и многие другие.

Как я любил мои книги, как берег их и заботился об их сохранности! С отцом я состязался в числе приобретаемых книг. Но в то время как книги я любовно хранил, делая им обложки, все прочее горело в моих руках.

И моя детская библиотека насчитывала несколько десятков переплетенных томов со стихами на русском, французском и немецком языках.

К 10-летнему возрасту я перечел всех классиков фантастики на русском и французском языках и лирику великих поэтов, умело подобранную в детских антологиях. Многие из моих детских книг сохранялись у меня в Москве, несмотря на всевозможные перипетии жизни...

Первое, что мне бросилось в глаза, это мой беленький письменный стол с чернильными пятнами посередине, который стоял близ отцовского письменного стола, большого, со многими ящичками. «Значит — подумал я, — мы будем вместе, я — учиться, папа — работать!» Это было для меня приятной новостью и льстило моему самолюбию: детская комната была упразднена — раз и навсегда. Я подошел к своему столику, поправил сместившиеся при переноске вещи и книги стихов в красивых переплетах и самодовольно, засунув руки в карманы, пошел дальше.

Комнаты бабушки и мамы и по размерам, и по убранству были одинаковы и весьма скромны: кровать, зеркало, гардероб и, кажется, больше ничего. В красных углах комнат были размещены большие и малые образа в золотых и серебряных окладах, старого письма, с прикрепленными к ним четками» [1, с. 8–10; 8, л. 103, 132–133].

Поэтому не случайно на заднем плане фотографии Шура стоит с книгой: фотографии в окружении книг или с книгами еще не раз будут встречаться уже в сознательном возрасте.

Фотография указывает и на то, что Леонида Васильевича перевели на следующее место службы — в крепость Зегрж близ Варшавы (ныне — Зегже) в 1-й половине 1910 г., так как из автобиографии ученого это было неизвестно. Он писал: «Успешно перейдя в 3-й класс, я принужден был покинуть гимназию вследствие назначения моего отца в крепость Зегрж, близ Варшавы» [3, л. 3–3 об.], так как 3 класс — это 1909/10 учебный год.

Последняя неизвестная ранее фотография А. Л. Чижевского из представленных в фильме, относится к периоду его заключения.

Одна фотография, где А. Л. Чижевский с бородой в профиль, хорошо известная и представлена в экспозиции его дома-музея [11]. Сразу видно, что эта фотография, очевидно, из его личного дела. Но тогда к ней должна быть в паре фотография, сделанная в анфас. В фильме как раз дана эта фотография — «парная» к фотографии в профиль, так как ученый на ней изображен в то же одежде (белая рубашка), в той же прической и в том же виде (борода, темное лицо).

В результате изучения и анализа архивных источников и литературы нам удалось:

1) уточнить дату и место съемки некоторых известных ранее фотографий;

Заключенный А. Л. Чижевский.
Фотография из личного дела (?)

- 2) найти неизвестные ранее фотографии А. Л. Чижевского и его родственников и соотнести их с воспоминаниями ученого;
- 3) при этом установить как выглядел А. И. Лесли — пасынок его тети О. В. Чижевской-Лесли;
- 4) найти планы дома и виллы в пригороде Бялы-Подляски (Люблинское воеводство, Польша), нарисованные ученым;
- 5) по фотографиям представить часть внутренней обстановки дома и двора;
- 6) по нарисованному плану фольварка (виллы) и по картам из Интернета найти современное ее месторасположение в селе Славацинец-Стары около Бялы-Подляски;
- 7) по фотографии уточнить дату перевода Л. В. Чижевского из Белы в крепость Зегрж (1-я половина 1910 г.);
- 8) по фотографии и воспоминаниям А. Л. Чижевского уточнить дату смерти его бабушки — Е. С. Чижевской (ур. Облачинской) — начало 1910 г.;
- 9) найти «парную» фотографию в анфас к фотографии в профиль из личного дела заключенного А. Л. Чижевского.

В заключение хотим сказать следующее. Создателей фильма нам найти не удалось, поэтому мы не знаем, где находятся рассматриваемые нами фотографии, что представляет большую трудность. Мы только можем предположить, что они хранятся в архиве у А. Л. и Д. Л. Головановых, так как у родственников (А. А. Арефьев, М. И. Смирнова) их нет и они о них впервые узнали от нас.

Библиографический список

1. *Чижевский А. Л.* Вся жизнь. — М.: Сов. Россия, 1974. — (Серия «Годы и люди»).
2. *Чижевский А. Л.* «В науке я прослыл поэтом» (Сб. стихов) / сост. Л. Т. Энгельгардт. — Калуга: Золотая аллея, 1996.
3. ЦИАМ. Ф. 417. Оп. 29. Ед. хр. 443.
4. Дом-музей А. Л. Чижевского / сост. В. Байдин, А. Манакин, Л. Энгельгардт. — М.: Добрая мысль, 2015.
5. ФГУ «Государственный фонд телевизионных и радиопрограмм». Под взглядом вечности... — Свердловск: телефильм, 1990.
6. *Экк Р.* Детская мода конца XIX — начала XX века. — URL: <http://www.liveinternet.ru/users/masyanova/post111645436>.
7. *Тарасова И.* Детская мода 20 века. Идеи для вдохновения. — URL: <http://babiki.ru/blog/kulturnoe-nasledie/74061.html>.
8. Архив РАН. Фонд 1703. Оп. 1. Ед. хр. 228.
9. Архив РАН. Фонд 1703. Оп. 1. Ед. хр. 241.
10. *Чижевский А. Л.* На берегу Вселенной: годы дружбы с Циолковским. — М.: Мысль, 1995.
11. CD-диск «Дом-музей А. Л. Чижевского: Путеводитель» / сост. В. Байдин, А. Манакин, Л. Энгельгардт. — Калуга: ГМИК им. К. Э. Циолковского, 2016.

РУССКАЯ ПРИРОДА В ПОЭЗИИ К. РОМАНОВА

А. П. Черников,

доктор филологических наук, профессор (г. Калуга)

Великий князь К. К. Романов (1858–1915), внук царя Николая I, племянник Александра II, двоюродный дядя последнего российского императора Николая II, был незаурядным поэтом. Его лирика многопланова и многогранна. Одна из важнейших ее тем — художественное изображение природы.

Тема природы щедро представлена в творчестве едва ли не каждого поэта, но каждый из них видит ее по-своему и по-своему изображает.

Окрестности Павловска, Орианды, Стрельны, Осташева, старинные парки, яркие краски юга, неброская красота природы Средней полосы России — все это оказывается сопричастным лирическому чувству и памяти К. Р., его «я», которые присутствуют в каждом его стихотворении.

Для лирики Константина Романова, как и для всей русской поэзии, характерна неразрывная связь темы родины с темой родной природы. Родина — исходная точка его масштабного пейзажного мышления. Объехавший многие страны Константин Романов был всем сердцем привязан к родной земле. Любовно изображенные в его поэзии картины природы предстают как символы России, которая:

Сулит вместо лавров из роз
Милых ландышей цвет непорочный
И душистую свежесть берез.

Россия для его лирического героя — это прежде всего родной ландшафт. Душа его живет в полном согласии с природой. Она для него — самое большое счастье, дарованное человеку свыше. Не случайно образы неба, звезд трактуются поэтом как спасительный идеал. Природа понята и изображена во многих стихотворениях Константина Романова как естественное, «чувственное» откровение.

О характере пейзажной лирики Константина Романова дает наглядное представление созданный в конце XIX — начале XX века цикл «Времена года». Все стихотворения цикла построены на метафоре и символике. «Цветущая весна» — это пора обновления жизни, время расцвета юности, любви и творческого вдохновения. Лето — «праздник красоты» — период зрелости в природе, созревания плодов, взросления человека, серьезности и весомости его дел. Осень — «к зиме от лета переход», «краткая пора увядания» и природы, и человека. Зима — «сон природы» и человеческой жизни, наступление его старости. Параллелизм в изображении человека и природы — характерная черта поэзии Константина Романова, который нередко является основой конструктивного принципа построения.

Константина Романова не случайно называют «поэтом весны» — утра жизни. Пробуждение природы в его поэзии — это и символ пробуждения и преображения души лирического героя: «Задремавшему душою, / Пора очнуться ото сна». Весна в его произведениях олицетворяется, превращаясь в юное, любимое существо:

Душа нетерпеньем полна,
Я жду твоего поцелуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна.

(«Мне снилось»)

Смена времен года определяется в его поэзии сменой красок и запахов. Константин Романов — один из немногих русских поэтов с богатейшей флористикой. В его поэтический космос полноправными и живописными образами входят многие деревья, кустарники, цветы. Береза, дуб, ель, липа, тополь, клен, вяз, яблоня, черемуха, акация, рябина, жасмин, жимолость, смородина, малина, шиповник, сирень, ландыши, васильки, незабудки, розы, пионы, гвоздики, лилии, астры, маки, георгины живут, цветут, источают запахи на страницах его произведений, вызывая положительные эмоции у лирического героя и придавая светлый, мажорный тон повествованию. Зоркий глаз лирического героя фиксирует изменения в природе:

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манит кистями.

.....
Смотри: гнутся ветви, все в пышном цвету
Как обильны они и пушисты.

Образ сирени, один из излюбленных пейзажных образов К. Р., интересен своими мифологическими, литературными, типологическими ассоциациями, разнообразием семантических смыслов.

Происхождение слова «сирень» связано с древнегреческим мифом. Бог Пан, влюбившись в юную нимфу Сиренгу, безуспешно преследовал ее, пытаясь объяснить. Боязливая нимфа, добежав до реки, попросила ее о помощи, и та превратила Сиренгу в тростник, из которого безутешный Пан сделал себе свирель. В дальнейшем свирели стали делать в основном из мягкой

древесины сирени. Так этот кустарник оказался соотношенным с именем нимфы, чье сердце так и не было разбужено для любви.

Любовь, начавшись с ветки сирени, не может принести счастья. С такой семантикой этот образ вошел в сознание многих народов. На востоке сирень — это символ расставания. Аналогичное восприятие сирени характерно для западноевропейской культуры. В Англии, например, жениху, с которым девушка не захотела связать свою судьбу, посылалась ветка сирени.

Образ сирени весьма популярен в русской поэзии Серебряного века. Но у многих поэтов он обретает различные смысловые значения и обертона. У И. Анненского, например, сирень почти всегда символ тоски и печали («Дремотность»). У А. Ахматовой сирень связана со смертью, с кладбищем, с неизбежностью расставания. У Н. Гумилева белая сирень символизирует грусть и тоску неразделенной любви.

В поэзии К. Романова и И. Северянина мифологема «сирень» осмыслена в традициях русских народных лирических песен. Сирень в их произведениях — символ расцвета жизни, радости, любви, душевного подъема. «Скорей! Наглядимся на эту сирень, / И уьемся ее ароматом», — топчит лирический герой свою спутницу, приглашая ее на этот праздник жизни («Сирень»).

Важное место в художественной флористике поэта принадлежит также черемухе:

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные,
Задремали деревья... Листы как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.
(«Распустилась черемуха в нашем саду...»)

А рядом с цветущими сиренью и черемухой в России всегда — соловьи. 8 июня 1888 года в Красном Селе написано стихотворение «Вчера соловьи...»:

Вчера соловьи голосистые
Запели порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во сне меж собой.

Запахи только что развернувшихся тополиных листьев, ночное пение соловья, «кудри берез», шорохи и звуки теплого вечернего сада — все это воспринимает душа поэта и умело передает читателю:

О, вешняя ночь благовонная!
Я понял волшебный твой свет:
Земля, в это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвет.

Любопытна не только цветовая, но и звуковая символика произведений Константина Романова. Юность в его изображении — это пенье соловья, шум крыльев ласточек, зрелость — «заливная песня» жаворонка, старость — «прощальный отлет журавлей», а также «зловещий ворон в близне хрустальной / И лунный свет, и глушь, и немота...».

Поэтика цвета, запаха, звука, нередко их синэстезия в произведениях Константина Романова предвосхищает творческие искания поэтов-символистов.

«Весна», «Сирень», «Черемуха», «Ландыши», «Соловей», «Жаворонок» — основные архетипы стихотворений Константина Романова о природе. Они выполняют примерно ту же функцию, что и образ «вишневого сада» у Чехова, т.е. счастья, надежды, гармонии. Лирический герой его стихотворений погружен в этот природный мир, вбирает в себя его богатство и красоту, черпает вдохновение. О связующей природу и поэзию гармонии Константин Романов говорит во многих стихотворениях:

Дышу черемухи дыханьем,
Внимаю жадно соловью.
Весь отдаюсь весны лобзаньям
И — очарованный — пою.
(«Опять томит очарованьем...»)

В природе поэт находит самый глубокий и чистый источник своего вдохновения. Поэзия, был убежден Константин Романов, это второе «я» природы, ответ на ее потребность обрести язык. Его «лирический роман» с русской природой нежен, искренен и светел. Еще Г. Державин находил вдохновляющий урок своей поэзии в пении соловья, обращался к нему с ученической благодарностью. Образ соловьиного пения неоднократно возникает у А. Фета. Этой же традиции следует и Константин Романов. Он всегда готов учиться у соловья, благодарно обращаясь к нему с важнейшей для него просьбой:

Учи меня, соловушка,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму, —

пишет он в стихотворении «Повеяло черемухой» (1884), близком фольклорной традиции. Прежде всего соловью, черемухе, сирени суждено было сыграть главную «лирическую партию» в пейзажной лирике Константина Романова.

Как уже было сказано, любимые времена года для Константина Романова — весна и лето. Однако и зима в его произведениях не только «пора безотрадная», «стужа и тьма». Она по-своему красива, неповторима в своей белизне и тишине лесов, полей, рек. Зима — отдохновение природы от трудов. В это время года и человек должен притормозить свой жизненный бег, дать душе отдохновение от забот и трудов. Эта мысль звучит в его стихотворении 1906 года «Зимой»:

Как хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Как спят сугробы, пруд, береза...

Характеристика зимнего пейзажа в этом стихотворении романтически-приподнятая: «о, тишина», «о, белизна», «о, чистота», «о, красота». Лирический герой стихотворения призывает читателя понять, прочувствовать именно этот глубокий смысл зимнего времени года, необходимость его прихода на землю:

Сумей понять
Природы строгое бесстрашие:
В нем — благодать,
Земное истинное счастье.

Вера в беспредельность жизни природы и возможность гармонического слияния с нею человека — характерная черта многих натурфилософских стихотворений Константина Романова. Являясь их философской основой, эта вера придает его произведениям светлое, умиротворяющее звучание.

Цветение жизни, ее красота и ее движение являются содержанием искусства. Тайна искусства в том и состоит, что оно показывает красоту жизни, ее динамику и придает прекрасному мгновению бытия статус вечности.

Большинство пейзажных стихотворений Константина Романова посвящено изображению дня. Но у него есть и целый цикл «Сонеты к Ночи», в котором воспевается красота летних ночей. В отличие, например, от Ф. Тютчева, перу которого принадлежат 10 стихотворений о ночной поре, у Константина Романова нет трагической антиномии «дня» и «ночи» в природе и человеческой душе. Ночь для Константина Романова — отдохновение от дневной работы («за день труда награда»), возможность созерцания Божьего мира, его таинственной силы и красоты («Люблю, о ночь, я погружаться взором/ В безоблачность небесной глубины»), чарующая тайна бытия, облагораживающая душу человека («Дай от тебя, о ночь, мне научиться/ Средь дольней тьмы душою становиться,/ Как ты сама, все чище и светлей!»), символ вечности. Ночь, как и день, и весна возведена поэтом в ранг вечного проявления сущности живой жизни, предстающей не только взору, но и мысли.

23 июля 1890 года в Красном Селе под Петербургом им было создано стихотворение «Что за краса в ночи благоуханной...»:

Что за краса в ночи благоуханной!
 Мечтательно ласкает лунный свет
 Небесный свод, как ризой златотканой,
 Огнями звезд бесчисленных одет, —

такой воспринимает поэт летнюю ночь. Сравнение небесного свода с златотканой ризой, равно как и религиозная лексика — *молитва, свеча, храм, икона, колокольня* и др. — создают в поэзии Константина Романова основной колорит, контекст духовности. Автор хочет, чтобы его душа была так же божественно чиста, как эта ночь: «Я пред тобой опять благоговею/ Как эта ночь, будь, о душа, чиста!»

Образ ночи в стихотворении поэта «украшен» великолепными эпитетами. Она «благоуханна», «светлая», «прозрачно-голубая», «чарующая» и т.п., она одевает небесный свод «ризой златотканой». Будучи глубоко православным человеком, К. Романов воспринимает и эту часть суток светло и гармонично. Красота лунной ночи врачует его душу. «Тайною меня обвеяв чудной,/ Дай отдохнуть от жизни многотрудной/ И в сердце мир и тишину вдохни», — обращается лирический герой к ночи в стихотворении «Она плывет неслышно над землею...». Ночь для него — всегда загадочная тайна, и как всякая тайна, она притягательна, заманчиво красива, дорога: «Гляжу, с тебя очей не отрывая,/ Лицом к лицу пред тайною твоей», ей он готов слагать свои песни:

Тебе, о ночь, тебе, царице светозарной,
 С восторгом радости, с молитвой благодарной
 Я умиленную душою отдаюсь!
 («Нет, не туда, о ночь...»)

Все эти стихотворения содержат важную мысль: в подлинно христианском мироощущении не может быть места тоске и унынию, апологии тьмы. «Бог есть свет» (I ИН. 1, 5).

Весьма весом в пейзажном мире К. Р. образ моря и водной стихии. Плавая в юношеские годы гардемарин по морям России, Константин Романов навсегда полюбил ее водные просторы. Моря, реки, озера неоднократно воспеты им в стихотворениях. Даже пустынные песчаные берега Балтийского моря вызывают у него восхищение, привлекают взор. Он с наслаждением любит «обаяньем волн в морской дали», «могучею ширью безбрежного моря»:

Сладко взором тонуть в глубине голубой,
 Вольно дышится, мир забываешь земной,
 Исчезает мгновенное горе,
 Как та чайка в лазурном просторе.

Еще более притягателен в стихотворениях Константина Романова «лазорево́ый простор» Черного моря:

Неописуемое море
 Лицом к лицу перед тобой,
 Пред этой дивной красотой
 Не всякое ль забудешь горе!
 («В Крым»)

Такое восприятие моря отлично от аналогичного образа в поэзии А. Фета, у которого «за соснами.../ Стоит бесстрастное, безжалостное море» (стихотворение «Старый парк»). Образ водной стихии у Константина Романова всегда привлекателен. В стихотворении «У озера» он восклицает: «Озеро светлое, озеро чистое,/ Гладь, тишина и покой!».

В своем поэтическом видении мира К. Р., как правило, идет от предмета или явления к их раскрытию, выявлению. Он стремится облечь в художественную форму уже сложившиеся или складывающиеся мысли, чувства, впечатления. Именно так построено стихотворение «У озера». Здесь, у озерной водной глади, лирический герой ищет забвения от жизненных забот, суеты и треволнений:

Уставший сын земли, в дни суетных забот,
 Средь мелочных обид и светского волненья,
 У озера в лесу ищу уединенья.
 Не налюбуйся прозрачной гладью вод.

Здесь ярче красота природы, чище краски земли и неба. Глубину небес, румянец зари, воздушность облаков — все видит поэт и, любуясь прекрасной природой, становится чище душой, ощущает свою близость к Небу: «Здесь... / К далеким небесам как будто ближе я».

Страстно влюбленный в красоты родной земли, поэт Константин Романов воспринимает природу в цвете, звуках, аромате, видит ее живой, чувствующей, одухотворенной. Это делает его пейзажную лирику такой зримой, что многие его стихотворения хочется превратить в картину живописца:

Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И, словно очи голубые,
Во ржи сияли васильки.
(«Летом»)

Пред ликом природы лирическому герою хочется стать «душою чище и светлей». Мысли об облагораживающем, очищающем, одухотворяющем воздействии природы на человека пронизывают многие стихотворения К. Романова. Поэт словно говорит нам: оторвитесь хотя бы на минутку от повседневной суеты, посмотрите вокруг, вслушайтесь в шелест травы и цветов, в песни ветра, в голос речных и морских волн, всмотритесь в звездное небо. И перед вами откроется Божий мир в его сложности и непреходящей прелести — прекрасный и хрупкий мир жизни, который надо беречь и любить.

Картины всемогущей, бодрящей, прекрасной природы представлены в произведениях Константина Романова очень рельефно и выразительно. Мелодика многих его произведений богата и неповторима. Его художественный космос объединен всепроникающим дыханием жизни как надежды, как благоухания, подъемом душевных сил.

Константин Романов и в природе, и в жизни человека явно предпочитал спокойствие, ясность, гармонию, свет. Это поэт непосредственного и простого чувства, предельно внимательный к природе, влюбленный в нее и ищущий гармонии в душах близких ему людей. Летом 1829 года в Красном Селе им было создано маленькое, всего в два четверостишия, стихотворение «Умолкли рыдания...»:

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась.
Опять выплывает луна из-под тучи,
Над гладью морской тишины разлилась.

Свет, тишина, гармония в природе победили бурю и шторм. С помощью приемов антитезы и сопоставления поэт переходит затем к изображению бури в душе человека, которая тоже должна быть, как и в природе, побеждена:

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден ненасытный недруг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух.

Как бессмертная птица феникс восстает из пепла, так и душа человека, все победив, воскресает; снова радуется и торжествует. Гармония, свет, доброе начало всегда побеждают и в природе, и в человеческой душе — в эту истину свято верил поэт, эту веру он стремился передать своему читателю. Такая поэзия учит радоваться жизни, верить в нее, видеть и ценить красоту природы и человеческой души.

С годами в стихотворениях Константина Романова, посвященных природе, все усиливаются, нарастают ноты философских размышлений о смысле жизни, счастья, предчувствии смерти. В стихотворении «Ландыши», датированном 3-м июля 1909 года, о цветах речь идет лишь в первой строфе. Ландыши отцвели — юность ушла. Поэт, как это позже будет делать С. Есенин, подводит итог прожитому:

Много счастья изведено в жизни прекрасной,
 Мне не знать уж весны впереди.
 Он с грустью осознает:
 Призрак старости манит рукою холодной —
 Юным дням повторениям нет.

Порою лирический герой готов покинуть землю, чтобы в «стране обетованной» среди звезд, луны, небесной красоты обрести вечный покой. Но эти мысли недолго тревожат его душу:

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
 Больная грудь сжимается порою,
 Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!
 («Что за краса в ночи благоуханной...»)

Находить счастье в общении с природой, любить окружающий мир — как это важно для человека во все времена и при всех условиях. Не роптать на мир, отнимая у себя радость жизни, а любить все сущее — вечная проблема бытия. В стихотворении «О, как люблю я сад тенистый...» (1893) воссоздан образ сада с его деревьями, цветами, птицами. Лирический герой не скрывает своей радости от лицезрения этого милого его сердцу уголка природы:

Как я им рад, певцам крылатым неба...
 А вы, питомцы северного лета цветы мои...
 О, милый сад, приют отдохновенья.

В стихотворении «Бывают светлые мгновенья...» лирический герой, окинув взором родной пейзаж, признается:

О, если б воедино слиться
 С цветком и птицею, и всей землей,
 И с ними, как они молиться
 Одной мольбой.

Степень пантеистического растворения человека в природе выражено в стихотворениях Константина Романова не только как пожелание, но и как захватывающее и пронзительное чувство достигнутого и реализованного единства: «Дышу черемухи дыханьем,/ Внимаю жадно соловью./ Весь отдаюсь весны лобзаньям/ И — очарованный — пою».

Многие стихотворения Константина Романова — «Я посетил родное поместье», «В Крым», «Из Крыма», «Орианда», «Осташево» и другие — посвящены описанию родных «пенатов». Их можно отнести к так называемой «усадебной лирике». В этих произведениях слышны отголоски элегических стихотворений Пушкина, и особенно, А. К. Толстого, написанных ими в момент посещения родных мест после многих лет разлуки. В стихотворении К. Р. «Орианда» (1908) пейзаж, подобно усадебным стихотворениям А. К. Толстого «Ты помнишь ли, Мария...», «Пустой дом» и другим выдержан в элегической тональности: «разрушенный родительский очаг», «обрушился балкон», «фонтан разбит». Но минорное настроение лирического героя преодолевается лицезрением красоты природы:

Но этот край так полн очарованья.
 И суждено природе здесь вдохнуть
 Так много прелести в свои созданья,
 Что перед этой дивною красой
 Смирился я плененною душой.

Рассказав о разрушенном, заброшенном доме, сопровождая эти описания чувством грусти, поэт в конце стихотворения переносит взгляд на окружающую природу. Она-то и возрождает лирического героя к жизни. А уже в следующем стихотворении этой тематики — «Осташево» (1910) восприятие поэтом «родного очага» светло и оптимистично. Здесь «тишина и отдых и уют», здесь ждет его «пленительный, любимый/ За письменным столом вседневный труд».

Стихотворения «В Крым» (1911) и «Из Крыма» (1911) — характерные образцы реалистического переосмысления традиционно-романтического для русской поэзии темы юга. Насладясь

красотой южной природы, лирический герой спешит «в край родной», где «душистая свежесть берез». Любимый с детства ландшафт Центральной России, «милый дом», «наш садик тенистый», «фонтан неугомонный», «пышные пионы», «тополя листья душистые», «побеги роз», горящая на столе свеча («Свеча горела на столе») — образ, позаимствованный позднее у Константина Романова Борисом Пастернаком, — все радует взор лирического героя, наполняет его сердце любовью и счастьем. И читатель понимает: это не только и не просто описание красот природы. Это мудрые размышления-медитации человека о единении с родной землей, о врачующей его душу силе природы. Умение точно, зримо, лаконично описать увиденное, пережитое, делает пейзажную лирику Константина Романова неповторимой по силе впечатления. И поскольку все эти образы проникнуты сильным и искренним чувством автора, то читателю невозможно не сопереживать. Цель поэзии достигнута, наши сердце и разум начинают вспоминать свой «уголок природы», где прошли детство, юность, и душа наполняется любовью к родной земле. Лексема «любовь» — ключевое при обрисовке внутреннего состояния лирического героя. «Люблю забраться в лес», «люблю присесть намхом обросший пенек», «люблю тебя, приют уединенный» и т.п. — так воспринимает он окружающий тварный мир и помогает воскреснуть и окрепнуть нашим чувствам.

Константин Романов воссоздавал природу не только Крыма и окрестностей северной столицы. Калужская земля тоже была им запечатлена: 1 октября 1901 года близ Оптиной пустыни им было написано стихотворение «Последней стаи журавлей...», которое по силе чувств, яркости образов, по классической простоте тропики и синтаксических средств можно сопоставить с лучшими стихотворениями об осени А. Пушкина или С. Есенина:

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

Признаком осени возникает здесь образ улетающих журавлей, весьма устойчивый символ, который будет не раз использован поэтами XX столетия.

Словно первые хрупкие льдинки тихонько звенят здесь аллитерации «с», «з», «л», а им печально вторят ассонансы «я», «е», «и»:

Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты нивы.
Роня листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.

Очень многое видит поэт вокруг себя, многое он знает о смене времен года и умеет художественно воплощать это:

В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
Зима, зима ползет неслышно.

От созерцания осенней увядающей природы поэт обращает взор к душе человека, к метафизическим размышлениям о жизни и смерти:

Как знать... Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б радостным челом
Отдаться в руки ей без бою;
И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной,
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой!

Прием параллелизма используется здесь для воплощения мысли о том, что предстоит каждому из людей. Но в душе лирического героя звучит мольба о том, чтобы это неизбежное, как и в природе, прошло без боли и страданий.

Картины русской природы, запечатленные в поэзии Константина Романова, далеки от какой бы то ни была эмоциональной однотонности. Здесь и радость, и печаль, и любовь, и смирение — все то чем живет душа человека, готовясь умереть, а затем воскреснуть в мире горнем.

Константин Романов виртуозно владел стихотворным ритмом, умел нарисовать яркую пейзажную картину, но отнюдь не статичную. Мир природы в его произведениях всегда живой, одухотворенный:

Кусты смородины кивали
Кистями спелых ягод нам,
И грустно астры доцветали,
В траве пестря здесь и там.
Между акаций и малины
Цвел мак махровый над прудом,
И горделиво георгины
Качались в сумраке ночном.
(«Смеркалось, мы в саду сидели...»)

Олицетворение — излюбленный троп в арсенале художественных средств Константина Романова: «кусты смородины кивали», «гляделись звезды золотые», «грустят цветы в саду печальном» — этими и подобными образами густо насыщена его поэзия. И даже эпитет «печальный» в применении к предмету «сад» — тоже олицетворен и метафоризован: сад стал одушевленным существом, которое способно испытывать печаль. Природа одушевлена, очеловечена, поэтому она становится читателю ближе и понятнее. Таковы же словосочетания типа «задумчивые ели хоронят прежнюю красу», «метель спугнула стаю птиц», «ветвей объятья нас от зноя листвою душистой защитят» и др.

Художественное мастерство Константина Романова неоспоримо. Насыщенные цветовыми оттенками эпитеты помогают создать у читателя зримый, запоминающийся образ: «белоснежные чашечки лилий», «с алым маком цветут васильки», «рой пчел золотистый», «долины лиловым вереском полны», «уж листья желтые видны».

Олицетворения и эпитеты в стихотворениях Константина Романова изысканны, зримы. Он стремится к тому, чтобы читатель «увидел», представил тот образ природы, который автор создает в своем стихотворении. Вот обращение поэта к морю в стихотворении «Из Крыма»:

Необъятное южное море,
Млея в золоте жарких лучей,
Ты надолго сокроешься вскоре,
Из плененных тобою очей.

Читателю, конечно же, даже по этому изящному, стройному четверостишию нетрудно представить необъятное море, млеющее в лучах солнца.

Работа Константина Романова со словом, с его смысловыми возможностями — одна из сильных сторон его поэтического мастерства.

Значение Константина Романова в истории русской художественной пейзажистике состоит в том, что он соединил освоенные его предшественниками мотивы в довольно стройную систему национального поэтического восприятия природы как неотъемлемой части тварного мира.

Библиографический список

1. Жаплова Т. М. Усадебный мир лирики К. Р. // Филологические науки. 2005. № 1. С 25–36.
2. Кузьмина Л. И. Августейший поэт. СПб., 1995. 64 с.
3. Матонина Э., Говорушко Э. К. Р. М., 2010. 670 с. (Серия «ЖЗЛ»).
4. Моцардо В. И. Великий князь К. К. Романов. Самара, 2005. 400 с.
5. Сборник памяти великого князя Константина Константиновича. Париж, 1962. 162 с.

6. *Семенова Н.* «Знакомый благовест»: Константин Романов в Оптиной пустыни // От наших корней: Культура и искусство Калужского края. Калуга, 2003. С 355–367.
7. *Соболев В.* Августейший президент. СПб., 1993. 182 с.
8. *Черников А. П.* Поэт рода царского: Судьба и творчество Константина Романова. Калуга, 2011. 204 с.
9. *Чернышова-Мельник Н.* Баловень судьбы: История жизни К. Романова. М., 2008. 319 с.
10. *Шайдарова А. В.* Великий князь Константин Константинович как личность и как поэт // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000. С. 142–145.

ИСТОРИЯ И НАСТОЯЩЕЕ СЕМЕЙНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА ГЛИНЯНОЙ ИГРУШКИ ДЕРЕВНИ ХЛУДНЕВО

А. Г. Заборских,
народный мастер России;
Е. А. Коноплева,
народный мастер России

Деревня Хлуднево находится на юге Калужской области, и в конце XIX—начале XX в. по своим размерам это было крупное селение. Большая часть населения деревни была занята промысловой деятельностью, что снимало социальное напряжение, вызываемое малоземельем, характерное для калужских деревень начала XX в. Из глины, добываемой в д. Хлуднево, с давних времен выделывали глиняную посуду, производили кирпич для местных нужд [1]. Изготовление глиняной игрушки в деревне Хлуднево является составной частью гончарного промысла. Это типично крестьянский промысел, обладающий всеми его характерными признаками, использование местного природного сырья, ассортимент изделий, отвечающий требованиям местного рынка, наличие мастеров, владеющих технологическими и стилистическими традициями ремесла. Наблюдается непрерывность преемственности мастерства, проявляющая себя в рамках семьи и всего промысла [2]. Есть предположение, что зарождение промысла глиняной игрушки деревни Хлуднево связано с семьей Устиновых, проживавших на подворье № 117 в 1893 г. Эта фамилия — одна из старейших в деревне, встречается в исповедальной ведомости церкви села Которь Жиздринского уезда за 1828 г. Расцветом же деревни стало время, когда она вошла в Мальцовский аграрно-промышленный комплекс, и в 1859 г. уже была «деревня владельческая горного ведомства», в которой трудились гончары. Глину добывали в карьере, которая лежала под слоем добываемого здесь известняка и использовалась в гончарном ремесле в деревне, где гончары выделывали посуду для себя и на продажу. В семье гончаров Устиновых жила *Александра Яковлевна*, которая лепила свистульки. Она научила своему ремеслу дочку *Елену Дмитриевну* (в замужестве *Манушичева*) и внучку *Марию Васильевну* (в замужестве *Самошенкову*),

Дочь Устиновой — Елена Манушичева

Игрушки Елены Манушичевой

Анастасию Федоровну Устинову (в замужестве Гаврикова). Елена Дмитриевна научила лепить свистульки своих дочерей: Татьяну Ивановну (в замужестве Бубнёва) и Марию Ивановну (в замужестве Алхимова), внучек Александры Яковлевны Устиновой. Ремесло Устиновых перешло к Анне Васильевне (в замужестве Студницкой), Татьяне Ивановне (в замужестве Роциной), Александру Ивановичу Бубнёву и его жене Валентине. Линия мастеров игрушечных дел Трифоновых пошла от Аграфены Максимовны, из семьи потомственных гончаров, ее невестки Татьяны

«Дерево». Работа Татьяны Бубнёвой

Внучка Устиновой — Татьяна Бубнёва

Работа Татьяны Рощиной

Правнучка Устиновой — Татьяна Рощина

Ивановны Копыловой (в замужестве *Трифоновой*). Когда Татьяна Борисовна в 1946 г. вышла замуж за Михаила Васильевича Трифонова (1917–2001), то стала помогать свекрови, Аграфене Максимовне, готовить глину для свистулек. Аграфена Максимовна лепила лишь маленькие свистульки без ножек — «лежачки», которые Татьяна Борисовна сдавала по заказу тряпичникам по три копейки за штуку или ходила продавать. Сама Татьяна Борисовна пока была жива свекровь, свистульки не лепила, но внимательно приглядывалась к ее работе. В 1975 г. Аграфены Максимовны не стало, ее дело продолжила *Татьяна Борисовна Аграфена Федоровна Трифонова* (девичья фамилия *Гаврикова*), ее невестка *Ксения Прокофьевна* (девичья фамилия *Манушичева*) научили своему мастерству сына Ксении Прокопьевны — *Виктора Трифонова*, его дочку *Татьяну*, а он — внука *Дениса*. У бабушки Аграфены Федоровны научилась лепить игрушку *Инесса* (в замужестве *Ахалова*). Обособленно стоит мастерица из семьи знаменитого гончара *Городничева* — *Татьяна Дмитриевна*, которая лепила лишь глиняные фигуры и очень редко свистки. Еще лепили в конце XX в. в семье *Тасенковых*, но мне не приходилось беседовать с ними.

Комплексная экспедиция специалистов Музея ремесла, архитектуры и быта выявила, что традиционная лепка глиняных игрушек в деревне Хлуднево до 2000 г. была чисто семейным делом, других учеников не было. Хотя в 1989 г. в деревню приезжала калужская художница Славинская и даже ночевала у М. В. Самошенконой,

Татьяна Трифонова

Сын Ксении Трифоновой — Виктор

Внучка Аграфены Трифоновой — Инна Ахалова

но у них возникли с Марией Васильевной разногласия, так как та не хотела, чтобы лепили без разрешения игрушки и обучали этому ремеслу в Калуге других людей. Вот тогда, после комплексной экспедиции 2000 г., в составе которой были я и моя жена Татьяна, и возник вопрос моего ученичества. Мне и моей семье повезло, сразу три мастерицы деревни Хлуднево, решили оформить мое ученичество официальными договорами через управление культуры райцентра Думиничи: Т. И. Бубнёва, Т. Б. Трифонова, Т. Д. Городничева стали моими наставницами и учителями.

Татьяна Заборских

Таким образом, я окончательно был принят в семью традиционных мастеров народного художественного промысла деревни Хлуднево. Моими учениками по лепке традиционной игрушки деревни Хлуднево стали: жена *Татьяна Заборских*, дочь *Елена* (в замужестве *Коноплева*), сын *Алексей*. Таким образом, система лепки традиционного семейного промысла глиняной игрушки не была нарушена, только *Виктор Трифонов*, его дочь и внук живут и лепят глиняные игрушки в Калуге. Остальные мастера промысла расположились в деревне Хлуднево и поселке Думиничи. В настоящее время восемь мастеров из семей *Бубнёвых*, *Трифоновых* и *Заборских* активно лепят игрушку, еще четверо из этих династий знают все тайны лепки и могут лепить свистульки.

Хлудневская свистулька представляет собой пустотелую дудочку-гудушник с фигуркой или без нее, от самого маленького до крупного

Александр Заборских со своей наставницей Татьяной Трифионовой

размера. Их можно подразделить в зависимости от способа изготовления полого объема игрушки: 1) пельмень, 2) большой пельмень.

Техника изготовления свистка в деревне Хлуднево отличается от техники изготовления свистков в Калуге и других мест Калужского края. Свистящие игрушки лепятся на пальцах рук, формируя лепешку, которая сворачивается, как «пельмень». Эта техника изготовления характерна для глиняной свистульки деревни Хлуднево. Для изготовления свистка «пельмень» берется кусочек глины и катается шарик. Глиняный шарик на ладонке левой руки превращается в лепешку определенной толщины. На расстоянии 3–4 мм от края лепешки, на равном расстоянии с обеих сторон, кладется глиняный катышек (сосочек) длиной примерно 1 см, по толщине — чуть меньше. Правой рукой с двух сторон вокруг катышка формируется округлый цилиндр для свистка, и указательный палец левой руки упирается во внутренний край цилиндра. Правая рука формирует вокруг указательного пальца покое пространство для свистка, которое выравнивается, а «пузечко» выглаживается большим пальцем с середины к краям. Игрушки в деревне Хлуднево лепили не из гончарной, а из «свиристковой» глины, которая быстрее отвердевала. После того как свистулька отвердеет, «он хряснет», срезали носик и «спицей» прокалывали в хвостовой части гудушника-«куржупке» отверстие. Спица представляет из себя деревянную палочку, у которой один конец заостренный, а другой в виде узкой лопаточки, чтобы отверстие прокалывать. «Свиристковая» глина синего цвета, ее еще называют «синикой», добывают в глубокой яме. Отличие глины, добытой в глубине от осадочной глины, — отсутствие «камушков», наличие которых может привести к тому, что изделие «порвет» при обжиге. Обработанная глина становится однородной и вязкой, как тесто, и из нее можно формировать игрушки. Когда свисток готов, он примазывается к кусочку глины, намечая в ней форму игрушки. В кусочке глины, которая станет фигуркой, намечаются ноги и пальцем делается углубление, в которое вставляется свисток. Свистулька «большой пельмень» лепится в такой же последовательности. Большой пельмень используется при изготовлении большой гудухи, размер которой раза в два

больше, чем у обыкновенного свистка. Формой гудуха напоминает лодочку, оканчивающуюся звериной или птичьей головой, тембр звука у них ниже и глуше. В зависимости количества игровых отверстий и особенностей звучания свистульки можно подразделить: 1) простейшие свистки — без игровых отверстий, 2) сопелки-«солопелки» — с одним или двумя игровыми отверстиями, позволяющими извлечь простейшие мелодии. Противоположный от пригубника конец гудушника может иметь художественно-пластическое оформление.

По способу установки изделия на плоской поверхности свистульки имеют:

- 1) опорные ножки;
- 2) без опорной площадки-«лежачки».

Безмолвные фигурки в основном зооморфные на четырех ногах, или всадники.

У шумящих глиняных игрушек высота и характер шумовых звуков зависит от объема внутреннего пространства, толщины стенок игрушки, формы и количества шариков. В 1960–1970-е гг. стали лепить хлудневские погремушки — фигуры-грематухи, получившие широкое распространение в наше время. Брался большой целиковый конус из глины и ножом или другим подобным инструментом, внутри конуса выбиралась глиняная масса. Сначала такой полый конус использовался за основу большой безмолвной игрушки. Позднее, в 1980-е гг., стали закладывать внутрь глиняные «камушки» и закрывать широкую часть конуса глиняным блинчиком. В настоящее время хлудневская грематуха представляет собой полый конусовидный колокол, изготовленный путем обкатки толстой палочки. При всей композиционной сложности, соединении в одной фигуре различных по масштабу и пластике элементов, мастерам удается создать целостный художественный образ, органично увязать разнородные элементы. В этом и есть секрет обаяния хлудневских больших фигур и фигур-грематух, в том числе и «деревьев». Причем у каждого мастера свой излюбленный круг образов и мотивов, а поэтому традиционные образы в каждом изделии неповторимы. Этот архаичный способ формообразования хорошо прослеживается во взаимозаменяемых мотивах старинной вышивки. Создание на основе соединения различных мотивов — черта, специфичная для фольклора, получившая название «творческая контаминация», которая активно проявляет себя в поздний период. В хлудневской игрушке удивительным образом сочетаются древние поверья, причудливый вымысел и меткость житейского наблюдения.

Глиняные игрушки семейного народного художественного промысла глиняной игрушки деревни Хлуднево — уникальное явление Калужского края. Очень важно сохранить уникальность передачи секретов ремесла в работах семейных коллективов, не допуская внесемейного искажения традиций.

Библиографический список

1. Федоров В. В. Земельные отношения в д. Хлуднево Калужской губернии Жиздринского уезда в конце XIX — начале XX в. // Материалы международной конференции. Тамбов, 2002.
2. Ведерникова Н. Гончарный промысел д. Хлуднево // Живая культура Российской провинции. Калужский край. Козельский район. М., 1999. С. 160.
3. Заборских А. Г. Преемственность традиции в гончарном промысле деревни Хлуднево // Научно-практическая конференция в рамках V Всероссийской выставки «Гончары России — 2009. Игрушка, детское творчество». Проблемы развития традиционной и авторской игрушки. Тверь, 2009. С. 17–19.
4. Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В. История промыслов деревни Хлуднево // Сельский окоем. Вып. 5. Киров Калужской обл., 2009. С. 56–73.
5. Быков А. В. Глиняная игрушка из деревни Хлуднево (Калужская область). М., 2013.
6. Раков В. Н. Родники народного творчества. Калуга, 2009.

ПРИБОРЫ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВЕСА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ И РЕМЕСЛА (БЕЗМЕНЫ КАЛУЖСКОГО КРАЯ)

Л. И. Федорова,

заслуженный работник культуры РФ, директор Музея ремесла, архитектуры и быта

В. А. Ткаченко,

заместитель директора по научной работе

В. В. Федоров,

внештатный сотрудник Музея ремесла, архитектуры и быта

В силу необходимости нашим предкам приходилось проводить разные измерения и расчеты, связанные с бытовой и хозяйственной деятельностью. Так были изобретены меры длины, ширины, высоты, веса, объема и сами приборы для расчетов этих измерений. Например, в договоре киевских князей Олега и Игоря с греками упоминается «гривна» и «золотник» (4,5 г), а меры веса встречаются в Лаврентьевской, Псковской, Новгородской летописях. В Новгородской уставной грамоте 1126 г. утверждается особая управа, следящая за правильностью торгового обмена. По указу Ивана Грозного 1556 г. изготавливаются образцовые гири и другие меры. Тогда же появляется клеймение гирь и весов особым нестираемым знаком, удостоверяющим соответствие гири эталону. Через 100 лет, в Таможенном уставе 1653 г. вновь предписывается: «Весы делать везде равны». В 1736 г. создается государственная комиссия по учреждению мер и весов, а в 1797 г. вступает в силу указ «Об учреждении повсеместно верных весов, питейных и хлебных мер». Законов издавалось много, но только в 1900 году была создана стройная государственная система Поверочных палаток мер и весов (ПМВ), действующая и сейчас как Государственный центр стандартизации, метрологии и сертификации.

Есть предположение, что причиной появления высокохудожественных калужских безменов явился высочайший указ от 29 апреля 1797 г., которым были упорядочены конструкции весовых приборов и было запрещено использование в торговле простых безменов с переменной точкой опоры, как недостаточно точных средств взвешивания. 15 июня 1797 г. Калужская губернская палата суда и расправы 2-го департамента калужского губернского правления получила таблицу для развесу гирь [1]. С этого времени безмены стали использоваться для личных нужд владельцев и, следовательно, резко возросли требования к внешнему виду безменов, их декоративному оформлению. В течение XVII и XIX вв. русский безмен являлся типичным представителем однорычажных неравноплечных весов, применяемых в быту для взвешивания грузов от 1/4 фунта до 3-х пудов. Даль в своем словаре писал в середине XIX в.: «Безмен—ручные весы с неравным рычагом и подвижной опорной точкой». Другое определение звучит так: «Безмен—это ручные весы с утолщением на одном конце и крюком для подвешивания груза на другом», или «Безмен—это весовой прибор с постоянными точками закрепления гири и груза и подвижной точки опоры».

Между гирей и грузом находится соединяющая их вага—стержень со шкалой—указателем веса. На калужских бытовых безменах шкала градуирована точечными знаками. До одного фунта весовая шкала делится через 1/4 фунта, две поперечные точки—1/2 фунта, три поперечные точки 3/4 фунта, следующая одна точка указывает 1 фунт. На вагу устанавливается подвижная петля из проволоки, кожи или бечевы, за верхний конец которой удерживается безмен при взвешивании.

Книга истории возникновения, становления, расцвета и угасания искусства изготовления калужских безменов медленно раскрывает свои страницы. Новые материалы, полученные за последние годы, дают хотя еще далеко не полные представления об уровне развития самобытного ремесла изготовления калужских безменов в XVIII—XX вв. Эта отрасль кустарного производства получила широкое распространение в конце XVIII столетия и достигла своего расцвета в первой половине XIX в. Нам удалось проследить изготовление безменов с 1797 по 1869 г. В подтипе «простых» безменов с гладкими гирями и указанием места изготовления и времени поверки градуировки весовой шкалы обнаружен металлодеревянный бронзовый безмен, отодвинувший появление датированных безменов в конец XVIII столетия—1797 г. Текст надписи обычный для

Рис. 1. Металлодеревянный калужский безмен

первого варианта «простых» безменов: «Калуга; 1787 года; 18 го дня». Использованный шрифт надписи характерный для калужских безменов начала XIX столетия. Самая последняя известная дата была проставлена на гире, еще не установленной на готовое изделие: «Калуга; 1869 го; Сентебр; 11 дня». Этот год считается временем прекращения деятельности народного художественного промысла города Калуги по изготовлению изделий утилитарного торгово-бытового назначения — металлодеревянных бронзовых безменов. Производство безменов, обладающих высокими художественными достоинствами, было поставлено на промышленную основу, способную не только удовлетворить потребности местных потребителей Калуги и окрестных территорий, но и обеспечить создание избытка продукции для экспорта в другие губернии России. Известны находки калужских металлодеревянных бронзовых безменов в Ярославской, Тверской, Нижегородской, Вологодской и других губерниях, городах Москве и Санкт-Петербурге.

Для кустарно-ремесленного производства города Калуги характерными изделиями XVIII—XIX вв., воплотившими в себе высокие художественные достоинства в сочетании с совершенством технических достижений местных традиционных ремесел, по праву следует назвать калужские металлодеревянные и цельнометаллические железные и бронзовые безмены [2]. Эти два больших типа изделий входят в состав семейства калужских безменов. Остановим внимание на металлодеревянных безменах (рис. 1). Совершенство найденных пропорций и художественного оформления внешнего вида безмена делают его образцом декоративно-прикладного искусства, в котором каждая деталь в отдельности, помимо своего предназначения, фактически является самостоятельным изделием. В ходе исследований удалось восстановить фамилии владельцев мастерских по производству безменов: это калужские мещане Федор Игнатьевич Романов с семью подмастерьями и тремя учениками, Данила Афанасьевич Греков с пятью подмастерьями и тремя учениками, Павел Петрович Авсянников с двенадцатью подмастерьями и четырьмя учениками, Афанасий Дмитриевич Иванов с семью подмастерьями. Достоверно известно, что они работали в 1831 г. и входили в список торгующих в Калуге кре-

стьян, разночинцев, ремесленников, калужских мещан [3]. В 20–50-е гг. XIX в. были изготовлены безмены в мастерских Федора Доманова, Абрама Левитина, мещанина Михаила Вереичинова [4], Матвея Масленникова [5], Андрея Макарова [6]. Необходимо понять, зачем в мастерской столько подмастерьев. Перед исследователями безмены предстают в уже законченном виде, с отработанными технологическими процессами изготовления деталей, готового конструктивного решения по соединению всех комплектующих элементов в весовой прибор. Но безменный промысел города Калуги в своей практической основе уникален сочетанием городских ремесел: кузнечное, меднолитейное, слесарное, обработка дерева точением, художественная гравировка по металлу, медное художественное литье бытовой мелкой пластики — декоративные рельефные плакетки гири.

Важнейшей конструктивной деталью безмена, на которой закреплены и установлены все остальные элементы, является точеная деревянная основа. Она состоит из фигурной рукояти, характерной для калужских безменов из «катушек», оформление которой оставалось постоянным в рамках выработанного в XVIII столетия типа. Хотя имелись вариации, и более ранние безмены имели рукояти, с плавным переходом к устью ваги, у других такого перехода не имелось (рис. 2). С одной стороны у рукояти имеется конический шип для установки гири, с другой стороны находится длинный, относительно тонкий, с постепенным уменьшением диаметра стержень ваги, на который одевается бронзовый чехол. Для надежного закрепления чехла отрывалась узкая полоска ткани, по длине чуть меньшая двойной длины чехла. Стержень ваги и полоска ткани промазывались клеем. Полоска серединой накладывалась на торец ваги, на которую надвигался чехол. В случае, когда

Рис. 2. Варианты деревянных рукоятей калужских металлодеревянных безменов, украшенных «катушками»

стержень ваги оказывался короче самого чехла, в открытый торец ваги вбивался на клею короткий деревянный шпенек, по центру которого намечалось и сверлилось отверстие для гвоздя крепления вертушка. В калужских бронзовых безменах все детали отливались из золотисто-желтых сплавов меди, поскольку литейное искусство, являясь одним из древних способов обработки металлов [7], было развито в нашем городе. Чехол безмена отливался целиком тонкостенной трубкой, имеющей со стороны вертушка валикообразный прилив для упрочнения устья.

Трубчатые чехлы-ваги из сплава меди разделяются на следующие категории:

1. Устье без раструба. Безраструбное устье бронзового чехла ваги, которым он примыкает к точеной деревянной рукояти, отличает «орловые» безмены. В этом случае мы наблюдаем плавный переход от большого диаметра крайней катушки точеной рукояти к меньшему диаметру устья бронзового чехла.

2. Устье с раструбом. У простых безменов конец чехла примыкает к точеной рукояти и устье заканчивается раструбом. Он является переходом к большому диаметру крайней катушки точеной рукояти.

Трубка чехла у устья со стороны рукояти изготавливалась либо круглой, как и весь чехол, либо восьмигранной, на длину не более 60 мм. Эти незначительные отличия внешнего вида чехла можно объяснить тем, что было несколько ремесленных производств калужских безменов и в каждом были свои художественные традиции. Оформление рукояти оставалось постоянным в рамках выработанного в XVIII столетии типа. По внешнему виду внутренних поверхностей пустотелых гирь и трубчатых чехлов-ваг можно с большой долей уверенности утверждать, что для изготовления отливок использовались временные земляные формы, глиняные формы для мелко-тиражного производства изделий и постоянные модели. Имеются сведения, что еще в 1819 г. при

доме Федора Игнатьевича Доманова имелась мастерская-завод, на котором из медного металла делались безмены, а также Калужского уезда экономически вольный крестьянин Алексей Петрович Самохин на своем заводе, при доме жены, из медного металла делал безмены.

Среди калужских бронзовых безменов были отмечены различия, по которым они подразделяются на две тесно связанные подгруппы: на «орловые» — с напаянными на боковых гранях гирь рельефными плакетками различных сюжетов; на «простые» — с гладкими гирями, украшенными гравированными орнаментами разной сложности, рисунками и надписями. У «орловых» безменов выявлены отличительные признаки, которые отсутствуют у «простых». Основным признаком, давший название этой группе безменов, заключается в высокохудожественном оформлении четырех боковых граней гири декоративными рельефными плакетками — калужскими произведениями меднолитой мелкой пластики бытового назначения. Каждая плакетка по краям обрамлена жгутиковой, точечной или линейной рамкой, иногда в сложном сочетании рамок между собой. Калужские рельефные плакетки с изображением геральдических орлов под тремя царскими коронами, львов в положении «вправо» и «влево», «весовщик», «сирена», «двуглавый орел» под одной короной, ориентированный по диагонали плакетки, и «двуглавый орел» под двумя коронами с подрезанными крыльями, ориентированный вдоль вертикальных сторон плакетки, являют собой ранее неизвестные образцы русского меднолитейного художественного ремесла.

У «орловых» безменов имеется высокая квадратная ступенчато-пирамидальная декоративная накладка для крепления гири на шип деревянной рукояти. Остальные детали: вертушок, серьга, крюк, гвозди — не имеют ярко выраженных отличий у безменов обеих подгрупп. Однако иногда встречаются декоративные накладки крепления гирь, гвозди крепления накладок и вертушков особого нестандартного исполнения. Технологические особенности изготовления гирь «орловых» безменов удалось установить при изучении бывшей меднолитейной мастерской рубежа XVIII — XIX вв., по улице Королева, 32, обнаруженной в 1996 г. при сносе углового дома [8]. Подъемные материалы дали почти полную картину производственных процессов отливки полуфабрикатов комплектующих деталей безменов: бронзовые гвозди для крепления вертушков и гирь к деревянной основе ваги, сами вертушки и декоративные плакетки, ступенчато-пирамидальные накладки гирь, безменные крюки для подвешивания груза. Здесь же найдены отлитые изделия со следами слесарной обработки. Сюжет плакеток данной мастерской: «орлы со скипетром и державой», «львы» (идущие вправо) окантованы выпуклой шнуровой рамкой. Найденные при сносе дома на ул. Красная Гора сцепки необработанных плакеток «лев», идущий влево, говорят, что здесь могли быть остатки другой безменной мастерской по производству «орловых» безменов. Были и другие мастерские на территории города, так как имеются плакетки с изображением «орлов» под одной, двумя, тремя коронами, «весовщиков» и другими сюжетами (рис. 3). Плавильные тигли, найденные в калужской мастерской по ул. Королева, похожи на находки идентичных тиглей XII — XIII вв. в Переяславле Рязанском. Формы и размеры обоих разновременных тиглей совпадают, только внешние обводы доньшка у средневековых изделий Окского бассейна овально-конические, а у поздних калужских — плоские. Высота калужских тиглей достигала 20 см при толщине стенок от 10 до 30 мм у придонной части. Диаметр устья тигля не превышал 17 см как у целой формы, так и по вычислениям на основании венчиков тигля. Диаметр простого доньшка достигал у тиглей 7–8 см, напоминает коническую ступу большого размера, формировалось при изготовлении тигля на гончарном круге. Как керамическое изделие тигель фактом своего массового бытования расширяет ассортимент изготавливаемой калужскими гончарами керамической продукции и подтверждает традиционность меднолитейного производства в нашем городе.

Гири «простых» безменов украшены плоскостным гравированием по литью методом «насечки» [9]. Насечка осуществляется чеканами с различной формой рабочей части инструмента-боя. Применялись чеканы с заостренным концом в форме тупой иглы (керны), расходники с прямым жалом, полукруглые с разными радиусами закругления, которые позволяли воспроизводить контуры рисунков и декоративных элементов сплошной линией или отдельными насечками. Применялись трубочки-чеканы с боевым концом в виде полый трубочки небольшой глубины и нужного внутреннего диаметра (рис. 4). Другим видом гравировки является нанесение сюжетного рисунка

Рис. 3. Декоративные плакетки на гирях «орловых» безменов

олений, птиц, гербовых двуглавых орлов при помощи зубильца способом штрих-пунктирования (рис. 5). Это изделия XIX в., и часть их изготовлена в 20–30-х гг. в мастерских Андрея Макарова и Федора Доманова, клейма которых присутствуют на безменах: «АМ» и «ФД» в овальных картах. Сама по себе бронзовая безменная гиря представляет из себя объемную тонкостенную, 1–2 мм, отливку куба со срезанными углами. Вдоль оси безмена, в противоположных квадратных гранях, гиря имеет два отверстия: малое—около 17 мм и большое—около 24 мм. Шип точеной рукояти, на которой устанавливается и закрепляется гиря, изготавливается на 5–10 мм

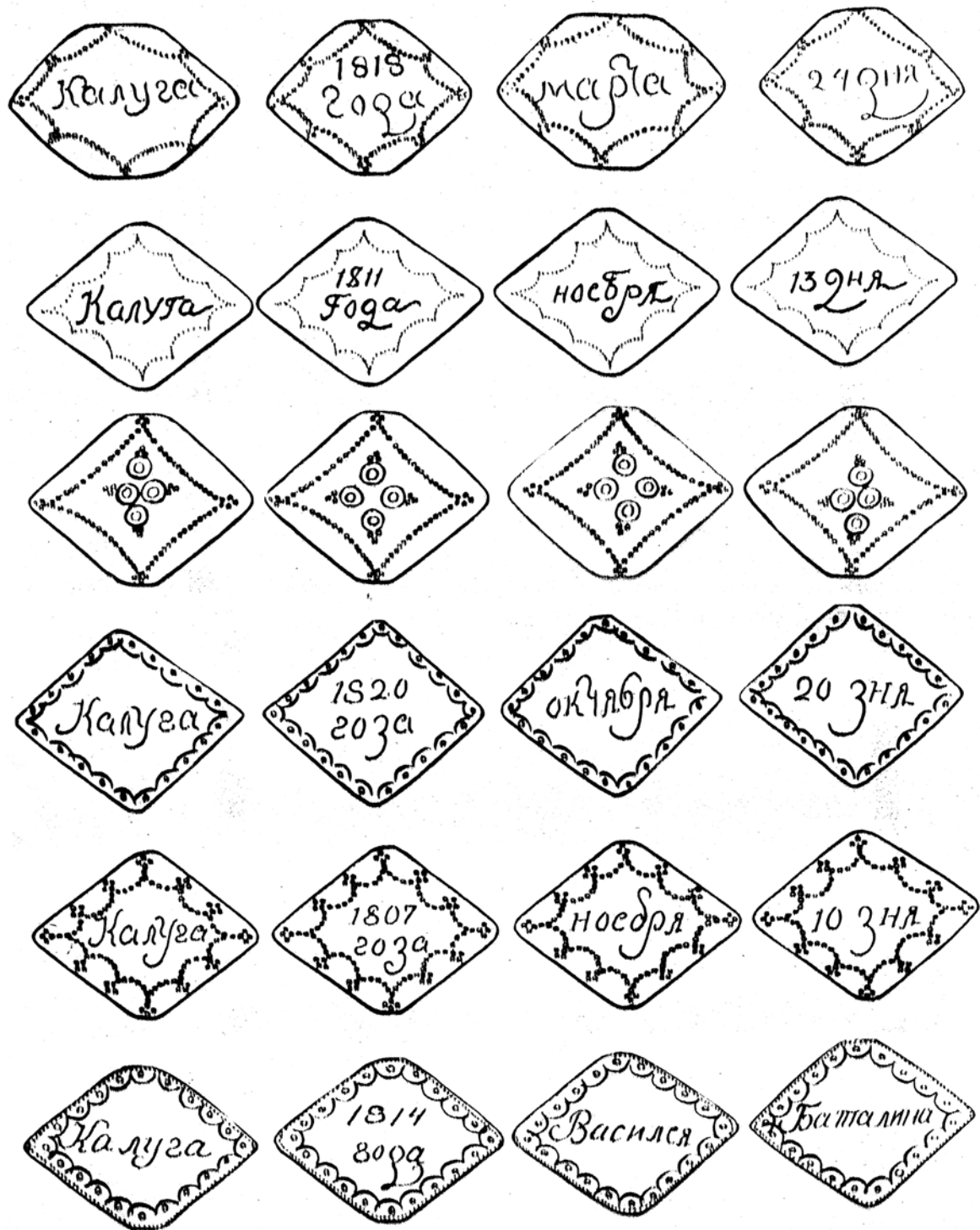

Рис. 4. Украшения гирь «простых» безменов способом гравировки

короче, чем длина гирь. Процесс установки гирь на деревянную основу реконструируется следующим образом: на вертикально установленный шип надевалась пустотелая гиря, центровалась, затем пустота внутри заполнялась мелко рублеными кусочками железа или чугуна и заливалась расплавленным свинцовым сплавом. Для окончательного закрепления гирь на рукояти безмена малое наружное отверстие гирь закрывалось квадратной ступенчатой декоративной накладкой, сквозь отверстие которой вгонялся крепежный бронзовый гвоздь с выпуклой граненой головкой, идентичной гвоздю крепления вертушка. При такой технологии установки и закрепления гирь

Рис. 5. Украшения гирь «простых» безменов способом штрих-пунктирования

на шип деревянной основы не имели существенного значения отклонения в размерах и качество обработки посадочных мест шипа и гири. Иногда использовались железные гвозди, которыми, по всей видимости, заменяли бронзовые гвозди при ремонте. Другим технологическим приемом изготовления бронзовой гири была отливка двух половин, которые впоследствии соединялись. Еще одной особенностью отливки калужских гирь, наличие в них окошек для заполнения внутренней пустоты, которые затем закрывались отдельно выплавленными декоративными плакетками. Если у «простых» бронзовых безменов наблюдается единообразие использования крепежных бронзовых гвоздей с выпуклой граненой головкой, отливаемых в разъемные опоки, то у «орловых» безменов более раннего изготовления еще не была проведена унификация крепежных гвоздей. Известно несколько разновидностей. Самые ранние гвозди были стальными коваными с плоско-выпуклой или выпуклой граненой головками. Известны гвозди без головок в виде конического стержня. Наиболее распространенной разновидностью являются комбинированные гвозди, у которых стержень стальной кованый, а головка бронзовая литая. Ее форма может быть

гранено-выпуклой и других нестандартных объемов. Комбинированные гвозди на «простых» безменах неизвестны [10].

Владельческие надписи нечасты, однако они являются еще одним историческим источником информации о людях, много поработавших на благо и процветание Калуги в давние времена. Под 1814 г. значится имя Ивана Баталина. Наиболее редкой разновидностью калужских безменов, выполняемых по специальному заказу, являются те, в которых деревянная основа полностью закрыта чехлом гирей и между ними — бронзовой пустотелой рукоятью, повторяющей рельеф катушек точеных деревянных рукоятей. На одном из таких редких безменов имеется текст следующего содержания: «1820 го; священника; Василея; Ива; новое». На одной из боковых граней имеется монограмма «А. М.», которую можно рассматривать как инициалы мастера, так как эта монограмма встречается и на неименных безменах, имеющих близкое декоративное оформление. Горожанин Тишков записан на безмене, изготовленном в 1843 г., а имя Абрама Левитина стоит на безмене с птицами. Один из безменов, изготовленных мастером Федором Домановым, с инициалами «ДФ» в овальном картуше, имеет пространственную двухстрочную легенду. Надпись первой строки расположена на треугольных скосах срезанных углов гири: «Калуга; Акима; Левонтеи; Мешкова». Это владельческая записка заказчика безмена. Род калужских купцов Мешковых хорошо известен в городе. (Вторая строка также расположена на треугольных скосах: «1838 го года; марта; 23 дня»). Его длина — 693 мм, декоративная накладка круглая, гвозди с точеными фигурными головками. Размеры гири: 48 мм вдоль оси основы (длина гири) и сечение 60×59 мм. Длина чехла 177 мм и рукояти — 170 мм. Предназначался безмен купца Мешкова для взвешивания грузов до 2-х пудов. На чехле сохранились следы износа от долгого пользования на отметках 50 и 60 фунтов. Имя купца 3-й гильдии Григория Тишкова, который в 1860 году был выбран бургомистром городского магистрата [11], выгравировано на треугольных скосах безмена: «1843 года; мая 16 дня; Тишкова Калуга». Кроме того стало известно из рапорта гласного Калужской думы Александра Калашникова, что в феврале 1853 г. Григорий Тишков за клеймение гирь и мер заплатил в доход города 106 рублей 50 копеек серебром. Из этой суммы вычтено 3 рубля, которые заплачены кузнецу мещанину Алексею Костину за работу, за 6 дней по 50 копеек [12]. К сожалению большинство калужских безменов всех типов и вариантов находятся вне Калужской области и недоступны для изучения в настоящее время [13].

У всех типов семейства калужских безменов унифицированы комплекты наборов отдельных стандартных деталей: гири, вертушка, серьги, декоративных накладок крепления гирь и гвоздей. Внешние формы, конструктивные особенности каждого из используемых деталей, художественно-стилевые особенности декоративного украшения их, наборы знаков, символов и текстов надписей, используемых при этом, позволяют относить калужские безмены к произведениям художественного промысла со стойкими, отточенными традициями, исторически сложившимися в городе Калуге. В этом промысле гармонично соединились ремесленное производство безменов и высокий стиль декоративно-художественного дизайна как изделия в целом, так и отдельных его элементов.

Калужские металлодеревянные безмены являются не только носителями особенностей материального и духовного быта калужан, но и ценны как эпиграфический и иконографический источник.

Библиографический список

1. ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Л. 297.
2. Федоров В. В. Калужские цельнометаллические безмены // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 5. Киров, 2004. С. 121–126.
3. ГАКО. Ф. 49. Оп. 141. Л. 893. Список на 1831 год торгующих здесь в городе Калуге крестьян, разночинцев и ремесленников, калужских мещан.
4. Кислицына М. В. Весовые приборы конца XVIII—начала XX в. в коллекции Калужского областного краеведческого музея. Калуга, 1991 (рукопись).

5. Рылеева А. Д. Коллекция памятников метрологии в фондах КГУМ // Краеведение и музей. Петрозаводск. С. 55.
6. Ткаченко В. А., Федорова Л. И. К вопросу о калужских безменах // Материалы II и III научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора «Родная старина». Калуга, 2001. С. 203–207.
7. Флеров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М., 1981. С. 260–263.
8. Федоров В. В. К вопросу о медно-литейном производстве Калуги второй половины XVIII—начала XIX столетий // Материалы II и III научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора «Родная старина». Калуга, 2001. С. 198–201.
9. Федоров В. В. Калужские безмены с шаровидной гирей // 3–4 Козельские чтения. Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Калуга, 2001. С. 152–155.
10. Федоров В. В. Калужские безмены: к вопросу о традициях ремесла // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Киров, 2002. С. 106–111.
11. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. № 645. Л. 42–44.
12. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. № 482. Л. 254.
13. Рылеева А. Д. Коллекция памятников метрологии в фондах КГУМ // Краеведение и музей. Петрозаводск. С. 55.

ДЕРЕВЯННЫЕ НАЛИЧНИКИ КАЛУГИ И ОБЛАСТИ

А. А. Зорин,

ландшафтный архитектор, Калужский объединенный музей-заповедник

Деревянные наличники надо рассматривать как часть истории архитектуры дома, они менялись в зависимости от архитектурного мировоззрения, потребностей и технических условий изготовления. В Калуге самые ранние дошедшие до нас деревянные дома датируются только началом XIX в. О более ранних сведения очень скудны. Известно описание дома первой половины XVIII в. в журнале «Зодчий» за 1874 г.¹ Этот дом Щукина был обмерен Н. И. Рошефором. В этой же статье он упоминает и о другом подобном доме. Мы видим простой орнамент из полукруглых и заостренных порезок и ряд отверстий в наличнике (рис. 1).

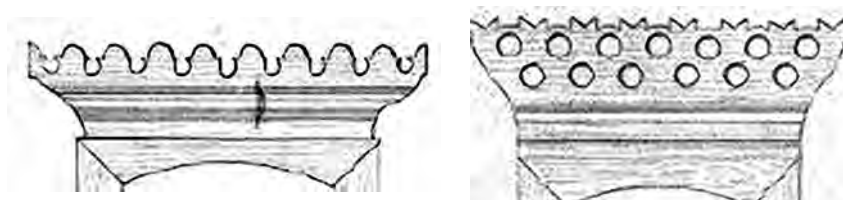

Рис. 1

Такие же приемы резьбы использованы на полках и лавках в сенях дома (рис. 2). Аналоги этого можно найти только в народной резьбе, но не в архитектуре того времени. Собственно, на этом линия народной геометрической резьбы в наличниках Калуги прерывается, мы находим ее только в более поздних постройках, середины XIX в.

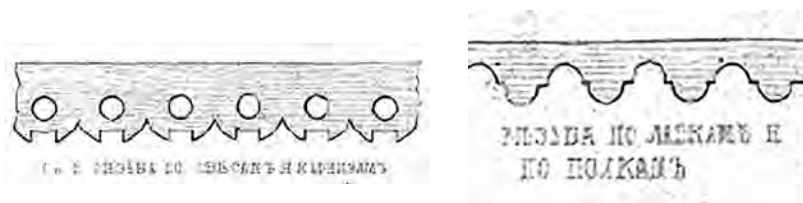

Рис. 2

¹ Зодчий. Архитектурный и художественно-технический журнал. СПб., 1874. № 10. С. 128.

Рис. 3

С образованием в Калуге наместничества начался новый период строительства, без утвержденных архитектором фасадов не строилось ни одно здание. Фасады зданий разрабатывались в классическом стиле, неважно, деревянное это здание или каменное. Элементы декора каменных зданий переносились на деревянные. Это известные деревянные ампириные здания, создание которых связано с деятельностью И. Д. Ясныгина. На них мы видим коньковый, прямой, лучковый наличник, фриз, вставки в виде архитектурных элементов все это копируется из архитектуры каменных зданий (рис. 3). Резьбу мы находим только в виде орнамента на причелинах здания, на подзоре бордюра, где использован классический античный орнамент акротерии. Так образовалась архитектурная линия наличников, где архитектурные элементы преобладают над резьбой.

К середине XIX в., архитектурные вкусы меняются, началось обращение к истокам русской архитектуры, начался поиск русского стиля. Поэтому вполне логично появление наличников, копирующих формы русской архитектуры XVII в., в частности нарышкинского барокко. Это церковные здания, дом Коробовых (рис. 4).

В оформлении домов появился «разорванный», или барочный, наличник (рис. 5), в дальнейшем его разработка с использованием других архитектурных деталей окна стала одной

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

из составляющих русского стиля второй половины XIX в. (рис. 7). Отдельную группу, отличающуюся своими формами, составляют наличники модерна (рис. 6).

Наиболее интересны наличники с резьбой. Появляются они уже к середине XIX в. До нас дошли в основном двухэтажные здания с деревянным вторым и каменным первым этажом. На них мы видим или простые наличники без резьбы или с резьбой виде простого геометрического орнамента (рис. 8). В дальнейшем на зданиях второй половины XIX века появились различные варианты растительного орнамента: гирлянда, варианты аканта и т.д. (рис. 9). Исходным образцом для этих многочисленных наличников была резьба на иконостасах. Только в двух храмах, с сохранившимися историческими иконостасами XVIII в. (храм Георгия за верхом и Николая Чудотворца), мы можем найти практически все исходные варианты резьбы, от которых оттачивались мастера при изготовлении наличников. На рис. 10 представлены фрагменты иконостасов. Более того оформление

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

окна в целом делалось по образцу обрамления икон. А в некоторых наличниках использована Вифлиемская звезда (рис. 11)

Поиск русского стиля привел архитекторов и художников к открытию красоты русских народных узоров и орнаментов в вышивках и тканях, на их основе и возник оригинальный стиль в архитектуре. В деревянном зодчестве он особенно интересен. В Калуге образцом этого стиля является дом, построенный по проекту А. Л. Гуна (рис. 12). Особенностью этих зданий было увеличение подзорника в наличнике и превращение его в своеобразную деревянную занавеску с внешней стороны окна. Этот стиль стали копировать, развивать, используя не только геометрический или растительный орнамент, но и фигурки зверей, грифонов (рис. 13).

В районных городах мы также находим здания в русском стиле, причем в каждом городе свои особенности, и они также дали толчок для различных вариантов наличников.

Рис. 13

ЭЛЕМЕНТЫ ДОХРИСТИАНСКОЙ ОБРЯДНОСТИ В ПРАЗДНОВАНИИ МАСЛЕНИЦЫ В КАЛУЖСКОМ КРАЕ

С. В. Колоболоцкий,

научный сотрудник Калужского объединенного музея-заповедника

Описания праздника Масленицы в Калужском крае проводились этнографами в начале XX века, когда смысл некоторых обрядов уже утратился или получил новую трактовку. Несмотря на то что праздник изменился и слился с христианским, он еще имел яркие черты некоторых архаичных культов.

В ходе нашей экспедиционной работы в Куйбышевском районе Калужской области большинство информантов среди всех масленичных действий особенно выделяли катания:

«Масляницу гуляли, на масленицу праздник шож, на лошадях катались. А что раньше тазы намораживали кататься с горки. Ну, это коровий навоз наляпавали, да водой заливали. Она делается круглая и скользкая, садимся и пошел под горку. А то таз оборачивали кверху и намазывали, скамейки, у кого что есть. Вот плятушка на нее наляпываешь навоза этава коровья. Корзина с дерева плетенная, с бортами, с ивы. Ива-дерево. Навоз, чтоб она это все водой поливаешь, ага, замерзнуть и еще загодя польют. А лубянки это с лыка деланные, с бересты. Сымали бересту с березки. А скамейку—большие козлы, делали. Унизу доска и потом палки, шетьыре палки, потом накладывается опять доска, прибивается и на этой доске, ковыряют эту доску намораживают, и на ей катайся. Накладывешь навозу и поливаешь ее, садисься 3–4 человека и пошел с горки. Теперь этого нет... Масляная была, готовились еще недели за три как морозы. Масляная—кататься надо. Какая масляница—такой и лен будет!» [1].

«На масляницу катались чаще всего на санях с горки, да причем без лошадей, без всего. Такие маленькие санки—возок их звали. Мы сами этот возок на горку встывивали, а потом оттуда садились большое количество людей и катились. С горы катались еще самодельные такие, она была внизу дощечка и вверху такая же. Тут четыре ножки и катались еще на льду. У нас было озеро на водокачке, и мы там пропадали днями, я даже заставила бабушку лапти сплести, чтоб кататься, я не ходила в лаптях» [2].

Рис. 1. Катанье на салазках и леднях на Масленице (д. Сивково Калужского района, 1930 г.)

Также в деревнях этого района отмечали, что на Масленую делали крутые горки и катались с них молодые пары: кто прокатится дальше, у того лен уродится длиннее.

Данная информация дает возможность предположить, что катание на Масленицу являлось частью аграрного обряда, цель которого — благоприятствовать будущему урожаю. К подобным обрядовым действиям относится катание (валяние) по засеянной земле, траве, которое встречается в различных праздниках весеннее-летнего периода.

Будучи свидетелем аграрного праздника «Стрела», в Брянской области нам довелось участвовать в подобном действии, в ходе которого участники процессии, состоящей из жителей деревни и гостей, входят клином в засеянное поле, а в заключение всех последующих действий ложатся и катаются по свежим всходам.

Использование же навоза в конструкции средств для катания явно связано с культом плодородия. Подобно жжению навоза, зерна, соломы и других в подобных аграрных обрядах.

Культ плодородия земли тесно связывался с плодородием самого человека. Поэтому особо почитались девушки на выданье и вышедшие недавно замуж. Почитание, с которым катали с гор молодоженов, может быть связано с представлениями о передаче их продуцирующего потенциала земле. Чествование молодых в эти дни отмечает М. Е. Шереметева: «Два дня на масляной в субботу и прощенный день, молодые гостят у тещи, где их угощают блинами и оладьями <...> В Гамаюнщине «молодую» с подругами несколько лет тому назад взрослые ребята возили «на себе» в больших санях во всю улицу с песнями. В Сухиничском уезде (бывш. Веинская волость, дер. Громоздово) ребята катали таким же образом обоих молодых, за что получали от них бутылку вина и баранки. Молодые катаются вместе с парнями и девицами с гор в больших санях без оглобелей. Стоя на головашке саней, управляет ими «бедовая» старуха. (Гамаюнщина, Квань и другие селения) <...> Молодые катаются на лошади в санях по деревне.

Девицы привозят к дому тещи, где гостит молодая, салазки. Убранную в «мохры» молодую они усаживают на эти салазки еще в сенях избы, вывозят на улицу и катают. Молодой за катание дает девицам коп. 30. Из старины и по сейчас так делают (дер. Горки Перемышльского р-на).

Молодые в пятницу у себя на деревне, а последние два дня масляной в деревне у тещи, одаривают своих односельчан и старых и малых орехами и подсолнухами. В субботу девушки водят днем хоровод на улице. Молодая раздает этим девицам по горстке семечек, орехов, малых пряничков. Затем становится с ними в хоровод (Гамаюнщина, дер. Пучково, Покров и др.).

Обычай «обкатывать молодых»: в субботу на масляной собравшаяся молодежь сажает «бедового» старика на салазки и ввозит его на салазках в избу к молодым. Там уже приготовлены блины, водка, закуски. На убранном столе ставится чашка с орехами и пряничками. Привезенный старик с разными шутками раздает гостинцы присутствующим; всех также угощают водкой. После этого молодая берет с собой узел орехов и раздает их подросткам на улице (дер. Тинино Калужского р-на).

Олицетворением плодородящего начала в масленичные дни являлись соломенные куклы.

Обрядовых кукол делали чаще всего в домах, где есть «молодайка» — вышедшая замуж в настоящем году, особенно подчеркивая в ней женские атрибуты.

Куклы были многочисленными. При этом М. Е. Шереметева не отмечает существенного внешнего различия между домашними куклами и общедеревенскими, хотя использовались они по-разному. В материалах, опубликованных П. В. Шейном, указано, что эти многочисленные куклы никогда не погребались, хоронили только одну — общую. Как отмечает М. Е. Шереметьева, общедеревенская кукла изготавливалась особым образом: «Одевание “масляницы” носит характер женского ритуала <...> В Гамаюнщине эту куклу одевают в “красный наряд” — изотканную рубаху, шубку, отрезной шелковый платок, чехры и поднизку. В дер. Цвеленево Калужского р-на ее наряжают в головной убор — мохры, сделанные из соломы. В дер. Тинино Калужского р-на на обшитой холстом голове куклы закладывают косы изо льна, чтобы она была похожа на молодую, “с прямым рядком”. Также она отмечает, что в калужских деревнях это чучело не сжигают; его носят по деревне, берут с собою на игрища в хату, катают на санях, выставляют на улицу на завалинку, на бугор, на амбар, на погребницу. В Гамаюнщине ее носят по улице с четверга с прибаутками и страданиями и разбирают в воскресенье».

В селе Ромоданово наряжали два снопа в виде «молодой» и «молодого» («масляница» и «масляник») и ставили на крыше, где они стояли всю неделю. Подобный обычай описывает

Рис. 2. Одевание масляничной куклы (д. Колюпаново Калужского района, 1929 г.)

А. В. Зернова в Переславльском уезде Владимирской губернии: «в некоторых деревнях перед домами, в которые должны были приехать молодые, на шестах и колышках ставили ряженные куклы». Как отмечает в своих исследованиях И. Н. Смирнов: «Куклы как бы приветствовали новую семью, желали ей потомства. Это и дало возможность рассматривать их в связи с карпогонической магией, но ничего общего по смыслу с изображением изгоняемой смерти эти куклы не имели, а были даже противоположными ему — они олицетворяли жизнь, счастье».

Рис. 3. На улице (д. Колюпаново Калужского района, 1929 г.)

Рис. 4. «Масляница» на погребнице (д. Колюпаново Калужского района, 1929 г.)

Исходя из вышесказанного, мы видим, что изготовление общедеревенской обрядовой куклы было сопряжено с особым ритуалом, с ней ходят по деревне, играют, катаются, ею любят, потом разбирают. Являясь по существу образом «молодой», изображением плодородящего начала с подчеркнутыми женскими признаками пола, кукла, по всей видимости, первоначально служила идолом женского дохристианского божества, а позднее стала олицетворять праздник — Масленицу.

Разбиранию Масленицы в некоторых местах Калужской области предшествовала инсценировка ее похорон. П. В. Шейн впервые опубликовал описание таких похорон в с. Песочня Калужского уезда. Здесь женщины и девушки в воскресенье, после обеда, делали из соломы Масленицу, одевали ее в женский наряд, а затем брали под руки куклу, и процессия следовала по деревне; обратно же Масленицу несли на носилках под пеленкой, все кричали и хохотали. Дойдя до конца деревни, Масленицу раздевали и «всю растрепывали». Так же он сообщает, что «похоронная процессия» сопровождалась шумом и весельем: «... шумит вся толпа, кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет, и т.д.»

Несколько вариантов «похорон» записала М. Е. Шереметева. По ее сведениям, в некоторых селах Калужской области подобные похороны Масленицы сохранялись до 1930 г. Но походили на игру, на представление. Об этом свидетельствует не только пародийный обряд похорон, но и то, что похороны могли разыгрываться как спектакль, где покойника изображал живой человек. Постепенно обряд «похорон» Масленицы утратил свое значение, его смысл забылся.

Исследователь Н. П. Румянцев полагал, что масленичные увеселения «имели и одно общее назначение: вызвать как можно больше смеха, веселья, радости, повышенного настроения, а это, в свою очередь, тоже имело особое значение и назначение, носило магический характер. Дело в том, что древние славяне (и другие народы) приписывали смеху особую силу — способствовать поднятию и усилению производительных сил природы, урожаю хлебов, трав, плодов, умножению животных и т.д. Верили, что чем больше будет смеха и чем громче он, тем богаче будет отзываться природа в наступающем году, тем больше она народит и даст человеку продуктов питания».

Также вызывает интерес обрядовое жжение соломы на масленой неделе, которое, по всей видимости, являлось атрибутом культа почитания предков. М. Е. Шереметева отмечает:

«В д. Щепихино Козельского у. в среду на масляной жгут солому под окнами тех изб, где из семьи остался дома кто-нибудь один, «для того, чтобы напугать его». В деревнях Перервино, Мержево, Сергеево (Мятлевского у.) в «прощеное воскресенье» поздно вечером девушки и ребята выносят в поле снопы или охапки соломы и сжигают их.

В д. Громоздово (в Сухиничском уезде) в прощенное воскресенье жгут солому на пруду посреди деревни с криками: «Прощай, масляница».

В д. Гремницы и Стопкино Ферзиковского района в прощенный день «жгли масляницу». Парни и девушки ночью за деревней сжигали кучу соломы — снопов 10 (последний раз в 1927 г.)».

Считается, что тени предков, которые, в свою очередь, являлись, по древним поверьям, связующим звеном между людьми и божествами, приходят к подобным кострам обогреться. Об этом упоминается в древнерусском «Слове св. Григория» (по Чудовскому списку XVI в.): «...и сметье оу воротъ жгоуть въ великой четвергъ. Молвящ тако оу того огня дша приходяще огрвваются». Д. К. Зеленин воспроизводит рукопись 1852 г., где говорится, что «24 декабря на дворах зажигают огни, полагая, что усопшие родители приходят обогреться и что от этого огня пшеница народится ярая».

Обряд «греть покойников» встречается и у многих у славянских народов и в основном приурочен к обрядам весеннего цикла. В XV в. польский проповедник Михал из Яновца упрекал прихожан в том, что в Великий четверг они разводят костры на кладбище, полагая, будто души предков приходят сюда греться. Известно также трансильванское свидетельство конца XVI в. о том, что в Великий четверг разжигали костры для обогрева усопших, которые якобы выходили в этот день на землю.

В. Я. Пропп пишет: «Земля и находящиеся в ней покойники как бы сливаются в одно целое. Земледелец, как и каждый человек античности, видел, что земля «покрывала» своей поверхностью посадки, посева, содержала их в себе и выливалась наружу из своего громадного сосуда. Также земля содержала и могилы умерших, заботившихся о посевах и посадках. Из всего этого видно, что покойники, находясь под землей, могли иметь власть над урожаем. Эти представления и вызывают к жизни весенние земледельческие обряды, посвященные усопшим. Так обстояло дело не только у греков и римлян, так обстояло дело и у древних славян. Вот почему забота о посевах сочетается с заботой о покойниках и носит двоякий характер: усопших надо умилостивить, надо выразить им свою любовь, почитание. Но этого мало. Их надо поддержать пищей, питьем и теплом, надо с ними трапезовать, надо оставлять им еду на могилах, совершать возлияния из вина и масла».

Видимо, поэтому наряду с жжением костров существовал обряд «клича покойников». Их зовут к столу, «кормят». М. Е. Шереметева отмечает: «В селениях Гамаюнщины, по местному объяснению, остатки трапезы оставлялись для умерших родичей — «придуть покойники, поужинають», «Со стола не собирать!» — распоряжалась хозяйка, пусть родители придуть поужинають. <...> Некоторые старухи вечером на заговены после ужина весь накрытый стол с кушаньями, с дополнительно наложенным хлебом, лепешками, выносили на двор и там закликали родителей. <...> В воскресенье на заговены, еще садясь завтракать, зовут последнего умершего в доме: «Артем, иди с нами загавливаться».

Подобные обрядовые действия сохранялись в Калужском крае до середины 30 гг. XX в.

На сегодняшний день в праздновании Масленицы мы уже не встречаем архаичных обрядов. Праздник имеет концепцию проводов зимы и встречи весны. Сжигание чучела посему является прощанием с зимой, но в данном случае мы наблюдаем несоответствие внешнего вида изготавливаемого чучела олицетворению Зимы.

Поскольку обрядовые элементы уже не несут символического значения, они трактуются в искаженном виде.

Примечания

1. Записано со слов Коротковой В. Л., 1937 г.р., Гришаковой Е. В., 1937 г.р., Муравьевой Е. Е., 1934 г.р., дер. Кузьминичи, Куйбышевский р-н.
2. Записано со слов Блиновой В. И., 1930 г.р., дер. Жерелево, Куйбышевский р-н.

Библиографический список

1. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
2. Смирнов И. Н. Очерк культурной истории южных славян. 1856.
3. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1, 2. М., 1837, 1838.
4. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды у русских, украинцев и белорусов XIX—начала XX в. М., 1979.
5. Пропт В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. СПб., 1995.
6. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898.
7. Шереметева М. Е. Масленица в Калужском крае. Советская этнография. 1936. № 2.
8. Fochi A. Folclor rominesc din Transilvania seculului al XVII leat // Revista de folclor. București, 1958.
9. Brückner A. Kazania II // Archiv für slavische Philologie. 1887.

ЕЛКА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

И. А. Зубкова,

*зав. сектором фольклора научно-исследовательского отдела,
Калужский объединенный музей-заповедник*

Раздайся, народ.
Девья красота идет.
Не сама она идет,
Ее девица несет,
По полику, по тесовому,
Ко столику, ко дубовому.

Свадебный причет

Испокон веков свадьба для русского человека была одним из самых знаменательных событий в его жизни, она представляла собой не только веселое гулянье, но и являла целый цикл обрядов. В ритуал проведения свадеб входил многовековой опыт многочисленных народных верований. Традиции проведения свадеб переходили из поколения к поколению, передавались по наследству. Русские люди верили, что тщательное соблюдение брачных обрядов обеспечит молодым супругам долгую счастливую жизнь в окружении многочисленных здоровых и умных детей и внуков, поэтому веками следовали дедовским традициям. В настоящее время значительная часть старинных обычаев и обрядов, которые когда-то были неотъемлемой частью свадебного ритуала, забыта, утрачена либо переосмыслена. В истории нашей страны был период, когда происходила бурная ломка свадебной обрядности. Свадебный обряд был отброшен и заменен государственной регистрацией брака. Но по прошествии времени он вновь возродился, претерпев существенные изменения. Практически исчезли многочисленные ритуалы, свадебная поэзия, которые создавали богатую палитру чувств и переживаний. А ведь это было грандиозный праздник, своеобразное театрализованное представление с определенным сценарием и действующими лицами. Свадебный обряд был всегда массовым и зрелищным. Вероятно, поэтому он лучше сохранился в народной памяти и мы можем практически восстановить традиционную картину древнего действа по записям, рассказам и литературным источникам.

В настоящее время незаслуженно забыт обряд «Прощание с красотой», который вошел в список исчезнувших свадебных обрядов. Это был один из главных, центральных ритуалов кануна свадьбы, который означал невозвратную утрату невестой девичьей свободы. Сегодня многие (за редким исключением) его практически не знают. Хотя этот обряд еще исполняли в 60–70-е гг. XX столетия жители Куйбышевского, Кировского, Козельского, Перемышльского районов.

Накануне свадьбы у всех славянских народов проходили молодежные вечера: «девишник», «вечеруха», «вычерина», «навечерье», где невеста прощалась со своей семьей, девичьей жизнью и свободой. Они были насыщены песнями и обрядами. Непосредственно во время девичника

изготавливалась «красота», которая была символом девичества и атрибутом невесты в свадебном обряде. Девью красоту олицетворяли различные предметы: украшенное деревце (свадебное деревце), украшения с него (цветы, ленты), венок, головной убор невесты, коса, девичьи украшения, колосья ржи, цветок в горшке. Но наиболее ярко, эмоционально проходил обряд с использованием свадебного дерева. Какой смысл этого дерева? Дерево занимало в жизни славян особое место. В этом обряде видны следы древнего почитания деревьев, поклонения «дуплинам деревяным». Под священными деревьями происходили все важнейшие события — жертвоприношения, моления, собрания, суды. Дерево было местом совершения разного рода обрядов, в том числе и свадебных. В России и Сербии было обыкновение венчать молодых людей обведением вокруг ели или дуба. В рощах водили хороводы, устраивали игрища, жгли костры, отсюда начинались обрядовые процессии с ритуальными обходами домов. Отголоски тотемного отношения к дереву сохранились и в тех свадебных обрядах, где главной героиней было украшенное деревце.

Деревце (ель, сосна, береза, калина, яблоня, ольха) изготавливалось на девичнике. Так именовался последний день перед свадьбой. Однако девичником мог называться и весь период подготовки к свадьбе. Главный смысл которого — переход девушки в группу замужних женщин, разрыв с девичеством и создание новой семьи. Невеста умирала для прежней жизни и возрождалась уже в новом качестве жены и матери. Деревце символизировало молодость и красоту, с которой она прощалась навсегда. По форме деревце представляло собой небольшое дерево (верхушку, одну или несколько веток) или куст, иногда искусственное деревце, изготовленное из палочек, прутиков, соломы. Чаще всего использовали хвойные (ель, сосна, реже пихта, можжевельник), а также другие деревья (береза, лещина, ольха). Наиболее распространенным видом деревца в Калужском крае была ель (елка). «Красивой красотой» называли елочку в Калуге и в Козельске. В некоторых районах елкой могли именоваться другие породы деревьев — береза, ольха, лещина, яблоня. «Елку наряжали подружки невесты, затем ее выкупали друзья и родственники со стороны жениха. В каждой местности были свои варианты, локальные особенности, свои отличительные черты этого яркого свадебного ритуала. Наиболее подробно этот обряд был описан в материалах этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Обряд был записан корреспондентом Ф. Ф. Лашмановым в с. Адуево Медынского уезда в 1897 г. Ранним утром накануне свадьбы (в день девичника) невеста собирала девушек-подруг и отправлялась с ними в лес выбирать елку. Выбор елки производился самой же невестой, которая старалась наметить такую елку, которая была бы красивее прочих. Указанную елку подружки срезали и несли в село, в дом невесты при этом пели песни. Далее начинался процесс «обряжания» елки. Украшали ее лентами, которые девушки приносили с собой, и разноцветной бумагой. При этом невеста просила подруг: «Девочки, — говорила она, — уж вы справьте елочку, как только получше для себя». Елку ставили на стол. К верхушке елки прикрепляли восковую свечу, которую затем зажигали. Заслуживает внимания тот факт, что елку в этом селе выкупали дважды — на девичнике и в первый день свадьбы. И выкуп ее был довольно щедрым: бутылка водки, бутылочка вина, пирог, пряник, мясо, платок и деньги (одна рублевая ассигнация вешалась на елку, другую расстилали по столу). Впрочем не повсеместно украшенное деревце являлось исконным свадебным обычаем. В Гамаюнщине Калужского уезда, как отмечала М. Е. Шереметева, этот обряд появился сравнительно поздно. В старину этого обряда здесь не знали, а позднее заимствовали его. Наряжали елку бумажными цветами и лоскутками разных тканей. Убранную нарядную елочку ставили на стол. Затем на деревце зажигали восковые свечи — «елочку зажигали». Позднее восковые свечи уже не встречаются на свадебном деревце. Выкупали елку только на девичнике. Продавала елку «бедовая девка» — или вдова, или солдатка. После продолжительной торговли дружка покупал елку за 1 рубль, бутылку вина, иногда часть мяса и пироги. В деревне Лядное (Галкино) Темкинской волости Юхновского уезда «игрище-девишник» справляли под Кустом. Куст представлял собой разукрашенную и поставленную на стол в избе сухую яблоньку. Девушки хранили эту яблоньку от свадьбы и до свадьбы в потаенном месте, и никто не знал, где она находится. В деревне Услимово Тарусского уезда за день до венчания девушки шли в гости к жениху и несли с собой разукрашенную елочку; девушек угощали, а елку подвешивали над столом. На девичнике у невесты тоже была елка. В селе Георгиевское Перемышльского района подружки невесты на девичнике также наряжали елку и носили по селу

Зинаида Яковлевна Гурова, Домна Ивановна Царькова,
д. Садовище Куйбышевского района Калужской области

на обозрение всем, потом возвращались в дом невесты, ставили на стол и «играли песни». На следующий день ее продавали — назначали цену 100–120 руб., приговаривали: «Наша елка дорого стоит, каждый сучок стоит четвертак. Сколько сучков столько и четвертакчиков!»... В селе Жилино Кировского района в разгар свадьбы маленькую елку, украшенную лентами, бабы крутили перед брачующимися и пели песни. Этот обряд назывался «обыгрывание молодых». Возможно, в этом обряде заключена еще и идея кручения с целью обеспечения плодородия, здоровья и благополучия, которая была наиболее ярко выражена у южных славян.

В 1997 г. в процессе изучения народных традиций и обычаев Куйбышевского района мною был записан свадебный обряд с использованием елки, который более подробно я опишу в своей работе. Обряд был записан со слов Зинаиды Яковлевны Гуровой (1930 г.р.) и Домны Ивановны Царьковой (1904 г.р.) в деревне Садовищи Куйбышевского района.

Когда девушку просватают, ее освобождали от всех хозяйственных дел. Главной заботой была подготовка приданого и даров. Если девушка не успела приготовить дары, то свадьбу откладывали на одну, а то и на две недели. В эти дни по вечерам к ней приходили подруги. «Каждый вечер ходили к невесте помогать — шили, вязали, вышивали», — вспоминала Зинаида Яковлевна. Накануне свадьбы, в девичник, девушки обряжали хату. Украшением являлись цветы из разноцветной бумаги, фантики от конфет. Иногда даже специально для этого ходили в магазин за конфетами. Искусственные цветы развешивали на стенах, на окнах (по 3–4 венка), особо украшался красный угол. Невеста и ее подруги ходили в лес, выбирали самую красивую небольшую елку (высотой до 1 метра), старались выбрать «постройнее», «поразвесистее» и приносили ее в дом невесты. Наряджались елка разноцветными цветами, сделанными из бумаги — конфетных оберток и лентами, «скрученными в цветочки». Елку устанавливали заостренным концом на большую ковригу (хлебный каравай) или же в кресло (крестовину) и ставили на стол. Наряджали до позднего вечера. «Наведем елку, стоит вся в бантах. Всякое разноцветье. Красиво было», — вспоминала Домна Ивановна. Далее происходило ритуальное прощание невесты с подругами — невеста обходила подруг и дарила каждой по венку. А утром в дом к невесте вновь приходили подруги и «садились

за елку» в ожидании жениха. Девушки сидели около невесты, а молодки — отдельно — на краю». «Девчата сидели все в венках и песни играли».

Цвела, цвела липушка алыми цветами!

Цвела, цвела липушка алыми цветами.
Ой-да-люли-люли, алыми цветами.
Расцвевши липушка стала опадати,
Ой-да-люли-люли стала опадати.
Стала опадати — листица роняти,
Ой-да-люли — люли листица роняти...

В скором времени приезжал жених с дружкой и сватами.

— Ну, милые люди! Мы приехали откупить стол. Ваша елка сколько стоит? Даем 25 руб.

— Дешево! — отвечали подруги. — 30 руб.

Начинался торг, который сопровождался шутками, прибаутками. Друга предлагал конфеты (1–2 кг). Но девушки стояли на своем, «отбрехивались»:

— Ёлка наша дорого стоит. Мы ее растили, берегли, ходили к леснику, приказывали за ней смотреть.

Когда цена становилась «хорошая» — елка отдавалась жениху. Он благодарил подружек за «красоту» — конфетами, вином, и те уходили из дому. Жених подходил к своей избраннице. Затем в дом заходили гости жениха. Невеста «одаривала» свекровь, свекра, золовок, деверей расшитыми рушниками, платками, рубашками, носовыми платочками.

После одаривания невесте расплетали косу, волосы закручивали и укладывали в пучок. Затем все приглашенные садились за стол.

Если елку продавали дешево, то уносили на другую свадьбу, если дорого, то елку несли в дом жениха. Такую свадебную процессию наблюдала О. Т. Никонова в 1960 г. Впереди шла крестная с наряженной елкой в руках, за ней шли жених с невестой и многочисленные гости.

Так, по словам З. Я. Гуровой, в деревне Садовищи выходили замуж Ганна Сафронова (1938 г. р.), Вера Тимохина (1939 г. р.).

Следующий свадебный обряд был записан мною совсем недавно — в марте 2017 года. В Козельском районе д. Курынич, как вспоминает Анна Степановна Ламкова (1931 г. р.), елок в деревне не было. Если намечалась свадьба, то просили односельчан, которые собирались в засеку (большой лес) за дровами, привезти маленькую елку или ветки от большой ели или сосны. Если не было такой возможности (привезти елку), а впоследствии рубить елки запрещалось, то девушки шли в овраг и ломали ветки ольхи, тополя, березы-мужика (ветви растут вверх), береза-женщина (береза повислая) для этих целей не годилась. Выбирали куст «порогастей» и чтоб макушка была красивой. Собирали из нескольких веток. Если это было летом, то ветви очищали от листвы. Приходили домой, плотно связывали ветки и ставили для опоры в банку. Наряжали «елку» бумажными цветами. Материалом служили газеты, фантики от конфет, упаковочная бумага, за которой специально ходили в магазин и просили у продавца. «Мы радовались каждой бумажке, цветному лоскутку, ленточке, тесемке», — вспоминает Анна Степановна. Следует отметить, что бумагу собирали и никогда не выбрасывали (собирали как приданое). В старину бумагу красили свеклой, синими чернилами, середину цветка — сажей, иногда в сердцевину вставляли тонкие куски разноцветных тканей. А когда появились акварельные краски — елка стала красивой. Для получения цветка лист размером примерно 29×21 см складывали пополам, делали гармошку, оставляли небольшую полоску, потом надрезали до полоски, распрямляли, переворачивали наизнанку и формировали цветок. Украшали очень плотно, чтобы почек на ветке не было видно. Далее делали бусы — брали бумагу, нарезали тонкие полоски, складывали гармошкой, затем бросали на елку. Наряжали «елку» в течение трех дней. Каждый вечер после работы подруги собирались у невесты. В обязанности невесты входило приготовление даров, в чем ей помогали ее подруги. При этом девушки пели грустные песни, а невеста причитала, ведь она покидала родительский дом, подруг, с которыми выросла, а иногда и родное село. Приходили на девичник и пожилые женщины, чтобы послушать причитание невесты. А утром, в первый день свадьбы,

А. С. Ламкова и свадебное деревце «Елка»

подруги снова приходили к невесте. Они садились за стол, «играли» песни «Отдаем молодую на чужую сторонушку» и ждали жениха со сватами. Елку подруги держали крепко в руках, чтоб дружка «не сцапал», не схватил без выкупа. Иногда дружка старался украсть елку и передать ее жениху. Когда приезжал жених, начинался «торг за елку». Самая бедовая из подруг торговалась с дружкой и женихом, требовала денег. Елку обычно продавали за 10 рублей. После выкупа подруги невесты выходили из-за стола, с невестой оставалась только близкая подруга. Жених с дружкой, гости жениха садились за стол, и начиналось традиционное угощение. На стол подавали каравай (каравай пекли из пшеничной муки, поливали маслом, посыпали сахарным песком), вино, мясо, холодец, солянку. После трапезы ехали в сельсовет. Елку устанавливали на дугу лошади. Гриву лошади заплетали в косы и украшали бумажными цветами, которые делали так же, как и на елку. Жених и невеста ехали в разных санях. На первых санях с елкой — жених с дружкой, на вторых — невеста со свахой. После регистрации возвращались в одних. Елку снимали

с дуги и ставили на свадебный стол. Затем начиналось традиционное подношение подарков. Сначала дарил невеста (ситец — свекрови, шарф или рубаху — свекру), потом одаривала свекровь. Далее начинался свадебный пир.

Мы живем в интересное и сложное время, когда на многое начинаем смотреть по-иному, многое заново открываем и переоцениваем. Сегодня становится модным включать старое в современные свадебные торжества. Возможно, и свадебное деревце вновь украсит свадебный ритуал. А почему бы и нет! Очень важно, чтобы мы, живущие ныне, и те, кто придет нам на смену, помнили о своих истоках (корнях), традициях. Ведь традиции — это корни, не позволяющие дереву упасть. Пока живы традиции — жива культура — жив народ.

Библиографический список

1. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПб.: Деловая полиграфия, 2005.
2. *Шереметева М. Е.* Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928.
3. *Раков В. Н.* Родники народного творчества. Из истории калужских промыслов. Калуга, 2009.
4. *Игумен Георгий (Евдачев).* Живой родник. Благочестивые традиции деревни Жилино. Смирение, оригинал, 2014.
5. *Чистова К. В., Бернштам Т. А.* Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978.

«БРЫНЬ-ПРОЕКТ» КАК БАЗИС ДЛЯ МУЗЕЯ «БРЫНЬ»

*А. С. Коршунов,
директор бренд-музея «Брынь»*

Ведь хорошо известно, что культура — в ее широком понимании — формирует высокие цели и нравственные идеалы, ведет по правильному пути к поиску смысла жизни.

Президент РФ В. В. Путин

Существуют довольно серьезные мировые методики расчета полезности культурных учреждений для развития регионов. Если мы будем опосредованно считать роль культуры в ВВП страны, я боюсь, что многие отрасли промышленности воспримут нас как серьезных конкурентов.

Министр культуры РФ В. Р. Мединский

Многообразна и удивительна история нашего государства. Множество городов и территорий, значимых и известных, а сколько еще мест малоизвестных или просто забытых.

Хочется вспомнить высказывание Никодима (Кононова), написанное в начале XX в.: «Много звезд на небе, и далеки они от нас. Мало знаем мы о них, но они нам светят и сияют из глубины небес, и по ним усталый путник правит путь свой по морю и по земле. Тихую отраду вливают в душу эти мерцающие таинственные светлые точки на темном небе ночи!.. Далеко так же от нас в глубину веков ушло и то время, когда жили и трудились на земле наши предки. Тьма веков и все пережитые краем невзгоды сокрыли от нас подробные сведения о жизни многих из них. <...> Но и то малое, что дошло и сохранилось, очень дорого для нас! <...> Своею жизнью, предки сияют светом добродетелей...»

Мне хотелось бы рассказать о селе Брынь, которое хоть и расположено по сегодняшним меркам недалеко от Москвы, но не может похвастаться широкой известностью.

2016 г. отмечен россыпью юбилеев поистине культурных жемчужин. В этом ряду целый ряд исторически значимых городов, празднующих свой 870-летний юбилей: Тула, Севск, Каргополь.

Свой 870-летний празднует и бывший город Брынь, расположенный между двух областных центров, Калугой и Брянском, связанных федеральной трассой «Украина». Все как бы привлекательно с точки зрения развития туризма и музейного дела, но, к сожалению, держится сейчас лишь на энтузиазме, что, однако, уже радует и вдохновляет.

Сельское поселение «Брынь» расположено в Думиничском районе Калужской области, среди лесов, полей и рек, в местах удивительных и славных. Бывшая Брынская волость Жиздринского уезда гостеприимно распахивает свои объятия приезжающим сюда людям. Село Брынь — излюбленное место для рыбаков и охотников, но редко посещают его любители архитектуры и истории, хотя есть на что посмотреть, а многое необходимо просто спасать.

Краеведы трудятся над сохранением исторической памяти о селе и его окрестностях. Собрано множество исторических материалов, постоянно выходят в свет книги по истории села и окрестностей; об известных людях, проживавших и бывавших в селе; событиях, происходивших в годы Великой Отечественной войны, и т. д. В здании школы и сельского клуба существуют народные музеи, о котором мы скажем ниже.

В 1146 г. на правом берегу р. Брынь в окружении древних курганов черниговскими князьями был основан одноименный город (ныне с. Брынь Сухиничского района). 17-метровые валы городища привлекают внимание и сегодня. Удивительные дали, которые описывает в своих произведениях М. М. Пришвин, открываются с этой высоты. А когда-то окруженный суровыми Брынскими лесами город служил защитным укреплением, контролирующим прямую дорогу из Муром в Киев. Именно здесь, в этих лесах, хозяйничал Соловей-разбойник и был пленен Ильей Муромцем. Проходя через Брынские леса, нес православную веру вятичам Кукша Печерский. О пребывании

в Брыни Михаила Черниговского мы находим упоминание в летописях. Но, не выдержав нападения Батгя, город пал и был сожжен дотла, к сожалению, уже как город не возродившись.

В 15 км южнее, на той же трассе М3 «Украина», но уже в Думиничском районе, расположилось богатое старинное село с каменными домами и одноименным названием Брынь. На старой карте 1726 г., хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, читаем: с. Толстошеево, Брынь тож. Брынью оно стало благодаря Никите Демидову, купившему село и построившему здесь, на запрудном озере (запруженная речка Брынь), промышленную усадьбу (единственную сохранившуюся на сегодняшний день в Центральной России) и заводской комплекс «Брынь». Впоследствии ветвь Н. Н. Демидова прервалась, хотя завод в разных вариантах просуществовал до середины XX в.

Именно на этом заводе, который при Толстых стал ткацким, работал местный «Кулибин» Г. Нестеров, который в 1834 г. (на 20 лет раньше, чем в Европе) изобрел механический ткацкий станок большой ширины. Фабрика перерабатывала испанскую и русскую шерсть, изготавливая сукно для русской армии. Продукцию завода без проверки закупал даже Китай, что свидетельствовало о высоком качестве изделий.

Брынь и Брынские леса стали убежищем для последователей старой (Брынской) веры и хранителей канонического Брынского (восьмиконечного) креста, что отражено в сочинениях Дмитрия Ростовского, который как сказано в похвалении святому, «Брыньские ереси победиша».

Брынская земля известна в том числе и самой древней сохранившейся в центральной России не восстановленной, а архаичной глиняной игрушкой, происходящей родом из деревни Хлудного, а также одноименным гончарным промыслом.

Кровопролитные сражения проходили на этой земле с древних времен. От древних событий не осталось памятных знаков или мемориалов. Даже засечная черта времен Ивана Грозного никак не осязаема. Самые памятные для нас сражения были в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Здесь сражались воины ОМСБОНА, регулярные части и партизаны из состава местных жителей. Эта земля была плацдармом для Ельнинской наступательной операции. А отдельные события 1941–1942 гг. стали самостоятельными топонимами.

Отгремели отчеты и праздничные мероприятия, связанные с юбилеем победы. Но, как и в случае с другими памятниками истории и культуры, мемориалы Великой Отечественной войны находятся не в лучшем состоянии, несмотря на все попытки краеведов и энтузиастов сохранить историческую память, дать истории актуальное звучание. Вспомнить, как говорил президент В. В. Путин, о «духовных скрепах», докопаться до корней и не потерять базис для развития в будущем.

История Брыни и окрестностей связана со многими известными фамилиями: Скобелевы, Тургеневы, братья Ляпины, Рябинины, Демидовы, Мальцевы, Толстые. И оставившими значительный след в истории личностями: Никита Демидов, Борис Зайцев, Яков Пятницкий, Михаил Пришвин, Алексей Толстой, Илья Муромец, Михаил Черниговский и многими другими. Может, начать все таки с Муромца и Михаила, а далее по хронологии?

Столь богатая история, безусловно, нуждается в сохранении; в переосмыслении, музеефикации и трансляции. Выражаясь современным языком — в брендинге.

У исторического поселения Брынь есть все необходимое, это самостоятельный сложившийся бренд. Давайте кратко рассмотрим.

1. История и взаимосвязь трех братских славянских народов в лице Киевской Руси (Черниговское княжество), великое княжество Литовское и Русское, великое княжество Московское, Российская империя, СССР, Россия.
2. История русской церкви и раскола XVII в. (Брынская вера).
3. Промышленное становление России (Н. Н. Демидов, Мальцов, Рябинин).
4. Народные промыслы и ремесла (хлудневская игрушка).
5. Знаменитые люди, жившие и бывавшие в Брыни.

Столь богатая история, безусловно, нуждалась в сохранении: в музее, посвященном историческому наследию Брыни непосредственно в самой Брыни. А поскольку такой музей отсутствовал, то, как уже было сказано выше, в 1980-е гг., был создан народный музей в здании сельского клуба, впоследствии расположившийся в Брынской средней школе. Осознание общей истории

воплотилось в картинной галерее из работ, выполненных местными художниками. Впрочем, на Брынской земле: есть музей Великой Отечественной войны в д. Маклаки, музей мер и весов в г. Сухиничи (закрыт), музей хлудневской игрушки (не открыт), музей «Гончарная семья» в д. Хлуднево (условно существует). Значит, они не есть, а нет... но могли или могут быть.

Как известно, время не стоит на месте. Возрождение начинается с духа и по велению души. Возрождается церковь. Отсутствие средств, даже при большом стремлении к действию, неоднократно приводило к остановке работ, но после длительных перерывов работы возобновлялись. К реставрационным и проектным работам привлекаются московские специалисты. В рамках «Брынь-проекта» активное участие на безвозмездной основе в благоустройстве и благоуукрашении принимают студенты кафедры реставрации монументальной живописи Строгановской академии. К восстановительным работам подключились многие добровольцы.

Участники «Брынь-проекта» сформулировали новую идею музея «музей Брыни — музей бренда Брынь» с призывом: «Создадим музей вместе», «Сохраним историю Брынской земли вместе», который дает результаты и приносит неожиданные плоды. Люди приносят и передают вещи (значимые для них), делятся воспоминаниями о предмете (почему эта вещь должна быть в музее, что связано с ней, какие воспоминания, люди, события).

Фондом «Преображение» в д. Гульцово проводится фестиваль «СолоМЫ» для многодетных семей и воспитанников детских домов.

Возрождаются народные промыслы, народный костюм, хотя с большими сложностями и трудностями и в первую очередь финансовыми.

В 2012 г. под создание музейно-туристического центра был выкуплен бывший сельский клуб. Это комплекс зданий, построенных около 1870 г. купцом Максимом Ивановичем Пономаревым, в настоящий момент находится на реконструкции. В зданиях и на территории проведен комплекс работ по удалению культурных наслоений, укреплению фундаментов, замены перекрытий первого и второго этажа, а также вычинка фасадов с восстановлением архитектурных элементов и восстановление деревянного второго этажа, проводятся работы по реставрации и восстановлению подлинных наличников. Проектные работы и авторский надзор безвозмездно ведет московская реставрационная фирма «Проектное бюро «ГранВиль». Параллельно осуществляется сбор материалов и реставрация экспонатов, пополняется коллекция музея. Прорабатываются архивы для уточнения исторических деталей и аккумуляции всех материалов и исследований по данной теме.

Разрабатывается и готовится к воплощению, совместно с Московской государственной художественно-промышленной академией имени С. Г. Строганова, проект иконы «Святые отцы земли Брынской», которая должна стать духовным сосредоточением исторической памяти. Ранее уже был осуществлен совместный проект киота для города Каргополя «Святые отцы Каргопольские чудотворцы».

В связи с отсутствием денег у государства на создание и содержание музея исторического поселения и сокращением трат на культуру музей финансируется из частных средств, а сельсовет представляет помещение для размещения музея на время реконструкции здания. Все работы по реставрации здания и экспонатов, а также пополнение фондов осуществляются на частные средства участников «Брынь-проекта» и автора концепции.

Более подробную и развернутую информацию, о нашей деятельности в рамках «Брынь-проекта» и музея можно прочитать на сайте музея Брынь.рф.

У музея «Историческое поселение Брынь» сложные в исполнении, но благородные цели. В наше непростое время создание и реконструкция сельского негосударственного музея — дело практически фантастическое. Задачей музея является сохранение, представление и популяризация материального наследия и исторической памяти. В связи с этим разработана и принята к осуществлению концепция народного бренд-музея «Брынь». По своей сути это не только собирательство и хранение предметного ряда, традиционными методами классического музея. А привлечение и вовлечение заинтересованных людей в процесс создания и функционирования музея Брыни как бренда. Музея о людях и событиях Брынской земли, где человек и его личная история — это базис, а исторические и «духовные скрепы», о которых говорил президент В. В. Путин, это посыл и вектор развития поколений и территории.

За год существования сайта стало понятно, что необходимо отказаться от архаичной заявки существования в форме визитки, а превратить его в доступный и всеобъемлющий ресурс по теме «Бренд БРЫНЬ», на страницах которого будут аккумулироваться все доступные материалы по теме.

К юбилею Брыни разработан проект герба и флага сельского поселения. В честь юбилея открыта обновленная, хотя и временная экспозиция музея в здании администрации села на выделенной территории клуба.

Не в разmere населенного пункта дело и даже не в его статусе. Привлекают внимание места разрекламированные, находящиеся на слуху, такие как города Золотого кольца.

Постепенно реклама стала двигателем не только торговли, но и туризма. Вслед за Золотым кольцом появилось Серебряное кольцо, Озерное ожерелье и т. д. Привлечение туристов становится задачей не только туристической индустрии, но и музеев. Переосмыслить прошлое, подать его по-новому и после нахождения «изюминок» привлечь как можно больше людей, поделиться с ними радостями и напомнить о своем существовании — вот какие цели ставятся сегодня перед музеями и музейными комплексами.

Соответственно, важной идеей является объединение на добровольных началах существующих музеев в музейный кластер с целью образования туристического предложения и проведения единой как рекламной, так и брендовой политики.

Открытие музейно-туристического комплекса планировалось на конец 2018 г. Но в нынешней непростой экономической ситуации и в связи с осуществлением работ на пожертвования, планы, скорее всего, будут скорректированы.

Суть концепции состоит в переосмыслении имеющегося материала музея, выработке новых подходов к экспозиции с использованием мультимедийных технологий и создании нового типа музея «живой музей».

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО СПОРТИВНОГО ТУРИЗМА В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Л. Кундельский,

краевед (г. Калуга), мастер спорта России по спортивному туризму;

Т. А. Иванова,

*учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 50» г. Калуги,
председатель областной федерации спортивного туризма,
мастер спорта России по спортивному туризму*

В марте 1977 г. проходили выборы во вновь создаваемую областную федерацию самодельного туризма (в те времена спортивный туризм называли самодельным), где впервые создавалась комиссия по развитию детско-юношеского туризма. В состав президиума федерации на должность председателя указанной комиссии был избран инженер ВНИИМЭТ В. Л. Кундельский. В то время особого туристского опыта он не имел (была «тройка» пешеходная — участие и «двойка» пешеходная — руководство), но было участие в судействе городских и областных туристских слетов школьников. Правда, в то время он уже несколько лет руководил секцией (так в то время называлась федерация) спортивного ориентирования, работавшей при областном совете по туризму и экскурсиям. В рамках секции у него был кружок школьников, занимавшихся спортивным ориентированием. Поэтому можно сказать, что какой-то педагогический (тренерский) опыт он уже имел. Пожалуй, следует упомянуть, что образование у него было высшее техническое (инженер электронной техники).

Руководили в то время туристскими группами школьников учителя — ветераны педагогического труда: Вячеслав Сергеевич Зеленев (средняя школа № 5 г. Калуги), Вера Владимировна Беляева (средняя школа № 12 г. Калуги), Евгений Васильевич Коробков (Ферзиковская средняя школа), Василий Николаевич Щелчков (Мещовская средняя школа), Петр Андреевич Титов

(Хвастовичская средняя школа) и др. Надо заметить, что техническая подготовка туристско-школьников была слабой. Их руководители были в основном краеведами, нормативных документов по самостоятельному туризму они практически не знали.

Из дальних маршрутов были известны несколько походов школьников, совершенных в начале 1950-х гг. под руководством учителя средней школы № 3 г. Калуги А. Д. Юдина (Хибины и Северо-Западный Кавказ) и несколько походов учащихся, организованных в конце 1970-х гг. комнатой школьника в поселке Черемушки г. Калуги под руководством взрослых туристов из Калужского машиностроительного завода, шефствовавшего над данной комнатой школьника (Карпаты и Западный Саян).

Поэтому в работе комиссии по развитию детско-юношеского туризма было намечено решить три перспективных задачи: 1) наладить подготовку кадров руководителей туристских групп школьников; 2) создать маршрутно-квалификационную комиссию при Калужской областной станции юных туристов (облСЮТур) по выпуску на маршруты туристских групп школьников; 3) организовать на базе облСЮТур общественные клубы инструкторов школьного туризма и юных туристов.

В качестве текущей работы комиссии намечалась организация большего числа туристских кружков школьников и учащихся учреждений среднего и высшего профессионального образования. И, действительно, удалось привлечь к этой работе опытных туристов и ориентировщиков: Владимира Григорьевича Плакущева — мастера завода КЗАМЭ, Павла Николаевича Галкина — преподавателя профтехучилища № 8 и его супругу Галину Ивановну Галкину — преподавателя так называемого «молочного» техникума — КМТТМП.

1. Подготовка кадров руководителей туристских групп школьников

Подготовку кадров руководителей туристских групп школьников решено было организовывать на базе студентов педагогического института. Вопрос об открытии на факультете дополнительных педагогических профессий — ФДПП (в то время он назывался ФОП — факультет общественных профессий) — отделения по подготовке организаторов туристско-краеведческой работы для общеобразовательных учреждений области возник примерно в начале второй половины 70-х годов XX века. Связано это было с началом бурного развития туризма в Советском Союзе, ответственность за рост показателей которого была возложена на недавно созданный Центральный совет по туризму и экскурсиям в системе профсоюзов с областными советами в регионах. Поскольку вновь созданная структура остро нуждалась в специалистах для работы в разных направлениях, была выдвинута идея их подготовки на факультетах общественных профессий многочисленных педагогических институтов. Однако попытка создания подобного отделения с подготовкой спортивных туристов и чуть позже экскурсоводов в калужском пединституте почему-то сходу не была поддержана ректором института М. А. Касаткиным. Сотрудники Калужского областного совета по туризму и экскурсиям во главе с тогдашним начальником отдела Валентиной Николаевной Тониной предприняли настоящую осаду пединститута. Пункт о создании отделения по туризму в рамках ФОП пединститута был включен в одно из постановлений обкома комсомола. Затем нечто подобное было включено в постановление облсовпрофа. Но только включение подобной записи в принятое постановление обкома КПСС вынудило Касаткина согласиться с созданием отделения туризма на ФОП. Указанное отделение было открыто 1 сентября 1979 года с двумя преподавателями по совместительству — инженером ВНИИМЭТ, перворазрядником по спортивному туризму Валентином Леонтьевичем Кундельским и учителем физики средней школы № 5 г. Калуги Сергеем Вадимовичем Зеленовым. Следует заметить, что большую помощь по запуску работы отделения оказала активная туристка, студентка истфака, Ольга Долганова (позже — Лареева) из Людиновского района, которой удалось раздобыть первые программы работы подобных отделений.

Первоначальная идея подготовки кадров через ФОП виделась в быстрой и высококачественной подготовке из студентов пединститута как спортивных туристов-разрядников, так и инструкторов спортивного туризма для работы со школьниками. Однако опыт работы на ФОП показал, что набор студентов как в качественном, так и в количественном плане, а затем последующий их отсев не обеспечивают необходимого разворота туристско-массовой работы. Задача обеспечения проведения всех необходимых для успешного ведения учебно-тренировочного процесса

походов потребовала весьма высокого напряжения от преподавателей отделения. Так, обычно приходилось в течение календарного года совершать не менее четырех походов разных категорий сложности, используя для этих целей все каникулы, отпуска, праздничные и выходные дни, зарабатываемые специально для этих случаев отгулы. Кроме того, С. В. Зеленев вскоре данную работу оставил, что также сказалось на возможностях отделения.

Если пройтись по годам работы отделения, можно отметить многих выпускников, которые посвятили значительную часть своей педагогической деятельности (а в итоге, можно сказать, и жизни) подъему и развитию в Калужской области спортивного туризма, т.е. продуктивной работе по второй, дополнительной педагогической профессии. Именно благодаря их самоотверженной деятельности в значительной мере обеспечен прорыв совсем небольшой по численности населения и по площади территории Калужской области, отстоящей достаточно далеко от таких «раскрученных» туристских территорий, как Алтай, Кавказ, Урал и Байкал, от таких «грандов» туризма, как Москва, Краснодар, Новосибирск, Иркутск, Барнаул, в число лидеров российского туризма, занимаемая в рейтинге по уровню развития спортивного туризма в рамках чемпионатов России призовые места, а довольно часто даже выигрывая эти необычные в практике спорта соревнования.

2. Организация маршрутно-квалификационной комиссии для юных туристов

В 2014 году исполнилось 30 лет маршрутно-квалификационной комиссии (МКК) Калужского областного центра детско-юношеского туризма и экскурсий ранее называвшегося областной станцией юных туристов (облСЮТур). Дата в какой-то мере уже юбилейная. Что же такое МКК и чем она занимается?

Когда проводятся туристские походы школьников, а именно ими занималась облСЮТур, кто-то должен оценивать умение руководителей походов грамотно выбрать маршрут, безаварийно его пройти и после похода квалифицированно по нему отчитаться. Это достаточно сложная, серьезная и кропотливая работа, которую трудно осилить директору школы или методисту центра, но которую с успехом выполняет на общественных началах коллектив экспертов, состоящий из достаточно опытных туристов, неоднократно водивших туристские группы школьников в походы. Это и есть МКК облСЮТур.

У МКК есть несколько основных функций, и, пожалуй, основной из них является профилактическая работа, направленная на предотвращение чрезвычайных ситуаций на маршруте, другими словами, чтобы дети — участники походов возвращались домой живыми и здоровыми, полными положительных эмоций от пережитого на маршруте, с желанием еще не раз побывать в тех экстремальных ситуациях, где необходимо уметь выживать в природной среде, не надеясь на добрую маму или теплую квартиру. За все эти годы не зафиксировано ни одного мало-мальски серьезного случая, связанного с нарушением здоровья у участников походов. А их ни много ни мало, а около восьми с половиной тысяч — более 700 туристских групп школьников. И это говорит как о вполне удовлетворительной подготовке кадров руководителей туристских групп, так и достаточно квалифицированной работе МКК по предотвращению несчастных случаев.

Направление деятельности МКК, связанное с маршрутной работой, заключается как в оказании консультаций, так и в проверке правильности выбора группой района путешествия, в рассмотрении разработанного руководителем маршрута соответствующей сложности, в обеспечении его запасными и аварийными вариантами, в проверке подбора группового и личного снаряжения, в проверке расчета продуктов питания и многого другого. За каждым из этих пунктов стоит большая организационная работа. Например, одной из самых сложных проблем, встающих перед руководителем, является выбор района путешествия. За эти 15 лет туристами области, в т.ч. школьниками, кроме маршрутов по родному краю, был освоен целый ряд интересных в туристском отношении районов: Карпаты, Крым, Хибины, Урал Южный, Северный, Приполярный и Полярный, Тянь-Шань Северный и Западный, Саяны Западные и Восточные, Алтай Восточный и Центральный, пустыня Каракумы с горными системами Каратау, Балханов и Копет-Дага. (А что такое освоить район? Это пилотные путешествия по этому району с группой будущих потенциальных руководителей с целью первоначального ознакомления, это в прошлом всегда сложное доставание картографических материалов, это краеведческая проработка нового района, это описание перевалов, написание отчетов

по походам и т. п.) С распадом Советского Союза произошла утрата многих районов, и для туристов это обстоятельство является особенно печальным.

По результатам статистических выборов, в настоящее время доля походов, которыми руководят выпускники отделения, составляет около 40% в общей массе спортивных туристских походов в области. Они уводят от наркомании и преступности примерно половину всех участников походов, а это составляет до 1000 человек в год.

3. Организация общественных туристских клубов в детском туризме области

Накануне перестройки и во время ее в обществе прозвучала тревога по поводу состояния образования в стране. Выдвинулись видные и яркие представители так называемой «педагогике сотрудничества», в среде комсомольских работников и в системе организации пионерских оздоровительных лагерей получила поддержку так называемая «коммунарская методика воспитания», в которой основным элементом воспитания были коллективные творческие дела. Так случилось, что в системе организации детского туризма Калужской области оказалось несколько человек, знакомых с данными методиками. Это Дмитрий Дмитриевич Сергеев — комсомольский работник из г. Обнинска, Александр Ильич Сидорка — учитель биологии из Долговской средней школы Мосальского района, Александр Николаевич Зайцев — руководитель детского клуба самодетельной песни в г. Калуге. С их помощью во время школьных каникул несколько лет проводились очень популярные в среде школьников туристские сборы. Следует заметить, что в числе воспитательных моментов фигурировала и получившая в это время самую широкую популярность в стране самодетельная (авторская) песня, которая и раньше была тесно связана с туризмом.

Для улучшения обстановки в среде обучающихся осенью 1982 года на базе отделения ФОРП и областного центра детско-юношеского туризма были организованы общественные клубы — областной клуб инструкторов школьного туризма «Всемир» и Калужский городской детский туристский клуб «Шаги», которые сделали возможным достижение таких результатов в школьном туризме области, которые до сих пор являются непревзойденными. Динамика изменений ежегодного количества походов калужских туристов приведена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Динамика изменений ежегодного количества походов калужских туристов

Год	Всего	Группы взрослых	Группы детей Калужской области	Группы детей г. Калуги
1984			13	10
1986			63	54
1988	138	72	66	55
1990	131	75	56	41
1992	63	28	35	22
1994	68	14	54	37
1996	73	24	49	31
1998	50	25	25	12
2000	71	31	40	14
2002	94	54	40	10
2004	144	81	63	17
2006	146	81	65	26
2008	135	88	49	23
2010	130	88	42	12
2012	113	69	44	14
2014	125	67	58	23
2016	108	62	46	20

Организация клубов позволила снять некоторую долю рутинной нагрузки с преподавателей и запустить систему самоуправления в деле организации походов и тренировочных занятий, что повысило заинтересованность студентов в конечных результатах деятельности отделения. Создание детского турклуба логично привело студентов отделения к руководству туристскими группами школьников, и таким образом в какой-то мере была решена проблема практических занятий со школьниками.

Одной из насущных проблем в первые годы работы отделения было запуск системы спортивного честолюбия. Дело в том, что более-менее состоявшиеся спортсмены шли на занятия в отделение по видам спорта, которые вела кафедра физвоспитания и где для них действовала определенная система льгот и поддержек. Спортивный туризм, хотя и являлся видом спорта с 1949 г., но развивался все эти годы не в системе спорта, а в системе профсоюзов. Работники спорта о нем практически ничего не знали, не изучали в институтах физкультуры, не использовали в практической деятельности результаты проводимых соревнований, не включали в массовые спартакиады, проводимые по ведомственному принципу среди предприятий и организаций. А без спортивного честолюбия заниматься любым видом спорта достаточно сложно. Поэтому была разработана система информирования и поздравления студентов отделения с выполнением нормативов спортивных разрядов и званий, с занятыми местами на внутриобластных и российских соревнованиях, которая постепенно прижилась и стала естественной нормой на отделении.

Еще одной проблемой, на которую пришлось переключиться, было ситуация с положением спортивного туризма и в стране, и в области, и в городе, и в институтах, о котором немного было уже сказано выше. Для того чтобы «сдвинуть» ситуацию с места, возникла необходимость организации научной работы на отделении. Одной из первых разработок стало изменение формулы чемпионата области, которая включала личный зачет, до этого не практиковавшийся в спортивно-массовой работе со спортивным туризмом как командным видом спорта. Внедрение личного зачета в чемпионат области в 1988 г. позволило уже в следующем году включить спортивный туризм в летнюю областную спартакиаду муниципальных образований, что придало ему заметно больший вес как виду спорта и повысило заинтересованность районных спорткомитетов в его развитии. Как следствие, студенты — участники походов стали временами получать материальную поддержку от своих райспорткомитетов. Следующим шагом в направлении применения личного зачета стало проведение областных первенств вузов, ссузов и общеобразовательных школ, которые со временем также удалось включить в соответствующие спартакиады, что также способствовало повышению статуса студентов-туристов в своих вузах. Выпускников отделения стали приглашать на работу школы и другие учебные заведения.

Внедрение разработанного личного зачета на федеральном уровне привело к появлению в программе чемпионатов России нового вида программы — рейтинга регионов по уровню развития спортивного туризма, который был внедрен в 2001 г. и за прошедшее время доказал свою полезность и эффективность.

Еще одной полезной идеей оказалась разработанная система мониторинга за состоянием развития спортивного туризма в области среди различных категорий занимающихся, что позволяет областной федерации постоянно отслеживать уровень достижений и добиваться новых успехов. А в целом, на отделении подготовлено уже более 60 научных публикаций на самые животрепещущие проблемы современного спортивного туризма. Обработка массивов информации с чемпионатов России привела, например, к открытию интересного феномена, не получившего еще научного объяснения, но оформленного в виде статистической закономерности (первого закона спортивного туризма): оказывается, что в любом случайном, достаточно статистически большом множестве зарегистрированных спортивных категорийных туристских походов количество походов и их участников в зависимости от категории сложности походов статистически подчиняется закону геометрической прогрессии со знаменателем 0,5. На практике он уже применяется для анализа статистической отчетности от регионов по спортивному туризму.

Появились достижения и на квалификационном поприще. В 2003 г. норматив мастера спорта России по спортивному туризму выполнила выпускница 1992 г. Елена Сосина, а в 2004 г. ее успех повторила выпускница 2002 г. Татьяна Иванова, оказавшаяся одной из самых молодых мастеров

Т а б л и ц а 2

Наиболее активные инструкторы детского спортивного туризма Калужской области за 1984–2016 годы										Итоговая оценка инструкторов				Итоговое место инструкторов в рейтинге
Фамилия, имя	Муниципальный район	Год рождения	Спортивный разряд, звание	Первоначальное отношение к туризму	Параметры оценки инструкторов			Тех. сложность туристских маршрутов						
					Количество организованных тур. групп	Количество привлеченных в тур. группы участников	Место	Сумма баллов	Место	Сумма мест				
					Всего	Место	Всего	Место	Сумма баллов	Место	Сумма мест			
Сосин Владимир	Держинский	1969	КМС	Кружковец	80	2	805	1	599	2	5	1		
Иванова Татьяна	Юховский, Калуга	1979	МС	ФОП	86	1	776	2	537	3	6	2		
Кундельский Валентин	Калуга	1943	МС	ФОП	70	3	627	4	1064	1	8	3		
Божева Инна	Обнинск	1969	МС		70	3	707	3	448	4	10	4		
Зайцев Александр	Калуга	1958	1р		54	4	599	5	317	6	15	5		
Белугин Андрей	Людиновский	1972	КМС	ФОП	42	5	457	6	332	5	16	6		
Бабинцев Юрий	Козельский, Калуга	1961	МС		28	7	306	10	204	8	25	7		
Перов Владимир	Калуга	1963	КМС	СО	28	7	342	9	186	10	26	8		
Рукавичкин Дмитрий	Обнинск	1971	1р		35	6	380	8	126	13	27	9		
Винокуров Андрей	Ферзиковский	1980	КМС	ФОП	27	8	245	12	224	7	27	9		
Маймусов Владимир	Думиничский	1968	1р	ФОП	26	9	455	7	67	18	34	10		
Гусева Светлана	Мещовский, Калуга	1972	1р	ФОП	22	11	230	14	180	11	36	11		
Никитина Галина	Калуга, Малоярославский	1965	КМС	ФОП	18	13	218	15	151	12	40	12		
Сосина Елена	Держинский	1969	МС	ФОП	18	13	163	20	198	9	42	13		
Зиновьева Елена	Калуга	1962	2р	СО	19	12	305	11	64	20	43	14		
Вахуров Александр	Бабынинский	1969	2р	ФОП	17	14	197	17	97	14	45	15		
Хазикова Наталья	Людиновский	1975	2р.		23	10	153	21	68	17	48	16		
Сидорка Александр	Мосальский	1959	1р		17	14	177	19	73	16	49	17		
Беляева Вера	Калуга	1945	2р		16	15	244	13	45	22	50	18		
Вахурова Оксана	Бабынинский	1972	1р	ФОП	14	16	189	18	50	21	55	19		
Хремчев Сергей	Калуга	1970	2р.	ФОП	12	17	133	23	75	15	55	19		
Евстафьева Любовь	Калуга, Перемышльский	1965	2р	ФОП	14	16	198	16	35	24	56	20		
Симоненко Петр	Калуга, Держинский	1966	2р	ФОП	12	17	139	22	66	19	58	21		
Зварницкая Любовь	Калуга	1964	2р	СО	14	16	120	24	40	23	63	22		
Сафонова Елена	Калуга	1978	2р	Кружковец	11	18	95	25	32	25	68	23		
Сергеева Ольга	Калуга, Обнинск	1962	КМС	ФОП	6	21	54	30	50	21	72	24		
Самарин Тимофей	Калуга, Держинский	1991	2р	ФОП	7	20	83	26	18	27	73	25		
Гущин Глеб	Калуга	1989	2р	ФОП	9	19	73	28	24	26	73	25		
Короткова Надежда	Калуга	1986	КМС	ФОП	6	21	50	31	50	21	73	25		
Бабинцева Евгения	Калуга	1973	2р		6	21	75	27	16	28	76	26		

спорта по туризму в стране за всю историю его существования, что, помимо всего прочего, говорит о высоком уровне подготовки на отделении.

Централизованный учет выпускников отделения позволял контролировать их устроенность на работу по дополнительной профессии, оказывать помощь в организации и проведении походов, дополнительно повышать свою квалификацию за счет участия в учебных походах более высокой сложности уже за пределами обучения на отделении и т.п. Пешеходный поход 5-й категории сложности по Центральному Алтаю, проведенный выпускниками отделения в 1997 г., занял на чемпионате России почетное 2-е место. Калужская область в пешеходном туризме впервые оказалась в призерах чемпионата. В 2003 г. победителем чемпионата в классе пешеходных походов 4-й категории сложности стала группа студентов и их воспитанников под руководством выпускницы отделения Татьяны Ивановой. В 2005 г. студенты отделения под руководством В. Л. Кундельского совершили первый в области пешеходный поход 6-й категории сложности и заняли с ним 2-е место на чемпионате России. В 2006 г. успех Т. А. Ивановой повторил выпускник отделения 2003 г. Андрей Винокуров за поход 4-й категории сложности по Байкальскому хребту. А «шестерка» калужан 2006 г. на базе студентов и выпускников отделения под руководством Т. А. Ивановой повторила успех 2005 г., заняв 2-е место среди походов 6-й категории сложности и 3-е место в абсолютном классе. В этом же году Калужская область в «Рейтинге регионов по уровню развития спортивного туризма» чемпионата России заняла 1-е место, а учитывая, что около половины совершенных походов в области делается руками выпускников отделения, отделение имеет полное право считать себя сопричастным этому успеху области.

Подводя итоги работы федерации спортивного туризма по развитию детско-юношеского туризма в области, по заявочным данным всех МКК были выбраны наиболее активные руководители туристских групп учащейся молодежи по категорийным маршрутам, которые за рассматриваемое время сводили в походы наибольшее количество учащихся, либо организовали наибольшее количество походов, либо набрали наибольшее количество баллов за техническую сложность маршрутов, и по данным параметрам был определен рейтинг наиболее активных инструкторов школьного туризма (указанный список приведен в табл. 2).

Так вот эти 30 человек из 224 зафиксированных руководителей (13,4%) организовали и провели 40% всех походов и всех участников походов и половину всех походов с учетом их технической сложности.

В заключение следует сказать о тех, кто обеспечивал весь этот фронт работ и его безаварийность, кого не благодарили, а иногда даже ругали, кто допоздна читал отчеты и писал на них рецензии, кто еженедельно приходил на «день МКК» и учил руководителей правильно оформлять документы, об общественниках, которых во многих сферах нашей жизни уже не стало, и о сотрудниках станции юных туристов, которых часто величают не очень ласковым словом «чиновник». В первую очередь, необходимо отметить инициатора создания МКК, бывшего завуча станции Леонида Борисовича Смирнова, директоров станции Н. И. Штанкова, Е. И. Росман, А. И. Леонова и О. А. Мусаева, сотрудников станции С. Д. Богданову, С. А. Степанову, Н. В. Кузину, А. Н. Громова, А. Н. Зайцева, общественников — В. Г. Плакущева, работника КЗАМЭ, Г. Г. Никитину, О. А. Конову, Т. В. Коновалову, И. Н. Четверикову, С. Н. Хремчева, С. В. Голанову, А. Е. Вахтурова, П. П. Симоненко, Т. А. Иванову, А. В. Винокурова — студентов пединститута, ставших учителями школ области, и многих других.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОЕ СРАЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ОБЗОР КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В. В. Зырянов,

магистрант II курса Калужского государственного университета им К. Э. Циолковского

С глубокой древности территория современной Калужской области была ареной для военных конфликтов между Русью (впоследствии—Московским княжеством, и, наконец, Россией) и ее внешними врагами—на Калужской земле вооруженной рукой встречали татар, литовцев, поляков. В октябре 1812 г. за маленький русский городок Малоярославец, расположенный на границе Калужской губернии, разыгралось кульминационное сражение Отечественной войны между русской и французской армиями, исход которого предreshил катастрофу императора Франции Наполеона I в России.

Героические образы, рожденные Малоярославецким сражением, легли в основу политики памяти событий Отечественной войны 1812 г., акторами которой явились как государство, так и общество. Под «политикой памяти» О. Ю. Малинова, понимает «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях—и законодательного регулирования». С термином «политика памяти» неразрывно связано понятие коммеморации, означающей действия по увековечиванию социально значимых исторических событий или лиц.

Образы Малоярославецкого сражения, глубоко затронув чувства русского общества, послужили основой для создания ряда творческих произведений литературного, художественного и архитектурного типа.

Одними из первых память о Малоярославецком сражении отобразили в своих работах художники. Произведения Жана-Батиста Мартине «Битва русской и французской армий за Малоярославец 24 октября 1812 года» и Петера фон Гесса «Сражение под Малоярославцем 12 октября 1812 года», Соломона Карделли «Победа при Малоярославце» открыли серию произведений, посвященных данному событию.

Советские художники в своих работах продолжили и развили тему Малоярославецкого сражения. Среди них отметим произведение русского художника-баталиста Николая Семеновича Самокиша, написавшего полотно «Бой под Малоярославцем». Другим советским художником, основателем целого направления советского диорамного искусства, является Ефим Исаакович Дешалыт, создавший диораму для Малоярославецкого музея 1812 года. В качестве сюжета был выбран эпизод отражения полками 8-го и 6-го пехотных корпусов М. М. Бороздина и Д. С. Дохтурова атаки французских пехотинцев перед воротами Николаевского Черноостровского монастыря. Звуковое сопровождение диорамы осуществляется посредством увертюры П. И. Чайковского «1812 год», созданной композитором к 70-летию победы в Отечественной войне 1812 г. Текст диорамы озвучил актер театра «Современник» Р. В. Суховерко, известный своими работами по озвучиванию героев мультфильмов и кинофильмов. В результате объединенных усилий мастеров своего дела диорама Малоярославецкого сражения создает сильное впечатление и привлекает к себе внимание зрителей до сих пор.

Среди художников-баталистов отметим нашего современника Александра Юрьевича Аверьянова, создавшего целый ряд картин, посвященных Малоярославецкому сражению: «Соборная площадь в Малоярославце 13–25 октября 1812 года», «Сражение за Малоярославец 12 (24) октября 1812 года» и «Дивизионный генерал А. Ж. Дельзон в бою за Малоярославец 12 (24) октября 1812 года». Работам А. Ю. Аверьянова свойственны масштабность и в то же время внимание к мельчайшим деталям.

Память о Малоярославецком сражении сохранилась также и в архитектуре. Накануне 25-летнего юбилея окончания Отечественной войны 1812 года в Российской империи стартовал проект возведения в различных областях государства комплекса памятников на местах сражений.

Разработка и утверждение проектов находились под непосредственным контролем императора Николая I. Среди представленных проектов государь выбрал архитектора Антонио Адамини, проект которого представлял собой сочетание силуэта православного храма и обелиска: 22-метровую восьмигранную пирамиду, вершина которой была увенчана чешуйчатой луковичной главкой с высоким позолоченным шестигранным крестом. Местом для установления памятника было выбрана центральная площадь Малоярославца. Закладка памятника произошла 26 августа 1844 г., торжественное открытие монумента — 29 октября 1844 г. Несмотря на то что в годы советской власти монумент был снесен, начиная с 1980-х годов, благодаря инициативе общественности и внесенным добровольным пожертвованиям начался долгий процесс восстановления памятника, который закончился установлением монумента в 2011 г.

Еще одним архитектурным объектом, одним из первых отобразивших память о сражении за Малоярославец, является здание Малоярославецкого военно-исторического музея Отечественной войны 1812 г. Первоначально в 1860 г. на этом месте была построена часовня, возведенная на средства отставного майора Федора Максимовича Максимова, ветерана Отечественной войны 1812 г., участника Малоярославецкого сражения. В часовне монахи Николаевского Черноостровского монастыря читали псалтырь, служили панихиду о павших в бою войнах, следили за чистотой.

После Октябрьской революции 1917 г. службы в часовне прекратились, в ней попеременно находились сначала пивная лавка, затем парикмахерская. Однако после окончания Великой Отечественной войны местными властями было принято решение о передаче здания бывшей часовни музею 1812 г. В 1947 г. начал работы по созданию музейной экспозиции в здании бывшей часовни первый директор музея Александр Ефимович Дмитриев. Открытие музея состоялось 18 декабря 1948 г. Его экспозицию представляли книги, гравюры, портреты героев Отечественной войны 1812 г., многочисленные археологические находки. В 1985 г. Малоярославецкий музей Отечественной войны 1812 г. был перенесен в большее здание, а в освободившемся помещении бывшей часовни решено было создать диораму.

Малоярославецкое сражение нашло свое отображение также и в скульптурных произведениях. В связи с приближением 100-летия окончания Отечественной войны 1812 г. правительством было принято решение о постановке различными воинскими частями памятников на местах сражений. Задачу соорудить памятники в Малоярославце взял на себя 5-й армейских корпус, чьи полки принимали участие в сражении 12 (24) октября 1812 г. В Малоярославце было установлено наличие четырех братских могил, в трех из которых были погребены русские солдаты, а в 4-й, предположительно, солдаты итальянской дивизии Д. Пино. Было принято решение о сооружении памятников на всех 4-х братских могилах. При этом памятник на главной братской могиле, возле часовни, должен был быть выполнен по отдельному проекту. Композиция данного памятника состояла из фигуры солдата-пехотинца, возлагающего венок к подножию креста с надписью «Героям 1812 года». Скульптором стал петербургский мастер Василий Николаевич Руссо. Взявшись за работу, В. Н. Руссо изготовил временную гипсовую скульптуру солдата, которая была торжественно установлена на постаменте 12 октября 1912 г. Работа над памятником продолжалась всю зиму, и к 6 мая 1913 г. была закончена, а 15 мая гипсовая скульптура солдата была заменена на бронзовую.

Одновременно шли работы по возведению двух других памятников — на Нижесолдатской улице и возле старого кладбища. В это время выяснилось, что кладбище, первоначально принятое за место захоронения французских солдат, на самом деле не относится к событиям 1812 г., вследствие чего было принято решение памятник на нем не возводить. Работы по возведению памятников были окончены к 5 октября 1912 г.

Следует отметить, что увековечивание памяти о сражении за Малоярославец имело не только общий, безликий характер. Существуют также памятники и конкретным персоналиям, имевшим отношение к произошедшему сражению. Так, в 1883 г. житель Малоярославца, генерал-майор А. Я. Миркович предложил увековечить память о Малоярославецком чиновнике Савве Ивановиче Беляеве, который, согласно городской легенде, при наступлении французских войск разрушил городскую плотину, в результате чего хлынувший поток воды снес наведенные через р. Лужу неприятелем мосты, что задержало его наступление на несколько часов. Общественность Малоярославца

поддержала идею А. Я. Мирковича, и благодаря собранным средствам в 1896 г. памятник С. И. Беляеву был открыт перед зданием мужского училища. Памятник представлял собой бронзовый бюст, установленный на чугунном постаменте. В 1930-е гг. бюст С. И. Беляеву был снесен по решению советской власти, однако через 20 лет стараниями калужских скульпторов был восстановлен.

В Малоярославце существует также монумент французским воинам, погибшим в Малоярославецком сражении. Речь идет об убитом дивизионном генерале, командире 13-й пехотной дивизии А. Ж. Дельзоне и его брате Ж. Б. Дельзоне, смертельно раненном в Малоярославце. Памятник представляет собой стелу из серого мрамора, которая была изготовлена во Франции и передана Николаевскому Черноостровскому монастырю в 1992 г.

Говоря об литературных произведениях, необходимо отметить, что тема данного сражения занимает в них второстепенную роль, и события, связанные с Малоярославецким сражением, практически не влияют на развитие сюжета. Так, среди первых художественных произведений, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г., отметим повесть Софьи Марковны Макаровой «Грозная туча», а также произведения советских писателей: роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», роман «Кутузов» и повесть «Славный год войны народной» О. Н. Михайлова. Сюжет данных произведений развивается на фоне событий Отечественной войны 1812 г., в них присутствует художественное описание Малоярославецкого сражения. При этом авторы вкладывали в уста своих героев известные из исторических источников фразы, например, восклицание М. И. Кутузова при появлении командира арьергарда русской армии М. А. Милорадовича «Ты ходишь скорее, чем летают ангелы!», или приказ П. П. Коновницыну о штурме города: «Ты знаешь, как я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться в огонь... Но теперь прошу тебя очистить город!» М. И. Кутузов представлен в образе мудрого и храброго полководца, что вполне соответствовало духу времени.

Таким образом, подводя итог анализа того следа, который оставило Малоярославецкое сражение в культуре русского общества, отметим богатейшее скульптурное и архитектурное наследие, выраженное в многочисленных памятниках и монументах, которые возведены в Малоярославце в память о произошедшем в нем сражении в октябре 1812 г. Рассмотренные архитектурные и скульптурные произведения представляют собой результат работы различных слоев общества, являются примером межгосударственного сотрудничества в сфере сохранения и увековечивания памяти о Малоярославецком сражении, благодаря которым укрепляются патриотические чувства населения России и воспитываются чувства уважения к своей истории.

Также широко образы Малоярославецкого сражения отображены в живописи, причем присутствуют работы как иностранных, так и отечественных мастеров. В них показаны накал и ожесточенность сражения, в деталях, передающих героизм как французских, так и русских воинов.

В то же время приходится констатировать крайне скупое отображение Малоярославецкого сражения в художественной литературе. Это выражается, во-первых, в отсутствии произведений, в лейт-мотиве которых Малоярославецкое сражение играло бы значительную роль, а во-вторых, несмотря на то что описание сражения присутствует на страницах произведений авторов, какого-либо существенного значения для сюжета повествования или его героев оно не имеет. Представляется, что Малоярославецкое сражение, столь важное как для хода Отечественной войны 1812 г., так и для всей русской истории в целом, заслуживает более широкого художественного осмысления на страницах романов и повестей, что в совокупности с эффектом памятников и изобразительных произведений на данную тематику способствует укреплению патриотических чувств граждан Российской Федерации и повышению их интереса к истории своей страны.

Библиографический список

1. *Гусаров А.* Памятники в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Во славу ратных дел. М., 2012.
2. *Суворова Е. В., Щебикова Е. А.* В память воинов на брани убиенных 1812 года 12 октября. Калуга, 2017.
3. *Суворова Е. В., Щебикова Е. А.* В память славных деяний своих предков. Калуга, 2012.
4. *Машинова О. Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kommemoratsiya-istoricheskikh-sobytyiy-kak-instrument-simvolicheskoy-politiki-vozmozhnosti-sravnitel'nogo-analiza> (последнее посещение 26.02.2019 г.).
5. *Михайлов О. Н.* Славный год войны народной: повесть. М., 1990.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАПТАЖЕЙ РОДНИКОВ И ИСТОЧНИКОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРОБЛЕМЫ

В. И. Меленчук,

*кандидат географических наук, доцент кафедры географии
Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского,*

К. В. Черников,

ведущий специалист по благоустройству родников, НО «Гильдия колодезников»

Самыми распространенными каптажами естественных выходов подземных вод в Калужской области являются подпорные стенки, деревянные срубы, бетонные кольца, а иногда и оборудование смешанного типа с трубами из разных материалов. Еще во второй половине прошлого столетия во многих сельских населенных пунктах и даже в пригородах некоторых городов (Малоярославец, Боровск) можно было видеть каптажи источников не только деревянными срубами, но и кадушками или бочками без дна, врытыми в землю. При этом родники, как правило, не имели крышек. Около некоторых источников в городах и пригородах были оборудованы «портомойки» (по-другому их еще называли портомойнями или платьемойками), которые использовались местными жителями для стирки и полоскания белья вплоть до начала XXI в. В наши дни встречаются даже целые комплексы с использованием родниковых вод для рекреационного и культового использования. Некоторые единичные каптированные родники имеют промышленное использование [1, 8, 9].

Первые упоминания об оборудованных родниках, или «колодезях, из которых брали начало ручьи», или просто о «колодезях на ключе», встречаем в исторических материалах XVI–XVII столетий. Например: «д. Верхняя Городенка по обе стороны верховья речки Овчеи на колодезе, ис которого колодезь вышла речка Овчея», «д. Охматово Юхматово тож на потоке на ключе, течет ис колодезя», «д. Исаково на колодезе на ключе» и т. д. [12].

В записках архидиакона Павла Алеппского (1627–1669), побывавшего в Калуге в 1654 г., содержится еще один очень интересный факт: «Городская крепость стоит на вершине высокого холма, и в настоящее время работают над сооружением другой, новой крепости, ниже первой, на скате холма, с каменными основаниями и прочными башнями, с целью обнести стеной несколько выступающих здесь прекрасных источников с вкусною водою. Начало их находится у самой стены старой крепости со стороны, обращенной к реке; при них устроены удивительные сооружения» [11].

Также до нас дошли обрывочные и разрозненные свидетельства о некоторых особенностях устройства родников в Калуге во второй половине XVIII столетия. Например, путешественник В. Ф. Зуев (1754–1794), посетивший город в 1781 г., отмечал: «В городской части есть глубокий буерак, из известкового камня состоящий, по которому течет небольшой ручей называемый Березуйка, в коей вода берется не издалека, а по большей части из его ж сторон скопляется, однако по причине отменной прозрачности и холодности от прочих буерачных вод отменно уважается; сверх того у ней на устье сделан небольшой водоем, к которому вода из находящегося в яру родника проведена железными желобами, она по вышеописанным своим качествам от жителей едва целительною не почитается, и хотя по химическим опытам ничего она в себе не содержит, чтобы в каком-нибудь целении делало ее употребительною, а содержит, так как и другие, воды по здешним буеракам из известковых берегов просякающая, только тонкую известь, однако от обывателей перед всеми прочими носит почетное имя Здоровец» [2].

Он же описывает и другие естественные выходы подземных вод: «... в городской же части кроме сего буерака Березуйки есть еще другой, где равным образом в берегу имеется родник с таковою же водою и водоемом, в котором рыбаки держат рыбу, пойманную в Оке; оный называется Порошиков Крупец; третий славнейший в берегу Оки родник есть Зеленый Крупец, у которого

и водоем сделан прочих гораздо больше, а от онаго водоема проведен желоб на подставленные мельничные колеса, коими обращаются в мельнице два жорнова» [3].

У краеведа Л. А. Кавелина (1822–1891), более известного как архимандрит Леонид, есть упоминания об обустройстве рыбных прудов (сажалок) и монастырского водопровода из естественного выхода подземных вод в Малоярославецком Черноостровском монастыре: *«о. Пафнутий в 1888 году устроил по всем монастырским службам, гостинице и конному двору водопровод из ключа в овраге, что ниже конного двора, — над ним сделан круглый деревянный, крытый деревом шатер, где ходит лошадь для водокачки, а для резервуара с водою устроена на горе близ Святых ворот, около часовни, между нею и гостиницею круглообразная каменная теплая башня вышиною 12 аршин, крыта железом и окрашена медянкою...» [7].*

Некоторые сведения об оборудовании источников Калуги сообщает и санитарный врач, известный калужский краевед Ю. А. Вусович (1882–1938). В книге «Медико-топографическое описание г. Калуги» 1929 г. он упоминает и Порошиков крупец. Этот выход подземных вод был еще известен и как «Большой», располагавшийся под городским садом, на нем устраивались «рыбные сажалки». Был еще и «ключ ниже Порошикова крупца у режи (режа — каменная стена) выше Живого моста; до устройства водопровода здесь был устроен колодец, и из него брали воду в трактиры для чая». Однако, как отмечал краевед, в 1920-х гг. колодца уже не было, и на нем была сделана платьемойка. Также Ю. А. Вусович указывал на *«два небольших ключа близ церкви Покрова под горой; у восточного ключа устроен небольшой колодец; оба ключа отведены в бассейн (рыбные сажалки). Появились после разлива 1908 года»*. Удостоил санитарный врач упоминанием и Зеленый крупец с шестью ключами, который за сутки давал до 350 000 ведер (4300 куб. м) воды.

Интересные сведения приводит Ю. А. Вусович об оборудовании естественного выхода подземных вод под селом Покров. Он указывает, что *«...до революции на ключе была мельница в два постава, теперь на ключе устроена платьемойка»*.

Из-за водяных потоков стремящихся к Оке образовывались пльвуны, от которых страдали усадьбы горожан и даже известный с 1626 г. храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы что «под горой, в Кожевниках». В течение нескольких десятилетий он разрушался оползнями и был окончательно разобран в 1889 г., а на его месте был возведен новый, но в советское время снова разрушенный. Про здешние родниковые воды Ю. А. Вусович сообщает: *«Ключ в Кожевниках, выше бывшего завода Кожевникова; из них для завода был устроен самотеком водопровод, подававший воду во 2-й этаж [5]»*.

В наши дни практически все используемые родники Калужской области относятся к нецентрализованными источниками водоснабжения. Их определяют такие свойства, как *«использование для питьевых и хозяйственных нужд населения воды подземных источников, забираемой с помощью различных сооружений и устройств, открытых для общего пользования или находящихся в индивидуальном пользовании, без подачи ее к месту расходования»* (СанПиН 2.1.4.1175–02). Этот же документ содержит подробнейшую инструкцию по выбору мест для подобных водозаборных сооружений, а так же требования к их обустройству и оборудованию [6].

Часто при оборудовании родника строители используют принципы строительства копаного колодца, не учитывая многих факторов при выборе вида каптажа. Так, например, недоучет или игнорирование сведений по гидрогеологии, как и дальнейшие некомпетентные действия, приводят к значительному снижению дебита, а иногда и к полной потере концентрированного выхода подземных вод.

Каждое последовательное вмешательство в жизнь родников и источников следует фиксировать с максимально подробным описанием произведенных работ. Ведь в случае возникновения проблем обязательно потребуется история документирования проведенных работ. Очень полезными могут стать материалы детальной фото- и видеофиксации всех этапов.

Каптажи многих родников Калуги и других населенных пунктов области были сделаны давно и с тех пор значительно обветшали. Вспучивается грунт, деформируются бетонные конструкции каптажных камер и подпорных стенок. В результате в воду попадают различные примеси и загрязнения с поверхности. На родниках и источниках не производится чистка водосборных сооружений, удаление наносов и ила со дна каптажей, не заделываются отверстия между железобетонными

кольцами и не производится дезинфекция. Также не уделяется должное внимание промыванию стен каптажей и ремонту крыш или навесов над ними. Не ведутся работы по уплотнению глиняного замка вокруг каптажа. И только после устранения всех выше обозначенных дефектов можно объективно говорить о качестве родниковой воды.

Для обустройства восходящих источников используют деревянные срубы или железобетонные кольца различных диаметров (обычно от 1 до 2 м). При этом каптажи из дерева уходят на второй план по причине небольшого срока их годности, независимо от материала (дуб, лиственница). Из практического опыта известно, что подводная часть сохраняется хорошо, а дерево в зоне контакта выходит из строя быстро (создавая благоприятные условия для размножения бактерий и выделяя неприятный запах). Предпочтительнее выбор комбинированного каптажа — несколько деревянных венцов в воде, а уже на них опускают бетонные кольца. В этих кольцах перед укладкой просверливаются в шахматном порядке отверстия 0,5 см через каждые 5 см, но не более чем в 50 см от дна. Альтернативой бетонным могут стать пластиковые кольца или каптаж из нержавеющей стали.

Чем больше диаметр каптажа, тем больше можно получить воды. Устройство дренажа улучшает приток воды [10]. Кольца между собой скрепляют металлическими пластинами из нержавеющей стали шириной 5 см, длиной 20 см и толщиной от 0,3 см. Их монтируют на анкерные болты (опасность может представлять некачественное скрепление, которое может разорвать анкера при сильных перепадах температур).

Каптажную камеру накрывают бетонной крышкой с люком для доступа ко дну. Устанавливается вентиляционная вытяжка. Обязательно делается глиняный замок вокруг каптажа. Хорошо, если естественный уклон позволяет отвести трубу и произвести обустройство места для забора воды посетителями не менее чем в 10 м. Другой вариант (более затратный) — использование электрического или поршневого насоса. Эти меры позволяют как можно дольше сохранять первоначальную чистоту воды.

Существует множество вариантов для создания каптажной камеры на нисходящих родниках. Первый осуществим по примеру оборудования восходящего родника бетонными кольцами, но с небольшим изменением. Обязательно дренаж выводят на высоту водоносного горизонта и углубляют до водоупора. Глиняный замок устраивают вокруг до водоносного горизонта с целью отсечения верховодки. Затем отступают от кольца на 1–2 м и прокапывают траншею ниже водоносного горизонта шириной 40–50 см и длиной от 5 м, также делают глиняный замок. В качестве глиняного затвора можно применить замок Лансера, но лучше использовать его в тандеме с глиной. Этот глиняный затвор преградит проход воды мимо каптажа, который служит ловушкой.

Второй вариант более простой. На месте выхода воды делается углубление в склон. Укладывается труба с дренажными отверстиями 0,3–0,5 через 2–3 см в шахматном порядке. Диаметр трубы должен быть с запасом в пять раз больше от фактического количества воды. Длина дренажа зависит от длины углубления. Труба устанавливается с отрицательным контруклоном (0,5° на м). Это мера предотвращает вымывание грунта вместе с водой. Пространство вокруг трубы обкладывают дренажным щебнем (используя фракции от 5 до 10 см). Все тщательно покрывают пленкой в два слоя. Затем делают глиняный замок от 20 см и более. Далее подготавливают дерн и укладывают под углом 45°. Его заготавливают предварительно, нарезав на кубики по 20–25 см. Дерн аккуратно укладывается в шахматном порядке на подготовленную поверхность, без пересечения швов.

В последнее время благоустройство родников стало модной тенденцией. Сегодня находится немало желающих обустроить места для купания (купели), но, не имея должного опыта, при этом совершают ошибки, которые могут приводить к потере водного источника. Основной и при этом самой грубой ошибкой является желание «врезать» купель в сам выход родниковых вод, в то время как конструкцию самой купели следует устанавливать не менее чем в 20 м от источника, а лучше — еще дальше. Отступление от этого правила может только навредить выходу подземных вод.

Обустройство купели является лишь последним этапом в процессе обустройства родника: в первую очередь формируется каптаж, который собирает всю имеющуюся воду и доступ к которому должен быть ограничен, далее создается удобная приемная камера для забора воды посетителями. В самую последнюю очередь обустраивается купель.

Второй распространенной ошибкой является поднятие «зеркала» воды, т.е. уровня воды в источнике. Такое «укрощение» родника, как правило, заканчивается очень плохо. Вода может уйти в сторону от каптажа или в верхние слои грунта, откуда получится выход множества маленьких родничков, которые впоследствии невозможно будет уже собрать воедино. За этим может последовать значительное сокращение дебита или изменение направления тока воды по подземным жилам родника, может произойти и полная потеря концентрированного выхода воды на поверхность. Очень часто нерадивые подрядчики поднимают уровень воды источника, устанавливают купель в непосредственной близости от него, но в скором времени поток воды иссякает и, как следствие, происходит его необратимая утрата.

Очень хорошо, если естественный рельеф местности позволяет обустроить инфраструктуру источника ниже уровня его вскрытия. Родниковая вода может самотеком попадать сначала в камеру для забора воды посетителями, а затем и в купель. Если такой вариант не выполним, то существуют несколько вариантов механического способа поднятия уровня воды — фонтан Герона, гидротаран, забор с помощью электрического насоса.

Очень важным моментом при обустройстве источников и купелей является формирование коллектива единомышленников. Нужно всегда помнить, что обустройство подобного комплекса предполагает не только строительство самой купели и облагораживание территории, но и дальнейшее его содержание. О том, кто будет поддерживать порядок на источнике (регулярно мыть чашу купели, убирать мусор, охранять и т.д.) стоит задуматься заранее. Оборудованный родник, купель, другие элементы каптажа, как и территория вокруг, требуют постоянного внимания. Поэтому инициативную группу из числа активистов строительства следует собирать заранее, привлекая активную общественность и особенно молодежь.

Выводы

1. Каптажи единичных родников известны на Калужской земле издавна. В наши дни подавляющая часть родников Калужской области не каптированы, а у оборудованных преобладают подпорные стенки с трубами, бетонные кольца и деревянные срубы как с крышами, так и без. Нередким стало возведение купален. В единичных случаях имеются более сложные элементы каптажа, которые позволяют использовать воду для промышленных целей (Сельцовский родник Барятинского района, Цветной колодец Думиничского района).

2. При устройстве купелей совершается одна из типичных ошибок — ее пытаются врезать в месте выхода подземных вод, что влечет к нарушениям, приводящим к угасанию источника. Также негативно сказывается на состоянии родников искусственное поднятие в них зеркала воды.

3. Актуальной проблемой является установление общественного контроля за каптажами естественных выходов подземных вод.

Библиографический список

1. Атлас Калужской области. Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2005. 48 с.: карт. ил.
2. Зуев В. Ф. Путешественные записки Василья Зуева от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году / В. Ф. Зуев. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1787. С. 32.
3. Там же. С. 33.
4. Вусович Ю. А. Медико-топографическое описание г. Калуги / Ю. А. Вусович. Калуга, 1929. С. 28.
5. Там же. С. 29.
6. Гигиенические требования к качеству воды нецентрализованного водоснабжения. Санитарная охрана источников. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы: СанПиН 2.1.4.1175–02.
7. Кавелин Л. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря / Л. Кавелин. СПб., 1903. С. 37.
8. Меленчук В. И. К истории изучения родников в бассейнах Верхней Оки и Десны на территории Калужской области / В. И. Меленчук // Известия КОИП. Калуга, 2008. С. 67–73.
9. Меленчук В. И. Распределение, использование и гидроэкологическое состояние естественных выходов подземных вод в бассейне Верхней Оки / В. И. Меленчук. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Калуга, 2001. 24 с.

10. Принц Е. Гидрогеология. Т. 2. Источники. Пер. с нем. / Е. Принц, Р. Кампе. М.: Сельхозгиз, 1937. 312 с.
11. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // «Русское обозрение». Издание второе. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2012. С. 214.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 806. Книги Оболенского уезда вотчинным и поместным и монастырским и церковным и оброчным и порожжим землям письма и меры писцов Федора Васильевича Шушерина да подьячего Ивана Максимова 135 и 136 и 137 годов.

ПОДМАРЕННИК ТРЕХТЫЧИНКОВЫЙ В ВЕРХНЕМ ПООЧЬЕ

М. И. Попченко

кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники, селекции
и семеноводства садовых растений

Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К. А. Тимирязева

Подмаренник трехтычинковый — *Galium triandrum* Nylander [*G. tinctorium* (L.) Scop. nom. illeg., *Asperula tinctoria* L.] — вид, находящийся в Калужской области под угрозой исчезновения [1].

Подмаренник трехтычинковый — многолетнее вегетативно-подвижное травянистое растение высотой до 50 см из семейства Мареновые (*Rubiaceae*) (рис. 1). Стебель прямостоячий или восходящий, ветвистый, голый, четырехгранный, с белыми полосками; междоузлия длинные, превышают длину листьев. Листья линейные, длиной 20–50 мм и шириной 0,5–3 мм, со слегка завернутыми краями, голые, с одной жилкой, нижние по 6 в мутовке, верхние — по 4. Корневище шнуровидное ползучее. Цветки в рыхлых верхушечных соцветиях, на длинных тройчатых цветоносах, несущих на каждом разветвлении по три полузонтика из 3–6 цветков. Прицветники овально-яйцевидные. Венчик белый, трубчато-воронковидный, трехраздельный, с овальными тупыми лопастями. Тычинок три. Плодики почти шаровидные, морщинистые, блестящие. Цветет в июне, плоды созревают в июле-августе. Размножается семенами и вегетативно (корневищами).

Подмаренник трехтычинковый — степное растение, растущее к северу от границы лесостепной зоны на опушках светлых дубрав и сосняков в долинах рек в сообществах с другими видами луговых степей.

Рис. 1. Подмаренник трехтычинковый — *Galium triandrum* Nylander

Ареал вида охватывает лесостепную и степную зону Европы и заходит на юг Западной Сибири. По центру Европейской части России по территориям Брянской, Орловской, Тульской, Рязанской областей проходит северная граница условно сплошного распространения вида. В Калужской и Московской областях, а также в приокских районах Тульской области и на северо-западе Рязанской области вид представлен единичными изолированными местонахождениями (рис. 2).

Для территории современной Калужской области вид впервые указан П. П. Саницким [2]. Затем указан Д. И. Литвиновым в Калужском уезде близ деревень Нижняя Вырка и Плетеневка [3] и А. Ф. Флеровым в Перемышльском и Калужском уездах по р. Оке, хотя его собственные наблюдения ограничивались правым берегом Оки у д. Усадье [4]. В настоящее время известен только в Тарусском р-не в окрестностях г. Тарусы на правом берегу р. Оки [5, 6, 7].

В Брянской области вид находится в пределах своего естественного ареала в лесостепной зоне, отмечен на юго-западе (Новозыбковский и Климовский районы) и юго-востоке (Комаричский и Севский районы) области [8]. За пределы лесостепных районов вид не проникает [9, 10].

В Орловской области вид отсутствует на востоке региона в полесье [11], а на остальной территории находится в пределах своего естественного ареала в лесостепной зоне и не является редким растением [12].

В Тульской области, в юго-восточной части региона в бассейне верхнего Дона, вид также находится в пределах своего естественного ареала в лесостепной зоне, где не является редким растением [13]. В приокских районах и на северо-востоке области Подмаренник трехтычинковый — редкое растение. Здесь он отмечался А. Ф. Флеровым в Белевском уезде по р. Оке

ниже д. Беляево против д. Игнатьево [4], В. В. Розеном в Веневском уезде по р. Осетру у д. Гурьево [5, 6]. В настоящее время известен в Заокском районе на правом берегу р. Оки напротив г. Тарусы [14, 15] — это указание для Тульской области и аналогичное указание для Калужской области (Тарусский район) относятся к одной популяции, находящейся по две стороны административной границы.

Для территории современной Московской области вид впервые указан Н. Н. Кауфманом у д. Лужки [16]. Затем он был указан А. Ф. Флеровым по р. Оке в Серпуховском уезде между д. Лужки и Зиброво, в Коломенском уезде — между д. Кременье и Тарбушево и между д. Горы и Белые Колодези [4]. В Гербарии имени Д. П. Сырейщикова (МГУ) имеется сбор близ Белопесоцкой слободы (пос. Белопесоцкий), сделанный в 1923 г. М. И. Назаровым. В настоящее время вид известен в левобережной части окской долины от устья р. Речмы до устья р. Лопасни, где регулярно фиксируется с момента первых находок до наших дней [4, 17, 18]. На правом берегу в долине р. Оки известен из окрестностей Пушкино [19]. Кроме того, отмечен в Серебряно-Прудском районе в долине р. Поласни [15, 20].

В Рязанской области изолированные местонахождения вида известны в Михайловском районе в долине р. Прони [15, 21].

В известных изолированных популяциях численность растений довольно велика, однако занимаемая ими площадь невелика. При неизменных внешних условиях численность особей в популяциях, по-видимому, является относительно стабильной. Тем не менее в ряде местонахождений, известных по старым материалам (например, на территории Калужской области), при современном обследовании территории вид найти не удалось. Для ряда известных по старым материалам местонахождений на территориях Московской и Тульской областей отсутствуют современные данные.

Наибольшую опасность для известных популяций Подмаренника трехтычинкового представляет современное освоение долины р. Оки, сопровождающееся увеличением рекреационной нагрузки и весенними палами. Из природных факторов наибольшую опасность имеет сокращение площади экотонных местообитаний.

Необходимо отметить, что территориальная форма охраны вида в Калужской области и приокских районах Тульской области отсутствует. Необходима организация ООПТ в месте произрастания вида (по обе стороны административной границы, разделяющей эти области), а также поиск новых местонахождений вида и организация их охраны.

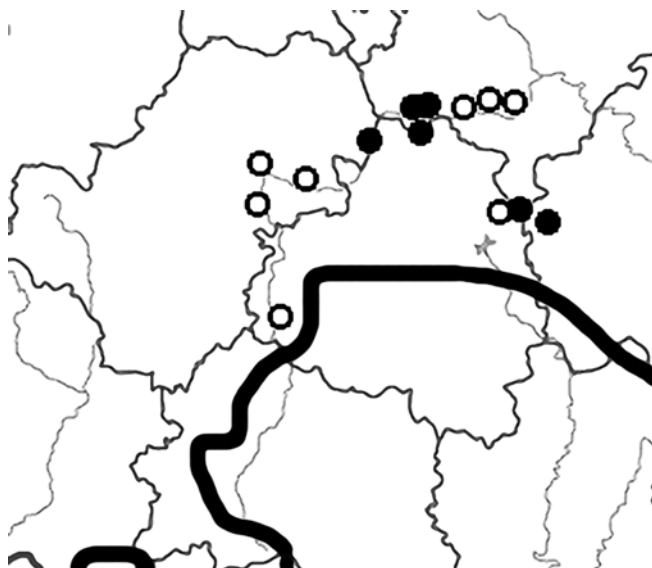

Рис. 2. Ареал подмаренника трехтычинкового в Верхнем Поочье (— граница условно сплошного распространения вида, ● — местонахождения, где вид известен по современным данным, ○ — местонахождения, не подтвержденные современными данными)

На территории Московской области Подмаренник трехтычинковый охраняется на территории Приокско-Террасного государственного природного биосферного заповедника и его охранной зоны, а также ряда региональных ООПТ, важнейшими из которых являются государственные природные заказники «Никифоровская колония степных растений» и «Нагорная дубрава между деревней Белые Колодези и деревней Горы». Считаю необходимым рассмотреть вопрос о включении этого вида в Красную книгу Московской области при ее очередном переиздании.

Библиографический список

1. Попченко М. И. Подмаренник трехтычинковый, или Ясменник красильный, — *Galium triandrum* Hyl. [*Galium tinctorium* (L.) Scop. nom. Illeg., *Asperula tinctoria* L.] // Красная книга Калужской области. Т. 1. Растительный мир. Калуга: Ваш Домъ, 2015. С. 445.
2. Саницкий П. П. Очерк флоры Калужской губернии // Тр. СПб. общ-ва естествоиспыт. 1884. Т. 14, вып. 2. С. 285–358.
3. Литвинов Д. И. Список растений, дикорастающих в Калужской губернии, с указанием полезных и вредных. Калуга, 1895. 112 с.
4. Флеров А. Ф. Окская флора // Тр. Имп. С.-Петербур. бот. сада. 1907–1910. Т. 27, вып. 1–3. 787 с.
5. Дервиз-Соколова Т. Г., Хомутова М. С. Материалы к флоре Калужской области (окрестности г. Тарусы) // Физическая география в педагогическом институте (полевая практика). М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1973. С. 60–80.
6. Попченко М. И. Дополнения к Калужской флоре 2010 года // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2011. Т. 116, вып. 6. С. 73–75.
7. Материалы к Красной книге Калужской области: данные о регистрации сосудистых растений за 150 лет с картограммами распространения / Н. М. Решетникова, А. В. Крылов, Е. М. Сидоренкова, Н. В. Воронкина, А. А. Шмыгов, М. И. Попченко, С. Р. Майоров, Р. А. Романова. Калуга: Ваш Домъ, 2015. 445 с.
8. Булохов А. Д., Величкин Э. М. Определитель растений Юго-Западного Нечерноземья России (Брянская, Калужская, Смоленская, Орловская области). 2-е изд., перераб. и доп. Брянск: Изд-во Брянск. пед. ун-та, 1998. 380 с.
9. Харитонцев Б. С. Анализ флоры Брянско-Жиздринского Полесья; Брянск. с.-х. ин-т. Брянск, 1990. Деп. в ВИНТИ 09.08.90, № 6112–90.
10. Евстигнеев О. И., Федотов Ю. П. Флора сосудистых растений заповедника «Брянский лес». Брянск. 2007. 106 с.
11. Абадонова М. Н. Сосудистые растения национального парка «Орловское Полесье» (аннотированный список видов) / под ред. В. И. Радыгиной. Орел: Труд, 2010. 248 с.
12. Еленевский А. Г., Радыгина В. И. Определитель сосудистых растений Орловской области. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Моск. пед. гос. ун-та, 2005. 214 с.
13. Шереметьева И. С., Хорун Л. В., Щербаков А. В. Конспект флоры сосудистых растений Тульской области / под ред. В. С. Новикова. М.: Изд. Бот. сада Моск. ун-та; Тула: Гриф и К, 2008. 274 с.
14. Розен В. В. Интересный в ботаническом отношении уголок Веневского уезда // Известия Тульского общества любителей естествознания. Тула: 1915, вып. 3. С. 44–45.
15. Скворцов А. К. О степной флоре и растительности на северо-восточной окраине Среднерусской возвышенности // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1951. — Т. 56, вып. 3. С. 86–96.
16. Кауфман Н. Н. Московская флора. М., 1866. 708 с.
17. Смирнов П. А. Флора Приокско-Террасного государственного заповедника // Тр. Приокско-Террасного заповедника. М., 1958, вып. 2. С. 1–247.
18. Алексеев Ю. Е., Денисова Л. В., Шовкун М. М. Сосудистые растения Приокско-Террасного заповедника (аннот. список видов) / под ред. И. А. Губанова и В. С. Новикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 103 с. (Флора и фауна заповедников; вып. 106).
19. Алексеев Ю. Е., Карпущина Е. А., Прилепский. Н. Г. Растительный покров окрестностей Пушина. Пушино: ОНТИ ПНЦ, 1992. 178 с.
20. Насимович Ю. А. Аннотированный список видов сосудистых растений, зарегистрированных на реке Полосне. Краткое описание данной территории. М., 2008.
21. Казакова М. В. Флора Рязанской области. Рязань: Русское слово, 2004. 387 с.

НАЗЕМНЫЕ МОЛЛЮСКИ В ЛЕСНЫХ БИОТОПАХ ГОРОДА КАЛУГИ

В. В. Алексанов,

кандидат биологических наук, зав. отделом,

И. Е. Галемина, О. А. Рулева,

государственное бюджетное учреждение дополнительного образования
Калужской области «Областной эколого-биологический центр»

Наземные моллюски (Gastropoda) благодаря малой подвижности и относительной стенобионтности служат удобной индикаторной группой для природоохранной оценки территорий, особенно лесных экосистем (Балашов, 2016). Моллюскам городов Восточно-Европейской равнины посвящено немало исследований (Шиков, 1979; Шилейко, 1982; Сверлова и др., 2006). Однако на территории Калуги наземные моллюски специально не изучались. При этом точно предсказать состав наземных моллюсков Калуги нельзя, поскольку малакофауна каждого города оригинальна и определяется историческими причинами (Шиков, 1979, 2016; Сверлова, 2000).

Моллюсков собирали весной и летом 2016 г. вручную, а также в каждом биотопе брали 4 пробы подстилки размером 25×25 см для разбора в камеральных условиях. Для определения видовой принадлежности моллюсков использовали руководства (Лихарев, 1962; Лихарев, Виктор, 1980; Шилейко, 1982; Стойко, Булавкина, 2010; Sysoev, Schileyko, 2009). Обследованы 49 биотопов (примерно совпадают с границами растительных ассоциаций) в 15 несмежных массивах с древесной растительностью, площадь каждого массива — от 0,04 до 900 га:

1. *Тимашево*: лесной массив на северо-западной окраине Калуги между п. Муратовский щебзавод, д. Карачево и д. Тимашево (N 54°35,896' E 36°12,887'). Включает полидоминантный лиственный лес (N 54°35,896' E 36°12,887'), сосняк, клено-липняк (N 54°36'47,14" E 36°12'25,04"), Муратовский щебеночный карьер (N 54°35'51,07" E 36°11'58,83").

2. *Городской бор*: сосняк неморальный (N 54°31'29,71" E 36°11'27,52", N 54°31.409' E 36°11.941'), липняк волосистоосоковый (N 54°31'36,54" E 36°10'50,98"), ольшаник на берегу Яченского водохранилища (N 54°32'12,46" E 36°13'49,52"), эвтрофное болото при переходе р. Яченка в водохранилище (N 54°32'18,23" E 36°13'44,12").

3. *Турьнинские Дворики*: лесной массив на юго-востоке Калуги между д. Турьнинские Дворики — д. Перцево — д. Криуши — р. Окой (N 54°29'01" E 36°22'19"). Обследованы: дубрава высококотравная на склоне долины реки, осинник лещиновый, липняк с примесью клена остролистного, дубрава без подлеска и валежника, пироженная.

4. *Терепецкое кольцо*: массив в северной части города между ул. Волковская — Терепецкое кольцо (N 54°34'54" E 36°15'55"), включающий полидоминантный лиственный лес, дубо-липняк с примесью березы, черноольшаник гравилатовый с недотрогой мелкоцветковой.

5. *Московская*: массив между ул. Тепличная — ул. Московская — ипподромом (N 54°35'23" E 36°15'40"). Обследованы: дубо-вязо-липняк с примесью осины на склоне оврага западной экспозиции, клено-липняк волосистоосоковый на склоне оврага северной экспозиции.

6. *Михайловская*: массив между жилыми районами Азарово и Ольговский, вблизи ул. Михайловская (N 54°34'52" E 36°16'45"), включающий сосняк неморальный с примесью ели и березы, березняк с примесью осины и сосны лещиновый волосистоосоковый.

7. *Ольговский*: сосняк с примесью березы лещиновый снытьево-волосистоосоковый на северо-запад от ул. Тарутинская (N 54°34'37" E 36°18'22").

8. *Усадьба Яновских* (N 54°34'28" E 36°15'53"): липняк с обильным подлеском из жимолости лесной и черемухи птичьей, дубо-липняк лещиновый копытневый, сосняк неморальный с примесью липы, березняк с подростом липы земляничным, липовая аллея.

9. *Комсомольская роща* (N 54°32'16" E 36°15'15"): сосняк с примесью дуба неморальный, сосняк лещиновый с чистотелом, сосняк с примесью березы снытьевый, заросли клена американского с примесью ивы в долине ручья, широколиственный лес в балке, посадка лиственных деревьев без подлеска.

10. *Березуйский овраг* (N 54°30'29,62" E 36°14'42,26").

11. *Жировский овраг* (N 54°30'21,30" E 36°16'03,47").

12. *Эколого-биологический центр*: дендрарий областного эколого-биологического центра, N 54°30'30" E 36°15'50".

13. *Пойма р. Оки*: 5 пробных площадей с преобладанием клена американского и 2 с преобладанием ивы ломкой в пойме р. Оки между точками N 54°30'10,95" E 36°14'51,76" и N 54°29'47,23" E 36°15'51,95".

14. *Киёвка*: черноольшаник с примесью ивы крапивно-таволгово-снытьевый и вязово-ольхово-ивовое снытьевое сообщество в долине р. Киевка (N 54°31,156' E 36°18,716').

15. *Терепец*: ивняк с примесью вяза в долине р. Терепец вблизи ул. Кубяка, N 54°34'30,94" E 36°14'19,88".

В биотопах г. Калуги с древесной растительностью обнаружено 43 вида наземных моллюсков.

Aciculidae

1. *Platyla polita* (Hartmann, 1840). Тимашево, полидоминантный лиственный лес, на валежнике.

Carychiidae

2. *Carychium minimum* (Müller, 1774). Комсомольская роща; Московская; Ольговский; Терепецкое кольцо.

3. *Carychium tridentatum* (Risso, 1826). Городской бор; Тимашево; Турынинские дворики; Михайловская; Московская; Терепецкое кольцо; усадьба Яновских.

Stylommatophora—Стебельчатоглазые

Succineidae

4. *Succinea putris* (Linnaeus, 1758). Многочисленна в пойме р. Оки, в Березуйском овраге; встречена также близ ручьев Терепецкое кольцо, Тимашево, Ольговский, Комсомольская роща, Жировский овраг, Киевка, Терепец.

5. *Oxyloma elegans* (Risso, 1826). Болото близ Яченского водохранилища.

Отряд Geophila

Cochlicopidae

6. *Cochlicopa lubrica* (Müller, 1774). Во всех массивах. Наиболее многочисленна в пойме р. Оки.

7. *Cochlicopa lubricella* (Ziegler in Roggo, 1838). Московская; Терепецкое кольцо.

8. *Cochlicopa nitens* (Gallenstein, 1852). Болото близ Яченского водохранилища.

Valloniidae

9. *Acanthinula aculeata* (Müller, 1774). Терепецкое кольцо. Турынинские Дворики.

10. *Vallonia costata* (Müller, 1774). Комсомольская роща, Михайловская, Московская.

11. *Vallonia pulchella* (Müller, 1774). Тимашево, усадьба Яновских, пойма р. Оки.

Pupillidae

12. *Pupilla muscorum* (Linnaeus, 1758). Терепецкое кольцо.

Vertiginidae

13. *Vertigo antivertigo* (Draparnaud, 1801). Городской бор, сосняк неморальный, N 54°31'29,71" E 36°11'27,52".

14. *Vertigo pusilla* (Müller, 1774). Комсомольская роща, Московская, Ольговский.

15. *Vertigo pygmaea* (Draparnaud, 1801). Михайловская.

16. *Vertigo substriata* (Jeffreys, 1830). Михайловская, Московская.

17. *Vertilla angustior* (Jeffreys, 1830). Тимашево, Михайловская.

Truncatellinidae

18. *Columella edentula* (Draparnaud, 1805). Комсомольская роща, Михайловская, Московская.

Enidae

19. *Merdigera obscura* (Müller, 1774). Тимашево, полидоминантный лиственный лес, на валежнике осины, 20 экз.

Clausiliidae

20. *Cochlodina laminata* (Montagu, 1803). Во всех массивах, за исключением эколого-биологического центра.

21. *Clausilia pumilasejuncta* (A. Schmidt in Westerlund, 1871). Тимашево, полидоминантный лиственный лес; ольшаник на берегу Яченского водохранилища.

22. *Macrogastra plicatula* (Draparnaud, 1801). Комсомольская роща; Михайловская; Московская; Ольговский; Терепецкое кольцо; усадьба Яновских; Тимашево; Турынинские Дворики; Киевка; Терепец.

23. *Ruthenica filograna* (Ziegler in Rossmässler, 1836). Тимашево, полидоминантный лиственный лес, на валежнике осины, 5 экз.

24. *Bulgarica cana* (Held, 1836). Комсомольская роща; Михайловская; Московская; Терепецкое кольцо; Тимашево; Турынинские Дворики.

25. *Laciniaria plicata* (Draparnaud, 1801). Турынинские Дворики; Жировский овраг.

Punctidae

26. *Punctum pygmaeum* (Draparnaud, 1801). Комсомольская роща; Михайловская; Московская; Терепецкое кольцо; усадьба Яновских; Тимашево; Турынинские дворики.

Discidae

27. *Discus ruderatus* (Féruassac, 1821). Городской бор; Тимашево; Турынинские дворики; Комсомольская роща; Михайловская; Московская; Киевка.

Zonitidae

28. *Vitrea crystallina* (Müller, 1774). Киевка.

29. *Perpolita hammonis* (Strøm, 1765). Тимашево; Турынинские Дворики; Городской бор; Комсомольская роща; Михайловская; Московская; Ольговский; Терепецкое кольцо; усадьба Яновских.

30. *Oxychilus translucidus?* (Mortillet, 1854). Жировский овраг, эколого-биологический центр.

Gastrodontidae

31. *Zonitoides nitidus* (Müller, 1774). Городской бор; Тимашево; Березуйский овраг; Жировский овраг; Комсомольская роща; Ока; Киевка; Терепец;

Euconulidae

32. *Euconulus fulva* (Müller, 1774). Городской бор; Тимашево; Турынинские Дворики; усадьба Яновских; Михайловская; Московская; Терепецкое кольцо; Ока.

Agriolimacidae

33. *Deroceras caucasicum* (Simroth, 1901). эколого-биологический центр; Ока.

34. *Deroceras laeve* (Müller, 1774). Киевка.

35. *Deroceras reticulatum* (Müller, 1774). эколого-биологический центр; Ока.

Limacidae

36. *Limax cinereoniger* (Wolf, 1803). Тимашево, полидоминантный лиственный лес и сосняк лещиновый.

37. *Limax maximus* (Linnaeus, 1758). эколого-биологический центр; Жировский овраг; Березуйский овраг; усадьба Яновских; Муратовский щебеночный карьер.

Agionidae

38. *Arion fasciatus* (Nilsson, 1823). Городской бор; Турынинские Дворики; Михайловская; усадьба Яновских; ЭБЦ.

39. *Arion subfuscus* (Draparnaud, 1805). Городской бор; Турынинские Дворики; Комсомольская роща; Московская; Ольговский; усадьба Яновских; Терепецкое кольцо.

Bradybaenidae

40. *Fruticicola fruticum* (Müller, 1774). Во всех обследованных массивах.

Hygromiidae

41. *Trochulus hispidus* (Linnaeus, 1758). Березуйский овраг; Жировский овраг; Комсомольская роща; Муратовский щебеночный карьер; усадьба Яновских; эколого-биологический центр.

42. *Perforatella bidentata* (Gmelin, 1791). Городской бор (сосняк неморальный, липняк, ольшаник); Тимашево; Турунинские Дворики; Комсомольская роща; Михайловская; Московская; Ольговский; Терепецкое кольцо; Киевка.

43. *Pseudotrachia rubiginosa* (A. Schmidt, 1853). Ока, Киевка, Терепец; Городской бор; Турунинские Дворики; Комсомольская роща; Жировский овраг; Березуйский овраг.

В разных массивах древесной растительности обнаружено от 7 до 26 видов моллюсков (табл. 1). Прямой зависимости видового богатства моллюсков от площади лесного массива не выявлено. Наибольшим видовым разнообразием моллюсков обладает лесной массив на северо-западе Калуги между д. Тимашево и Муратовский щебзавод. На втором месте находятся массив на юго-востоке Калуги близ Турунинские Дворики и Комсомольская роща.

Т а б л и ц а 1

Характеристики видового состава моллюсков в массивах древесной растительности на территории города Калуги

Массив	Площадь, га	Всего видов	Лесных видов, %	Синантропных видов, %	Особей лесных видов, %	Особей синантропных видов, %
Березуйский овраг	4,34	8	25,0	25,0	39,7	5,9
Городской бор	907,17	15	60,0	6,7	83,6	1,3
Жировский овраг	3,6	10	20,0	30,0	8,3	61,9
Киевка	н/о	12	41,7	16,7	37,7	2,9
Комсомольская роща	24,6	21	61,9	14,3	70,9	10,9
Михайловская	17,3	17	82,4	5,9	92,6	1,1
Московская	32,7	18	77,8	5,6	84,8	1,0
Ока	н/о	12	16,7	25,0	2,9	6,2
Ольговский	90	11	81,8	–	83,3	–
Терепецкое кольцо	25,5	17	70,6	–	82,4	–
Тимашево	184	26	65,4	11,5	85,9	1,6
Турунинские Дворики	422	20	70,0	10,0	88,6	1,8
Усадьба Яновских	34,4	14	42,9	35,7	62,2	19,8
Эколого-биологический центр	0,04	7	–	71,4	–	55,6

Библиографический список

1. Балашов И. Охрана наземных моллюсков Украины. Киев: ИЗАН, 2016. 272 с.
2. Лихарев И. М. Клаузилииды (Clausiliidae) (Фауна СССР. Моллюски. Т. 3., вып. 4). М.-Л., 1962. 317с.
3. Лихарев И. М., Виктор А. Й. Слизни фауны СССР и сопредельных стран (Gastropodaterrestrianuda). (Фауна СССР. Моллюски. Т. III, вып. 5). Л.: Наука, 1980. 438 с.
4. Сверлова Н. В., Хлус Л. Н., Крамаренко С. С. и др. Фауна, экология и внутривидовая изменчивость наземных моллюсков в урбанизированной среде. Львов, 2006. 226 с.
5. Стойко Т. Г., Булавкина О. В. Определитель наземных моллюсков лесостепи Правобережного Поволжья. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 96 с.
6. Шиков Е. В. Фауна наземных моллюсков населенных пунктов Валдайской возвышенности и сопредельных территорий // Зоологический журнал. 1979. Том 58. Вып. 7. С. 969–976.
7. Шиков Е. В. Адвентивные виды наземной малакофауны центра Русской равнины // Ruthenica. 2016. Vol. 26. № 3–4. С. 153–164.
8. Шилейко А. А. Наземные моллюски (Mollusca, Gastropoda) Московской области // Почвенные беспозвоночные Московской области. М.: Наука. 1982. С. 144–169.
9. Syssoev A. & Schileyko A. Land Snails and Slugs of Russia and adjacent Countries. Pensoft: Sofia. 2009.

СПИСОК ЖУКОВ-КОРОЕДОВ (COLEOPTERA: CURCULIONIDAE: SCOLYTINAE) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

С. К. Алексеев, В. В. Перов,
Экологический клуб «Stenus», г. Калуга

Первая полноценная публикация по фауне жуков-короедов относится к началу прошлого века (Ильинский, 1923). В этой работе приводится 38 видов короедов, отмеченных в Калужской губернии на начало прошлого века. В 1930 г. А. П. Чернышов добавляет к списку А. И. Ильинского еще восемь видов короедов. В последние годы авторы продолжили изучение дендрофильных жесткокрылых Калужской области, включая сем. Scolytidae. Стационарными исследованиями с помощью оконных (барьерных) ловушек были охвачены Дзержинский, Кировский, Козельский, Перемышльский, Ульяновский, Ферзиковский районы и Калуга с пригородами. Кроме того, попутно с другими методами исследований энтомофауны, собирались короеды в других районах Калужской области. Всего было обследовано более 210 точек. В результате список Ильинского—Чернышева пополнился еще 18 видами. В связи с библиографической редкостью публикаций А. И. Ильинского и А. П. Чернышова, а также ввиду изменившихся таксономических категорий в названиях семейств, родов и видов короедов нами приводится весь современный список с новыми названиями (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Список жуков-короедов (Coleoptera: Curculionidae: Scolytinae) Калужской области

Вид	Ильинский, 1923 Чернышев, 1930	Сборы авторов
1	2	3
1. <i>Pityophthorus glabratus</i> (Eichhoff, 1878)	–	+
2. <i>Pityophthorus lichtensteinii</i> (Ratzeburg, 1837)	+	+
3. <i>Pityophthorus micrographus micrographus</i> (L., 1758)	+	+++
4. <i>Pityophthorus morosovi</i> (Spessivtsev, 1926)	–	(+)
5. <i>Cryphalus asperatus</i> (Gyllenhal, 1813)	–	+
6. <i>Cryphalus saltuarius</i> (Weise, 1891)	–	+
7. <i>Ernoporus tiliae</i> (Panzer, 1793)	++	+
8. <i>Trypophloeus alni</i> (Lindemann, 1875)	–	(+)
9. <i>Trypophloeus binodulus</i> (Ratzeburg, 1837) (= <i>spiculatus</i> Stark, 1952;) У Чернышова (1930) дан как (<i>T. asperatus</i> Gyll.)	+	+
10. <i>Trypophloeus discedens</i> (Palm, 1950) (= <i>palmi</i> Hansen, 1956)	–	+
11. <i>Trypophloeus granulatus</i> (Ratzeburg, 1837)	+	–
12. <i>Crypturgus cinereus</i> (Herbst, 1794)	++	+++
13. <i>Crypturgus hispidulus</i> (C. G. Thomson, 1870)	-	++
14. <i>Crypturgus pusillus</i> (Gyllenhal, 1813)	+++	++
15. <i>Dryocoetes alni</i> (Georg, 1856)	+	+
16. <i>Dryocoetes autographus</i> (Ratzeburg, 1837)	++	+++
17. <i>Dryocoetes hectographus</i> (Reitter, 1913)	-	+
18. <i>Lymanator aceris aceris</i> (Lindemann, 1875)	+	+
19. <i>Lymanator coryli</i> (Perris, 1855) (= <i>Dryocoetes coryli</i> Perr.)	+	(+)
20. <i>Hylastes angustatus</i> (Herbst, 1793)	++	–
21. <i>Hylastes ater</i> (Paykull, 1800)	+++	–
22. <i>Hylastes attenuatus</i> (Erichson, 1836)	+	–
23. <i>Hylastes brunneus</i> (Erichson, 1836)	–	+++

1	2	3
24. <i>Hylastes cunicularius</i> (Erichson, 1836)	+	+++
25. <i>Hylastes opacus</i> (Erichson, 1836)	–	+++
26. <i>Hylurgops palliatus</i> (Gyllenhal, 1813)	+++	+++
27. <i>Hylesinus crenatus</i> (Fabricius, 1787)	+	+
28. <i>Hylesinus varius</i> (Fabricius, 1775) (= <i>Leperisinus fraxini</i> Panz.)	+	+
29. <i>Dendroctonus micans</i> (Kugelann, 1794)	+	+
30. <i>Hylurgus ligniperda</i> (Fabricius, 1792)	–	+
31. <i>Tomicus minor</i> (Hartig, 1834) (= <i>Blastophagus minor</i> Hart.)	+++	+++
32. <i>Tomicus piniperda</i> (Linnaeus, 1758) (= <i>Blastophagus piniperda</i> L.)	+++	+++
33. <i>Xylechinus pilosus</i> (Ratzeburg, 1837)	–	+
34. <i>Ips acuminatus</i> (Gyllenhal, 1827)	+	++
35. <i>Ips duplicatus</i> (C. R. Sahlberg, 1836)	+++	+
36. <i>Ips sexdentatus</i> (Boerner, 1766)	+++	+++
37. <i>Ips typographus</i> (Linnaeus, 1758)	+++	+++
38. <i>Orthotomicus laricis</i> (Fabricius, 1792)	+++	+++
39. <i>Orthotomicus proximus</i> (Eichhoff, 1868)	+++	+
40. <i>Orthotomicus starki</i> (Spessivtsev, 1926)	–	(+)
41. <i>Orthotomicus suturalis</i> (Gyllenhal, 1827)	+++	++
42. <i>Pityogenes bidentatus</i> (Herbst, 1784)	+	+
43. <i>Pityogenes chalcographus</i> (Linnaeus, 1760)	+++	+++
44. <i>Pityogenes irkutensis</i> (Eggers, 1910) (= <i>monacensis</i>)	+++	(+)
45. <i>Pityogenes quadridens</i> (Hartig, 1834)	+	–
46. <i>Phloeotribus spinulosus</i> (Rey, 1883)	+	+
47. <i>Polygraphus polygraphus</i> (Linnaeus, 1758)	++	++
48. <i>Polygraphus subopacus</i> (Thomson, 1871)	–	+
49. <i>Scolytus intricatus</i> (Ratzeburg, 1837)	++	++
50. <i>Scolytus laevis</i> (Chapuis, 1869) (= <i>Eccoctogaster laevis</i>)	+	++
51. <i>Scolytus mali</i> (Bechstein, 1805)	++	+
52. <i>Scolytus multistriatus</i> (Marsham, 1802)	++	++
53. <i>Scolytus pygmaeus</i> (Fabricius, 1787)	–	(+)
54. <i>Scolytus ratzeburgi</i> (E. W. Janson, 1856)	++	++
55. <i>Scolytus rugulosus</i> (P. W. J. Mueller, 1818)	++	+
56. <i>Scolytus scolytus</i> (Fabricius, 1775) (= <i>Eccoctogaster scolytus</i> Fabr.)	+	+
57. <i>Anisandrus dispar</i> (Fabricius, 1792)	++	+++
58. <i>Anisandrus maiche</i> (Kurentsov, 1941)	–	+
59. <i>Xyleborinus attenuatus</i> (Blandford, 1894)	–	++
60. <i>Xyleborinus saxesenii</i> (Ratzeburg, 1837)	+	++
61. <i>Xyleborus cryptographus</i> (Ratzeburg, 1837)	+	++
62. <i>Trypodendron lineatum</i> (Olivier, 1795) (= <i>Xyloterus lineatum</i> Oliv.)	++	+++
63. <i>Trypodendron signatum</i> (Fabricius, 1792) (= <i>Xyloterus signatum</i> Fabr.)	++	+++

О б о з н а ч е н и я : +++ — массовый вид; ++ — обычный вид; + — редкий вид; (+) — единичные находки, не более 3 экз. на все время.

В результате число видов, отмеченных в работах Ильинского (1923) и Чернышева (1930), увеличилось на 18 видов. Всего к настоящему времени в Калужской области зарегистрировано 63 вида короедов. В сравнении с очень хорошо изученными европейскими лесными областями РФ, со схожими природными условиями, фауна короедов Калужской области оказалась вполне сравнимой по видовому разнообразию. Например, в Московской области зарегистрировано 81 вид (Петров, Никитский, 2016); в Ярославской учтено 59 видов (Власов, 2005) и Ленинградской — 80 (Мандельштам, Поповичев, 2000; Мандельштам, 2011). В сравнении с Московской областью, самой близкой к нам по условиям обитания короедов, нами не отмечено 18 видов. В то же время еще не менее 5–6 видов, отмеченных в настоящее время в Калужской области, нами пока не внесено, поскольку мы не совсем уверены в правильности их определения.

Библиографический список

1. Власов Д. В. Аннотированный список видов короедов (Coleoptera, Scolytidae) Ярославской области // Энтомологическое обозрение. Т. LXXXIV (том 84). 2005. Вып. 4. С. 761–775.
2. Ильинский А. И. Жуки майки и короеды Калужской губ. (Coleoptera Meloidae et Scolytidae) // Фауна насекомых Калужской губернии. Вып. 1. Калуга, 1923. С. 13–16.
3. Мандельштам М. Ю., Поповичев Б. Г. Аннотированный список видов короедов (Coleoptera, Scolytidae) Ленинградской области. Энтомологическое обозрение. 2000. Т. 79. № 3. С. 599–618.
4. Мандельштам М. Ю. Короеды (Scolytidae) Ленинградской области. URL: <http://www.zin.ru/Animalia/Coleoptera/rus/scolspb.htm>. Последнее обновление — 7 ноября 2011 г.
5. Петров А. В., Никитский Н. Б. Короеды (COLEOPTERA: CURCULIONIDAE: SCOLYTINAE) городских насаждений Москвы // Материалы XVII международной научно-практической конференции «Проблемы озеленения крупных городов». М.: Изд-во ВДНХ, 2016. С. 88–94.
6. Петров А. В., Никитский Н. Б. Фауна короедов (Coleoptera, Scolytidae) Московской области // Энтомологическое обозрение. 2001. Т. 80. № 2. С. 353–367.
7. Чернышов А. П. Список жуков б. Калужской губернии // Фауна насекомых бывшей Калужской губернии. Калуга, 1930. Вып. 2. С. 5–16.

СЕЗОННАЯ ДИНАМИКА БИОМАССЫ ПТИЦ В ВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЭРОДРОМА КАЛУГА (ГРАБЦЕВО) В ПЕРИОД 2015–2016 гг.

Е. А. Понов,

кандидат биологических наук, инженер по ООБП, АО «Международный аэропорт “Калуга”»

При наблюдениях использовались стандартные методики учета дневной миграций птиц (Гаврилов Э. И., 1977; Дольник В. Р., 1981) с учетом требований РООП ГА-89. Наблюдения охватывали период с 15.04.2015 по 22.04.2016 г. Два постоянных наблюдательных пункта (ПНП) были расположены приблизительно в 1 км от торцов взлетно-посадочной полосы (ВПП), в районе глиссад аэродрома Калуга (Грабцево). Расстояние между двумя ПНП 4,34 км по истинному азимуту 324° (144°). Координаты точек наблюдения: «Север» — 54°33'50.27"С, 36°21'06.94"В; «Юг» — 54°31'56.14"С, 36°23'27.71"В.

Основное отличие в окружении ПНП, влияющее на картину дневных перемещений птиц, состоит в наличии на расстоянии 0,7 км к западу от «южного» ПНП полигона твердых бытовых отходов (полигон ТБО) размером примерно 1,2×0,2 км, привлекающего большое число птиц различных таксономических групп, но главным образом вороновых (*Corvidae*), чаек (*Laridae*) и дневных хищных птиц (*Falconiformes*).

За период наблюдений отмечено присутствие 150 таксономических групп птиц, среди которых 107 определены до уровня вида. Чаще других отмечались вороновые птицы (*Corvus* sp.) — 31,4% от всех зарегистрированных. Среди определенных до вида вороновых, галки (*Corvus monedula*) составляли 15,3%, а вороны (*Corvus corax*) — 6,9%. В крупных смешанных стаях вороновых

птиц также доминировали галки (в среднем около 70% от численности стаи), оставшуюся часть в основном составляли серые вороны (*Corvus cornix*) и/или, в зависимости от сезона, грачи (*Corvus frugilegus*). Нечасто к смешанным стаям вороновых присоединялись вороны (*Corvus corax*) и сороки (*Picapica*). Другие вороновые — сойки (*Garrulus glandarius*) — были редки, и еще более редко пролетали кедровки (*Nucifraga caryocatactes*).

Всего проведено 161 сеанс, или 465,8 часов «полевых» наблюдений на «северном» и «южном» ПНП, при этом зарегистрированы параметры пролета 76 575 птиц. Все учеты проведены одним наблюдателем, что исключает разницу в персональных оценках параметров исследуемого пролета птиц в случае работы нескольких учетчиков.

Разница в реконструированной среднегодовой плотности пролета всех птиц (включая птиц с неопределенным направлением пролета), т. е. плотности пролета, рассчитанной с учетом разной дальности обнаружения птиц разных таксономических групп, приведенная к условному фронту пролета шириной в 1 км, составила 1,3 раза: 410,2 птиц/час·км на «южном» ПНП и 311,6 птиц/час·км на «северном» ПНП.

По нашему мнению, такое различие в интенсивности пролета на «северном» и «южном» ПНП определялось расстоянием от ПНП до полигона ТБО. При этом следует отметить, что, исходя из видового состава пролетающих птиц, направления их перемещений, прослеживания направления пролета отдельных птиц и стай на большие расстояния с помощью бинокля, можно сделать вывод, что полигон ТБО оказывает влияние на картину пролета не только на расположенном «рядом» с ним «южном» ПНП, но и на удаленном на 4 км «северном» ПНП, где его влияние пропорционально удалению слабее.

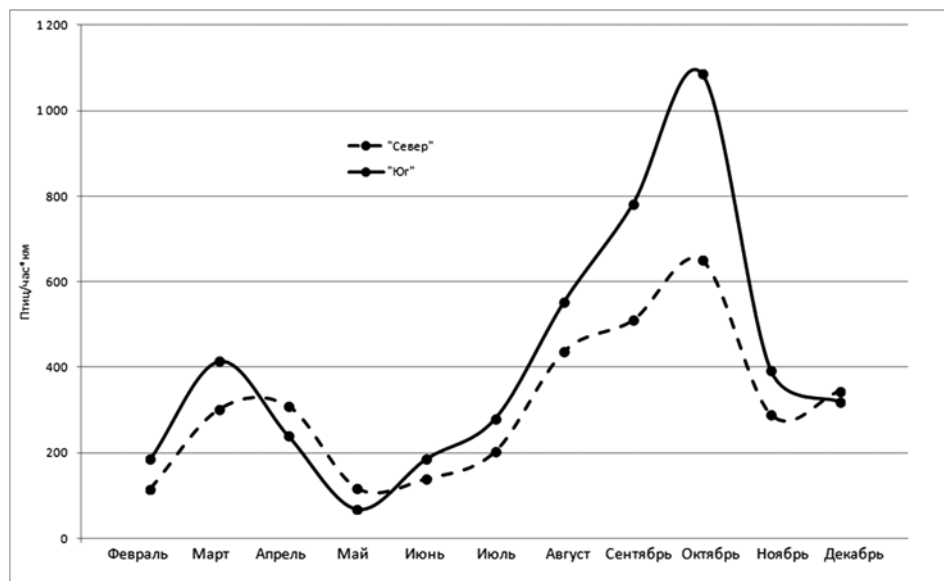

Рис. 1. Помесячное изменение интенсивности пролета птиц на южном и северном ближних приводах аэропорта «Калуга» в течение года

Разница между максимальной и минимальной среднечасовой реконструированной плотностью пролета составляла на «северном» ПНП 83,3 раза — от 2661 птиц/час·км (1.10.15) до 32 птиц/час·км (22.03.16). На «южном» ПНП колебания достигали 263 крат — максимум 5700 птиц/час·км (18.09.15) и минимум 22 птиц/час·км (22.12.15).

На рис. 1 динамика изменения плотности пролета в течение года представлена в форме среднемесячных значений плотности пролета, выраженных в размерности птиц/час·км, т. е. количество птиц, пролетающих за 1 час через фронт шириной в 1 км. Такая единица измерения была принята для оценки плотности пролета при исследованиях миграций птиц.

В то же время при некоторых прикладных исследованиях, например, в области авиационной орнитологии, большее значение приобретает оценка плотности пролета птиц в единицах массы. Такой

подход имеет обоснование с учетом факта, что наиболее массивные птицы представляют пропорционально большую опасность при вероятных столкновениях с воздушными судами. Применение оценки биомассы птиц в единицу времени на единице площади аэродрома может служить количественным показателем степени орнитологической опасности аэродрома для воздушных судов.

Для перехода от используемой единицы измерения — птиц/час·км, получаемой в результате наблюдений на ПНП, к единице измерения биомассы птиц в воздушном пространстве — кг/час·км², мы рассчитывали биомассу птиц, учтенных для определенного периода, на определенном ПНП, делили ее на продолжительность периода и умножали на коэффициент перехода от учетного круга диаметром в 1 км к площади в 1 км² равный 1,273239545.

Ниже, на рис. 2 и 3, представлено соотношение годовой динамики изменения плотности пролета, выраженной в числе птиц/час·км, и динамики изменения биомассы пролетающих птиц.

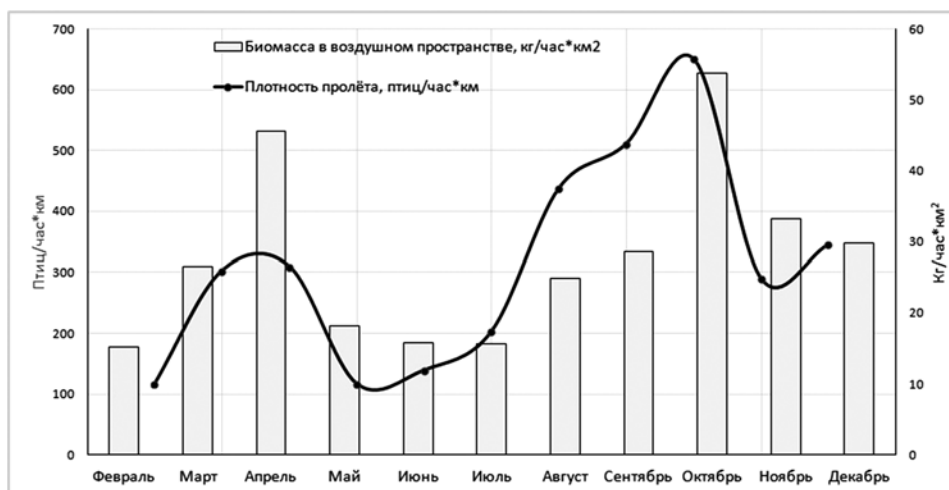

Рис. 2. Динамика изменения плотности пролета, выраженной в числе птиц/час·км, и динамики изменения биомассы пролетающих птиц на северном ближнем приводе аэродрома Калуга (Грабцево) в 2015–2016 гг.

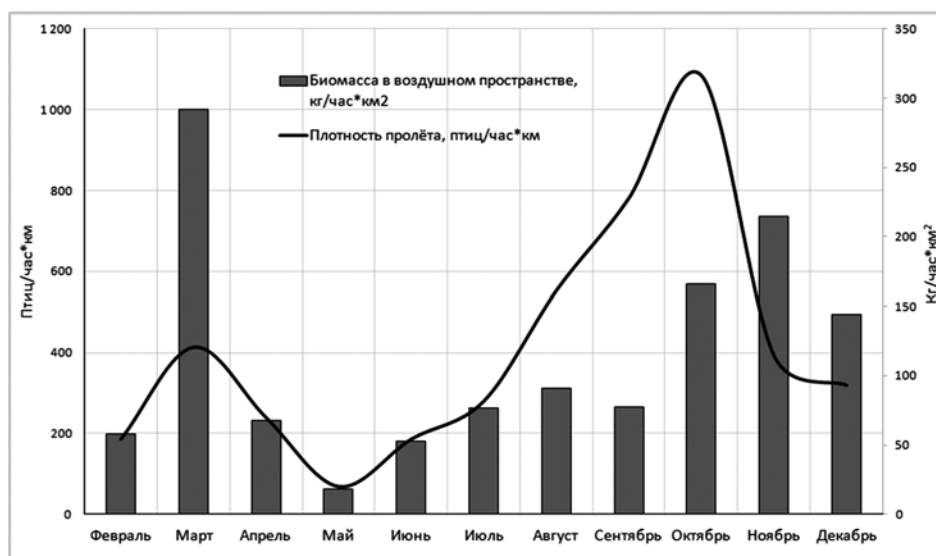

Рис. 3. Динамика изменения плотности пролета, выраженной в числе птиц/час·км, и динамики изменения биомассы пролетающих птиц на южном ближнем приводе аэродрома Калуга (Грабцево) в 2015–2016 гг.

Как видно из этих рисунков, пики плотности пролета, выраженные в количестве птиц в час на 1 км фронта пролета, лишь частично совпадают с динамикой биомассы пролетающих птиц. Это, очевидно, связано с видовым составом учитываемых на ПНП птиц, и в целом можно ожидать еще

более значительных расхождений исходя из разницы в весе наиболее мелких и наиболее крупных птиц, зарегистрированных на ПНП. Например, различия в весе наиболее обычных чижа (*Spinus spinus*) (в среднем около 12 г) и вóрона (*Corvus corax*) (в среднем около 1200 г) составляют 100 крат.

Соотношение биомассы пролетающих птиц на южном и северном ближних приводах аэродрома Калуга (Грабцево) в 2015–2016 гг. представлено на рис. 4. Как видно из этого рисунка, биомасса пролетающих птиц была всегда выше на «южном» ПНП, т. е. на южном ближнем приводе, расположенном в непосредственной близости от полигона ТБО. Средняя за год плотность пролета, выраженная в единицах биомассы, составляла у северного ближнего привода 27,9 кг/час·км², а у южного — 114,4 кг/час·км², т. е. была в 4,1 раза выше, чем на «северном» ПНП.

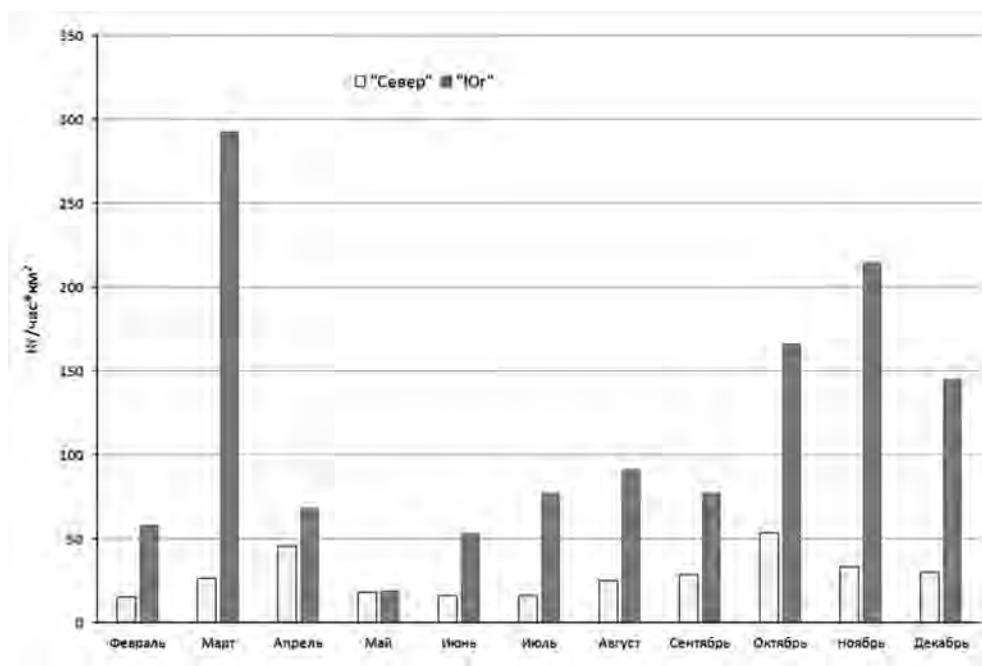

Рис. 4. Соотношение биомассы пролетающих птиц на южном и северном ближних приводах аэродрома Калуга (Грабцево) в 2015–2016 гг.

Полученные данные позволяют количественно оценить степень орнитологической опасности для воздушных судов аэродрома Калуга (Грабцево), изменение этой опасности в течение года, а также дают оценку воздействия, расположенного в непосредственной близости полигона ТБО, на орнитологическую обстановку в районе аэродрома.

Библиографический список

1. Гаврилов Э. И. Методика сбора и обработки материалов по количественной характеристике видимых миграций птиц / Э. И. Гаврилов // Методы изучения миграций птиц. М., 1977. С. 96–117.
2. Дольник В. Р. Методы обнаружения и учета миграций птиц / под ред. В. Р. Дольника. Л.: Изд-во Зоол. ин-та АН СССР, 1981. 150 с.
3. Михеев А. В. Экологические адаптации к сезонным миграциям у птиц // Русский орнитологический журнал. 2010. Т. 19. Экспресс-выпуск 604. С. 1855–1861.
4. Попов Е. А. Изменение интенсивности перелетов птиц в окрестностях международного аэропорта «Калуга» в течение года // Русский орнитологический журнал. 2016. Т. 25. Экспресс-выпуск 1332. С. 3243–3247.
5. Руководство по орнитологическому обеспечению полетов в гражданской авиации (РООПГА-89). М.: Воздушный транспорт, 1989.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФАУНЫ ГНЕЗДЯЩИХСЯ ПТИЦ г. ТУЛЫ

О. В. Швеи,

*кандидат биологических наук, старший научный сотрудник,
Тульский государственный педагогический университет;*

Е. Ю. Чеворыкина,

Тульский государственный педагогический университет

В настоящее время фауне птиц урбанизированных территорий уделяется значительное внимание. Данной тематике посвящены как отдельные статьи и диссертационные исследования, так и тематические сборники [1–5]. Несомненный интерес представляет продолжающийся процесс трансформации городских фаун под воздействием хозяйственной деятельности человека.

Изучение фауны птиц проводилось в пределах административных границ г. Тулы с 1987 г. Площадь территории города составляет 1495,56 км². Численность населения в настоящее время — порядка 553,5 тыс. чел. В состав городской территории входят существенно различающиеся по своим экологическим характеристикам станции: кварталы с различным типом застройки, парки, самым крупным из которых является Центральный парк культуры и отдыха им. П. П. Белоусова (143 га), площадь остальных (Комсомольский, Платоновский, Рогожинский, культуры и отдыха Пролетарского района, Баташевский сад) меньше (от 26,3 до 53 га), скверы. Все внутриквартальные древостои представлены искусственно высаженной растительностью с преобладанием липы, тополя, березы, клена, в меньших количествах встречаются ясени, дубы, каштаны и лиственницы. По окраинам к городу примыкают участки широколиственных лесов (остатки тульских засек).

Водные ресурсы довольно скудны. Главная артерия Тулы — р. Упа, правый приток Оки. На территории города в нее впадает три относительно крупных ее притока — р. Тулица, Воронка и Бежка. Заметный интерес в условиях дефицита водно-болотных угодий представляют городские поля фильтрации, являющиеся местами концентрации околотовных и водных видов птиц.

В настоящее время материалы, отражающие состояние орнитофауны г. Тулы, охватывают тридцатилетний период и частично опубликованы [6, 7]. За это время здесь отмечены встречи более 150 видов птиц с различным характером пребывания на территории, что составляет около 60% орнитофауны области. Случаи гнездования известны для 121 вида.

На протяжении рассматриваемого периода в составе орнитофауны г. Тулы происходили динамические процессы, обусловленные комплексом климатических и антропогенных факторов. Наряду с расселением целого ряда видов наблюдалось исчезновение или резкое снижение численности некоторых ранее обычных и фоновых птиц.

Фаунистический список конца XX — начала XXI в. включал 103 вида птиц. К 2007 г. на рассматриваемой территории перестало отмечаться гнездование 8 видов: черношейная и красношейная поганки, выпь, широконоска, поручейник, большой веретенник, черная крачка. К 2010–2012 гг. перестали гнездиться обыкновенная горлица и белобровик. В 2011–2012 гг. относятся первые случаи гнездования вяхиря в городе и освоение центральной части Тулы пустыльгой. К 2016 г. в качестве гнездящихся было отмечено еще 11 видов: малая выпь, серая цапля, погоныш, черныш, черный коршун, луговой лунь, канюк, серая куропатка, болотная сова, черный, седой, и сирийский дятлы, луговой конек, обыкновенный и соловьиный сверчки, ястребиная славка, северная бормотушка. В настоящее время список гнездящихся птиц насчитывает 112 видов. Сходство состава фауны территории в начале и конце рассматриваемого периода составляет 79,2%.

В целом данные о количественном составе тульской городской фауны хорошо согласуются с материалами, отражающими состояние орнитофаун ряда крупных городов сопредельных областей. Так, для Москвы конца XX — начала XXI в. отмечено гнездование порядка 120 видов [2], Воронежа — 128 видов [4], Рязани — 137 видов [1]. Совпадение периода проведения исследований на этих территориях позволяет сравнивать состав их фаун (табл.). К сожалению, в проработанных источниках отсутствовали достаточно полные данные о современном составе орнитофауны

Калуги. Найденные нами публикации отражают ее состояние лишь в ряде городских ценозов преимущественно за период 2000–2009 гг. и позволяют говорить о гнездовании на территории города всего 58 видов [5], что не позволяет использовать эти материалы для сравнения.

Т а б л и ц а 1

Сходство состава фаун гнездящихся птиц г. Тулы и крупных городов сопредельных областей

Город	Расстояние от Тулы, км, и направление	Природная зона	Число гнездящихся видов	Источник	Число общих видов	Коэффициент Жаккара, %
Москва	173, север	Лесная (смешанные леса)	117	[2]	93	68,4
Рязань	145, северо-восток	Лесная (широколиственные леса)	136	[1]	107	75,9
Воронеж	300, юго-юго-восток	Лесостепная	125	[4]	97	69,3

В первую очередь обращает на себя внимание значительное (75,9%) сходство фаун Тулы и Рязани, расположенных в одной зоне и подзоне. Более существенные различия демонстрируют фауны городов, отличающихся по зональности. При этом разница в их удаленности от Тулы более чем на 100 км, похоже, не значима.

Количественный состав фауны птиц различных местообитаний, имеющих в административных границах города, заметно различается. В летний период в городских кварталах с многоэтажной застройкой встречается до 20 видов. Минимальным числом видов (4–7) отличаются массивы с новой многоэтажной застройкой. В районах с частной застройкой и населенных пунктах сельского типа отмечается до 35 видов. Значительным видовым богатством характеризуются участки с древесно-кустарниковой растительностью. В крупных городских парках встречено 47 видов, в мелких — 24–30 видов, локальных лесных участках по окраинам города — до 52 видов. Порядка 40 видов отмечено на полях фильтрации г. Тулы. Бедными в видовом отношении являются городские пустыри — порядка 10–14 видов и лугово-полевые участки по окраинам от 11 до 25 видов.

На протяжении всего периода исследований наблюдалось также заметное перераспределение ряда видов по городской территории и изменение их численности.

В первую очередь подобные изменения были характерны для городских древостоев и обусловлены сокращением площадей древесных насаждений и интенсивной застройкой, увеличением степени беспокойства. Особенно ярко они проявлялись в парковых ландшафтах. Так, за период наблюдений с территорий Платоновского и Центрального парков неоднократно исчезли черный и певчий дрозды, иволга, кукушка, резко снижалась численность птиц за счет резкого уменьшения численности соловья, славок, зарянки. Эти процессы были связаны с периодической, но довольно масштабной «очисткой парков», сопровождающейся массовой вырубкой кустарников. В настоящее время наблюдается очередное подобное обеднение фауны, связанное, кроме прочего, с использованием искусственных газонных покрытий и расширением заасфальтированных и замощенных плиткой площадей. На фоне этих процессов в ряде парков практически полностью исчезли речная крачка, садовая славка, сорокопут жулан, лесной конек, дрозд белобровик, речной сверчок, камышовка-барсучок.

В районах с городской застройкой резко сократилась численность городской ласточки. Для городских лесополос и внутридворовых насаждений было характерно сокращение численности грача, а также целого ряда воробьинообразных древесно-кустарникового яруса, обусловленное, с нашей точки зрения, современным подходом к уходу за городскими древесными насаждениями, при котором широкое распространение получило использование глубокой (или омолаживающей) обрезки. К ней относятся такие приемы, как «посадка на пень», когда дерево или куст спиливаются до основания и остается лишь пень, и обрезка на высокий штаб (или «посадка на столб»), заключающаяся в обрезке значительной части ствола и практически всей кроны.

После такой обрезки деревья какое-то время представляют собой лишенные веток стволы. В первую очередь эти приемы кронирования применяются к тополлю, осине, клену ясенелистному, липе мелколистной, что делает их на протяжении длительного времени совершенно непригодными для гнездования не только грача, но и каких-либо других видов птиц. Следует отметить и несоблюдение основных требований к проведению подобных видов работ. По существующим правилам, обрезку, кроме санитарной, предусматривающей удаление с дерева засохших и сломанных ветвей и осуществляемой на протяжении всего года, следует проводить в период минимального сокодвижения — с октября по апрель. На территории г. Тулы в последние годы глубокая обрезка проводится на протяжении практически всего года. Так, в 2016 г. омолаживающая обрезка осуществлялась и в мае-июне, в период массового гнездования птиц, кладки и птенцы которых гибли при проведении этих мероприятий в большом количестве. Например, на ул. Лейтейзена было проведено кронирование деревьев с заселенной грачиной колонией. Массовая гибель птенцов вызвала закономерное возмущение общественности и приостановку работ.

Для ряда видов было характерно появление на гнездовании и увеличение численности. Так, в городских кварталах возросла численность галки, пустельги и горихвостки-чернушки. Значительный интерес в настоящее время представляют участки речных пойм в пределах города. В настоящее время к ним тяготеет малая выпь, крякva, лысуха и камышница, луни, белоспинный дятел, перепел, коростель, ремез, черноголовый чекан. В настоящее время здесь довольно обычна и varaкушка, встречающаяся в 1990-х — начале 2000-х гг. преимущественно в техногенных ландшафтах, на свалках и полях фильтрации.

Таким образом, следует отметить, что трансформация городской фауны продолжается. Она в значительной степени обусловлена деятельностью человека и требует дальнейших работ по ее изучению с целью выработки предложений по грамотной оптимизации городской среды, не ведущей к снижению видового разнообразия.

Библиографический список

1. Барановский А. В., Иванов Е. С. Гнездящиеся птицы города Рязани. Рязань: ПервопечатникЪ, 2016. 367 с.
2. Калякин М. В., О. В. Волцит. Москва // Птицы городов России. СПб.-М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С 250–297.
3. Лыков Е. Л. Сравнительные аспекты фауны гнездящихся птиц Калининграда и других городов Европы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2012. Вып. 7. С. 59–66.
4. Нумеров А. Д., Венгеров П. Д., Киселев О. Г. Воронеж // Птицы городов России. СПб.-М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 55–93.
5. Хохлов В. В. Характеристика орнитофауны города Калуги // Известия Калужского общества изучения природы. Книга девятая. Калуга: Издательство КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2009. С. 169–176.
6. Швец О. В. Некоторые особенности фауны и населения птиц г. Тулы в пределах ее административных границ // Экологические проблемы урбанизированных территорий. Елец, 2007. С. 161–164.
7. Швец О. В., Аралов А. В., Челнокова Т. А. Фауна и население птиц селитебных ландшафтов Тульской области: основные характеристики и тенденции изменения // Зоологические чтения: материалы Международн. научн.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. К. Лопатина. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 328–331.

ИСТОРИЯ «ПЕТРОВСКОЙ» ПОПУЛЯЦИИ ЗУБРОВ

Ю. Д. Галченков,

министерство сельского хозяйства Калужской области

Популяция зубра «Петровского» охотничьего хозяйства является одной из трех существующих в настоящее время группировок этого краснокнижного зверя, занимая территорию к северо-востоку от г. Калуги (рис. 1).

Свободно живущая группировка зубров на территории охотхозяйства «Петровское», расположенного в северной части Ферзиковского и юго-восточной части Малоярославецкого районов Калужской области, появилась в 2007 г. во многом благодаря энтузиазму первого директора Анатолия Алексеевича Петрова (фото 1). Всего было завезено 9 зверей: 6 из Окского заповедника и 3 из Приокско-Тerrasного заповедника. Из Окского заповедника были привезены самцы Мейсон (род. 20.06.2002), Мелик (род. 14.09.2004), Мерсед (род. 06.08.2005), Медиум (род. 29.08.2005),

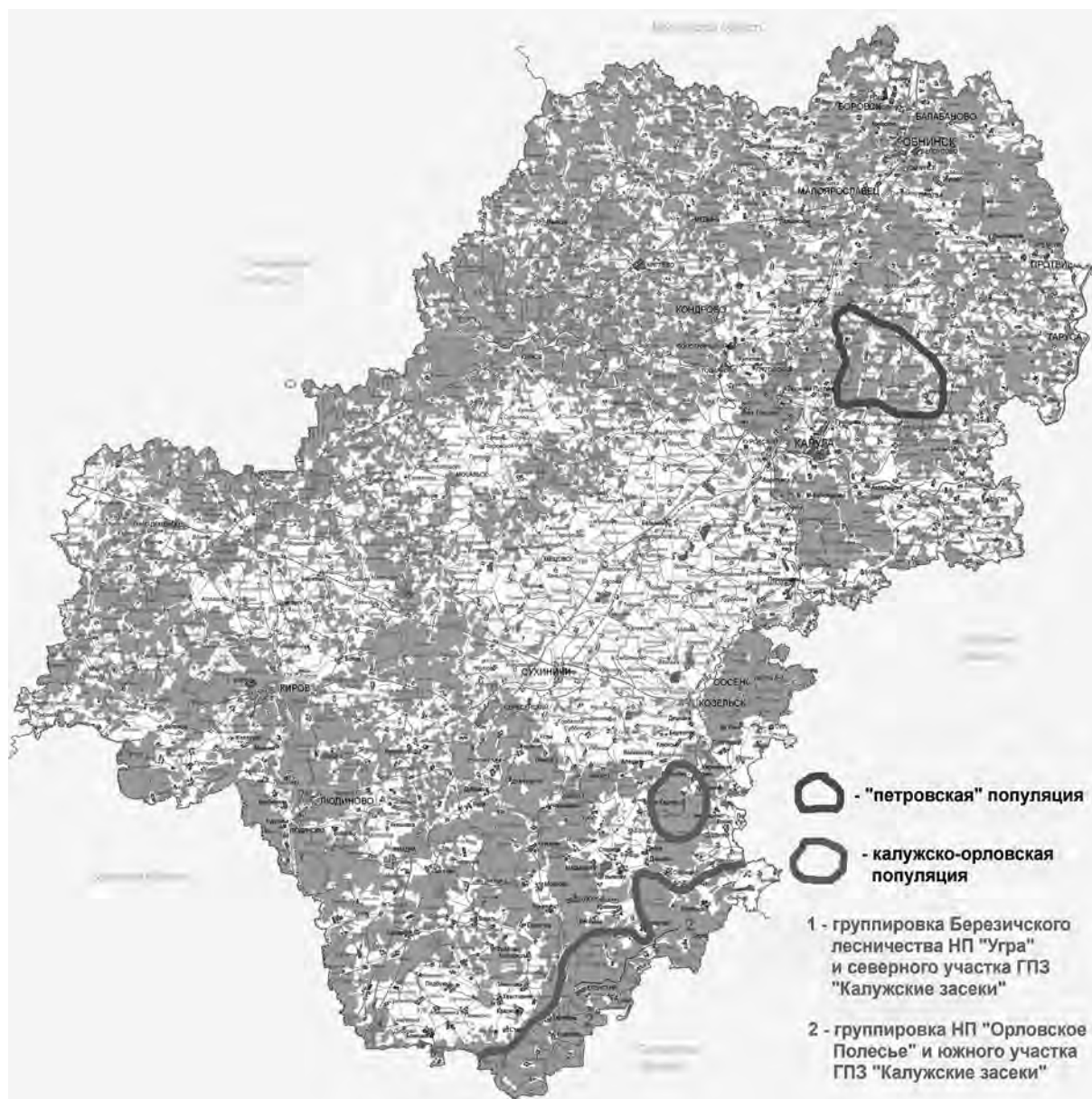

Рис. 1. Распространение группировок зубра в Калужской области

Фото 1. Первый директор А. А. Петров с зубрами на подкормочной площадке

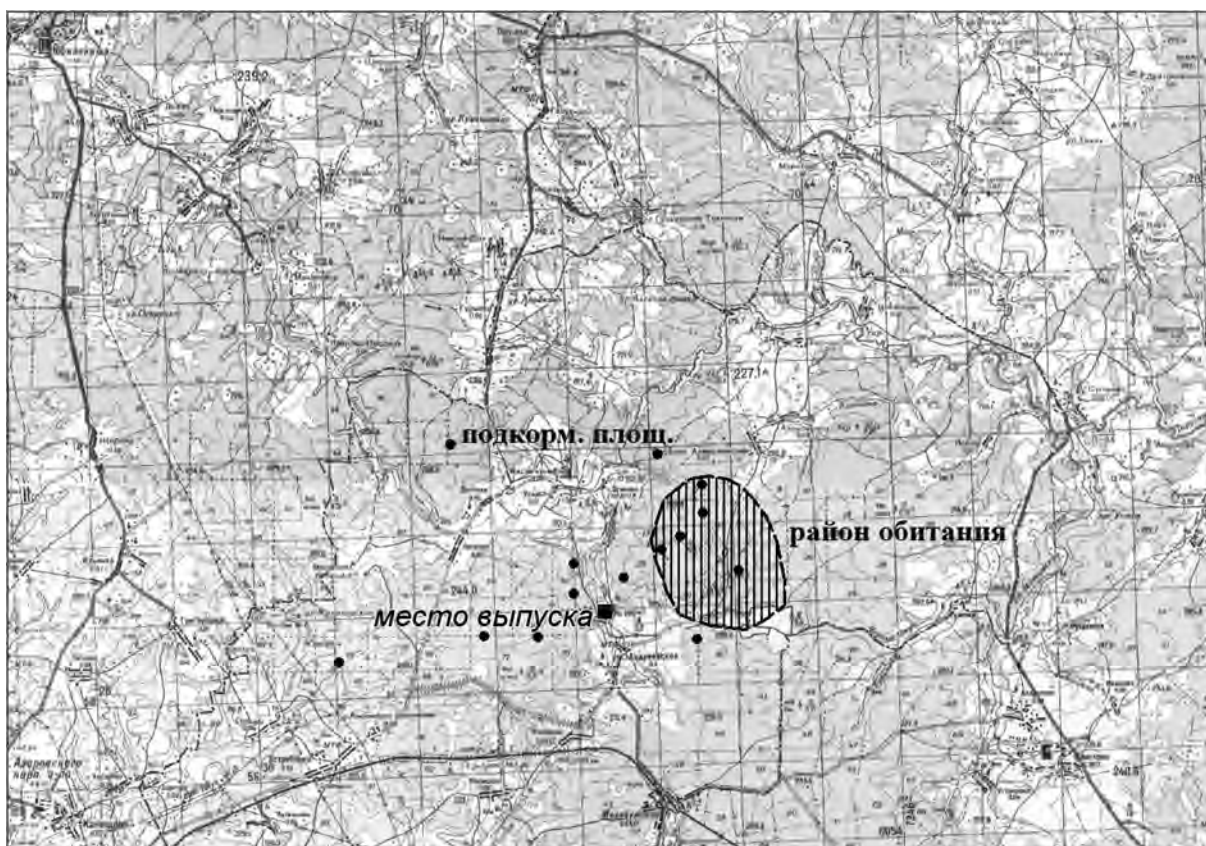

Рис. 2. Размещение зубров первой зимой (2007/08) после выпуска

Фото 2. Зубры на подкормочной площадке в «Петровском» охотхозяйстве. 08.03.2009

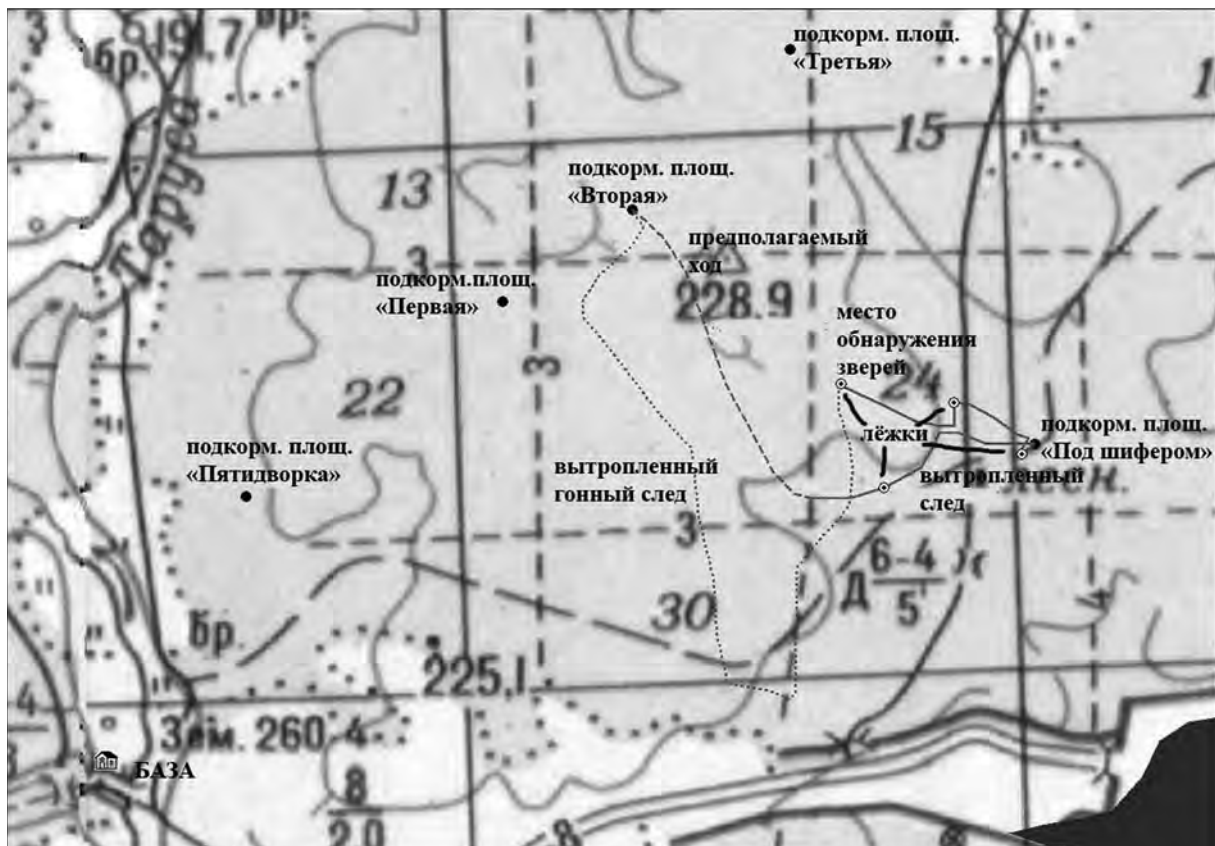

Рис. 3. Тропление суточного наследа группы зубров зимой 2007/08 гг.

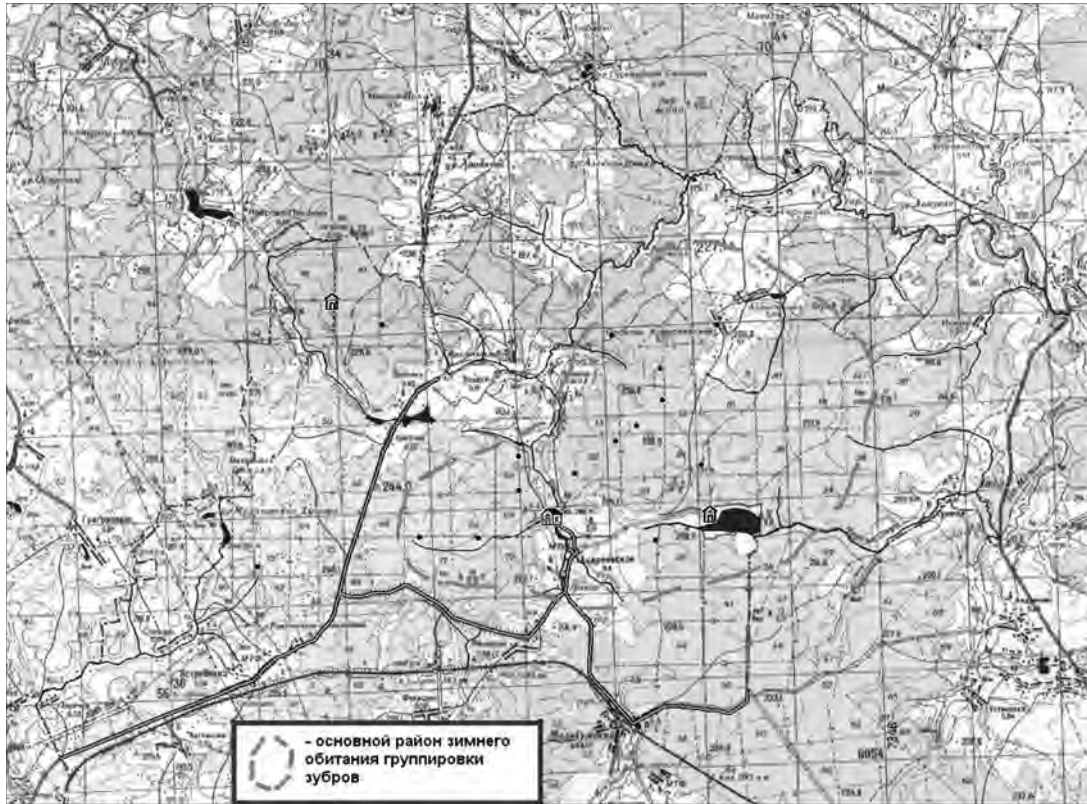

Рис. 4. Основной район зимнего обитания зубров

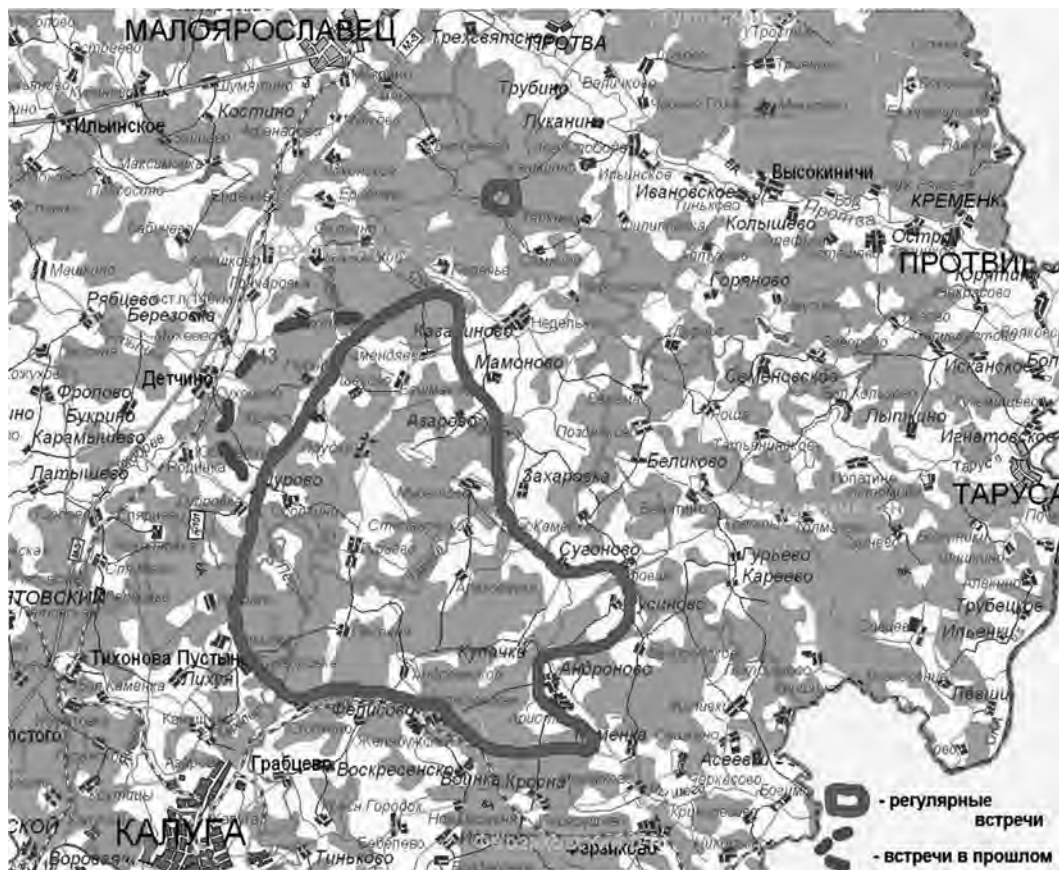

Рис. 5. Ареал зубров «петровской» популяции

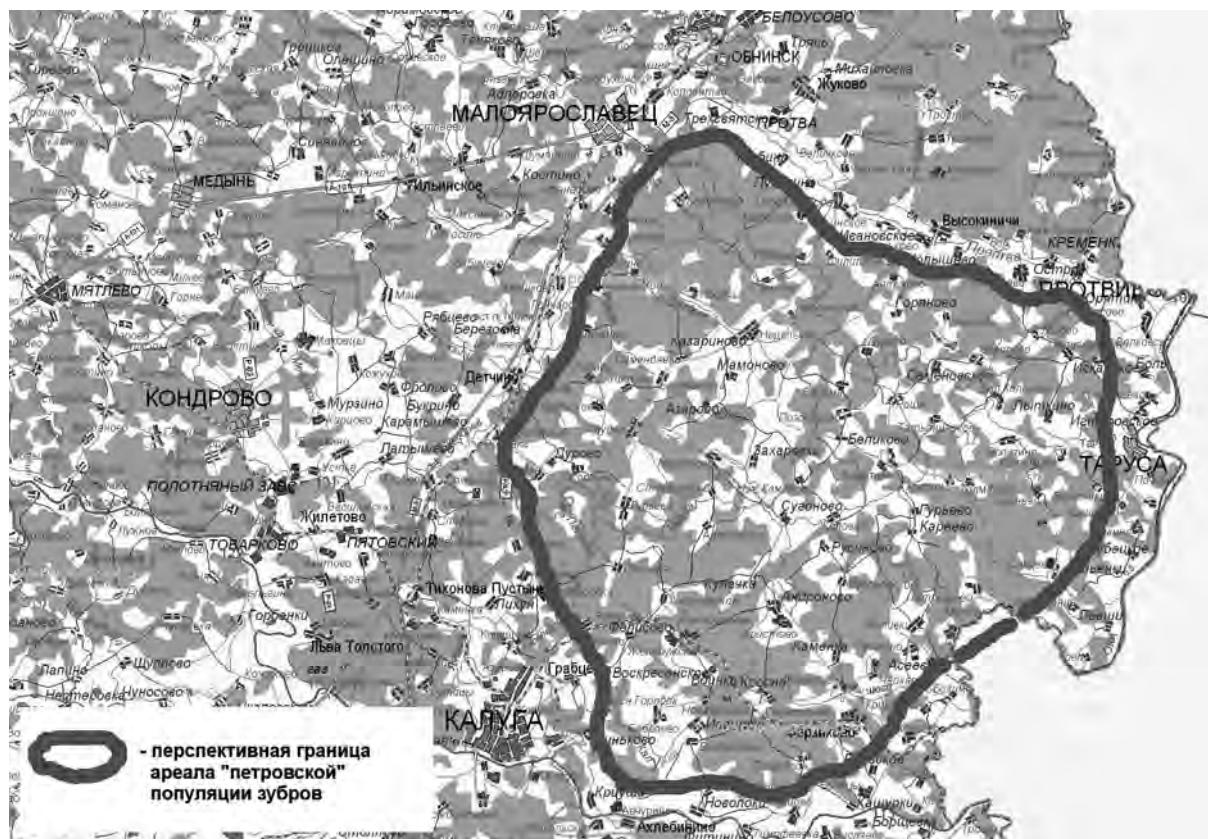

Рис. 6. Перспективный ареал «петровской» популяции зубра

самки Меранда (род. 31.07.2004), Мери (род. 07.09.2004), из Приокско-Тerrasного заповедника — самец Мушкейтос (род. 17.05.2005), самки Муркиза (род. 12.05.2005), Муракана (род. 19.05.2004).

После непродолжительной передержки в вольере на краю поля около базы охотничьего хозяйства зубры были выпущены на волю.

Свою первую зиму животные провели единой группой в лесном массиве за р. Тарусой от базы, посещая расположенные в нем подкормочные площадки (рис. 2, фото 2). Звери очень быстро освоили территорию, перемещались между подкормочными площадками (рис. 3).

За первые четыре года численность группировки возросла до 15 зверей: 09.03.2012 года 12 зубров учтены в «Петровском» охотхозяйстве и еще 3 западнее — в охотхозяйстве «Ферзиковское».

Плавный рост численности продолжился и в дальнейшем: к середине февраля 2017 г. на всех подкормочных площадках на территории ООО «Охотничье хозяйство «Петровское» штатным персоналом учтено 27 зубров, в том числе 7 молодых особей. Директор охотхозяйства М. Долгов полагает, что зубров может быть и немного больше, «во всяком случае, 27 есть точно».

Зубры освоили всю территорию охотхозяйства, где постоянно пребывают в период с ноября по март (рис. 4). Преимущественно в теплое время года животные выходят на расстояние до 30 и более километров за пределы «Петровского» охотхозяйства (рис. 5). Самые дальние заходы зверей установлены в конце 2000-х — начале 2010 г.: в апреле 2011 г. пара взрослых зубров пришла в охотхозяйства МВД и продержалась около 2-х недель в липняке в 87–83-х кварталах Неделинского лесничества, 23.06.2011 г. 3 взрослых зубра и 1 теленка наблюдали в 76-м квартале Неделинского лесничества на вырубке, в октябре 2011 года и некоторое время раньше группу из четырех зверей (быка, коровы и 2-х молодых разногодок) заметили в лесу близ д. Киево, 12 ноября 2011 г. 1 зубра видели на вырубке в охотхозяйстве «Смена» недалеко от границы с Жуковским районом (здесь же зверей наблюдали и 09.10.2009 года, фото 3).

Фото 3. Зубры в охотничьем хозяйстве «Смена» в северо-восточной части Малоярославецкого района.
09.10.2009

Любопытно, что группа из четырех зубров приблизительно в 2008 г. отмечалась в лесном массиве немного севернее этих мест, в Жуковском районе, у границы с Малоярославецким, причем, по имеющимся свидетельствам, все звери «петровской» группировки были в это время в своем основном районе обитания. Не исключено, что отмеченные в Жуковском, а позже и в Малоярославецком районе звери имели не «петровское» происхождение.

Отмечен единственный достоверный случай гибели зубра «петровской» популяции: на рубеже 2000–2001 гг. животное с отклонениями в поведении попало под поезд на переезде близ дер. Мандрино Малоярославецкого района.

Возможности для дальнейшего развития «петровской» группировки есть: территория представлена единым лесным массивом, который еще далек до полного освоения и насыщения (рис. 6), численность людского населения невелика, егерские службы охотничьих хозяйств довольно крепки и хорошо оснащены. Необходимо лишь уделять внимание обеспечению устойчивого существования и развития популяции зубра: проводить «обновление крови», завозя новых зверей (прежде всего самцов), общаться с руководством «Петровского» охотничьего хозяйства, разъясняя ему важность сохранения и развития группировки, уделять внимание профилактике браконьерства.

**ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ
И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Материалы
XVII Всероссийской научной конференции,
посвященной 205-летию Отечественной войны 1812 года
и 170-летию Калужского губернского музея

Корректор *Н. Г. Любомудрова*
Компьютерная верстка *С. И. Захаров*

Издатель Захаров С. И. («СерНа»)
Тел. 8-910-914-95-30
E-mail: sergeizah@gmail.com

Подписано в печать 06.06.19. Формат 60×84^{1/8}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 20,75 п. л.
Тираж 150 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42–29 от 23.12.99
Тел. (4842) 77-00-75